Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

28

КНИГА I

Ф. М. Достоевский

Набросок К. А. Трутовского 1847 г.
Гослитмузей (Москва).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1985

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПИСЬМА
1832—1859

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1985

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Тексты подготовили и примечания составили:

И. А. БИТЮГОВА, Т. И. ОРНАТСКАЯ,
И. Д. ЯКУБОВИЧ

Редакторы XXVIII тома, кн. 1
И. А. БИТЮГОВА и Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Д $\frac{4702010100\text{-}600}{042\,(02)\text{-}85}$ Подписное

ПИСЬМА ДОСТОЕВСКОГО

1

«Письма — больше, чем воспоминанья, на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное», — заметил А. И. Герцен.[1] Прекрасные слова Герцена объясняют причины того особого интереса, который вызывают у читателя письма каждого великого художника слова, в том числе письма Достоевского.

В отличие от Льва Толстого, Достоевский не вел сколько-нибудь систематически личного дневника. Отдельные его отрывочные заметки дневникового характера, дошедшие до нас в составе рабочих тетрадей и записных книжек, немногословны и скупы. Письма заменяли Достоевскому личный дневник. В них он мог предельно свободно и горячо в каждый момент своей писательской жизни говорить обо всем том, что мучило и волновало его, настойчиво требовало выхода, но, по тем или иным причинам, не могло его получить ни в личном общении, ни в художественном творчестве или публицистической работе.

Поэтому письма Достоевского остаются для современного читателя и наиболее полным выражением его личности, и самым полным рассказом о его жизни. Лик Достоевского-человека, «труды» и «дни» Достоевского-писателя отражены здесь с такой предельной правдивостью и захватывающей искренностью, как ни в одном другом, позднейшем источнике. Но этого мало. Ибо, как у всякого писателя, письма Достоевского — не только его исповедь, подробный, писавшийся непосредственно им самим, день за днем рассказ о себе, о событиях и людях, его окружавших, но вместе с тем и неотъемлемая часть его творческого наследия, часть вклада Достоевского в русскую и мировую культуру.

Достоевский неоднократно говорил о себе и жаловался своим корреспондентам, что «не умеет», органически «не способен» писать письма. «Ах, Аня, как ненавистны мне всегда были письма! — читаем мы в письме к А. Г. Достоевской от 2 января 1867 г. — Ну что в письме расскажешь об иных делах? и потому напишу только сухие и голые факты. . .». Позднее в письме к В. В. Михайлову от 16 марта 1878 г. писатель выражался еще более категорически — заявлял о «страшном, непобедимом, невозможном отвращении писать письма»: «Сам люблю получать письма, но писать самому письма считаю почти невозможным и даже нелепым: я не умею

---

[1] *Герцен*, т. VIII, стр. 290.

положительно высказываться в письме <...> и если я попаду в ад, то мне, конечно, присуждено будет за грехи мои писать по десятку писем в день, не меньше».

И все же письма занимают немалое и притом очень важное место в наследии Достоевского. Ибо среди них много не одних писем случайных, деловых, написанных по тому или иному частному поводу, но и обширных, страстных, полных огня писем, где Достоевский делится с корреспондентом своими самыми заветными замыслами, сокровенными личными переживаниями или впервые вдохновенно формулирует важнейшие пункты своего художнического, национально-исторического, философского и политического исповедания веры.

В начале XIX в. письма в России (подобно тому, как это было в XVII, в XVIII и в первые десятилетия XIX в. на Западе) имели в значительной мере «литературный» характер. Письмо в это время нередко переписывалось по нескольку раз, стиль его служил для автора предметом особого внимания. При работе над письмом учитывались общепризнанные, классические образцы эпистолярного жанра от писем Сенеки, Плиния Младшего и вообще античных авторов до писем мадам де Севинье, лорда Честерфильда, Вольтера, аббата Галиани и других писателей XVII—XVIII вв. Особое значение жанр «дружеского» письма в России приобрел в кругу литераторов, связанных с обществом братьев Тургеневых, а позже — среди писателей-арзамасцев. «Дружеское» письмо (близкое по своей функции стихотворному посланию) стало в это время едва ли не наиболее свободным от традиционной регламентации литературным жанром.

Новую жизнь письмо приобретает под пером Пушкина. С этого времени эпистолярный жанр теряет на русской почве прежний условно-литературный характер. Он становится одновременно и живым, свободным выражением личности писателя, его характера и темперамента, и отражением всей широты умственных и нравственных интересов эпохи, и умной, занимательной, до предела насыщенной свежими красками и отзвуками живой жизни ее летописью. Следующие после Пушкина существенные вехи в истории преобразования жанра письма, освобождения его от прежних, условно-литературных канонов и «готовых» клише — письма молодого Н. В. Гоголя, А. И. Тургенева, Н. К. Станкевича, В. Г. Белинского, И. В. Киреевского, Т. Н. Грановского, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ап. Григорьева. Не случайна высокая оценка Белинским в 40-е годы писем из Франции Д. И. Фонвизина, как и «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, — Белинский сочувственно и зорко отметил в них ту «общеевропейскую» широту интересов («всемирную отзывчивость», если воспользоваться определением Достоевского), которая стала одной из важнейших отличительных черт русской литературы XIX в. и которая явилась одним из определяющих элементов ее национального своеобразия.[2]

---

[2] Об истории эпистолярного жанра в России XIX в. см.: Н. Степанов. Дружеское письмо начала XIX века. — В кн.: Н. Степанов. Поэты и прозаики. М., 1966, стр. 66—90; Л. П. Гроссман. Культура писем в эпоху Пушкина. — В кн.: Л. П. Гроссман. Письма женщин к Пушкину. М., 1928, стр. 7—23; Б. В. Казанский. Письма Пушкина. — Литературный критик, 1937, № 2, стр. 90—105; Я. Л. Левкович. Письма. — В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 525—534;

Биография Достоевского — сложный путь формирования и развития личности писателя, состоящий как бы из нескольких концентрических кругов. В своих показаниях по делу петрашевцев молодой Достоевский сам указал на то, какое огромное влияние имели на его сознание, как и на сознание всех его мыслящих современников, революция 1848 г. и весь подготовивший ее цикл социально-утопических чаяний и идеалов. Позднее на каторге Достоевский глубоко переживает свою встречу с тогдашним русским «черным народом». И наконец, после реформы 1861 г. Достоевский все более трезвым, испытующим взором вглядывается в трагические стороны развития буржуазной цивилизации на Западе и в России, стремясь отыскать для будущей истории своей родины и всего человечества иную формулу человеческого единения и братства, чем отвергаемая им «комедия буржуазного единения» людей (наст. изд., т. XXVI, стр. 168—169). Все эти этапы биографии писателя отражены в его письмах.

Открывает эпистолярное наследие Достоевского приписка к письму матери писателя мужу, в которой дети ее — в том числе десятилетний Федор — выражают «глубочайшее» почтение к отцу. Она относится к июню 1832 г. Последнее написанное рукою Достоевского письмо, обращенное к профессору Н. А. Любимову (помощнику Каткова по изданию журнала «Русский вестник», где Достоевский печатался в 1860—1870-х гг.), помечено 26 января 1881 г., т. е. написано за два дня до смерти.[3] Таким образом, письма охватывают почти пятидесятилетний период — время всей сознательной жизни писателя. В них освещены одинаково полно главнейшие переломные исторические события жизни России и Западной Европы этого периода от дела петрашевцев до русско-турецкой войны и народовольческого движения, все основные события биографии Достоевского. В течение этого пятидесятилетнего периода сложилась личность писателя,

---

W. M. Todd III. The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin. Princeton, New Jersey, 1976; Г. Фридлендер. Письма Гоголя. — В кн.: Н. В. Гоголь. Собр. соч., т. 7. М., 1979, стр. 5—27; М. П. Алексеев. Письма И. С. Тургенева. — *Тургенев, Письма*, т. I, стр. 15—144; С. Розанова. Эпистолярное наследие Л. Н. Толстого. — В кн.: Л. Н. Толстой. Собр. соч., т. 17. М., 1965, стр. 5—34.

Последнюю по времени, наиболее полную характеристику писем Достоевского как выражения особого склада его творческой личности, характеристику, включающую в себя оценку удельного веса и места эпистолярного творчества в общем его литературном наследии, а также ряд верных и тонких замечаний о стилистике его писем представляет статья: С. В. Белов, В. А. Туниманов. Переписка Достоевского с женой. — *Д, Переписка с женой*, стр. 353—388. Там же учтена более ранняя литература вопроса. Значение писем Достоевского как биографического материала и источника для реконструкции его художественных замыслов обстоятельно освещено в редакторских предисловиях А. С. Долинина к I и II томам осуществленного им издания писем. Ср. также: И. С. Зильберштейн. Новонайденные и забытые письма Достоевского. — *ЛН*, т. 86. М., 1973, стр. 114—152.

[3] За два часа до смерти 28 января 1881 г. Достоевский продиктовал жене ответ графине Е. Н. Гейден, справлявшейся о его здоровье. Однако листок с бюллетенем о состоянии здоровья писателя написан А. Г. Достоевской и о самом писателе в нем говорится в третьем лице. Ср.: И. С. Зильберштейн. Новонайденные и забытые письма Достоевского, стр. 146—147.

формировались и изменялись его литературные и общественно-политические взгляды. Менялись круг его адресатов, отношение ко многим из них, эволюционировал стиль писем.

К 1832—1835 гг. относятся первые детские письма к отцу и матери. Они написаны по большей части Достоевским и его братьями коллективно, изобилуют трафаретными, «этикетными» выражениями. Да и писались они, вероятно, из чувства долга, без особого, ярко выраженного личного интереса. Ничто еще не предвещает в них будущего писателя.

Иной характер имеют письма 1837—1844 гг., связанные с первым, важным этапом становления личности Достоевского и его творческого самосознания. Письма эти распадаются на три группы. Одна из них — письма к отцу, написанные из Петербурга в период подготовки к поступлению в Главное инженерное училище и в первые два года учения в нем (1837—1839). При некоторой условной сыновней почтительности во внешних выражениях и внутренней скованности, в письмах этих отчетливо ощущается различие натур отца — человека, который, по словам сына, в 1830-е гг. оставался по знанию людей и света человеком 1800-х гг. (письмо к М. М. Достоевскому от 31 октября 1838 г.), и юного мечтателя-романтика, который, оказавшись в военном училище среди представителей более благополучных, богатых и знатных дворянских семей, постоянно болезненно переживал их пренебрежение и те унижения, которым ему приходилось подвергаться из-за скромности своего материального положения. Отсюда — постоянные расчеты расходов, настойчивые просьбы о денежной помощи, переполняющие эти письма. Другая группа писем этого времени — письма к родственникам — дяде и тетке А. А. и А. Ф. Куманиным, сестре В. М. Достоевской и мужу ее, опекуну братьев и сестер Достоевских после смерти отца П. А. Каренину. Эта группа писем имеет официально-семейный характер и в своей большей части связана с вопросом о причитавшейся Достоевскому доле отцовского наследства, получение которого в 1844 г. позволило ему оставить тяготившую его службу в инженерном корпусе (куда он был определен после окончания училища в 1843 г.), в связи с решением окончательно посвятить себя литературе.

Наконец, самая большая и ценная часть эпистолярного наследия этого периода — письма к старшему брату М. М. Достоевскому. В этих порою приподнятых, но всегда предельно искренних, вдохновенных, страстно-романтических по тону письмах отражена наиболее полно духовная жизнь молодого Достоевского, круг его чтения, литературных, эстетических и философских интересов в годы, предшествующие началу литературной деятельности. В них — истоки многих заветных идей писателя, пронесенных им через всю жизнь, постоянно возрождавшихся и обогащавшихся на каждой из позднейших ступеней его развития. Таково знаменитое признание в письме к брату от 16 августа 1839 г.: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (наст. том, стр. 63). Не менее важны для читателя, биографа и исследователя творчества Достоевского выраженные в письмах к брату 1838—1844 гг. мысли о нераздельном единстве поэзии и философии, о связи «направленья поэзии» древнего, античного и нового, христианского

мира со свойственной каждому из них «организацией духовной и земной жизни», о том, что «свобода и призванье — дело великое» («Как-то расширяется душа, чтобы понять великость жизни»), оценки «Илиады» и «Фауста», творчества Гомера, Шекспира, Корнеля, Расина, Шиллера, Байрона, Гофмана, Бальзака, В. Гюго, Пушкина, Гоголя, настойчивое стремление понять дух творчества каждого из этих писателей и смысл созданных ими литературно-художественных образов как духовное выражение «вековых» борений человека и общества, т. е. единой в своей основе, связанной нитью глубокой исторической преемственности и в то же время постоянно изменяющейся и обновляющейся истории человечества. Шекспир, Корнель, Расин, Шиллер, Гюго, Гофман, Бальзак в сознании Достоевского уже в эти ранние годы не антиподы: будущий писатель высоко ценит созданные ими характеры и находит в изображенных ими трагических конфликтах исторического и современного бытия близкое себе глубокое общечеловеческое содержание. В письмах к М. М. Достоевскому 1843—1845 гг. отражены и ранние литературные проекты Федора Достоевского, переводческая деятельность обоих братьев, работа над романом «Бедные люди».

Следующий период жизни Достоевского — 1845—1849 гг. Это пора его литературных дебютов, лихорадочной работы, знакомства с Белинским и его кругом (как и последующего разрыва с последним), участия Достоевского в обществе Петрашевского, его ареста и осуждения по делу петрашевцев. В эти годы не только определяются прочно многие черты манеры Достоевского-романиста, повествователя, публициста, которые, несмотря на всю последующую сложную эволюцию мировоззрения и творчества, остаются харктерными для него до конца жизни, но и складываются наиболее устойчивые общие особенности его эпистолярного искусства. Экстатический тон, стиль взволнованной романтической исповеди, которые были свойственны письмам к брату начала 1840-х гг., уступают место более непринужденной и гибкой форме свободного обмена мыслями с воображаемым собеседником. Стиль писем становится более деловым, уверенным и энергичным. Достоевский не только беседует с братом, не только сообщает о своих первых литературных успехах, своих новых знакомствах и наблюдениях, о спорах, вызванных его произведениями в критике, и толках публики о них, не только делится своими замыслами, литературными планами, радостями и огорчениями, но и, полемизируя с ним, горячо и убежденно отстаивает свою жизненную и литературную позицию, философско-эстетическую программу. Если окрашенные в сентиментальные и романтические тона письма к отцу и брату начала 40-х гг. в известной мере повлияли на внешнюю форму первого, «эпистолярного» романа Достоевского «Бедные люди», то после выхода этого романа постоянно расширяющийся круг чтения, рост внимания к газетной и журнальной хронике текущих событий дня, опыт работы писателя, фельетониста, публициста, участие в горячих спорах и обмене мнениями у Белинского, у Майковых, в кругу петербургских литераторов «натуральной школы» и среде петрашевцев, мощное влияние гоголевского стиля оказывают заметное воздействие на эпистолярную манеру Достоевского. Многие его письма 1840-х гг. (см., например, письма к брату от 24 марта, от 4 мая или 8 октября 1845 г. —

наст. том, стр. 106, 108, 112) напоминают мастерски написанные фельетоны, где молодой Достоевский выступает во всеоружии своего литературного искусства, остроумия, мастерства. Они поражают предельно краткой, меткой и блестящей характеристикой людей и событий, вводя нас в общественную и литературную жизнь Петербурга второй половины 40-х гг. Дошедшие до нас письма Достоевского 1847 г. к А. У. Порецкому отражают его музыкальные и театральные увлечения, знакомые читателю из позднейших воспоминаний А. Е. Ризенкампфа; письма к Е. П. Майковой 1848 г. позволяют в известной мере реконструировать атмосферу салона Майковых, который Достоевский, связанный дружбой с В. Н. и А. Н. Майковыми, не раз посещал в 1847—1848 гг.; письма к младшему брату А. М. Достоевскому, к Н. А. Некрасову, Д. В. Григоровичу, А. В. Старчевскому, А. А. Краевскому освещают условия его тогдашнего повседневного быта и литературного труда. Особую группу составляют письма к А. М. и М. М. Достоевским 1849 г., написанные из Петропавловской крепости, после ареста по делу петрашевцев. Письма эти свидетельствуют не только об участии к судьбе братьев, но и о замечательном присутствии духа, постоянной, напряженной работе мысли, живейшем интересе к книгам и литературе, ни на минуту не ослабевавшем у Достоевского в тяжелейших условиях одиночного заключения в Алексеевском равелине. Особенно большое впечатление производит знаменитое письмо к М. М. Достоевскому от 22 декабря 1849 г., написанное по возвращении с Семеновского плаца, после выслушивания приговора и инсценировки смертной казни над петрашевцами, — один из шедевров не только эпистолярной прозы Достоевского, но и всего русского и мирового эпистолярного жанра XIX в. Лейтмотив этого письма: «...я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это <...> во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить...» (наст. том, стр. 162) — один из лейтмотивов всего творчества писателя, рожденный и впервые ясно сформулированный под влиянием испытаний, стойко и мужественно перенесенных им в крепости и на Семеновском плаце, испытаний, закаливших его дух для того, чтобы сохранить верность своим гуманистическим идеалам в условиях каторги и вернуться позднее к своему литературному труду с новыми силами и новым, возросшим более глубоким чувством писательской ответственности.

После 22 декабря 1849 г. в переписке Достоевского следует долгий перерыв: следующее письмо старшему брату он смог послать лишь четыре года спустя, 22 февраля 1854 г., выйдя с каторги. С этого времени возобновляется переписка Достоевского с родными, и у него во время жизни в Омске, Семипалатинске и Твери (1854—1859) возникает новый круг корреспондентов — жена декабриста Н. Д. Фонвизина, А. Е. Врангель, Е. И. Якушкин, М. Д. Исаева-Достоевская, отец ее Д. С. и сестра В. Д. Констант, Ч. Ч. Валиханов, Э. И. Тотлебен, А. И. Гейбович и др.

Особенно значительны из писем этого времени упомянутое письмо к М. М. Достоевскому от 22 февраля 1854 г. — важнейший автобиографи-

ческий документ о годах каторги и вместе с тем зерно будущих «Записок из Мертвого дома», февральское же письмо к Н. Д. Фонвизиной о «жажде верить» и своих религиозных сомнениях («Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки <...> жажда верить <...> тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» — наст. том, стр. 176), а также позднейшие письма к М. М. Достоевскому, в которых наиболее полно отражен широкий круг новых интересов, личных планов, литературных замыслов писателя периода до возвращения в Петербург. Из писем этого времени следует выделить также письма к М. Д. Исаевой и А. Е. Врангелю, посвящающие нас во все сложные перипетии отношений Достоевского и его будущей первой жены, письмо другу молодости поэту А. Н. Майкову от 18 января 1856 г., где писатель впервые излагает свои убеждения «о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной» — зерно будущей политической публицистики Достоевского (и, в частности, статей «Дневника писателя» по славянскому вопросу), письма к герою Севастополя Э. И. Тотлебену с просьбой помочь возвращению в литературу, рассказом о каторге и о сложном и мучительном процессе «перерождения» своих убеждений.

В конце 1860 г. Достоевский наконец смог осуществить давнюю мечту и вернуться в Петербург. Начинается сложный период его вторичного вхождения в литературу, работы над «Записками из Мертвого дома», романом «Униженные и оскорбленные», издания вместе с М. М. Достоевским журналов «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865). В личной жизни Достоевского это — период дружбы с актрисой А. И. Шуберт, сближения с Н. Н. Страховым, первых двух заграничных поездок (1862, 1863), романа с А. П. Сусловой, болезни и смерти первой жены писателя Марии Дмитриевны и его старшего брата Михаила (1864), финансового краха «Эпохи», увлечения Достоевского А. В. Корвин-Круковской. Двухтомным изданием своих «Сочинений» в 1860 г. Достоевский как бы подводит итог первому периоду своей писательской деятельности, а написанные в 1860—1865 гг. «Записки из Мервого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях» и «Записки из подполья» открывают эпоху высшего расцвета его дарования. Все эти события жизни и творчества писателя отражены в письмах 1861—1865 гг. В связи с изданием «Времени» и «Эпохи» расширяется круг корреспондентов Достоевского, в число которых в начале 60-х гг. входят Н. Н. Страхов, Я. П. Полонский, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, А. П. Милюков. Для знакомства с кругом литературных интересов Достоевского этого периода, кроме писем к М. М. Достоевскому, особенно большое значение имеют письма к Н. Н. Страхову и И. С. Тургеневу, в которых рассыпано множество литературных суждений, размышлений писателя над эстетическими и идеологическими проблемами эпохи. Более «семейный» и частный характер имеют письма к В. Д. Констант и к пасынку Достоевского, сыну его первой жены М. Д. Исаевой. Ряд писем начала 60-х гг. связан не только с деятельностью Достоевского — редактора «Времени» и «Эпохи», но и с участием его в работе Литературного фонда (письма к Б. И. Утину, Н. М. Щепкину, И. Н. Березину и др.). Постоянные денежные затруднения этих лет, тяжелые обстоятельства, в которых Достоевский

оказался после смерти брата, приняв на себя его долги, а также материальную и нравственную заботу о его семье, освещены в письмах к П. Д. Боборыкину, председателю Литературного фонда Е. П. Ковалевскому, А. А. Чумикову, а также к А. Е. Врангелю, переписка с которым возобновилась в 1865 г. после шестилетнего перерыва.

Иключительное место по ценности их для творческой биографии Достоевского занимают письма к Н. Н. Страхову от 18 (30) сентября 1863 г. (с изложением идеи будущего романа «Игрок»), письмо к И. С. Тургеневу от 23 декабря 1863 г. (с оценкой «Призраков» Тургенева, представляющей в то же время страстное обоснование и защиту принципов «фантастического» реализма в эстетике и творчестве самого Достоевского), а также письма к М. М. Достоевскому от 20 и 26 марта и 13 апреля 1864 г. (в которых отражен процесс создания «Записок из подполья»), к А. А. Краевскому от 8 июня 1865 г. и к М. Н. Каткову от начала сентября 1865 г. (первое — с изложением романа «Пьяненькие», второе — с изложением «психологического отчета одного преступления», — двух замыслов, пз слияния которых родился роман «Преступление и наказание»). Особую группу писем 1860-х гг. составляют письма к А. П. и ее сестре Н. П. Сусловым, к А. В. Корвин-Круковской и А. Г. Сниткиной, ставшей в 1867 г. второй женой Достоевского.

После своей второй женитьбы Достоевский, спасаясь от кредиторов, уезжает с женой за границу. Начинается эпоха его четырехлетних скитаний, жизни в Дрездене и Бадене (1867), Женеве, Веве, Флоренции (1867—1869), затем — снова в Дрездене (1869—1871), работы над «Идиотом» и «Бесами», законченными в 1872 г., после возвращения в Петербург. Наиболее важные письма этого времени — письма к А. Н. Майкову, Н. Н. Страхову и к любимой племяннице С. А. Ивановой-Хмыровой. В письмах к С. А. Ивановой 1867—1868 гг. изложены замыслы романа «Идиот» и «Записной книги» — прообраза будущего «Дневника писателя». В письмах к А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову отражена вся сложная умственная жизнь писателя этих лет, основной круг его интересов и идей, в том числе планы «Идиота», замыслы романов «Атеизм», «Житие великого грешника», творческая работа над «Бесами» и рассказом «Вечный муж» и т. д. Характер писем к Майкову и Страхову этого времени особенно наглядно показывает, что письма, как уже отмечено выше, заменяли Достоевскому дневник: в них писатель дает отчет обо всех основных перипетиях и событиях своей личной и литературной жизни, изложение своих заграничных впечатлений, отражение круга своего чтения, своих размышлений о жизни России и Европы. Человек крайностей, каким он сам не раз характеризовал себя, Достоевский предстает перед нами в этих письмах как живой, со своим страстным характером, увлечениями, порывами, сменой настроений, умственными исканиями, сомнениями, иллюзиями и заблуждениями. Горячая патриотическая вера в Россию, нравственные силы и исторические потенции русского человека соединяется у Достоевского в этот период с особенно глубоким недоверием не только ко всему русскому либерально-дворянскому «западничеству», но и к освободительному движению — притом и к русскому народничеству и к западноевропейскому социализму 70-х гг. С недоверием этим связаны многочисленные неспра-

ведливые, гневно полемические оценки Белинского, Герцена, Грановского, Тургенева. Придавая своим нападкам на всех них подчеркнуто вызывающую форму, Достоевский как бы совершает своеобразное духовное «самосожжение». Собственные его прежние юношеские верования и упования представляются ему теперь, как показала жизнь, слишком идеальными, отвлеченными, книжно-«теоретическими», и писатель по временам испытывает желание «отомстить» Белинскому и другим носителям передовых идеалов русского общества 40—60-х гг. за крушение своей прежней утопической веры в возможность добиться сравнительно легкой, быстрой победы гуманистических идеалов и утопий над нескладицей, «хаосом» и «беспорядком» реальной общественной жизни. Применяя ко многим письмам конца 60-х—начала 70-х гг. классические слова Щедрина, сказанные по поводу романа «Идиот», можно с полным правом сказать, что так же, как сцены, посвященные в этом романе «нигилистической» молодежи (и в еще большей степени роман «Бесы»), письма эти написаны «руками, дрожащими от гнева». В этом — причина глубокой ошибочности множества высказанных в этих письмах Достоевским исторических и политических оценок и суждений, отражающих равно сложность и общественной атмосферы названного периода, и того противоречивого этапа развития мысли и творчества писателя, который приходится на названные годы.

Многие письма Достоевского к А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову 1869—1871 гг. содержат зародыш будущих его публицистических выступлений в «Дневнике писателя» за 1873 и 1876—1877 гг. на темы русской и западноевропейской общественной и политической жизни. И здесь так же, как и в «Дневнике писателя», отчетливо сказывается основное противоречие мировоззрения и творчества Достоевского 70-х гг.: отвергая для России буржуазный путь развития и в связи с этим полемизируя с представителями русского освободительного движения, Достоевский противопоставляет его идеалам в качестве единственного надежного исторического ориентира патриархально-общинное мировоззрение народных масс. Но при этом он оказывается неспособным провести разделительную черту между идеализируемыми им национально-народными идеалами, с одной стороны, и реальной политикой русского самодержавия, идеологией казенной православной церкви — с другой. Попытка истолковать русское самодержавие как антитезу буржуазного Запада толкает писателя на ошибочный и ложный путь защиты устоев самодержавно-православной России, в которых Достоевский — писатель и публицист пытается тщетно отыскать некое скрытое под искажающими его наносными наслоениями идеальное внутреннее зерно, способное к развитию и возрождению без коренной исторической ломки отживших средневековых идей и учреждений.

После возвращения в Россию в 1871 г. письма Достоевского становятся на несколько лет более скупыми и редкими. 1872 год представлен в собрании его эпистолярного наследия главным образом письмами к жене. Кроме них до нас дошло лишь несколько коротких писем к близким знакомым и родственникам с различного рода просьбами и поручениями. Основная часть писем следующих двух лет (1873—1874) связана с редакционной деятельностью Достоевского в «Гражданине». 1874—1875 гг., как и 1872, —

в основном, годы с преобладанием семейной переписки. Среди писем этих двух лет наиболее значительное место занимают письма к А. Г. Достоевской, написанные во время коротких разлук с ней — из Эмса, Старой Руссы и Петербурга. На них, как и на более поздних письмах Достоевского к жене, лежит отпечаток той атмосферы постоянного взаимопонимания, любви и доверия, которые установились между супругами Достоевскими после возвращения из-за границы и сохранились до последних дней жизни писателя.

1874—1875 гг. — годы писания «Подростка» и печатания его в «Отечественных записках» Некрасова и Щедрина. В связи с этим в 1874—1875 гг. возобновляется переписка с Некрасовым.

В последние годы жизни Достоевского круг его корреспондентов существенно меняется и расширяется. В связи с изданием «Дневника писателя» к Достоевскому обращаются со своими сомнениями, вопросами, возражениями многочисленные подписчики и читатели «Дневника» со всех концов России. Писатель вдумчиво и внимательно относится к письмам этих своих новых, подчас безвестных корреспондентов, принадлежавших к разным классам общества, — представителям разных национальностей, профессий, идеологических направлений, их личным и общественным нуждам. В то же время продолжают развиваться связи Достоевского с придворными и правительственными кругами, так как писателя не оставляют прежние необоснованные утопические мечты и иллюзии о возможности преобразить официальные идеалы русской самодержавной монархии и православной церкви той эпохи в выражение народных интересов и чаяний.

С этими реакционно-утопическими иллюзиями связаны письма Достоевского к наследнику престола (будущему Александру III) при посылке ему экземпляра «Бесов», к К. К. Романову и К. П. Победоносцеву. Последний прекрасно отдавал себе отчет в том, какой огромной художественной и нравственной мощью обладают произведения Достоевского и как притягательно самое имя великого писателя, а потому прилагал особые усилия для того, чтобы завоевать дружеское доверие Достоевского и оказать на него влияние с тем, чтобы направить его мысль в русло охранительных идей и интересов. Тем не менее выполнить эту задачу Победоносцеву не удалось: письма писателя и к самому Победоносцеву, и к жене (о пушкинском празднике 1880 г. и «Братьях Карамазовых»), и к издателям и редакторам «Русского вестника» (где печатался в 1879—1880 гг. последний роман Достоевского) М. Н. Каткову и Н. А. Любимову, и к читателям «Дневника писателя» и «Братьев Карамазовых» свидетельствуют о постоянной, исключительно напряженной, лихорадочной работе мысли Достоевского в последние годы жизни, о никогда не затухавших остром столкновении, борьбе в его сознании противоположных начал, устремлений и интересов, о широчайшем диапазоне его социальных и нравственных исканий.

2

«Не потеряйте жизни, берегите душу, верьте в правду. Но *ищите* ее *пристально* всю жизнь, не то — ужасно легко сбиться», — писал Достоевский Н. П. Сусловой 19 апреля 1865 г. В словах этих содержится и итог

длительных размышлений Достоевского над самим собой, своим личным жизненным путем, и завещание его младшим современникам и потомкам.

В письме к Е. Ф. Юнге от 11 апреля 1880 г. Достоевский сам охарактеризовал как одну из важнейших своих черт — «сильное самосознание, потребность самоотчета», «потребность нравственного долга к самому себе и к человечеству». Это «черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе своей встречающаяся в такой силе», — замечал он. Самосознание это — «большая мука, но в то же время и большое наслаждение», — мука, потому, что оно порождает внутреннее раздвоение, заставляет постоянно испытывать неудовлетворение собой, но и наслаждение, ибо оно связано с «совестливостью», с высоким уровнем духовного развития личности, повышенным ощущением ею «нравственного долга».

«Самосознание», «потребность самоотчета», острое ощущение «нравственного долга к самому себе и к человечеству» — постоянные, сквозные мотивы писем Достоевского.

Не только человек и человеческая жизнь, но и природа таят в себе, по Достоевскому, «стихийную, еще не разрешенную мысль», которая разлита «во всей природе». «Неизвестно», разрешит ли природа, пишет Достоевский, когда-нибудь «людские вопросы, но теперь от нее ‹...› сердце тоскует, хоть и пугается еще более, хоть и оторваться от нее не хочется» (И. С. Тургеневу. 23 декабря 1863).

Отсюда — неразрывность для Достоевского художественного творчества и мысли, искусства и философии (не в специальном, школьном, а в более широком и универсальном смысле слова): «Философию, — писал он уже в раннем письме к брату Михаилу от 31 октября 1838 г., — не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа ‹...› поэт в порыве вдохновенья разгадывает бога, след‹овательно›, исполняет назначенье философии. След‹овательно›, поэтический восторг есть восторг философии... След‹овательно›, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!..».

Письма Достоевского содержат наиболее концентрированное отражение совокупности его философско-эстетических идей. Неизменная основа их — утверждение действительности как единственной и возможной основы всякого подлинного художественного творчества. Реализм, умение художника верно увидеть и оценить всю головокружительную глубину и сложность реальной действительности, намного превосходящие по силе самые хитроумные субъективные вымыслы человека, — таков один из лейтмотивов писем Достоевского.

«Писатель — художественный, — утверждает в соответствии с этим Достоевский, — кроме поэмы, должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность» (Х. Д. Алчевской. 9 апреля 1876). И в другом месте: «В нашем ремесле ‹...› первое дело действительность...» (С. А. Ивановой. 11 октября (29 сентября) 1867).

Своих персонажей Достоевский характеризует как живое отражение реальной русской жизни своей эпохи.

«...в моем рассказе («Игроке», — *Г. Ф.*)..., — читаем мы в письме к Н. Н. Страхову, — отразится современная минута (по возможности, разу-

меется) нашей внутренней жизни. Я беру натуру непосредственную, человека, однако же, многоразвитого, но во всем недоконченного, изверившегося и *не смеющего не верить*, восстающего на авторитеты и боящегося их. <...> Это лицо живое — весь как будто стоит передо мною...» (18 (30) сентября 1863).

Это отнюдь не значит, что персонажи Достоевского представляются ему простым фотографическим снимком с лиц, наиболее часто встречающихся в жизни: «Конечно, это характер, редко являющийся во всей своей типичности, — пишет Достоевский о Ставрогине, — но это характер русский (известного слоя общества)» (М. Н. Каткову. 8 (20) октября 1870).

Исключительность явлений не противоречит, по Достоевскому, их типичности так же, как кажущаяся их психологическая «странность», а часто и прямая «фантастичность», граничащая с неправдоподобием: «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть реализм, а даже напротив» (Н. Н. Страхову. 26 февраля (10 марта) 1869).

Отсюда — полемика Достоевского с упрощенным, вульгарным представлением о реализме, которое игнорирует диалектическую глубину и сложность этого понятия: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм реальнее ихнего. <...> Ихним реализмом сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты», — заявляет Достоевский. И здесь же: «Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние десять лет в нашем духовном развитии — да разве не закричат реалисты, что это фантазия! между тем это исконный, настоящий реализм» (А. Н. Майкову. 11 (23) декабря 1868).

И в другом письме: «В каждом нумере газет Вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны; — да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому что они *факты* <...> Они поминутны и ежедневны, а не *исключительны*» (Н. Н. Страхову. 26 февраля (10 марта) 1869). «...имеет ли право фантастическое существовать в искусстве? Ну кто же отвечает на подобные вопросы!» — читаем мы в другом письме (И. С. Тургеневу. 23 декабря 1863).

То, что на первый взгляд, с точки зрения простого здравого смысла может показаться читателю и критику в искусстве «фантастическим», на деле может оказаться фантастичным лишь потому, что оно отражает бесконечную внутреннюю сложность самой действительности, способной в своем реальном развитии нарушать все привычные, установленные нормы и разбивать все заранее заданные и запрограммированные схемы. Пример этого — характер князя Мышкина (как и большинства других героев Достоевского): «Неужели фантастичный мой „Идиот“ не есть действительность, да еще самая обыденная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры в наших оторванных от земли слоях общества — слоях, которые в действительности становятся фантастичными» (Н. Н. Стра-

хову. 26 февраля—10 марта 1869; ср. письмо А. Г. Достоевской. 8 февраля 1875).

К сожалению, до сих пор не разыскано письмо Достоевского от 12—13 февраля 1874 г. к И. А. Гончарову, который в письме к нему от 11 февраля 1874 г. по поводу «Маленьких картинок» Достоевского провозгласил свое понимание типического как прочно сложившегося и отлившегося в жизни в прочную, устойчивую форму. Достоевский защищал роль для реалистического искусства таких черт и явлений, которые, хотя они еще не успели прочно сложиться, отражают незамеченные, новые, складывающиеся тенденции развития общественной жизни и психологии.[4] Из многих других писем Достоевского и из «Дневника писателя» мы знаем, какое значение Достоевский придавал способности реалистического искусства по первым, еще едва заметным проявлениям нового и непривычного «пророчески» угадывать его историческое и общественно-психологическое значение. «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны *почти* поверить ему», — пишет он Ю. Ф. Абаза 15 июня 1880 г., ссылаясь в качестве высшего, непревзойденного образца «искусства фантастического» на «Пиковую даму» Пушкина.

Вместе с тем исключительное и фантастическое в искусстве имеют, по Достоевскому, свои границы. А о «Призраках» Тургенева Достоевский замечает, что при внешней условности, фантастичности формы в «Призраках» «слишком много реального». «Это реальное — есть *тоска развитого и сознающего существа, живущего в наше время*, уловленная тоска. Этой тоской наполнены все „Призраки"».

Достоевский отмечает, что фантастическая форма «Призраков» сообщает повести Тургенева внутренний лиризм, музыкальность: „Призраки" похожи на музыку». А музыка «это тот же язык, но высказывающий то, что сознание *еще* не одолело...» (И. С. Тургеневу. 23 декабря 1863).

Приписывая литературе громадную роль в общественной жизни, Достоевский настойчиво требует от нее «нового слова». Высшим образцом такого «нового слова» в истории русской и всей мировой культуры явилось в его понимании творчество Пушкина: «Явиться с „Арапом Петра Великого" и с Белки‹ны›м — значит решительно появиться с гениальным *новым словом*, которого до тех пор *совершенно* не было нигде и никогда сказано» (Н. Н. Страхову. 24 марта (5 апреля) 1870).

Обязанность писателя, поднимая в своем творчестве новые пласты живой, постоянно развивающейся национальной жизни, уметь сказать читателям «новое слово» — и притом такое «новое слово», которое явилось бы для них важнейшим актом общественного и нравственного самосознания, заставляет Достоевского постоянно предъявлять к себе самому как художнику и к своим писателям-современникам наивысшие художественные требования. Отсюда необычайно высокая оценка Достоевским — вслед за его любимым учителем Пушкиным — значения труда в искусстве: «Поверь, что везде нужен труд, и огромный, — пишет Достоевский брату. — Поверь, что легкое, изящное стихотворение Пушкина, в несколько строчек, потому и кажется написанным сразу, что оно слишком долго клеилось и перема-

[4] См.: *Из архива Достоевского*, стр. 15—22 ср.: *Фридлендер. Эстетика Достоевского*, стр. 119—122.

рывалось у Пушкина. Это факты. Гоголь восемь лет писал „Мертвые души". Всё, что написано сразу, — всё было незрелое».[5] И далее в том же письме Достоевский продолжает: «Ты явно смешиваешь вдохновение, то есть первое, мгновенное создание картины или движения в душе (что всегда так и делается), с работой. Я, наприм‹ер›, сцену тотчас же и записываю, так как она мне явилась впервые, и рад ей; но потом целые месяцы, год обрабатываю ее, вдохновляюсь ею по *нескольку раз*, а не один (потому что люблю эту сцену) и несколько раз прибавлю к ней или убавлю что-нибудь, как уже и было у меня, и поверь, что было гораздо лучше. Было бы вдохновение. Без вдохновения, конечно, ничего не будет» (М. М. Достоевскому. 31 мая 1858; ср. письмо к А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г. о двух стадиях художественного творчества, первой, где «поэма» зарождалась в душе поэта «готовой», как «самородный драгоценный камень», и второй, где поэт — «почти только ювелир», ибо его задача — «получив алмаз, обделать и оправить его», что неосуществимо без напряженного, долгого и упорного творческого труда).

«... в литературном деле моем, — замечает Достоевский, — есть для меня одна торжественная сторона, моя цель и надежда (и не в достижении славы и денег, а в достижении выполнения синтеза моей художественной и поэтической идеи, то есть в желании высказаться в чем-нибудь, по возможности вполне, прежде чем умру)» (С. А. Ивановой. 8 (20) марта 1869). Эта «цель и надежда» служила Достоевскому путеводной звездой при обдумывании каждого из его сменявшихся крупных литературных замыслов 60—70-х гг.

При этом писатель постоянно подчеркивает, что каждый свой литературный замысел он вынашивал годами. «Я сел за поэму об этом лице потому, что слишком давно уже хочу изобразить его. ‹...› Я из сердца взял его» — такова характерная фраза о Ставрогине в письме к М. Н. Каткову от 8 (20) октября 1870. Фраза эта ярко характеризует отношение Достоевского не только к Ставрогину, но и к другим его персонажам. Взятые «из сердца», все они в дальнейшем проходят следующую, сложнейшую стадию оформления, воплощения, отделки в процессе титанического, подвижнического художнического труда. В процессе его замысел видоизменяется, совершенствуется — и при этом нередко перерождается почти до полной неузнаваемости по сравнению с первоначальными заметками и набросками. При этом в расчет вступают тончайшие законы и нюансы художественного мастерства. И именно письма Достоевского, что делает их ценнейшим историческим документом, позволяют читателю проследить основные стадии и вехи его сложнейшей художнической работы едва ли не над всеми главными произведениями.

Несмотря на желание заставить себя верить, что самодержавие способно прийти на помощь народу и удовлетворить его насущные нужды, Достоевский до конца жизни сохраняет большую долю исторической трезвости. «Протекло время с освобождения крестьян — и что же: безобразие волостных управлений и нравов, водка безбрежная, начинающийся пауле-

[5] Ср. аналогичные мысли о неотделимости успешной литературной работы от медленного, упорного труда в более раннем письме к М. М. Достоевскому от 24 марта 1845 г.

ризм и кулачество, т. е. европейское пролетарство и буржуазия и проч. и проч.», — пишет он, подводя свои итоги наблюдениям над русской пореформенной действительностью (Л. В. Григорьеву. 21 июля 1878 г.). А потому свою главную надежду писатель возлагает на рост у народа «политического сознания» (хотя это «политическое сознание» он связывает с торжеством собственных своих «почвеннических» представлений о «понимании смысла и назначения России» (там же)).

«Назначено ли нашему народу непременно пройти еще новый фазис разврата и лжи, как прошли и мы его с прививкою цивилизации? <...> Я бы желал услышать на этот счет что-нибудь утешительнее. Я очень наклонен уверовать, что наш народ такая огромность, что в ней уничтожатся, сами собой, все новые мутные потоки, если только они откуда-нибудь выскочат и потекут» (наст. изд., т. XXII, стр. 45), — спрашивает себя Достоевский, стремясь предотвратить поворот России на капиталистический путь развития.

Но «захочет ли сословие и прежний помещик стать интеллигентным *народом*? — замечает он в последнем выпуске «Дневника писателя», делясь с читателем своими мучительными сомнениями, — вот вопрос, и знаете ли: самый важный, самый капитальный, какой только есть у нас теперь и от которого зависит, может быть, всё наше будущее <...> Не захочет ли, напротив, сословие опять возгордиться и стать опять над народом властию силы, уж конечно, не прежним крепостным путем, но не захочет ли, например, оно, вместо единения с народом, из самого образования своего создать новую властную и разъединительную силу и стать над народом аристократией интеллигенции, его опекающей» (наст. изд., т. XXVII, стр. 9—10). «...многое впереди загадка, и до того, что даже страшно и ждать» (там же, т. XXII, стр. 45), — признавался автор «Дневника писателя».

Вот почему Достоевского не покидало острое чувство социального критицизма. «Вы думаете, я из таких людей, которые спасают сердца, разрешают души, отгоняют скорбь? — писал он о себе. — ... Я убаюкивать не мастер, хотя иногда брался за это. А ведь многим существам только и надо, чтоб их баюкали» (Л. А. Ожигиной. 28 февраля 1878 г.).

Стремясь создать искусство, достойное своей переходной эпохи, — эпохи «начала конца всей прежней истории европейского человечества» и вместе с тем «начала разрешения дальнейших судеб его, <...> в которых человек почти ничего угадать не может, хотя и может предчувствовать» (наст. изд., т. XXV, стр. 9), писатель вдохновляется образами Библии («другой такой книги в человечестве нет и не может быть» — Н. Л. Озмидову. Февраль 1878 г.), народнопоэтических легенд и преданий, вечными образами Шекспира, Сервантеса и других великих писателей прошлого. «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в блаженный восторг: бросаю читать и хожу по комнате, чуть не плача <...> Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был тогда еще почти младенцем!» — пишет он жене (А. Г. Достоевской. 10 (22) июня 1875 г.). Не случайно дух этой богоборческой книги, как и пафос других великих, трагических и мятежных образов мировой литературы, оказался особенно созвучен мятежным настроениям писателя, который до конца

жизни оставался, по определению Льва Толстого, «весь борьба». Соразмеряя, как видно из его писем, образы своих персонажей по глубине проникновения в «тайны души человеческой» и по масштабности изображения с образами, созданными народом и величайшими художниками русской и мировой литературы — прошлой и современной, — Достоевский-художник стремился достичь той силы, страстности, глубокого познания правды жизни, способности мощно и неотразимо воздействовать на воображение читателя, пробуждать в нем чувства совести и добра к людям, мужественной и стойкой веры в родной народ и его великое будущее, соединенной с отзывчивостью к жизни и культуре других народов Земли, которые и сегодня поражают нас в его творчестве.

3

Настоящее издание писем Достоевского — третье по счету. Сразу после смерти писателя вдова его приступила к собиранию его эпистолярного наследия. Значительная часть писем, собранных ею при поддержке ближайших друзей Достоевского, в первую очередь А. Н. Майкова, О. Ф. Миллера и Н. Н. Страхова, — была опубликована ею в 1883 г., в первом томе посмертного Полного собрания сочинений Достоевского. «Письма Ф. М. Достоевского к разным лицам» открывают второй раздел этого тома, имеющий особую пагинацию (стр. 1—352). В него вошло всего лишь 147 писем, в том числе 3 юношеских письма к отцу (1837—1839), сравнительно обширные подборки писем к брату Михаилу (1838—1864), А. Е. Врангелю (1856—1866), А. Н. Майкову (1867—1877), Н. Н. Страхову (1868—1871) и И. С. Аксакову (1880) и ряд единичных писем к другим корреспондентам. Письма Достоевского к Страхову были снабжены краткими пояснительными подстрочными примечаниями Страхова. Аналогичные по характеру — еще более краткие — пояснения и примечания о времени и месте публикации отдельных писем, имеющихся на них пометах, обстоятельствах их написания и т. д. — предваряют публикацию также некоторых других писем (к А. Г. Ковнеру, к московским студентам, к И. С. Аксакову). Последние из названных пояснений и примечаний были составлены, по-видимому, отчасти О. Ф. Миллером, отчасти А. Г. Достоевской. Подготовленное вдовою писателя и его друзьями первое издание его писем не преследовало научных задач и не претендовало на полноту: цель его состояла в том, чтобы дать в руки читателям и любителям Достоевского тщательно отобранную, наиболее ценную и интересную часть его эпистолярного наследия — ту, которую А. Г. Достоевская считала возможным опубликовать в момент, когда часть его адресатов была еще жива, а для публикации многих писем (в том числе писем Достоевского к ней самой) время, по мнению вдовы писателя, еще не пришло.

Второе издание писем Достоевского вышло в 1928—1959 гг. под редакцией, с предисловием и примечаниями А. С. Долинина. Оно состояло из четырех томов, включавших 932 текста писем и деловых бумаг, и, в отличие от издания, осуществленного А. Г. Достоевской, по своему характеру приближалось к типу академического издания. Работая над его подготовкой, Долинин смог опереться на многочисленные публикации, появив-

шиеся после выхода первого свода писем, подготовленного вдовой писателя, в особенности — в первые пореволюционные годы, когда архив А. Г. Достоевской, а также материалы частных архивов других корреспондентов романиста перешли во владение государства и стали доступными широкому научному изучению. Четырехтомное издание писем Достоевского явилось своеобразным научным подвигом ученого, основным трудом всей жизни Долинина — крупнейшего знатока жизни и творчества Достоевского, посвятившего им ряд исследований, которые сохранили свое значение также и в наши дни.

Как уже говорилось, кроме текста писем Долинин включил в каждый том деловые бумаги за тот же период. В завершающий, четвертый том вошли также две альбомные записи Достоевского (в альбомы Л. А. Милюковой и О. П. Козловой, последняя — в черновой и беловой редакции). Большинство писем и деловых бумаг было напечатано Долининым по подлинникам; остальные, автографы которых не были ему доступны, — по наиболее достоверным спискам, копиям или предшествующим публикациям. Долининым была проделана громадная работа по разысканию автографов, расшифровке и датировке целого ряда писем. Особую ценность в осуществленном под его редакцией издании имеет комментарий — своеобразная энциклопедия, вобравшая в себя в сжатом виде итоги научного изучения Достоевского в дореволюционные и первые советские годы. Готовя к изданию письма Достоевского, Долинин параллельно изучал письма к нему его корреспондентов и в своих комментариях опубликовал многочисленные извлечения из них, часть которых впервые ввел в научный оборот. Ученый широко использовал в комментарии к письмам также историческую и мемуарную литературу, материалы русских газет и журналов 1830—1880-х гг. Таким образом он стремился ввести письма Достоевского в широкий историко-культурный контекст жизни России и Запада его эпохи.

Несмотря на все указанные серьезные достоинства издания писем под редакцией Долинина, на котором основывались до сих пор также многочисленные зарубежные переводные издания писем Достоевского, оно не было свободно и от ряда крупных недостатков.

По желанию руководства Центрархива, где в 1920-х гг. было сосредоточено значительное число писем Достоевского, исследователю пришлось выделить эти письма из общего хронологического ряда, напечатав их отдельно, в конце второго тома (стр. 549—617) с особым предисловием акад. П. Н. Сакулина. Кроме того, большое число писем Достоевского, относящихся к 1837—1877 гг., не было доступно исследователю ко времени выхода первых трех томов, и ему пришлось поместить их в приложении к последнему тому издания «Письма разных лет» (стр. 225—339). Это привело к тому, что в собрании писем Долинина единая хронологическая последовательность нарушена, и письма, относящиеся к одному и тому же периоду, напечатаны в трех разных томах, что весьма затрудняет пользование подготовленным им изданием.

Свойственны изданию под редакцией Долинина и другие, более существенные погрешности. Копии с писем Достоевского Долинин делал для себя в разные годы, на протяжении всей жизни, по мере того, как он

знакомился с их автографами. Позднее он в большинстве случаев не сверил вновь этих копий с оригиналом, доверяясь спискам, сделанным прежде. Неизбежным последствием этого явилась неточность воспроизведения текста многих писем. Этого мало: снимая копии с писем Достоевского, Долинин в разное время руководствовался, воспроизводя орфографию и пунктуацию оригинала, неодинаковыми принципами. С различной степенью полноты печатал он исправленные и зачеркнутые Достоевским в письмах места (варианты основного текста). Наконец, в письмах Достоевского к жене Долинин, не оговорив этого, сделал ряд купюр, хотя в более раннем издании[6] указанные письма были напечатаны в советские годы полностью. Отдельные купюры были сделаны и в письмах к В. Ф. Пуцыковичу и К. П. Победоносцеву.

Многие недостатки редакторской работы А. С. Долинина были справедливо отмечены в рецензиях на отдельные тома «Писем» в его издании.[7]

Основной целью Долинина, которую он преследовал в ходе своей редакторской работы, была подготовка к созданию задуманной, но не осуществленной им научной биографии Достоевского. В ней исследователь намеревался подытожить результаты своего изучения. Важнейшим материалом для решения этой задачи он считал комментарий к письмам — биографический, историко-литературный и реальный. Этот комментарий и в настоящее время сохраняет в его издании главное значение. Он впитал в себя большое количество разнородных сведений, всесторонне освещающих важнейшие факты личной и творческой жизни Достоевского. Собранный Долининым в его комментарии фактический материал везде, где он не устарел, использован также в примечаниях к настоящему изданию, как и ко всем другим изданиям писем на русском и иностранных языках, выходившим после издания Долинина. Вместе с тем задачи комментариев к томам писем Достоевского и принципы составления их в академическом издании значительно отличаются от тех задач и принципов, из которых исходил Долинин — комментатор и редактор.

В академическом Полном собрании сочинений Достоевского печатаются как письма, вошедшие в издание писем, подготовленное Долининым, так и письма, пропущенные в его издании по недосмотру редактора, хотя они и были опубликованы раньше, или обнаруженные и опубли-

---

[6] Письма Достоевского к жене. Предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова. Общ. ред. В. Ф. Переверзева. ГИЗ, М.—Л., 1926.

[7] Из числа этих рецензий внимания, в первую очередь, заслуживают две статьи: В. Л. К о м а р о в и ч. Литературное наследие Достоевского в годы революции. — *ЛН*, т. 15, 1934 (см. стр. 270—280); И. С. З и л ь б е р ш т е й н. Новонайденные и забытые письма Достоевского, стр. 114—118. В последней из указанных статей с наибольшей полнотой отражены научные результаты изучения эпистолярного наследия Достоевского за годы, прошедшие со времени выхода четырехтомника «Писем» под редакцией Долинина, и перечислены также с указанием места их публикации или опубликованы вновь тексты писем Достоевского, пропущенные Долининым по недосмотру или обнаруженные и опубликованные в 1960—1973 гг. Другие рецензии и отзывы об издании Долинина см.: *Библиография*, стр. 31.

кованные в СССР и за рубежом после выхода четвертого тома писем под редакцией Долинина. Все письма печатаются полностью, без пропусков.

Письма располагаются в едином хронологическом порядке с общей нумерацией. Наряду с письмами к индивидуальным адресатам в основной корпус тома входят письма в редакции газет и журналов или обращенные в общественно-литературные организации. Здесь же — в общем ряду — помещаются письма, написанные молодым Достоевским совместно с братьями (в том числе — написанные рукой М. М. Достоевского, но подписанные им), а также приписки его к письмам других лиц. Заключает каждый том отдел «Официальные письма и деловые бумаги», куда входят прошения официальным лицам и другие письма и обращения служебного и официального характера, относящиеся к тому же периоду, что и печатающиеся в томе письма.

Если на письме имеется авторская дата, она печатается в правом верхнем углу и воспроизводится с сохранением формулировки подлинника, причем ошибки в ней (например, несовпадение чисел старого и нового стиля) не устраняются. Однако, независимо от наличия или отсутствия на письме авторской даты, каждое письмо снабжено редакторской датой, печатающейся перед ним, в виде подзаголовка, вслед за наименованием адресата. При этом письма, написанные из России, датируются старым стилем, а письма из-за границы — по старому и новому стилю (последняя дата дается в круглых скобках). Здесь же — сразу после редакторской даты — дается указание на место написания письма.

Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода. При этом 1—5 числа обозначаются как «начало», 13—17 — как «середина», а 25—31 — как «конец» месяца, остальные числа обосновываются особо. Письма, датируемые по почтовому штемпелю, печатаются с обозначением: «около» (или «не позднее») числа штемпеля. При наличии нескольких писем, датированных одним числом (или нескольких писем неопределенной датировки с одинаковой редакторской датировкой), они помещаются в порядке, соответствующем наиболее вероятной последовательности их написания (аргументы, обосновывающие эту последовательность, приводятся в комментарии), или (если последовательность эту нельзя установить) в порядке альфавита адресатов. Письма, датированные несколькими числами, вводятся в общий хронологический ряд писем согласно последней дате, независимо от начальной. Все редакторские даты (при отсутствии или неточности авторских) обосновываются в примечаниях к письму. Сомнительные или предположительные редакторские даты отмечаются знаком вопроса в угловых скобках.

Письма, местонахождение автографов которых в настоящее время известно (т. е. основная, наибольшая часть писем), печатаются по подлинникам (за исключением отдельных писем, находящихся в зарубежных архивохранилищах; эти письма воспроизводятся по микрофильмам, фото- или ксерокопиям). Остальные, сравнительно немногие письма — в случаях, когда автограф утерян или недоступен редакции, — по копиям или предшествующим публикациям. Источник, по которому печатается письмо, а равно время и место первой его публикации, указываются в начале

примечания к нему. Для всех писем, печатаемых по автографам, здесь же, наряду с указанием архивохранилища, дается шифр подлинника.

Тексты писем воспроизводятся с возможной точностью в обозначении обращений, приписок, заключительных фраз, подписи и т. д. Недописанные автором или сокращенно написанные слова (кроме общепонятных сокращений) заполняются редактором в угловых скобках. Такими же скобками с тремя дефисами между ними заменяются слова (или фразы), неудобные для печати. Сомнительные чтения сопровождаются в угловых скобках знаком вопроса, а слова, оставшиеся ввиду трудности прочтения неразобранными, помечаются ‹*нрзб.*› с цифрой, обозначающей количество непрочитанных слов, если их больше одного. Слова, подчеркнутые Достоевским, воспроизводятся курсивом, кроме названий газет, журналов и произведений, которые заключаются в кавычки. Редакторские примечания, помещаемые в сносках под строкою, печатаются курсивом, в отличие от примечаний, принадлежащих Достоевскому. В виде примечаний под строкою дается также перевод иноязычных слов и фраз, встречающихся в тексте писем (с обозначением в скобках языка оригинала).

Письма печатаются по современным нормам орфографии с сохранением при этом, однако, всех особенностей орфографии подлинника, которые влияют на произношение слов, а также архаизмов, диалектизмов, варваризмов и т. д. В случаях неустойчивой орфографии, колеблющейся от письма к письму, неустойчивость эта — в особенности отражающая эволюцию авторской орфоэпии — сохраняется. Сохраняются также — при общей нормализации пунктуации и приближении ее к современным нормам (так, например, вводятся нередко отсутствующие в подлиннике, но необходимые с грамматической точки зрения запятые; устраняются тире в конце фраз после точки, за исключением случаев, когда они имеют значение абзаца, указывая на переход от одной темы к другой) — характерные для эпистолярного стиля тире (внутри фраз), многоточия и другие эмоционально-выразительные пунктуационные знаки.

Явные буквенные описки подлинника (или опечатки — когда письмо печатается по печатному источнику) исправляются в тексте без оговорок. Остальные случаи исправления текста оговариваются и мотивируются в примечаниях.

Отдел «Другие редакции и варианты» в томах писем (ввиду того, что Достоевский писал большую часть писем сразу, набело, и лишь в единичных случаях мы располагаем кроме отправленного беловика другим, черновым текстом письма, а также ввиду того, что рукописный подлинник, в большинстве случаев, имеет сравнительно небольшое число авторских вычерков и исправлений), в отличие от томов сочинений, как правило, отсутствует. Зачеркнутые Достоевским слова и другие варианты текста даются в виде подстрочных примечаний к тому месту основного текста, к которому относится данный, указываемый под строкою вариант. Слова и фразы, зачеркнутые (или выскобленные) по тем или другим соображениям в подлинниках писем после смерти писателя А. Г. Достоевской, восстанавливаются везде, где восстановление их допускается состоянием автографа.

Советскими учеными несколько раз предпринимались опыты изданий

переписки Достоевского с отдельными адресатами, включающих полный текст писем как Достоевского, так и этих адресатов.[8] Попутно тщательно изучались биографии и культурно-исторический облик некоторых из тех своеобразных и примечательных лиц, которые обращались со своими письмами к Достоевскому в период издания «Дневника писателя», став как бы своеобразными «корреспондентами» «Дневника».[9] Наконец, начиная с первых советских лет, архивистами и исследователями Достоевского собрано и опубликовано большое число писем к нему — от писем к Достоевскому его наиболее выдающихся писателей-современников, ближайших родственников, друзей и знакомых вплоть до писем, обращенных к Достоевскому его читателями, различными по возрасту, социальному положению, общественно-политическим взглядам и устремлениям.[10]

Вероятно, в будущем возникнет потребность в издании полного научно-критического свода переписки Достоевского, куда войдут вместе с его письмами письма всех корреспондентов писателя (такой свод переписки вошел в состав большого академического издания Сочинений Пушкина).[11] Однако, ввиду разнохарактерности дошедших до нас писем к Достоевскому, издание его переписки — особая, самостоятельная задача.[12] Настоящее же Полное собрание сочинений, как и большинство других советских академических изданий сочинений классиков русской литературы (М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и др.), равно как и девяностотомное Полное собрание сочинений Льва Толстого, преследует другую цель: дать полный, критически проверенный свод писем великого писателя как части его литературного наследия. Выдержки из писем корреспондентов Достоевского, нужные для понимания его писем, приводятся в примечаниях, где указывается место публикации соответствующих писем к Достоевскому (или архивохранилище, где они находятся), а равно необходимая читателю и исследователю Достоевского литература вопроса. При этом текст цитируемых в примечаниях писем к писателю во всех случаях, где это было возможно, заново сверен с подлинником.

Завершается каждый том списком не дошедших до нас писем за период, им охватываемый, с приведением сведений об этих письмах из других, доступных нам источников. В примечаниях к каждому письму

---

[8] См.: Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка. Под ред. И. С. Зильберштейна. Л., 1928; *Достоевский. Достоевская. Переписка.*

[9] См., например: Л. П. Гроссман. Исповедь одного еврея. М.—Л., 1924 (книга освещает личность одного из корреспондентов Достоевского периода издания «Дневника писателя» — А. Г. Ковнера).

[10] См., например: *Из архива Достоевского; ЛН*, т. 15, стр. 124—162; *Д, Материалы и исследования*, стр. 431—579; *Шестидесятые годы*, стр. 238—255; Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1972, № 4, стр. 349—362; *ВЛ*, 1971, № 9, стр. 173—196; *Достоевский и его время*, стр. 250—279; *Материалы и исследования*, т. III, стр. 258—285; т. V, стр. 246—270.

[11] См.: Пушкин. Поли. собр. соч., тт. XIII—XVI. М., 1937—1949.

[12] Необходимый и прочный фундамент для ее реализации представляет коллективное научное описание автографов писем писателя и к писателю, хранящихся в советских государственных архивах. См.: *Описание*, стр. 145—263; 326—524.

указывается источник, по которому оно публикуется, место и время его первой публикации, разъясняются упоминаемые в нем факты и события, а также даются другие сведения, которые необходимы для его понимания. Если письмо Достоевского является ответом на письмо его корреспондента или на письмо писателя сохранился ответ последнего, это также указывается в комментариях.

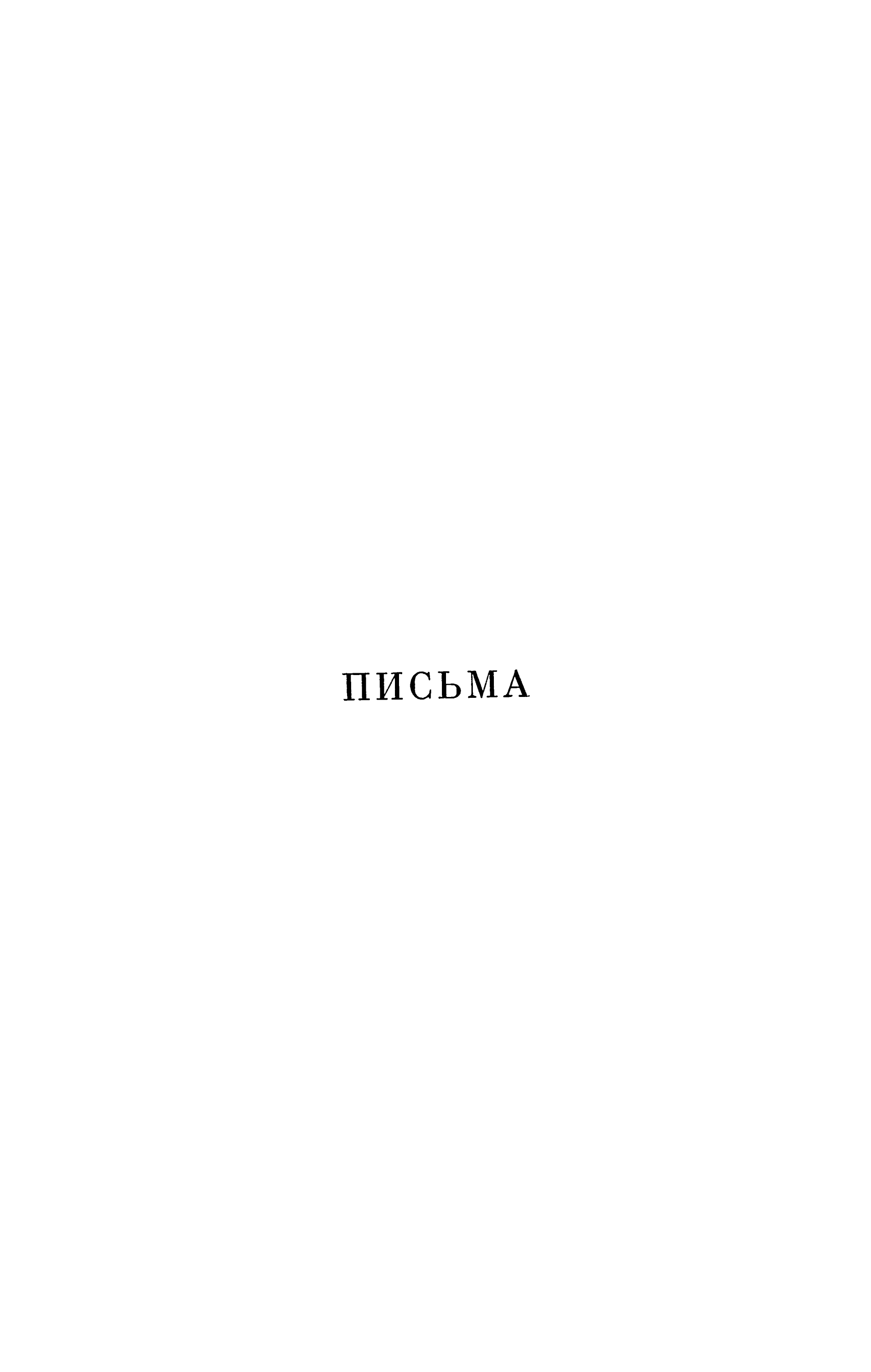
Основные сведения об адресатах писем и о лицах, упоминаемых в них, вынесены в особый аннотированный указатель имен, помещаемый в тт. XXVIII и XXIX в конце второй книжки каждого тома. Наиболее подробные справки даются здесь об адресатах с указанием количества писем с обеих сторон и их хронологических границ (для ответных писем обозначено архивохранилище или издание); подробные справки даются также о лицах, имевших с Достоевским непосредственные жизненные контакты (например, об И. Н. Шидловском и т. п.); остальные имена разъясняются более сжато. Если какое-либо лицо лишь упоминается в томе, а переписка с ним публикуется в последующих томах, то там, где оно впервые встречается, помещается только краткая справка о нем и делается отсылка к более подробной его характеристике в том томе, где будет дана более обстоятельная справка об этом адресате.

Круг чтения Достоевского, вопрос о продолжении им традиций того или иного писателя сжато освещается в комментариях. При пояснении литературных связей даются отсылки к соответствующим комментариям в томах сочинений Достоевского; в необходимых случаях указывается дополнительная критическая литература.

В конце второй книги каждого тома дается также указатель произведений Достоевского, упоминаемых в письмах, вошедших в него, и примечаниях к ним.

Списки не дошедших до нас писем Достоевского, мест его пребывания за соответствующий период и указатель писем по адресатам печатаются в заключении каждой книги.

Г. М. Фридлендер.

ПИСЬМА

1832

1. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

29 июня 1832. Даровое

Мы все свидетельствуем Вам глубочайшее наше почтение и целуем Ваши ручки, дражайший папенька: Михайла, Федор, Варвара и Андрюша

Достоевские.

1832-го года июня 29 дня.

1833

2. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

23 августа 1833. Москва

Любезнейшая маменька!

Мы уже приехали к папеньке, любезнейшая маменька, в добром здоровье.[1] Папенька и Николенька также находятся в добром здоровье. Дай бог, чтобы и Вы были здоровы. Приезжайте к нам, любезнейшая маменька, остальной хлеб, я думаю, не долго убрать, и гречиху, я думаю, Вы уже понемногу убираете. Прощайте, любезная маменька, с почтением целую Ваши ручки и пребуду Вам покорный сын

Федор Достоевский.

1834

3. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

Апрель-май 1834. Москва

Любезная маменька!

Когда Вы уехали от нас, любезная маменька, то мне стало чрезвычайно скучно, и я теперь, когда вспомню о Вас, любезная маменька, то на меня нападет такая грусть, что я никак не могу ее прогнать, если б Вы знали, как мне хочется Вас увидеть, я не могу дождаться сей радостной минуты. Всякий раз, когда я вспомню о Вас, то молю бога о Вашем здоровии. Уведомьте нас, любезная маменька, благополучно ли Вы доехали, поцелуйте за меня Андрюшеньку и Верочку. Целую Ваши ручки и пребуду покорный Вам сын Ваш

Ф. Достоевский.

1835

4. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

9 мая 1835. Москва

Любезная маменька!

Вот уже в третий раз мы уведомляем Вас письменно[1] о том, что мы, слава богу, здоровы и благополучны. Нынче, то есть в четверг, по причине праздника[2] папенька нас взял домой, и мы все вместе только без Вас, любезная маменька. Жаль, что мы еще так долго должны быть с Вами в разлуке; дай бог, чтобы сие время прошло поскорее. У нас погода очень дурна, я думаю, что и у Вас всё такая же, и я думаю, Вы не наслаждаетесь весной; какая скука быть в деревне во время худой погоды. Я думаю, что[а] Верочке с Николенькой еще скучнее и что Николя не играет[б] в лошадков, как бывало прежде со мной. Жалко Алену Фроловну, она так страдает, бедная, скоро вся исчезнет от чахотки, которая к ней пристала.[3] Прощайте, маменька. В ожидании Вас скоро увидать остаюсь покорный сын Ваш

Федор Достоевский
и Андрей Достоевский.

P. S. Не забудьте поцеловать Верочку с Николенькой.

[а] *Далее было:* и
[б] *Далее было:* со мною

5. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

16 мая 1835. Москва

Любезнейшая маменька!

Душевно радуемся, что можем хотя в нескольких строках поговорить с Вами. Нынче провели мы у папеньки; ходили к маменьке крестной,[1] где нам было довольно весело. Варенька просила нас, чтоб мы за нее расцеловали в письме у Вас ручки.[2] Скоро у нас будет экзамен, и теперь мы к оному готовимся, после коего, может быть, скоро с Вами увидимся, о! как приятна будет

та минута, когда мы прижмем Вас к нашему сердцу. Прощайте, любезная маменька, пожелав Вам всего лучшего в мире, честь имеем пребыть покорные дети

Михаил, Федор, Андрей Достоевские.

Верочку и Николеньку за нас поцелуйте.

6. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

19 мая 1835. Москва

Любезнейшая маменька!

Душевно радуемся, что хотя несколько строк можем к Вам написать; как сладостны для нас Ваши письма, с каким нетерпением ожидаем мы оные от Вас, чтобы узнать, здоровы ли Вы, любезная маменька, и как-то поживаете в разлуке от нас. Сейчас мы ходили в Марьину рощу [1] с папенькой и досыта нагулялись. Сегодня у нас была маменька крестная с Варенькой,[2] которая целует у Вас ручки, и с нею мы все, целуя Ваши ручки, честь имеем пребыть покорные дети Ваши

Михаил, Федор, Андрей Достоевские.

P. S. Верочку и Николеньку целуем и желаем, чтоб они были здоровы.

7. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

26 мая 1835. Москва

Любезнейшая маменька!

Очень радуюсь, что Вы по всеблагому промыслу создателя находитесь в хорошем здоровии. Сии два дня, то есть троицын и духов, мы проводим дома у папеньки. Погода у нас, я думаю, такая же, как и у вас, все сии дни стояла всё переменчивая, но суббота и нынче прекрасная, хотя и был большой дождь, но [a] во время ночи, и погода после сего освежилась и сделалась превосходная, но я не думаю, что сей дождь не был у вас, ибо он не окладный. — Экзамен наш будет по-прошлогоднему в конце июня,[1] и посему мы лишаемся надежды вскоре Вас увидеть. Пишете Вы, что детям весело и что Николя даже потолстел: [2] так теперь погода самая хорошая, и, следственно, он может ею наслаждаться на чистом воздухе; поцелуйте их за меня, скажите,

---

[a] *Было:* но это

Флигель Мариинской больницы в Москве, в котором родился Ф. М. Достоевский.
С фотографии 1890-х годов.

чтобы они были умники и что мы к ним скоро приедем. Прощайте, любезная маменька, более писать нечего; остаюсь покорный сын Ваш

Федор Достоевский
и Андрей Достоевский.

8. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

2 июня 1835. Москва

Любезная маменька!

Душевно радуемся, видя из письма Вашего, что Вы, слава богу, здоровы. Что же касается до экзамена, то он будет наверно 24 июня, и мы теперь к оному приготавливаемся. Погода у нас вчера и нынче прекрасная; и теперь сбираемся с папенькой гулять. Прощайте, дражайшая маменька, пожелав Вам доброго здравия и расцеловав Ваши ручки, честь имеем пребыть дети Ваши

Михаил, Федор, Андрей Достоевские.

Верочку и Николеньку поцелуйте.

9. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

23 июня 1835. Москва

Любезнейшая маменька!

Очень рады, что имеем случай хотя в нескольких строках пожелать Вам доброго здоровья и всякого бла<го>получия; что же касается до нас, мы все, слава богу, здоровы. Теперь мы уже с самой пятницы у папеньки дожидаемся экзамена, имеющего быть в понедельник. Поцелуйте за нас Николеньку и Верочку. Прощайте, любезнейшая маменька, расцеловав Ваши ручки, честь имеем пребыть покорными детьми Вашими

Михаил, Федор, Андрей Достоевские.

1837

10. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

3 июля 1837. Петербург

Петербург. Июля 3-го дня.

Любезный папенька!

Письмо Ваше мы получили.[1] Как редки и зато как дороги для нас эти письма. По целым неделям ждем их, и зато какая радость, когда мы их получим! Кроме Ваших писем я еще довольно часто получаю от Кудрявцева.[2] Вы здоровы — слава богу! Если б только Он дал, чтоб дела Ваши устроились! Да, Он даст, Он ниспошлет и на нас милость свою. До сих пор, видимо, покровительствовал Он нам во всех предприятиях. Станем надеяться на промысел Его — и всё пойдет своим чередом. О себе скажем мы, что мы, слава богу, здоровы — вещь самая обыкновенная. Дела у нас идут своим порядком[а] хорошо. То занимаемся геометрией и алгеброй, чертим планы полевых укреплений: редутов, бастионов и т. д., то рисуем пером горы. Коронад Филиппович нами очень доволен и к нам особенно ласков.[3] Он купил нам отличные инструменты за 30 рублей монетою, и еще краски за 12 рублей. Без них обойтись никак не было возможно; потому что планы всегда рисуют красками, а теперешние товарищи наши слишком скупы, чтоб могли ссудить нас. Посторонних расходов у нас никаких нет, кроме разве[б] что на бумагу для письма и для планов, ибо мы уже начнем подготавливать их к экзамену, а на это очень смотрят, и это более всего содействует к принятию. На этой неделе начали мы и артиллерию; она также необходима ко второму классу. Из этого Вы теперь, любезный папенька, можете видеть, могли ли мы вступить без приготовления в училище!

Книги мы только нынче получили с почты и оттого не сейчас отвечаем на письмо Ваше. Как много, много мы Вам за них благодарны! Получили мы их все в целости. Целуем у Вас за них премного раз ручки!

На прошлой неделе видели мы прежнего товарища нашего Гарнера и Весселя. Они приходили к Коронаду Фил<ипповичу> прощаться, ибо отправлялись в лагери в Петергоф. Ныне день рождения К<оронада> Ф<илипповича>. Погода теперь прекрасная.

а *Было:* чередом
б *Далее было:* того

Завтра, надеемся, она также не изменится, и ежели будет хороша, то к нам придет Шидловский, и мы пойдем странствовать с ним по Петербургу и оглядывать его знаменитости. Кстати о нем. Он просил меня написать к Вам, получили ли Вы его письмо и «Земледельческую газету»? Он свидетельствует Вам свое почтение.

Теперь о себе. Сыпь видимо проходит и к экзамену, наверно, совершенно пройдет. Что ж касается до *другого*, то этого никто не примечает. Об этом совершенно будьте покойны. Еще не было ни одного примера, чтобы от К‹оронада› Ф‹илипповича› кто-нибудь не поступил в училище.[4] Коронад Филиппович свидетельствует Вам свое почтенье. Уж одиннадцать часов! Пора спать! Добрая ночь! Прощайте.

С истинным почтением и сыновнею преданностию честь имеем быть дети Ваши

Михаил и Федор Достоевские.

Поцелуйте за нас Андрюшу, Николю, Верочку, а особливо Сашурку.

Насчет денег я говорил Коронаду Филипповичу. Он сказал, что для него всё равно; наговорил несколько вежливостей — что обыкновенно при таких случаях бывает. Да что он мог говорить? Неужели он мог сомневаться? Я не знаю, зачем стал он Вас за этим беспокоить.

Напишите, сделайте милость, любезный папенька, долго ли Вы пробудете в Москве. Я думаю, Вы теперь беспокоитесь, хлопочете, и всё это через нас!! Чем мы возблагодарим Вас за это!

Вместе с Вашим письмом мы пишем и к тетеньке.[5] Кажется, довольно вежливо.

11. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

23 июля 1837. Петербург

С.-Петербург. Июля 23 дня.

Любезнейший папенька!

Сегодня суббота, и мы, слава богу, имеем время Вам написать хоть несколько строк: так мы заняты в продолженье всего времени. Вот уже близко к сентябрю, а вместе с этим и к экзаменам, и мы не можем потерять ни минуты в неделю. Только в субботу и в воскресенье мы бываем свободны; то есть Коронад Филиппович нам ничего не показывает в эти дни; а следовательно, только теперь сыскали время поговорить с Вами письменно.

Математика и науки идут теперь у нас чередом; также фортификац‹ия› и артиллерия. По воскресеньям и субботам мы чертим планы и рисунки. Почти каждый день занимается со всеми Коронад Филиппович, и с нами двоими и особенно, потому что из всех, у него приготовляющихся, только мы хотим вступить

в 2-й класс, а все прочие — в низший.[1] Коронад Филиппович на нас надеется, более нежели на всех 8-рых, которые у него приготовляются. Скоро мы начнем учиться фронту у унтер-офицера, которого пригласил Коронад Филиппович, и займемся этим до самого вступления, то есть до декабря месяца. На фронт чрезвычайно смотрят, и хоть знай всё превосходно, то за фронтом можно попасть в низшие классы. И притом этим одним мы можем выиграть у его высочества Михаила Павловича. Он чрезвычайны<й> любитель порядка. Итак, судите же, сколько мы должны этим заняться, несмотря на то что после сентябрьского экзамена все должны ходить в Инженерный замок учиться фронту. — Что-то будет? Теперь одна надежда на бога. Мы не преминем приложить всё свое старанье.

Теперь у вас идет в деревне уборка хлеба, а это, как мы знаем, самое любимое для Вас занятие; мы не знаем, каков-то в вашей стороне урожай, какова-то у вас погода? Что касается до петербургской, то у нас прелестнейшая, итальянская. С Шидловским мы еще не видались и, следовательно, не могли ему отдать Вашего поклона.

Что-то поделывают в деревне наши братцы и сестрицы? Все, должны быть, досыта нагулялись, набегались, налакомились ягодами и загорели. Сашенька, думаем, чрезвычайно как подросла; ей полезен свежий воздух. Варенька, наверно, что-нибудь рукодельничает и, верно уж, не позабывает заниматься науками и прочитывать «Русскую историю» Карамзина.[2] Она нам это обещала.

Что касается до Андрюши, то, наверно, он, и среди удовольствий деревни, не позабывает истории, которую он бывало и частенько ленясь <?> плохо знал. Осенью Вы повезете его, по-видимому, в Москву, к Чермаку, на порожнее место.[3] — Так! Еще долго Вам будет пещись о воспитанье детей: нас у Вас много. Судите же, как мы должны просить бога о сохраненье Вашего драгоценного для нас здоровья.

С глубочайшим почтеньем и преданностью пребываем Вас сердечно любящие

Михаил и Феодор Достоевские.

Поцелуйте за нас всех братцев и сестриц.

12. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

6 сентября 1837. Петербург

С.-Петербург. Сентября 6-го дня 1837 года.

Любезнейший папенька!

Долго мы не писали к Вам,[1] и наше долгое молчанье, должно быть, приносит Вам немало беспокойства, а особливо в таких

обстоятельствах. Мы[a] теперь только нашли время уведомить Вас, так заняты; экзамен близко, беспрестанные приготовленья; всё совершенно сбивает с толку.

1-го сентября, как объявлено было в программе от Инженерного училища, мы должны быть представлены в замок. Мы явились все в назначенный срок и были представлены Коронадом Филипповичем инспектору Ломновскому и генералу Шарнгорсту, главному начальнику Инженерного училища. Генерал обошелся со всеми ласково, и всем приказано быть в готовности; ибо нас довольно часто будут призывать в Инженерное училище. *Такая скука!* Вот сейчас пришла бумага от генерала к Коронаду Филипповичу, чтобы нас всех представили в Инженерное училище. Не знаю для чего. Кажется, для аттестатов; ибо генерал приказал принести аттестаты от прежних заведений, где кто находился. Насилу дождались главного экзамена, который назначен 15-го числа. Всех кандидатов 43. Мы так рады, что так мало. Прошлого года было 120, а в прежние года 150 и более. И ученики Костомар‹ова› всегда были одни из первых. Что же ныне, когда так мало! Правда, комплект есть 25, но, кажется, довольно забракуют; ибо все, по-видимому, пустые люди, и все в четвертый класс. Они, по-видимому, чрезвычайно боятся учеников *Костомарова*. Всем нам такое уваженье. Что-то дальше?

Уже долго и мы об Вас не имели никакого известия. Но мы и утруждать не смеем Вас в Ваших занятиях. Это письмо придет к Вам в то время, когда уже будет решаться наша участь, то есть будет настоящий экзамен. В будущем письме постараемся уведомить обо всем. Теперь наши занятия утроились. Самое время не поспевает за нами. Всегда за книгой. Ждем не дождемся экзамена. Теперь пишу к Вам на почтовых. Сколько дел после письма. Не больше $^1/_4$ часа я писал к Вам его. — Еще скажу Вам, что принуждены были купить новые шляпы к экзамену; это нам обошлось в 14 р. С Шидловским мы не видались долгое время. Только нынче провели с ним час в Казанском соборе. Нам это хотелось давно; особенно перед экзаменом. Шидлов‹ский› и Коронад Фил‹иппович› Вам кланяются. Прощайте до будущего письма. Честь имеем пребыть всегда Вас любящие сыновья

Михаил и Феодор Достоевские.

---

[a] *Было:* Но мы

13. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

27 сентября 1837. Петербург

27 сентября.

Любезный папенька!

Давно уже не писали мы к Вам, ожидая конца экзамена, который должен был решить судьбу нашу.

Еще прежде экзамена, на докторском смотре, сказали, что я слаб здоровьем; но это была только пустая оговорка. На это они не имели никакого основания, кроме разве того, что я не толст. Да и что могли они сказать, когда они не могли заметить ни одного из моих недостатков, потому что нечистота лица прошла, а на другое они и не взглянули. Впрочем, на эти недостатки они и не смотрят, ибо нынешний же год они приняли многих, у которых гораздо можно было бы больше заметить. Главная же причина, во-первых, должна быть та, что мы оба брата вступаем в один год, а другая та, что мы вступаем на казенный счет. Более я ничего не могу придумать. Отозвались же они так, что я не в состоянии буду перенесть всех трудностей фронта и военной службы, тогда когда здоровье мое совершенно позволяет мне быть уверенну, что я могу перенести еще гораздо более. Много слез стоило мне это — но что же было мне делать? Я надеялся, что еще можно будет как-нибудь это сладить. Да и К<оронад> Ф<илиппович> меня обнадеживал и уговаривал. Генерал[1] с своей стороны, увидев мое свидетельство, готов был принять меня, ежели б на это был согласен доктор. Впрочем, это еще можно очень поправить. Время терпит. Они принимают еще и в январе. Главное дело теперь состоит в том, чтобы иметь свидетельство от какого-нибудь хорошего доктора, который бы поручился в моем здоровье. Кто же лучше может это сделать, как не М<ихаил> А<нтонович> *Маркус*. Он в Петербурге имеет большой вес. Притом же он в этом месяце, как слышно, должен быть в Москве. Одно его слово может переменить всё дело.[2] Меня приняли бы в училище и без того, но боятся, ибо нынешний год — чего никогда не бывало — умерло у них пять человек.

Генерал очень добрый человек. К<оронад> Ф<илиппович> советует написать Вам к нему письмо, в котором Вы бы попросили его допустить меня к экзамену и упомянули, что мы просили государя. Брат держал экзамен с честию. Мы наверно полагали, что он будет в числе первых, ибо ни у кого почти нет более его баллов. Из геометрии, истории, французского и закона он получил полные баллы, то есть 10. Из прочих всех по 9. Чего почти ни у кого не было. Несмотря на всё это, он стал 12-м; ибо теперь, вероятно, смотрели не на знания, но на лета и на время, с которого начали учиться. Поэтому первыми стали почти все маленькие и те, которые дали денег, то есть подарили. Эта несправедливость огорчает брата донельзя. Нам нечего дать; да ежели бы мы и имели, то, верно бы, не дали, потому что бессовестно и стыдно покупать первенство деньгами, а не делами. Мы служим государю, а не им. Но это еще ничего, потому что личное достоинство никогда не затмится местом, и если он стал не первым — чего он совсем не заслужил, — то в училище он может быть первым. Главное же дело состоит в том, что генерал объявил, что нет ни одной казенной ваканции; след<овательно>, несмотря на разрешение государя, принять его не могут на ка-

зенный счет. Беда, да и только! Где же взять нам теперь 950 р.? Неужели отдать последнее? Вы уже и так всё отдали, что имели. Боже мой! Боже мой! Что с нами будет! Но Он нас не оставит. Одна надежда на Него.

Еще хорошо, что[а] довольно времени всё это обделать. Может[б] быть,[в] всё это устроится к лучшему. Будем молиться богу! Он не кинет бедных сирот! Еще много у него милости. Прощайте. Берегите себя: будьте здоровы. Вот желание любящих по гроб детей Ваших.

Михаил и Федор Достоевские.

Кланяйтесь от нас почтенному Федору Антоновичу.[3] Скажите, что мы просим тысячу раз у него прощенья за то, что еще ни разу к нему не написали. Времени совершенно до сих пор не было свободного. Насилу урывались написать к Вам несколько строк.

[а] *Далее было:* еще
[б] *Далее было:* еще
[в] *Далее было:* что

14. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

8 октября 1837. Петербург

Петербург. Октября 8-го дня.

Любезнейший папенька!

Нынче получили мы вдруг два письма; одно от Вас; другое от тетеньки.[1] Боже мой! как горько было узнать нам, что Вы еще не получили от нас ни одной строчки. Мы не понимаем, отчего бы это было; от неисправности ли почты или от неверного доставления на почту; потому что наш человек на это не слишком хорош. Еще сейчас после 15 сентября Коронад Филиппович написал письмо к Вам в Даровую. Мы полагали, что оно дошло[а] туда во время Вашего отсутствия в Москву; между тем, как теперь видим из письма Вашего, Вы его совсем не получили.[2] В Москву же мы не писали, дожидаясь конца экзамена, который продолжался с лишком 2 недели и кончился для брата очень благополучно. Он уже совершенно принят и ходит теперь учиться фронту. Сегодня представляли всех вступающих в Г<лавное> и<нженерное> у<чилище> великому князю Михаилу Павловичу, и этот смотр, которого все очень боялись, кончился очень благополучно. После же конца экзамена Коронад Филиппович и мы сейчас же отправили письмо к Вам[3] и к тетеньке,[4] в котором описали всё подробно; но оно Вас, вероятно, не застало уже в Москве. Впрочем, думаем, что оно уже дошло к Вам. Боже мой! знали ли мы, что это так случится. Милый, любезный папенька! сколько огорчений делаем мы Вам! Будем ли мы в состоянии

[а] *Далее было:* до

хоть когда-нибудь возблагодарить Вас! Когда придет это время, время, когда мы будем в состоянии радовать Вас? Каждый день я молюсь со слезами богу[б] об этом. Что же делать, когда для нас суждены одни только неудачи! Но еще есть надежда, что всё это примет другой, лучший оборот. Пишете Вы, что мы ведем переписку с Кудряв‹цевым› и Ламовским. К последнему мы не писали ни одного письма, потому что мы с ним коротко совсем не знакомы. А к Кудрявцеву я не писал уже больше чем полтора месяца, хотя я[в] получил от него несколько писем.[5]

От тетеньки получили мы нынче письмо[6] — ответ на наше, которое послали вместе с письмом к Вам. Они очень об нас жалеют и хотят непременно внести за нас плату по 950 руб. за каждого, ежели Вы только это позволите. Это нас очень удивило, тем более что в нашем письме мы совсем об этом и не намекали и совсем[г] не просили. Позвольте это им сделать именно только для нас. В будущем письме мы ждем от Вас ответа. Для них это ничего не будет стоить, а для нас это будет иметь большое влияние на судьбу нашу. Притом же до сих пор для нас они ничего не сделали; так пусть по крайней мере на этот случай, можно сказать критический, они одолжат именно только меня с братом. Без этого же брату взойти в корпус совершенно невозможно, ибо он уже и расписался в уплате этих денег; иначе он бы сейчас же лишился права на вступление, и его бы место было занято другим. Может быть, наши грешные молитвы дошли до бога, и дело наше принимает оборот несколько лучший. Что же касается до меня, то это также не трудно поправить. Коронад Филиппович и все наши советуют мне поступить прямо в так называемые инженерные юнкера, что нам почти ничего не будет стоить. А это совсем не хуже Инженерного училища. Через 2 года *по крайней мере* я могу быть офицером; *по крайней мере,* а то и через $1^1/_2$ или через год; ибо это будет зависеть от экзамена. Эти юнкера живут также в Инженерном замке, а те, которые захотят жить у себя, то обыкновенно живут дома. Содержание всё казенное. Должность их состоит в том, что они чертят планы, летом присутствуют при постройках. Учатся же они сами по себе. Но это совсем не беда, потому что я сам теперь даже могу держать экзамен в офицеры. Там требуют алгебру до неопределенных уравнений, геометрию и тригонометрию, что я уже и проходил, фортификацию, артиллерию, что я уже и теперь несколько знаю, но имею средства сам по себе приготовить, брав записки у кондукторов (из них мне много коротко знакомых). И еще требуют архитектуру. Это также я могу приготовить, читав хорошие книги. И так через год или *много* через 2 я буду точно таким же офицером, каким бы я был, вышедши из Инженерного училища, с тою только разностию, что чин подпоручика там

[б] *Далее было начато:* что‹бы›
[в] *Далее было:* уже
[г] *Было:* не только что

(в И‹нженерном› у‹чилище›) я могу получить через год по экзамену, ежели только я бы хорошо учился, а здесь — прослужив прапорщиком должное время. Для приготовления и вообще для занятия я буду иметь свободное время после обеда, ибо только утром я буду тогда на службе. Судите сами, как это хорошо, и притом это ничего не будет тогда стоить. Даже мундир один и тот же, как и кондукторов. Здесь я могу гораздо скорее быть офицером, нежели в Инженерном училище. А мне только это и нужно. Впрочем, это можно всегда сделать, ибо теперь есть довольно там ваканций. Но,[д] может быть, еще можно будет вступить и в Инженерное училище. Пусть всё устроивается так, как угодно богу. Он делает всё к лучшему и верно устроит и наше дело. Об одном только просим Вас, любезный папенька! не огорчайтесь этим; верьте, что бôг это устроивает также для нашего счастия. Может быть, вступив в Инженерное, я много бы должен был перенести несчастий. Я всегда буду молиться богу, и он не оставит нас. Прощайте, милый, любезнейший папенька! Еще, ради бога, не огорчайтесь. Всё устроится к лучшему. С сыновнею любовью и преданностию, честь имеем пребыть послушными сыновьями Вашими

Михаил и Феодор Достоевские.

Ради бога, уведомьте нас сейчас по получении нашего письма. Тогда мы будем немедля писать к тетеньке.

Сестер и брата Николочку целуем.

К‹оронад› Ф‹илиппович› и *Иван Николаевич* Шидловский кланяются Вам.

д *Было:* Впрочем

15. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

3 декабря 1837. Петербург

Петербург. 3 декабря. Пятница.

Любезнейший папенька!

Нынче получили мы письмо от Вас,[1] и вместе с ним и деньги 70 руб., деньги, орошенные потом трудов и собственных лишений. О как они для нас теперь дороги! Благодарим, благодарим Вас от всего сердца, которое вполне чувствует всё, что Вы для нас делаете.

Вам, может быть, покажется странным, отчего мы только теперь получили письмо Ваше. Повестка о деньгах пришла еще к нам на прошлой неделе в субботу; во вторник только К‹оронад› Ф‹илиппович› расписался и только нынче взял деньги с почты. Вы пишете, любезнейший папенька, что не получали ответа на последние 2 письма Ваши, но мы вот уже полтора месяца как пишем аккуратно раз в неделю.[2] Не знаю, получили ли Вы то

письмо, в котором я, в приписке, уведомлял Вас, что я справлялся в канцелярии насчет письма генералу Шарнгорсту.[a] [3] Присланных Вами денег для нас за глаза довольно. Нынче я говорил с Коронадом Филиппов‹ичем›, он уверяет меня, что в том никакого нет сомнения, что я буду принят. Впрочем, я его просил сам, чтоб он обо всем уведомил Вас сам; и он мне это обещал, сказав, что он наперед узнает обо всем до меня касающемся в воскресенье. На нынешней неделе, тому дня с три, призывал он меня к себе и сказал, чтоб я непременно написал Вам, чтоб Вы не беспокоились насчет денег. Что он не будет Вас больше об них беспокоить, ежели я, сверх его чаяния, пробуду у него и первые числа января. След‹овательно›, он теперь для себя должен стараться меня поскорее спровадить. Впрочем, не думает ли он, под этим *благородным* предлогом, как-нибудь отклонить с нашей стороны требование 300 (сот) рублей! Бог его знает! Только он мне ручается за мое поступление и приказывает приготовить поболее фортификационных и архитектурных чертежей. Эти кондукторы живут или в Инженерном замке, или в Петропавловской крепости, что за Невою. Он хочет как-нибудь поместить меня в Инж‹енерный› замок, в чертежный департамент. Это будет еще лучше. Просьбу он подаст в декабре, причины этому я излагал в прошлом письме. Ежели б мне бог позволил вступить туда, мне было бы очень хорошо. Через год я был бы офицером, а там широка дорога.

К‹оронад› Ф‹илиппович› просил у генерала, чтоб он позволил брату держать экзамен в 3-й класс. Генерал позволил. Он держит экзамен прекрасно. Математика уже сошла с плеч его как не надо лучше. Из закона также. Остается география, история и фортиф‹икация›, но и это, надеемся, пройдет очень хорошо. Поверите ли, из фортификации и артиллерии не хотят и экзаменовать, потому что начнут с начала в 3-м классе. След‹овательно›, 300 руб. были К‹оронаду› Ф‹илипповичу› ни на что не нужны. Впрочем, до сих пор он их не тратит, кроме 10 руб., которыми ссудил он нас.

Вы пишете, любезнейший папенька, что мы переписываемся с Куманиными. Так.[4] Но ежели бы Вы знали, что я пишу к ним всё то же, насчет денег, что и к Вам. Они же пишут к нам всякий вздор. Только об делах. Иногда укоряют меня в *неоткровенности*, что я не описываю им подробно об инженерн‹ых› юнкерах. Но, ей-богу, иногда позабудешь, а иногда и сам еще хорошо не разузнаешь. Да и какая может быть тут *неоткровенность*? Смешные люди! Деньги за брата уже внесены и квитанция уже взята. Недавно получили мы от них письмо, в котором между прочими *недальновидными* расспросами пишут, что уже давно не получали от Вас никакого известия. Вообще письма их наполнены только одними расспросами, о делах, которые мы пред-

---

а *В подлиннике ошибочно:* генерала Шарнгорста.

принимаем, о подробностях этих кондукторов. Письма их состоят из нескольких строк. Редко в 2 страницы. Пишет Алек‹сандр› Алексеев‹ич›. Величает нас по имени и отчеству. Прощайте. Будьте здоровы! и сколько можно счастливы. О том молят бога дети Ваши

М. и Ф. Достоевские.

Этих денег для нас очень довольно. Сдел‹айте› милость, будьте спокойны.

Честь имеем поздравить Вас с двумя именинниками.

‹Иван› [б] Николаевич Шидловский свидетельствует Вам свое почтение. Он по воскресеньям или бывает у нас, или присылает за нами, — и мы проводим у него целое утро. Зима еще у нас не начиналась. То выпадает снег, то опять сойдет. Брат, думаем, будет непременно принят в 3-й класс.[5] Генерал и полковники Ломновский и Фере прекрасного об нем мнения.[6] Их очень много мучают фронтом. Князь очень строг.[7] Он в Москве.

б *Край листка оторван.*

16. В. М. ДОСТОЕВСКОЙ

3 декабря 1837. Петербург

Милая сестра Варенька!

Поздравляем тебя с днем твоего рождения и ангела.[1] Дай бог тебе всего лучшего. Каково-то ты проведешь этот день? Теперь, я думаю, ты уж очень мило играешь на фортепиано.[2] Поцелуй за нас милую Сашурочку. Говорит ли она? Ходит ли она? Мы об этом еще ничего не знаем. Именинника Колечку расцелуй за меня. Любит ли он по-прежнему *шепеленосков*? Прощай.

Твои братья М. и Ф. Достоевские.

17. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

Конец декабря 1837—начало января 1838. Петербург

‹. . .› но я постараюся настоять на своем. Ах папенька! как горько иногда бывает быть посреди людей этих, не зная кому отнестися с своею просьбою, видя совершенную возможность поступить, и бог знает сколько дожидаться. Но будьте покойны! я уже пообтерся с этими людьми и сумею с ними сладить. Главное не должно быть *деликатным*. Прощай, милый, любезный наш папенька! Прощайте! Целуя ручки Ваши, пребываем любящими Вас детьми Вашими

М. и Ф. Достоевские.

Милую сестру Вареньку, Сашечку и братишку Николю целуем. Прощайте!

1838

18. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

4 февраля 1838. Петербург

С.-Петербург. — 1838 года. — Февраля 4-го дня.

Любезнейший папенька!

Наконец-то я поступил в Г‹лавное› и‹нженерное› училище, наконец-то я надел мундир и вступил совершенно на службу царскую.[1] Насилу-то вылилась мне свободная минутка от классов, занятий, службы, драгоценная минута, в которую я могу с Вами побеседовать хоть письменно, любезнейший папенька. Сколько уже времени как не писал я к Вам, и слыша при свиданье последний раз с братом, что Вы уже пеняли на меня за это, я чрезвычайно желал поправить мой, хотя невольный, проступок. И в это самое время я вдруг получаю от Вас письмо;[2] я не знал, с чем сравнить Вашу к нам любовь.[а] Вы, любезнейший папенька, не зная даже адресса, прислали мне письмо, а между тем я уже более месяца не писал решительно ни строчки; но это совершенно по причине того, что не имел ни одной минутки свободной. Вообразите, что с раннего утра до вечера мы в классах едва успеваем следить за лекциями. Вечером же мы не только не имеем свободного времени, но даже ни минутки, чтобы следить хорошенько на досуге днем слышанное в классах. Нас посылают на фрунтовое ученье, нам дают уроки фехтованья, танцев, пенья, в которых никто не смеет не участвовать. Наконец, ставят в караул, и в этом проходит всё время; но получив от Вас[б] письмо, я бросил всё и теперь спешу отвечать Вам, любезнейший папенька. Слава богу, я привыкаю понемногу к здешнему житью; о товарищах ничего не могу сказать хорошего.[3] Начальники обо мне, надеюсь, очень хорошего мненья. У нас новый инспектор по классам. Ломновский (прежний инспектор) передал свое место барону Дальвицу; что-то будет, а прежний инспектор мною был доволен. — Деньги я получил 50 р. Они теперь у брата. Сколько я должен благодарить Вас, папенька. Они мне действительно нужны, и я спешу обзавестись всем, что нужно. В воскресенье и в другие праздники я никуда не хожу; ибо за всякого кондуктора непременно должны расписаться родственники в том, что они его

а *Далее было начато:* Как можно
б *Далее было начато:* только

будут брать к себе. — Итак, я покуда лишен сообщенья с братом, и, следственно, не мог читать последних Ваших писем. Только однажды мог я выпросить сходить к Костомарову и там узнал для нас столь приятную новость о поступлении брата в инженерные юнкера.[4] Слава богу, что наконец-то исполнилось наше давнее, общее желанье, и наконец-то брат нашел себе совершенную дорогу. Теперь, надеемся, всё пойдет лучше. В письме своем ко мне Вы все-таки еще изъявляете сомнение насчет этого. Но это совершенно кончено, и верно как не надо более. Да и всегда можно бы было надеяться такого решенья, ежели бы не Костомаров, которому всегда хотелось затянуть это дело, попридержать брата долее срока, чтобы быть хотя отчасти правым насчет наших 300 р., которые он так низко оттягал от нас. — Вам должно быть известно из последних писем брата насчет того, что он представлялся Геруа и Трусону — своим будущим генералам. Они приняли его отменно ласково, как уже поступившего в службу: следст‹венно›, это решенье несомненно и сомневаться нечего. Трусон обещал также брату стараться о нем при определенье в офицеры, и можно надеяться, что он сдержит свое обещанье.[в] Недавно я узнал, что уже после экзамена генерал постарался о принятии четырех новопоступающих на казенный счет кроме того кандидата, который был у Костомарова и перебил мою ваканцию. Какая подлость! Это меня совершенно поразило. Мы, которые бьемся из последнего рубля, должны платить, когда другие — дети богатых отцов — приняты безденежно.[5] Бог с ними! — Пишете Вы, папенька, не имею ли я в чем-нибудь нужды. Теперь покуда ни в чем. Белье и платье мое у брата. Жду не дождусь его совершенного поступления. Тогда, по крайней мере, всё ближе друг от друга. Прощайте, любезнейший папенька. С пожеланием Вам всех благ от бога.

Честь имею пребыть Ваш покорный и послушный сын

Ф. Достоевский.

Слышно, что брат прежде поступленья в Инженерный замок проживет недели с две в крепости.[6]

Насчет нового постановленья, о котором Вы мне писали, нечего опасаться.[7] О нем у нас не слыхать. Да оно не имеет и достаточного основанья, а просто пустой слух.

Поцелуйте за меня всех братцев и сестриц. Когда-то мы с ними увидимся. Андрюша нам до сих пор не написал ни полстрочки.

Вы пишете, чтобы я прислал к Вам адрес Шидловского, но он едет из Петербурга в Курск к родным на время. Вы, должно быть, встретитесь с ним в Москве, и он может отыскать Вас чрез Куманиных.[8]

в *Было:* слово

19. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

5 июня 1838. Петербург

С.-Петербург. Июня 5 дня 1838 г.

Любезнейший папенька!

Боже мой, как давно не писал я к Вам, как давно я не вкушал этих минут истинного сердечного блаженства, истинного, чистого, возвышенного... блаженства, которое ощущают только те, которым есть с кем разделить часы восторга и бедствий; которым есть кому поверить всё, что совершается в душе их. О как жадно теперь я упиваюсь этим блаженством. Спешу Вам открыть причины моего долгого молчанья.

После братнина письма, где я сделал коротенькую приписочку, поздравив Вас с светлыми днями праздника,[1] я долго не мог взяться ни за что постороннее. У нас начались тотчас третные экзамены, которые продолжались по крайней мере месяц. Надобно было работать день и ночь; особенно чертежи доконали нас. У нас 4 предмета рисований: 1) рисованье фортификационное, 2) ситуационное, 3) архитектурное, 4) с натуры. Я плохо рисую, как Вам известно. Только в фортификационном черченье я довольно хорош, что ж делать с этим? и это мне много повредило. Во-первых, тем, что я стал средним в классе, тогда как я мог быть первым. Вообразите, что у меня почти из всех умственных предметов полные баллы, так что у меня 5 баллов больше 1-го ученика из всех предметов, кроме рисованья. А на рисованье смотрят более математики. Это меня очень огорчает. Вторая причина моего долгого молчанья есть фрунтовая служба. Вообразите себе. Пять смотров великого князя и царя измучили нас. Мы были на разводах, в манежах вместе с гвардиею маршировали церемониальным маршем, делали эволюции и перед всяким смотром нас мучили в роте на ученье, на котором мы приготовлялись заранее. Все эти смотры предшествовали огромному, пышному, блестящему *майскому параду*, где присутствовала вся фамилия царская и находилось 140 000 войска. Этот день нас совершенно измучил. — В будущих месяцах мы выступаем в лагери. Я по моему росту попал в роту застрельщиков, которым теперь двойное ученье — баталионное и застрельщиков. Что делать, не успеваем приготавливаться к классам. Вот это причины моего долгого молчанья.

Теперь поговорим о другом. Да! Кто бы думал и полагал, что брат будет откомандирован.[2] Но что же делать! Так угодно богу. — А что от его воли, то не переменится никакою силою. Судьба обыкновенно играет миром как игрушкою. Она раздает роли человечеству... но она слепа. Но бог покажет путь, по которому можно выйти из всякого рода несчастья. А брат еще не несчастлив. — Конечно, видеть горесть такого отца, как Вы, горько, больно нам. Об этом мы скорбим душою. Но успокойтесь, любезнейший папенька, это место и служба брата имеет и свои

выгоды. Для инженерной службы главное практика. Он ее имеет теперь. А учиться может всегда и везде. Может быть, бог устроивает всё к лучшему. Я недавно получил письмо от брата, — и по его описаньям я полагаю его жизнь завидною.[3] Впрочем, Вам должно быть известно это из его письма к Вам. Ибо наверно он не заставил ждать себя.

Теперь, должно быть, Вы развлекаете свое одиночество сельскими занятиями и работами. Да! Каков-то будет нынешний год и чем-то нас господь порадует. О дай нам бог счастья.

Я всё еще продолжаю посещать Меркуровых. Это люди, достойные дружбы и почтенья. Они принимают меня как родного.[4] Дай бог счастья всякому доброжелателю нашему!

Теперешние мои обстоятельства денежные немного плохи. Поездка в Ревель стоила довольно много брату! Но еще я из Ваших присланных денег истратил довольное количество на казенные надобности. Ибо к майскому параду требовались многие поправки и пополненья в мундирах и амуниции. Решительно все мои новые товарищи запаслись собственными киверами; а мой казенный мог бы броситься в глаза царю. Я вынужден был купить новый, а он стоил 25 рублей. На остальные деньги я поправил инструменты и купил кистей и краски. Всё надобности! К лагерям же наступит ужаснейшая необходимость, ибо там без денег беда. Если можно, папенька, пришлите мне хоть что-нибудь. Письмо присылайте прямо в Главное инженерное училище. Ибо не знаю, как Вам сказать, куда адресовать в квартиру Меркуровых. Они съехали с прежней, а я позабыл имя теперешнего хозяина их. Около 12 июня мы выступаем в лагери.

Прощайте, любезнейший папенька. Поцелуйте всех моих братьев и сестриц. С истинным почтеньем и сыновней преданност‹ью› остаюсь

Ф. Достоевский.

20. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 августа 1838. Петербург

С.-Петербург. Августа 9-го дня. 1838 года.

Брат!

Как удивило меня письмо твое, любезный брат: неужели же ты не получил от меня ни полстрочки; я тебе со времени отъезда твоего переслал 3 письма:[1] 1-е вскоре после твоего отъезда; на 2-е не отвечал, потому что не было ни копейки денег (я не брал у Меркуровых).[2] Это продолжалось до 20 июля, когда я получил от папеньки 40 р.; и наконец, недавно 3-е. След‹овательно›, ты не можешь похвалиться, что не забывал меня и писал чаще. След‹овательно›, и я был всегда верен своему слову. Правда, я ленив, очень ленив. Но что же делать, когда мне осталось одно

в мире: делать беспрерывный кейф! Не знаю, стихнут ли когда мои грустные идеи? Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш — чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию.[a] Мне кажется, мир принял значенье отрицательное и из высокой, изящной духовности вышла сатира. Попадись в эту картину лицо, не разделяющее ни эффекта, ни мысли с целым, словом, совсем постороннее лицо... что ж выйдет? Картина испорчена и существовать не может!

Но видеть одну жесткую оболочку, под которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно разбить ее и слиться с вечностию, знать и быть как последнее из созданий... ужасно! Как малодушен человек! Гамлет! Гамлет! Когда я вспомню эти бурные, дикие речи, в которых звучит стенанье оцепенелого мира, тогда ни грусть, ни ропот, ни укор не сжимают груди моей...[3] Душа так подавлена горем, что боится понять его, чтоб не растерзать себя. Раз Паскаль сказал фразу: кто протестует против философии, тот сам философ.[4] Жалкая философия! Но я заболтался. — Из твоих писем я получил только 2 (кроме последнего).[5] Ну брат! ты жалуешься на свою бедность. Нечего сказать, и я не богат. Веришь ли, что я во время выступленья из лагерей не имел ни копейки денег; заболел дорогою от простуды (дождь лил целый день, а мы были открыты) и от голода и не имел ни гроша, чтоб смочить горло глотком чаю. Но я выздоровел, и в лагере участь моя была самая бедственная до получения папенькиных денег. Тут я заплатил долги и издержал остальное. Но описанье твоего состоянья превосходит всё. Можно ли не иметь 5 копеек; *питаться* бог знает чем и лакомым взором ощущать всю сладость прелестных ягод, до которых ты такой охотник! Как мне жаль тебя! Спросишь, что сталось с Меркуровыми и деньгами твоими? А вот что: я бывал у них несколько раз после твоего отъезда. Потом я не мог быть, потому что отсиживал. В крайности я послал к ним, но они прислали мне так мало, что мне стало стыдно просить у них. Тут я получил на мое имя письмо к ним от тебя.[6] У меня ничего не было, и я решился просить их вложить мое письмо в ихнее. Ты же, как видно, не получил ни которого.[7] Кажется, они не писали к тебе. Перед лагерями (не имея денег прежде отослать давно приготовленное папеньке письмо) я обратился к ним с просьбою прислать мне хоть что-нибудь; они прислали мне все наши вещи, но ни копейки денег, и не написали ответа; я сел как рак на мели! Из всего я заключил, что они желают избавиться от докучных требований наших. Хотел объясниться в письме с ними, но я отсиживаю после лагеря, а они съехали с прежней квартиры. Знаю дом, где они квартируют, но не знаю адресса. Его я *сообщу*

---

[a] *Далее было:* Здесь

тебе после. — Но давно пора переменить матерью разговора. Ну ты хвалишься, что перечитал много... но прошу не воображать, что я тебе завидую. Я сам читал в Петергофе по крайней мере не меньше твоего. Весь Гофман русский и немецкий (то есть непереведенный «Кот Мурр»),[8] почти весь Бальзак (Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили бореньем своим такую развязку в душе человека).[9] «Фауст» Гете и его мелкие стихотворенья,[10] «История» Полевого,[11] «Уголино»,[12] «Ундина»[13] (об «Уголино» напишу тебе кой-что-нибудь после). Также Виктор Гюго, кроме «Кромвеля» и «Гернани».[14] Теперь прощай. Пиши же, сделай одолженье, утешь меня и пиши, как можно чаще. Отвечай немедля на это письмо. Я рассчитываю получить ответ через 12 дней. Самый долгий срок! Пиши же или ты меня замучаешь.

Твой брат Ф. Достоевский.

У меня есть прожект: сделаться сумасшедшим. Пусть люди бесятся, пусть лечат, пусть делают умным. Ежели ты читал всего Гофмана, то наверно помнишь характер Альбана. Как он тебе нравится? Ужасно видеть человека, у которого во власти непостижимое, человека, который не знает, что делать ему, играет игрушкой, которая есть — бог![15]

Часто ли ты пишешь к Куманиным? И напиши, не сообщил ли тебе Кудрявцев что-нибудь о Чермаке. Ради бога, пиши и об этом; мне хочется знать об Андрюше.

Но послушай, брат. Ежели наша переписка будет идти таким образом, то, кажется, лучше не писать. Условимся же писать через неделю каждую субботу друг к другу, это будет лучше. Я получил еще письмо от Шренка[16] и не отвечал ему 3 месяца. Ужасно! Вот что значит нет денег!

21. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

30 октября 1838. Петербург

С.-Петербург. 30 октября 1838 года.

Любезнейший папенька!

Не сердитесь, ради бога, на мое молчанье после полученья письма Вашего,[1] любезнейший папенька! Много имею я причин молчанья и оправданий. Скажу Вам только то, что Ваше письмо застало меня в начале экзамена: он теперь кончился. Спешу уведомить Вас обо всем. Прежде нежели кончился наш экзамен, я Вам приготовил письмо... я хотел обрадовать Вас, любезнейший папенька, письмом моим, хотел наполнить сердце Ваше радостию; одно слышал и видел и наяву и во сне. Теперь что осталось мне? Чем мне обрадовать Вас, мой нежный, любезнейший родитель? Но буду говорить яснее.

Наш экзамен приближался к концу; я гордился своим экзаменом, я экзаменовался *отлично*, и что же? Меня оставили на другой год в классе.[a] Боже мой! Чем я прогневал Тебя? Отчего не посылаешь Ты мне благодати своей, которою мог бы я обрадовать нежнейшего из родителей? О скольких слез мне это стоило. Со мной сделалось дурно, когда я услышал об этом.[2] В 100 раз хуже меня экзаменовавшиеся перешли (*по протекции*). Что делать, видно, сам не прошибешь дороги. Скажу одно: ко мне не благоволили некоторые из преподающих и самые сильные своим голосом на конференцной. С двумя из них я имел личные неприятности. Одно слово их, и я был оставлен. (Всё это я услышал после.) Судите сами, каков был мой экзамен, когда я Вам скажу мои баллы; ничего не скрою — буду откровенен:

При 10-ти полных баллах (из алгебры и фортификации 15 полных) я получил:

Из алгебры — 11 (преподающий хотел непременно, чтоб я остался, он зол на меня более всех) —

Фортификации — 12.
Артиллерия — 8.
Геометрия — 10.
История — 10.
География — 10.
Русск‹ий› язык — 10.
Французский — 10.
Немецкий — 10.
З‹акон› божий — 10.

Теперь судите сами, каково мне было, когда я услышал, что я остался в классе при таких баллах. Заметьте, что из алгебры и фортификации я отличился, и мне выставили баллы несоответственные.[3]

Что мне до того, что я буду сидеть 1-м в нашем классе. Что мне до того. Через полгода я буду во 2-м классе.[4] Экзамен назначен в мае. Но я потерял целый год! Не огорчайтесь, папенька! Что же делать! Пожалейте самих себя. Взгляните на бедное семейство наше; на бедных малюток братьев и сестер наших, которые живут только Вашею жизнью, ищут только в Вас подпоры. К чему же огорчать себя и не беречь, предаваясь отчаянью. Вы до того любите нас, что не хотите видеть никакой неудачи в судьбе нашей. Но с кем же их и не было. Теперь Вы убиваете себя неосновательною мыслию, что ежели я останусь в классе, то меня исключат из училища. Да разве я лишен всех способностей, чтобы выключать меня. Или я не знаю постановлений училища? Я оставлен на 2-й год! О подлость! Завтра же спрошу генерала, за что я оставлен. Что-то мне скажут. Пишете Вы, любезн‹ый› папенька, что Вы теперь одни-одинехоньки и что и сестра Варенька оставила Вас. О не ропщите же и на нас, любезнейший папенька. Верьте, что вся жизнь моя будет иметь одно целью любить и угождать Вам. Что делать, богу так угодно. Остаюсь Вас любящий и почитающи‹ий› сын Ваш

Феодор Достоевский.

---

[a] *Было:* роте

P. S. Теперь я буду аккуратнее в письмах. Поцелуйте Колю и Сашу. О когда-то будет время, когда я обниму Вас с любовью и радостию. Еще лишний год дрянной ничтожной кондукторской службы!

Вы мне приказали быть с Вами откровенным, любезнейший папенька, насчет нужд моих. Да, я теперь порядочно беден. Я занял к Вам на письмо и отдать нечем. Пришлите мне что-нибудь не медля. Вы меня извлечете из ада. О ужасно быть в крайности!

Ив‹ан› Николаевич в Петербурге, кланяется Вам и свидетельствует свое почтенье.

Скоро праздник в нашем семействе: торжественный день Вашего ангела; обливаюсь слезами, исторгнутыми воспоминаньями. Всё, что может быть счастливого в мире, всего желаю Вам, ангел наш! О как рад бы я был, ежели бы мое поздравленье застало Вас в веселии и радости.

22. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

31 октября 1838. Петербург

С.-Петербург. 1838 года 31 октября.

О, как долго, как долго я не писал к тебе, милый мой брат... Скверный экзамен! Он задержал меня писать к тебе, папеньке и видеться с Иваном Николаев‹ичем›, и что же вышло? Я не переведен! О ужас! еще год, целый год лишний! Я бы не бесился так, ежели бы не знал, что подлость, одна подлость низложила меня; я бы не жалел, ежели бы слезы бедного отца не жгли души моей. До сих пор я не знал, что значит оскорбленное самолюбие. Я бы краснел, ежели бы это чувство овладело мною... но знаешь? Хотелось бы раздавить весь мир за один раз... Я потерял, убил столько дней до экзамена, заболел, похудел, выдержал экзамен отлично в полной силе и объеме этого слова и остался... Так хотел один преподающий (алгебры), которому я нагрубил в продолженье года и который нынче имел подлость напомнить мне это, объясняя причину, отчего остался я... При 10-ти полных я имел $9^1/_2$ средних, и остался... Но к черту всё это.[1] Терпеть так терпеть... Не буду тратить бумаги, я что-то редко разговариваю с тобой.

Друг мой! Ты философствуешь как поэт. И как не ровно выдерживает душа градус вдохновенья, так не ровна, не верна и твоя философия. Чтоб больше *знать*, надо меньше *чувствовать*, и обратно, правило опрометчивое, бред сердца. Что ты хочешь сказать словом *знать*? Познать природу, душу, бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом. Ежели бы мы были духи, мы бы жили, носились в сфере той мысли, над которою носится душа наша, когда хочет разгадать ее. Мы же прах, люди должны раз-

гадывать, но не могут [a] обнять вдруг мысль. Проводник мысли сквозь бренную оболочку в состав души есть ум. Ум — способность материальная... душа же, или дух, живет мыслию, которую нашептывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина, движимая огнем душевным... Притом (2-я статья) ум человека, увлекшись в область знаний, действует независимо от *чувства*, след<овательно>, от *сердца*. Ежели же цель познания будет любовь и природа, тут открывается чистое поле *сердцу*... Не стану с тобой спорить, но скажу, что не согласен в мненье о поэзии и философии... Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа... Заметь, что поэт в порыве вдохновенья разгадывает бога, след<овательно>, исполняет назначенье философии.[2] След<овательно>, поэтический восторг есть восторг философии... След<овательно>, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!.. Странно, что ты мыслишь [б] в духе нынешней философии. Сколько бестолковых систем ее родилось в умных пламенных головах; чтобы вывести верный результат из этой разнообразной кучи, надобно подвесть его под математическую формулу. Вот правила нынешней философии...[3] Но я замечтался с тобою... Не допуская твоей вялой философии, я допускаю, однако ж, существованье вялого выраженья ее, которым я не хочу утомлять тебя...

Брат, грустно жить без надежды... Смотрю вперед, и будущее меня ужасает... Я ношусь в какой-то холодной, полярной атмосфере, куда не заползал луч солнечный... Я давно не испытывал взрывов вдохновенья... зато часто бываю и в таком состоянье, как, помнишь, Шильонский узник после смерти братьев в темнице...[4] Не залетит ко мне райская птичка поэзии, не согреет охладелой души... Ты говоришь, что я скрытен; но вот уже и прежние мечты мои меня оставили, и мои чудные арабески, которые создавал некогда, сбросили позолоту свою. Те мысли, которые лучами своими зажигали душу и сердце, нынче лишились пламени и теплоты; или сердце мое очерствело или... дальше ужасаюсь говорить... Мне страшно сказать, ежели всё прошлое было один золотой сон, кудрявые грезы...

Брат, я прочел твое стихотворенье... Оно выжало несколько слез из души моей и убаюкало на время душу приветным нашептом воспоминаний. Говоришь, что у тебя есть мысль для драмы... Радуюсь... Пиши ее...[5] О ежели бы ты лишен был и последних крох с райского пира, тогда что тебе оставалось бы... Жаль, что я прошлую неделю не мог увидется с Ив<аном> Николаев<ичем>, болен был! — Послушай! Мне кажется, что слава также содействует вдохновенью поэта. Байрон был эгоист: его мысль о славе — была ничтожна, суетна...[6] Но одно помышленье о том,

---

[a] *Было:* Мы же, прах, люди, должны разгадывать, но не можем
[б] *Далее было:* также

что некогда вслед за твоим былым восторгом вырвется [в] из праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновенье как таинство небесное освятит страницы, над которыми плакал ты и будет плакать [г] потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась в душу поэта и в самые минуты творчества. Пустой же крик толпы ничтожен. Ах! я вспомнил 2 стиха Пушкина, когда он описывает толпу и поэта:

И плюет (толпа) на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник!..[7]

Не правда ли, прелестно! Прощай. Твой друг и брат Ф. Достоевский.

Да! Напиши мне главную мысль Шатобрианова сочиненья «Génie du Christianisme».*[8] — Недавно в «Сыне отечества» я читал статью критика Низара о Victor'e Hugo.** О как низко стоит он во мненье французов. Как ничтожно выставляет Низар его драмы и романы. Они несправедливы к нему, и Низар (хоть умный человек), а врет.[9] — Еще: напиши мне главную мысль твоей драмы: уверен, что она прекрасна; хотя для обдумыванья драматических характеров мало 10-ти лет. Так по крайней мере я думаю. — Ах, брат, как жаль мне, что ты беден деньгами! Слезы вырываются. Когда это было с нами? Да кстати. Поздравляю тебя, мой милый, и со днем ангела и с прошедшим рожденьем.

В твоем стихотворенье «Виденье матери» я не понимаю, в какой странный абрис облек ты душу покойницы. Этот замогильный характер не выполнен. Но зато стихи хороши, хотя в одном месте есть промах.[10] Не сердись за разбор. Пиши чаще, я буду аккуратнее.

Ах, скоро, скоро перечитаю я новые стихотворенья Ивана Николаевича. Сколько поэзии! Сколько гениальных идей![11] Да, еще позабыл сказать. Ты, я думаю, знаешь, что Смирдин готовит Пантеон нашей словесности книгою: портреты 100 литераторов с приложеньем к каждому портрету по образцовому сочиненью этого литератора. И вообрази Зотов (?!) и Орлов (Александ‹р› Анфимов‹ич›) в том же числе.[12] Умора! Послушай, пришли мне еще одно стихотворенье. То прелестно! — Меркуровы скоро едут в Пензу или, кажется, уже совсем уехали.

Мне жаль бедного отца! Странный характер! Ах, сколько несчастий перенес он! Горько до слез, что нечем его утешить. — А знаешь ли? Папенька совершенно не знает света: прожил в нем 50 лет и остался при своем мненье о людях, какое он имел 30 лет назад. Счастливое неведенье. Но он очень разочарован в нем. Это, кажется, общий удел наш. — Прощай еще раз.

Твой.

в *Было:* улети‹т›
г *Было:* заплачет
* «Гений христианства» (*франц.*).
** о Викторе Гюго (*франц.*).

1839

23. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

23 марта 1839. Петербург

С.-Петербург. Марта 23-го дня 1839 года.

Боже мой! Сейчас только узнал я, что Вы, любезнейший папенька, не получили и последнего письма моего. Теперь, которое пишу к Вам, уже пятое. И я наконец лишаюсь терпенья. Боже мой! Неужели я должен быть всегда причиною Вашего отчаянья. То, чего я так опасался, всё осуществилось; я в отчаянье, в совершенном отчаянье!

Выслушайте же теперь всё, что я в коротких словах объясню Вам, любезнейший папенька.

Сейчас после получения Вашего письма с посылкою 25 р. ассигнац‹иями› я ответил и благодарил Вас за помощь. Через неделю я послал письмо, и в тот же день и Ваше и братнино письмо пропали. Долго не получая известий, я в отчаянье о судьбе Вашей, дорогой наш папенька, в отчаянье о судьбе семейства нашего, я написал Вам пред рождеством еще письмо. И это имело ту же участь. 3-е я послал на масленице. Четвертое в начале великого поста.[1] 5-е пишу Вам теперь у Ивана Николаевича, не застав его дома; узнал о судьбе моих писем и в горе, в отчаянье, со слезами на глазах беру перо. Завтра, то есть в пятницу, пойдет к Вам письмо это. Иван Николаевич человек благородный и исполнит то, что я прошу его в оставляемой ему теперь записке.

Теперь я знаю причину, почему мои письма не доходили до Вас. У нас в училище случилась ужаснейшая история, которую я не могу теперь объяснить на бумаге; ибо я уверен, что и это письмо перечитают многие из посторонних. 5-ть человек кондукторов сослано в солдаты за эту историю. Я ни в чем не вмешан. Но подвергся общему наказанью. Месяца 2 никуда не выпускали нас совсем невинных из училища.[2] В это время распечатывали и читали все письма у нас в канцелярии и, должно быть, задерживали на почте. Вот почему и Вы не получили. — 4-е письмо мое к Вам я хотел послать чрез Ивана Николаевича (в этом письме я отвечал на Ваше страховое, которое смертельно уязвило меня), и солдат, которого послал я, как я сейчас узнал это, обманул меня и не исполнил моего поручения. След‹овательно›, я совершенно прав перед Вами, любезнейший папенька. Клянусь

Вам в этом. Боже мой! Но Вы в отчаянье о судьбе Вашего сына! У ног Ваших прошу прощенья за всё неумышленное зло, какое я сделал Вам.

Я, оставшись в классе, не потерял времени. Я занимался военными науками и успел много. Я следил за курсом высшего класса и намерен экзаменоваться через класс в первый.[3] Но я много истратил денег (на покупку книг, вещей и т. д.) и всё должен был занимать. Я задолжал кругом и очень много. Я должен по крайней мере 50 р. Боже мой! Долго ли я еще буду брать у Вас последнее. Но эта помощь необходима или я пропал. Срок платежа прошел давно. Спасите меня. Пришлите мне 60 р. (50 р. долга, 10 для моих расходов до лагеря). Скоро в лагери, и опять новые нужды. Боже мой! Знаю, что мы бедны. Но, бог свидетель, я не требую ничего лишнего. Итак, умоляю Вас помогите мне скорее, как можно. — Время идет, бумага вся. — Ваш до гроба преданный во веки веков. Сын Ваш

Ф. Достоевский.

P. S. Я ужасно спешу писать к Вам.

Брат пишет, что он уже скоро будет готов экзаменоваться к нам в полевые инженеры.[4] Дай бог ему счастья. Кстати, поздравляю Вас с светлым праздником, дражайший отец наш. От всей души желаю Вам счастья.

Я сейчас только приобщался. Денег занял для священника. Давно уже не имею ни копейки денег.

От брата получил недавно письмо. Он говорит, что не получил от меня ни строчки.[5]

Мое предположенье держать экзамен в высший класс очень занимает меня. Я могу выдержать. Но для этого надобны деньги. Ежели Вы мне можете прислать 100 р., то я буду экзаменовать<ся>. Ежели же нет, то год лишний. Это для Вас, любезнейший папенька: мне же всё равно. — Еще раз прощайте.

Расцелуйте наших малюток и сестру. — Я получил письмо от Хотяинцева (Александра).[a] Я отвечал ему, что послал письмо чрез Ивана Николаевича.[6] Ужасно досадую, зачем Хотяинцев не осведомился немного ранее.

Письмо ко мне адресуйте на имя Ивана Николаевича.

---

[a] *Далее было начато:* Он

24. А. Ф. ХОТЯИНЦЕВУ

23 марта 1839. Петербург

Милостивый государь Александр Федорович!

Долгом считаю изъявить Вам мою сердечную признательность в том, что Вы принимаете участие в делах моего батюшки! Живо представляю беспокойство его; но вместе с тем и удивляюсь,

каким образом столько писем, сколько я отправил к нему, не дошли до него. Еще недавно писал я к нему; а сегодня отправил еще письмо чрез моего знакомого. Причины, почему они не дошли до него, уже изложены в последнем письме. Думаю, что это последнее письмо дойдет до него.

Мне только остается Вам объявить мою благодарность за Ваше снисхожденье. — Позвольте уверить Вас в истинном почтенье, с которым честь имею пребыть Вашим покорнейшим слугою

Федор Достоевский.

25. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

5—10 мая 1839. Петербург

1839 года. Мая 5-го дня.

Любезнейший папенька!

Угадываю, что Вы и теперь беспокоитесь обо мне, не получив от меня тотчас ответа. Любезнейший папенька! Спешу успокоить Вас и постараюсь оправдаться в теперешнем[а] моем молчаньи сколько можно. Теперь у нас настали экзамены. Нужно заниматься, а между тем всё свободное время мы употребляем на фрунтовое ученье; ибо скоро будет майский парад. Оставалось сыскать свободного времени ночью. Очень рад, что я нашел наконец свободный часок поговорить с Вами. Ах! Как я упрекаю себя, что был причиною Вашего горя! Теперь как можно буду стараться загладить это. — Письмо Ваше я получил[1] и за посылку Вашу благодарю от всего сердца.[2] Пишете, любезнейший папенька, что сами не при деньгах и что уже будете не в состоянье прислать мне хоть что-нибудь к лагерям. Дети, понимающие отношенья своих родителей, должны сами разделять с ними все радость и горе; нужду родителей должны вполне нести дети. Я не буду требовать от Вас многого.

Что же; не пив чаю, не умрешь с голода. Проживу как-нибудь! Но я прошу у Вас хоть что-нибудь мне на сапоги в лагери; потому что туда надо запасаться этим.[б] Но кончим это: экзамены мои я уже начал и очень хорошо. Кончу так же. В этом я уверен. — Теперь многие из тех преподающих, которые не благоволили ко мне прошлого года, расположены ко мне как не надо лучше. Да и вообще я не могу жаловаться на начальство. Я помню свои обязанности, а оно ко мне довольно справедливо. Но когда-то я развяжусь со всем этим.

Пишете, любезнейший папенька, чтобы я не забывал своих обязанностей. Повторяю: я их помню очень хорошо, и со службою

а *Было начато:* настоя‹щем›
б *Далее густо зачеркнуты 4 слова.*

я уже связан присягою при самом поступлении моем в училище. — От брата я долго не получал писем. Он как будто забыл меня. Но недавно получил от ‹него› клочок исписанной бумаги, где он на меня нападает донельзя за мое мнимое к Вам молчанье, и, признаюсь, этим письмом[3] оскорбил меня до глубины души, выставив меня перед самим собою пренизким созданьем. Я пропустил это мимо, потому что его посланье не ко мне писано. Я считаю себя гораздо лучшим, нежели с кем он ведет подобную переписку. Впрочем, я забываю это и готовлюсь ему на этой неделе отвечать. Его положенье теперь совсем не худое. Ему бы можно было экзаменоваться к нам в училище в нижний офицер‹ский› класс. Посоветуйте ему это. Из крепост‹ных› кондукторов очень много это делают. Примеры тому каждогодные. Через год он может быть готовым. Я берусь доставить ему все записки и всё нужное. Он уже и так теперь знает довольно из математики. Но надобно ему лучше заняться фортификацией (которая у нас самый главный предмет в кондукторских классах) и артиллерией; ибо и артиллерию очень подробно у нас проходят как входящую в состав фортификации. — Ах! Как Вы меня обрадовали, написав, что Вы, слава всевышнему, здоровы. А я думал и полагал наверно, что Ваши всегдашние недуги еще более увеличились огорченьями (неполучением от меня писем). Целую[в] маленьких братьев и сестер. Что-то делает Андрюша; как-то он учится? Не захотите ли Вы его отдать к нам в училище?[4] Когда я выйду в офицеры, то берусь его приготовить для поступленья к нам; ибо поступить к нам довольно легко. Костомаров обморочил Вас и только взял с Вас деньги за нас, тогда как мы бы могли и без приготовленья поступить в училище. Но прощайте, любезнейший папенька. Бессчетно раз желаю Вам счастья.

Ваш покорный и любящий Вас сын

Ф. Достоевский.

Поздравляю Вас с прошедшим праздником Христова воскресенья. С какою грустью вспоминаю я о том, как проводил я день этот в кругу родных моих! А теперь? Но только бы вырваться из училища.

Перейдя в высший класс, я нахожу *совершенно необходимым* абонироваться здесь на французскую библиотеку для чтенья. Сколько есть великих произведений гениев — математики и военных гениев на французском языке. Вижу необходимость читать это; ибо я страстный[г] охотник до наук военных, хотя не терплю математики. Что за странная[д] наука! и что за глупость заниматься ею. С меня довольно столько, сколько требуется инженеру или еще и побольше.

Но к чему мне сделаться Паскалем или Остроградским. Мате-

[в] *Далее было:* всех
[г] *Было начато:* страш‹ный›
[д] *Было:* глупая

матика без приложенья чистый 0, и пользы в ней столько же, как в мыльном пузыре. Скажу Вам еще, что мне жаль бросить латинского языка. Что за прелестный язык. Я теперь читаю Юлия Цезаря и после 2-х годичной разлуки с латинским языком понимаю решительно всё.

10 мая.

Странно: эти глупые обстоятельства моей теперешней жизни многого лишают меня. Я на 5 дней должен был удержать посылку письма моего. Парад был отложен до 10 мая. Я хотел сделать Вам эту приписку, и, верите ли, любезнейший папенька, мне не удавалось за фронтовым ученьем (которым нас мучат) и за экзаменами. Теперь пишу к Вам на почтовых.

Милый, добрый родитель мой! Неужели Вы можете думать, что сын Ваш, прося от Вас денежной помощи, просит у Вас лишнего. Бог свидетель, ежели я хочу сделать Вам хоть какое бы то ни было лишенье, не только из моих выгод, но даже из необходимости. Как горько то одолженье, которым тяготятся мои кровные. У меня есть голова, есть руки. Будь я на воле, на свободе, отдан самому себе, я бы не требовал от Вас копейки; я обжился бы с железною нуждою. Стыдно было бы тогда мне и заикнуться о помощи. Теперь я Вам высказываю себя одними обещаньями в будущем; но это будущее недалеко, и Вы меня со временем увидите.

Теперь же, любез‹ный› папенька, вспомните, что я *служу* в полном смысле слова. Волей или неволей, а я должен сообразоваться вполне с уставами моего теперешнего общества. К чему же делать исключенья собою? Подобные исключенья подвергают иногда ужасным неприятностям. Вы сами это понимаете, любезный папенька. Вы жили с людьми. Теперь: лагерная жизнь каждого воспитанника военно-учебных заведений требует по крайней мере 40 р. денег. (Я Вам пишу всё это потому, что я говорю с отцом моим). В эту сумму я не включаю таких потребностей, как например: иметь чай, сахар и проч. Это и без того необходимо, и необходимо не из одного приличия, а из нужды. Когда вы мокнете в сырую погоду под дождем в полотняной палатке, или в такую погоду, придя с ученья усталый, озябший, без чаю можно заболеть; что со мною случилось прошлого года на походе. Но всетаки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю.[е] Требую только необходимого на 2 пары простых сапогов — 16 р. Теперь мои вещи: книги, сапоги, перья, бумага и т. д., и т. д. должны же лежать где-нибудь. Для этого я должен иметь сундук; ибо в лагерях нет никаких строений, кроме палаток. Койки наши — это кучи соломы, покрытые простынею. Спрашивается, не имея сундука, куда я положу всё это? Нужно знать, что казна не заботится, нужно ли мне место или нет; не заботится, имею ли я сун-

---

[е] *Далее было:* Теперь

дук. Ибо экзамены кончаются, след‹овательно›, книги не нужны; казна одевает меня, след‹овательно›, сапоги не нужны, и т. д. Но без книг как я проведу время? 3-х пар казенных сапог не станет и в городе на полгода! След‹овательно›, мне нет казенного места поставить сундука, который необходим для меня.[ж] В палатке общей я стесню товарища, след‹овательно›, сделаю неприятность другим, да и мне просто не позволят держать сундук в палатке, ибо никто в палатке не держит; след‹овательно›, для моей поклажи я должен буду иметь место. Место я найду, уговорившись (как все делают) с каким-нибудь из солдат, служителей наших, поставить сундук мой. За это надобно заплатить. След‹овательно›, за покупку сундука по крайней мере целковый.

За провоз туда и сюда . . . . 5 р.
За место . . . . 2 целковых
За чистку . . . . 5 р.

Это условная такса с служителем. В городе дело другое; а в лагере им должно платить за каждый шаг их. А начальство не входит в это.

Теперь 16
3.75
5
7 (2 целковых)
5
―――
36 или 40.

(За отсылку писем, за перья, бумагу и т. д.) Я сберег от Вашей посылки 15 р. Вы видите, любез‹ный› папенька, что мне крайне необходимо нужны 25 р. еще. В 1-х числах июня мы выйдем в лагери. Итак, пришлите мне эти деньги к 1-му июню, ежели Вам хочется помочь Вашему сыну в ужасной нужде. Не смею требовать; не требую излишнего; но благодарность моя будет беспредельна.[5] — Письмо адресуйте опять на имя Шидловского. Прощайте, мой любезный папенька.

Ваш весь, весь Ф. Достоевский

ж *Далее было:* За место должно заплатить деньги в палатке какому-нибудь сторожу.

26. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

16 августа 1839. Петербург

С.-Петербург. 1839 года, августа 16 дня

Да, милый брат мой, так-то всегда бывает с нами: обещаемся, сами не зная в силах ли то исполнить; хорошо, что я никогда[а]

а *Далее было:* еще

не обещаю опрометчиво. Напр‹имер›. Что бы ты сказал об моем молчанье? что я ленив... что я забываю тебя и т. д. и т. д. Нет! всё дело в том, что денег ни гроша; теперь они есть, и я рад им, давно небывалым гостям, несказанно.

Ну вот наконец и тебе письмо мое!

Поговорим, потолкуем!

Милый брат! Я пролил много слез о кончине отца,[1] но теперь состоянье наше еще ужаснее; не про себя говорю я, но про семейство наше. Письмо мое отсылаю в Ревель, сам не зная, дойдет ли оно до тебя... Я наверно полагаю, что оно тебя не застанет здесь... Дай-то бог, чтобы ты был в Москве; тогда об семействе нашем я бы был покойнее; но скажи, пожалуйста, есть ли в мире несчастнее наших бедных братьев и сестер? Меня убивает мысль, что они на чужих руках будут воспитаны. А потому мысль твоя, получивши офицерский чин, ехать жить в деревню, по-моему, превосходна.[2] Там бы ты занялся их образованьем, милый брат, и это воспитанье было бы счастье для них. Стройная организация души среди родного[б] семейства, развитие всех стремлений из начала христианского, гордость добродетелей семейственных, страх порока и бесславия — вот следствия такого воспитанья. Кости родителей наших уснут тогда спокойно в сырой земле; но, милый друг, многое должен ты вынести. Ты или должен рассориться, или помириться прочно с родней. Рассориться — это пагубно; сестры погибнут. Помирившись, ты должен ухаживать за ними. Они назовут леностью твое пренебреженье службы. Но, брат любезный! вытерпи это. Плюнь на эти ничтожные душонки и будь благодетелем братьев. Ты один спасешь их... Я знаю, ты выучился терпеть; исполни же свое намеренье. Оно бесподобно. Дай бог тебе сил для этого! Я объявляю, что я во всем буду с тобою согласен впредь.[3]

Что-то ты делаешь теперь?[в] С ‹Иваном› Николаев‹ичем› ты искреннее, чем со мною; ‹ты сказал› ему, что завален работой и не ‹имеешь› времени; да, твоя служба чертовская, ‹что› делать; избавляйся от нее скорее.

Что мне сказать тебе о себе... Давно я не говорил с тобою искренно. Не знаю, нахожусь ли я и теперь в духе, чтобы говорить с тобою об этом. Не знаю, но теперь гораздо чаще смотрю на меня окружающее с совершенным бесчувствием. Зато сильнее бывает со мною и пробуждение. Одна моя цель быть на свободе. Для нее я всем жертвую. Но часто, часто думаю я, что доставит мне свобода... Что буду я один в толпе незнакомой? Я сумею развязать со всем этим; но, признаюсь, надо сильную веру в бу-

---

б *Было:* собственного

в *Верхний угол листа, занятый этим местом письма, оборван. При автографе есть еще копия неизвестно чьей руки (но не А. Г. Достоевской); в этой копии на месте пропущенных слов вписаны карандашом отдельные слова, которые мы вводим в текст, заключая их в ломаные скобки, как отсутствующие в автографе.*

дущее, крепкое сознанье в себе, чтобы жить моими настоящими надеждами; но что же? всё равно, сбудутся ли они или не сбудутся; я свое сделаю. Благословляю минуты, в которые я мирюсь с настоящим (а эти минуты чаще стали посещать меня теперь). В эти минуты яснее ‹сознаю свое›[г] положение, и я уверен, ‹что эти› святые надежды сбудутся.

‹...ду›х[д] не спокоен теперь; но в этой ‹борьбе› духа созревают обыкновенно характеры ‹сил›ьные; туманный взор яснеет, а вера в жизнь получает источник более чистый и возвышенный. Душа моя недоступна прежним бурным порывам. Всё в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну; учиться, «что значит человек и жизнь», — в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно; более ничего не скажу о себе. Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком. Прощай. Твой друг и брат

Ф. Достоевский.

[е] ‹...› любимыми идеями каждую минуту ‹...› мечтах и думах жизнь незаметнее. Еще одно ‹...›: я могу любить и быть другом. Я недавно ‹...›. Как много святого и великого, чистого ‹...› этом свете. Моисей и Шекспир[4] всё ‹...› ‹толь›ко вполовину.

Любовь, любовь! Ты говоришь, что ты рвешь цветы ее. Мне кажется, что нет святее самоотверженника как поэт. Как можно делиться своим восторгом с бумагой. Душа всегда затаит более, нежели сколько может выразить в словах, красках или звуках. Оттого трудно исполнить идею творчества.

Когда любовь связывает два сердца. От[ж] ‹...› и подавно не показывает слез своих ‹...› только в груди. Плакать может од‹ин› ‹...› надобно иметь гордость и веру христ‹ианскую› ‹...› ты что-нибудь о М‹*нрзб.*›.

Ежели через неделю, считая с теперешнего числа, не получу ответа, то заключаю, что ты в Москве, и пишу к тебе на имя Куманиных. Напиши мне, брат, подробно, как ты управился или как другие управились со всем этим. Жду нетерпеливо ответа. Теперь, мой милый, остановки не будет в нашей переписке. Скоро пришлю тебе реестр книг. *Пиши.* Теперь некогда.

г *Здесь оборотная сторона листа, правый верхний край которого оборван. Вписанное карандашом в копии мы ставим в ломаные скобки.*

д *Начало оторвано. Здесь и далее образовавшиеся в тексте письма пробелы обозначаем ‹...›, а отсутствующие слова и части слов в очевидных случаях восполняем также в ломаных скобках.*

е *Следующие четыре абзаца, приписанные на полях первой, второй и третьей страниц, занимают и часть оторванного края этих страниц.*

ж *Здесь опять вырвана часть страницы и текста.*

27. А. А. и А. Ф. КУМАНИНЫМ

25 декабря 1839. Петербург

С.-Петербург. Декабря 25-го дня 1839 года.

Милостивый государь любезнейший дяденька,
милостивая государыня любезнейшая тетенька!

Продолжительное, ничем не оправдываемое и не извиняемое молчанье мое могло показаться Вам, любезнейшие дяденька и тетенька, странным, непонятным, непростительным, грубостию против Вас и, наконец, черною неблагодарностию. Беру перо, но не для того чтобы оправдываться: нет! я знаю, что вина моя, какие бы обстоятельства ни извиняли ее, далеко ниже оправданий. Да и могу ли еще надеяться, что мои оправданья будут приняты? Скажу одно: если искреннее, откровенное признанье мое, попытка объяснить мой проступок пред Вами, удостоится хотя немногого вниманья Вашего, то я почту себя счастливым; ибо возвращу то, чего не надеялся возвратить, — хотя малейшее вниманье и расположенье Ваше ко мне.

Поступив в Гл‹авное› ин‹женерное› уч‹илище›, занятия, новость и разнообразие нового рода жизни, всё это развлекло меня на несколько времени — и вот единственная эпоха, в которую совесть тяжко упрекает меня за забвенье моих обязанностей, в моем тяжком проступке перед Вами, в моем молчанье; нечем объяснить его! Нет для него оправданий! Разве кроме моей странной рассеянности? . .

Знаю, что это признанье в рассеянности много унижает меня в глазах Ваших; но я должен снести и снесу стыд свой; ибо я заслужил его. Напоминанья и приказанья покойного родителя моего прервать мое странное молчанье с теми из родственников, которые столь часто осыпали нас благодеяниями,[1] заставили меня вникнуть в проступок мой, и я увидал себя в самом невыгодном свете в отношенье к Вам, любезнейшие дяденька и тетенька. Кроме тяжкой вины моей — рассеянности, я увидел, что мой проступок может принять вид более мрачный, вид грубости, неблагодарности. . . Это привело меня в замешательство, смущенье. . .

Разумеется, это смущенье должно было недолго продолжаться; исправить вину мою было первым делом, первою мыслию моею; но одна мысль, что я нарушил первейшие обязанности мои, что я не исполнил моего долга, положенного на меня самою природою, эта мысль уничтожила меня. Я не держался правила многих, что бумага не краснеет и что два, три пошлых извиненья (в неименье времени и т. п.) будут достаточны для поправленья ошибки, я краснел заочно, досадовал на себя, не знал что, как и с каким видом буду писать к Вам; я брал перо и бросал его, не докончив письма моего. Я молю, заклинаю Вас, любезнейшие

дяденька и тетенька, верить этому; это чистые излиянья раскающегося[а] сердца; это смущенье и тягостное положенье моего к Вам[б] было причиною моего столь долгого молчанья.

Горестная смерть отца моего и благодеянья, Вами оказанные семейству нашему, благодеянья, за которые даже не знаю как научиться быть благодарным Вам, это возбудило во мне чувства, которые возбудили во мне в большей степени всё прежнее, — и чувства стыда, и муки раскаянья. Чувствую вину мою; не смею надеяться на прощенье; но величайшею милостию для меня было бы, если бы Вы позволили мне писать к Вам или хоть к сестре моей, от которой я бы мог узнавать о всем том, что дорого сердцу моему; новый год, которого я встречаю желаньем блага и счастья Вам, любезнейшие дяденька и тетенька, новый год будет свидетелем моего исправленья.

Постараюсь в продолженье его заслужить вниманье Ваше изъявленьем искренней привязанности моей к Вам, моею благодарностию к благодеяниям Вашим нашему семейству и постоянным сохраненьем того священного чувства любви, почтенья и преданности, с которыми честь имею пребыть покорным и преданным племянником

Ф. Достоевский.

На конверте:

Его высокоблагородию
милостивому государю
Александру Алексеевичу Куманину.
В Москву.
На Покровку,
в приходе Козьмы и Дамиана,
в собственном доме.

а *Так в подлиннике.*
б *Так в подлиннике.*

1840

28. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 января 1840. Петербург

С.-Петербург. 1840 года. Генваря 1-го дня.

Благодарю тебя от души, добрый брат мой, за твое милое письмо.[1] Нет! я не таков, как ты; ты не поверишь, как сладостный трепет сердца ощущаю я, когда приносят мне письмо от тебя; и я изобрел для себя нового рода наслажденье — престранное — томить себя.

Возьму твое письмо, перевертываю несколько минут в руках, щупаю его, полновесно ли оно, и, насмотревшись, налюбовавшись на запечатанный конверт, кладу в карман... Ты не поверишь, что за сладострастное состоянье души, чувств и сердца! И таким образом жду иногда с $1/4$ часа; наконец с жадностию нападаю на пакет, рву печать и пожираю твои строки, твои милые строки. О чего не перечувствует сердце, читая их! Сколько ощущений толпятся в душе, и милых и неприятных и сладких и горьких; да! брат милый, — и неприятных и горьких; ты не поверишь, как горько, когда не разберут, не поймут тебя, поставят всё совершенно в другом виде; совершенно не так [a], как хотел сказать, но в другом, безобразном виде... Прочитав твое последнее письмо, я был *un enragé*,* потому что не был с тобою вместе: лучшие из мечтаний сердца, священнейшие из правил, данных мне опытом, тяжким, многотрудным опытом, исковерканы, изуродованы, выставлены в прежалком виде. Сам ты пишешь ко мне: «Пиши, возражай, спорь со мною», — и находишь в этом какую-то пользу! Никакой, милый брат мой, решительно никакой; только то, что, твой эгоизм (который есть у всех нас грешных) выведет *превыгодное* заключенье о другом, о его мненьях, правилах, характере и скудоумии... Ведь это преобидно, брат! Нет! Полемика в дружеских письмах — подслащенный яд. — Что-то будет, когда мы увидимся с тобою? Это будет, кажется, всегдашним предлогом раздора между нами... Но оставляю это! об этом еще можно поговорить на последних страницах.

Военная академия — c'est du sublime!** Знаешь ли, что это преблистательный проект(?!) Я много думаю о судьбе твоей,

---

[a] *Было начато:* не в то<м>

* в ярости (*франц.*; дословно: бешеный человек).

** в этом есть нечто возвышенное! (*франц.*).

чтобы согласить ее с нашими обстоятельствами, и сам остановился на Военной академии; но ты предупредил меня; след‹овательно›, и тебе это нравится... Но вот что: ведь надо прослужить по крайней мере год, пред вступлением в Военную акад‹емию›; останься при чертежной на этот год.

Ну что ты бредишь тетрадками, когда я не знаю твоей программы; что же я пришлю тебе? Артиллерию, впрочем, курс кондукторских классов (что именно, кажется, вам и надобно) пришлю непременно, записки генерал-майора Дядина, который сам, собственною особою, будет экзаменовать тебя. Но не иначе посылаю тебе эти тетрадки, как на месяц. Они чужие. Я насилу достал их. Ни дня больше одного месяца. Спиши их или отдай списать (Дядин человек с причудами, ему надо вызубрить или говорить своими словами как по книге). Полевая фортификация такая глупость, которую можно вызубрить в 3 дня. Впрочем, в мае пришлю и ее тебе. Другое дело долговременная; постараюсь об ней. Есть у нас и из аналитики литографиров‹анные› тетрадки; но это взято слово в слово из Брашмана и, разум‹еется›, сокращено. Итак, у нас проходят Брашмана, и ты его зубри. Купи себе.

Знаешь ли геодезию? у нас (курс Болотова). Физика (курс Оземова). О литографиров‹анных› дифференциалах постараюсь. Истории у нас курс преполнейший и преогромнейший (литографированный) — достать не могу. Словесность и литература русская — Плаксина, который сам учит у нас. — Скажу тебе, что ваш экзамен в полевые инженеры прелегкий. Глядят сквозь пальцы, и у всех та логика, чтобы не притеснять своего брата инженера. Этому вижу я пречастые примеры.

К Куманиным я отправил преблагопристойное письмо.[2] Не беспокойся. Я жду хороших последствий. К опекуну [3] еще не писал: ей-богу, нет времени!

Поздравляю тебя с Новым годом, милый. Что-то принесет он нам! Что хочешь, а последние 5 лет для нашего семейства были ужасны. — Я читал твое прошлогоднее посланье к Новому году. Мысль хорошая; дух и выраженья стихов под сильным влияньем Barbier;* [4] между прочим, у тебя были в свежей памяти его слова о Наполеоне.[5]

Теперь о твоих стихах. Послушай, милый брат! Я верю: в жизни человека много, много печалей, горя и — радостей. В жизни поэта это и терн и розы. Лирика — всегдашний спутник поэта; потому что он существо словесное. Твои лирические стихотворенья были прелестны: «Прогулка», «Утро», «Виденье матери», «Роза» (кажется так), «Фебовы кони» и много других прелестны.[6] Какая живая повесть о тебе, милый! И как близко она сказалась мне. Я мог тебя понимать тогда; потому что те месяцы были так памятны для меня, так памятны. О сколько

---

* Барбье (*франц.*).

случилось тогда и странного и чудесного в моей жизни. Это предолгая повесть, и я ее никому не расскажу.

Шидловский показал мне тогда твои стихотворенья. . .[7] О! как ты несправедлив к Шидловскому. Не хочу защищать того, что разве не увидит тот, кто не знает его, и кто не очень переменчив в мненьях — знаний и правил его. Но ежели бы ты видел его прошлый год. Он жил целый год в Петербурге без дела и без службы. Бог знает, для чего он жил здесь; он совсем не был так богат, чтобы жить в Петербурге для удовольствий. Но это видно, что именно для того он и приезжал в Петербург, чтобы убежать куда-нибудь. — Взглянуть на него: это мученик! Он иссох; щеки впали; влажные глаза его были сухи и пламенны; духовная красота его лица возвысилась с упадком физической. Он страдал! тяжко страдал! Боже мой, как любит он какую-то девушку (Marie, кажется). Она же вышла за кого-то замуж. Без этой любви он не был бы чистым, возвышенным, бескорыстным жрецом поэзии. . . Пробираясь к нему на его бедную квартиру, иногда в зимний вечер (н<а>п<ример>, ровно год назад), я невольно вспоминал о грустной зиме Онегина в Петербурге (8-я глава).[8] Только предо мною не было холодного созданья, пламенного мечтателя поневоле, но прекрасное, возвышенное созданье, правильный очерк человека, который представили нам и Шекспир и Шиллер; но он уже готов был тогда пасть в мрачную манию характеров байроновских. — Часто мы с ним просиживали целые вечера, толкуя бог знает о чем! О какая откровенная чистая душа! У меня льются теперь слезы, как вспомню прошедшее! Он не скрывал от меня ничего, а что я был ему? Ему надо было сказаться комунибудь; ах, для чего тебя не было при нас! Как он желал тебя видеть! Назвать тебя лично другом — названье, которым гордился он. Я помню, когда слезы лились у него при чтенье стихов твоих; он знал их наизусть! И про него ты мог сказать, что он смеялся над тобою! О какое бедное, жалкое созданье был он! Чистая ангельская душа! И в эту тяжкую зиму он не забыл любви своей. Она разгоралась всё сильнее и сильнее. — Наступила весна; она оживила его. Воображенье его начало создавать драмы, и какие драмы, брат мой. Ты бы переменил мненье о них, ежели бы прочел[б] переделанную «Марию Симонову». Он переделывал ее всю зиму, старую же форму ее сам назвал уродливою. — А лирические стихотворенья его! О ежели бы ты знал те стихотворенья, которые написал он прошлою весною. Наприм<ер>, стихотворенье, где он говорит о славе.[в] Ежели бы ты прочел его, брат![9]

Пришед из лагеря, мы мало пробыли вместе. В последнее свиданье мы гуляли в Екатерингофе. О как провели мы этот вечер! Вспоминали нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомере, Шекспире, Шиллере, Гофмане, о котором столько мы гово-

---

б *Далее было:* им

в *Было:* о своей славе

рили, столько читали его. Мы говорили с ним о нас самих, о прошлой жизни, о будущем, о тебе, мой милый. — Теперь он уже давно уехал, и вот ни слуху ни духу о нем! Жив ли он? Здоровье его тяжко страдало; о пиши к нему!

Прошлую зиму я был в каком-то восторженном состоянии. Знакомство с Шидловским [г] подарило меня столькими часами лучшей жизни; но не то было тогда причиною этого. Ты, может быть, упрекал и упрекнешь меня, почему я не писал к тебе. Глупые ротные обстоятельства тому причиною.[10] Но сказать ли тебе, милый; я никогда не был равнодушен к тебе; я любил тебя за стихотворенья твои, за поэзию твоей жизни, за твои несчастья — и не более; братской любви, дружеской любви не было... Я имел у себя товарища, одно созданье, которое так любил я![11] Ты писал ко мне, брат, что я не читал Шиллера. Ошибаешься, брат! Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им; и я думаю, что ничего более кстати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни; никогда бы я не мог узнать его так, как тогда. Читая *с ним* Шиллера, я поверял *над ним* и благородного, пламенного Дон Карлоса, и маркиза Позу, и Мортимера.[12] Эта дружба так много принесла мне и горя и наслажденья! Теперь я вечно буду молчать об этом; имя же Шиллера стало мне родным, каким-то волшебным звуком, вызывающим столько мечтаний; они горьки, брат; вот почему я ничего не говорил с тобою о Шиллере, о впечатленьях, им произведенных: мне больно, когда услышу хоть имя Шиллера.[13]

Хотел было много написать тебе в ответ на твои нападки на меня, на то, что ты не понял слов моих. Также и потолковать кой о чем; но нынешнее письмо к тебе доставило мне столько сладких минут, мечтаний, воспоминаний, что я решительно не способен говорить о другом. Оправдаюсь только в одном: я не сортировал великих поэтов, и тем более не зная их. Я никогда не делал подобных параллелей, как, н‹апример›, Пушкин и Шиллер. Не знаю, с чего ты взял это; выпиши мне, пожалуйста, слова мои; а я отрекаюсь от подобной сортировки; может быть, говоря о чем-нибудь, я поставил рядом Пушкина и Шиллера, но я думаю, что между этими 2-мя словами есть запятая. Они ни мало не похожи друг на друга. Пушкин и Байрон так.[14] Что же касается до Гомера и Victor'a Hugo, то ты, кажется, нарочно не хотел понять меня. Вот как я говорю: Гомер (баснословный человек, может быть как Христос, воплощенный богом и к нам посланный) может быть параллелью только Христу, а не Гете. Вникни в него брат, пойми «Илиаду», прочти ее хорошенько (ты ведь не читал ее? признайся). Ведь в «Илиаде» Гомер дал всему древнему миру организацию и духовной и земной жизни,[д] совершенно в такой же силе, как Христос новому.[15] Теперь поймешь ли меня? Vic-

---

[г] *Далее было:* которое

[д] *Далее было:* то

tor Hugo как лирик чисто с ангельским характером, с христианским младенческим направленьем поэзии, и никто не сравнится с ним в этом, ни Шиллер (сколько ни христианск‹ий› поэт Шиллер), ни лирик Шекспир, я читал его сонеты на французском,[16] ни Байрон, ни Пушкин. Только Гомер с такою же неколебимою уверенностию в призванье, с младенческим верованием в бога поэзии, которому служит он, похож в[е] направленье источника поэзии на Victor'a Hugo, но только в направленье, а не в мысли, которая дана ему природою и которую он выражал;[17] я и не говорю про это. Державин, кажется, может стоять выше их обоих в лирике.[18] Прощай, милый!

Твой друг и брат Ф. Достоевский.

Вот тебе распеканции: говоря о форме, ты почти с ума сошел; я давно уже подозреваю это маленькое беспокойство ума твоего, и не шутя. Недавно ты что-то такое говорил о Пушкине! Я пропустил это, и не без причины. О форме твоей потолкую в следующ‹ем› письме. Теперь нет ни места, ни времени. Но скажи, пожалуйста: говоря о форме, с чего ты взял сказать: нам не могут нравиться ни Расин, ни *Корнель* (?!?!), оттого что у них форма дурна. Жалкий ты человек! Да еще так умно говорит мне: *Неужели ты думаешь, что у них нет поэзии?* У Расина нет поэзии? У Расина, пламенного, страстного, влюбленного в свои идеалы Расина, у него нет поэзии? [ж] И это можно спрашивать. Да читал ли ты «Andromaque»,* а? брат! Читал ли ты «Iphigénie»; ** неужели ты скажешь, что это не прелестно. Разве Ахилл Расина не гомеровский? Расин и обокрал Гомера, но как обокрал! Каковы у него женщины! Пойми его. Расин не был гений; мог ‹ли› [з] он создать драму! Он только должен подражать Корнелю. А «Phedre»?*** Брат! Ты бог знает что будешь, ежели не скажешь, что это не высшая, чистая природа и поэзия. Ведь это шекспировский очерк, хотя статуя из гипса, а не из мрамора.[19]

Теперь о Корнеле? Послушай, брат. Я не знаю, как говорить с тобою; кажется, à la Иван Никифорыч: «гороху наевшись».[20] Нет, не поверю, брат! Ты не читал его и оттого так промахнулся. Да знаешь ли, что он по гигантским характерам, духу романтизма — почти Шекспир. Бедный! У тебя на всё один отпор: «классическая форма». Бедняк, да знаешь ли, что Корнель появился только 50 лет после жалкого, бесталанного горемыки Jodel'я,**** с его пасквильною «Клеопатрою», после Тредьяковского

[е] *Было:* в своем
[ж] *Далее было:* Да читал
[з] *Уголок страницы срезан.*
* «Андромаху» (*франц.*).
** «Ифигению» (*франц.*).
*** «Федра» (*франц.*).
**** Жоделя (*франц.*).

Ronsard'a * и после холодного рифмача Malherb'a,** почти его современника.[21] Где же ему было выдумать форму плана? Хорошо, что он ее взял хоть у Сенеки.[22] Да читал ли ты его «Cinna». Пред этим божественным очерком Октавия, пред которым ‹...› [и] Карл Мор, Фиеско, Тель, Дон Карлос. Шекспир‹у› честь принесло бы это. Бедняк. Ежели ты не читал этого, то прочти, особенно разговор Августа с Cinna, где он прощает ему измену (но как прощает(?)). Увидишь, что так только говорят оскорбленные ангелы. Особенно там, где Август говорил: «Soyons amis, Cinna».*** [23] Да читал ли ты «Horace».**** Разве у Гомера найдешь такие характеры. Старый Horace — это Диомед. Молодой Horace — Аякс Теламонид, но с духом Ахилла, а Куриас — это Патрокл, это Ахилл, это всё, что только может выразить грусть любви и долга. Как это велико всё. Читал ли ты «Le Cid».***** Прочти, жалкий человек, прочти и пади в прах пред Корнелем. Ты оскорбил его! Прочти, прочти его. Чего же требует романтизм, ежели высшие идеи его не развиты в «Cid'e». Каков характер Don Rodrigue'a,****** молодого сына его и его любовницы! А каков конец!

Впрочем, не сердись, милый, за обидные выраженья, не будь Иваном Ивановичем Перерепенко.[24]

Нынешнее письмо заставило меня пролить несколько слез от воспоминаний о прошлом.

Сюжет твоей драмы прелестен, видна верная мысль, и особенно то нравится мне, что твой герой, как Фауст, ища беспредельного, необъятного, делается сумасшедшим именно тогда, когда он нашел это беспредельное и необъятное — когда он любим. Это прекрасно! Я рад, что тебя чему-нибудь научил Шекспир.[25]

Сердишься, зачем не отвечаю на все вопросы. Рад бы, да нельзя! ни бумаги, ни времени нет. Впрочем, ежели на всё отвечать,[к] наприм‹ер›, и на такие вопросы: «Есть ли у тебя усы?» — то ведь никогда не найдешь места написать что-нибудь лучшего. Прощай, мой милый, добрый брат. Прощай еще. Пиши.

и *Уголок страницы срезан.*
к *Далее было:* одинаково
* Ронсара (*франц.*).
** Малерба (*франц.*).
*** «Будем друзьями, Цинна» (*франц.*).
**** «Горация» (*франц.*).
***** «Сида» (*франц.*).
****** Дон Родрига (*франц.*).

29. А. А. и А. Ф. КУМАНИНЫМ

28 января 1840. Петербург

С.-Петербург. Генваря 28-го дня 1840 года.

Милостивый государь любезнейший дяденька и
милостивая государыня любезнейшая тетенька!

Никогда никакое радостное известие не производило столь приятного и сладостного впечатленья в душе моей, как то, которое ощутил я при чтенье письма сестры.[1] Ожидал ли я и, судя по вине моей, мог ли я ожидать подобной благосклонности и расположенья со стороны Вашей, любезнейшие дяденька и тетенька. Не могу дать отчета в тех чувствованьях, которые волновались во мне при полученье письма Вашего.[2] Вся тяжесть моей вины, всё справедливое негодованье Ваше, любезнейшие дяденька и тетенька, живо представились предо мною! Но какая перемена! Вы возвращаете мне Ваше благорасположенье охотно, с любовью, мне, нисколько не заслужившему этого. Но я не знал, и не могу сказать, что происходило тогда в сердце моем? Я должен был радоваться, я не знал, как радоваться письму этому; ибо ничто в мире не могло меня сделать более счастливым, как прощенье Ваше; но досада на себя, стыд, Ваша беспримерная снисходительность ко мне, так долго во зло употреблявшему благорасположенье Ваше, всё это налегло на сердце мое тягостнейшим бременем.[3] Наказанье собственной совести — сильнейшее, я несу на себе всю тягость этого наказанья... Я в долгу у Вас, любезнейшие дяденька и тетенька, в долгу, превышающем силы мои, и если исправленье вины моей, раскаянье и привязанность моя к Вам будут иметь хотя малейшую цену в глазах Ваших, то я почту еще себя счастливым: ибо весьма облегчу совесть мою.

Но что меня восхитило больше всего, что напомнило душе моей так много милого в прошедшем, что заставило мое сердце забиться еще пламеннее к Вам, то это собственноручные строки Ваши, любезнейшая тетенька. Такого снисхожденья и добродушия не мог ожидать я... Тем более были приятны для меня эти строки, что уже давно, единственно по собственной вине и ошибке своей, не слыхал я таких сладких серд<ц>у слов, и выраженья Вашей любви ко мне, любезнейшая тетенька, которые напомнили мне покойную мать мою... С каким жаром целовал я строки эти; с каким жаром 1 000 раз целую ручки Ваши, любезнейшая тетенька!

Но нет и счастья без горести. Это письмо глубоко растравило в сердце моем едва зажившие раны. Смерть дяденьки заставила меня пролить несколько искренних слез в память его.[4] Отец, мать, дяденька, и всё это в 2 года![5] Ужасные годы!

Еще ранее поспешил бы я письмом моим, если бы не экзамены, задержавшие меня. Теперь они кончились, и я не теряю ни

минуты. Но чувствую, что уже я утомляю Вас письмом моим. — Итак, позвольте искренно любящему и почитающему Вас племяннику Вашему пребыть навсегда покорным и послушным Вам

Ф. Достоевский.

30. В. М. ДОСТОЕВСКОЙ

28 января 1840. Петербург

Любезнейшая сестра Варенька! Твое письмо обрадовало меня несказанно: в нем ты объявила мне прощенье дяденьки и тетеньки.[1] Но как ты подумать могла, любезнейшая сестра моя, что я забыл тебя; о ком же помнить мне более, если не об родственниках — благодетелях наших, и вас, мои милые братья и сестры. Нет! я никогда не забывал этого; верь всегда, Варенька, что у тебя есть братья, которые любят тебя более жизни своей. Старший брат твой, любезнейшая сестра моя, любит тебя также пылко, несказанно: умей почитать и, ежели можешь, столько же любить его. Вспомни, сколько несчастий перенес он бедный, чтобы успокоить отца своего при жизни;[2] поэтому можешь судить и о любви его к родным своим. Самая теснейшая дружба связывает меня с ним.

Милая сестра! Ты написала мне столь много приятных известий о семействе нашем... Но о сестре Верочке еще ни слова... Она как будто забытая. Напиши мне о них всех и больше, как можно больше. Что они? выросли ли малютки наши, изменились ли? Всех их целую от души, так же как и тебя, милая сестра моя. Скажи Андрюше, что я бы весьма желал получить несколько собственных строчек в письме твоем. Научи его быть благодарным благодетелям нашим. Передай ему это от меня.

Прощай, милая сестра моя.

Твой друг и брат Ф. Достоевский

31. О. Я. НЕЧАЕВОЙ

28 января 1840. Петербург

Любезнейшая бабушка![1] Как сладко отозвались в сердце моем слова сестры моей, упоминавшей о том, что Вы не забыли меня. Ежели бы я имел право просить любезнейшего дяденьку в прошлом письме моем о передаче Вам моего нижайшего почтенья, любви и уваженья, то я бы, к несказанному для меня удовольствию, мог бы предупредить Вас. Теперь мне ничего более не остается, как нижайше благодарить Вас об этом. Верьте, что

никогда не забуду я того уважения и преданности, с которыми честь имею пребыть теперь Вас любящим и преданным Вам

Ф. Достоевский.

Любезнейшей тетеньке, Катерине Федоровне,[2] свидетельствую мое нижайшее уваженье.

32. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

19 июля 1840. Петергоф

Петергоф. 19 июля 1840 г.

Снова беру перо, милый, хотя и неумолимый, брат мой, и снова должен начинать письмо просьбою о незлопамятности, просьбою тем сильнейшею, чем ты будешь более упорствовать и сердиться. Нет, мой милый, добрый брат! я от тебя не отстану, пока ты не протянешь, по-прежнему, ко мне руки своей. И не знаю, милый мой! ты всегда был справедлив ко мне (бывали хотя и исключенья), всегда извинял меня в случае долгого молчанья, а теперь, когда я представляю причину, причину неопровержимую, сам знаешь, ты как будто глух к словам моим; извини эти упреки, добрый друг мой;[а] я не скрою от тебя, что они вышли прямо из сердца; я люблю тебя, милый мой, и мне больно видеть твое равнодушие. На твоем месте я бы давно забыл всё, чтобы только скорее извинить друга своего, чем заставить его еще долее выпрашивать извиненье! По крайней мере я с моей стороны, видя себя теперь в порядочных обстоятельствах, то есть при деньгах (опекун уже прислал мне), хотя не при больших, непременно обещаюсь писать решительно каждую неделю. Теперь же пишу наскоро, потому что не смею распространиться большим письмом; поминутно ожидаем тревоги и маневров, которые будут продолжаться дня 3.

Ах, милый брат, пиши мне ради бога хоть что-нибудь. Ежели бы ты только знал, как я беспокоюсь о твоей участи, о твоих решеньях, намереньях, о твоем экзамене, милый мой; потому что вот уже и он и на дворе. Бог знает,[б] застанет ли это письмо тебя еще[в] в Ревеле;[1] дай-то бог тебе, милый друг; ах! ежели мы еще далее будем продолжать эти несогласия, это расстройство в нашей *неразрывной* дружбе, то я и не знаю, что за мученье испытаю я через твое молчанье. — Ведь вот уже наступает эта глупая и между тем эта решительная развязка в судьбе твоей, развязка, которой я ожидал всегда с каким-то трепетом. В самом деле: что от этого зависит? вспомни-ка. Твоя жизнь,

---

а *Далее было:* но

б *Далее было:* еще

в *Было:* хоть

твой досуг, твое счастье, милый мой, да, твое счастье; потому что, ежели ты не переменился сам или не переменилась судьба твоя с тех пор, когда ты с таким восторгом писал мне о своих надеждах, о своей Эмилии,[2] то, разумеется, можешь сам рассудить, какую перемену может произвести удачный [г] экзамен в судьбе твоей. Ну вот хоть и это обстоятельство в судьбе твоей, добрый брат мой! Неужели ты думаешь, что это было бы не слишком уж жестоко лишать доверенности брата своего, когда, может быть, я бы мог [д] своею дружбою разделить с тобой или счастье или горе, милый друг; ах! добрый мой! бог тебе судья за то, что ты оставляешь меня в такой неизвестности, в такой тяжкой неизвестности.

Да что-то сталось с тобою, брат мой! Сбылись ли, я не говорю мечты твои, но сбылось ли то, чем блеснула тебе в глаза судьба, показав в темной перспективе жизни твоей светлый уголок, где сердце сулило себе столько надежд и счастья; время, время много показывает; только одно время может оценить, ясно определить [е] всё значенье этих эпох жизни нашей. Оно может определить, прости мне за слова мои, брат мой, может определить, была ли эта деятельность душевная и сердечная чиста и правильна, ясна и светла, как [ж] наше естественное стремленье в полной жизни человека, или неправильная, бесцельная, тщетная деятельность, заблужденье, вынужденное у сердца одинокого, часто не понимающего себя, часто еще бессмысленного как младенец, но также чистого и пламенного, невольного, ищущего для себя пищи вокруг себя и истомляющего себя в неестественном стремленье «неблагородного мечтанья». В самом деле, как грустна бывает жизнь твоя и как тягостны остальные ее мгновенья, когда человек, чувствуя свои заблужденья, сознавая в себе силы необъятные, видит, что они истрачены в деятельности ложной, в неестественности, в деятельности недостойной для природы твоей; когда чувствуешь, что пламень душевный задавлен, потушен бог знает чем; когда сердце разорвано по клочкам, и отчего? От жизни, достойной пигмея, а не великана, ребенка, а не человека.[3]

И здесь опять необходима дружба; потому что сердце само осетит себя тогда неразрывными путами, и человек падет духом, поникнет перед случаем, перед причудами сердца своего как перед веленьями судьбы,[з] и сочтет ничтожную паутину за эти ужасные сети, из нитей которых не выбивается никто, перед которыми всё никнет: это тогда когда судьба бывает [и] истинно веленьем провиденья, то есть действует на нас неотразимою силою целой природы нашей.

г *Было:* твой удачный
д *Далее было:* быть твоим единственным
е *Далее было:* это
ж *Далее было:* чисто
з *Далее было:* как
и *Было:* хочет быть

Я на время прервал письмо мое; был развлечен службою; ах, брат, ежели бы ты только имел понятие о том, как мы живем! Но приезжай скорее, милый друг мой; ради бога приезжай. Ежели бы знал ты, как необходимо для нас быть вместе, милый друг! Целые годы протекли со времени нашей разлуки. Клочок бумаги, пересылаемый мною из месяца в месяц — вот была вся связь наша; между тем время текло, время наводило и тучи и вёдро на нас, и всё это протекло для нас в тяжком, грустном одиночестве; ах! ежели бы ты знал, как я одичал здесь, милый, добрый друг мой! любить тебя это для меня вполне потребность. Я совершенно свободен, не завишу ни от кого; но наша связь так крепка, мой милый, что я, кажется, сросся с кем-то жизнию.

Сколько перемен в нашем возрасте, мечтах, надеждах, думах ускользнуло друг от друга меж нами незамеченными, и которые мы сохранили у себя на сердце. О! когда я увижу тебя, чувствую, что мое существованье обновится; я чувствую себя как-то неспокойным теперь; теченье моего времени так неправильно... Я сам не знаю, что со мною. Приезжай ради бога, приезжай, друг мой, милый брат мой.

Не знаю, опасаться ли мне насчет твоего экзамена. Как-то ты приготовлен? Что касается до ваших экзаменаторов, то я уверен в них. Вас экзаменуют у нас всегда так легко и просто, что ежели ты чем-нибудь да занимался, то выдержишь; и не такие выдерживали.[4] Примеров я видал кучу. — Я думаю, ты не сердишься на меня за тетрадки; опять повторяю, они не нужны для тебя по их ничтожности, это всё прежалкие сокращенья, стыдно сказать; да их и нет ни у кого.

Сестры не было в Петербурге.[5] Мы скоро выйдем из Петергофа. Адрес в Петербург. Прощай, добрый, милый друг мой. Вот тебе несколько строк, писал такими урывками. Ежели бы ты знал, как нам теперь несносно жить.

Прощай же, мой милый, мой добрый друг, брат. Пиши скорее непременно.

Ф. Достоевский.

1841

33. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

27 февраля 1841. Петербург

С.-Петербург. 27 февраля.

Вот и опять письма, милый друг мой! Давно ли думали мы почти навек не разлучаться и кое-как,[а] весело, беспечно проводили время, и вдруг в один миг ты отнят от меня надолго, надолго. Мне очень стало грустно одному, милый мой. Не с кем слова молвить, да и некогда. Такое зубренье, что и боже упаси, никогда такого не было. Из нас жилы тянут, милый мой. Сижу и по праздникам, а вот уж наступает март месяц — весна, тает, солнце теплее, светлее, веет югом — наслажденье да и только. Что делать! Но зубрить осталось немного!

Вероятно, ты догадаешься, отчего это письмо на 1/4 листа. Пишу его ночью, урвав время.

Ну, милый мой, рад, очень рад хоть одним тебя порадовать — ежели ты доселе еще не обрадован и если письмо мое еще застанет тебя в Нарве. В понедельник (в день твоего отъезда) [1] приезжает ко мне Кривопишин; мы обедали тогда, и я не видал его. Оставил записку — приглашенье к ним. В воскресенье я был у него вечером, и он мне показывает донесенье Пол. т. к. в. ского [б] о сделанном распоряженье насчет твоей командировки в Ревель. Вероятно (да и без сомнения), ты уже в Ревеле, целуешь свою Эмилию (не забудь и от меня); иначе ничем не объяснится медленность командировки. Только насчет денег, вероятно, у тебя сильная чахотка. Писал я к опекуну и в понедельник отослал письмо (в день отъезда твоего).[2] Но письмо его, ежели и будет от него что-нибудь, придет в Нарву, след‹овательно›, все-таки не скоро получишь, а между тем задолжаешь. Из замка остается получить немного. Вообще обстоятельства не благоприятны. Нет надежды ни на настоящее, ни на будущее. Правда, ошибаюсь! Есть одна на 1 000 000, который я выиграю — надежда довольно вероятная! 1 против 1 000 000!

Не умри, голубчик мой, с тоски в Нарве прежде полученья дальнейшей командировки.[3]

Благодари Кривопишина. Вот бесценнейший человек! Поискать! Принят я у них бог знает как. Меня одного принимают,

---

а кое-как *вписано над:* **весело**
б *Так в подлиннике.*

когда всем отказывают, как в последний раз. Твое дело решилось в минуту, а без того[в]

«не жить тебе с людьми!»[4]

Благодари его. Они стоят того. Чем заслужили мы их вниманье? Не понимаю! Ни у кого еще не был у кое-кого из знакомцев Петербурга. Ни у m-me Зубатовой, ни у Григоров<ича>, ни у Ризенкампфа, ни в крепости. Жду погоды.

Голова болит смертельно. Передо мною системы Марино и Жилломе и приглашают мое вниманье.[5] Мочи нет, мой милый. Ожидай большей связи в следующем письме моем, а теперь, ей-богу, не могу. Хочется застать тебя в Нарве, оттого и пишу теперь.

О брат! милый брат! Скорее к пристани, скорее на свободу! Свобода и призванье — дело великое. Мне спится и грезится оно опять, как не помню когда-то. Как-то расширяется душа, чтобы понять великость жизни. В следующем письме более об этом.

Ты же, милый, — дай бог тебе счастья в мирном, прелестном кругу семейственном, в любви, в наслажденье — и свободе. —

О ты будешь свободнее меня — ежели устроится внешность!

Прощай, друг мой.

Твой Достоевский.

[в] *Было:* без него

34. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

22 декабря 1841. Петербург

22 декабря.

Ты пишешь мне, бесценный друг мой, о горести, защемившей сердце твое, о твоем бедствии, пишешь, что ты в отчаянии, мой любезный,[а] милый брат![1] Но посуди же сам о тоске моей, об *моей* горести, когда я узнал всё это. Мне стало грустно, очень грустно: это было невыносимо. Ты приближаешься к той минуте жизни, когда расцветают все надежды наши и желания наши; когда счастие прививается к сердцу, и сердце полно блаженством; и что же? Минуты эти осквернены, потемнены горестию, трудом и заботами. — Милый, милый мой! Если бы ты знал, как я счастлив, что могу хоть чем-нибудь помочь тебе. С каким наслажденьем посылаю я эту безделку, которая хоть сколько-нибудь может восстановить покой твой; этого мало — я знаю это. Но что же делать, если более — брат — клянусь, не могу! Сам посуди. Если бы я был один, то я бы для тебя, дорогой мой, остался бы без необходимого; но у меня на руках брат;[2] а писать скоро в Москву — бог знает, что они подумают! Итак, посылаю

[а] *Вместо:* мой любезный — *было:* бесценный

эту безделицу. Но боже мой. Как же несправедлив ты, мой милый бесценный друг, когда пишешь подобные слова — *взаймы — заплачу*. Не совестно ли, не грешно ли, и между братьями! Друг мой, друг мой, неужели ты не знаешь меня. Не этим могу я для тебя пожертвовать!! Нет! ты был не в духе, и я это тебе прощаю.

Когда свадьба! Желаю тебе счастия и жду длинных писем. Я же даже и теперь не в состоянии написать тебе порядочного. Веришь ли, я к тебе пишу в 3 часа утра, а прошлую ночь и совсем не ложился спать. Экзамены и занятия страшные. Всё спрашивают — и репутации потерять не хочется, — вот и зубришь, «*с отвращением*» — а зубришь.

Чрезвычайно много виноват перед твоей дорогой невестой — моей сестрицею, милой, бесценной, как и ты, но извини меня, добрый друг мой, — непонятного характером. Неужели так мало ко мне родственного доверия или уже обо мне составлено чудовищное понятие — неучтивости, невежливости, неприязни, наконец, всех пороков, чтобы быть так против меня предубежденной, не верить моим уверениям в совершенном отсутствии времени и сердиться за молчание; но я этого не заслужил — *по чести нет*. Извиняюсь пред нею нижайше, прошу ее снисхождения и, наконец, совершенного прощения и отпущения во грехах мне окаянному. Лестно было бы мне называться братом ее, добрым, искренно любящим, но что же делать? Но всегда льщу и буду льстить себя надеждою, что наконец достигну этого.

Об себе в письме этом не пишу ничего. Не могу, некогда — до другого времени. Андрюша болен; я расстроен чрезвычайно.[3] Какие ужасные хлопоты с ним. Вот еще беда. Его приготовление и его житье у меня вольного, одинокого, независимого, это для меня нестерпимо. Ничем нельзя ни заняться, ни развлечься — понимаешь. Притом у него такой странный и пустой характер, что это отвлечет от него всякого; я сильно раскаиваюсь в моем глупом плане, приютивши его. — Прощай, бесценный мой! Счастие да будет с тобой.

Твой Достоевский.

Посылаю тебе 150 рублей. (Это для верности).

1842

35. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Декабрь 1842. Петербург

Брат! Если ты получил деньги, то ради бога пришли мне рублей 5 или хоть целковый. У меня уж 3 дня нет дров, а я сижу без копейки. На неделе получаю 200 руб. (я занимаю) наверное, то тебе всё отдам. Если ты еще не получил, то пришли мне записку к Кривопишину; Егор[1] снесет ее. А я тебе перешлю сейчас же.

Достоевский.

На обороте:

Г-ну Достоевскому.

1843

36. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Январь 1843. Петербург

Удалось ли тебе взять что-нибудь у Притвица, брат?[1] Если удалось, то пришли. У меня ничего нет. Да напиши, когда придешь, и если теперь не пришлешь, то непременно принеси. Ради бога. Хоть сходи на квартиру к Притвицу. Пожалуй<ста>.

Твой брат Ф. Достоевский.

37. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Январь—начало февраля 1843. Петербург

Писал ты мне, люб<езный> брат, что не можешь достать денег ранее масленицы.[1] Но вот что я придумал: с этим письмом я шлю тебе другое,[2] в котором прошу у тебя взаймы 50 руб. Ты его и покажи сейчас генералу[3] и попроси, чтоб тотчас же выдал тебе немедленно деньги, чтобы отправить сейчас с Егором. Разумеется, скажи ему, что ты мне дал честное слово и что твое желание мне помочь. Ради самого бога, любезнейший, не откажи; а я только лишь получу от брата взаймы же, расплачусь с тобою; без денег сидеть не будешь. Из 50 руб. возьми себе, что нужно. А на масленице, честное слово, всё отдам, тебе же теперь не нужны деньги, а у меня, поверить не можешь, какая страшная, ужасная нужда.[4]

Помоги мне, пожалуйста.

Твой Достоевский.

P. S. Если к масленице не будет денег у меня, то я возьму вперед из жалованья и тебе отдам.

На обороте:

Андрею Михайловичу Достоевскому.

38. П. А. КАРЕПИНУ

Конец декабря 1843. Петербург

Милостивый государь, любезнейший брат, Петр Андреевич!

Прежде всего позвольте пожелать Вам благополучной встречи Нового года, и хотя обычай предков наших желать при сем нового счастья нашли почтенные потомки избитым и устарелым, а я все-таки пожелаю Вам при моем поздравлении от всей души продолжения счастия старого, если оно было по Вашим желаниям, и нового по житейскому обычаю желать более и более. Счастие Ваше, разумеется, неразлучно с счастием сестрицы — супруги Вашей, и милых малюток Ваших. Да будет же и их счастие упрочено на всю жизнь — пусть принесет он в семейство Ваше сладостную, светлую гармонию блаженства.

Благодарю за посылку, хотя очень, очень позднюю. Я был уже должен столько же и отдал всё присланное тотчас до копейки. Сам остался ни с чем. Совершенно вверяюсь расчету Вашему на вспоможение остальное за нынешний год; но все-таки, если бы Вы прислали мне теперь же, на днях рублей 150, мои обстоятельства надолго бы упрочились. Теперешнее требование мое объясняется нуждами, изложенными в прошлом письме моем;[1] причем потщусь просить извинения за несколько неосторожных слов — вырванных из души нуждою и необходимостью.

В ожидании ответа Вашего с глубочайшим почтением и преданностью позвольте пребыть, любезнейший братец, Вас любящим родственником

Ф. Достоевский.

39. В. М. КАРЕПИНОЙ

Конец декабря 1843. Петербург

Милая сестрица! давным-давно уже не писал я ничего тебе; винюсь душевно, но видишь ли, я избалован твоею добротою и расположением ко мне и потому всегда надеюсь на прощение. Со мною нужно быть строже и злопамятнее — два качества, совершенно противные твоему доброму, любящему сердцу. Желаю тебе счастия большего и большего, добренькая сестрица. Желаю счастия и здоровья и малюткам твоим. Пусть вырастут тебе на радость и утеху. Искреннее желание мое прими, а за видимую холодность (молчание) не сердись.

Каюсь перед тобою! Но ведь ты простишь, я это знаю.

Прощай, милая Варенька. Поцелуй наших малюток Сашу, Верочку и Колю.

Тебя любящий брат Ф. Достоевский.

40. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

31 декабря 1843. Петербург

31 декабря 1843 года.

Мы весьма давно не писали друг другу, любезный брат, и поверь мне, что обоим нам это не делает чести. Ты тяжел на подъем, любезнейший... Но так как дело сделано, то ничего не остается, как схватить за хвост будущность, а тебе пожелать счастья на Новый год, да еще малютку. Ежели будет у тебя дочка, то назови Марией.[1]

Эмилии Федоровне свидетельствую нижайшее почтение мое, желаю при сем Нового года, с которым тут же и поздравляю. Желаю ей наиболее здоровья, а Федю целую и желаю ему выучиться ходить.

Теперь, милейший мой, поговорим о делах. Хотя Карепин и прислал мне 500, но следуя прежней системе, которой невозможно не следовать, имея долги в доме, я опять с 200 руб. сереб‹ром› долгу. Из долгов как-нибудь нужно выбраться. Под сидяч камень вода не потечет. — Судьба благословила меня идеею, предприятием, назови, как хочешь. Так как оно выгодно донельзя, то спешу тебе сделать предложение участвовать в трудах, риске и выгодах. Вот в чем сила.

2 года тому назад на русском языке появился перевод $^1/_2$ первой книжки «Матильда» (Eug. Sue),* то есть $^1/_{16}$-я доля романа. С тех пор не являлось ничего. Между тем внимание публики было разожжено; из одной провинции прислали 500 требований и запросов о скором продолжении «Матильды».[2]

Но продолжения не было. Серчевский, переводчик ее, бестолковый спекулянт, не имел ни денег, ни перевода, ни времени. Так шли дела $1^1/_2$ года. Около святой недели некто Черноглазов купил за 2000 р. асс‹игнациями› у Серчевского право продолжать перевод «Матильды» и уже переведенную 1-ю часть. Купивши, он нанял переводчика, который перевел ему всю «Матильду» за 1600 руб. Черноглазов получил перевод, отложил его к сторонке, не имея ни гроша не только издать на свой счет, но даже заплатить за перевод. «Матильда» канула в вечность.

Паттон, я и, ежели хочешь, ты соединяем труд, деньги и усилия для исполнения предприятия и издаем перевод к святой неделе. Предприятие держится нами в тайне, рассмотрено со всех сторон и irrévocablement ** принято нами.

Вот как будет происходить дело.

Мы разделяем перевод на 3 равные части и усидчиво трудимся над ним. Рассчитано, что ежели каждый может переводить по

---

* Евг‹ения› Сю (*франц.*).
** бесповоротно (*франц.*).

20 страничек Bruxell'-ского* маленького издания «Матильды», то к 15 февраля кончит свой участок. Переводить нужно начисто прямо, то есть разборчиво. У тебя хороша рука, и ты можешь это сделать. По мере выхода перевода он будет цензорован. Паттон знаком с Никитенко, главным цензором, и дело будет сделано скорее обыкновенного. — Чтобы напечатать на свой счет, нужно 4500 руб. ассиг‹нациями›. Цены бумаги, типографии нами узнаны.

За бумагу требуют $^1/_3$ цены, а остальное дают в долг. Долг обеспечивается экземплярами книги.[а]

Знакомый типографщик, француз, сказал мне, что ежели я дам 1000 руб., то он мне напечатает все экземпляры (в числе 2500) руб.,[б] а остальное будет ждать до продажи книги.

Денег нужно самое малое 500 руб. сереб‹ром›. У Паттона готовы 700. Мне пришлют в генваре руб. 500 (ежели же нет, я возьму вперед жалование). С своей стороны ты распорядись, чтобы иметь к февралю 500 руб. (к 15-му числу), хоть возьми жалование. С этими деньгами мы печатаем, объявляем и продаем экземпляры по 4 руб. сереб‹ром›. (Цена дешевая, французская).

Роман раскупается. *Никитенко* предсказывает успех. Притом любопытство возбуждено. 300 экземпляров окупают все издержки печати. Пусти весь роман в 8 томах по целковому, у нас барыша 7000. Книгопродавцы уверяют, что книга раскупится в 6 меся‹цев›. Барыш на 3 части. Ежели мы пустим роман по рублю ассигнац‹иями›, то твои 500 руб. возвратятся к тебе и издание окупится.

Вот наше предприятие; хочешь вступить в союз или нет. Выгоды очевидны. Если хочешь, то начни переводить с «la cinquième partie».** Переводи как можно более, насчет границ перевода твоего напишу.[3]

Пиши немедля. Хочешь или нет?

Достоевский.

Отвечай немедля.[4] Прощай.

а *В подлиннике ошибочно:* книгу
б *Так в подлиннике.*
* брюссельского (*франц.*).
** с пятой части (*франц.*).

1844

41. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Вторая половина января 1844. Петербург

Любезный брат!

Твой ответ имел я удовольствие получить и спешу сам написать тебе несколько строк. Пишешь, что не знал моего адресса. Но, милый мой, ведь ты знал, что я служу в чертежной Инженерного департамента. Можно ли ошибиться, адресуя в место службы. Твой адресс совершенно верен. Но радуюсь твоей отговорке и принимаю ее. По крайней мере ты не совсем забыл меня, милый брат. Весьма рад вашему счастью, желаю дочку и хорошеть Федашке. Уж если мне суждено крестить у тебя, то да будет воля господня. Только дай бог счастья крестникам. Целую ручки Эмилии Федоровне и благодарю за память. Насчет Ревеля *мы подумаем*, nous verrons cela * (выражение Papa Grandet).[1]

Теперь к делу; это письмо деловое. Наши обстоятельства идут хорошо, до nec plus ultra.** Редакторство поручено мне, и перевод хорош будет. Паттон — человек драгоценный, когда дело дойдет до интереса. А ведь ты знаешь, что подобные товарищи в аферах лучше самых бескорыстных друзей. Ты непременно нам помоги и постарайся перевесть щегольски. Книгу я тебе хотел послать с этой же почтою, но она у Паттона, а он куда-то пропал. Пришлю с следующею. Но ради бога не выдай, милейший! Переводи с перепиской. Не худо, если бы крайним сроком прислал ты нам перевод к 1-му марта. Тут мы сами все кончим свои участки, и перевод пойдет в цензуру. Цензор Никитенко знаком Паттону и обещал процензуровать в 2 недели. 15 марта печатаем всё разом и много что к половине апреля выдаем. — Спросишь, где достали деньги; я сколочусь и дам 500. Паттон — 700; у него они есть; и маменька Паттона 2 000. Она дает сыну деньги по 40 процентов. Этих денег вельми довольно для печатания. Остальное в долг.

Мы обегали всех книгопродавцев и издателей и вот что узнали.

Черноглазов, переводчик «Матильды» — un homme qui ne pense à rien,*** не имеет ни денег, ни смысла. Перевод же у него есть. Мы объявим о переводе, когда будет половина напечатана,

---

* посмотрим (*франц.*).
** высшего предела (*лат.*).
*** человек, который ни о чем не думает (*франц.*).

и Черноглазов погиб. Он виноват сам; зачем между 1-ю и 2-ю частями протекло три года. Всякий имеет право выдавать по 2, по 3 перевода одного и того же сочинения. Книгопродавцы ручаются за 1000 экземп‹ляров› в провинции, причем деньги получаются тотчас; только берут они по 40 к. с руб. Книгопродавцы сказали нам, что безрассудно пускать книгу менее 6-ти руб. сереб‹ром› (цена французской книги брюсс‹ельского› изд‹ания›). Следов‹ательно›, мы разом в мае получим 3 500 руб. сереб‹ром›. Теперь в Петербурге, по уверению тех же самых книгопрод‹авцев›, выйдет непременно 350 экземпляр‹ов›, 20 проц‹ентов› в пользу лавочников; считая за 1 500 экземпляров, нельзя получить менее 5 000 руб. серебром. На нас будет 1 000 руб. с‹еребром› долгу, 4 000 с‹еребром› барыша. Мы решились делить по-братски, трое, и ты непременно получишь 4 000 асс‹игнациями› на свою долю. Переведи только теперь.

В переписке оставляй собственные имена в карандаше или [а] мы перепишемся насчет этого.

Миленький побратим, есть до тебя субтильная просьбица. Я теперь без денег. Нужно тебе знать, что на праздниках я перевел «Евгению Grandet» Бальзака (чудо! чудо!). Перевод [б] бесподобный.[2] — Самое крайнее мне дадут за него 350 руб. ассиг‹нациями›. Я имею ревностное желание продать его, но у будущего тысячника нет денег переписать; времени тоже. Ради ангелов небесных, пришли 35 руб. ассиг‹нациями› (цена переписки). Клянусь Олимпом и моим «Жидом Янкелом» (оконченной драмой) [3] и чем еще? разве усами, кои, надеюсь, когда-нибудь вырастут, что половина того, что возьму за «Евгению», будет твоя. — Dixi.*

До свидания.

Достоевский.

Понимаешь, что с первою почтою.

а *Далее было:* пиши
б *Было:* Мой перевод
* Я сказал (*лат.*).

42. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

14 февраля 1844. Петербург

14 февр‹аля› 1844 г.

Любезный брат!

Ты мне приказал уведомить себя насчет обстоятельств перевода. К крайнему прискорбию моему, бесценный друг мой, скажу тебе, что дело, кажется, не пойдет на лад; — и потому прошу тебя повременить до времени и не переводить далее, доколе не получишь, милый мой, от меня более верного уведомления... Видишь ли: я по-настоящему не имею никакого основания [а] подозре-

---

а *Далее было начато:* гово‹рить›

вать неудачу. Но осторожность не излишня ни в каком случае. Что до меня, я переводить продолжаю. Тебя же прошу остановиться до времени, чтобы на всякий случай не утруждать себя понапрасну. Мне и так очень прискорбно, милый мой, что, может быть, ты и теперь уже потерял время. — Подозреваемая мною неудача находится[6] не в самом переводе и не в литературном его успехе (предприятие было бы блистательно), но в странных обстоятельствах, возникших между переводчиками. 3-й переводчик был Паттон, который за условленную цену от себя нанял капитана Гартонга поправить свой перевод. Это тот самый Гартонг, который переводил «Плик и Плок»,[1] «Хромоногий бес»[2] и написал в «Библиотеку для чтения» повесть «Панихида». Дело шло очень хорошо. Деньги нам давала взаймы мать Паттона, которая дала в том честное слово. Но Паттон в апреле едет на Кавказ служить под командою отца, вместе с своею материю; он говорит, что непременно окончит перевод и мне поручит печатание и продажу. Но мне что-то не верится, чтобы такие жиды, как Паттоны, захотели поверить до 3000 р. мне на дело, как бы то ни было, а рискованное; для них двойной риск. Несмотря на то Паттон переводит. Я это знаю и видел своими глазами.

Все эти причины понудили меня просить тебя, друг мой, оставить покамест перевод. Весьма в недолгом времени уведомлю тебя последним решением; но, вероятно, не в пользу перевода: сам суди. А как жалко, друг мой, как мне-то тебя жалко. Извини, голубчик, и меня бедняка; ведь я Мурад несчастный.[3]

Желаю Эмилии Федоровне прехорошенькую дочку и много, много здоровья. Целую у ней и у Феди ручки.

Твой всегда Ф. Достоевский.

Напиши, что у тебя было с Егором Ризенкампфом. Отец писал что-то своему сыну. А я тебе в будущем письме напишу про моего Ризенкампфа Александра.

На обороте:

Его благородию
милостивому государю
Михайле Михайловичу Достоевскому.
В Ревель. В крепость.
Инженер-прапорщику
при тамошней Инженерной команде.

---

[6] *Было:* зависит

43. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Март—апрель 1844. Петербург.

Любезный брат!

Пишу к тебе наскоро и несколько строчек. Я полагаю, что ты, получа письмо мое, немедленно принялся за работу Ради бога, займись переводом «Дон Карлоса». Славная будет вещь. Займись и поскорее. На днях в голове моей блеснула идея. Это: напечатать «Дон Карлоса» немедленно по получении на свой счет. Деньги я достану, именно возьму вперед жалование (что я уже не раз делывал). Вот счет, что будет стоить печать, что я накинул примерно:

Бумаги лучшей веленевой на 1000 экземпляров — листов 5000. 500 листов лучшей бумаги стоят 10 руб., итого 100 руб. Печатать мелким разбористым шрифтом (немного крупнее бельгийского), за лист 30 руб. асс‹игнациями›, всех листов будет 5 (наиб‹ольшее›)

след ‹овательно›	всего 150
	да 100 за бум ‹агу›
	250
Красивая лососиновая или светло-зеленая обертка	30 р. ассиг‹нациями›
	всего 280 р.

Экземпляр стоит 1 руб. сереб‹ром›. 100 экземпляров окупят издание с большими процентами.

Остальное, если продать по 10 коп. серебром экземпляр, то выручишь в случае неудачи 350 руб. ассиг‹нациями› — цену, которую дадут тебе в «Репертуар‹е›»,[1] — это наибольшее.

Подумай, брат. Перевод «Дон Карлоса» будет отрадною новостию в литературе. Его купят любители, продадут по крайней мере 300 экземпляров. Подумай! Ты ничем не рискуешь. За меня не беспокойся; я эти дела понимаю и не войду впросак, всегда окуплю издание.[2]

У тебя семейство. Сидя или колотясь на работах, смотря, как кладут кирпичи, немного отрадных мыслей войдет в голову. Жалование маленькое. Будете с хлебом; но ты будешь без нового сюртука, когда надобно его иметь непременно. Горе в молодости опасно! След‹овательно›, нужно работать. Стихом ты владеешь прекрасно. И с французского переводчик может быть с хлебом в Петербурге; да еще с каким; я на себе испытываю (перевожу Жорж Занд[3] и беру 25 руб. асс‹игнациями› с листа печатного).[a]

---

[a] *Далее было начато:* Ты

Отчего Струговщиков уже славен в нашей литературе? переводами. А ты хуже его что ли переводишь? Тот нажил состояние. Ты бы давно мог, а прежде мы приняться не умели только. Я напишу предисловие, а ты стихи к Шиллеру. Можно начать печатать в июне, и к 1-му июлю я бы тебе прислал экземпляр в золотой обертке. В литературе — поле чисто: примут с восторгом. Я уверен, что ты переводишь. Пиши, ради бога, скорее и успокой меня. Эполеты не прислал, оттого что позабыл. Пришлю непременно. Жду ответа, ради бога.

Твой Достоевский.

Служба надоедает.

Служба надоела, как картофель. Прощай.

Кланяйся Эмилии Федоровне. Целуй племянников. Приехать к вам не могу. Не пускают, душа моя. Но приеду на 2 недели в сентябре, когда выйду в отставку.[4] То-то поговорим.[5]

44. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Июль—август 1844. Петербург

Любезный брат!

Промежуток между последним письмом твоим[1] и моим ответом был чреват различными происшествиями.[а] Не все удались, но некоторые довольно благоприятны.

Получив «Разбойников», я тотчас же принялся за чтение; вот мое мнение о переводе: песни переведены бесподобно, одни песни стоят денег. Проза переведена превосходно — в отношении силы выражения и точности. Ты жалуешься на Шиллера за язык; но заметь, мой друг, что этот язык и не мог быть другим. Но я заметил, что ты слишком увлекался разговорным языком и часто, весьма часто для натуральности жертвовал правильностью русского слова. Кроме того, кой-где проскакивают слова не русские (но не *штудировать*, не *сувенирчики* — употребление этих слов верх искусства и находчивости). Наконец, иная фраза переведена с величайшею небрежностью. Но вообще перевод удивительный в полном смысле слова. Я подчистил кое-что и приступил к делу тотчас. Я пошел к Песоцкому и Межевичу. Канальи жмутся. О помещении в своем журнале[2] всего Шиллера и думать не хотят; они не постигают хорошей идеи, они спекулируют. Отдельно «Разбойников» взять не хотят, боятся цензуры. Действительно Никитенко не может и не хочет взять ответственности, не перечеркнув целой трети. Я, впрочем, дал ему цензуровать, а потом можно будет заделать неровности. Что делать! Услыхав решение Песоц‹кого› и Меж‹евича›, и понюхать им не дал «Разбойников». Но тогда же решил вот что: напечатать в их журнале «Дон Кар-

---

а *В подлиннике описка:* происшествии.

лоса». Это заинтересует публику; она увидит, что перевод хорош. В том же номере журнала объявить об издании всего Шиллера. За «Дон Карлоса» нам заплатят; и я настою, что заплатят хорошо. Итак, кончай его, ради бога, скорее. Осенью разом напечатаем «Разбойник‹ов›», «Фиеско», «Дон Карлоса» и «Марию Стуарт», (ради бога, и «Марию Стуарт». Нужно стихов, это непременно, если желаешь успеха).[3] Деньги для напечатания будут. Нужно 1 000 с лишком рублей. След‹овательно›, чистых денег нужно 700, ибо треть всегда в долг поверят. Так все делают, а 700 руб. я всегда берусь достать. Назначив соответственную цену изданию, 100 распроданных экземпляров могут не только окупить наши издержки, но и дать маленький барыш, а 100 пустяки; намерение, след‹овательно›, хорошо, и дело совершенно верное. Пиши, мой друг, переводи. За успех я ручаюсь головою, и тебя без денег не оставлю. Подожди, к нам как мухи налетят, когда в руках наших увидят переводы. Не одно будет предложение от книгопродавцев и издателей. Это собаки — я их несколько узнал.

Итак, спеши с «Дон Карлосом»; непременно спеши; это и денег даст и пустит в ход наше издание. Деньги будут тотчас. Полагаю, что ты не ленился и переводил всё это время. Если бы ты хотел сначала много денег, то должен бы был начать перевод не по порядку, а прямо с «Дон Карлоса». Но лучше делать дело хорошо.

Межевич просит покорнейше и поскорее прислать, если есть в переводе готово, все прозаические сочинения Шиллера о драме и драматическом искусстве. Особенно о *наивном и сантиментальном*.[4] Советую перевесть, будут деньги, и поскорее переводи. (Без денег я из рук не выпущу, не беспокойся). Итак, теперь работай «Дон Карлоса» и прозу. «Фиеско» и «Мария Стуарт» потом. Надеюсь, брат, на тебя; пуще всего не повесь носа. Помнишь — «Семелу» и «Германа и Доротею». «Семелу» отказали в одном месте, и ты оставил перевод: а недавно «Семела» появилась в «Отеч‹ественных› записках» в гадчайшем переводе. «Герман и Доротея» также, и оба имели успех.[5] А отчего; оттого, что ты повесил свой нос не вовремя, милейший мой; ради бога, спеши и работай. Пожива будет славная. «Фиеско» и «Марию» потом можешь делать исподволь. А напечатаем только что деньги будут. А они будут. На этот случай можно прижать москвичей.

Ну теперь все черти помогай тебе, а не угадаешь, кого я открыл в Петербурге, милый брат. — *Меркуровых!!* Я встретился с ними случайно и, разумеется, возобновил знакомство. Я тебе всё расскажу. Во-первых, брат, это люди хорошие. Мария Кресентьевна удивительная женщина. Я ее уважаю от всей души. Меркуров un peu picardo,* но славный малый. Они разбогатели

---

* немножко на пикардийский лад (*франц. с исп. огласовкой; пикардийцев считали чистосердечными, но вспыльчивыми, резкими, грубыми*).

и имеют тысяч семь годового дохода. Живут отлично. Старик Меркуров, кажется, умер, и они разделились. Ты напрасно предполагал, что он в жандармах. Он служил в жандармах только полгода; потом перешел в Ольвиопольск‹ий› гусарский полк (на юге). Потом был прикомандирован в Петербург к *образцовому полку*. Это было, когда ты производился в офицеры (и мы не знали). Наконец, опять служил и теперь штаб-офицер, вышел в чистую отставку и живет в Петербурге. Меня приняли превосходно. Они совершенно такие же, как и прежде. Но о деньгах в 1-е, 2-е, 3-е и 4-е свидание ни слова; я тоже не говорил, да и совестился. Наконец, *случился* со мной один неприятный *случай*. Я был без денег. Но перевод Жорж Занда романа кончался у меня («La dernière Aldini»).* Суди же о моем ужасе — роман был переведен в 1837 году.[6] А черт это знал, я был в исступлении. Написал в Москву, но покамест погибал в Петербурге. Нужда заставила меня *попросить взаймы*[б] у Меркурова. Получаю вместо ответа приглашение на чай. Прихожу: он говорит, что краснеет от моего письма. Что не знает, почему я просил у него взаймы, когда имел право требовать должное. Что он молчал оттого, что не было денег (действительно не было, ибо он на моих глазах истратил 2000 на покупки), что он ждет самого скорого получения и тогда хотел доказать строгость характера, отдав деньги без нашей просьбы. Но теперь краснеет оттого, что я напомнил ему. Не имея денег, просил он меня принять 50 руб. ассигнац‹иями›. Я принял (брат, ты не знаешь, какова была нужда моя). Приказали тебе кланяться. Пиши к ним, брат, они об тебе весьма интересуются, удивились, что ты женат. Как счастливо! Теперь деньги верные, он не хотел отдавать прежде, но теперь, увидав меня снова, я уверен, что он с 1-го свидания решился отдать, к тому же он имеет средства. Пиши, пожалуйста, лучше как можно более дружески и денег не проси слишком. Они будут всё равно в самое короткое время. Но можешь упомянуть вскользь и назначь *весь долг*, он забыл *сколько*, а я сам не знаю. Прощай, мой возлюбленный, поздравляю тебя с неожиданным кушем. Дай ему свой адрес *в Ревель* и уведомь меня, когда он тебе всё вышлет. Потому что деньги не мои, и я их получать не буду. Живет он рядом со мною: у Владимирской церкви,[в] по Владимирской улице, в доме Нащокина (его высок‹ородия›).

Прощай. Кланяйся милой жене своей, целуй детей, будь прилежен и счастлив.

Твой Достоевский.

Уведомляю, что Ободовский перевел «Дон Карлоса». Смотри, брат, ухо востро и спеши скорее: Ободовский еще не печатал, да еще и не намерен печатать.

[б] *Под этими словами Достоевский подписал:* понимаешь???
[в] *Было:* улицы
* «Последняя Альдини» (*франц.*).

Я могу выручить за «Дон Карлоса» руб. 500.

Перевод выпусками по 1-й книжке издавать нельзя, публика помнит выпуски Гете. Невозможно.

45. П. А. КАРЕПИНУ

20-е числа августа 1844. Петербург

Милостивый государь Петр Андреевич.

Спешу уведомить Вас, Петр Андреевич, что по естественному и весьма неприятному ходу дел моих я принужден был подать в отставку. Просьба подана дней 10 тому назад; на нее последовало со стороны начальства соизволение. Высочайшее решение выйдет много что через две недели.[1] Не имея денег на почту, я не уведомлял Вас тотчас же. Причина такого переворота в судьбе моей заключалась в критическом положении моем насчет денег. Видя естественную невозможность получить откуда-нибудь помощь, я не знал, что придумать лучше. Теперь жить плохо. Ни вверху, ни внизу, ни по бокам ничего нет хорошего. Человек может сгнить и пропасть, как пропавшая собака, и хоть бы тут были братья единоутробные, так не только своим не поделятся (это было бы чудом, и потому на это никто не хочет надеяться, потому что не должен надеяться), но даже и то, что по праву бы следовало погибающему, стараются отдалить всеми силами и всеми способностями, данными природою, а также и тем, что свято.

Всякий за себя, а бог за всех![2] Вот удивительная пословица, выдуманная людьми, которые успели пожить. С моей стороны, я готов признать все совершенства такого мудрого правила. Но дело в том, что пословицу эту изменили в самом начале ее существования. Всякий за себя, все против тебя, а бог за всех. После этого естественно, что надежда человеку остается весьма плохая.

Меня назначили в командировку на крепость. Должен я был около 1200 руб., должен был наделать про запас платья, должен был жить в дороге, может быть, на пути в Оренбург или Севастополь или даже подальше куда-нибудь, да, наконец, иметь средства обзавестись кой-чем на месте. Так как я твердо был уверен (по опыту), что если бы меня командировали хоть в Камчатку, то мне неоткуда бы было ждать вспоможения, то я принужден был избрать зло меньшее, то есть отсрочить катастрофу[а] своего житья-бытья хоть на 2 месяца; а там хоть в тюрьму тащи; но тогда я законно бы получил то, что уже бог знает сколько времени вымаливаю.

Уведомляю Вас, Петр Андреевич, что имею величайшую надобность в платье. Зимы в Петербурге холодны, а осени весьма сыры и вредны для здоровья. Из чего следует[б] очевидно, что без

а *Было:* свою катастрофу

б *Далее было начато:* что по весь‹ма›

платья ходить нельзя, а не то можно протянуть ноги. Конечно, есть на этот счет весьма благородная пословица — *туда и дорога!* Но эту пословицу употребляют только в крайних случаях, до крайности же я не дошел. Так как я не буду иметь квартиры, ибо со старой за неплатеж нужно непременно съехать, то мне придется жить на улице или спать под колоннадою Казанского собора. Но так как это нездорово, то нужно иметь квартиру. Существует полупословица, что в таком случае можно найти *казенную,* но это только в крайних случаях, а я еще не дошел до подобной крайности. Наконец, нужно *есть.* Потому что *не есть* нездорово, но так как тут нет ни вспомогательного средства, ни пословицы, то остается умереть с голоду; но это только в крайних случаях возможно, а я, слава всевышнему, еще не дошел до подобной крайности. Я требовал, просил и умолял три года, чтобы мне выделили из имения следуемую мне после родителя часть. Мне не отвечали, мне не хотели отвечать, меня мучили, меня унижали, надо мной насмехались. Я сносил всё терпеливо, делал долги, проживался, терпел стыд и горе, терпел болезни, голод и холод, теперь терпение кончилось и остается употребить все средства, данные мне законами и природою, чтобы меня услышали, и услышали обоими ушами.

Почти в каждом письме моем я предлагал Вам, как заведующему всеми делами семейства нашего, проект о выдележе, сделке, контракте, уступке или как там угодно части моего имения за известную сумму денег. Ответа не было никакого. Дело в том, что сумма, которую я требовал[в] в обмен, была так ничтожна, что выгода семейства требовала подробнейшего рассмотрения моего предложения. Дело должно было быть сделано законно, след‹овательно›, опасаться было нечего (в сделках опасение допускается). Но так как ответа не получил, то теперь хочу употребить все средства, чтобы получить его.

Так как я хочу, чтобы никто не смел говорить, что я разоряю всё семейство наше, то я теперь говорю, в последний раз, по моей собственной воле, по моему собственному желанию сделать так, чтобы всем было хорошо, *что я отказываюсь от всего участка моего (приносящего до 1000 руб. дохода) за 1000 руб. серебром,* из которых половина должна быть выплачена разом, а остальное на сроки. В противном случае я принужден буду употребить все мои усилия сбыть с рук мой участок хоть лицу постороннему, что будет довольно плохо для всех. С первого взгляда вещь не может быть допущена по закону; но допускают *обязательства выплачивания долгов доходами, дарственные на получение не имения, но только доходов.* Это возможно, а если этого нельзя, так можно что-нибудь другое, и т. д. Меня не остановит малость предлагаемой суммы. Что же делать? деньги нужны. Я пропащим человеком быть не хочу. Нужно устроиться. Теперь я свободен, и меня не остановит ничто.

[в] *Было:* предлагал

Вдобавок попрошу я Вас, Петр Андреевич, прислать мне в счет чего хотите, хоть за 10 лет вперед или всей цены[г] выдележа, прислать мне как можно более, чтобы удовлетворить означенным на страничке четвертой требованиям. Уведомляю Вас, что жалование мое я взял всё вперед в мае месяце (нужно было есть). След‹овательно›, теперь нет у меня ни копейки, к тому же нет платья, а наконец, нужно долги заплатить. Ничего так не желаю, как кончить дела мои вышеозначенным. Они мешают мне жить.

Ф. Достоевский.

[г] *Было:* за всю цепу

46. П. А. КАРЕПИНУ

7 сентября 1844. Петербург

7 сентября.

Милостивый государь Петр Андреевич!

В прошлом письме моем к брату Михайле писал я ему, чтобы он поручился за меня всей семье нашей в том, что после получения теперь *некоторой суммы* я ничем не преступлю уговора, который благоугодно будет Вам предложить мне от лица всех наших, и что брат Михайло на мои будущие требования должен будет или сам отвечать мне, или, наконец, в случае не сдержания моего слова, сам из своей части поплатится мне. Будучи твердо уверен, что брат Михайло исполнил то, что я писал ему,[1] нахожу необходимым еще раз обеспокоить Вас письмом моим.

Брату кажется, так же как и мне казалось давно, что хотя и трудно сделать законный раздел, но весьма легко сделать семейный, соблюдать его нерушимо с обеих сторон и потом довершить законами; конечно, не мне самому должно было предлагать Вам такое решение; теперь же предстательство брата естественно может несколько споспешествовать ходу дел. — Угадывая и всегда будучи уверен, что на меру, принятую мною теперь, то есть отставку вследствие долгов и неустройства дел, посылаются крики, обвинения, между которыми скажется известная фраза — что, дескать, хочет сесть на шею братьям и сестрам, я даже считаю обязанным выделиться, несмотря на то, что дело это само по себе уж необходимо в моих обстоятельствах. Вследствие же сих вышеизложенных причин назначаю цену 1 000 р. сереб‹ром›, которая с окупкою всего-навсего и уплатою долгов и казенных и частных и т. д., и т. д., и т. д., выходит весьма сговорчивая, даже ниже и непременно ниже, чем следует, приняв в соображение Вашу оценку когда-то.

Из этой суммы 1 000 руб. сереб‹ром› я прошу 500 руб. сереб‹ром› выдать разом, а остальные 500 руб. сереб‹ром› выдавать

по 10 руб. сереб<ром> в месяц. Назначая 500 руб. сереб<ром> разом, я назначаю самое необходимое — 1 500 для уплаты долгов и 250 на окупление издержек теперешних, которые по-настоящему требуют втрое более, чем 250 руб. — Конечно, Петр Андреевич, нужно сознаться, что согласие и решение дела находится теперь в Ваших руках. Вы можете отвергнуть все эти предложения по тысяче предлогам. Но несколько строчек самых откровенных с моей стороны, эссенции всего, что до сей поры было писано и говорено с обеих сторон, теперь, в настоящую минуту необходимы. Никогда не имев сомнения, что [a] ум, благородство и сочувствие всегда сопутствуют каждой мере Вашей, полагаю, что Вы простите неприятность смысла следующих строчек; их диктует необходимость.

Вот они.

— Неужели Вы, Петр Андреевич, после всего, что было между нами насчет известного пункта, то есть дирижирования моей неопытной и заблуждающейся юности, после всего, что было писано и говорено с моей стороны, после (не спорю — и сознаюсь) после нескольких дерзких выходок с моей стороны насчет советов, правил, принуждений, лишений и т. п., Вы захотите еще употреблять ту власть, которая Вам не дана, действовать в силу тех побуждений, которые могут управлять только решением одних родителей, наконец, играть со мною роль, которую я в первую минуту досады присудил Вам неприличною. Неужели и после этого всего Вы будете противиться моим намерениям, *ради моей собственной пользы и из сострадания к жалким грезам и фантазиям заблуждающейся юности.* Если же не эти причины действуют сердцем Вашим теперь и запрещают Вам помочь мне в самом ужасном обстоятельстве моей жизни, то неужели это одна досада на несколько вырвавшихся с пера моего выражений. Досада может быть и должна быть, это естественно, хотя я и сожалею об этом, но *продолжительный гнев* и *желание вредить* быть не могут — это, как я всегда предполагал, против правил благородства вообще и Ваших в особенности; в этом я твердо уверен; хотя до сих пор не постигаю причины, заставившей Вас, приняв в соображение Ваше участие в семейных делах наших, отстраниться от меня и предать меня самым неприятным гадостям и обстоятельствам, которые только были на свете.

А обстоятельства мои вот какие. В половине августа я подал в отставку, в силу того что долгов у меня бездна, а командировка не терпит уплаты их и что ославленный офицер начнет весьма дурно свою карьеру. Наконец, самому жизнь была не в рай. Долги, превышающие состояние, простятся богачу. Даже в иных случаях на это обстоятельство везде смотрят с уважением. Бедняку дают щелчка. Прекрасно было бы продолжать службу, параллельно распространению жалоб по всевозможным командам. На-

---

[a] *Далее было:* найд<у>

конец, оставка моя была следствием горячности. Меня мучили долги, с которыми я три года не могу расплатиться.[2] Меня мучила безнадежность расплаты в будущем. И потому я вышел в отставку единственно с целью уплаты долгов известным образом — разделом имения (по справедливому замечанию Вашему, весьма и даже донельзя весьма миниатюрного, но для известных целей годящегося). Что же касается до уважения к родительской памяти, то именно ради сего-то обстоятельства хочу употребить родительское достояние на то, на что бы мой батюшка сам не пожалел его. То есть на спокойство своего сына, на средства для новой дороги и на избавление от названия подлеца, то есть хотя не названия, но мнения, что всё одно и то же. Просьбы по домашним обстоятельствам подвергаются высочайшему решению с 1-го октября — всё дело занимает дней 10, немного что две недели. Половина месяца подходит. Мне выйдет отставка, кредитора ринутся на меня без жалости, тем более, что на мне даже и платья не будет, и я подвергнусь самым неприятным делам. Хотя я отчасти это предвидел, и если оправдаются мои предположения и предугадывания, и был готов к этому, но согласитесь, что[б] я не пойду[в] в тюрьму, напевая песню из глупой бравады. Это даже смешно. Вот почему, Петр Андреевич, пишу это письмо в последний раз, представляю всю крайность моих нужд в последний раз, прошу Вас мне помочь в возможно скором времени в последний раз, на предложенных условиях, хотя не разом, но столько, чтобы заткнуть голодные рты и одеться. — Наконец, говорю Вам в последний раз, теперь, будучи в совершенном неведении насчет Вашего решения, что лучше сгнию в тюрьме, чем вступлю в службу, прежде окончания и устроения дел моих.

Ф. Достоевский.

б *Далее было:* идти
в *Далее было начато:* из глу<пой>

47. П. А. КАРЕПИНУ

19 сентября 1844. Петербург

19 сентября 1844.

Милостивый государь Петр Андреевич.

Письмо Ваше от 5-го сентября, наполненное советами и представлениями, я получил и теперь спешу отвечать Вам.[1]

Естественно, что во всяком другом случае я бы начал благодарностию за родственное, дружеское участие и за советы. Но тон письма Вашего, тон, который обманул бы профана, так что он принял бы всё за звонкую монету, этот тон не по мне. Я его понял хорошо и — он же мне оказал услугу, избавив меня от благодарности.

Вы, положим, что Вы как опекун имеете право, Вы укоряете меня в жадности к деньгам и в обиде меньших братьев, насчет которых я пользовался доселе большими суммами денег. После всего, что я писал в продолжение двух лет, я даже считаю излишним отвечать Вам на это. Вы ясно могли видеть из писем моих, что не в количестве денег, разумеется до известного предела, всегдашнее и теперешнее спасение мое и устройство моих обстоятельств, а в своевременной присылке денег. Я Вам объяснял 1000 раз положение дела — не я виноват.

Но как же теперь-то говорить то же самое и вооружать против меня своими словами всё семейство наше? Вы должны бы были понять мои требования. Разве требование 500 руб. серебром единовременно и других 500 руб. сереб‹ром› отдачею, положим, хоть в трехгодичный срок, разве уж такое огромное требование за выделку моего участка? Кажется, это не мне одному будет полезно. Что же касается до затруднений опекунского совета, дворянской опеки, гражданской палаты и всех этих имен, которыми Вы закидали меня, думая ошеломить, то я полагаю, что эти затруднения не существуют. Разве не продаются имения с переводом долгу? Разве много проиграют или потеряют кто-нибудь, если имение останется собственностию нашего семейства по-прежнему; ведь оно в чужие руки не переходит, не отчуждается.[а] Наконец, это дело самое частное выдать 500 руб. серебром разом в счет стольких-то лет дохода — хоть десяти.

По крайней мере я беру[б] отставку. Я подал прошение в половине августа (помнится так). И, разумеется, по тем же самым причинам, по которым подаю в отставку, не могу опять поступить на службу. То есть нужно сначала заплатить долги. Так или этак, а заплатить их нужно.

Вы восстаете против эгоизма моего и лучше соглашаетесь принять неосновательность молодости.

Но всё это не Ваше дело. И мне странно кажется, что Вы на себя берете такой труд, об котором никто не просил Вас и не давал Вам права.

Будьте уверены, что я чту память моих родителей не хуже,[в] чем Вы Ваших. Позвольте Вам напомнить, что эта материя так тонка, что я бы совсем не желал, чтоб ею занимались Вы. Притом же, разоряя родительских мужиков, не значит поминать их. Да и, наконец, всё остается в семействе.

Вы говорите, что на многие письма мои Вы молчали, относя их к неосновательности и к юношеской фантазии. Во-первых, Вы этого не могли делать; я полагаю, Вам известно почему: кодекс учтивости должен быть раскрыт для всякого. Если же Вы считаете пошлым и низким трактовать со мною о чем бы то ни было,

---

а *Далее было начато:* Если нельзя

б *Далее было начато:* и под‹аю›

в *Далее было:* Вас

разумеется уж в тех мыслях, что он-де мальчишка и недавно надел эполеты, то все-таки Вам не следовало бы так наивно выразить свое превосходство заносчивыми унижениями меня, советами и наставлениями, которые приличны только отцу, и шекспировскими мыльными пузырями. Странно: за что так больно досталось от Вас Шекспиру. Бедный Шекспир![2]

Если Вам угодно рассердиться за слова мои, то позвольте мне напомнить Вам одну Вашу фразу: «Превзойти размер возможности уплаты есть посягательство на чужую собственность». Так как Вы сами весьма хорошо знаете, что всего — всего 1 500 руб. долгу не есть весь размер моей уплаты, то каким образом Вы написали это? Я Вам не представляю никаких других причин, по которым Вы не могли этого написать. Я Вам даю только факт, сумму, число. Вам даже известна и история этих долгов; не я их делал, и я не виноват, что в Петербурге процветает более чем где-нибудь коммерция, покровительствуемая Бентамом.[3] Во всяком случае эту наивность (из уважения к Вашим летам я не могу принять это за нарочную грубость и желание уколоть), так эту-то наивность я должен отнести да и непременно отнесу к одной категории с шекспировскими мыльными пузырями.

Если Вы и за это рассердитесь, то вспомните, пожалуйста, Ваше письмо к его прев‹осходительству› Ив‹ану› Гр‹игорьевичу› Кривопишину.[4] Помилуйте, Петр Андреевич, неужели Вы могли это сделать? Я, видите ли, не принимаю, потому что не хочу принимать этого в том смысле: что Вы пишете обо мне письмо, не спросясь меня, с целью повредить моим намерениям и остановить мою шекспировскую фантазию.

Но, послушайте, кто же может остановить законную волю человека, имеющего те же самые права, как и Вы... Ну да что тут! Чтоб не быть Иваном Ивановичем Перерепенко,[5] я готов и это принять за наивность, по вышеозначенной[г] причине.

Четвертая страница Вашего письма, кажется, избегнула общего тона письма Вашего, за что Вам душевно благодарен. Вы правы совершенно: реальное добро вещь великая. Один умный человек, именно Гете, давно сказал, что *малое,* сделанное хорошо, вполне означает ум человека и совершенно стоит великого.[6] Я взял эту цитацию для того, чтоб Вы видели, как я Вас понял. Вы именно то же хотели сказать, задев меня сначала и весьма неловко крючком Вашей насмешки. Изучать жизнь и людей — моя первая и цель и забава, так что я теперь вполне уверился, н‹а›п‹ример›, в существовании Фамусова, Чичикова и Фальстафа.[7]

Во всяком случае, дело сделано, я подал в отставку, а у меня гроша нет для долгов и экипировки. Если Вы не пришлете мне немедленно, то совершенно оправдаете прошлое письмо мое.

Ваш Ф. Достоевский.

г *Было:* по предыдущей

Вы знаете причину моего выхода в отставку — заплата долгов. Хотя две идеи вместе не вяжутся, но оно так. К 1-му числу ок‹тября› выйдет отставка.[8] Разочтите.

Вам угодно было сказать несколько острых вещей насчет *миниатюрности* моего *наследства*. Но бедность не порок. Что бог послал. Положим, что Вас благословил господь. Меня нет. Но хоть и малым, а мне все-таки хочется помочь себе по возможности, не повредя другим по возможности. Разве мои требования так огромны? Что же касается до слова *наследство*, то отчего ж не называть вещь ее именем?

48. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

30 сентября 1844. Петербург

30 с‹ентября›.

Любезный брат.

Я получил «Дон Карлоса» и спешу отвечать как можно скорее (времени нет). Перевод весьма хорош, местами удивительно хорош, строчками плох; но это оттого, что ты переводил наскоро. Но, может быть, всего-то пять, шесть строчек дурных. Я взял смелость кое-что поправить, также кой-где сделать стих позвучнее. Всего досаднее, что местами ты вставлял иностранные слова, н‹а›п‹ример› *комплот*. Этого допустить нельзя. Также (впрочем, я не знаю, как в подлиннике) ты употребляешь слово сир. Сколько мне известно, этого слова в Испании не было, а употреблялось только в Западной Европе в государствах нормандского происхождения. Но это всё пустяки сущие. Перевод удивительно как хорош. Лучше чем я ожидал. — Я отнесу его этим дуракам в «Репертуар».[1] Пусть рты разинут. Если же (чего я боюсь) есть уже у них перевод Ободовского, то в «О‹течественные› записки». За мелочь не продам, будь покоен. Как только продам, пришлю деньги. Что же касается до издания Шиллера, то, разумеется, я с тобой согласен, даже сам хотел предложить тебе[a] разделить на 3 выпуска. Пустим сперва: «Разб‹ойников›», «Фиеско», «Дон Карлоса», «Коварство», Письма о Карлосе и Наивн‹ости›.[2] Это будет очень хорошо. Насчет издателей посмотрим. Но штука в том, что гораздо лучше самим; иначе нет барыша. Ты только переводи, а насчет денег не беспокойся: как-нибудь их найдем, так ли этак ли — всё равно. Только вот что, брат, через месяц это дело нужно кончить, то есть решиться, ибо *объявление* не может быть выпущено после, а без *объявления* мы погибли. Вот почему я и прикажу припечатать несколько слов о сем в «Репертуаре».

Перевод произведет сенсацию. (Малейший успех — и барыш удивительный.)[3]

---

[a] *Далее было начато:* выпу‹стить›

Ну, брат, — я и сам знаю, что я в адских обстоятельствах; вот я тебе объясню:

Подал я в отставку, оттого что подал, то есть, клянусь тебе, не мог служить более. Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром. Дело в том, что я, наконец, никогда не хотел служить долго, след‹овательно›, зачем терять хорошие годы? А наконец, главное: меня хотели командировать — ну, скажи, пожалуйста, что бы я стал делать без Петербурга. Куда я бы годился? Ты меня хорошо понимаешь?

Насчет моей жизни не беспокойся. Кусок хлеба я найду скоро. Я буду адски работать. Теперь я свободен. Но что я буду делать теперь, в настоящую-то минуту? — вот вопрос. Вообрази себе, брат, что я должен 800 руб., из коих хозяину 525 руб. асс‹игнациями› (я написал домой, что долгов у меня 1 500 руб., зная их привычку присылать 1/3 чего просишь).

Никто не знает, что я выхожу в отставку. Теперь, если я выйду, — что тогда буду делать. У меня нет ни копейки на платье. Отставка моя выходит к 14 октябр‹я›.[4] Если свиньи-москвичи промедлят, я пропал. И меня пресерьезно стащут в тюрьму (это ясно). Прекомическое обстоятельство. Ты говоришь, семейный раздел.[5] Но знаешь ли ты, чего прошу я? За отстранение мое от всякого участия в имении теперь и за совершенное отчуждение, когда позволят обстоятельства, то есть за уступку с сей минуты моего имения им, — я требую 500 руб. сереб‹ром› разом и другие 500 уплатою по 10 руб. сер‹ебром› в месяц (вот всё, что я требую). Согласись, что немного и никого не обижаю. Они и знать не хотят. Согласись еще, что не мне предлагать им это теперь. Они мне *не доверяют*. Они думают, что я их обману. Поручись, душа моя, пожалуйста, за меня. Скажи именно так: *что ты готов всем поручиться за меня в том, что я не простру далее моих требований*.[6] Если у них нет столько денег, то в моем положении 700, даже 600 руб. могут быть отрадными; я еще могу обернуться, и за это поручись, *что это примется в уплату всей суммы 500 руб. сер‹ебром› и 500 р. сер‹ебром› интервалами*.

Ты говоришь, спасение мое драма. Да ведь постановка требует времени.[7] Плата также. А у меня на носу отставка (впрочем, милый мой, если бы я еще не подавал отставки, то подал бы сейчас. Я не каюсь).

У меня есть надежда. Я кончаю *роман* в объеме «Eugénie Grandet». Роман довольно оригинальный. Я его уже переписываю, к 14-му я наверно уже и ответ получу за него. Отдам в «О‹течественные› з‹аписки›». (Я моей работой доволен). Получу, может быть, руб. 400, вот и все надежды мои. Я бы тебе более распространился о моем романе, да некогда[8] (драму поставлю непременно. Я этим жить буду).

Свинья-Карепин глуп как сивый мерин.[9] Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонеры. В последнем письме Карепин ни с того ни с сего советовал мне не увлекаться Шекспи-

ром! Говорит, что Шекспир и мыльный пузырь всё равно. Мне хотелось, чтобы ты понял эту комическую черту, озлобление на Шекспира. Ну к чему тут Шекспир? Я ему такое письмо написал![10] Одним словом, образец полемики. Как я его отделал. Мои письма chef-d'œuvre * *летристики.*[11]

Брат, пиши домой как можно скорее, пожалуйста, ради самого создателя. Я в страшном положении; ве<дь> 14 самый дальний срок; я уже $1\frac{1}{2}$ месяца, как подал. Ради небес! Проси их, чтобы прислали мне.[12] Главное, я буду без платья. Хлестаков соглашается идти в тюрьму, только *благородным образом.*[13] Ну, а если у меня *штанов* не будет, будет ли это благородным образом?..

...Карепи<н>[б] водку пьет, имеет чин и в бога верит. Своим умом дошел.

Мой адрес: у Владимирской церкви в доме Прянишникова,[в] в Графском переулке. Спросить Достоевского.

Я чрезвычайно доволен романом моим. Не нарадуюсь. С него-то я деньги наверно получу, а там —

Извини, что письмо безо всякой связи.

б *Далее было:* пьет, <—>, серит (*зачеркнуто, возможно, не Достоевским*).
в *Далее было:* что
* шедевр (*франц.*).

49. П. А. КАРЕПИНУ

20-е числа октября 1844. Петербург

Милостивый государь Петр Андреевич.

В последнем письме моем я объявил Вам, что пишу в последний раз, до лучшей перемены в моих обстоятельствах. Я мыслил так, не имея писать ничего более, истощив все средства убеждения и представив Вам весь ужас моего положения.[1] Теперь критический срок для меня уже прошел, и я остался один без надежды, без помощи, преданный всем бедствиям, всем горестям моего ужасного положения — нищете, наготе, сраму, стыду и намерениям, на которые бы не решился я в другое время. Что мне остается более делать, чем начать. Куда оборотиться — судите сами.

Нужно Вам знать, что я в ту минуту, как Вы будете читать письмо мое, уже получил отставку (справьтесь в газетах). У меня нет ни платья, ни денег, нет ничего заплатить кредиторам и не будет квартиры, потому что вряд ли хозяин дома еще будет держать меня на старой. — Начал я Вам писать для того, чтобы несколько пояснить из того, что было не так выражено в прошлом письме моем. Постараюсь говорить как можно яснее.

Из Ваших писем, Петр Андреевич, я вижу, что раздел, как

Вы говорите, невозможен, во-1-х), потому, что на именье есть долги казенные и частные, а во-2-х), так как я забрал, в продолжение трех лет, денег более, чем на долю мою следовало бы, то со временем при отчете я должен буду, в мой ущерб, наверстать лишнюю сумму в пользу других.

Всё это так, но я и брат Михайло предполагаем *семейный раздел,* который будет существовать ненарушимо до окончательного. Но если с чьей-нибудь стороны будет хотя малейшая запинка и остановка в этом деле, то, уж конечно, оно состояться не может. Дело основано на полнейшей обоюдной доверенности друг к другу, а если встретится на этот счет недоразумение, то договоров быть не может никаких. Я предполагаю, что Вы в качестве опекуна можете сомневаться в верности и справедливости с моей стороны и наконец какой-нибудь случай — вот почему я предлагаю следующее.

Но прежде чем приступить к делу: Вам известно, какую я предлагаю цену, — 1 000 руб. сереб<ром>, из коих 500 руб. сереб<ром> разом, а остальную сумму рассчитать на самый отдаленный срок. Эта цена по своей умеренности не боится никаких требований кредиторов, казенных и частных, и никаких затруднений при разделе. Почему я назначаю такую умеренную цену, почему я хочу, по выражению некоторых, *спустить с рук* отцовское добро (миниатюрное), — эти вопросы, по Вашему собственному теперешнему мнению, Петр Андреевич, лишние. Дело в том, что я вижу в этом свое избавление от неприятностей и возможность устроиться к лучшему, а это для меня чего-нибудь да стоит. Наконец, 1 000 руб. сереб<ром> с предполагаемым их разделом в платеже, — сумма такая, что может [а] родить предположения об юношеской неосновательности и нерасчетливости. Но, во-1-х, я имею дело не с барышниками, а во-вторых, далеко не думал быть чьим-нибудь благодетелем, я просто в моих обстоятельствах нахожу неумеренным требовать более, а для уничтожения подозрений я решаюсь на следующее:

Дать заемное письмо на имя одного из членов нашего семейства, если нельзя на имя всех, или даже на Ваше имя, Петр Андреевич. Это заемное письмо будет в такой сумме, что будет обеспечивать совершенно и сумму, теперь мне разом выплаченную, и дальнейшие мои требования доходов до окончательного раздела. Заемное письмо будет, например, дано по 1-е января 1845 года. Я не выплачу, разумеется. Тогда Вы будете иметь полное право поступать по законам, и мои доходы уже формально будут обращены в пользу [б] семейства, до самого окончательного раздела. При разделе я дам обязательство, что получил деньги сполна, заемное письмо будет разорвано, и всё пойдет как следует. Если же в последнем случае будет затруднение, то можно дать вексель в такой

а *Далее было начато:* быт<ь>
б *Было:* в Вашу пользу

сумме, что все притязания мои при (настоящем) разделе уничтожаются. — Мне кажется, это весьма просто и возможно, Петр Андреевич. Я не могу выразить, какое благодетельное дело будет это для всей судьбы моей. Я обеспечу себя совершенно теперь, вырвусь из гадкого положения, в котором бьюсь с лишком два года и буду в возможности продолжать службу. Впрочем, напрасно я это пишу всё. Я понимаю, что исчисление надежд моих здесь не у места. Я бы мог изобразить Вам тоже картину моего бедственного положения. Но будет понятно и того, что я написал Вам, хотя это сотая доля.

Так как я без средств, с долгами, без платья и вдобавок больной, что, впрочем, всё равно, то я естественно прихожу к заключению как-нибудь, так или этак, поправить свои обстоятельства. Вы человек *деловой*, Петр Андреевич, Вы и с нами действуете, как человек *деловой*, не иначе, и так как Вы человек *деловой*,[2] то у Вас времени не будет обратить внимание на мои дела, хотя они и миниатюрны, или, может быть, именно оттого, что миниатюрны. Но если эти миниатюрные дела составляют всё спасение, всё благосостояние, всю надежду человека, то нужно извинить его настойчивость и назойливость. Вот почему я нижайше прошу Вас помочь мне в том смысле, как я Вам писал. Мое положение теперь решено, определено — то есть всё, что есть ужасного, всё на мою голову, так что я теперь решил — будь что будет! Так как[в] по Вашему счету я вижу, что денег нет, то займите. Потому что дело полезное для всего семейства, а Вы обеспечены достаточно. Наконец, Петр Андреевич, если Вы еще оставите меня хоть сколько-нибудь времени без ответа и без помощи, то я погиб.[3] И потому принужден просить у Вас свидетельство, что Вы, точно, наш опекун (сделанное по форме) и сколько имение дает мне дохода (наименьшего) при всех обстоятельствах, даже дальнейших. Я у Вас прошу это для того, чтобы показать моим кредиторам возможность уплаты в самом крайнем случае, и потому прошу Вас прислать как можно скорее это свидетельство. Прошу извинения у Вас, Петр Андреевич, во-1-х, потому, что моими просьбами отрываю Вас от Ваших занятий, а во-2-х, что я требую его немедленно. Еще раз убедительнейше прошу Вас, Петр Андреевич, рассмотреть мое предложение и согласиться на него. Дело может быть окончено так, как я писал Вам. Нет никакого затруднения. Я бы сам решился прислать Вам заемное письмо вперед, но у меня денег нет. Вы же можете поручить дело кому-нибудь в Петербурге. Наконец, в самом отчаянном случае (и потому я прошу Вас как можно скорее отвечать мне), в самом отчаянном случае я, может быть, решусь нажить себе еще кредиторов и уступить им всё, в силу заемных писем и некоторых обязательств ценою в 10 раз более, чем я воспользовался. В Петербурге это сделать возможно. Но что же выйдет из этого, посудите сами:

[в] *Далее было:* Вы

всем неприятности. И потому еще раз прошу Вас, Петр Андреевич, ради бога, отвечайте мне поскорее. Кроме всех бедствий моих я без гроша на обыкновенное житье-бытье. Не дай Вам бог испытать то, что я испытываю. Наконец, не оставьте присылкой свидетельства: Согласитесь, что оно в моем положении совершенно необходимо.

Честь имею пребыть

Ваш Фед. Достоевский.

Я полагаю, что насчет присылки свидетельства я не встречу с Вашей стороны никаких затруднений. Мне это кажется ясно.[г]

[г] *Далее было начато:* Я даже думаю

50. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Ноябрь 1844. Петербург

<...> Нужно заметить тебе, любезный брат, что последнее письмо мое в Москву было немножко слишком желчно, даже грубо. Но я был ввергнут во всевозможные бедствия, я страдал в полном смысле слова, я был без малейшей надежды — немудрено, что физические и нравственные мучения заставили меня писать желчную, резкую правду...

Итак, я со всеми рассорился. Дядюшка, вероятно, считает меня неблагодарным извергом, а зять с сестрою — чудовищем. Меня это очень мучает. Но со временем я надеюсь помириться со всеми. Из родных остался мне ты один. Остальные все, даже дети, вооружены против меня. Им, вероятно, говорят, что я мот, забулдыга, лентяй, не берите дурного примера, вот пример — и тому подобное. Эта мысль мне ужасно тяжела. Но бог видит, что у меня такая овечья доброта, что я, кажется, ни сбоку, ни спереди не похож на изверга и на чудовище неблагодарности. Со временем, брат, подождем. Теперь я отделен от вас от всех со стороны всего *общего*; остались те путы, которые покрепче всего, что ни есть на свете, и движимого и недвижимого. А что я ни делаю из своей судьбы — какое кому дело? Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоразумный риск перемены состояния, риск целой жизни — на шаткую надежду. Может быть, я ошибаюсь. А если не ошибаюсь?..

Итак, бог с ними! Пусть говорят, что хотят, пусть подождут. Я пойду по трудной дороге! <...>

51. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Осень 1844. Петербург

Напрасно ты тогда ушел, брат! Я сам сидел совершенно без копейки и потому был не в духе. До сих пор не мог перебиться. Теперь посылаю к тебе хоть такую малость, что стыдно самому, но ей-богу больше никак не могу. Приходи, если можно.

Ф. Достоевский.

На обороте:

В Строительное училище.
Воспитаннику А. М. Достоевскому.
На Обуховском проспекте.

1845

52. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

24 марта 1845. Петербург

24 марта.[a]

Любезный брат.

Ты, верно, заждался письма моего, л<юбезный> б<рат>. Но меня задерживала неустойчивость моего положения. Я никак не могу заниматься вполне чем бы то ни было, когда перед глазами одна неизвестность и нерешительность. Но так как я и до сих пор ничего не сделал хорошего по части моих собственных обстоятельств, то всё равно пишу; ибо давно бы было нужно писать.

Я получил от москвичей 500 руб. сереб<ром>.[1] Но у меня столько было долгов, старых и вновь накопившихся, что на печать недостало. Это бы еще ничего. Можно бы было задолжать в типографии или уплатить не все из домашних долгов, но роман еще не был готов. Кончил я его совершенно чуть ли еще не в ноябре месяце, но в декабре вздумал его весь переделать; переделал и переписал, но в феврале начал опять снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать. Около половины марта я был готов и доволен. Но тут другая история: цензора не берут менее чем на месяц. Раньше отцензировать нельзя. Они-де работой завалены. Я взял назад рукопись, не зная, на что решиться. Ибо кроме четырехнедельного цензурованья печать съест тоже недели три. Выйдет к маю месяцу. Поздно будет! Тут меня начали толкать и направо и налево, чтобы отдать мое дело в «Отечеств<енные> записки». Да пустяки. Отдашь да не рад будешь. Во-первых, и не прочтут, а если прочтут, так через полгода. Там рукописей довольно и без этой. Напечатают, денег не дадут. Это какая-то олигархия. А на что мне тут слава, когда я пишу из хлеба? Я решился на отчаянный скачок: ждать, войти, пожалуй, опять в долги и к 1-му сентября, когда все переселятся в Петербург и будут, как гончие собаки, искать носом чего-нибудь новенького, тиснуть на последние крохи, которых, может быть, и недостанет, мой роман. Отдавать вещь в журнал значит идти под ярем не только главного maître d'hôtel'я,* но даже всех чумичек и поваренков, гнездящихся в гнездах, откуда распространяется просвещение. Диктаторов не один: их штук двадцать. Напечатать самому значит пробиться вперед грудью, и если вещь хорошая, то она не только не пропадет, но окупит меня от долговой кабалы и даст мне есть.

а *Зачеркнуто:* феврал<я>

* метрдотеля (*франц.*).

А теперь насчет еды! Ты знаешь, брат, что я в этом отношении предоставлен собственным силам. Но как бы то ни было, а я дал клятву, что коль и до зарезу будет доходить, — крепиться и не писать на заказ. Заказ задавит, загубит всё. Я хочу, чтобы каждое произведение мое было отчетливо хорошо. Взгляни на Пушкина, на Гоголя. Написали немного, а оба ждут монументов. И теперь Гоголь берет за печатный лист 1000 руб. сереб<ром>, а Пушкин, как ты сам знаешь, продавал 1 стих по червонцу. Зато слава их, особенно Гоголя, была куплена годами нищеты и голода. Старые школы исчезают. Новые мажут, а не пишут. Весь талант уходит в один широкий размах, в котором видна чудовищная недоделанная идея и сила мышц размаха, а дела крошечку. Beranger * сказал про нынешних фельетонистов французских, что это бутылка Chambertin ** в ведре воды.[2] У нас им тоже подражают. Рафаэль писал годы, отделывал, отлизывал, и выходило чудо, боги создавались под его рукою. Vernet *** пишет в месяц картину, для которой заказывают особенных размеров залы, перспектива богатая, наброски, размашисто, а дела нет ни гроша. Декораторы они!

Моим романом я серьезно доволен. Это вещь строгая и стройная. Есть, впрочем, ужасные недостатки. Печатание вознаградит меня.[3] Теперь покамест я пуст. Думаю что-нибудь написать для дебюта или для денег, но пустяки писать не хочется, а[б] на дело нужно много времени.

Приближается время, в которое я обещал быть у вас, милые друзья.[4] Но не будет средств, то есть денег. Я решил остаться на старой квартире. Здесь по крайней мере сделал контракт и знать ничего не знаешь месяцев на шесть. Так дело в том, что я всё это хочу выкупить романом. Если мое дело не удастся, я, может быть, повешусь.

Мне бы хотелось спасти хоть 300 руб. к августу месяцу. И на триста можно напечатать. Но деньги ползут, как раки, все в разные стороны. У меня долгов было около 400 руб. сереб<ром> (с расходами и прибавкою платья), по крайней мере я на два года одет прилично. Впрочем, я непременно приеду к вам. Пиши мне поскорее, как ты думаешь насчет моей квартиры. Это решит<ельный> шаг. Но что делать!

Ты пишешь, что ужасаешься будущности без денег. Но Шиллер выкупит всё,[5] а вдобавок, кто знает, сколько раскупится экземпляров моего романа. Прощай. Отвечай мне скорее. Я тебе объявлю[в] в следующую почту все мои решения.

Твой брат Достоевский.

б *Было:* да
в *Было:* отвечу
* Беранже (*франц.*).
** шамбертена (*франц.*).
*** Верне (*франц.*).

Целуй детей и кланяйся Эмилии Федоровне. Я о вас часто думаю. Ты, может быть, хочешь знать, чем я занимаюсь, когда не пишу, — читаю. Я страшно читаю, и чтение странно действует на меня. Что-нибудь, давно перечитанное, прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во всё, отчетливо понимаю, и сам извлекаю умение создавать.

Писать драмы — ну, брат. На это нужны годы трудов и спокойствия, по крайней мере для меня. Писать ныне хорошо. Драма теперь ударилась в мелодраму. Шекспир бледнеет в сумраке и сквозь туман слепандасов-драматургов кажется богом,[6] как явление духа на Брокене или Гарце.[7] Впрочем, летом, я, может быть, буду писать. 2, 3 года, и посмотрим, а теперь подождем!

Брат, в отношении литературы я *не тот*, что был тому назад два года. Тогда было ребячество, вздор. Два года изучения много принесли и много унесли.

В «Инвалиде», в фельетоне, только что прочел о немецких поэтах, умерших с голоду, холоду и в сумасшедшем доме. Их было штук 20, и какие имена! Мне до сих пор как-то страшно. Нужно быть шарлатаном. . .[8]

53. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

4 мая 1845. Петербург

4 мая. 1845 год

Любезный брат.

Извини, что так давно не писал к тебе. Я до сей самой поры был чертовски занят. Этот мой роман, от которого я никак не могу отвязаться, задал мне такой работы, что если бы знал, так не начинал бы его совсем. Я вздумал его еще раз переправлять, и ей-богу к лучшему; он чуть ли не вдвое выиграл. Но уж теперь он кончен, и эта переправка была последняя. Я слово дал до него не дотрогиваться. Участь первых произведений всегда такова, их переправляешь до бесконечности. Я не знаю, была ли «Atala» Chateaubrian'a * его первым произведением, но он, помнится, переправлял ее 17 раз.[1] Пушкин делал такие переправки даже с мелкими стихотворениями.[a] Гоголь лощит свои чудные создания по два года, и если ты читал «Voyage Sentimental» Stern'a ** — крошечную книжечку, то ты помнишь, что Valter Scott *** в своем «Notice» **** о Стерне говорит, ссылаясь на авторитет Лафлёра, слуги Стерна. Лафлёр говорил, что барин его исписал чуть ли не сотню дестей бумаги о своем путешествии во Фран-

---

а *Было:* произведениями
* «Атала» Шатобриана (*франц.*).
** «Сентиментальное путешествие» Стерна (*франц.*).
*** Вальтер Скотт (*франц.*).
**** «Предисловии» (*франц.*).

цию.[2] Ну, спрашивается, куда это пошло? Всё-то это составило книжоночку, которую хороший писака, как Плюшкин н‹апример›, уместил бы на полудести. Не понимаю, каким образом этот же самый Вальтер Скотт мог в несколько недель писать такие, вполне оконченные создания, как «Маннеринг» например! Может быть, оттого, что ему было 40 лет.[3]

Не знаю, брат, что со мною будет! Ты несправедливо говоришь, что меня не мучает мое положение. До дурноты, до тошноты мучает; часто я по целым ночам не сплю от мучительных мыслей. Мне говорят толковые люди, что я пропаду, если напечатаю мой роман отдельно. Говорят — положим, книга будет хороша, очень хороша. Но вы не купец. Как вы будете публиковать о нем. В газетах, что ли? Нужно непременно иметь на своей руке книгопродавца; а книгопродавец себе на уме; он не станет себя компрометировать объявлениями о неизвестном писателе. Он потеряет кредит у своих pratiques.* Каждый из порядочных книгопродавцев — хозяин нескольких журналов и газет. В журналах и газетах участвуют первейшие литераторы или претендующие на первенство. Объявляется[6] о новой книге — в журнале, скрепленном их подписью, а это много значит. След‹овательно›, книгопродавец поймет, когда ты придешь к нему с своим напечатанным товаром, что он может прижать тебя донельзя. Вот дело какое! А книгопродавец, — алтынная душа, прижмет непременно, и я сяду в болото, непременно сяду.

Итак, я решил обратиться к журналам и отдать мой роман за бесценок — разумеется, в «Отечеств‹енные› записки». Дело в том, что «Отечеств‹енные› записки» расходятся в 2 500 экземплярах, след‹овательно›, читают их по крайней мере 100 000 человек. Напечатай я там — моя будущность литературная, жизнь — всё обеспечено. Я вышел в люди. Мне в «От‹ечественные› записки» всегда доступ, я всегда с деньгами, а вдобавок пусть выйдет мой роман, положим, в августовском номере или в сентябре, я в октябре перепечатываю его на свой счет, уже в твердой уверенности, что роман раскупят те, которые покупают романы. К тому же объявления мне не будут стоить ни гроша. Вот дело какое![4]

В Ревель приехать я не могу раньше пристройки романа, а то и времени нечего напрасно терять.[5] Нужно хлопотать. Есть у меня много новых идей, которые, если 1-й роман пристроится, упрочат мою литературную известность. Вот все мои надежды в будущем.

Что же касается до денег, то, увы! их нет. Черт знает, куда они исчезли. Зато мало долгов. Что же касается до квартиры, то, во-1-х, я еще кое-что должен; 2-е) я в неизвестном положении — поеду ли я в Ревель, нет ли? Пристрою ль роман, нет ли? Если поеду, то успею тогда же съехать; ибо расходы и хлопоты на переселение обойдутся дороже, чем оставаться, какую бы ни нанять

---

[6] *Далее было начато:* вы‹ход›

* клиентов (*франц.*).

квартиру. Я уж считал. Квартира, роман, Ревель — 3 неподвижные идеи — Ma femme et mon parapluie.* [6]

Прощай, в будущем письме будет всё решено. А теперь до свидания, и желаю тебе всех благ вместе с твоею супругой и детками.

Твой Достоевский.

Устрой я роман, тогда *Шиллер* найдет себе место, или я не я. «Вечный жид» недурен. Впрочем, Сю весьма недалек.[7]

Я только не хочу писать, брат, но меня так мучает твое положение и Шиллер, что я о себе забываю.[8] А мне самому нелегко.

А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву. Что же делать? Я уж думал обо всем. Я не переживу смерти моей idée fixe.**

Эмилии Федоровне мое нижайшее почтение. Хочется мне со всеми вами увидеться.

У нас погода страшная. Разверзлись хляби небесные, и провидение послало на С‹еверную› Пальмиру по несколько 1000-ч насморков, кашлей, чахоток, лихорадок, горячек и т. п. даров. Иже согрешихом! Читал ли ты «Емелю» Вельтмана, в послед‹ней› «Б‹иблиотеке› д‹ля› ч‹тения›» — что за прелесть.[9] «Тарантас» хорошо написан. Что за гадость иллюстрации.[10]

Отвечай поскорее, ибо скучно.

* Моя жена и мой зонтик (*франц.*).
** неотступной, навязчивой идеи (*франц.*).

54. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Начало сентября 1845. Петербург

Драгоценнейший друг мой!

Пишу к тебе тотчас же по приезде моем, по условию. Сказать тебе, возлюбленный друг мой, сколько неприятностей, скуки, грусти, гадости, пошлости было вытерпено мною во время дороги и в первый день в Петербурге — свыше пера моего. Во-первых, простившись с тобою и с милой Эмилией Федоровной, я взошел на пароход в самом несносном расположении духа. Толкотня была страшная, а моя тоска была невыносимая. Отправились мы в двенадцать часов с минутами первого. Пароход полз, а не шел. Ветер был противный, волны хлестали через всю палубу; я продрог, прозяб невыносимо и провел ночь неописанную, сидя и почти лишась чувств и способности мыслить. Помню только, что меня раза три вырвало. На другой день ровно в четыре часа пополудни пришли мы в Кронштадт,[a] то есть в 28 часов. Прождав часа три,

[a] *Далее было начато:* то есть сутки с

мы отправились уже в сумерках на гадчайшем, мизернейшем пароходе «Ольга», который плыл часа три с половиною в ночи и в тумане. Как грустно было мне въезжать в Петербург. Я смутно перечувствовал всю мою будущность в эти смертельные три часа нашего въезда. Особенно привыкнув с вами и сжившись так, как будто бы я целый век уже вековал в Ревеле,[б] мне Петербург и будущая жизнь петербургская показались такими страшными, безлюдными, безотрадными, а необходимость такою суровою, что если б моя жизнь прекратилась в эту минуту, то я, кажется,[в] с радостию бы умер. Я, право, не преувеличиваю. Весь этот спектакль решительно не стоит свечей. Ты, брат, желаешь побыть в Петербурге. Но если приедешь, то приезжай сухим путем, потому что нет ничего грустнее и безотраднее въезда в него с Невы и особенно ночью. По крайней мере, мне так показалось. Ты, верно, замечаешь, что мои мысли и теперь отличаются пароходной качкою.

Когда я приехал на квартиру, ночью в 12-м часу, то человека моего дома не оказалось; он служил на время в другом месте, и дворник, неизвестно чему обрадовавшийся, вручил мне осиротелый ключ моей шестисот рублей[г] квартиры (в долгах). Я даже не мог чаю напиться и так и лег в решительном апатическом состоянии. Сегодня, проснувшись в восемь часов, я увидел перед собой моего человека. Порасспросил его. Всё как было; по-старому. Квартира моя слегка подновлена. Григоровича и Некрасова нет еще в Петербурге, а известно лишь по слухам, что они явятся разве-разве к 15-му сентяб‹ря›, да и то сомнительно. Дав самую коротенькую, но весьма решительную аудиенцию кой-каким кредиторам, я отправился по делам и ровно ничего не сделал. Познакомился с журналами, поел кое-что, купил бумаги и перьев — да и кончено. К Белинскому не ходил. Намереваюсь завтра отправиться, а сегодня я страшно не в духе. Вечером присел за письмо, которое уже почти кончается, а письмо вялое, тоскливое, вполне отзывающееся тяжким моим теперешним положением — «Скучно на белом свете, господа!» [1]

Это письмо пишу к тебе, во-первых, вследствие обещания написать поскорее, а во-вторых, оттого, что тоска, и письмо просилось написаться. Ах, брат, какое грустное дело одиночество, и я начинаю тебе теперь завидовать. Ты, брат, счастлив, право, счастлив, сам не зная того. С следующею почтою напишу тебе еще. Занимает меня немного то, что я почти совсем (до 15-го) без ресурсов, но только немного, потому что я в настоящее время и думать ни об чем не могу. Впрочем, всё это вздор. Я ослаб страшно и хочу теперь лечь спать, потому что уже ночь на дворе.

б *Было:* с вами
в *Было:* мне кажется
г *Так в подлиннике.*

Что-то скажет будущность. Как жаль, что нужно работать, чтобы жить. Моя [д] работа не терпит принуждения.

Ах, брат, ты не поверишь, как бы я желал теперь хоть два часочка еще пожить вместе с вами. Что-то будет, что-то будет впереди? Я теперь настоящий Голядкин, которым я, между прочим, займусь завтра же.[2] Покамест прощай! До следующей почты. Прощай, возлюбленный друг мой; кланяйся и поцелуй за меня Эмилию Федоровну. Детям тоже кланяюсь. Помнит ли еще меня Федя или оказывает равнодушие? Ну, прощай, дражайший мой. Прощай.

Твой Достоевский.

Голядкин выиграл от моего сплина. Родились две мысли и одно новое положение. Ну, прощай, мой голубчик. Послушай, что-то с нами будет лет через двадцать? Не знаю, что со мной будет; знаю только, что я теперь мучительно чувствую.

М. И‹ванов›не и А‹лександ›ру Ада‹мови›чу Бергманам мое нижайшее почтение. Петербург еще пуст. Всё порядочно вяло.

д *Было:* Эта

55. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

8 октября 1845. Петербург

8 октября.

Любезнейший брат.

До сих пор не было у меня ни времени, ни расположения духа уведомить тебя о чем-нибудь до меня касающемся. Так всё было скверно и гадко, что самому тошно было глядеть на свет божий. Во-первых, дражайший, единственный друг мой, всё это время я был без копейки и жил на кредит, что весьма скверно. Во-вторых, было вообще как-то грустно, так что поневоле опадаешь духом, не заботишься о себе и становишься не безмозгло равнодушным, но, что хуже этого, переходишь за предел и бесишься и злишься до крайности. В начале этого месяца явился Некрасов, отдал мне часть долга, а другую получаю на днях. Нужно тебе знать, что Белинский недели две тому назад прочел мне полное наставление, каким образом можно ужиться в нашем литературном мире, и в заключение объявил мне, что я непременно должен, ради спасения души своей, требовать за мой печатный лист не менее 200 р. асс‹игнациями›. Таким образом мой Голядкин пойдет по крайней мере в 1 500 рублях ассиг‹нациями›. Терзаемый угрызениями совести, Некрасов забежал вперед зайцем и к 15 генварю обещал мне 100 руб. серебром за купленный им у меня роман «Бедные люди». Ибо сам чистосердечно сознался, что 150 р. сереб‹ром› плата не христианская. И посему 100 р. сереб‹ром› набавляет мне сверх из раскаяния. Всё это покамест хорошо. Но

вот что скверно. Что еще ровнешенько ничего не слыхать из цензуры насчет «Бедных людей». Такой невинный роман таскают, таскают, и я не знаю, чем они кончат. Ну как запретят? Исчеркают сверху донизу? Беда, да и только, просто беда, а Некрасов поговаривает, что не успеет издать альманаха, а уж истратил на него 4 000 руб. ассиг‹нациями›.[1]

Яков Петрович Голядкин выдерживает свой характер вполне. Подлец страшный, приступу нет к нему; никак не хочет вперед идти, претендуя, что еще ведь он не готов, а что он теперь покамест сам по себе, что он ничего, ни в одном глазу, а что, пожалуй, если уж на то пошло, то и он тоже может, почему же и нет, отчего же и нет? Он ведь такой, как и все, он только так себе, а то такой, как и все. Что ему! Подлец, страшный подлец! Раньше половины ноября никак не соглашается окончить карьеру. Он уж теперь объяснился с е‹го› превосходительством и, пожалуй, (отчего же нет) готов подать в отставку. А меня, своего сочинителя, ставит в крайне негодное положение.[2]

Я бываю весьма часто у Белинского. Он ко мне донельзя расположен и серьезно видит во мне *доказательство перед публикою* и оправдание мнений своих. Познакомился я на днях с Кронебергом, переводчиком Шекспира (сыном стар‹ого› Кронеберга, харьк‹овского› проф‹ессора›). Вообще говоря, будущность (и весьма недалекая) может быть хороша и может быть и страх как дурна. Белинский понукает меня дописывать Голядкина. Уж он разгласил о нем во всем литературн‹ом› мире и чуть не запродал Краевскому, а о «Бедных людях» говорит уже пол-Петербурга. Один Григорович чего стоит! Он сам мне говорит: «Je suis votre claqueur-chauffeur».*

Некрасов аферист от природы, иначе он не мог бы и существовать, он так с тем и родился — и посему в день же приезда своего, у меня вечером, подал проект *летучему маленькому альманаху*, который будет созидаться посильно всем литературным народом, но главными его редакторами будем я, Григоров‹ич› и Некрасов. Последний берет издержки[a] на свой счет. Альманах будет в 2 печат‹ных› листа и выходить будет *один раз* в две недели, 7-го и 21-го каждого месяца. Название его «Зубоскал»; дело в том, чтобы острить и смеяться над всем, не щадить никого, цепляться за театр, за журналы, за общество, за литературу, за происшествия на улицах, за выставку, за газетные известия, за иностранные известия, словом, за всё, всё это в одном духе и в одном направлении. Начнется он с 7-го ноября. Составился он у нас великолепно. Во-первых, он будет с иллюстрациями. Эпиграфом берутся знаменитые слова *Булгарина* из фельетона «Северной пчелы», что «мы готовы умереть за правду, не можем без правды» и т. д., и подпишет Фаддей Булгарин.[3] То же будет написано

---

a *Было:* деньги
* «Я ваш клакер-пропагандист» (*франц.*).

в объявлении, которое пойдет 1-го числа ноября.[4] Статьи для 1-го нумера будут Некрасова, *о некоторых* (разумеется, на днях случившихся) *петербург‹ских› подлостях.* 2) Будущий роман Евг. Сю «Семь смертных грехов» (на 3-х страничках весь роман).[5] Обозрение всех журналов. Лекция *Шевырева* о том, как гармоничен стих Пушкина, до того, что когда он был в *колизее* и прочел двум дамам, с ним бывшим, несколько стансов из *Пушкина*, то все *лягушки и ящерицы, бывшие в колизее, сползлись его слушать.* (Шевырев читал это в Москов‹ском› университете).[6] Потом последнее заседание *славянофилов*, где торжественно докажется, что Адам был славянин и жил в России,[б] и по сему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрешения такого великого социального вопроса для благоденствия и пользы всей русской нации.[7] Потом в отделе искусств и художеств «Зубоскал» отдает полную справедливость «Иллюстрации» Кукольника, причем даже сошлется на следующий пункт «Иллюстрации», где она говорит: что: ъіскттзел-дтоом-дудурн и т. д. несколько строк таким образом. (Известно, что «Иллюстрация» весьма неисправна в корректуре; переставление слов, слова оборотом для нее вовсе ничего не значат.)[8] Григоров‹ич› напишет «Историю недели» и поместит несколько своих наблюдений. Я буду писать «Записки лакея о своем барине»[9] и т. д. Видишь, что журнал будет весьма веселый вроде «Guêpes» * Карра.[10] Дело это доброе; ибо самый малый доход может дать на одну мою часть 100—150 руб. в месяц. Книжка пойдет.[11] Некрасов будет помещать и стихи.

Ну, прощай. В другой раз напишу больше. Теперь страшно занят, а видишь, между прочим, что настрочил тебе целое письмо, а ты мне ни полстрочки не напишешь без моего письма. Считаешься визитами. Лентяй ты такой, Фетюк, просто Фетюк![12]

Прочти[в] «Теверино» (Жорж Занд в «Отечеств‹енных› записк‹ах›», окт‹ябрь›). Ничего подобного не было еще в нашем столетии. Вот люди, первообразы.[13]

Прощай, друг мой. Эмилии Федоровне кланяюсь и целую у ней ручки. Здоровы ли дети? Пиши мне подробнее.

Шиллера переводи исподволь, хотя издание его решительно нельзя сказать, когда осуществится. Я теперь пронюхиваю какой-нибудь перевод для тебя. Но беда! В «Отеч‹ественных› зап‹исках›» три офиц‹иальных› переводчика. Авось уладим мы, брат, что-нибудь вместе с тобой. Всё впереди, впрочем. Если я пойду, то *Театр Шиллера* тоже пойдет, — вот что я только знаю.[14]

Твой Ф. Достоевский.

б *Далее было:* и что по сему случаю, это он
в *Было начато:* Читал
* «Ос» (*франц.*).

56. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

16 ноября 1845. Петербург

16 ноября 45.

Любезный брат.

Пишу к тебе теперь наскоро и тем более, что временем теперь совсем не богат. Голядкин до сей поры еще не кончен; а нужно кончить непременно к 25-му числу. Ты мне весьма долго не отвечал, и я было начал крайне за тебя беспокоиться.[1] Пиши почаще; а что ты отговариваешься неимением времени, то это просто вздор. Времени тут надо немного. Лень провинциальная губит тебя в цвете лет, любезнейший, а более ничего.

Ну, брат, никогда, я думаю, слава моя не дойдет[а] до такой апогеи, как теперь. Всюду почтение неимоверное, любопытство насчет меня страшное. Я познакомился с бездной народу самого порядочного. Князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением,[2] а граф Соллогуб рвет на себе волосы от отчаяния. Панаев объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет. Соллогуб обегал всех и, зашедши к Краевскому, вдруг спросил его: Кто этот Достоевский? Где мне *достать Достоевского*? Краевский, который никому в ус не дует и режет всех напропалую, отвечает ему, что «Достоевский не захочет Вам сделать чести осчастливить Вас своим посещением».[3] Оно и действительно так: аристократишка[б] теперь становится на ходули и думает, что уничтожит меня величием своей ласки.[в] Все меня принимают как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоев<ский> то-то сказал, Достоев<ский> то-то хочет делать. Белинский любит меня как нельзя более. На днях воротился из Парижа поэт Тургенев[4] (ты, верно, слыхал) и с первого раза привязался ко мне такою привязанностию, такою дружбой, что Белинский объясняет[г] ее тем, что Тургенев влюбился в меня. Но, брат, что это за человек? Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет,[5] — я не знаю, в чем[д] природа отказала ему? Наконец: характер неистощимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе. Прочти его повесть в «От<ечественных> записк<ах>» «Андрей Колосов»[6] — это он сам, хотя и не думал тут себя выставлять.[7]

Деньгами же я до сих пор не богат, — но не нуждаюсь. На днях я был без гроша. Некрасов между тем затеял «Зубоскала» — прелестный юмористический альманах, к которому объявление написал я. Объявление наделало шуму; ибо это первое явление такой легкости и такого юмору в подобного рода вещах. Мне это·

а *Было:* не доходила

б *Было:* мерзавец

в *Вместо:* величием своей ласки — *было:* своим величием.

г *Было:* объяснил

д *Было:* что

напомнило 1-й фельетон Lucien de Rubempré.*[8] Объявление мое напечатано уже в «Отеч‹ественных› записках» в Разных известиях.[9] За него взял я 20 руб. серебр‹ом›. Итак, на днях, не имея денег, зашел я к Некрасову. Сидя у него, у меня пришла идея романа в 9 письмах. Придя домой, я написал этот роман в одну ночь; величина его 1/2 печатного листа. Утром отнес к Некрасову и получил за него 125 руб. ассиг‹нациями›, то есть мой лист в «Зубоскале» ценится в 250 руб. асс‹игнациями›. Вечером у Тургенева читался мой роман во всем нашом круге, то есть между 20 челов‹ек› по крайней мере, и произвел фурор. Напечатан он будет в 1-м номере «Зубоскала».[10] Я тебе пришлю книгу к 1-му декабря, и вот ты сам увидишь, хуже ли это, нап‹ример›, «Тяжбы» Гоголя?[11] Белинский сказал, что он теперь уверен во мне совершенно, ибо я могу браться за совершенно различные элементы.[е] На днях Краевский, услышав, что я без денег, упросил меня покорнейше взять у него 500 руб. взаймы. Я думаю, что я ему продам лист за 200 руб. асс‹игнациями›.

У меня бездна идей; и нельзя мне рассказать что-нибудь из них хоть Тургеневу, н‹а›п‹ример›, чтобы назавтра почти во всех углах Петербурга не знали, что Достоев‹ский› пишет то-то и то-то. Ну, брат, если бы я стал исчислять тебе все успехи мои, то бумаги не нашлось бы столько. Я думаю, что у меня будут деньги. Голядкин выходит превосходно; это будет мой chef-d'œuvre. Вчера я в первый раз был у Панаева и, кажет‹ся›, влюбился в жену его.[ж] Она умна и хорошенькая, вдобавок любезна и пряма донельзя.[12] Время я провожу весело. Наш кружок пребольшой. Но я всё пишу о себе; извини, любезнейший; я откровенно тебе скажу, что я теперь упоен собствен‹ной› славой своей. С будущим письмом пришлю «Зубоскала».[13] Белинский говорит, что я профанирую себя, помещая свои статьи в «Зубоскале».

Прощай, мой голубчик. Желаю счастья тебе. Поздравляю с чином. Целую ручки Эмилии Федоровне и детей твоих. Что они?

Твой Достоевский.

Белинский охраняет меня от антрепренеров. Я перечел мое письмо и нашел, что я, во-1-х, безграмотен, а, во-2-х, самохвал.

Прощай. Ради бога, пиши.

Наш Шиллер пойдет на лад непременно. Белинский хвалит предприятие *полного издания*. Я думаю, со временем его можно выгодно продать, хоть Некрасову н‹а›прим‹ер›.[14] Прощай.

Минушки, Кларушки, Марианны и т. п. похорошели донельзя, но стоят страшных денег. На днях Тургенев и Белинский разбранили меня в прах за беспорядочную жизнь. Эти господа уж и не сознают, как любить меня,[з] влюблены в меня все до одного. Мои долги на прежней точке.

е *Далее было:* и умею просто

ж *Далее было:* Она славится в Петерб‹урге›.

з *Далее было начато:* Это

* Люсьена де Рюбампре (*франц.*).

1846

57. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 февраля 1846. Петербург

1 февраля.

Любезный брат.

Во-первых, не сердись, что долго не писал. Ей-богу, некогда было, и сейчас докажу. Главное, что меня задержало, было то, что я до самого последнего времени, то есть до 28-го числа, *кончал моего подлеца Голядкина.*[1] Ужас! Вот каковы человеческие расчеты: хотел было кончить до августа и протянул до февраля! Теперь посылаю тебе альманах.[2] «Бедные люди» вышли еще 15-го.[а] Ну, брат! Какою ожесточенною бранью встретили их везде! В «Иллюстрации» я читал не критику, а ругательство.[3] В «Северной пчеле» было черт знает что такое.[4] Но я помню, как встречали Гоголя, и все мы знаем, как встречали Пушкина. Даже публика в остервенении: ругают ³/₄ читателей, но ¹/₄ (да и то нет) хвалит отчаянно. Debats * пошли ужаснейшие. Ругают, ругают, ругают, а все-таки читают. (Альманах расходится неестественно, ужасно. Есть надежда, что через 2 недели не останется ни одного экземпляра.) Так было и с Гоголем. Ругали, ругали его, ругали — ругали, а все-таки читали и теперь помирились с ним и стали хвалить. Сунул же я им всем собачью кость! Пусть грызутся — мне славу дурачье строят. До того осрамиться, как «Северная пчела» своей критикой, есть верх посрамления. Как неистово-глупо! Зато какие похвалы слышу я, брат! Представь себе, что наши все и даже Белинский нашли, что я даже далеко ушел от Гоголя. В «Библиотеке для чтения», где критику пишет Никитенко, будет огромнейший разбор «Бедных людей», в мою пользу.[5] Белинский подымает в марте месяце трезвон.[6] Одоевский пишет отдельную статью о «Бедных людях». Соллогуб, мой приятель, тоже.[7] Я, брат, пустился в высший свет и месяца через три лично расскажу тебе все мои похождения.[8]

В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет[б] образованности. Не понимают, как можно писать таким слогом. Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может. Роман на-

---

а *Далее было:* но я был занят

б *Было:* есть

* Споры (*франц.*).

ходят растянутым, а в нем слова лишнего нет. Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я.[9] Прочтешь и сам увидишь. А у меня будущность преблистательная, брат!

Сегодня выходит Голядкин. *4 дня* тому назад я еще писал его. В «Отечеств‹енных› записках» он займет 11 листов. Голядкин в 10 раз выше «Бедных людей». Наши говорят, что после «Мертвых душ» на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное и чего-чего не говорят они! С какими надеждами они все смотрят на меня! Действительно, Голядкин удался мне донельзя. Понравится он тебе, как не знаю что! Тебе он понравится даже лучше «Мертвых душ», я это знаю. Получают ли у вас «Отечеств‹енные› записки»? Не знаю, даст ли мне экземпляр Краевский.

Ну, брат, я тебе так давно не писал, что не помню, на чем я тогда остановился. Так много воды утекло! Скоро увидимся. Летом я непременно к вам, друзья мои,[10] и всё лето буду страшно писать: мысли есть. Теперь я тоже пишу. За Голядкина взял я ровно 600 руб. серебром. Сверх того я еще получал бездну денег, так что истратил 3 тысячи после разлуки с тобою. Живу-то я беспорядочно — вот в чем вся штука! Я переехал с квартиры и нанимаю теперь две превосходно меблированные комнаты от жильцов. Мне очень хорошо жить.

Адрес мой: у Владимирской церкви, на углу Гребецкой улицы и Кузнечного переулка, дом купца *Кучина*, в № 9-м. Пиши, пожалуйста, ради бога. Напиши, понравились ли «Бедные люди». Кланяйся Эмилии Федоровне и целуй детей. Я был влюблен не на шутку в Панаеву, теперь проходит, а не знаю еще. Здоровье мое ужасно расстроено; я болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической.[11] Порядочно жить я не могу, до того я беспутен. Если не удастся летом купаться в море, то просто беда. Прощай, ради бога, пиши. Извини, что скверно написал письмо. Спешу. Целую тебя. Прощай.

Т‹вой› Достоевский.

Ну, брат, ради бога, извини, что ничего не прислал до сих пор. Летом всё привезу. Ну прощай, уже третий час.

Всем вам привезу подарки.

Мы с тобою летом, дружище, проведем время повеселее нынешнего. Деньгами-то я буду не богат, но на 800 р. или на 1000 надеюсь. На лето довольно.

Верочка выходит замуж. Знаешь ты это?[12]

58. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 апреля 1846. Петербург

1 апреля 1846.

Любезный брат.

Посылаю тебе каску с принадлежностями и пару эполет. Чешуи на каске не вделаны, потому что, как сказали, в дороге кивер попортится. Не знаю, хорошо ли услужил. Если же не хорошо, то не я виноват, потому что решительно ничего не понимаю в этих вещах. Отстал от века, друг мой.

Теперь 2-й вопрос. Спросишь, почему так поздно. Но я, милейший мой, в такой каторге, что, как бы ни показалось оно странным тебе, ей-богу, не сыскал времени для комиссии твоей. Правда, две почты пропустил решительно только по своей оплошности. Виноват. Не сердись.

Теперь далее. Друг мой. Ты, верно, пеняешь, что я так долго тебе не пишу. Но я совершенно согласен с Гоголевым *Поприщиным: «Письмо вздор, письма пишут аптекари»*.[1] Что мне было написать тебе? Мне нужно было бы исписать томы, если бы начать говорить так, как бы хотелось мне. В моей жизни каждый день столько нового, столько перемен, столько впечатлений, столько хорошего и для меня выгодного, столько и неприятного и невыгодного, что и самому раздумывать некогда. Во-первых, я весь занят. Идей бездна и пишу беспрерывно. Не думай, чтобы я совсем был на розах. Вздор. Во-первых, я прожил много денег, то есть ровно 4 500 руб. со времени нашей разлуки с тобою и на 1 000 руб. ассиг‹нациями› продал вперед своего товару. Таким образом, при известной тебе моей аккуратности я себя обокрал совершенно и начинаю опять по-прежнему бывать без копейки.

Но это ничего. — Слава моя достигла до апогеи. В 2 месяца обо мне, по моему счету, было говорено около 35 раз в различных изданиях.[2] В иных хвала до небес, в других с исключениями, а в третьих руготня напропалую. Чего лучше и выше? Но вот что гадко и мучительно: свои, наши, Белинский и все мною недовольны за Голядкина.[3] Первое впечатление было безотчетный восторг, говор, шум, толки. Второе — критика. Именно: все, все с общего говору,[а] то есть *наши* и вся публика, нашли, что до того Голядкин скучен и вял, до того растянут, что читать нет возможности. Но что всего комичнее, так это то, что все сердятся на меня за растянутость и все до одного читают напропалую и перечитывают напропалую. А один из наших тем только и занимается, что каждый день прочитывает по главе, чтобы не утомить себя, и только чмокает от удовольствия. Иные из публики кричат, что это совсем невозможно, что глупо и писать и помещать такие вещи, другие же кричат, что это с них

а *Далее было:* нашли, что

и списано и снято, а от некоторых я слыхал такие мадригалы, что говорить совестно.

Что же касается до меня, то я даже на некоторое мгновение впал в уныние. У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие. Идея о том, что я обманул ожидания и испортил вещь, которая могла бы быть великим делом, убивала меня. Мне Голядкин опротивел. Многое в нем писано наскоро и в утомлении. 1-я половина лучше последней. Рядом с блистательными страницами есть скверность, дрянь, из души воротит, читать не хочется. Вот это-то создало мне на время ад, и я заболел от горя. Брат, я тебе пришлю Голядкина через две недели, ты прочтешь. Напиши мне свое полное мнение.

Пропускаю жизнь и мое *учение* и скажу кое-что о наших новостях. 1-е (огромная новость). *Белинский* оставляет «Отечеств‹енные› записки».[4] Он страшно расстроил здоровье, отправляется на воды и, может быть, за границу. Он не возьмется за критику года два. Но для поддержания финансов издает *исполинской* толщины альманах (в 60 печ. листов).[5] Я пишу ему две повести: 1-е) «Сбритые бакенбарды», 2-я) «Повесть об уничтоженных канцеляриях», обе с потрясающим трагическим интересом и — уже отвечаю — сжатые донельзя. Публика ждет моего с нетерпением. Обе повести небольшие. Кроме того, что-нибудь Краевскому и роман[б] Некрасову. Всё это займет меня год. «Сбритые бакенбарды» я кончаю.[6]

2-я новость. Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров. 1-й печатался, второй начинающий и не печатавшийся нигде. Их ужасно хвалят.[7] Первенство остается за мною покамест и надеюсь, что навсегда. Вообще никогда так не закипала литература, как теперь. Это к лучшему.

Третье. Я или очень рано приеду к вам, или очень поздно, или даже совсем не приеду. Я должен, у меня денег не будет (а без денег я ни за что не приеду, в-третьих, я завален работой. Всё скажет будущее).[8]

4-е. Шидловский отозвался. Его брат был у меня. Я с ним начинаю переписку.[9]

5-е. Если хочешь, мой возлюбленный друг, что-нибудь заработать на литературн‹ом› поприще, то[в] есть случай и щегольнуть и эффект произвести одним переводом. Переведи «Рейнеке-Фукс» по Гете. Меня даже просили поручить тебе перевести, ибо[г] вещь нужна в альманах Некрасову. Если захочешь, переведи. Не торопись. И даже если я не приеду к 15-му маю или к 1-му июню, то присылай, если будет готово.[д] Все разъезжа-

---

б *Было:* большой роман

в *Далее было:* можешь даже

г *Было:* если

д *Вместо этой фразы было:* И если я не приеду к [1-му] 15 мая, то присылай перевод или вообще присылай, когда кончишь.

ются на лето; но если возможно будет, то я, может быть, и весной помещу его куда-нибудь и тебе деньги привезу. Если же не весной, то осенью, — *но непременно.* Деньги будут непременно. Некрасов издатель, он купит, Белинский купит, *Ратьков* купит, а Краевский в полном моем распоряжении. Дело выгодное. У нас говорили об этом переводе. Итак, начни, если хочешь, а за успех я ручаюсь головой. Если переведешь главы три, то пришли мне, я *покажу* господам, и случиться может, что денег дадут вперед.[10]

Никогда еще не был я так богат деятельностию, как теперь. Всё кипит, идет... Но что-то будет? Прощай, мой возлюбленный.

Прощай, милый мой. Целую вас всех и желаю вам всего. У Эмилии Федоровны целую обе ручки. Детей тоже. Как ты? Напиши о себе. Ах, друг мой. Я хочу тебя видеть. Но что делать.

Твой весь Достоевский.

Верочка уже 3 месяца как вышла замуж. Говорят, счастливо. Дядя[11] дал столько же, сколько и Варе. Пиши дяде. Она вышла за *Иванова* (его высокоб‹лагородие›). Ему 30 лет. Он где-то профессор химии.[12] Мне писала Верочка, говорит, что и тебе тоже.[13]

59. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

26 апреля 1846. Петербург

26 апреля.

Любезный брат.

Я не писал тебе оттого, что до самого сегодня не мог взять пера в руки. Причина же тому та, что был болен, при смерти в полном смысле этого слова. Болен я был в сильнейшей степени раздражением всей нервной системы, а болезнь устремилась на сердце, произвела прилив крови и воспаление в сердце, которое[a] едва удержано было пьявками и двумя кровопусканиями. Кроме того, я разорился на разные декокты, капли, порошки, микстуры и тому подобн‹ые› гадости. Теперь я вне опасности. Но только, потому что болезнь осталась при мне и по объявлению доктора моего, так как она была приготовлена тремя или четырьмя годами, то и вылечиться можно не в малое время. Лечение же мое должно быть и физическое и нравственное. — 1-е, диетой и постоянными физическими лишениями, мне предписанными. 2-е) переменою места, воздержанием ото всех сильных впечатлений, потрясений, ровною и тихою жизнию и, наконец, порядком во всем. На сей конец поездка в Ревель (хотя не для купания, ибо купание мне признано вредным) для перемены места

---

[a] *Было начато:* от которого

и образа жизни мне предписана как средство радикальное. Но так как я без копейки, а для этой поездки мне нужно огромные деньги, не столько для Ревеля, сколько для расходов и уплаты долгов в Петербурге, то по сему случаю всё, почти жизнь и здоровье мое зависят от Краевского. Даст он мне денег вперед, приеду, нет — так и совсем не приеду. И по сему случаю после письма сего я не буду писать недели три, по прошествии коих или сам явлюсь к Вам собственною особою, или не явлюсь совсем в целое лето.[1]

Я пишу тебе наскоро и за делом. У меня есть до тебя просьба, которую ты должен исполнить и хлопотать о ней всеми силами. Это вот что, Белинский едет на лето (он уехал сегодня) в Москву, а потом вместе с другом своим актером Щепкиным и еще кое с кем предпринимает путешествие на юг России, в Малороссию, в Одессу и в Крым. Он возвращается в сентябре[2] и будет хлопотать о своем альманахе.[3] Жена же его с своей сестрой и с годовалым ребенком отправляются в Гапсаль. Может быть, я приеду с ними, а может быть и нет. Пароход останавливается в Ревеле на несколько часов.[4] Теперь, дело в том, что люди их отказываются ехать с ними в чужую сторону, хотя и на лето. Они остаются без няньки. Нанять здесь тоже нельзя; ибо на выезд не соглашаются как за огромную цену, которой они дать не в состоянии. И посему просят меня покорнейше написать к тебе следующую просьбу их. Начиная со дня получения сего письма моего, постараться всеми силами (о чем и я прошу тебя) поискать в Ревеле няньку, *немку, а не чухонку*[б] (это непременно), если можно пожилую, которая бы согласилась с ними отправиться в Гапсаль до сентября. Цена их будет 15 руб. ассиг‹нациями› в месяц, если же она согласится потом с ними отправиться в Петербург, то 25 руб. ассиг‹нациями›, больше они дать не могут. Разумеется, весьма желательно сыскать женщину с хорошей репутацией, одним словом, порядочную няньку. Сыскавши ее, с самого 5-го мая держать ее наготове, то есть готовую в минуту к отъезду, по тому обстоятельству, что так как пароход останавливается в Ревеле четыре часа, то в эти четыре часа m-me Белинская пожалует к тебе, ты пошлешь за нянькой, и всё дело уладится. Вот их проект. Вся сила в том, согласишься ли ты, а я перед тобой падам — до ног за это. Умоляю тебя за себя. Я люблю и уважаю этих людей. Прошу тебя покорнейше, тебя вместе с Эмилией Федоровной, постарайтесь.[в] M-me Белинская, весьма слабая, пожилая и больная женщина, принуждена ехать одна-одинешенька, да еще с ребенком. Служить же у них не надо лучше. Они люди добрые, живут в довольстве и обходятся с людьми примерно хорошо. Нянька у них только нянька и более не занимается

б *Далее было начато:* для немецк‹ого›
в *Далее было начато:* Это

ничем. Ради бога, брат, постарайся. Кроме того, отвечай как можно скорее. Белинские могут быть в Ревеле к 10-му числу. Напиши поскорее и объясни еще, принимаются ли пассажиры на пароход, который из Петербурга отправляется через Ревель в Гапсаль? Иначе не возьмут няньку на пароход.

Я должен окончить одну повесть до отъезда небольшую, за деньги, которые я забрал у Краевского,[5] и тогда уже взять вперед денег.

Деятельность у нас в литературе закипает огромная. Нового не упишешь. Есть надежды большие. Увидимся, расскажу, а теперь прощай.

Твой весь Ф. Достоевский.

Жду с нетерпением письма твоего.[6] Свидетельствую мою любовь и уважение Эмилии Федоровне, мое нижайшее почтение Феде и уважение, смешанное с почтением, Маше.

60. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

16 мая 1846. Петербург

1846. 16 мая.

Любезный брат.

Перед тобою госпожи, вручившие тебе сие послание. Пожалуйста, прими хорошенько и если можно, то даже не худо бы было пригласить их к обеду, — и m-me Белинскую и ее интереснейшую сестрицу. Просят они тоже зарекомендоваться и к Эмилий Федоровне. Попитай их дамский эгоизм как можно более участием к ним [а] и, разумеется, как можно менее толкуй о литературе.[б] Впрочем, ты и сам смыслишь лучше меня в этих делах. Научи их, где им остановиться и что делать. Я не знаю, что для них лучше — остаться ли в Ревеле, или ехать в Гапсаль.[1]

Про себя скажу, что я решительно не знаю, что еще со мною будет. Денег у меня нет ни копейки, да и не знаю еще, откуда я их получу. Подняться мне нельзя отсюдова, не имея 500 рублей собственно для отдачи петербург‹ских› долгов. След‹овательно›, суди сам. Вероятно, да и всего вероятнее, что мы просто не увидимся, брат, и что я не приеду.[2] Мне скучно и тяжело здесь. Я пишу и не вижу конца работе. Посылаю мой поклон Эмилии Федоровне. Прошу ее о г‹оспожа›х Белинских и надеюсь на всё ее снисхождение и любезность. Недурно, если Федя и Маша окажут тоже со своей стороны какую-нибудь приязнь и откровенно выскажут свое мнение в пределах их известной солидности. Ну, прощай, брат, некогда. Я решительно никогда не имел у себя такого тяжелого времени. Скука, грусть,

---

а *Далее строка густо зачеркнута.*

б *Далее густо зачеркнута строка, начинающаяся словами:* Не обижай

апатия и лихорадочное судорожное ожидание чего-то лучшего мучат меня. А тут болезнь еще. Черт знает что такое? Кабы как-нибудь пронеслось всё это.

Твой Ф. Достоевский.

61. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

24 мая 1846. Петербург

Брат. Я сейчас еду в Ревель.[1] Виноват, что к тебе не зашел. У меня в последнее время были всё разные квартиры, и вообще преобладал около меня беспорядок за неизвестностию, останусь ли я в Петербурге или нет. Ты, верно, меня искал, но не нашел. Здоровье мое не дурно, хотя еще я вовсе не вылечился.[2] Еду лечиться, буду кланяться от тебя брату. А теперь прощай.

Ворочусь в октябре[3] и, как устроюсь, приду к тебе сам. Прощай.

Твой Ф. Достоевский.

На обороте:

Его благородию
Андрею Михайловичу Достоевскому
В Строительное училище, воспитаннику.
На Обуховском проспекте.

62. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

5 сентября 1846. Петербург

5 сентября.

Спешу тебя уведомить, любезный брат, что я кое-как добрался до Петербурга и остановился, как желал, у Трутовского. Качки я не чувствовал, но в дороге и здесь в Петербурге промок до костей и простудился совсем, кашель, насморк и всё это у меня в самой сильной степени. Первое время было ужасно скучно. Я ходил нанимать квартиру и нанял уже за 14 руб. серебр‹ом› от жильцов 2 маленькие комнатки, с хорошею мебелью и прислугою, но еще не переехал. Адресс же: *напротив Казанского собора, в доме Кохендорфа, в нумере 25.*[a] По этому адрессу ты мне и пиши поскорее; ибо очень желаю от тебя письма.[1] На мне грусть страшная.

Белинские доехали хорошо, и с самой пристани я еще не видался с ними. Зашел на другой день к Некрасову. Он живет в одной квартире с Панаевыми, и потому я виделся со всеми. Альманах идет; нужно спешить.[2] Про лавку я не хотел спрашивать и не знаю; но верно тоже идет.[3] Но вот известие: чтоб

а *Далее:* Только ты мне — *затем две густо зачеркнутые строки, заканчивающиеся словами:* уведомлю их после.

узнать адресс Некрасова, я зашел к Прокоповичу. Он мне объявил причину приезда Некрасова в Ревель — причину, которую оп держал в тайне, по разным политическим видам, и не говорил даже и Прокоповичу; да тот догадался по разным данным. Приезжал он видеться с Масальским, чтобы купить у него «Сын отечества». Дело-то кажется пошло на лад, и к Новому году у нас может быть новый журнал.[4]

Я тебе ничего не говорю о Гоголе, но вот тебе факт. В «Современнике» в следующем месяце будет напечатана статья Гоголя — его духовное завещание, в которой он отрекается от всех своих сочинений и признает их бесполезными и даже более. Говорит, что не возьмется во всю жизнь за перо, ибо дело его молиться. Соглашается со всеми отзывами своих противников. Приказывает напечатать свой портрет в огромнейшем количестве экземпляров и выручку за него определить на вспомоществование путешествующим в Иерусалим и проч. Вот. — Заключай сам.[5]

Был я и у Краевского. Он начал набирать «Прохарчина»; появится он в октябре. Я покамест о деньгах не говорил; он же ласкается и заигрывает. У других ни у кого не был еще. Языков открыл контору и выставил вывеску.[6] На дворе страшный дождь и потому трудно выходить. Я еще живу у Трутовского, завтра же переезжаю на квартиру. Насчет шинели тоже никак нельзя было хлопотать за хлопотами и дождем. Хочу жить скромнейшим образом. Желаю и тебе того же. Нужно дело делать помаленьку. Поживем и увидим. А теперь прощай. Я спешу. Много бы хотелось написать, да иногда лучше и не говорить. Пиши. Жду от тебя ответа в наискорейшем времени. Целуй детей. Кланяйся Эмилии Федоровне. Тоже поклонись и другим, кому следует. С следующей почтой напишу гораздо более. Это только уведомление. Прощай, желаю тебе всего лучшего, бесценный друг мой, — а главное покамест терпения и здоровья.

Твой брат Ф. Достоевский.

На обороте:

Его благородию
Михайле Михайловичу Достоевскому.
В Ревель.
В Инженерную команду.
Г-ну инженер-прапорщику.

63. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

17 сентября 1846. Петербург

17 сентября.

Любезный брат.

Посылаю тебе шинель. Извини, что поздно. Задержка была не с моей стороны, отыскивал моего человека и наконец-то на-

шел. Без него же купить не мог. Шинель имеет свои достоинства и свои неудобства. Достоинство то, что необыкновенно полна, точно двойная, и цвет хорош, самый форменный, серый; недостаток тот, что сукно только по 8 руб. ассигнациями. Лучше не было. Зато стоила только 82 руб. ассиг‹нациями›. Остальные деньги употреблены на посылку. Что делать: были сукна и по 12 руб. ассигнац‹иями›, но цвета светло-стального, отличного, но ты ими брезгаешь. Впрочем, не думаю, чтоб тебе не понравилась. Она еще немного длинна.

И не писал тебе до сих пор из-за шинели. Я уже тебе объявлял, что нанял квартиру. Мне не дурно; только средств в будущем почти не имею. Краевский дал 50 руб. сереб‹ром› и по виду его можно судить, что больше не даст; мне нужно сильно перетерпеть.

«Прохарчин» страшно обезображен в известном месте. Эти господа известного места запретили даже слово *чиновник* и бог знает из-за чего; уж и так всё было слишком невинное, и вычеркнули его во всех местах. Всё живое исчезло. Остался только скелет того, что я читал тебе. Отступаюсь от своей повести.[1]

Нового у нас ничего не слышно. Всё по-старому; ждут Белинского. M-me Белинская тебе кланяется. Все затеи, которые были, кажется, засели на месте; или их, может быть, держат в тайне — черт знает.[2]

Я обедаю в складчине. У Бекетовых собралось шесть человек знакомых, в том числе я и Григорович.[3] Каждый дает 15 коп. серебр‹ом› в день, и мы имеем хороших чистых кушаний за обедом 2 и довольны. След‹овательно›, обед мне обходится не более как 16 руб.

Пишу к тебе наскоро. Ибо запоздал, и человек ждет с посылкой, чтобы нести на почту. У меня еще больше нескладицы, чем когда у тебя зубы болели. Очень боюсь, что шинель тебе поздно придется. Что делать? Я старался всеми силами.

Пишу всё «Сбритые бакенбарды». Так медленно дело идет. Боюсь опоздать.[4] Я слышал от двух господ, именно от одного 2-го [а] Бекетова и Григоровича, что «Петербур‹гский› сборник» в провинции не иначе называется как «Бедными людьми». Остального и знать не хотят, хотя нарасхват берут его там, перекупают друг у друга, кому удалось достать, за огромную цену. А в книжных лавках, н‹а›пр‹имер› в Пензе и в Киеве, он официально стоит 25 и 30 руб ассигнац‹иями›. Что за странный факт: здесь сел, а там достать нельзя.

Григорович написал удивительно хорошенькую повесть, стараниями моими и Майкова, который, между прочим, хочет писать обо мне большую статью к 1-му января,[5] эта повесть будет помещена в «Отеч‹ественные› записки», которые, между прочим, совсем обеднели.[6] Там [б] нет ни одной повести в запасе.

а *Написано над словом:* одного

б *Было:* У них

У меня здесь ужаснейшая тоска. И работаешь хуже. Я у вас жил как в раю,[в] и черт знает, давай мне хорошего, я непременно сам сделаю своим характером худшее. Желаю Эмилии Федоровне удовольствий, а всего более здоровья, искренно желаю; я много об вас всех думаю. — Да, брат: деньги и обеспечение хорошая вещь. Целую племянников. Ну прощай. В следующем письме напишу более. А теперь, ради бога, не сердись на меня. Да будь здоров и не ешь так много говядины.

Адресс мой:

У Казанского собора, на углу Большой Мещанской и Соборной площади, в доме Кохендорфа, № 25.

Прощай.

Твой брат Ф. Достоевский.

Старайся есть как можно здоровее, и, пожалуйста, без грибков, горчиц и тому подобной дряпи. Ради бога.

Т‹вой› Д‹остоевский›.

в *Было:* в семье

64. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

7 октября 1846. Петербург

7 октября 1846.

Любезный брат.

Спешу [а] отвечать тебе на твое письмо и вместе с тем написать то, об чем хотел уведомить тебя и без твоего письма.

Прошлый раз писал я тебе, что собираюсь за границу.[1] Книгопродавцы дают мне четыре тысячи ассигнац‹иями› за всё. Некрасов давал было 1 500 р. серебр‹ом›. Но, кажется, у него денег на это не будет и он отступится. Если цена моя покажется низкою (судя по моим расходам), то я не возьму и сам издам свой томик, может быть даже к 15-му ноября. Оно же и лучше, ибо на глазах дело будет, не изуродуют издания, например, и, одним словом, будут свои выгоды. Потом к 1-му январю продам все экземпляры гуртом книгопродавцам. Может быть, выручу 4 000, и хотя это то же самое, что дают книгопродавцы, но я буду в своем томе печатать не всё. След‹овательно›, если немного прибавить, то по возвращении из Италии выйдет 2-й том, и я приеду прямо на деньги.[2]

Я еду не гулять, а лечиться. Петербург ад для меня. Так тяжело, так тяжело жить здесь! А здоровье мое, слышно, хуже. К тому же я страшно боюсь. Что-то скажет, наприм‹ер›, октябрь, до сих пор дни ясные. — Я очень жду твоего письма; ибо желаю знать твое мнение. А покамест вот тебе следующее: помоги

а *Далее было начато:* написа‹ть›

мне, брат, до 1-го декабря самое дальнее. Ибо до 1-го декабря я совершенно не знаю, где взять денег. То есть деньги-то будут, Краевский, н‹а›прим‹ер›, навязывает, но я взял уже у него 100 р. серебр‹ом› и теперь от него бегаю. Ибо что 50 целковых, то и лист печатный. А я в Италии, на досуге, на свободе хочу писать роман для себя и быть в возможности накинуть наконец цену. А система всегдашнего долга, которую так распространяет Краевский, есть система моего рабства и зависимости литературной. Итак, дай же мне средства, если можешь. Уезжая за границу, я тебе писал уж, что отдам 100 руб. серебр‹ом›; но если мне пришлешь теперь 50 р. серебр‹ом›, то отдам и их, всё будет обделано к 1-му январю. Рассчитайся, если можешь ссудить меня до 1-го января, то дай. На меня же в отношении отдачи надейся как на каменную гору. Пишу последнее собственно для того, чтоб тебе яснее было можно рассчитать.

Деньги эти мне нужны на шинель. Платья себе я уже не шью, занятый весь моею системою литературной эманципации, а оно, то есть платье, уже неприличное. Шинель же нужна. На нее употреблю с воротником 120, а на остальные хочу кое-как пробиться до напечатки. Вызвался хлопотать за меня сам Краевский. Печатают же по его рекомендации Ратьков и Кувшинников. Я уже с ними говорил. Давали же они 4000 за рукопись.

К 1-му января намерен еще настрочить какую-нибудь мелочь Краевскому и потом удеру от всех. Чтобы мне подняться в Италию, нужно заплатить разных долгов (тут же и тебе) всего 1600 руб. ассиг‹нациями›. След‹овательно›, останется ра́зве 2400 асс‹игнациями›. Я обо всем расспрашивал: проезд стоит 500 (крайнее). Да в Вене я сделаю платья и белья на 300 руб., там дешево, всего 800; останется, стало быть, 1600. Я проживу восемь месяцев. Пришлю в «Современник» *1-ю часть романа*, получу 1200 и из Рима на 2 месяца съезжу в Париж и обратно. Приехав, издам тотчас же 2-ю часть, а роман буду писать до осени 1848 года и тут издам 3 или 4 части его. Первая же, пролог, будет напечатана уже в «Совр‹еменнике›» в виде пролога.[3] И сюжет[б] и мысль у меня в голове. Я теперь почти в паническом страхе за здоровье. Сердцебиение у меня ужасное, как в 1-е время болезни.

«Современник» издает Некрасов и Панаев 1-го января.[4] Критик — Белинский. Подымаются разные журналы и черт знает что еще. Но я бегу от всего затем, что хочу быть здоровым, чтобы написать что-нибудь здоровое. Лавка падает у Некрасова.[5] Но Языков и комп‹ания› процветают. У него тоже комиссионерство и книгами.[6] Я уже с ним говорил для сдачи ему экземпляров для хозяйственного командова‹ния› ими.

Кланяйся всем. Эмилии Федоровне особенно. Детям тоже и, ради бога, отвечай мне по первой почте. Жду твоего письма. Напиши скорее; ибо если не пришлешь денег, то по крайней мере

б *Далее было:* и пролог

скажи, что нет (за что, ей-богу, не буду претендовать), чтоб мне можно было хлопотать в другом месте.

Твой весь Ф. Достоевский.

Я тебе буду теперь писать письма очень часто.

Мы, брат, долго теперь не увидимся. Но по приезде из-за границы прямо заеду к тебе, где бы ты ни был.

К 20 октября, время окончания сырого материала, то есть «Сбритых бакенбард», мое положение означится наияснейшим образом, ибо уже с 15-го октября начнется печатание с «Бедных людей».

65. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

17 октября 1846. Петербург

17 октяб<ря> 46.

Спешу тебя уведомить, л<юбезный> б<рат>, что я твои деньги получил, за что несказанно благодарен, ибо не чувствую более холода и других неприятностей. Спешу тоже сказать тебе, что все мои надежды и расчеты отлагаются, кажется, до более удобного времени. По крайней мере теперь сам еще не много знаю. Предлагаются всё такие условия, каких и принять нельзя; то деньги маленькие, то деньги порядочные, но не все, а ждать нужно. Разумеется, если продавать, то я могу исполнить это только на наличные деньги. Наконец, советуют мне подождать. Оно и худо и хорошо. Худо за здоровье. Хорошо то, что если выждать, так можно получить более значительную сумму. Издавать же в последнем случае никак не предстоит к рождеству. Ибо нужно жить чем-нибудь; след<овательно>, нужно продавать повести в журналы; и потом нужно будет выжидать; и потому издание может разве состояться к 1-му мая. К тому же нужно будет потрудиться всё пообделать; и издать 2 томика толстых и не за 2 <руб.> 50 к., как я предполагал; а уже за 3 и, может быть, более.[1] Итак, может быть, увидимся летом еще раз, и разве осенью осуществится поездка, при больших деньгах.

Меня всё это так расстраивает, брат, что я как одурелый. Эк сколько труда и тягости разной нужно перенести сначала, чтоб устроить себя. Здоровье свое, наприм<ер>, нужно пускать на *авось*, а обеспечение черт знает еще будет когда. Я тебе пишу письмо маленькое; ибо сам наверно не знаю ничего. Я, впрочем, не совсем унываю. Как-то ты живешь? Пишешь, что ожидаешь нового гостя в семейство. Дай бог, чтоб это всё обошлось хорошо.[2] Кабы и у тебя тоже поправлялись обстоятельства. Я, брат, не перестаю думать о своих целях. Наша ассоциация может осуществиться. Я всё мечтаю. Мне, брат, нужно решительно иметь *полный успех*, без того ничего не будет, и я буду только

существовать с горем пополам. Всё же это зависит не от меня, а от сил моих.

«Сбрит‹ые› баке‹нбарды›» еще не совсем кончены. «Прохарчина» очень хвалят. Мне рассказывали много суждений.[3] Белинский еще не приехал. Господа в «Современнике» всё таятся. Так что я еще придерживаюсь с «Сбрит‹ыми› бакенбард‹ами›» и не обещал. Может быть, будут у Краевского. Впрочем, я еще не знаю, как устроюсь и с этим. Буду пользоваться обстоятельствами и пущу повесть в драку, кто больше. Стащу-то я денег уж наверно порядочно. Но если случится издавать отдельно, так что дадут известную сумму вперед, то я не отдам в журналы.

Брат Андрей тебе кланяется. Белинские тоже, и тебе и Эмилии Федоровне. Я у них бываю. Вот играют-то на авось![4] Целую детей, я об них часто вспоминаю. Если продам хорошо повесть, то непременно пришлю им к рождеству конфекты и разных сластей. Свидетельствую всю мою преданность Эмилии Федоровне. Потерпим, брат, авось разбогатеем. Нужно работать. Но, ради бога, храни здоровье. И я бы тебе советовал и просил — не работай много. Что к черту! Пожалуйста, береги себя. И главное, ешь здоровее пищу. Меньше кофию и мяса. Это яд. Прощай, брат. Скоро еще напишу. Такие потемки.

Ф. Достоевский.

У нас октябрь сухой, ясный и холодный. Болезней мало. Не забывай меня и пиши. Кланяйся Форштадским, Рейнгардту и прочим.

66. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

18 октября 1846. Петербург

Любезный брат Андрей.

Я уже давно приехал из Ревеля,[1] и каждую субботу задерживали меня иные обстоятельства тебя уведомить.[2] Извини. Приходи завтра повидаться со мной около 10 часов утра. Живу я напротив Казанского собора, на углу Соборной площади и Большой Мещанской, в доме Кохендорфа, в номере 25-м, в квартире m-me Capdeville.*

А теперь до свидания.

Твой брат Ф. Достоевский.

На обороте:

Его благородию
Андрею Михайловичу Достоевскому.
На Обуховском проспекте
за Обуховским мостом,
в Строительном училище, воспитаннику.

---

* мадам Капдевиль (*франц.*).

67. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

20-е числа октября 1846. Петербург

Любезный брат!

Хочу тебе написать слова два, но не более, ибо хлопочу и бьюсь об лед как рыба. Дело в том, что все мои планы рухнули и уничтожились сами собою. Издание не состоится. Ибо не состоялось ни одной из тех повестей, о которых я тебе говорил. Я не пишу и «Сбритых бакенбард». Я всё бросил: ибо всё это есть не что иное, как повторение старого, давно уже мною сказанного. Теперь более оригинальные, живые и светлые мысли просятся из меня на бумагу. Когда я дописал «Сбр‹итые› бак‹енбарды›» до конца, всё это представилось мне само собою. В моем положении однообразие гибель.

Я пишу другую повесть, и работа идет, как некогда в «Бедных людях», свежо, легко и успешно. Назначаю ее Краевскому.[1] Пусть господа «Современника» сердятся, это ничего.[2] Между тем написав повесть к январю, перестаю печатать[a] совсем до самого будущего года, а пишу роман, который уж и теперь не дает мне покоя.[3]

Но чтоб жить, я решаюсь издать «Бедных людей» и обделанного «Двойника» отдельными книжками.[4] Я не ставлю, например, на них 1-я часть, 2-я часть, это просто будет «Бедные люди» отдельно и «Двойник» тоже — вся деятельность моя за год. Так же точно надеюсь я поступить и относительно будущего романа.

И наконец, разве года через 2 приступлю к полному изданию и тем чрезвычайно выиграю, ибо возьму деньги два раза и сделаю себе известность.

«Бедные люди» начинаю печатать завтра или послезавтра. Сделаю это через *Ратькова*, он обещает. И теперь только кляну судьбу, что нет у меня 700 руб. ассигнац‹иями›, чтоб издать на свой счет. Издавать на свой счет — это всё. На чужой — это значит на страх, можно погибнуть. Книгопродавцы подлецы. Бездна есть у них уловок, которых не знаю я и которыми можно облапошить. Но самая варварская вещь у них следующая: напечатает он издание на свой счет и получит за это от меня 350 или 400 экземпляров (цена, окупающая ему издержки), проценту берет он 40 на 100, то есть 40 к. сереб‹ром› с экземпляра (я пущу по рублю). Это за *оборот его капитала* и за *страх*. У него в руках, положим, 300 экземп‹ляров›. Он уж их и продает. Я же не имею права продать ни одного экземпляра до тех пор, пока он всё свое не продаст, ибо его подрываю. Он продаст всё и скажет мне, что публика не требует более и что у него нейдут. Поверять его невозможно. Это значит рассориться с ним. Это де-

---

[a] *Было:* писать

лается только в крайних случаях. У меня экземпляры лежат. Мне нужны деньги. Он покупает наконец у меня, проморив меня, сотни две экз‹емпляров› за половинную[б] цену. Наконец, есть такие канальи, которые задерживают иногородние требования и не дают требующей даже в Петербурге публике. Теперь: издай я сам, я вдруг продаю всем книгопродавцам в Петербурге, на чистые. Процент берется законный. Они дают каждый больше, подрывая друг друга, если книга идет, и наконец в конторе Языкова учреждается главная складка.

Слушай, брат: требую от тебя немедленного ответа и вот что предлагаю. Если только у тебя есть деньги, *200 руб.* серебр‹ом› (нужно более, но можно войти в маленький долг), то не хочешь ли спекуляцию? Если ты копишь, то деньги у тебя пролежат даром. Я же тебе предлагаю, дай мне денег на издание. К 15-му ноября можно уже напечатать. До 1-го января окупится издание. Я тебе присылаю деньги твои 200 руб. сереб‹ром› тотчас же. Потом со всего остального барыша тебе ¼ долю. Издание окупится 350 экземплярами.[в] Останется 850 по 75 к. сереб‹ром›=635 р. ассигн‹ациями›. Книгопродавцу я дам же этот барыш. Но я бы лучше желал взять тебя в долю. Мои деньги бы не пропали. Потом, если бы попахло успехом, мы бы издали «Двойника». Наконец, во всяком случае твои деньги воротятся к тебе до января месяца. Свидетельствуюсь честным словом моим, что я не вовлеку тебя в ложное положение. Наконец, я ожидаю успеха. Хотя и медленного. *Всё* издание разойдется разве в год.[5] Вот пример: «Пан Холявский» Основьяненко был напечатан в «Отеч‹ественных› записках» 3 года назад.[6] Потом издан отдельно и теперь уже хотят делать 3-е издание.

Если хочешь, брат, то отвечай мне немедленно и деньгами. Я же поправлю в это время кое-что, буду в цензуре и уговорюсь в типографии. Если пришлешь и у тебя нет столько, то пришли на 1-й раз хоть 120 р. сереб‹ром› не менее для задатка, и потом непременно к 15 ноября остальные 80 р. сереб‹ром›.

Наконец, если ты не можешь всего этого сделать, то ты меня не стеснишь по крайней мере во времени. Я обращусь к книгопродавцам, и мы издадим уже потом «Двойника».

Отбрось в этом деле всю братскую любовь, деликатность и проч. разности. Смотри на дело как на спекуляцию. Из желания мне добра не обкради себя сам, хотя даже и не на большое время. У тебя рождается новое дитя. Прощай, целуй всех. Кланяйся кому нужно. Мне всё нездоровится. Но ведь ты меня знаешь.

Твой Достоевский.

Прощай, любезный брат. Ожидаю ответа немедленного. Ради бога, не ставь себя сам в ложное положение, то есть если бы

б *Было начато:* за ум‹еренную›

в *В подлиннике ошибочно:* экземпляров

ты, например, давал свои последние. Тогда лучше не нужно. Я ведь только предлагаю. Но если ты богат и *согласен*, то высылай деньги с 1-ою почтою, н‹а›прим‹ер› ко 2-му или 3-му числу.

Ну, слушай же. Я тебе написал всё и последний раз говорю: если есть деньги, не бойся и соглашайся. Нет или мало, то, ради бога, не вступай в долю. Отвечай сейчас.

Кланяйся Эмилии Федоровне. Желаю вам всем счастья, друзья мои. Гоголь умер во Флоренции 2 месяца назад.

68. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

26 ноября 1846. Петербург

26 ноября 1846 г.

Ну как ты мог, драгоценнейший друг мой, писать, будто бы я на тебя рассердился за неприсылку денег и потому молчу. Как могла такая идея прийти тебе в голову? И чем, наконец, я мог подать тебе повод так думать обо мне? Если ты меня любишь, то сделай одолжение, откажись впредь навсегда от подобных идей. Постараемся, чтоб между нами было всё прямо и просто. Я вслух и прямо скажу тебе, что я тебе уж и так много обязан и что было бы смешным и подлым свинством с моей стороны не сознаться в этом. Теперь об этом довольно. Буду писать лучше о моих обстоятельствах и постараюсь обо всем тебя пояснее уведомить.

Во-первых, все мои издания лопнули и не состоялись. Не стоило, брало много времени и рано было. Публика, может быть, не подалась бы. Издание я сделаю к будущей осени. Со мной к тому времени публика более ознакомится, и положение мое будет яснее. К тому же я ожидаю нескольких авансов. «Двойник» уже иллюстрирован одним московским художником. «Бедные люди» иллюстрируются здесь в двух местах — кто сделает лучше.[1] Бернардский говорит, что не прочь начать со мной переговоры в феврале месяце и дать мне известную толику денег на право издать в иллюстрации. До того времени он возится с «Мертвыми душами».[2] Одним словом, до времени я к изданию стал равнодушен. К тому же и некогда возиться с этим. Работы и заказов у меня бездна. — Скажу тебе, что я имел неприятность окончательно поссориться с «Современником» в лице Некрасова. Он, досадуя на то, что я все-таки даю повести Краевскому, которому я должен, и что я не хотел публично объявить, что не принадлежу к «Отечеств‹енным› запискам», отчаявшись получить от меня в скором времени повесть, наделал мне грубостей и неосторожно потребовал денег. Я его поймал на слове и обещал заемным письмом выдать ему сумму к 15-му декабря. Мне хочется, чтобы сами пришли ко мне. Это всё подлецы и

завистники. Когда я разругал Некрасова в пух, он только что семенил и отделывался, как жид, у которого крадут деньги. Одним словом, грязная история. Теперь они выпускают, что я заражен самолюбием, возмечтал о себе [3] и передаюсь Краевскому затем, что Майков хвалит меня.[4] Некрасов же меня собирается ругать. Что же касается до Белинского, то это такой слабый человек, что даже в литературных мнениях у него пять пятниц на неделе.[5] Только с ним я сохранил прежние добрые отношения. Он человек благородный. Между тем Краевский, обрадовавшись случаю, дал мне денег и обещал сверх того уплатить за меня все долги к 15 декабря. За это я работаю ему до весны. — Видишь ли, что, брат: из всего этого я извлек премудрое правило. 1-е убыточное дело для начинающего таланта — это дружба с проприетерами изданий, из которой необходимым следствием исходит кумовство и потом разные сальности. Потом независимость положения, и наконец, работа для Святого Искусства, работа святая, чистая, в простоте сердца, которое еще никогда так не дрожало и не двигалось у меня, как теперь перед всеми новыми образами, которые создаются [а] в душе моей.[6] Брат, я возрождаюсь, не только нравственно, но и физически. Никогда не было во мне столько обилия и ясности, столько ровности в характере, столько здоровья физического. Я много обязан в этом деле моим добрым друзьям Бекетовым,[7] Залюбецкому и другим, с которыми я живу; это люди дельные, умные, с превосходным сердцем, с благородством, с характером. Они меня вылечили своим обществом. Наконец, я предложил жить вместе. Нашлась квартира большая, и все издержки, по всем частям хозяйства, всё не превышает 1200 руб. ассигнац‹иями› с человека в год. Так велики благодеяния ассоциации![б] У меня своя комната, и я работаю по целым дням. Адресс мой новый, куда прошу адресовать ко мне: На Васильевском острове в 1-й линии у Большого проспекта, в доме Солошича. № 26, против Лютеранской церкви.

Поздравляю, милейший мой друг, с 3-м племянником.[8] Желаю всех благ и ему и Эмилии Федоровне. Я вас всех теперь втрое больше люблю.[в] Но не сердись на меня, бесценный мой, что пишу не письмо, а какой-то клочок исписанный: времени нет, меня ждут. Но зато в пятницу еще раз буду писать. Считай же это письмо недоконченным.

Твой друг Ф. Достоевский.

а *Было:* движутся

б *Было начато:* цивил‹изации›

в *Далее было начато:* чем

69. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

17 декабря 1846. Петербург

С.-Петербург, 17 декабря 46 г.

Что это с тобою сталось, любезный брат, что ты совершенно замолк? С каждой почтой жду чего-нибудь от тебя и ни слова. Я в беспокойстве, часто думаю о тебе, о том, что ты хвораешь иногда, и боюсь делать заключения. Ради бога, напиши мне хоть две строчки. Пожалуйста, напиши и успокой меня. Ты, может быть, всё выжидал продолжения моего недавнего послания.[1] Но на меня не сердись, что я так неточно исполняю слово мое. Я теперь завален работою и к 5-му числу генваря обязался поставить Краевскому 1-ю часть романа «Неточка Незванова», о публикации которой ты уже, верно, прочел в «Отечеств‹енных› записках».[2] Это письмо пишу я урывками, ибо пишу день и ночь, разве от семи часов вечера, для развлечения, хожу в Итальянскую оперу в галерею слушать наших несравненных певцов.[3] Здоровье мое хорошо, так что об нем уж и нечего писать более. Пишу я с рвением. Мне всё кажется, что я завел процесс со всею нашей литературою, журналами и критиками и тремя частями романа моего в «Отечеств‹енных› записках» и устанавливаю и за этот год мое первенство назло недоброжелателям моим. Краевский повесил нос.[4] Он почти погибает. «Современник» же выступает блистательно. У них уже завязалась перестрелка.[5]

Итак, брат, я не поеду за границу ни нынешнюю зиму, ни лето, а приеду опять к вам, в Ревель.[6] Я сам с нетерпением жду лета. Летом буду переделывать старое и подготовливать к осени издание, а там что будет. Что, здоровы ли все у тебя, брат? Не больна ли уж Эмилия Федоровна? На это письмо я немедленно требую ответа.[a] Я живу, как я уже писал тебе, брат, с Бекетовыми на Васильевском острове; не скучно, хорошо и экономно.[7] Бываю у Белинского. Он всё хворает, но с надеждами. M-me Белинская родила.[8]

Я плачу все долги мои, посредством Краевского. Вся задача моя заработать ему всё в зиму и быть ни копейки не должным на лето. Когда-то я выйду из долгов. Беда работать поденщиком! Погубишь всё, и талант и юность и надежду, омерзеет работа и сделаешься наконец пачкуном, а не писателем.

Прощай, брат. Ты меня оторвал от моей самой любопытной страницы в романе, а дел еще куча впереди. Ах, милый мой, кабы тебе удалось. Мне всё хочется с тобою свидеться поскорее, да и свидеться-то хочется, установив и разрешив мое положение. Я связал себя по рукам и по ногам моими антрепренерами. А между тем со стороны делают блистательные предложения. «Современник», который в лице Некрасова меня хочет ругать,

---

[a] *Далее было:* брат

дает мне за лист 60 р. серебром, что равняется 300 р. в «Отеч‹ественных› записк‹ах›», «Библиотека для чтения» — 250 р. ассиг‹нациями› за свой лист и т. д., и я ничего не могу туда: всё взял Краевский за свои 50 р. серебр‹ом›, дав денег вперед. Кстати: Григорович написал физиологию «Деревня» в «Отеч‹ественных› записках», которая здесь делает фурор.[9] Ну, прощай, любезный брат. Кланяйся Эмилии Федоровне, Феденьке, Машеньке и Мише. Забыли ль дети меня или нет? Кланяйся Рейнгарту и другим. Ходит ли к вам Анна Ивановна?[10] Всем старым знакомым тоже поклон.

Твой всегда Ф. Достоевский.

Адресс мой:

На Васильевском острове в 1-й линии по Большому проспекту, в доме Солошича, в № 26, в квартире Бекетова.

Теперь, брат, вот что: приезжай этот год на масленицу в Петербург. Хоть на две недели. Но приезжай непременно. Квартира и стол тебе не будут ничего стоить. Чай, сахар и всё содержание тоже. Карманного ты почти ничего не истратишь. Вся поездка обойдется в пустяки. А? Как ты думаешь. Подумай об этом. Что тебе? Я бы был так рад тебя видеть. Да и тебе-то было б приятно пожить в Петербурге. Тебе даже не нужно[6] совсем денег брать, чтобы ехать сюда. Я тебе должен и заплачу за всё. Денег достанем. Ради бога, приезжай, брат. Ты сидень. Неужели ты хочешь дойти до того, что тебя из Ревеля будут клещами вытаскивать. Приезжай, кроме шуток, на масленице.

Твой Д‹остоевский›.

---

6 *Далее было:* ничего

1847

70. А. У. ПОРЕЦКОМУ

Январь 1847. Петербург

Любезнейший Александр Юстинович, ложа есть, литерная, в пятом ярусе левой стороны, лит‹ера› М.

Когда записка Штрандмана пришла, я был у Майковых; там сообщили мне вторую. Записали ложу и обещались Вас известить; вот почему я с своей стороны не предупредил Вашего посланного.

А будут ли букеты?

Ваш весь Ф. Достоевский.

NB. Борзи очень нездорова, в лихорадке, во дворце миропомазание или что-то вроде этого. Посему царская фамилия может не быть в театре. А если не будет, то в дирекции, кажется, принята мера отложить бенефис. Прочтите завтра афишку.

До свидания.

Д‹остоевский›.

На обороте:

Его высокоблагородию
Александру Юстиновичу Порецкому.

71. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Январь—февраль 1847. Петербург

Любезный брат. Опять прошу твоего отпущения за то, что не исполнил слова и не написал с следующею почтою. Но такая тоска находила на меня всё это время, что невозможно было писать. Думал я о тебе очень много и мучительно. Тяжела судьба твоя, милый брат! С твоим здоровьем, с твоими мыслями, без людей кругом, с скукой вместо праздника, и с семейством, о котором хоть и свята и сладка забота, но тяжело бремя — жизнь невыносима. Но не унывай духом, брат. Просветлеет время. Видишь ли, чем больше в нас самих духа и внутреннего содержания, тем краше наш угол и жизнь. Конечно, страшен диссонанс, страшно неравновесие, которое представляет[a] нам об-

---

[a] *Было:* дает

щество. *Вне* должно быть уравновешено с *внутренним.*[1] Иначе, с отсутствием внешних явлений, внутреннее возьмет слишком опасный верх. Нервы и фантазия займут очень много места в существе. Всякое внешнее явление с непривычки кажется колоссальным и пугает как-то. Начинаешь бояться жизни. Счастлив ты, что природа обильно наделила тебя любовью и сильным характером. В тебе есть еще крепкий здравый смысл и блестки бриллиантового юмора и веселости. Всё это еще спасает тебя. Я много думаю о тебе. Но боже, как много отвратительных подло-ограниченных седобородых мудрецов, знатоков, фарисеев жизни, *гордящихся* опытностию, то есть своею безличностию (ибо все в одну мерку стачаны), негодных, которые вечно проповедуют довольство судьбой, веру во что-то, ограничение в жизни и довольство своим местом, не вникнув в сущность слов этих, — довольство, похожее на монастырское истязание и ограничение, и с неистощимо мелкою злостью осуждающих сильную, горячую душу не выносящего их пошлого, дневного расписания и календаря жизненного. Подлецы они с их водевильным земным счастием. Подлецы они! Встречаются иногда и бесят мучительно.[2]

Вот сейчас меня прервал своим остроумно-светским визитом несносный болтун Свиридов. Он, брат, кажется самый назойливый дурак. Привез вопрос из аналитики и привез-то какие-то дряннейшие, старые разрозненные листы, из которых, кажется, ничего нельзя сделать. Просит меня похлопотать у Бекетова о поправке этих листов. Смешной человек. Сам в них ничего не разбирает и хочет, чтобы другие что-нибудь сделали. Я как-нибудь похлопочу о твоем ответе. Поеду по всем, у кого есть записки.[3]

Но время уходит. Хотел тебе написать многое. Как досадно, что всё перебито. И потому ограничусь самым последним — напишу кое-что о себе. Я, брат, работаю; не хочу ничего выдавать раньше, чем кончу.[6] Денег между тем нет, и если б не было добрых людей, я бы погиб. Разложение моей славы в журналах доставляет мне более выгоды, чем невыгоды.[4] Тем скорее схватятся за новое мои поклонники, которые, кажется, очень многочисленны и отстоят меня. Я живу очень бедно и всего, с того времени, как я тебя оставил, прожил 250 руб. сереб<ром>, до 300 р. сереб<ром> употребил на долги. Меня сильнее всех подрезал Некрасов, которому я отдал его 150 руб. сереб<ром>, не желая с ним связываться. К весне сделаю у Краевского большой заем и пришлю тебе 400 руб. непременно. Это как бог свят; ибо мысль о тебе мучает меня более, чем всё. В Гельсингфорс же вряд ли приеду рано.[5] Ибо, может быть, буду лечиться окончательно по методе Присница холодной водой. И потому приеду разве в июле. Впрочем, ничего еще не знаю, мой милый. Мое будущее впереди. Но хоть гром трещи надо мной, я теперь не

---

6 *Было:* не кончу

подвинусь, я знаю всё, что могу сделать, работы своей не испорчу и поправлю свои обстоятельства денежные успешным ходом книги, которую издам осенью.[6] Проклятый Спиридов.[в] Уже почти два часа. Вообрази: я всеми силами давал ему заметить, что у меня нет времени. Он всё сидел и болтал о том, как он вопрос твой составлял, давал знать, как важно[г] тебе его в этом помощничество, как он на Кавказ поедет и напишет о тамошней флоре такое сочинение, какого и не бывало. Черт с ним, шут! Право, с иными людьми поговоришь и точно выйдешь из какой-нибудь канцелярии. Он меня оторвал от тебя, мой возлюбл<енный>. Береги себя, брат. Особенно здоровье. Развлекайся и пожелай мне скорее кончить работу. За ней сейчас последуют деньги, и я у тебя. Лечение у Присница в моем воображении. Может быть, доктора и отсоветуют мне.[7] Как бы я желал тебя видеть. Иногда меня мучает такая тоска. Мне вспоминается иногда, как я был угловат и тяжел у вас в Ревеле. Я был болен, брат. Я вспоминаю, как ты раз сказал мне, что мое обхождение с тобою исключает взаимное равенство. Возлюбленный мой. Это совершенно было несправедливо. Но у меня такой скверный, отталкивающий характер. Я тебя всегда ценил выше и лучше себя. Я за тебя и за твоих готов жизнь отдать, но иногда, когда сердце мое плавает в любви, не добьешься от меня ласкового слова. Мои нервы не повинуются мне в эти минуты. Я смешон и гадок, и вечно посему страдаю от несправедливого заключения обо мне. Говорят, что я черств и без сердца. Сколько раз я грубил Эмилии Федоровне, благороднейшей женщине, в 1000 раз лучше меня. Помню, как иногда я нарочно злился на Федю, которого любил в то же самое время даже больше тебя. Я тогда только могу показать, что я человек с сердцем и любовью, когда самая внешность обстоятельства, случая вырвет меня насильно из обыденной пошлости. До того времени я гадок. Неравенство это я приписываю болезни. Читал ли ты «Лукрецию Флориани», посмотри *Кароля*.[8] Но скоро ты прочтешь «Неточку Незванову». Это будет исповедь, как *Голядкин*, хотя в другом тоне и роде. О Голядкине я слышу исподтишка (и от многих) такие слухи, что ужас. Иные прямо говорят, что это произведение *чудо* и не понято. Что ему страшная роль в будущем, что если б[д] я написал одного Голядкина, то довольно с меня, и что для иных оно интереснее дюмасовского интереса. Но вот самолюбие мое расхлесталось. Но, брат! Как приятно быть понятым. Брат, за что ты так любишь меня! — Постараюсь тебя обнять поскорее. Будем любить друг друга горячо. Пожелай мне успеха. Я пишу мою «Хозяйку». Уже выходит лучше «Бедных людей». Это в том же роде. Пером моим водит родник вдохновения, выбивающийся прямо из души. Не так, как в «Прохарчине», которым я

в *Так в тексте; ранее было:* Свиридов.
г *Далее было:* все
д *Далее было:* ему

страдал всё лето.[9] Как бы мне хотелось помочь тебе, брат, поскорее. Но надейся, брат, на те деньги, которые я обещал тебе, как на стену, как на гору. Целуй всех твоих. А покамест сам

Твой Достоевский.

Сойдемся ли мы, брат, когда-нибудь вместе в Петербурге? Что бы ты сказал о статской службе с приличным жалованием?

Не знаю, что родила m-me Белинская. Слышал, что кричит за две комнаты ребенок, а спросить как-то совестно и странно.[10]

72. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Апрель 1847. Петербург

Любезный брат,

Напишу тебе две строчки, ибо занят. Не знаю, где застанет тебя письмо мое. Всеми силами постараюсь так окончить свои дела, чтобы хоть даже в сентябре побывать к тебе на неделю.[1] Что же касается до денег, то я немножко ошибся в расчете. Мне придется писать едва ли и два фельетона в неделю,[2] то есть уже не более как 250—300 руб. ассигнац‹иями›. И так как я должен уплачивать Майковым, которым я очень много задолжал (хотя они и не спрашивают), и за квартиру, то уж я и не знаю, сколько я тебе буду присылать; но буду присылать. Я, брат, в таком положении, что если отдам тебе до 1 октября только 100 руб. серебр‹ом›, то почту себя счастливейшим человеком. Но с 1-го октября или сентября * дела переменятся. Я возьму у Краевского после окончания романа 1000 руб. серебр‹ом› вперед и не иначе как на *неопределенный срок*. Так как «*Современник*» идет и с ожесточением переманивает к себе сотрудников «*Отеч‹ественных› записок*», то он, *Андр‹ей› Алексан‹дрович› Краев‹ский›*, сильно трусит. Он будет согласен на всё. К тому же счастье его и *мое*, что роман мой печатается в конце года.[3] Он завершит год, пойдет во время подписки и, главное, будет, если не ошибаюсь теперь, капитальною вещью в году и утрет нос друзьям «Современникам», которые решительно стараются похоронить меня. Но к черту их. Тогда, получа 1000 руб. сереб‹ром›, я приеду к тебе [a] с деньгами и с окончательным решением насчет тебя. Ты можешь приехать в Петербург хоть один, взяв отпуск на 28 дней, получить место и — или продолжать службу в инженерах, или навек оставить ее.

Адресс мой:

На углу Малой Морской и Вознесенского проспекта, в доме Шиля, в квартире Бреммера, спросить Ф. Достоевского.

---

[a] *Далее было:* уже

* Тогда-то я и приеду к тебе, с последними пароходами (*примеч. Достоевского*).

Насчет перевода не знаю, буду хлопотать всё лето, искать его. У нас был в Петербурге (он теперь за границей) один дурак Фурманн, тот получает до 20 000 р. в год одними переводами! Если б у тебя был хоть один год обеспеченный, то ты бы непременно пошел. Ты молод; можно бы даже сделать литерат‹урную› карьеру. Теперь все ее делают. Лет через десять можно бы и забыть о переводах.

Я пишу очень прилежно, авось кончу. Тогда мы увидимся ранее. Что говорит Эмилия Федоровна? Я ей нижайше кланяюсь, детям тоже. Прощай, брат. У меня маленькая лихорадка. Я вчера простудился, выйдя ночью без сюртука в одном пальто, а по Неве шел лед. У нас холодно, как в ноябре. Но уже я раз до шести простуживался, — вздор! Вообще здоровье мое очень поправилось.

Прощай, брат. Пожелай мне успеха. После романа я приступлю к изданию моих 3-х романов («Бед‹ных› лю‹дей›», «Дв‹ойника›», перед‹еланного› и последнего) на свой счет,[4] и тогда, авось, прояснится судьба.

Дай бог тебе счастья, мой милый.

Тв‹ой› Ф. Достоевский.

Ты не поверишь. Вот уже третий год литературного моего поприща я как в чаду. Не вижу жизни, некогда опомниться; наука уходит за невременьем. Хочется установиться. Сделали они мне известность сомнительную, и я не знаю, до которых пор пойдет этот ад. Тут бедность, срочная работа, — кабы покой!!

Мой всенижайший поклон Николаю Ивановичу Рейнгардту,[5] Бергманам.

73. А. В. СТАРЧЕВСКОМУ

Апрель—первая половина мая 1847. Петербург

За той формой, которая Вам посылается, просидел я не отрываясь пять часов. Статью о иезуитах следовало бы всю переписать. Трудность и мешкотность в том, что приходится *чинить* фразу, а не переделывать вовсе; да тут же нужно соблюдать выгоду типографии и не вымарать всего. Поправишь, да еще не щегольски поправишь, а просидишь четверть часа над двумя строчками. Билетики же можно будет зачеркивать как угодно.

Остальные 2 формы принесу сам, сижу не отрываясь, у меня всего оставшихся 10 форм. За 3-мя формами приходится сидеть в день часов 12.

Ф. Достоевский.

74. А. В. СТАРЧЕВСКОМУ

Апрель—июнь 1847. Петербург

Милостивый государь Альберт Викентиевич.

Мне ни разу не говорили о Вашем посланном, и я сам с нетерпением ждал его. Посылаю Вам Ваши листы; они не просмотрены. Я нездоров приливами крови в голову и заниматься решительно не могу по приказанию доктора. Когда буду в состоянии работать, — заработаю. Если же работы для меня не будет, то отдам данное мне Вами вперед деньгами тотчас же по выходе Словаря. За сим пребываю

Ваш весь Ф. Достоевский.

На обороте:

Его высокоблагородию
Альберту Викентьевичу Старчевскому.
На углу Офицерской и Фонарного переулка,
дом Шпигеля.

75. Н. А. НЕКРАСОВУ

Конец августа—начало сентября 1847. Петербург

Милостив‹ый› государь Николай Алексеевич.

Конечно, те условия, которые Вам угодно было предложить мне в последнее свидание наше у Майкова, весьма выгодны. Но в настоящую минуту я нахожусь в таком затруднительном положении, что деньги, Вами обещанные, не принесут мне ровно никакой пользы, а только протянут мою безвыходность напрасно. Вам, может быть, отчасти известны мои обстоятельства.

Мне нужно 150 руб. сереб‹ром›, чтобы хоть немного стать на ноги. И потому, Николай Алексеевич, если этих денег разом Вы дать не пожелаете, то, к величайшему моему сожалению, доставить Вам повесть мне будет невозможно. Ибо я не буду иметь материальных средств написать ее.[1]

Если же Вы согласитесь дать такую сумму вперед, то —

во-1-х, срок, к которому Вы получите повесть, будет 1 января 1848 г., не раньше. Вам, вероятно, самому приятнее будет, чтобы я сказал Вам *не около, а наверно.* Итак, *наверно, к 1-му января 1848 г.*,

и, во-2-х, я попрошу Вас выдать мне деньги таким образом: 100 руб. сереб‹ром› 2-го числа октября 1847 г. и 50 р. сереб‹ром› теперь же, то есть с *моим* посланным.

Извините, Николай Алексеевич, что я переговариваюсь через письмо, а не лично, — как было бы нам удобнее. Я всё хотел прийти к Вам, уже совершенно кончив настоящие мои занятия. Но теперь, в настоящую минуту, я нахожусь в таком отврати-

тельном положении, что решил начать дело сейчас, об чем пишу Вам откровенно.

Выходить же не могу; ибо утром простудился и теперь, кажется, придется дня четыре сидеть дома.

Ваш весь Ф. Достоевский.

P. S. *Во всяком случае*, покорнейше Вас прошу дать ответ с моим посланным, ибо после он будет не нужен.

В‹аш› Д‹остоевский›.

На обороте:

Его высокоблагородию
Николаю Алексеевичу Некрасову.

76. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 сентября 1847. Петербург

9 сентября 1847.

Спешу отвечать на твое письмо, брат.[1] Ну уж как хочешь с семейством, как сам лучше рассчитываешь, но ты, относительно себя самого, уж ни за что не изменяй своей диспозиции. Ты боишься, что тебе не дадут отсрочки; но разве ты не можешь взять отпуска на 2, на 3 месяца? А если не можешь, то справься у окружного командира и просто попроси его, чтобы задержки в отсрочке не было. Ведь это если захотят прижать; но, я думаю, прижимать выходящего в отставку не будут. Только ты все-таки приезжай. Ты пишешь, что приедешь к 1-му октября; но в таком случае ты только 2-го сентября подашь в отпуск,[а] след‹овательно›, срок ему в 1/2 ноября, а в половине ноября может выйти твоя отставка.[2]

Ты говоришь, что покачивают головами; а я тебе говорю — не приходи в расстройство от этого. Пишешь, что и у меня первый блин комом. Но ведь это только теперь; погоди, брат, поправимся. А у нас ассоциация.[3] Невозможно, чтоб мы оба не выбились на дорогу; вздор! Вспомни, какие люди покачивают головами! Свое, что теперь получаешь, ты всегда получишь здесь в Петербурге, да еще не такой тяжелой работой. Буду сидеть на своей квартире и ждать тебя. Я теперь нездоров и кончаю повесть, чтоб напечатать ее в октябре месяце.[4] И потому тороплюсь.

Не пишешь, какого числа ты отправляешься в Ревель. Но всё равно; письмо мое, может быть, застанет тебя накануне отъезда. Как-то ты устроишь там семейство? 125 руб. сереб‹ром› мало денег. Я напишу к москвичам, но ты напиши тоже еще из Гельсингфорса и сам объяви, чтоб деньги высылались на мое имя.* Ясно, что Карепин сукин сын и подлец первой степени.[5]

а *Было:* в отставку

* Это непременно нужно (*приписка Достоевского*).

Приезжай, брат, скорее. В припадке страшной нужды я могу достать денег. Но знаешь ли, сколько мне нужно самому? По крайней мере 300 руб. сереб‹ром› к 1-му октября. Из этих денег 200 будут отданы за долги, а 100 истратятся на меня самого, и всё это, если еще будут деньги. На всякий случай я тебе напишу всё то, что я могу осуществить до 1-х чисел октября, если б предстояла крайняя надобность.

От Краевского	50 р. сереб ⟨ром⟩
От Некрасова	100 »
В одном месте	50 сереб ⟨ром⟩[6]
И продав право изд ⟨ания⟩ «Бедн ⟨ых⟩ люд ⟨ей⟩» . .	200 сереб ⟨ром⟩
	400 руб. сереб ⟨ром⟩.

Этот куш хороший, но он меня разорит, приняв в соображение продажу «Бедных людей».[7] Мне некогда издавать «Бедных людей». Но чрез одну типографию я надеюсь их напечатать без денег.[8] Если бы ты здесь случился, ты бы похлопотал об этом, и тогда мы бы всю зиму получали да получали. — Ты не дурно сделаешь, если приедешь как можно скорее. Скажу тебе, что, может быть, есть надежда, что работа, об которой я тебе писал прошлый раз, будет у тебя, если ты будешь в городе.[9] Кроме того, есть одно издание к Новому году, колоссальное, затеваемое с огромным капиталом, в котором тебе можно будет доставить много работы переводно-компиляционной. Кроме того, можно будет достать переводов у Краевского или у Некрасова, с которым я сойдусь для этого окончательно, чего он донельзя желает. Кроме того, есть еще одно издание к Новому году, да еще *одно*.[10] И все будут осуществлены.

Как жаль, что ты не доперевел театр Шиллера. Если б он был весь, его бы можно было продать.[11] Собери всё, что есть. На днях, когда я говорил Краевскому, что ты бы мог перевесть книгу для Географического общества (в прошлом письме) и что ты знаешь немецкий язык и перевел всего Шиллера, Краевский вдруг спросил необдуманно: А где его перевод? И потом вдруг замолчал, одумавшись. Хоть не в «Отечеств‹енные› записки», а Краевский мог бы содействовать приобретению.

Ну прощай, мой милый. Многого не написал, что хотел, ей богу некогда.

Твой весь Ф. Достоевский.

Поклон Эмилии Федоровне. Целуй детей.

Видишь ли, что значит ассоциация? Работай мы врозь, упадем, оробеем и обнищаем духом. А двое вместе для одной цели — тут другое дело. Тут бодрый человек, храбрость, любовь и вдвое больше сил.

Пиши обо всем как можно обстоятельнее. Внимательнее и точнее пиши мне о цифрах (денег, времени и т. д.).

1848

77. Е. П. МАЙКОВОЙ

14 мая 1848. Петербург

Милостивая государыня Евгения Петровна,

Спешу извиниться перед Вами; я чувствую, что оставил Вас вчера так сгоряча, что вышло неприлично, даже не откланявшись Вам и только после Вашего оклика вспомнив об этом. Я боюсь, чтоб Вы не подумали, что я был крут и (соглашаюсь) — груб с каким-нибудь странным намерением. Но я бежал по инстинкту, предчувствуя слабость натуры моей, которая не может не прорваться в крайних случаях и прорваться именно крайностями, *гиперболически*. Вы поймете меня: мне уже по слабонервной натуре моей трудно выдерживать и отвечать на двусмысленные вопросы, мне задаваемые, не беситься именно за то, что эти вопросы двусмысленные, беситься всего более на себя за то, что сам не умел так сделать, чтоб эти вопросы были прямые и не такие нетерпеливые; и наконец, в то же время трудно мне (сознаюсь в этом) сохранить хладнокровие, видя перед собой большинство, которое, как вспоминаю я, действовало против меня с таким же точно нетерпением, с каким и я действовал против него. Само собой разумеется, вышла суматоха, с обеих сторон полетели гиперболы, сознательные и наивные, и я инстинктивно обратился в бегство, боясь, чтоб эти гиперболы не приняли еще больших размеров...[1] Но посудите о всей слабости натуры такого человека, как я! — Я взял перо, чтоб извиниться просто и со всем смирением, а между тем начал писать свое оправдание по форме!.. Но действительно чувствуя, что я был крут, тяжел и досаден *Вам*, прибегаю ко всей Вашей терпимости и прошу извинения. Я [а] уверен, что Вы поймете всю назойливость мою с моими [б] извинениями: я слишком дорожу Вашим добрым мнением, поэтому так и опасаюсь потерять его. Может быть, это письмо и лишнее, может быть, я преувеличиваю по моей привычке, может быть, Вы с первой минуты извинили и не обвиняли меня; но этот излишний страх, эта робость за себя перед Вами покажут Вам,

---

а *Было:* Но я
б *Было:* со всеми <моими>

если позволите мне сказать, всю степень того сыновнего уважения, которое всегда чувствовал к Вам [2] —

Вам совершенно преданный

Ф. Достоевский.

14 мая 48.

На обороте:

Ее высокоблагородию
Евгении Петровне Майковой.
На углу Большой Морской
и Вознесенского проспекта,
в доме Калгина.

78. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

3 июня 1848. Парголово

Милостивый государь.

Письмо Ваше, через которое Вы изъявляете желание иметь *мой автограф*, получил я только *сегодня*.[1] Это случилось следующим образом.

Когда оно пришло ко мне в Парголово, я был в Петербурге. Человек мой получил письмо, положил ко мне на стол и забыл об нем, но так хорошо забыл, что только сегодня случайно отыскал я его у себя на столе под книгами.

Спешу исполнить Ваше желание и посылаю Вам немедленно листок из одного моего рассказа, нигде не напечатанного.[2]

С совершенным почтением имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою

Ф. Достоевский.

48. Июн<я> 3.

1849

79. А. А. КРАЕВСКОМУ

1 февраля 1849. Петербург

Милостивый государь Андрей Александрович.

Между нами вышло недоумение, да, кроме того, и я сам в большом недоумении с другой, частной стороны, более до меня касающейся. Оба эти недоумения нужно разъяснить немедленно и скоро, иначе никакого дела нельзя делать. Посудите сами.

Во-первых: два года назад я имел несчастие задолжать Вам большую сумму денег. Сумма эта, вместо того чтоб уменьшаться, возросла до невозможных пределов. Так как я прежде всего хочу расквитаться и заплатить, то нашел необходимым предложить меры решительные. Но прежде всего нужно сыскать причину, почему эта сумма не уменьшилась, а увеличивалась. Я уже давно сообразил и вышло, что от следующих причин:

1) Оттого, что я должен был писать и не получать ничего *регулярно*. То есть хотя я и получал *по временам* деньги, но это было *по временам*; а так как платить за свою жизнь нужно помесячно, то нужно было получать не по временам, а регулярно, напр‹имер›, хоть половину за то, что стоило написанное, а половина шла бы в уплату. Это конечно и было, но опять-таки *нерегулярно*.

2) Оттого, что я, чтоб исполнить слово и доставить к сроку, насиловал себя, писал, между прочим, такие дурные вещи или (в единственном числе) — такую дурную вещь, как «Хозяйка», тем впадал в недоумение и в самоумаление и долго потом не мог собраться написать серьезного и порядочного.[1] Каждый мой неуспех производил во мне болезнь.

3) Формально помешавшая мне болезнь, продолжавшаяся год и кончившаяся, как Вам известно, воспалением в мозгу.

4) Причина чисто нравственная, заставившая меня ненавидеть срочную работу, не приносившую мне даже насущного, и наконец, рабство, в котором я находился, конечно, самовольно. Эта причина важная. От самоумаления ли или не знаю от какой ложной деликатности я считал, что Вы, давая мне деньги, делали мне какое-то одолжение, тогда как здесь была чисто *услуга за услугу*. Первые деньги, которые я от Вас получил, не могли быть сочтены за одолжение, мне сделанное. Мы были очень мало друг с другом знакомы. Я, кажется, ничем не мог приобресть Вашего расположе-

ния, чтоб Вы могли, как Вы сами сказали в последний раз, — *рисковать* и дать мне, помнится, 400 руб. серебр<ом>. Наконец, еще соображение: я бы и не взял их даром. Следов<ательно>, тут было не одолжение; а уж если Вы и говорите, что *одолжение* (ибо Вы в предпоследний раз сказали мне это), — то позвольте уж и мне сказать: что даром деньги не даются, что Вы дали мне в надежде услуги, то есть работы моей, которая чего-нибудь тоже да стоила.

Знаю, Андрей Александрович, что я, между прочим, несколько раз посылая Вам записки с просьбой о деньгах, сам называл каждое исполнение просьбы моей *одолжением*. Но я был в припадках излишнего самоумаления и смирения от ложной деликатности. Я, н<а>прим<ер>, понимаю Буткова, который готов, получа 10 р. серебр<ом>, считать себя счастливейшим человеком в мире.[2] Это минутное, болезненное состояние, и я из него выжил.

Доказательство же, что я был в припадках излишней деликатности, следующее:

1) Чтоб отплатить Вам за одолжение, я несмотря на болезнь мою — написал дурную повесть и рискнул своею подписью, которая для меня — единственный капитал.[3]

Что я не обработывал достаточно моих произведений и писал к сроку, то есть согрешил против искусства.

Что я не щадил своего здоровья и делал мученические усилия, чтоб расквитаться.

Что я отвергнул предложение Некрасова, который давал мне 75 р. серебр<ом> за Ваш лист с предложением немедленно уплатить Вам весь долг деньгами.

И проч, проч., одним словом, очень много было подвигов, то есть я поступал очень честно.

Но несмотря на всё это, с 1-го января прошлого года сочинения мои чем далее, тем более хвалятся публикою. Это верно, и я это знаю.[a] То есть что же тут было такого, почему они, несмотря на падение мое в 47 году, несмотря на *авторитетные нападки* Белинского[4] и проч., начали читаться и выходить в люди? Ответ: что, стало быть, есть во мне столько таланту, что можно было преодолеть нищету, рабство, болезнь, азарт критики, торжественно хоронившей меня, и предубеждение публики. След<овательно>, если есть во мне талант действительно, то уж нужно им заняться серьезно, не рисковать с ним, отделывать произведения, а не ожесточать против себя своей совести и мучаться раскаянием, и наконец, щадить свое имя, то есть единственный капитал, который есть у меня.

Наконец:

Я очень хорошо знаю, Андрей Александрович, что напечатанная мною в январе 1-ая часть «Неточки Незвановой» произведение хорошее, так хорошее, что «Отечеств<енные> записки», ко-

---

а *Было:* Это я знаю очень хорошо.

нечно, *без стыда могут дать ему место.*[6] Я знаю, что это произведение серьезное. Говорю, наконец, это не я, а говорят все.

Портить его я не хочу:

И потому, сообразив недавний спор наш, я решаюсь предложить Вам следующее, хотите последовать моему предложению, всё будет очень хорошо. Нет, как Вам угодно. Но я поступаю, как мне будет выгоднее. Я поступаю, наконец, вследствие необходимости и вполне сознавая, что мое предложение в высшей степени умеренное и скромное.

Вот в чем дело:

У нас есть уговор, по которому я получаю 50 р. сереб<ром> каждый месяц — хороший уговор, ибо долг начал вдруг очень быстро уменьшаться с тех пор, как этот договор существует. Установился он на тех основаниях, что я твердо и решительно захотел уплатить Вам долг поскорее.

Я взял *minimum* для существования, то есть 50 р. сереб<ром>. На эти деньги с нуждою можно жить — но отнюдь не возиться с кредиторами и надобностями, отнюдь не обеспечивать себя от *непредвиденных неожиданностей.* Одним словом, это только *minimum.*

С другой стороны:

Так как я теперь пишу (и это возьмите в соображение) не для того, чтоб только тянуть свое существование, то есть не из-за одних денег.

2) Не для того, чтоб в «Отечест<венных> записках» была каждый месяц крупная печать в отделении Словесности.[5]

3) Не для того, одним словом, чтобы только писать что-нибудь для уплаты долга.

А потому:

что 1) я люблю мой роман, 2) что я знаю, что пишу вещь хорошую, такую, которая не принесет *риску*, а расположение читающих (я никогда не хвалюсь, позвольте уж теперь сказать правду, я вызван сказать это), 3) потому что, наконец, мне грешно портить свое произведение и что оно мне дороже даже самых «Отечеств<енных> записок».

То я, находясь в следующих обстоятельствах:

1) Будучи стеснен непредвиденным расходом.

2) Поставленный нашим последним расчетом в затруднительное положение.

3) Будучи должен, чтобы иметь сейчас одну сумму денег, начать писать повесть ровно в два листа в «С.-Петерб<ургские> ведомости», в «Библиот<еку> для чтения» или в «Современник».

4) Так как по этому случаю, принужденный отвлечься от романа постороннею работою, я не могу обделать его хорошенько (а я обделываю; доказательство — то, что я выбросил из 2-й части целых $1^1/_2$ печат<ных> листа вещей очень недурных, для круглоты

---

[6] *Вместо:* дать ему место — *было:* поместить

дела, то есть мараю и урезываю, а не пишу сплошь, что бы сделал человек, не дорожащий своим произведением).

5) Так как я не могу поместить в 3-й части менее 5 листов (то есть не могу поместить *3* или *2*, а целых *5* для полноты дела). — А приняв в соображение, что мне нужно сейчас сесть за постороннюю вещь и написать 2 листа для получения денег — и что я не могу написать 7 листов до 15 числа,[6] то я и решаюсь, то есть *вынужден необходимостью*, сделать Вам предложение следующее.

1) Обратив внимание на то, что мне не нарушать нашего контракта (о 50 р.) собственно потому, что это не регулярно, и надрываться в труде, который убьет слона — нельзя, да и неприлично,

2) что коль писать хорошую вещь, так писать,

3) что как уплачивать деньги, так уплачивать,

4) что я ни за что не соглашусь испортить моего романа и не возьму за это 1000 р. сереб‹ром› с листа,

5) ни за что не соглашусь раздробить его и не напечатать 5 листов (что нужно для круглоты дела),

6) что я никак не могу печатать не каждый месяц, по крайней мере шесть первых частей.

Предлагаю нарушить контракт для общей пользы следующим образом:

Я написал романа всего на 315 р. сереб‹ром›, получил в уплату 100 р. сереб‹ром›,

уплатил Вам

долгу 215 р. сереб‹ром›.

Но так как мне нужно *немедленно* 100 р. сереб‹ром› (minimum), то я прошу Вас выдать мне их. За это

к 15 числу Вы получите 5 листов,

то есть на 250 р. сереб‹ром›,

то есть отсчитав 100, взятые теперь, уплотится долгу 150 р. сереб‹ром› и всего, следственно, к 20-му февраля (по выходе из цензуры) будет уплаты на 365 руб. сереб‹ром›.

Я же:

чувствуя, что брать мне у вас деньги 1) невыгодно, 2-ое) после нашего последнего разговора неприлично, 3) что дурные и невыгодные сношения между нами кончиться могут только с уплатою долга,

4) что долг не уплотится, если не будет принято с обеих сторон благоразумных мер,

5) что я прежде всего желаю уплаты, а не забора денег и, взяв теперь 100 р., то есть, по-видимому, уменьшив Вашу выгоду, к 15-му увеличиваю ее чуть не втрое, то есть на 250 р. сереб‹ром› по крайней мере, и что это благоразумная мера,

6) что только подобный расчет побуждает меня сделать Вам подобное предложение теперь, после недавнего разговора, —

обязуюсь *серьезно*

не брать денег за 3-ю и 4-ю части, то есть в феврале и в марте.

Гарантия этому обещанию:

1) *мое честное слово,*

2) желание кончить роман, который для меня дороже всего, и сбыть с рук литературное рабство, которое для меня хуже всего,

3) что я, имея перед собой целый месяц, могу сыскать время для постороннего рассказа и зараб‹отать› 50 р. для марта месяца, не обращаясь к Вам.

В заключение прошу Вас:

обратить внимание на то, 1) что я говорю и действую серьезно, 2) что я всего более желаю остаться в наилучших отношениях к «Отечеств‹енным› запискам», 3) что я понимаю мое положение, 4) что я люблю мой роман и не испорчу его и 5) что я могу заработать ежемесячно не 50, а 100 р. и сверх того приготовить к осени «Неточку», издать ее и отдать Вам деньгами, 6) что, наконец, я так беден, что необходимостию вынужден делать то, что мне выгоднее. За сим честь имею пребыть Ваш

Ф. Достоевский.

1-е февраля.

P. S. Завтра буду иметь честь быть у Вас за ответом.

На обороте:

Его высокоблагородию
Андрею Александровичу Краевскому.

80. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

20 февраля 1849. Петербург

Любезнейший Андрей Михайлович,

Твоя записка застала меня при 2-х коп. серебром и в том же положении, как ты. А между тем мне бы ужасно хотелось помочь тебе, тем более, что замучили угрызения совести на счет моего долга. Ну, как быть? Постараюсь заехать к тебе в начале недели. Что достану, тем и поделюсь.[1] А теперь, милый мой, до свидания. Да не пей кофею, а также не ешь мяса или вообще чего-нибудь возбудительного и[a] вырабатывающего сильно кровь. Пожалуйста!

Твой весь Ф. Достоевский.

---

[a] *Было:* **или**

81. А. А. КРАЕВСКОМУ

25—26 марта 1849. Петербург

Милостивый государь Андрей Александрович.

Посылаю Вам конец 1-й главы. Всего будет, как и во 2-й части две, больших. 1-ую половину второй главы (которая теперь у меня переписывается дома) доставлю сегодня в типографию в 8 часов вечером. А остальную половину постараюсь аранжировать за ночь. Таким образом дело будет сделано.[1]

Андрей Александрович, я, перебиваясь $2^1/_2$ месяца после последнего получения денег, истощал совершенно. Единственно для поддержки моей минутной необходимости, отстраняя всякую мысль требовать чего-нибудь дальнейшего до известного срока, обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою не оставить меня без 10 р. сереб‹ром›, которые требовались еще вчера для уплаты моей хозяйке. Ибо срок моего переезда на квартиру был вчера, а я не платил уже два месяца. Эти десять рублей удовлетворят ее по крайней мере на минуту, и тем доставите мне необходимое спокойствие, свет и провизию, без которой нельзя написать ничего на свете.

Ради бога, не откажите, Андрей Александрович. Ваш покорный слуга

Ф. Достоевский.

82. А. А. КРАЕВСКОМУ

31 марта 1849. Петербург

Милостивый государь Андрей Александрович.

В письме Вашем Вы упомянули, что последний раз присылаете мне денег и что нужно все отписать, чтоб иметь право что-нибудь получить.[1]

Я так и хотел распорядиться. То есть доставить сперва 3-ю часть, которую полагал кончить к понедельнику. Затем сесть немедленно за 4-ю и пятую, которые назначил для мая месяца. Но сверх всех расчетов моих, кончил 3-ю часть к среде (вышло 3 с лишком листа), в 4-й будет около 4-х, 3+4=7, то есть 350 руб. сереб‹ром›, а отписано уже 100, след‹овательно›, от 450 до 500 р. сереб‹ром›. С 4-ой частью я надеюсь на быстроту отписывания (ибо Вы, вероятно, Андрей Александрович, признаетесь, что отдать 500 р. в несколько месяцев при 800 долгу, да еще жить сверх того, — успех порядочный), с третьей частью я располагал к Вам явиться в конце этой недели и просить Вас о помощи перед праздником, к 10-му же числу я хотел доставить 5-ю.

Теперь я сижу безостановочно над 4-й частию, несмотря на то, что едва кончил 3-ю, не даю себе ни крошки отдыху; ибо хочу (основываясь на Вашем обещании при Шидловском[2]) напечатать непременно 2 части в мае (то есть 4-ю и 5-ю). Я и теперь

рву волосы, что эпизод доставлен не весь, а разбит на 3 части. Ничего не кончено, а только возбуждено любопытство. А любопытство возбужденное в начале месяца, по-моему, уже не то, что в конце месяца; оно охлаждается, и самые лучшие сочинения теряют. Это всё равно, если бы я сцену с Покровским, лучшую в «Бедных людях», разбил на 2 части и томил публику месяц. Где впечатление? Оно исчезнет. Итак, вот насчет двух частей. Я сижу над 4-ю частию. И 4-ю и 5-ю доставлю своевременно не далее как к 15-му; ибо нужно еще доставить ответ «Современнику».[3] Но при этой работе примите в соображение следующее:

1) что если б я не брал денег теперь, то к маю было бы отписано всего на 650 р. сереб‹ром›. А если б я в этот промежуток получил от Вас 100 р., то было бы 550, итого за всю зиму отписанного и оставшегося долгу было бы 250 р.,

2) что я бы давно отписал всё, не только эту сумму, если б не работал на сторону.

Андрей Александрович, скажите, пожалуйста, неужели Вы в 4 года моей работы у Вас не заметили, что я никогда не могу отдать Вам моего долга, если мы всё будем находиться в такой системе забирания и отписывания ден‹ег›, в какой были доселе? Да посудите: возьмите в соображение нынешнюю зиму! Я работал как лошадь, и чем далее тем успешнее, так что и публике нравится, и я, несмотря на все мои соображения прошлой осени, не могу к маю отписать более 650 р. сереб‹ром›. Всё еще останусь должен. Отчего это произошло? Неужели неясно отчего, Андрей Александрович! А между тем я у Вас деньги брал. Много брал. Но вот Вам факт: взяв у Вас в последний раз 100 р. (2 месяца тому назад), я просидел целый месяц на изобретенье рассказа, который бы мне доставил еще 50 р. сереб‹ром›, ибо мне недостало Ваших 100, чтоб быть покойным. И так как я соображал изобретение повести с направлением и характером того издания, куда хотел тиснуть, то целый месяц думал и ничего не надумал, кроме мигреня и расстройства нервов, да 3-х великолепных сюжетов для трех больших романов. Будь у меня 50 р. сереб‹ром›, Вы бы получили в уплату 150 р. сереб‹ром› лишних.

Брав у Вас 100 р. последний раз, я клялся, что не буду больше брать вперед никогда. Но я рассчитывал без хозяина из Москвы.[4] Пришлют после праздника. А между тем *Праздник* — какое слово! Мне-то наплевать, а кредиторы только и ждут того, уж они осаждают толпами, ибо у них, несчастных, только и есть что 2 срока в году, в которые почти все отдают.

Послушайте, Андрей Александрович. Неужели Вы никогда не подумали, что я жил, жил и умер. Что будет тогда с моим долгом? У меня долгов столько, что московских денег и не хватило бы уплатить Ваш. Кончимте поскорее эту долговую систему и ‹пой›дем[a] в мирную задельную плату по святым срокам 1-х чисел.

---

[a] *Край листа надорван.*

К величайшему горю моему, если б я доработался до мозолей на руках, то физической возможности нет принести Вам к субботе 4-ую часть, а принесу к 7-му. А между тем мне нельзя будет писать. Меня измучили, ибо 7 лет кредиторства сделали меня раздражительным, и я кинусь на постороннюю работу, то есть принужден буду писать какую-нибудь сказку на сторону. Тут беда самая большая та, что энергия к нашему роману и охота продолжать перервутся посторонней работой опять на полмесяца, а может, и на месяц.

Андрей Александрович. Я явлюсь к Вам в эту субботу утром. Ради бога, отпустите меня с ста рублями, взяты‹ми› у Вас. Я возвращу Вам их, не скажу сторицею, а в 5 раз к 15-му числу апреля. И больше не буду брать никогда, а свидетель мой брат. Спросите его: московские деньги явятся в апреле непременно, и тогда я *естественно* не буду просить у Вас, а то, что теперь Вы мне в последний раз поможете, не забуду. *Напомните мне это когда-нибудь.* Увидите сами. Посудите: я весь пост ожидал с трепетом и замиранием страстной субботы по поводу кредиторов. Помните прошлого года, *пятница на страстной неделе.* Она мне до сих пор памятна. Тогда еще приезжало семейство брата из Ревеля. Теперь со мной будет холера, больше ничего. Где тут поэзия?

Ваш Ф. Достое‹вский›.

31 марта.

83. А. А. КРАЕВСКОМУ

Первая половина апреля 1849. Петербург

М‹илостивый› г‹осударь› Андрей Александрович,

У нас есть уговор, по которому я получаю 50 р. сереб‹ром› за каждый месяц, в который печатаюсь, или лучше за каждую часть. В последний раз уговор этот был несколько изменен: я взял 100 р. сереб‹ром› вперед за 2 части, именно за 3-ю и 4-ю. 3-я доставлена, 4-й еще нет. Если бы я доставлял части непрерывно, то есть если бы они были в марте и апреле, то в конце апреля, то есть по отцензуровании майской книжки, я получил бы эти 50 р. сереб‹ром›. То есть это было бы уже за 5-ю часть.

В нынешнем месяце, то есть на майскую книжку, по уговору, обещанию Вашему идут 2 части: 3-я и 4-я (которую доставлю к 15-му).[1] След‹овательно›, уже в конце мая за июньскую книжку получу я 50 р. сереб‹ром›.

Но вот что: 4-я часть будет у Вас к 15-му. Андрей Александр‹ович›, посудите: 100 р., взятые вперед, заработаны, мы на прежних основаниях. Я у Вас не прошу теперь вперед, а прошу вот чего: дайте мне 15 р. сереб‹ром› за 5-ю часть; теперь пойдет

непрерывно. Перед праздником я взял 10, и так — выйдет, что я возьму за 5-ю часть с этими 15-ю — 25 р. сереб<ром> и в мае получу, следовательно, 25, а не 50. Прошу Вас убедительнейше, сделайте мне это. Нынче время экстренное. Я борюсь с моими мелкими кредиторами, как Лаокоон со змеями;[2] теперь мне нужно 15, только 15. Эти 15 успокоят меня. У меня явится больше готовности и охоты писать, будьте уверены. Что Вам 15 руб.? А мне это будет много. Помилуйте, я всю неделю без гроша, хоть бы что-нибудь! Если б Вы только знали, до чего я доведен! Только стыдно писать, да и не нужно. Ведь это просто срам, Андрей Александрович, что такие бедные сотрудники в «От<ечественных> записках». Ну, задолжал и много: конечно, худо! Но ведь и отдача есть, и работа есть! Ведь кажется, что есть, Андрей Александрович.

Пришлите мне, ради бога, Андрей Александрович, корректурные листы 3-й части. Ужасно как нужно!

Ваш весь Ф. Достоевский.

На обороте:

Его высокоблагородию
Андрею Александровичу Краевскому.

84. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

20 июня 1849. Петербург, Петропавловская крепость

20 июня 49 года.

Любезный брат Андрей Михайлович,

Мне позволили, по просьбе моей, написать к тебе несколько строк, и я спешу тебя уведомить, что я, слава богу, здоров и хотя тоскую, но далек от уныния. Во всяком состоянии есть свои утешения. И потому обо мне не беспокойся. Уведомь меня, ради бога, о семействе брата, — что Эмилия Федоровна и дети? Расцелуй их за меня.[1]

У меня есть до тебя просьба: я терпел всё это время крайнюю нужду в деньгах и большие лишения. Ты, вероятно, не знал, что можно доставить мне какую-нибудь помощь, и потому молчал до сих пор. Не забудь же меня теперь. Я прошу тебя, если еще не кончено наше московское денежное дело, написать в Москву и просить Каренина выслать немедленно для меня, из суммы, которая мне следует, *двадцать пять рублей серебр<ом>*. Более мне покамест не нужно.

Если же кончено дело, то прислать всё, сколько есть на мою долю. Но я полагаю, что ты уже получил что-нибудь, и по рассчетам моим дело это уже должно прийти к концу.[2] Не забудь тоже и семейство брата и пиши в Москву для него.

Но в ожидании московских денег, если ты можешь, пришли мне 10 р. сереб‹ром›. Я их здесь занял; их нужно отдать. Этим очень обяжешь меня. Сделай же это. Пиши сестрам от меня поклон, скажи, что мне ничего, хорошо, и не пугай их. Передай поклон мой дяде и особенно тетке.[3] Смотри же не забудь об ней.

Еще есть просьба. Я не знаю, возможна ли она, то есть позволят ли это сделать, но по моим соображениям это возможно. Именно: у брата Михайлы есть билет на получение «Отечественных записок». Майский номер нынешнего года, должно быть, еще не взят. Попроси билет у Эмилии Федоровны, возьми для меня книгу и перешли мне ее. Там напечатана третья часть моего романа, но без меня, без моего надзора, так что я даже и корректур не видал. Я беспокоюсь: что-то они там напечатали и не исказили ли романа?[4] Так пришли мне этот том.[5] Всё это адресуй: В канцелярию его высокопревосходительства, г-на коменданта С.-П. Петр‹о›пав‹ловской› крепости или лучше явись сам.

То-то, я думаю, ты рад был, когда тебя выпустили после ошибочного арестования.[6] Прощай, желаю тебе всего самого лучшего. Пожелай и мне.

Твой брат Федор Достоевский.

На обороте:

Его благородию
Андрею Михайловичу Достоевскому.
В Строительном училище.
Архитектору.
На Обуховском проспекте.

85. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

18 июля 1849. Петербург. Петропавловская крепость

Я несказанно обрадовался, любезный брат, письму твоему. Получил я его 11 июля.[1] Наконец-то ты на свободе, и воображаю, какое счастье было для тебя увидеться с семьею.[2] То-то они, думаю, ждали тебя! Вижу, что ты уже начинаешь устраиваться по-новому. Чем-то ты теперь занят? и главное, чем ты живешь? Есть ли работа, и что именно ты работаешь?[3] Лето в городе — тяжело! Да к тому же ты говоришь, что взял другую квартиру и уже, вероятно, теснее. Жаль, что тебе нельзя кончить летнего времени за городом.[4]

Благодарю за посылки; они мне доставили большое облегчение и развлечение. Ты мне пишешь, любезный друг, чтоб я не унывал. Я и не унываю; конечно, скучно и тошно, да что ж делать! Впрочем, не всегда и скучно. Вообще мое время идет чрезвычайно неровно, — то слишком скоро, то тянется. Другой раз даже чувствуешь, как будто уже привык к такой жизни и что всё равно. Я, конечно, гоню все соблазны от воображения,

но другой раз с ним не справишься, и прежняя жизнь так и ломится в душу с прежними впечатлениями, и прошлое переживается снова. Да, впрочем, это в порядке вещей. Теперь ясные дни, большею частию по крайней мере, и немножко веселее стало. Но ненастные дни невыносимы, каземат смотрит суровее. У меня есть и занятия. Я времени даром не потерял, выдумал три повести и два романа; один из них пишу теперь,[5] но боюсь работать много.[6]

Эта работа, особенно если она делается с охотою (а я никогда не работал так con amore,* как теперь), всегда изнуряла меня, действуя на нервы. Когда я работал на свободе, мне нужно было беспрерывно прерывать себя развлечениями, а здесь[а] волнение после письма должно проходить само собою. Здоровье мое хорошо, разве только геморрой да расстройство нервов, которое идет crescendo. У меня по временам стало захватывать горло, как прежде, аппетит очень небольшой, а сон очень малый, да и то с сновидениями болезненными. Сплю я часов пять в сутки и раза по четыре в ночь просыпаюсь. Вот только это и тяжело. Всего тяжелее время, когда смеркается, а в 9 часов у нас уже темно. Я иногда не сплю до часу, до двух заполночь, так что часов пять темноты переносить очень тяжело. Это[б] более всего расстроивает здоровье.

О времени окончания нашего дела ничего сказать не могу, потому что всякий расчет потерял, а только веду календарь, в котором пассивно отмечаю ежедневно прошедший день — с плеч долой! Я здесь читал немного: два путешествия к св<ятым> местам и сочинения с<вятого> Димитрия Ростовского.[7] Последние меня очень заняли; но это чтение — капля в море, и какой-нибудь книге я бы, мне кажется, был до невероятности рад. Тем более что это будет даже целительно, затем, что перебьешь чужими мыслями свои или перестроишь свои по новому складу.

Вот все подробности[в] о моем житье-бытье; больше нет ничего. Рад очень, что нашел ты всё семейство свое здоровым. Писал ли ты в Москву о своем освобождении?[8] Жаль очень, что тамошнее дело не складывается. Как бы я желал хоть один день пробыть с вами. Вот уже скоро три месяца нашему заключению; что-то дальше будет. Может быть, и не увидишь зеленых листьев за это лето. Помнишь, как нас выводили иногда гулять в садик в мае месяце. Там тогда начиналась зелень, и мне припомнился Ревель, в котором я бывал у тебя к этому времени, и сад в Инженерном доме. Мне всё казалось тогда, что и ты сделаешь это сравнение, — так было грустно. Хотелось бы видеть и других кой-кого. С кем-то ты теперь видишься; все, должно быть,

---

а *Далее было начато:* когда в

б *Было:* [Вот это] Это то

в *Было:* Вот всё это

* с любовью (*итал.*).

за городом. Брат Андрей[г] непременно должен быть в городе; видел ли ты Николю? [9] Кланяйся им от меня. Перецелуй за меня детей, кланяйся жене, скажи ей, что очень тронут тем, что она меня помнит, и много обо мне не беспокойся. Я только и желаю, чтоб быть здоровым, а скука дело переходное, да и хорошее расположение духа зависит от одного меня. В человеке бездна тягучести и жизненности, и я, право, не думал, чтоб было столько, а теперь узнал по опыту. Ну, прощай! Вот два слова от меня и желаю, чтоб они[д] тебе доставили удовольствие.[е] Кланяйся всем, кого увидишь и кого я знал, не обойди никого. Я же обо всех припоминал. Что-то думают дети обо мне и любопытно знать, какие они делают обо мне предположения: куда, дескать, он делся! [10] Ну, прощай. Если можно будет, пришли мне «Отечеств‹енные› записки». Хоть что-нибудь да прочтешь. Напиши тоже два слова. Это меня чрезвычайно обрадует.

До свидания.

Твой брат Ф. Достоевский.

18 июля.

г *Далее было*: уже
д *Далее было:* теперь
е *Далее густо зачеркнута фраза.*

86. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

27 августа 1849. Петербург. Петропавловская крепость

27 августа 49.

Очень рад, что могу тебе отвечать, любезный брат, и поблагодарить тебя за присылку[а] книг. Особенно благодарен за «Отечест‹венные› записки».[1] Рад тоже, что ты здоров и что заключение не оставило никаких дурных следов для твоего здоровья. Но ты очень мало пишешь,[2] так что мои письма гораздо подробнее твоих. Но это в сторону; после поправишься.

Насчет себя ничего не могу сказать определенного. Всё та же неизвестность касательно окончания нашего дела. *Частная* жизнь моя по-прежнему однообразна. Но мне опять позволили гулять в саду, в котором почти семнадцать деревьев. И это для меня целое счастье. Кроме того, я теперь могу иметь свечу по вечерам, и вот другое счастье. Третье будет, если ты мне поскорее ответишь и пришлешь «Отечественные записки»; ибо я, в качестве иногороднего подписчика, жду их как эпохи, как соскучившийся помещик в провинции.[3] Хочешь мне прислать исторических сочинений.[4] Это будет превосходно. Но всего лучше, если б ты мне прислал Библию (оба Завета). Мне нужно. Но если возможно будет прислать, то пришли во французском пе-

---

а *Было:* посылку

реводе. А если к тому прибавишь и славянский, то всё это будет верхом совершенства.

О здоровье моем ничего не могу сказать хорошего. Вот уже целый месяц как я просто ем касторовое масло и тем только и пробиваюсь на свете. Геморрой мой ожесточился до последней степени, и я чувствую грудную боль, которой прежде никогда не бывало. Да к тому же, особенно к ночи, усиливается впечатлительность, по ночам длинные, безобразные сны, и сверх того, с недавнего времени, мне всё кажется, что подо мной колышется пол, и я в моей комнате сижу, словно в пароходной каюте. Из всего этого я заключаю, что нервы мои расстроиваются. Когда такое нервное время находило на меня прежде, то я пользовался им, чтоб писать, — всегда в таком состоянии напишешь лучше и больше, — но теперь воздерживаюсь, чтоб не доканать себя окончательно. У меня был промежуток недели в три, в который я ничего не писал; теперь опять начал.[5] Но всё это еще ничего; можно жить. Авось, успею поправиться.

Ты меня просто удивил, написав, что, по твоему мнению, московские ничего не знают об нашем приключении.[6] Я подумал, сообразил и вывел, что это никаким образом невозможно. Знают, наверно, и в молчании их я вижу совершенно другую причину.[7] Впрочем, этого и ожидать должно было. Дело ясное.

Как здоровье Эмилии Федоровны? Что это какое ей несчастие! Вот уже второе лето ей приходится так нестерпимо скучать! Прошлый год холера[8] и другие причины, а нынешний уж бог знает что! Право, брат, грешно впадать в апатию. Усиленная работа con amore — вот настоящее счастье. Работай, пиши, — чего лучше![9]

Ты пишешь, что литература хворает.[10] А тем не менее номера «Отечественных записок» по-прежнему пребогатые, конечно не по части беллетристики. Нет статьи, которая читалась бы без удовольствия. Отдел наук блестящий. Одно «Завоевание Перу» — целая «Илиада» и, право, не уступит прошлогодней «Завоевание Мехики». Что за нужда, что статья переводная![б] [11]

Прочел я с величайшим удовольствием вторую статью разбора «Одиссеи»; но эта вторая статья далеко хуже первой, Давыдова. Та была статья блистательная, особенно то место, где он опровергает Вольфа, написано с таким глубоким пониманием дела, с таким жаром, что этого трудно было и ожидать от такого старинного профессора.[в] Даже в этой статье он умел избежать педантизма, свойственного всем ученым вообще, а московским в особенности.[12]

Из всего этого ты можешь заключить, брат, что книги твои доставляют мне чрезвычайное удовольствие и что я благодарен тебе за них донельзя. Ну, прощай; желаю тебе всякого успеха.

б *Далее густо зачеркнуто несколько фраз.*

в *Вместо:* старинного профессора — *было:* ‹*нрзб.*› историка

Пиши поскорее. Весьма не худо бы ты сделал, если б написал москвичам о наших делах и формально спросил бы их, в каком состоянии дело о деревне?

Целуй всех детей. Я думаю, что в Летний-то сад их водят. Кланяйся Эмилии Федоровне[г] и всем, кого увидишь из знакомых. Ты пишешь, что хотел бы видеть меня... Когда-то это будет! Ну, до свидания.

Твой Федор Достоевский.

Напиши мне, кто такой г. (Вл. Ч.), помещающий свои статьи в «От‹ечественных› зап‹исках›». Да еще: кто автор разбора[д] стихотворений Шаховой в июньском номере «Отечеств‹енных› записок».[13] Узнай, если можно.

Между 10-м и 15-м сентября мои деньги, брат, выйдут. Если можно будет, помоги мне опять. Нужно немного. Есть у меня счет с Сорокиным за «Бед‹ных› людей», но позабыл сколько; впрочем, сумма крайне ничтожная. Он почти всё заплатил.

Ф. Достоевский.

г *Было:* жене
д *Было:* статьи

87. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

14 сентября 1849. Петербург. Петропавловская крепость

Письмо твое, люб‹езный› брат, книги (Шекспир, Библия, «Отеч‹ественные› записки») и деньги (10 р. сереб‹ром›) я получил и за всё это тебя благодарю.[1] Рад, что ты здоров. Я же всё по-прежнему. То же расстройство желудка и геморрой. Не знаю уж, когда это пройдет. Вот подходят теперь трудные осенние месяцы, а с ними моя ипохондрия. Теперь небо уж хмурится, а светлый клочок неба, видный из моего каземата, — гарантия для здоровья моего и для доброго расположения духа. Но всё же, покамест, я еще жив, здоров. А уж это для меня факт. И потому ты, пожалуйста, не думай обо мне чего-нибудь особенно дурного. Покамест всё хорошо относительно здоровья. Я ожидал гораздо худшего и теперь вижу, что жизненности во мне столько запасено, что и не вычерпаешь.

Еще раз благодарю за книги. Это всё хоть развлечение. Вот уже пять месяцев, без малого, как я живу своими средствами, то есть одной своей головой и больше ничем. Покамест еще машина не развинтилась и действует. Впрочем, вечное думанье и одно только думанье, безо всяких внешних впечатлений, чтоб возрождать и поддерживать думу, — тяжело! Я весь как будто под воздушным насосом, из[а] которого воздух вытягивают. Всё из

а *Было:* из-под

меня ушло в голову, а из головы в мысль, всё, решительно всё, и несмотря на то эта работа с каждым днем увеличивается. Книги хоть капля в море, но все-таки помогают. А собственная работа только, кажется, выжимает последние соки. Впрочем, я ей рад.

Перечитывал присланные тобою книги. Особенно благодарю за Шекспира. Как это ты догадался! В «Отечественных запис‹ках›» английский роман чрезвычайно хорош.[2] Но комедия Тургенева непозволительно плоха. Что это ему за несчастье? Неужели же ему так и суждено непременно испортить каждое произведение свое, превышающее объемом печатный лист? Я не узнал его в этой комедии. Никакой оригинальности: старая, торная дорога! Всё это было сказано до него и гораздо лучше его. Последняя сцена отзывается ребяческим бессилием. Кое-где мелькнет что-нибудь, но это что-нибудь хорошо только за неимением лучшего.[3] Что за прекрасная статья о банках! И как общепонятна![4]

Благодарю всех, которые обо мне помнят. Кланяйся Эмилии Федоровне, брату Андрею и целуй детей, которым особенно желаю здороветь. Уж не знаю, брат, как и когда мы увидимся! Прощай и не забывай меня, пожалуйста. Напиши мне хоть чрез две недели.

До свиданья.

Твой Ф. Достоевский.

14 сентяб‹ря› 49 год.

Пожалуйста же, будь обо мне покойнее. Если добудешь что-нибудь читать, то пришли.

88. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

22 декабря 1849. Петербург. Петропавловская крепость

Петропавловская крепость.
22 декабря.

Брат, любезный друг мой! всё решено! Я приговорен к 4-х-летним работам в крепости (кажется, Оренбургской) и потом в рядовые.[1] Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили[a] наш предсмертный туалет (белые рубахи).[2] Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, след‹овательно›, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел

---

[a] *Было:* одели

тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец ударили отбой,[б] привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры.[3] Один *Пальм* прощен. Его[в] тем же чином в армию.[4]

Сейчас мне сказали, любезный брат, что нам сегодня или завтра отправляться в поход. Я просил видеться с тобой. Но мне сказали, что это невозможно;[5] могу только я тебе написать это письмо, по которому поторопись и ты дать мне поскорее отзыв. Я боюсь, что тебе как-нибудь был известен наш приговор (к смерти). Из окон кареты, когда везли на Семен‹овский› плац, я видел бездну народа;[6] может быть, весть уже прошла и до тебя, и ты страдал за меня.[г] Теперь тебе будет легче за меня. Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да правда! та голова, которая создавала, жила высшею жизнию искусства, которая сознала и свыклась с возвышенными потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь! On voit le soleil! *[7]

Ну, прощай, брат! Обо мне не тужи! Теперь о распоряжениях материальных: книги (Библия осталась у меня) и несколько листков моей рукописи (чернового плана драмы и романа и оконченная повесть «Детская сказка»)[8] у меня отобраны и достанутся, по всей вероятности, тебе. Мое пальто и старое платье тоже оставляю, если пришлешь взять их. Теперь, брат, предстоит мне, может быть, далекий путь по этапу. Нужны деньги. Брат милый, коль получишь это письмо и если будет возможность достать сколько-нибудь денег,[д] то пришли тотчас же. Деньги мне теперь нужнее воздуха (по особенному обстоятельству). Пришли тоже несколько строк от себя. Потом, если получатся московские деньги, — похлопочи обо мне и не оставь меня... Ну вот и всё! Есть долги, но что с ними делать?!

Целуй жену свою и детей. Напоминай им обо мне; сделай так, чтоб они меня не забывали. Может быть, когда-нибудь увидимся мы? Брат, береги себя и семью, живи тихо и предвиденно. Думай о будущем детей твоих... Живи положительно.

б *Далее было:* и нам

в *Было:* Он

г *Вместо:* и до тебя ∾ за меня. — *было:* и ты узнал

д *Вместо:* сколько-нибудь денег — *было начато:* что ни‹будь›

* Видишь солнце! (*франц.*).

Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но вынесет ли тело: не знаю. Я отправляюсь нездоровый, у меня золотуха. Но авось-либо! Брат! Я уже переиспытал столько в жизни, что теперь меня мало что устрашит. Будь что будет! При первой возможности уведомлю тебя о себе.

Скажи Майковым мой прощальный и последний привет. Скажи, что я их всех благодарю за их постоянное участие к моей судьбе. Скажи несколько слов, как можно более теплых, что тебе самому сердце скажет, за меня, Евгении Петровне. Я ей желаю много счастия и с благодарным уважением всегда буду помнить о ней. Пожми руку Николаю Аполлонов‹ичу› и Аполлону Майкову; а затем и всем.

Отыщи Яновского. Пожми ему руку, поблагодари его. Наконец, всем, кто [e] обо мне не забыл. А кто забыл, так напомни. Поцелуй брата *Колю*. Напиши письмо брату *Андрею* и уведомь его обо мне. Напиши дяде и тетке. Это я прошу тебя от себя, и кланяйся им за меня. Напиши сестрам: им желаю счастья!

А может быть, и увидимся, брат. Береги себя, доживи, ради бога, до свидания со мной. Авось когда-нибудь обнимем друг друга и вспомним наше молодое, наше прежнее, золотое время, нашу молодость и надежды наши, которые я в это мгновение вырываю из сердца моего с кровью и хороню их.

Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, через 4-ре года будет возможно. Я перешлю тебе всё, что напишу, если что-нибудь напишу. Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках.

Пиши ко мне чаще, пиши подробнее, больше, обстоятельнее. Распространяйся в каждом письме о семейных подробностях, о мелочах, не забудь этого. Это даст мне надежду и жизнь. Если б ты знал, как оживляли меня здесь в каземате твои письма. Эти два месяца с половиной (последние), когда было запрещено переписываться, были для меня очень тяжелы. Я был нездоров. То, что ты мне не присылал по временам денег, измучило меня за тебя: знать, ты сам был в большой нужде! Еще раз поцелуй детей; их милые личики не выходят из моей головы. Ах! Кабы они были счастливы! Будь счастлив и ты, брат, будь счастлив!

Но не тужи, ради бога, не тужи обо мне! Знай, что я не уныл, помни, что надежда меня не покинула. Через четыре года будет облегчение судьбы. Я буду рядовой, — это уже не арестант, и имей в виду, что когда-нибудь я тебя обниму. Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслию, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу! [9]

Если кто обо мне дурно помнит, и если с кем я поссорился,

---

[e] *Было начато:* А затем и всем, кого

если в ком-нибудь произвел неприятное впечатление — скажи им, чтоб забыли об этом, если тебе удастся их встретить. Нет желчи и злобы в душе моей, хотелось бы так любить и обнять хоть кого-нибудь из прежних в это мгновение. Это отрада, я испытал ее сегодня, прощаясь с моими милыми перед смертию. Я думал в ту минуту, что весть о казни убьет тебя. Но теперь будь покоен, я еще живу и буду жить в будущем мыслию, что когда-нибудь обниму тебя. У меня только это теперь на уме.

Что-то ты делаешь? Что-то ты думал сегодня? Знаешь ли ты об нас? Как сегодня было холодно![10]

Ах, кабы мое письмо поскорее дошло до тебя. Иначе я месяца четыре буду без вести об тебе. Я видел пакеты, в которых[ж] ты присылал мне в последние два месяца деньги; адресс был написан твоей рукой, и я радовался, что ты был здоров.

Как оглянусь на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, — так кровью обливается сердце мое. Жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья. Si jeunesse savait!* Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, всё утешение мое.

Казематная жизнь уже достаточно убила во мне плотских потребностей, не совсем чистых; я мало берег себя прежде. Теперь уже лишения мне нипочем, и потому не пугайся, что меня убьет какая-нибудь материальная тягость. Этого быть не может. Ах! кабы здоровье!

Прощай, прощай, брат! Когда-то я тебе еще напишу! Получишь от меня сколько возможно подробнейший отчет о моем путешествии. Кабы только сохранить здоровье, а там и всё хорошо!

Ну прощай, прощай, брат! Крепко обнимаю тебя; крепко целую. Помни меня без боли в сердце. Не печалься, пожалуйста, не печалься обо мне! В следующем же письме напишу тебе, каково мне жить. Помни же, что я говорил тебе: рассчитай свою жизнь, не трать ее, устрой свою судьбу, думай о детях. — Ох, когда бы, когда бы тебя увидать! Прощай! Теперь отрываюсь от всего, что было мило; больно покидать его! Больно переломить себя надвое, перервать сердце пополам. Прощай! Прощай! Но я увижу тебя, я уверен, я надеюсь, не изменись, люби меня, не охлаждай свою память, и мысль о любви твоей будет мне лучшею частию жизни. Прощай, еще раз прощай! Все прощайте!

Твой брат Федор Достоевский.

ж *Далее было:* был

* Если бы молодость знала! (*франц.*).

22 декабря 49-го года.

У меня взяли при аресте несколько книг. Из них только две были запрещенные. Не достанешь ли ты для себя остальных? Но вот просьба: из этих книг одна[з] была «Сочинения Валериана Майкова», его критики — экземпляр Евгении Петровны. Она дала мне его как свою драгоценность.[11] При аресте[и] я просил жандармского офицера отдать ей эту книгу и дал ему адресс. Не знаю, возвратил ли он ей. Справься об этом! Я не хочу отнять у нее это воспоминание. Прощай, прощай еще раз.

Твой Ф. Достоевский.

Не знаю, пойду ли я по этапу или поеду. Кажется, поеду. Авось-либо!

Еще раз: пожми руку Эмилии Федоровне и целуй деток. — Поклонись Краевскому, может быть. . .

Напиши мне подробнее о твоем аресте, заключении и выходе на свободу.

На обороте:

Михайле Михайловичу Достоевскому.
На Невском проспекте,
против *Грязной улицы*,
в доме *Неслинда*.

з *Вместо:* из этих книг одна — *было:* там

и *Письмо в этом месте повреждено, несколько слов восполняется по первой публикации.*

1854

89. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

30 января—22 февраля 1854. Омск

Наконец-то я, кажется, могу поговорить с тобою попространнее и повернее.[1] Но прежде чем напишу строчку, спрошу тебя: скажи ты мне ради господа бога, почему ты мне до сих пор не написал ни одной строчки? [2] И мог ли я ожидать этого? Веришь ли, что в уединенном, замкнутом положении моем я несколько раз впадал в настоящее отчаяние, думая, что тебя нет и на свете, и тогда по целым ночам раздумывал, что было бы с твоими детьми, и клял мою долю, что не могу быть им полезным. Другой раз, когда я узнавал наверное, что ты жив,[3] меня брала даже злоба (но это было в болезненные часы, которых у меня было много), и я горько упрекал тебя. Но потом и это проходило; я извинял тебя, старался приискать все оправдания, успокаивался на лучших и ни разу не потерял в тебя веры: я знаю, что ты меня любишь и хорошо обо мне вспоминаешь. Я писал тебе письмо через наш штаб.[4] До тебя оно должно было дойти наверное, я ждал от тебя ответа и не получил. Да неужели же тебе запретили? Ведь это разрешено, и здесь все политические получают по нескольку писем в год. Дуров получал несколько раз, и много раз на запросы начальства о письмах разрешение писать их подтверждалось.[5] Кажется, я отгадал настоящую причину твоего молчания. Ты, по неподвижности своей, не ходил просить полицию или если и ходил,[a] то успокоился после первого отрицательного ответа, может быть, от такого человека, который и дела-то не знал хорошенько. Ты мне доставил этим много и эгоистического горя: «Вот, — подумал я, — если он и о письме не может выхлопотать, будет же он хлопотать об чем-нибудь важнее для меня! Пиши и отвечай скорее, а прежде всего пиши официально, не ожидая случая, и пиши подробнее и пространнее. Я теперь от вас как ломоть отрезанный, — и хотел бы прирасти, да не могу. Les absents ont toujours tort.* Неужели и между нами это должно случиться? Но не беспокойся, я в тебя верю.

Вот уже неделя как я вышел из каторги.[6] Это письмо посылается тебе в глубочайшем секрете,[7] и об нем никому ни пол-

---

[a] *В подлиннике ошибочно:* уходил

* Отсутствующие всегда неправы (*франц.*).

слова. Впрочем, я пошлю тебе письмо и официальное, через штаб Сибирского корпуса.[8] На официальное отвечай немедленно, а на это, при первом удобном случае. Впрочем, и в официальном ты должен изложить[б] самым подробным образом всё главное о себе за все эти 4 года. Что же касается до меня, то я бы рад был послать тебе целые томы. Но так как и на это письмо едва имею время, то и напишу главнейшее.

Что главнейшее? И что именно в последнее время было для меня главное? Как подумаешь,[в] так и выйдет, что ничего не упишу я тебе в этом письме. Ну как передать тебе мою голову, понятие, всё, что я прожил, в чем убедился и на чем остановился во всё это время. Я не берусь за это. Такой труд решительно невозможен. Я ни одного дела не люблю делать вполовину, а сказать что-нибудь ровнешенько ничего не значит. Впрочем, главная реляция перед тобой. Читай и выжимай, что хочешь. Я обязан это сделать и потому принимаюсь за воспоминания.

Помнишь ли, как мы расстались с тобой, милый мой, дорогой, возлюбленный мой?[9] Только что ты оставил меня, нас повели, троих: Дурова, Ястржембского и меня, заковывать. Ровно в 12 часов, то есть ровно в рождество, я первый раз надел кандалы. В них было фунтов 10 и ходить чрезвычайно неудобно.[10] Затем нас посадили в открытые сани, каждого особо, с жандармом, и на 4-х санях, фельдъегерь впереди, мы отправились из Петербурга. У меня было тяжело па сердце и как-то смутно, неопределенно от многих разнообразных ощущений. Сердце жило какой-то суетой и потому ныло и тосковало глухо. Но свежий воздух оживлял меня, и так как обыкновенно перед каждым новым шагом в жизни чувствуешь какую-то живость и бодрость, то я в сущности был очень спокоен и пристально глядел на Петербург, проезжая мимо празднично освещенных домов и прощаясь с каждым домом в особенности. Нас провезли мимо твоей квартиры, и у Краевского было большое освещение.[11] Ты сказал мне, что у него елка, что дети с Эмилией Федоровной отправились к нему,[г] и вот у этого дома мне стало жестоко грустно. Я как будто простился с детенками. Жаль их мне было, и потом, уже годы спустя, как много раз я вспоминал о них, чуть не со слезами на глазах. Нас везли на Ярославль, и потому к утру, после трех или 4-х станций, мы остановились чем свет в Шлиссельбурге в трактире. Мы налегли на чай, как будто целую неделю не ели. После 8-ми месяцев заключения мы так проголодались на 60 верстах зимней езды, что любо вспомнить. Мне было весело, Дуров болтал без умолку, а Ястржембскому виделить какие-то необыкновенные страхи в будущем. Все мы приглядывались и пробовали нашего фельдъегеря. Оказалось, что это был славный

б *Вместо:* ты должен изложить — *было:* излагай

в *Далее было начато:* да пора‹змыслишь›

г *Было:* туда

…к. Тын острога. Гравюра на дереве 1897 г.

старик, добрый и человеколюбивый до нас, как только можно представить, человек бывалый, бывший во всей Европе с депешами. Дорогой он нам сделал много добра. Его зовут Кузьма Прокофьевич Прокофьев. Между прочим, он нас пересадил в закрытые[д] сани, что нам было очень полезно, потому что морозы были ужасные. Другой день был праздничный, ямщики садились к нам в армяках серо-немецкого сукна с алыми кушаками, на улицах деревень ни души. Был чудеснейший зимний день. Нас везли пустырем, по Петербургской, Новгородской, Ярославской и т. д. Городишки редкие, не важные. Но мы выехали в праздничную пору, и потому везде было что есть и пить. Мы мерзли ужасно. Одеты мы были тепло, но просидеть, наприм‹ер›, часов 10, не выходя из кибитки, и сделать 5, 6 станков[12] было почти невыносимо. Я промерзал до сердца и едва мог[е] отогреться потом в теплых комнатах. Но, чудно: дорога поправила меня совершенно. В Пермской губернии мы выдержали одну ночь в сорок градусов. Этого тебе не рекомендую. Довольно неприятно. Грустная была минута переезда через Урал. Лошади и кибитки завязли в сугробах. Была метель. Мы вышли из повозок, это было ночью, и стоя ожидали, покамест вытащат повозки. Кругом снег, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней, назади всё прошедшее — грустно было, и меня прошибли слезы. По всей дороге на нас выбегали смотреть целыми деревнями и, несмотря на наши кандалы, на станциях брали с нас втридорога. Один Кузьма Прокофьич взял чуть ли не половину наших расходов на свой счет, взял насильно, и, таким образом, мы[ж] заплатили только по 15 руб. сереб‹ром› каждый за

[д] *Было начато:* в кры‹тые›
[е] *Далее было начато:* оттаить себ‹е›
[ж] *Далее было начато:* добровольно оплачивая вклад от

трату в дороге. 11-го января мы приехали в Тобольск,[13] и после представления начальству и обыска, где у нас отобрали все наши деньги, были отведены, я, Дуров и Ястржембский, в особую каморку,[з] прочие же, Спешнев и другие, приехавшие раньше нас, сидели в другом отделении, и мы всё время почти не видались друг с другом.[14] Хотелось бы мне очень подробнее поговорить о нашем шестидневном пребывании в Тобольске и о впечатлении, которое оно на меня оставило. Но здесь не место.[15] Скажу только, что участие, живейшая симпатия почти целым счастием наградили нас. Ссыльные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились об нас, как об родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас.[16] Я, поехавший налегке, не взявши даже своего платья, раскаялся в этом *‹нрзб.›*.[и] Мне даже прислали платья. Наконец мы выехали и через три дня приехали в Омск.[17] Еще в Тобольске я узнал о будущем непосредственном начальстве нашем. Комендант был человек очень порядочный,[18] но плац-майор Кривцов — каналья каких мало, мелкий варвар, сутяга, пьяница, всё, что только можно представить отвратительного.[19] Началось с того, что он нас обоих, меня и Дурова, обругал дураками за наше дело[20] и обещался при первом проступке наказывать нас телесно. Он уже года два был плац-майором и делал ужаснейшие несправедливости. Через 2 года он попал под суд.[21] Меня бог от него избавил. Он наезжал всегда пьяный (трезвым я его не видал), придирался к трезвому арестанту и драл его под предлогом, что тот пьян как стелька. Другой раз[к] при посещении ночью, за то, что человек спит не на правом боку, за то, что вскрикивает или бредит ночью, за всё, что только влезет в его пьяную голову. Вот с таким-то человеком надо было безвредно прожить, и этот-то человек писал рапорты и подавал аттестации об нас каждый месяц в Петербург. С каторжным народом я познакомился еще в Тобольске и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года. Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостию о нашем горе.[22] Они бы нас съели, если б им дали.[23] Впрочем, посуди, велика ли была защита, когда приходилось жить, пить-есть и спать с этими людьми несколько лет и когда даже некогда жаловаться, за бесчисленностию всевозможных оскорблений. «Вы дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего, наш брат стал»[24] — вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было

з *Было:* комнат‹у›

и *Три густо зачеркнутые позднее другими чернилами строки.*

к *Далее было начато:* под пред‹лого›м›

им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которого они не могли не понимать и уважали, и неподклонимостию их воле. Они всегда сознавали, что мы выше их. Понятия об нашем преступлении они не имели. Мы об этом молчали сами, и потому друг друга не понимали, так что нам пришлось выдержать всё мщение и преследование, которым они живут и дышат, к дворянскому сословию. Жить нам было очень худо. Военная каторга тяжеле гражданской.[25] Все четыре года я прожил безвыходно в остроге, за стенами, и выходил только на работу. Работа доставалась тяжелая, конечно не всегда, и я, случалось, выбивался из сил, в ненастье, в мокроту, в слякоть или зимою в нестерпимую стужу. Раз я провел часа четыре на экстренной работе, когда ртуть замерзла и было, может быть, градусов 40 морозу. Я ознобил себе ногу. Жили мы в куче, все вместе, в одной казарме. Вообрази себе старое, ветхое, деревянное здание, которое давно уже положено сломать и которое уже не может служить. Летом духота нестерпимая, зимою холод невыносимый. Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать. Маленькие окна заиндевели, так что в целый день почти нельзя читать. На стеклах на вершок льду. С потолков капель — всё сквозное. Нас как сельдей в бочонке. Затопят шестью поленами печку, тепла нет (в комнате лед едва оттаивал [л]), а угар нестерпимый — и вот вся зима. Тут же в казарме арестанты моют белье и всю маленькую казарму заплескают водою. Поворотиться негде. Выйти за нуждой уже нельзя с сумерек до рассвета, ибо казармы запираются и ставится в сенях ушат, и потому духота нестерпимая. Все каторжные воняют как свиньи и говорят, что нельзя не делать свинства, дескать, «живой человек». Спали мы на голых нарах, позволялась одна подушка. Укрывались коротенькими полушубками, и ноги всегда всю ночь голые. Всю ночь дрогнешь. Блох, и вшей, и тараканов четвериками. Зимою мы одеты в полушубках, часто сквернейших, которые почти не греют, а на ногах сапоги с короткими голяшками — изволь ходить по морозу. Есть давали нам хлеба и щи, в которых полагалось $1/4$ фунта говядины на человека; но говядину кладут рубленую, и я ее никогда не видал. По праздникам каша почти совсем без масла. В пост капуста с водой и почти ничего больше. Я расстроил желудок нестерпимо и был несколько раз болен. Суди, можно ли было жить без денег, и если б не было денег, я бы непременно помер, и никто, никакой арестант, такой жизни не вынес бы. Но всякий что-нибудь работает, продает и имеет копейку. Я пил чай и ел иногда свой кусок говядины, и это меня спасало. Не курить табаку тоже нельзя было, ибо можно было задохнуться в такой духоте. Всё это делалось украдкой. Я часто лежал больной в госпитале.[26] От

л *Было начато:* отмер‹зал›

расстройства нервов у меня случилась падучая, но, впрочем, бывает редко.[27] Еще есть у меня ревматизмы в ногах. Кроме этого, я чувствую себя довольно здорово. Прибавь ко всем этим приятностям почти невозможность иметь книгу, что достанешь, то читать украдкой,[28] вечную вражду и ссору кругом себя, брань, крик, шум, гам, всегда под конвоем, никогда один, и это четыре года без перемены, — право, можно простить, если скажешь, что было худо. Кроме того, всегда висящая на носу ответственность, кандалы и полное стеснение духа, и вот образ моего житья-бытья.[29] Что сделалось с моей душой, с моими верованиями, с моим умом и сердцем в эти четыре года — не скажу тебе. Долго рассказывать. Но вечное сосредоточение в самом себе, куда я убегал от горькой действительности, принесло свои плоды. У меня теперь много потребностей и надежд таких, об которых я и не думал. Но это всё загадки, и потому мимо. Одно: не забудь меня и помогай мне. Мне нужно книг и денег. Присылай ради Христа.

Омск гадкий городишка. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видал.[30] Городишка грязный, военный и развратный в высшей степени. Я говорю про черный народ. Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К. И. И‹вано›в был мне как брат родной. Он сделал для меня всё что мог. Я должен ему деньги. Если он будет в Петербурге, благодари его.[м] [31] Я должен ему рублей 25 серебром. Но чем заплатить за это радушие, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, внимание и заботливость как о родном брате. И не один он! Брат, на свете очень много благородных людей.

Я уже писал, что твое молчание иногда меня мучило. Спасибо за присылку денег. С первым же письмом (хотя бы и официальным, ибо не знаю еще, могу ли тебе передавать теперь известия), с первым же письмом пиши мне подробнее обо всех твоих обстоятельствах, об Эмилии Федоровне,[н] детях, обо всех родных и знакомых, об московских, кто жив, кто умер, о твоей торговле; напиши, на какой капитал ты стал торговать,[32] выгодно ли, есть ли у тебя что-нибудь, и наконец, можешь ли ты мне помогать деньгами и сколько ты в состоянии мне пересылать ежегодно. Но денег не посылай в официальном письме, разве если я найду тебе другого адресса. Покамест пересылай от *Михайла Петровича* (понимаешь).[33] Но у меня еще есть деньги; зато книг нет. Если можешь, пришли мне журналы на этот год, хоть «Отечеств‹енных› записок». Но вот что необходимо: мне надо (крайне нужно) историков древних (во французск‹ом› переводе) и новых,* экономистов и отцов церкви. Выбирай дешевейшие и

м *Было:* заплати ем‹у›
н *Было:* об жене
* Vico, Гизо, Тьери, Тьера, Ранке, и т. д. и т. д. (*примеч. Достоевского*).

компактные издания. Пришли немедленно.[34] Я командирован в Семипалатинск, почти в киргизскую степь. Адресс я тебе вышлю. Во всяком случае вот° он: в *Семипалатинск, Сибирского линейного № 7 батальона рядовому*. Это официальный адресс. На этот присылай письма. Но для книг я вышлю другой. А покамест пиши от Михайла Петровича. Знай только, что самая первая книга, которая мне нужна, — это немецкий лексикон.[35]

Не знаю, что ждет меня в Семипалатинске. Я довольно равнодушен к этой судьбе. Но вот к чему не равнодушен: хлопочи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мне через год, через 2 на Кавказ, — все-таки Россия! Это мое пламенное желание, проси ради Христа![36] Брат, не забывай меня! Вот я пишу к тебе и распоряжаюсь всем, даже состоянием твоим. Но у меня вера в тебя не погасла. Ты мой брат и любил меня. Мне нужно денег. *Мне надо жить, брат. Не бесплодно пройдут эти годы.* Мне нужно денег и книг. Что истратишь на меня — не пропадет. Ты не ограбишь своих детей, если дашь мне. Если только буду жив, то им с лихвой возвращу. Ведь позволят же мне печатать лет через шесть, а может, и раньше. Ведь много может перемениться, а я теперь вздору не напишу. Услышишь обо мне.

Мы увидимся, брат, очень скоро. Я верю в это как в дважды два. На душе моей ясно. Вся будущность моя и всё, что я сделаю, у меня как перед глазами. Я доволен своею жизнию. Одного только можно опасаться: людей и произвола. Попадешь к начальнику, который невзлюбит (такие есть), придерется и погубит или загубит службой, а я так слабосилен, что, конечно, не в состоянии нести всю тягость солдатства. «Там все люди простые», — говорят мне в ободрение. Да простого-то человека я боюсь более, чем сложного. Впрочем, люди везде люди. И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. И не один, не два, а несколько. Иных нельзя не уважать, другие решительно прекрасны. Я учил одного молодого черкеса (присланного в каторгу за разбой) русскому языку и грамоте.[37] Какою же благодарностию окружил он меня! Другой каторжный заплакал, расставаясь со мной.[38] Я ему давал денег — да много ли? Но за это благодарность его была беспредельна. А между тем характер мой испортился; я был с ними капризен, нетерпелив. Они уважали состояние моего духа и переносили всё безропотно. A propos.* Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойник<ов> и вообще всего черного, горемычного быта! На целые томы достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно.

° *Далее было начато:* одн<н>

* Кстати (*франц.*).

Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его. Но это мое маленькое самолюбие! Надеюсь простительно.[39]

Брат! Пиши мне непременно о всех главных обстоятельствах твоей жизни. Адресуй в *Семипалатинск официально*, и *не* официально, как уже знаешь. Пиши обо всех наших знакомых петербургских, пиши об литературе (поболее частностей) и, наконец, об московских. Что брат Коля? Что (и это главное), что сестрица Сашенька? Жив ли дядя?[40] Что брат Андрей? К тетке я пишу через сестрицу Верочку по случаю.[41] Письмо это втайне. Ради бога, это письмо мое держи в тайне и даже сожги: не компрометируй людей. Не забудь же меня книгами, любезный друг. Главное: историков, экономистов, «Отечеств‹енные› записки», отцов церкви и историю церкви. Перешли в разное время, но пересылай немедленно. Я распоряжаюсь в твоем кармане, как в своем, но это оттого, что я не знаю твоих денежных обстоятельств. Напиши мне об этих обстоятельствах что-нибудь точное, чтоб я имел понятие. Но знай, брат, что книги — это жизнь, пища моя, моя будущность! Не оставь же меня, ради господа бога. Пожалуйста! Спроси разрешения, можно ли будет тебе послать мне книг официально. Впрочем, осторожнее. Если можно официально, то высылай. Если ж нет, то через брата К‹онстантина› И‹ванови›ча, на его же имя; мне перешлют. Впрочем, К‹онстантин› И‹ванови›ч будет сам в Петербурге — в этом году; он тебе всё расскажет. Что за семейство у него! Какая жена! Это молодая дама, дочь декабриста Анненкова, что за сердце, что за душа, и сколько они вытерпели!

Я постараюсь тебе найти другой адресс из Семипалатинска, куда я отправлюсь через неделю. Я еще немного нездоров и потому на некоторое время задержан. Пришли мне Коран, «Critique de raison pure»* Канта и если как-нибудь[п] в состоянии мне переслать не официально, то пришли непременно *Гегеля*, в особенности Гегелеву «Историю философии».[42] С этим вся моя будущность соединена! Но, ради бога, старайся и проси об моем переводе на Кавказ, да наведайся у людей знающих, можно ли мне будет печатать и как об этом просить. Я попрошу года через два или три. Вот до тех-то пор корми меня, пожалуйста. Без денег меня задавит солдатство. Смотри же! Не поможет ли мне хоть чем-нибудь другая родня, хоть на первый раз? В таком случае, пусть деньги дают тебе, а ты уж мне пересылай. Впрочем, я в письмах к Верочке и к тетке у них не прошу. Догадаются сами, если сердце велит.[43]

Филиппов, уезжая в Севастополь,[44] подарил мне 25 руб. серебр‹ом›. Он оставил их у коменданта Набокова, так что и я не знал. Он думал, что у меня не будет денег. Добрая душа. Все

[п] *Было начато:* когда-нпб‹удь›

* Критику чистого разума» (*франц.*).

наши ссыльные живут помаленьку. Тол<л>ь кончил каторгу, он в Томске и живет порядочно.[45] Ястржембский в Таре кончает.[46] Спешнев в Иркутской губернии, приобрел всеобщую любовь и уважение. Чудная судьба этого человека! Где и как он ни явится, люди самые непосредственные, самые непроходимые окружают его тотчас же благоговением и уважением.[47] Петрашевский по-прежнему без здравого смысла.[48] Момбелли и Львов здоровы, а Григорьев, бедный, совсем помешался и в больнице.[49] А что-то у вас? Видишься ли ты с m-me Плещеевой, что сын? От проходящих арестантов я слышал, что он в Орской крепости и живет,[50] а Головинский давно на Кавказе.[51] Как ты с литературой и в литературе? Пишешь ли что-нибудь? Что Краевский и в каких вы отношениях? Островский мне не нравится,[52] Писемского я совсем не читал,[53] от Дружинина тошнит,[54] Евгения Тур привела меня в восторг.[55] Крестовский тоже нравится.[56]

Много бы хотелось мне написать тебе; но времени так прошло много, что я даже в затруднении с этим письмом. Но ведь не может же быть, чтобы мы много оба изменились друг к другу. Расцелуй детей. Помнят ли они дядю Федю? Всем знакомым поклон; но письмо это в глубоком секрете. Прощай, прощай, дорогой мой! Услышишь обо мне и, может быть, увидишь меня. Да увидимся же непременно! Прощай. Прочти хорошенько всё, что я тебе пишу. Пиши ко мне чаще (хоть официально). Обнимаю тебя и всех твоих бессчетно раз.

Твой.

P. S. Получил ли ты мою «Детскую сказку», которую я написал в равелине? Если у тебя, то не распоряжайся ею и не показывай ее никому.[57] Кто такой Чернов, написавший «Двойник» в 50 году? [58] Да, пришли мне, пожалуйста, сигар, не важных, но американских и папирос, только непременно с сюрпризом.

22-го числа февраля.

Завтра, кажется, я наверно еду в Семипалатинск. К<онстантин> И<ванович> будет здесь до мая. Я думаю, что ты можешь, если захочешь мне что-нибудь переслать — книг н<а>пример, прислать еще на прежнее имя Михайла Петровича.

На Семипалатинск я, может быть, дам тебе другой адрес (не официальный). Официально же пиши мне непременно, как можно скорее и чаще. Ради бога, похлопочи за меня. Нельзя ли мне на Кавказ или куда-нибудь вон из Сибири? Теперь буду писать романы и драмы, да много еще, очень много надо читать. Не забывай же меня и еще раз прощай. Перецелуй детей. Твой. До свидания.

90. Н. Д. ФОНВИЗИНОЙ

Конец января—20-е числа февраля 1854. Омск

Наконец, добрейшая Н‹аталия› Д‹митриевна›, я пишу Вам, уже выйдя из прежнего места. Последний раз, как я писал Вам,[1] я был болен и душою и телом. Тоска меня ела, и я думаю, что написал[а] пребестолковое письмо. Эта долгая, тяжелая физически и нравственно, бесцветная жизнь сломила меня. Мне всегда грустно писать в подобные минуты письма; а навязывать в такое время свою тоску другим, хотя бы очень расположенным к нам, я думаю, малодушие. Это письмо я посылаю по оказии и радрадехонек, что могу этот раз поговорить с вами;[б] тем более, что я назначен в Семипалатинск в 7-й батальон, и потому уже не знаю, каким образом можно будет писать к Вам и получать от Вас письма. Вы еще давно писали мне о моем брате.[2] Тогда я уже приготовил и письмо к Вам и к брату,[в] но остерегся посылать, да, кажется, хорошо сделал. Я читал все Ваши адрессы в письме к С‹ергею› Д‹урову›[3] и возьму их на всякий случай. Они, может быть, и надежны, но последнее письмо Ваше дошло вскрытое, и потому надо сильно остерегаться. Лучше же, если Вы захотите мне сделать счастье писать ко мне, то адресуйтесь к моему брату в Петербурге, или, может быть (не наверно только), он сам лично увидит Вас, или, наконец, пришлет к Вам доверенного человека. Брат мой теперь торгует, и потому, я думаю, адресс его найти нетрудно, напр‹имер›, в публикациях. Я сам адресса его не знаю. Впрочем, и Вам не советую полагаться на почту. Но так как, надо полагать, между Москвой и Петербургом ездят же Вам знакомые лица, то лучше всего доставить ему письмо ко мне по такой оказии. Таким образом, я буду иметь дело только с братом, и лучше всего в подобных случаях иметь одно сношение, чем два. Оно безопаснее. Впрочем, если найдете совершенно безвредную возможность писать ко мне другим путем, то, конечно, и это будет прекрасно, даже лучше, затем, что я еще сам не знаю, каким образом буду я писать к брату. Я потому только так располагаю на него, что уж с ним-то непременно завяжу переписку. К тому же Вы живете в Марьине, а это обыкновенный путь из Москвы в нашу деревушку в Тульской губернии.[4] Я раз 20 проезжал этой дорогой взад и вперед и потому могу представить себе ясно место Вашего убежища или, лучше сказать, Вашего нового заключения. С каким удовольствием я читаю письма Ваши, драгоценнейшая Н‹аталья› Д‹митриевна›! Вы превосходно пишете их, или, лучше сказать, письма Ваши идут прямо из Вашего доброго, человеко-

---

а *Далее было:* Вам
б *Далее было:* затем
в *Далее было:* в Вашем же письме.

любивого сердца легко и без натяжки. Есть натуры замкнутые и желчные, которые редко застают у себя добрую минуту экспансивности. Я знаю таких. И между тем это вовсе недурные люди, даже очень напротив.

Не знаю, но по вашему письму я угадываю,[г] что Вы с грустию нашли опять родину. Я понимаю это; я несколько раз думал, что если вернусь когда-нибудь на родину, то встречу в моих впечатлениях более страдания, чем отрады. Я не жил Вашею жизнию и не знаю многого в ней, как и всякий человек в жизни другого, но человеческое чувство в нас всеобще, и, кажется, при возврате на родину всякому изгнаннику приходится переживать вновь, в сознании и воспоминании, всё свое прошедшее горе. Это похоже на весы, на которых свесишь и узнаешь точно настоящий вес всего того, что выстрадал, перенес, потерял и что у нас отняли добрые люди. Но дай Вам бог еще долгих дней! Я слышал от многих, что Вы очень религиозны, Н<аталья> Д<митриевна>.[5] Не потому, что Вы религиозны,[д] но потому, что сам пережил[е] и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как «трава иссохшая»,[6] веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастье яснеет истина. Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпа<ти>чнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной.[7]

Но об этом лучше перестать говорить. Впрочем, не знаю, почему некоторые предметы разговора совершенно изгнаны из употребления в обществе, а если и заговорят как-нибудь, то других как будто коробит?[8] Но мимо об этом. Я слышал, Вы куда-то хотите ехать на юг?[9] Дай Вам бог выпросить позволение. Но когда же, скажите, пожалуйста, когда же мы будем совсем свободны или по крайней мере так, как другие люди? Уж не тогда ли, когда совсем не надо будет свободы? Что касается до меня, то я желаю лучше всего или уж ничего. В солдатской шинели я такой же пленник, как и прежде. И как я рад, что

[г] *Было:* вижу
[д] *Далее было: а.* говорю *б.* скажу Вам
[е] *Было:* чувствую

в душе моей нахожу еще надолго терпения, что благ земных не желаю[ж] и что мне надо только книг,[з] возможности писать и быть каждодневно несколько часов одному. О последнем я очень беспокоюсь. Вот уже очень скоро пять лет, как я под конвоем или в толпе людей, и ни одного часу не был один. Быть одному — это потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником. Общество людей сделается ядом и заразой, и вот от этого-то нестерпимого мучения я терпел более всего в эти четыре года.[10] Были и у меня такие минуты, когда я ненавидел всякого встречного, правого и виноватого, и смотрел на них, как на воров, которые крали у меня мою жизнь безнаказанно. Самое несносное несчастье это когда делаешься сам несправедлив, зол, гадок, сознаешь всё это, упрекаешь себя даже — и не можешь себя пересилить. Я это испытал. Я уверен, что бог Вас избавил от этого. Я думаю, в Вас, как в женщине, гораздо более было силы переносить и прощать.

Напишите мне что-нибудь, Н<аталья> Д<митриевна>. Я еду в глушь, в Азию, и уж там-то, в Семипалатинске, кажется, совершенно оставит меня всё прошлое, все впечатления и воспоминания мои, потому что последние люди, которых я любил и которые были передо мной, как тень моего прошедшего, должны будут расстаться со мной. Ужасно я сживчив, тотчас срастусь с тем, чем окружат меня, и с болью потом отрываюсь от этого. Живите, Н<аталья> Д<митриевна>. Живите счастливее и дольше! Когда мы увидимся, тогда вновь познакомимся, и, может быть, еще много счастливых дней будет на каждом из нас. Я в каком-то ожидании чего-то; я как будто всё еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени должно случиться что-нибудь решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то и что будет что-нибудь, может быть тихое и ясное, может быть грозное, но во всяком случае неизбежное. Иначе жизнь моя будет жизнь манкированная. А может быть, это всё больные бредни мои! Прощайте, прощайте, Н<аталья> Д<митриевна>, или лучше сказать до свидания, будем верить, что до свидания!

Ваш Д<остоевский>.

Ради господа бога, простите меня за то, что я пишу Вам такие неопрятные и перемаранные письма! Но, ей-богу, не могу не перечеркивать. Не сердитесь же, пожалуйста.

ж *Далее было:* быть богатым

з *Далее было:* позволение

91. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

27 марта 1854. Семипалатинск

27 марта 54.

Спешу тебя уведомить, дорогой друг мой, что письмо твое, с посылкою 50 руб. сереб‹ром›, я получил, за что сердечно благодарю тебя.[1] Я было хотел тотчас же и отвечать тебе, но пропустил одну почту.[2] Виноват, не взыщи. Надеюсь, бесценный мой, что ты теперь будешь мне писать чаще. Знай, что письма твои для меня настоящий праздник, и потому не ленись. Мы же так долго друг другу ничего не писали! Но неужели ты не мог писать ко мне? Это для меня очень странно и горько. Может быть, ты не просил разрешения сам; а письма разрешены. Это я знаю наверно. Впрочем, теперь ты не будешь обо мне забывать, не правда ли?

Пишешь ты мне о своих домашних; за это спасибо. Не проходит недели, чтоб вы все мне во сне не снились. Как я рад, что все мои прежние, Федя, Маша и Миша, живы и здоровы.[3] Очень порадовался я за брата Колю.[4] Поцелуй его за меня. Я его очень люблю. Я так и думал, что брат Андрей должен был жениться.[5] Это я давно уже сам про себя угадал. Если будешь писать ему, то кланяйся от меня. Об сестрах ты ничего не пишешь, и это для меня очень странно. Я писал тебе, недели три назад, письмо, которое ты, может быть, уже получил. В нем есть письмо к сестре Вареньке.[6] Передай непременно и поскорее. Мне очень интересно знать об них, особливо об Саше.[7] Наконец, я хочу непременно знать что-нибудь и об тетеньке.[8] Напиши мне об них. Ты этим обяжешь меня. Адресовал я к тебе в дом Неслинда, на старую квартиру. Конечно, дойдет, но все-таки я не знаю, живешь ли ты там, и потому это письмо адресую в дом Логинова, где твое заведение, об чем узнал по объявлениям.[9]

Я чрезвычайно рад тому, что ты принялся за дело. У тебя семья; состояние тебе необходимо; наживай его. Усиль деятельность, если можно. Одним словом, не покидай того, что начал.

Ты поздравляешь меня с выходом из каторги и сетуешь о том, что по слабости здоровья я не могу проситься в действующую армию. Но на здоровье я бы не посмотрел. Дело не в том. Но имею ли я право проситься? Перевод в действующую армию есть высочайшая милость и зависит от воли самого государя императора. Поэтому сам проситься я не могу. Если б только от меня это зависило! [10]

Покамест я занимаюсь службой, хожу на ученье и припоминаю старое.[11] Здоровье мое довольно хорошо, и в эти два месяца много поправилось; вот что значит выйти из тесноты, духоты и тяжкой неволи. Климат здесь довольно здоров. Здесь уже начало киргизской степи. Город довольно большой и людный. Азиатов

множество. Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни деревца — чистая степь. В нескольких верстах от города бор, на многие десятки, а может быть, и сотни верст. Здесь всё ель, сосна да ветла, других деревьев нету. Дичи тьма. Порядочно торгуют, но европейские предметы так дороги, что приступу пет. Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того.[12]

А теперь попрошу у тебя книг. Пришли мне, брат. Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски). Наконец, Коран и немецкий лексикон. Конечно, не всё вдруг, а что только можешь.[13] Пришли мне тоже физику Писарева[14] и какую-нибудь физиологию (хоть на французском, если на русском дорого). Издания выбирай дешевейшие и компактные. Не всё вдруг, помаленьку. Я и за малое поклонюсь тебе. Пойми, как нужна мне эта духовная пища! Впрочем, нечего тебе говорить. Прощай, дорогой мой! Пиши почаще. Ради бога, не забывай твоего

Ф. Достоевского.

92. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

30 июля 1854. Семипалатинск

Семипалатинск. Июля 30/54 года.

Вот уже два месяца, как не писал я к тебе,[1] любезный друг и брат мой. Нельзя было, почти невозможно. Но скажи мне, отчего ты молчишь?[2] Сколько писем уже послал я тебе! Ты же, кроме своего январского письма, отвечал мне только на одно, на первое. Этот ответ, то есть второе письмо твое, писанное в апреле,[3] я получил в начале июня и до сих пор не отвечал тебе на него. Уверяю тебя, дорогой мой, что почти совсем не было времени до самой настоящей минуты. Наконец, если и было хоть сколько-нибудь свободных минут, то я нарочно откладывал до времени более удобного, всё ожидая, что оно скоро придет. Мне же не хотелось бы писать тебе урывками и наскоро. Конечно, ты знаешь или, наконец, можешь угадать, чем я теперь занят. Ученье, смотры бригадного и дивизионного командиров и приготовления к ним. Приехал я сюда в марте месяце. Фрунтовой службы почти не знал ничего и между тем в июле месяце стоял на смотру наряду с другими и знал свое дело не хуже других. Как я уставал и чего это мне стоило — другой вопрос; но мною довольны, и слава богу! Конечно всё это для тебя не очень интересно; но по крайней мере ты знаешь, чем я был исключительно занят. Что ни пиши, однако же, на письме,

однако же никогда ничего не расскажешь. Как ни чуждо всё это тебе, но, я думаю, ты поймешь, что солдатство не шутка, что солдатская жизнь со всеми обязанностями солдата не совсем-то легка для человека с таким здоровьем и с такой отвычкой или, лучше сказать, с таким полным ничегонезнанием в подобных занятиях. Чтоб приобрести этот навык, надо много трудов. Я не ропщу; это мой крест, и я его заслужил. Я пишу это только для того, чтобы вынудить от тебя хоть несколько строк, без которых мне, право, тяжело жить на свете. Сообрази, наконец, что если на каждое письмо ждать друг от друга ответа и без того не писать, то ведь промежутки будут, пожалуй, месяца по три. Каково же переносить всё это! Ты знаешь, что значит для меня письмо от тебя. Неужели же мы будем с тобою считаться письмами, как визитами. И так уж давно не видались, и так уж давно ничего не писали друг другу!

От сестер Вареньки и Верочки я получил наконец письма.[4] Какие ангелы! Я уверен, что они меня так же любят, как говорят. Как мило написала Варенька. Вся душа в этом прекрасном письме. Я думал им отвечать с первой же почтой, но вот уже третью откладываю. Очень был занят, а маленького письма им писать не хочу. Я не знаю, чем показать им мою любовь и внимание. Да благословит их бог! Теперь ты знаешь мои главнейшие занятия. По правде, более не было никаких, кроме служебных. Внешних событий, переворотов жизненных, экстренных случаев, тоже никаких. А душу, сердце, ум — что выросло, что созрело, что завяло, что выбросилось вон, вместе с плевелами, того не передашь и не расскажешь на клочке бумаги. Живу я здесь уединенно; от людей по обыкновению прячусь. К тому же я пять лет был под конвоем, и потому мне величайшее наслаждение очутиться иногда одному. Вообще каторга много вывела из меня и много привила ко мне. Я, например, уже писал тебе о моей болезни. Странные припадки, похожие на падучую и, однако ж, не падучая. Когда-нибудь напишу о ней подробнее.

Впрочем, сделай одолжение и не подозревай, что я такой же меланхолик и такой же мнительный, как был в Петербурге в последние годы. Всё совершенно прошло, как рукой сняло. Впрочем, всё от бога и у бога. Благодарю брата Колю за приписку. Я было хотел и сам написать ему, но пусть до времени подождет и извинит меня, горемычного. В одном пусть будет уверен, что он очень мил и близок моему сердцу и что я вспоминаю о нем с горячим чувством. Расцелуй его за меня и пожелай ему всего хорошего. Расцелуй тоже детей. Поклонись от меня Эмилии Федоровне. Я иногда с ужасом вспоминаю об 49 годе и об тех двух месяцах, которые она провела одна, тогда как ты был арестован.[5] Здорова ли, довольна ли она теперь? В каторге я так много промечтал и продумал о прошедшем и будущем, и, главное, об вас всех. Иные воспоминания мне больны и горьки, но я не гоню их. Мне и горькое сладко.

Поклонись от меня сестре Сашеньке; поцелуй и поздравь ее от меня.[6] Здорова ли она теперь? Поцелуй ее от меня и скажи ей обо мне что-нибудь хорошее. Вообще рекомендуй меня. Пожелай ей от меня много, много всякого счастья.

Милый мой, ты пишешь мне о деньгах и спрашиваешь, надо ли мне? Но ты сам знаешь мое положение. Можешь прислать, так пришли. Ведь ты моя главная надежда. Так, как на тебя, я ни на кого не надеюсь.

Прощай, мой милый! Пиши побольше о себе. Пиши мне непременно о своем здоровье и более подробностей о том, как воспитываются твои дети. Прощай, друг мой, вот и письмо кончено, а что написал? Грустно жить в письмах, не видавшись 5 лет. Теперь буду писать и больше и чаще. Но сам отвечай мне как можно скорее. Прощай, до свидания.

Твой брат Федор Достоевский.

93. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

6 ноября 1854. Семипалатинск

Семипалатинск. Ноября 6-го 1854.

Любезнейший и дорогой брат Андрей Михайлович,

Письмо твое, бесценный мой, от 14-го сентября, получил я только в конце октября,[1] пропустил одну почту и теперь спешу отвечать тебе. Во-первых, благодарю тебя за твой привет и за то, что не забыл меня, горемычного. Ты не поверишь, до какой степени обрадовало меня письмо твое! Никто-то не забыл обо мне из всей нашей семьи! Все до одного писали ко мне, все до одного берут во мне самое искреннее, братское участие, а мне, отвыкшему от всего ласкового, приветливого и родственного, всё это было целым счастием. Вот уже скоро 10 месяцев, как я вышел из каторги и начал мою новую жизнь. А те 4 года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу. Что за ужасное было это время, не в силах я рассказать тебе, друг мой. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготела как камень у меня на душе. Во все 4 года не было мгновения, в которое бы я не чувствовал, что я в каторге. Но что рассказывать! Даже если бы я написал к тебе 100 листов, то и тогда ты не имел бы понятия о тогдашней жизни моей. Это нужно, по крайней мере, видеть самому, — я уже не говорю испытать. Но это время прошло, и теперь оно сзади меня, как тяжелый сон, так же как выход из каторги представлялся мне прежде, как светлое пробуждение и воскресение в новую жизнь.[2] Всё это время я не имел обо всех вас ни весточки. Я был как ломоть отрезанный. Выйдя из каторги, я

вскоре получил письмо от Михайлы Михайловича, моего верного брата, друга и благодетеля.[3] После того, в скором времени, обрадовали меня сестры.[4] Из этих писем узнал я всё о каждом из нашего семейства, и об тебе, милый друг. Наконец, вот пишешь и ты, а вместе с тем и любезнейшая сестрица Домника Ивановна удостоила меня своим милым приветствием.[5] Ради бога, любезный брат, не сердись на меня, что не я первый написал тебе. Я, впрочем, написал бы непременно. Но в новой жизни моей встретилось столько новых забот и хлопот, что, право, я до сих пор едва успел оглядеться! Поступил я, согласно с конфирмациею,[6] в 7-й Линейный батальон. Тут началась для меня новая забота: служба. Здоровье и силы мои помогали мне мало. Вышел я из каторги решительно больной. А между тем надо было заняться фрунтом, учением, смотрами. Всё лето я был так занят, что едва находил время спать. Но теперь немного привык. Здоровье мое тоже стало получше. И, не теряя надежды, смотрю я вперед довольно бодро. Но довольно обо мне; поговорим о другом, более интересном.

Во-первых, я рад несказанно, что ты, судя по всему, счастлив. Поздравляю тебя с женитьбой, хотя уже срок минул 4-х-летний.[7] Я всегда и прежде считал, что нет ничего выше на свете счастья семейного. Искренно желаю тебе его без конца. Твоя доля тихая, скромная, но верная, а это прекрасно. Тяжело пробивать дорогу вкривь и вкось, направо и налево, как было со мной во всю жизнь мою. Пишут о брате Николе очень много хорошего,[8] да и сам он приписывает мне аккуратно в каждом письме. С братом Мих<аилом> Михайловичем переписываемся мы, как только можем, но письма мои ходят в Россию медленно, ровно два месяца, поэтому и теперешнее письмо мое ты получишь, дорогой мой, разве что к рождеству. Не писал я только к одной сестрице Сашеньке, хотя приписываю ей поклоны в братниных письмах. Она ко мне не писала, а мне как-то щекотливо. Не подумали бы, что я заискиваю из выгод, будучи в положении, во всяком случае бедном. Я не об ней говорю, а об ее муже, которого еще не знаю. Но я, впрочем, напишу, а всё это последнее пусть будет между нами. Прощай, дорогой мой, пиши чаще; благодарю тебя, не забывай меня. А я об вас всех никогда не забуду.

Любящий тебя брат Ф. Достоевский.

Прошу убедительнейше и не откладывая поцеловать за меня моих дорогих и, конечно, премиленьких племянниц Евочку и Машеньку.

94. Д. И. ДОСТОЕВСКОЙ

6 ноября 1854. Семипалатинск

Любезнейшая сестрица Домника Ивановна!

Ваше милое, родственное письмо, в котором Вы прямо называете меня именем Вашего брата, доставило мне неизъяснимое наслаждение.[1] Через него я узнал, что у меня есть еще сестра, есть еще сердце, любящее и сострадающее, которое не отказало мне в привете и участии. Мне вдвойне это было приятно. Приятно было узнать такую сестру и видеть ее женою моего дорогого брата. Но что-то странное есть в этом обмене чувств и мыслей между нами. Знать, что мы с Вами никогда не сойдемся, никогда не увидимся, — разве чудо вмешается в судьбу мою и бог сделает его наконец для меня, — знать это, и как, скажите, как не почувствовать тоски хоть по родине и по всему, что в ней мило, тоски, которая омрачает светлое чувство, посещающее меня при перечитывании письма Вашего? Дай Вам бог всякого счастья и радости. Желаю Вам этого как брат; ибо Вы уже милы и близки мне как сестра. Еще раз благодарю Вас за Ваше письмо. Любите меня, как я Вас люблю, и не забывайте

преданного Вам душою брата Ф. Достоевского.

1855

95. Е. И. ЯКУШКИНУ

15 апреля 1855, Семипалатинск

Апреля 15.

Благодарю Вас, многоуважаемый Евгений Иванович, за Вашу память обо мне и за Ваше ко мне внимание.[1] Я неожиданно, к моему счастью, нашел в Вас как будто родного. Еще раз благодарю. О себе скажу, что живу я большею частию одними надеждами, а настоящее мое не очень красиво. К тому же примешалось и дурное здоровье. Мой товарищ Д‹уров› вышел из военной службы и, как я слышал, определен в Омск к статским занятиям.[2] (Всё это по болезни).

Пушкина я получил. Очень благодарю Вас за него.[3] Брат мой писал мне, что он еще весною прошлого года послал мне через Вас некоторые книги, как н‹а›прим‹ер›, святых отцов, древних историков, и из вещей — ящик сигар. Но я ничего не получил от Вас. Теперь уведомьте, пожалуйста: посылали ли Вы ко мне? Если посылали, то пропало дорогой. Если не посылали, то, конечно, сами не получали.[4] Сделайте одолжение, уведомьте об этом брата.

Мои занятия здесь самые неопределенные. Хотелось бы делать систематически. Но я и читаю и пописываю какими-то порывами и урывками. Времени нет, особенно теперь; совсем нет. Пишете Вы о сборе песен. С большим удовольствием постараюсь, если что найду. Но вряд ли. Впрочем, постараюсь. Сам же я до сих пор ничего не собирал подобного. Меня останавливала мысль, что если делать, то делать хорошо. А случайно сбирать, хоть бы народные песни, — ничего не сберешь.[5] Без усилий ничего не дается. К тому же занятия мои теперь другого рода. Сколько нужно прочесть, и как я отстал! Вообще в моей жизни безалаберщина.

Уведомьте, ради бога, кто такая *Ольга Н.*[6] и *Л. Т.* (напечатавший «Отрочество» в «Современнике»)?[7]

Прощайте, дорогой Евгений Иванович. Не забывайте меня, а я Вас никогда не забуду.

Ваш Д‹остоевский›.

Прилагаю при сем письмо к К. И. Иванову.[8] Перешлите, пожалуйста, в Петербург, в дом Лисицына, у Спаса Преображения. Но, вероятно, адресс Вы сами знаете.

96. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

14 мая 1855. Семипалатинск

Семипалатинск. 14 мая 1855.

Любезный брат и дорогой мой друг!

Письмо твое от 26 января и 21 марта[1] я наконец получил и благодарю тебя за него и за посылку от всей души. Пришло оно кстати, но я должен сознаться — и, ради бога, не сердись на меня за это сознание, — что я почти перестал надеяться получить от тебя письмо, хоть когда-нибудь. Шутка ли! С 3-го октября, от которого ты писал ко мне в предпоследний раз,[2] до сих пор ничего, ни одной строки! Чего, чего я ни надумался! Во-первых, твое здоровье: я думал, я совершенно уверен был, что ты или тяжко болен или умер. Ты знаешь, как я мнителен. Как же я мучился!

Но, к счастью, перед весной попались газеты с твоими объявлениями. Тогда другие мысли замучили меня. Именно: каково-то идут твои дела торговые? Стало быть, думаю про себя, худо, когда или оторваться от них не может, или написать об них не хочет. Заметь себе, милый мой, что ни разу я не подумал, что ты оттого не пишешь, что я надоел тебе и что письма ко мне пишутся тобою так, из какого-то приличия. Ни разу не усумнился я в твоем прекрасном сердце. Я писал сестре Вареньке,[3] которая тоже уже очень долго не пишет ко мне (а остальные совсем перестали писать), что ты меня, верно, забыл и что это мне было очень тяжело. Но эти слова вырвались из сердца от горечи, и ты не сердись на них; мне было очень тяжело. Очень рад, что твои дела кое-как удаются. Не покидай их, друг мой. Это единственная надежда твоя и семьи твоей. Всегда с наслаждением читаю твои рассказы о семействе. Как я рад за детей твоих! Я их так люблю, как будто никогда не покидал. Верить не хочу, чтоб Маша не была хорошенькая. Это невозможно. В других письмах пиши мне побольше про Москву. Как я рад, что ты с ними сошелся и хорошо принят у дяди и тетки.[4] Знаешь что, напиши мне подробно обо всем их быте (то есть об дяде), что они и как? Тоже познакомь меня с нашими новыми родственниками, с Голеновским, с Ивановым, подробнее. Я очень мало слышал от тебя об них особенного и подробного.

Что тебе сказать о моем житье? Живу день за день и более ничего. Здоровье не совсем хорошо и потому жизнь не совсем красна. Разные припадки не оставляют меня, и хоть через большие промежутки, но все же очень неприятны. Теперь занимаюсь службой. Не сердись, ради бога, что пишу о себе так мало!

Как здоровье Эмилии Федоровны? Дай бог ей всего лучшего. Скажи, брат, всю-то жизнь я был на твоем содержании, был

тебе должен. Что за судьба! Спасибо тебе, спасибо, что не оставляешь меня; а без тебя что бы я был!

Прощай, родной мой. Люби меня, как я тебя люблю.

Твой Ф. Достоевский.

97. М. Д. ИСАЕВОЙ

4 июня 1855. Семипалатинск

Семипалатинск. 4 июня 55.

Благодарю Вас беспредельно за Ваше милое письмо с дороги, дорогой и незабвенный друг мой, Марья Дмитриевна. Надеюсь, что Вы и Александр Иванович позволите мне называть вас обоих именем друзей. Ведь друзьями же мы были здесь, надеюсь ими и останемся. Неужели разлука нас переменит? [1] Нет, судя по тому, как мне тяжело без вас, моих милых друзей, я сужу и по силе моей привязанности... Представьте себе: это уже второе письмо, что я пишу к Вам. Еще к прошедшей почте был у меня приготовлен ответ на Ваше доброе, задушевное письмо, дорогая Марья Дмитриевна.[2] Но оно не пошло. Александр Егорыч, через которого я был намерен отдать его на почту, вдруг уехал в Змиев,[3] в прошлую субботу, так что я даже и не знал о его отъезде и только узнал в воскресение. Человек его тоже исчез [4] на два дня и письмо осталось у меня в кармане. Такое горе! Пишу теперь, а еще не знаю, отправится ль и это письмо. Ал‹ександра› Ег‹оровича› еще нет. Но за ним послали нарочного. К нам с часу на час ждут генерал-губернатора,[5] который в эту минуту, может быть, и приехал.[a] Слышно, что пробудет здесь дней пять. Но довольно об этом. Как-то Вы приехали в Кузнецк, и, и чего боже сохрани, не случилось ли с Вами чего дорогою? Вы писали, что Вы расстроены и даже больны. Я до сих пор за Вас в ужаснейшем страхе. Сколько хлопот, сколько неизбежных неприятностей, хотя бы от одного перемещения, а тут еще и болезнь, да как это вынести! Только об Вас и думаю. К тому же, Вы знаете, я мнителен; можете судить об моем беспокойстве. Боже мой! да достойна ли Вас эта участь, эти хлопоты, эти дрязги, Вас, которая может служить украшением всякого общества! Распроклятая судьба! Жду с нетерпением Вашего письма. Ах, кабы было с этою почтою; ходил справляться, но Ал‹ександра› Ег‹оровича› всё еще нет. Вы пишете, как я провожу время и что не знаете, как расположились без Вас мои часы. Вот уж две недели, как я не знаю, куда деваться от грусти. Если б Вы знали, до какой степени осиротел я здесь один! [6] Право, это время похоже на то, как меня первый раз арестовали

---

[a] *Вместо:* который в эту минуту ∾ и приехал — *было:* и в эту минуту, может быть, он уже и приехал.

в сорок девятом году и схоронили в тюрьме, оторвав от всего родного и милого. Я так к Вам привык. На наше знакомство я никогда не смотрел, как на обыкновенное, а теперь, лишившись Вас, о многом догадался по опыту. Я пять лет жил без людей, один, не имея в полном смысле никого, перед кем бы мог излить свое сердце. Вы же приняли меня как родного. Я припоминаю, что я у Вас был как у себя дома. Александр Иванович за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставлял я Вам моим тяжелым характером, а вы оба любили меня. Ведь я это понимаю и чувствую, ведь не без сердца ж я. Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, Вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни. Мужчина, самый лучший, в иные минуты, с позволения сказать, ни более, ни менее, как дубина. Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта, об которой мы не имеем понятия и которой, по глупости своей, часто не замечаем, незаменимо. Я всё это нашел в Вас; родная сестра не была бы до меня и до моих недостатков добрее и мягче Вас. Потому что если и были вспышки между нами, то, во-первых, я был неблагодарная свинья, а, во-вторых, Вы (са́ми) больны, раздражены, обижены, обижены уже тем, что не ценило Вас поганое общество, не понимало, а с Вашей энергией нельзя не возмущаться несправедливостью; это благородно и честно. Вот основание Вашего характера; но горе и жизнь, конечно, много преувеличили, много раздражили в Вас; но боже мой! всё это выкупалось с лихвою, сторицею. А так как я не всегда глуп, то я это видел и ценил. Одним словом, я не мог не привязаться к Вашему дому всею душою, как к родному месту. Я вас обоих никогда не забуду, и вечно вам буду благодарен. Потому что я уверен, что вы оба не понимаете, что вы для меня сделали и до какой степени такие люди, как вы, были мне необходимы. Это надо испытать и только тогда поймешь. Если б вас не было, я бы, может быть, одеревянел окончательно, а теперь я опять человек. Но довольно; этого не расскажешь, особенно на письме. Письмо уже потому проклятое, что напоминает разлуку, а мне всё ее напоминает. По вечерам, в сумерки, в те часы, когда, бывало, отправляюсь к вам, находит такая тоска, что, будь я слезлив, я бы плакал, а Вы верно бы надо мной не посмеялись за это. Сердце мое всегда было такого свойства, что прирастает к тому, что мило, так что надо потом отрывать и кровенить его. Живу я теперь совсем один, деваться мне совершенно некуда; мне здесь всё надоело. Такая пустота! Один Ал<ександр> Егорыч, но с ним мне уже потому тяжело, что я поневоле сравниваю Вас с ним, и, конечно, результат выходит известный. Да к тому же его и нет дома. Без него я ходил раза два в Казакова сад,[7] куда он переехал, и так было грустно. Как вспомню прошлое лето, как

вспомню, что Вы, бедненькая, всё лето желали проехаться куда-нибудь за город, хоть воздухом подышать, и не могли, то так станет Вас жалко, так станет грустно за Вас. А помните, как один раз нам-таки удалось побывать в Казаковом саду, Вы, Алек‹сандр› Иван‹ович›, я, Елена.[8] Как свежо я всё припомнил, придя теперь в сад. Там ничего не изменилось и скамейка, на которой мы сидели, та же... И так стало грустно. Вы пишете, чтоб я жил с Врангелем, но я не хочу, по многим важным причинам. 1) *Деньги.* С ним живя я, очевидно, должен буду больше тратить: квартира, прислуга, стол, а мне тяжело было бы жить на его счет. 2) Мой характер. 3) Его характер. 4) Я как поглядел, к нему-таки часто таскается народ, и даже помногу. Исключить себя из компании иногда невозможно, а я терпеть не могу незнакомых лиц. Наконец, я люблю быть один, я привык, а привычка вторая натура. Но довольно. Я еще почти ничего Вам не рассказал. Проводив вас до леса и расставшись с вами у той сосны (которую я заметил), мы возвратились с Врангелем рука в руку (он вел свою лошадь) до гостеприимного хутора Пешехоновых. Тут-то я почувствовал, что осиротел совершенно. Сначала еще было видно ваш тарантас, потом слышно, а, наконец, всё исчезло. Сев на дрожки, мы говорили об вас, об том, как-то вы доедете, об Вас в особенности, и тут, к слову, Врангель расска‹за›л мне кой-что, меня очень порадовавшее. Именно в самый день отъезда, утром, когда Петр Михайлович[9] приглашал Врангеля куда-то на весь вечер, он отговорился и на вопрос: почему? отвечал: провожаю Исаевых. Тут были кое-кто. П‹етр› М‹ихайлович› тотчас осведомился: стало — дескать, Вы коротко знакомы? Врангель резко отвечал: что хоть знакомство это недавнее, но все-таки это был один из приятнейших для него домов и что хозяйка этого дома, то есть Вы, такая женщина, какой он с Петербурга еще не встречал, да и не надеется более встретить, такая, «каких Вы, — прибавил он, — может быть, и не видывали и с которой знакомство я считаю себе за величайшую честь».[10] Этот рассказ мне очень понравился. Человек, который бесспорно видал женщин самого лучшего общества (ибо в нем и родился), имеет, кажется, право в таком суждении на авторитет. В этих разговорах и ругая Пешехоновых, мы приехали в город почти на рассвете, и кучер, которому предварительно не дали приказания, привез прямо к моей квартире. Таким образом пропал предполагаемый чай, чему я был очень рад, затем что ужасно хотелось остаться одному. Дома я еще долго не спал, ходил по комнате, смотрел на занимающуюся зарю и припоминал весь этот год, прошедший для меня так незаметно, припомнил всё, всё, и грустно мне стало, когда раздумался о судьбе своей. С тех пор я скитаюсь без цели, настоящий Вечный Жид.[11] Почти нигде не бываю. Надоело. Был у Гриненки, который командирован на Копал[12] и на днях выходит (он будет и в Верном[13]), был у Медера, который находит,

что я похудел, у Жунечки[14] (поздравлял с именинами), где встретил Пешехоновых и поговорил с ними, бываю у Белихова[15] и, наконец, хожу в лагерь на учение. Иногда хвораю. С каким нетерпением я ждал татар-извозчиков. Ходил-ходил к Ордынскому, и каждый вечер Сивочка[16] бегал справляться. Заходил на вашу квартиру, взял плющ (он теперь со мной), видел осиротелую Сурьку, бросившуюся ко мне со всех ног, но не отходящую от дому. Наконец извозчики воротились. Ваше письмо, за которое благодарю Вас несчетно, было для меня радостью. Я и татар расспрашивал. Они мне много рассказали. Как хвалили Вас (все-то Вас хвалят, Марья Дмитриевна!). Я им дал денег. На другой день я видел Коптева у Врангеля. Он тоже мне кое-что рассказал, но об самом интересном, о Ваших деньгах для дороги, не мог спросить его: вопрос щекотливый. Я до сих пор не придумаю, как Вы доехали! Как мило Вы написали письмо, Марья Дмитриевна! Именно такого письма я желал; как можно больше подробностей и вперед так делайте. Я как будто вижу Вашу бабушку. Негодная старуха! Да она Вас сживет со свету. Пусть остается с своими моськами «по гроб своей жизни». Я надеюсь, что Александр Иванович завещание вытянет, так должно, а ее не возьмет. Ее надо уверить, что так будет лучше: иначе она должна дать подписку, что умрет через три месяца (за каждый месяц по 1000 рублей), иначе не принимайте. Неужели Вам, Вам, Марья Дмитриевна, придется ходить за ее моськами, да еще с Вашим здоровьем! Ведь эти старухи так несносны! Письмо Ваше прочитывал Врангелю (местами, конечно). Не утерпел и сходил к Елене: одна, бедная. Как мне было жаль, что Вы хворали дорогой. Когда-то дождусь Вашего письма! Я так беспокоюсь! Как-то Вы доехали. Жму крепко руку Александру Ивановичу и целую его. Надеюсь, что он напишет мне в скорости.[17] Обнимаю его от всего сердца и как друг, как брат желаю ему лучшей компании. Неужели и в Кузнецке он будет так же неразборчив в людях, как в Семипалатинске? Да стоит ли этот народ, чтоб водиться с ним, пить-есть с ними и от них же сносить гадости! Да это значит вредить себе сознательно! И как противны они, главное, как грязно. После иной компании так же грязно на душе, как будто в кабак сходил. Надеюсь, Александр Иванович за мои пожелания на меня не рассердится. Прощайте, незабвенная Марья Дмитриевна! Прощайте! ведь увидимся, не правда ли? Пишите мне чаще и больше, пишите об Кузнецке, об новых людях, об себе как можно больше. Поцелуйте Пашу; верно, шалил дорогой![18] Прощайте, прощайте! Неужели не увидимся.

Ваш Достоевский.

98. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

14 августа 1855. Семипалатинск

Семипалатинск, 14 августа / 55.

С первого же слова прошу у Вас извинения, дорогой мой Алекс<андр> Егорович, за будущий беспорядок моего письма. Я уже уверен, что оно будет в беспорядке. Теперь два часа ночи, я написал два письма.[1] Голова у меня болит, спать хочется и к тому же я весь расстроен. Сегодя утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался.[2] Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь растерзан. Может быть, я только один из здешних и умел ценить его. Если были в нем недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба. Желал бы я видеть, у кого бы хватило терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства! Вы его мало знали. Боюсь, не виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал Вам, и, может быть, с излишним увлечением, одни только дурные его стороны. Он умер в нестерпимых[а] страданиях, но прекрасно, как дай бог умереть и нам с Вами. И смерть красна на человеке. Он умер твердо, благословляя жену и детей[3] и только томясь об их участи. Несчастная Марья Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях. Она пишет, что вспоминать эти подробности — единственная отрада ее. В самых сильных мучениях (он мучился два дня) он призывал ее, обнимал и беспрерывно повторял: «Что будет с тобою, что будет с тобою!». В мучениях о ней он забывал свои боли. Бедный! Она в отчаянии. В каждой строке письма ее видна такая грусть, что я не мог без слез читать, да и Вы, чужой человек, но человек с сердцем, заплакали бы. Помните Вы их мальчика, Пашу? Он обезумел от слез и от отчаяния. Среди ночи вскакивает с постели, бежит к образу, которым его благословил отец за два часа до смерти, сам становится на колени и молится, с ее слов, за упокой души отца. Похоронили бедно, на чужие деньги (нашлись добрые люди), она же была как без памяти. Пишет, что чувствует себя очень нехорошо здоровьем. Несколько дней и ночей сряду она не спала у его постели. Теперь пишет, что больна, потеряла сон и[б] ни куска съесть не может. Жена исправника и еще одна женщина помогают ей. У ней ничего нет, кроме долгов в лавке. Кто-то прислал ей три рубля серебром. «Нужда руку толкала принять, — пишет она, — и приняла... подаяние!»

Если Вы, Александр Егорович, еще в тех мыслях, как несколько дней тому назад, в Семипалатинске (а я уверен, что у Вас благородное сердце и Вы от добрых мыслей не отказы-

---

а *Было:* в мучительных
б *Далее было начато:* апп<етит>

вайтесь *из-за какой-нибудь пустой причины, совершенно не идущей к делу*), то пошлите теперь с письмом, которое я прилагаю от себя к ней, ту сумму, о которой мы говорили. Но повторяю Вам, любезнейший Александр Егорович, — я более чем тогда в мыслях считать все эти 75 руб. (прежние 25) моим долгом Вам. Я Вам отдам непременно, но не скоро. Я знаю очень хорошо, что Ваше сердце само жаждет сделать доброе дело... Но рассудите: Вы их знакомый недавний, знаете их очень мало, так мало, что хотя покойный Ал‹ександр› Ив‹анович› и занял у Вас денег на поездку, но предлагать Вам ей, от себя — тяжело!

С своей стороны я пишу ей в письме моем всю готовность Вашу помочь и что без Вас я бы ничего не мог сделать. Пишу это не для того, чтоб Вам была честь доброго дела или чтоб Вам были благодарны. Я знаю: Вы как христианин в том не нуждаетесь. Но я-то сам не хочу, чтоб *мне* были благодарны, тогда как я того не стою; ибо взял из чужого кармана, и хоть постараюсь отдать Вам скорее — но взял почти что на неопределенный срок.

Если намерены послать деньги, то вложите их в мое письмо ей, которое при сем прилагаю (незапечатанное). Очень было бы хорошо от Вас, если б Вы написали ей хоть несколько строк. Положим, Вы были очень мало знакомы. Но он остался Вам должен; теперь она знает, что Вы дали мне деньги, — и потому написать есть случай, даже бы надо было, — как Вы думаете? Не много, несколько строк... Но боже мой! Я, кажется, Вас учу, как писать! Поверьте мне, Алекс‹андр› Егорович, я очень хорошо знаю, что Вы понимаете, может быть, лучше другого, как обходиться с человеком, которого пришлось одолжить. Я знаю, что Вы с ним удвоите, утроите учтивость; с человеком одолженным надо поступать осторожно; он мнителен; *ему так и кажется, что небрежностию с ним, фамильярностию хотят его заставить заплатить за одолжение*, ему сделанное. Всё это Вы знаете так же, как и я; если бог дал нам смысл и благородство, то мы иначе и не можем быть. Noblesse oblige,* а Вы благородны, это я знаю.

Но я знаю тоже, по Вашим словам, что Ваш кошелек не совсем исправен в эту минуту. И потому если послать не можете, то и моего письма к ней не посылайте, а после возвратите мне. Меня же, сделайте мне милость, уведомьте с 1-й почтой, *ПОСЛАЛИ ВЫ ПИСЬМО ИЛИ НЕТ?*

Он Вас вспомнил при смерти. Кажется, так было, что он (его слова) «*не смеет и думать предложить Вам взамен долга*», — но просит передать Вам книгу «*в память о себе*» («Сподвижников Александра», помните это богатое издание;[4] он получил ее из Петропавловска, где оставил). Вам книгу пришлют.

---

* Благородство обязывает (*франц.*).

Пишу к Вам в Барнаул, по адрессу, который Вы мне дали, а еще не знаю, в Барнауле ли Вы?[5] Кажется, Вы написали тогда, что писать в Барнаул надо после 23-го числа.[6] Посылаю на авось, через Крутова.[7] Хорошо ли через Крутова? Напишите мне. Что Вы поделываете, весело ли Вам? Кстати, правда ли, я слышал (впрочем, уже не раз), что m-elle А‹ба›за выходит замуж?[в] [8]

Если будете посылать деньги, не мешкайте. Уж конечно, никогда не может быть более затруднительного положения, как теперь.

Не зная, застанет ли Вас это письмо в Барнауле и не пролежит ли до Вашего приезда, пишу к Марье Дмитриевне с этой же почтой другое письмо, которое посылаю завтра, *на ура!* Посылаю Вам тоже Вашу субботнюю корреспонденцию. Я распечатал письмо, как Вы говорили. Если Крутов завтра успеет принесть и ПОНЕДЕЛЬНИЧЬИ письма, то вложу и их.

До свиданья. Смерть голова болит. Я так расстроен. Перо в руках не держится. Обнимаю Вас от души.

Ваш Ф. Д‹остоевский›.

99. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

21 августа 1855. Семипалатинск

Семипалатинск, 21 августа 1855 г.

Добрый друг мой, любезный брат Миша! Вот уже очень долгое время как не было от тебя ни одной строчки, и я, по обыкновению, начинаю тревожиться и сетовать. Видно, будет так, как и прошлое лето. Друг ты мой, если б ты только знал, в каком я здесь горьком одиночестве, то, право, не томил бы меня так долго и не потяготился бы написать мне хоть несколько строк. Знаешь что? Мне приходит иногда тяжелая мысль. Мне кажется, что время мало-помалу берет свое; старая привязанность слабеет, и прежние впечатления тускнеют и стираются. Мне кажется, что ты начинаешь забывать меня. Иначе чем же объяснить такие долгие сроки между письмами? На меня не пеняй, если я сам, иногда, долго не пишу тебе. Но, во-1-х), я всегда пишу чаще, а во-2-х), клянусь тебе, иногда бывают претяжелые занятия, устану и — пропущу почту, которая у нас отходит только один раз в неделю. Твое дело другое. Если и в самом деле, наприм‹ер›, нечего написать, то, по крайней мере, хоть что-нибудь, хоть две строки. Мне бы не приходила в голову мысль, что ты оставляешь меня. Милый друг, прошлый год, в октябре м‹еся›це, на мои, подобные этим сетования ты написал мне, что тебе очень грустно, очень тяжело было читать их.[1] Дорогой мой Миша! не сердись на меня, ради бога, вспомни, что я

[в] *Далее было начато:* Вы еще то‹гда?›

одинок, как камень отброшенный; что характером я был всегда грустен, болен и мнителен. Сообрази всё это и извини меня, если сетования мои неправы, а предположения глупы; я даже и сам уверен, что я неправ. Но ты знаешь, сомнение и с маковую росинку величиной тяжело. А ведь меня некому разуверить, кроме тебя самого.

Жив ли ты, здоров ли ты? — вот вопросы, которые-таки часто меня мучают. Читаю 4-ю страницу газет, — не увижу ли хоть твоих объявлений? [2] Здоровы ли твои все домашние? Дай-то бог! Я вас так же всех люблю, как и прежде, а помню так, как будто и не разлучался. Что твои дела? Хорошо ли идут? Это так важно! Знаешь ли, я так много думаю о твоих торговых предприятиях. Неужели же они не вознаградят тебя за всё то, что ты бросил для них (литературу, службу, занятия, более сообразные с твоим характером)? Вот уже несколько лет как у тебя фабрика,[3] и что же, есть ли хоть положительные надежды на будущее? А, между прочим, время уходит, дети растут, расходы увеличиваются. Ах, кабы мне знать это всё поподробнее.

Что сказать тебе о моей жизни? У меня всё по-прежнему, по-старому, и, с последнего письма моего, почти ничего не переменилось. Живу я тихо. Летом служба тяжелее, смотры.[4] Здоровьем своим не похвалюсь, добрый друг мой. Не совсем-то оно хорошо. Чем больше стареешься, тем хуже. Если ты думаешь, что во мне еще есть остаток той раздражительной мнительности и подозревания в себе всех болезней, как и в Петербурге, то, пожалуйста, разуверься, и помину прежнего нет, так же как, вместе с тем, и многого другого прежнего.

Напиши мне, ради бога, о сестрах. Как живет милая Варенька? Все ли здоровы? Я с нетерпением жду от нее письма. Ты должен часто видеть Сашу.[5] Напиши мне о ней, какова она, добра ли она и что за характер? Да, кстати, поклонись ей и поцелуй ее за меня.

В последнем письме ты писал о детях,[6] что Федя добрый мальчик, но небольших способностей и что Машечка не так хороша лицом, как была при мне, ребенком. Но в таких летах, мне кажется, трудно заметить и то и другое.

Напиши мне что-нибудь о Коле, и в особенности, не слыхал ли чего о брате Андрее, и куда теперь писать ему? Он мне раз написал, да и замолчал.[7] Не хочется мне прерывать с ним переписку.

Пиши, ради бога, дорогой мой, добрый мой, и не оставь меня! Тяжело-таки мне здесь, а главное, грустно. Тоска безвыходная и всегдашняя. Прощай, обнимаю тебя! Поклонись от меня Эмилии Федоровне. Пожелай ей всего доброго, хорошего. Я от души ей этого желаю. Я ее помню и хорошо помню. Боже мой! где всё прежнее и куда ушла жизнь! Прощай, друг мой. Твой всегдашний

Федор Достоевский.

100. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

23 августа 1855. Семипалатинск

Дорогой и добрейший мой Александр Егорович,

Вот и второе письмо пишу Вам.[1] Желал бы очень получить от Вас хоть две строчки, что Вы, верно, и сделаете, то есть пришлете.[2] Желал бы тоже пожать Вам руку. Скучно! А кругом всё так плохо и людей нет. Я почти никуда не хожу. Знакомиться терпеть не могу. Право, на каждого нового человека, по-моему, надо смотреть как на врага, с которым придется вступить в бой. А там его можно раскусить. Что-то Вы поделываете и весело ли Вам? В Барнауле ли Вы? Я рискнул и на прошлом письме поставил: в Барнаул, хотя, помнится, Вы говорили, что в Барнауле будете только после 23-го. Но бог знает, в Барнауле ли Вы и теперь? Теперь позвольте мне извиниться перед Вами: свои-то письма я Вам переслал и теперь посылаю, а Ваши поручил Демчинскому.[3] Пересылать же их мне самому — трудно, и по весьма простой причине: толстый пакет, застрахованный на почте, будет очень дорого стоить, а у меня, с позволения сказать, ни полушки денег. И потому пусть пересылает Демчинский.

На случай, если Вы не получите того письма, которое я отправил Вам неделю назад, в Барнаул, по адрессу, указанному Вами (хотя, впрочем, трудно не получить),[4] — то извещаю Вас, *что Ал‹ександр› Ив‹анович› Исаев* умер (4 августа), что жена его осталась одна, с сомнительною помощью, в отчаянии, не зная что делать, и — конечно, без денег.

Сегодня получил от нее уже 2-е письмо, считая после смерти мужа. Она пишет, что ей страшно грустно, что кругом послал бог людей, берущих участие, что ей хоть кой-чем да помогают, что ей очень грустно, спрашивает, что ей делать? Пишет, что стряпчий и исправник обнадеживают ее, что Бекман [5] может дать пособие казенное (в 250 руб. сер‹ебром›). Если что можно сделать, то дал бы бог! Покамест хочет продавать вещи. Если Вы еще не раздумали (как мы говорили тогда) о посылке 50 руб.,[а] то пошлите теперь. Никогда не было нужнее. Только я так думаю: пошлите 25, а не 50, так как у ней с прежними 25-ю, да с продажею вещей, да, может быть, и с посторонней помощью будет чем некоторое время прожить. Можно потом послать. Пишу это, во-1-х, для того, чтоб не обременять Вас, ибо 25 менее 50, а Вам, верно, деньги необходимы. 2) Мне уж и так досталось от нее за первые 25 р. Очень укоряла, говоря, что у меня у самого нет ничего и что я себя не жалею. Я отвечал, что деньги Ваши, а не мои, что без Вас я ничего бы не сделал, чтоб обо мне не беспокоилась, что дружба имеет свои права и т. д. и т. д., и что — наконец, без этих денег ей пришлось бы потерпеть ужасное горе, — с этим она, верно, согласится. Я Вам покажу письмо, когда Вы

[а] *Далее было:* денег

приедете.[6] Боже мой! Что это за женщина! Жаль, что Вы ее так мало знаете!

Еще одно обстоятельство. Она знает, что ей присланы деньги, подозревает, что от меня, но письмо лежит до сих пор на кузнецкой почте. Почтмейстер ни за что не решается отдать, хотя знакомый ей человек, чтоб не попасть в беду. Виноват адресс. Вы правы. Надо было адресовать ей. Адресовано мужу. Он умер. И потому почтмейстер (уверенный, что пишете Вы) просит передать Вам: *чтоб Вы в Кузнецкую почтовую контору прислали казенную или частную доверенность на передачу письма вдове Исаевой.* Ради Христа, добрейший Александр Егорович, сделайте это и, главное, не медля. Ради бога. Известна ли Вам форма этих доверенностей? Я не знаю ее. Вероятно, в Барнаульском почтамте есть формы. Ведь вот некстати-то формалист кузнецкий почтмейстер!

Что Вам сказать о себе? Мое время тянется вяло. Не совсем здоров; грустно. Из новостей ничего не знаю, кроме того, что (и, кажется, верно) китайцы сожгли нашу факторию в Чугучаке и консул спасся бегством.[7] Желал бы от души, чтоб Вам было в 10 000 раз веселее моего. Если во время Ваших странствований попадется Вам хорошая книга, то зацепите ее с собой. До свидания, Александр Егорович. Желаю Вам всего хорошего, и от души. Повторяю Вам о почтамте. Ради бога, не замедлите. Крепко жму Вам руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Семипалатинск, Воскресение. 23 августа 55.

Я и ее уведомил, что вместо 50 посылаются 25. Хочет Вас благодарить. Напишете ли Вы ей что-нибудь?

101. П. Е. АННЕНКОВОЙ

18 октября 1855. Семипалатинск

Милостивая государыня Прасковья Егоровна,

Я так давно желал писать к Вам и так давно жду удобного случая, что не могу пропустить теперешнего. Податель письма моего — Алексей Иванович Бахирев, очень скромный и очень добрый молодой человек, простая и честная душа. Я знаю его уже полтора года и уверен, что не ошибаюсь в его качествах.[1]

Я всегда буду помнить, что с самого прибытия моего в Сибирь Вы и всё превосходное семейство Ваше брали во мне и в товарищах моих по несчастью полное и искреннее участие.[2] Я не могу вспоминать об этом без особенного, утешительного чувства и, кажется, никогда не забуду. Кто испытывал в жизни тяжелую долю и знал ее горечь, особенно в иные мгновения, тот понимает, как сладко в такое время встретить братское участие совершенно не-

ожиданно. Вы были таковы со мною, и я помню встречу с Вами, когда Вы приезжали в Омск и когда я был в каторге.[3]

С самого приезда моего в Семипалатинск я не получал почти никаких известий о Константине Ивановиче и многоуважаемой Ольге Ивановне, знакомство с которою будет всегда одним из лучших воспоминаний моей жизни.[4] Полтора года назад, когда я и Дуров вышли из каторги, мы провели почти целый месяц в их доме. Вы поймете, какое впечатление должно было оставить такое знакомство на человека, который уже четыре года, по выражению моих прежних товарищей-каторжных, был как ломоть отрезанный, как в землю закопанный. Ольга Ивановна протянула мне руку, как родная сестра, и впечатление этой прекрасной, чистой души, возвышенной и благородной, останется самым светлым и ясным на всю мою жизнь. Дай бог ей много, много счастья — счастья в ней самой и счастья в тех, кто ей милы. Я бы очень желал узнать что-нибудь об ней. Мне кажется, что такие прекрасные души, как ее,[a] должны быть счастливы; несчастны только злые. Мне кажется, что счастье в светлом взгляде на жизнь и в безупречности сердца, а не во внешнем. Так ли? Я уверен, что Вы это глубоко понимаете, и потому так Вам и пишу.

Жизнь моя тянется кое-как, но уведомляю Вас, что я имею большие надежды... Надежды мои основаны на некоторых фактах; обо мне сильно стараются в Петербурге, и, может быть, через несколько месяцев я что-нибудь и узнаю.[5] Вы, вероятно, уже знаете, что Дуров по слабости здоровья выпущен из военной службы и поступил в гражданскую, в Омске.[6] Может быть, Вы имеете о нем известия. Мы с ним не переписываемся, хотя, конечно, друг об друге хорошо помним.

Барон Врангель, Вам знакомый,[7] Вам кланяется. Я с ним очень дружен. Это прекрасная молодая душа; дай бог ему всегда остаться таким.

Мое глубочайшее уважение, полное и искреннее, Вашему супругу. Желаю Вам полного счастья.

Не слыхали ли Вы чего об одном гадании, в Омске, в мое время? Я помню, оно поразило Ольгу Ивановну.[8]

Прощайте, многоуважаемая Прасковья Егоровна. Я уверен, что бог приведет нам свидеться и, может быть, скоро. Я этого очень желаю. Я с благоговением вспоминаю о Вас и всех Ваших. Позвольте пребыть, с глубочайшим уважением, Вам совершенно преданным.

Ф. Достоевский.

18 октября 55.

От Константина Ивановича я получил нынешним летом несколько строк.[9]

А. И. Бахирева я очень уважаю, но не во всем с ним откровенен.

---

[a] как ее *вписано*.

102. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

17 декабря 1855. Семипалатинск

Семипалатинск, декабря 17/55 г.

Добрый и незабвенный друг мой, брат Миша. Письмо это пишу тебе по случаю.[1] Скоро я буду иметь возможность переслать тебе самое полное, самое подробное известие о моем здешнем житье-бытье за всё время.[2] И потому извини, что посылаю тебе теперь только несколько строк, из которых, кроме просьбы моей, почти ничего больше не узнаешь. Я бы мог отложить и просьбу до большого письма, которое обещаю тебе, друг мой, в эту же зиму. Но обстоятельства мои таковы, что я принужден писать тебе теперь же. Друг мой! Я уверен, что ты меня любишь и потому будешь ко мне снисходителен. Если б ты знал, как тяжело просить, даже и у тебя! Мне нужно денег, друг мой, ибо я давно уже в крайности. Вот уже два года, как я ни разу не попросил у тебя сам ни одной копейки. Ты был так добр, что не забывал меня. Сестры тоже иногда присылали.[3] И несмотря на то в эти два года у меня накопилось долгу довольно много, — для меня много по крайней мере! Одному прошу верить, милый брат (я боюсь, чтоб ты не подумал, что я худо понимаю свое положение, позволяя так много себе тратить и даже делать долги), — одному прошу верить, что в долгах моих я мало виноват. Были обстоятельства и были надобности неотразимые. Теперь не даю тебе никаких объяснений — не могу.[4] Не пишу тоже, сколько я должен. Скажу только, что мне надо отдать 50 руб. серебр‹ом› непременно. К тому же я порядочно обносился в два года, белье, платье (собственное), всё нужно заводить новое. И потому, если ты пришлешь мне рубл‹ей› 100, о которых прошу тебя убедительнейше, то мне, расплатясь и обзаведясь, почти не останется ничего. Но я у тебя прошу только 100 руб., милый брат. Покамест не присылай больше. Я знаю, что ты не поскупишься, если у тебя есть. Но не хотел бы я, чтоб ты подумал обо мне не хорошо.

Да, брат, тяжело просить, повторяю это, даже и у тебя, особенно чувствуя в себе всё — и силы и способности самому достать себе необходимое. Но что делать, теперь не могу и потому говорю тебе как брату — помоги. Я тебе не скрою, что у меня есть большие надежды,[а] что, может быть, кончится наконец несносное положение мое и переменится во что-нибудь к лучшему. Отчасти ты, может быть, и слышал об этом.[5] Тогда [б] жизнь пойдет по-другому. Но не скрою от тебя, друг мой, что мне, скоро может быть, понадобятся деньги, относительно меня и моего положения, не маленькие. Всё это соединено будет отчасти с переменою моей участи, если только сбудутся надежды мои.[6] Теперь же я пишу тебе только о моем насущном; ибо я в большой крайности, и эти 100 руб. серебром едва-едва помогут мне.

а *Далее было:* что за меня стараются и

б *Далее было:* может быть

Я хочу обратиться, друг мой, с просьбой к дяде.[7] Надобно же, чтоб кто-нибудь мне помог. Как бы мне не хотелось просить у него! Но что делать, если случится хоть какая-нибудь перемена судьбы, то деньги необходимы. Ты писал мне последний раз от 15 сентября. Письмо твое пришло ко мне около 15-го ноября.[8] Видишь, как долго! В это время я должен был жить чем-нибудь. На присланные тобою деньги я почти ничего не мог сделать.

Не сердись, что я говорю тебе откровенно, голую правду. Помни только одно: я вовсе от тебя не требую, ибо знаю, что не имею на то никакого права. Одно из двух: или ты очень любишь меня и хочешь мне помочь, — или нет. Если любишь меня, то я прошу без церемоний, ибо знаю, что сам бы помог не только брату, но даже чужому, отказав себе. Вот почему я говорю тебе прямо. Здесь были люди, которые мне помогали в крайности. Конечно, я возьму не у всякого. Но есть люди, которые мне сделали столько бескорыстного добра, столько добра, что *еще никто* мне не сделал столько. У такого человека я брал. Но надо отдать. Впрочем, из этих 100 руб сереб‹ром› я не могу отдать ему еще ничего. Этот человек барон Врангель.[в]

Друг мой милый, надеюсь, что ты мне поможешь охотно и с братским чувством. Я в тебя верю, я никогда не обидел тебя сомнением. Верь и ты: [г] что я не хочу жить всю жизнь на твой [д] счет, и надеюсь, что мне позволят наконец зарабатывать себе хлеб. Прошу тебя: пришли поскорее, если можно немедленно, по следующему адрессу: «Его высокоблагородию Станиславу Августовичу Ламоту в Семипалатинск». (Tout court.) *

В письме к г-ну Ламоту напиши слово в слово так: «М‹илостивый› г‹осударь›, Вы были так добры, что изъявили готовность передать барону Врангелю деньги в случае, если я вышлю их на Ваше имя. Прилагаю при сем. . . рублей. Передайте их по назначению. Еще раз позвольте благодарить Вас и вместе с тем пребыть и т. д.». Подписи твоей не надо.[9] Сам письма на почту не подавай.[е]

Прощай, бесценный мой. Скоро получишь от меня большое письмо. Много со мной было, много я пережил! Прощай, не забудь меня.[ж] Поклонись от меня Эмилии Федоровне, перецелуй детей.

Твой Достоевский.

На обороте 4-й страницы:

Михаилу Михайловичу Достоевскому.
На углу Малой Мещанской
и Екатерининского канала,
в доме Пономаревой, в С.-Петербурге.

[в] *Далее было начато:* Брат его передаст
[г] *Далее было:* в меня
[д] *В подлиннике ошибочно:* на свой
[е] *Далее было:* А впрочем, бояться нечего.
[ж] *Далее было начато:* Напомни обо мне
* Вот и всё (*франц.*).

1856

103. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

13—18 января 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 13 генваря / 56.

Пользуюсь случаем писать тебе, друг мой. С прошлого года, когда я писал тебе с М. М. Х‹ометовским›,[1] я не мог найти, до сих пор, ни одной другой оказии. Теперь она представляется. Надо сознаться, что прошлого года ты мне плохо отплатил за мое длинное письмо: не отвечал почти ничего, даже не отвечал на некоторые мои вопросы, на которые я ждал от тебя подробного ответа. Не знаю, что тебя останавливало: леность? — но она была совсем не у места; дела? — но я уже писал тебе, что никогда не поверю существованию таких дел, которые не дают и минуты свободной. Осторожность? Но если уж я пишу тебе, то, вероятно, нечего опасаться. Надеюсь, что этот раз ты напишешь мне что-нибудь побольше, хотя и долго еще мне придется ждать твоего ответа, — месяцев семь. Этот раз хотел тоже настрочить тебе очень много и подробно обо всем моем житье-бытье, с тех пор как я оставил Омск и прибыл в Семипалатинск.

Но ограничиваюсь одним этим листком, собственно, потому что Александр Егорович Wrangel, податель этого письма,[2] очень подробно и очень интимно может уведомить тебя обо мне, если не во всех, то во многих отношениях. Прими его как можно лучше и постарайся всеми силами как можно короче с ним познакомиться и сойтись. Этот молодой человек того стоит: душа добрая, чистая, я уж не говорю, что он для меня столько сделал, показал мне столько преданности, столько привязанности,[a] чего родной брат не сделает. (Это к тебе не относится.) Сделай же одолжение, постарайся полюбить его и сойтись с ним короче. Ты уже отрекомендован ему мною как нельзя лучше. Да и притом, помня твой уживчивый, добрый и деликатный характер, который всем нравился, который все любили, я думаю, что тебе это будет не трудно. В двух словах изображу тебе на всякий случай характер Ал‹ександра› Ег‹оровича›, чтоб тебе было легче и чтоб ты уж ничем более не затруднялся. Это человек очень молодой, очень кроткий, хотя с сильно развитым point d'honneur,* до невероятности добрый, немножко гордый (но это снаружи,

---

[a] ко мне
* достоинством (*франц.*).

я это люблю), немножко с юношескими недостатками, образован, но не блистательно и не глубоко, любит учиться, характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный; что другого злит и бесит, то его огорчает — признак превосходного сердца. Très comme il faut.* Он самым бескорыстнейшим образом взялся хлопотать обо мне и помогать мне, всеми силами. Впрочем, мы с ним сошлись, и он меня любит. Далее я еще скажу тебе о нем кое-что, а теперь, покамест, перейду к себе.

Ты, вероятно, уже знаешь, голубчик мой, что обо мне очень сильно хлопочут в Петербурге и что у меня есть большие надежды. Если не всё удастся получить, то есть если не полную свободу, то по крайней мере несколько. Брат Ал‹ександра› Егоровича (служащий в конногвардии) [3] был у тебя; я это знаю по его письму к брату, и, вероятно, он сообщил тебе о всех стараниях, сделанных для меня в Петербурге.[4] Алек‹сандр› Егор‹ович›, я уверен, remuera ciel et terre ** с своей стороны, по приезде в Петербург, в мою пользу. Он тебе расскажет обо всем этом больше и подробнее, чем я могу тебе написать в этом письме. С своей стороны говорю тебе только, что я теперь в совершенно пассивном положении и решился ждать (мимоходом уведомляю тебя, что я произведен в унт‹ер-›офицеры,[5] что довольно важно, ибо следующая милость, если будет, должна быть, натурально, значительнее унт‹ер›-офицерства). Меня здесь уверяют, что года через два или даже через год я могу быть официально представлен в офицеры. Признаюсь тебе, что я хотел бы перейти в статскую службу, и даже теперь желаю этого, и даже, может быть, буду стараться об этом. Но теперь по крайней мере решился ждать пассивно ответа на все эти настоящие усилия, которые делаются теперь для меня в Петербурге. Повторяю тебе, Ал‹ександр› Егор‹ович› гораздо больше и подробнее тебе об этом расскажет. Я же прибавлю вот что: друг мой! не думай, чтоб какие-нибудь социальные выгоды, или что-нибудь подобное, заставляли меня до такой степени упорно стараться о себе. Нет. Поверь, что, бывши в таких передрягах, как я, выживешь наконец несколько философии, — слово, которое толкуй, как хочешь. Но есть два обстоятельства, которые заставляют меня как можно скорее выйти из стесненного положения и ввергают в такое лихорадочное участие к самому себе. Об этих обстоятельствах я тебя и должен уведомить. 1-е). Это то, что я хочу писать и печатать. Более чем когда-нибудь я знаю, что я недаром вышел на эту дорогу и что я недаром буду бременить собою землю. Я убежден, что у меня есть талант и что я могу написать что-нибудь хорошее. Ради бога, не принимай моих слов за фатовство. Но кому же мне и поверять мечты и надежды мои.

---

* Очень приличный (*франц.*).

** расшевелит небо и землю (*франц.*).

как не тебе? К тому же я хотел непременно, чтоб ты знал, для каких соображений мне нужна свобода и некоторое общественное положение.

Теперь приступаю ко второму пункту, для меня очень важному, но об котором ты никогда ничего не слыхал от меня. Надобно знать тебе, мой друг, что, выйдя из моей грустной каторги, я со счастьем и надеждой приехал сюда. Я походил на больного, который начинает выздоравливать после долгой болезни и, быв у смерти, еще сильнее чувствует наслаждение жить в первые дни выздоровления. Надежды было у меня много. Я хотел жить. Что сказать тебе? Я не заметил, как прошел первый год моей жизни здесь. Я был очень счастлив. Бог послал мне знакомство одного семейства, которое я никогда не забуду. Это семейство Исаевых, о котором я тебе, кажется, писал несколько, даже поручал тебе одну комиссию для них.[6] Он имел здесь место, очень недурное, но не ужился на нем и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и всё хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованием, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-помалу, они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали. Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была довольно беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загрубелая. Он очень опустился в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества много и незаслуженных преследований. Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустился ужасно. А между прочим, это была натура сильно развитая, добрейшая. Он был образован и понимал всё, об чем бы с ним ни заговорить.[б] Он был, несмотря па множество грязи, чрезвычайно благороден. Но не он привлекал меня к себе, а жена его, Марья Дмитриевна. Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем. Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном. Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна. Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе! Я редко встречал такую женщину. С ними почти все раззнакомились, частию через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств. Наконец ему вышло место, в Кузнецке, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможне; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унизителен. Но

б *Далее было начато:* Мне даже

что было делать! Почти не было куска хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними. В мае месяце 55-го года я проводил их в Кузнецк, через два месяца он умер от каменной болезни.[7] Она осталась на чужой стороне, одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком, и без куска хлеба. Даже похоронить было мужа нечем. У меня денег не было. Я тотчас занял у Алекс‹андра› Егор‹овича› сначала 25 и потом 40 руб. серебр‹ом› и послал ей. Слава богу, теперь ей помогают родные, с которыми она была несколько в ссоре, через мужа. Родные ее в Астрахани. Ее отец, сын французского эмигранта, m-r de Constant; он старик и занимает значительную должность директора карантина в Астрахани. Состояния не имеет, но живет своим жалованием, очень значительным. Теперь же скоро выйдет в отставку, и потому доходы его сократятся. У него, кроме того, еще 2 дочери на руках.[8] Наконец, осталась родня мужа, родня дальняя; один из братьев мужа служит в Гвард‹ейском› финск‹ом› стрел‹ковом› батальоне капитаном.[9] Я знаю, что и фамилья мужа была очень порядочная. Теперь вот что, мой друг: я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет. Но беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе, в Астрахань. Если до весны моя судьба не переменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только отдалит дело, а не изменит его. Мое решение принято, и, хоть бы земля развалилась подо мною, я его исполню. Но не могу же я теперь, не имея ничего, воспользоваться расположением ко мне этого благороднейшего существа и теперь склонить ее к этому браку. С мая месяца, когда я расстался с ней, моя жизнь была ад. Каждую неделю мы переписываемся. Ал‹ександр› Ег‹орович› был знаком с Исаевыми, но только в последнее время их жизни в Семипалатинске. Он видел Марью Дмитриевну, но знает ее только несколько. Я был с ним несколько откровенен на этот счет, но не совершенно. Он не знает содержания этого письма, но, думаю, будет говорить с тобой обо всем этом деле. До сих пор я всё думал выйти в статскую службу. Начальник Алтайских заводов полковник Гернгросс, друг Ал‹ександра› Егор‹овича›, очень желает, чтоб я перешел служить к нему, и готов дать мне место, с некоторым жалованьем в Барнауле. Я об этом думаю, но опять-таки жду, не будет ли чего до весны из Петербурга? Если мне нельзя будет выехать из Сибири,[в] я намерен поселиться в Барнауле, куда приедет служить и Алекс‹андр› Егор‹ович›.[10] Через несколько времени, я знаю наверно, возвращусь в Россию. Но во всяком

в *Было:* из Барнаула

случае не знаю, можно ли мне будет рассчитывать на одно жалование. Оно не может быть велико. Конечно, я буду изыскивать все средства и зарабатывать деньги. Для этого превосходно было бы, если б мне позволили печатать. Кроме того, здесь в Сибири с очень маленьким капиталом (ничтожным) можно делать хорошие и верные спекуляции. Если б я здесь в Семипалатинске имел только 300 руб. сер‹ебром› лишних, то я на эти 300 нажил бы в год непременно еще 300; край новый и любопытный. Во всяком случае, мне стыдно будет, незабвенный друг мой, просить у тебя содержать меня. Но я уверен, что ты, хоть год еще, будешь несколько помогать мне. Главное, помоги мне теперь. Если мне выйдет какая-нибудь милость, то я попрошу помощи у дяди; пусть даст мне хоть что-нибудь, чтоб начать новую жизнь. Само собою разумеется, что раньше события я никому в мире не напишу, что я намерен жениться. Тебе я говорю это под страшным секретом. Да и тебе, признаюсь, не хотел говорить. Это дело сердца, которое боится огласки, боится чуждого взгляда и прикосновения. Так по крайней мере в моем характере. И потому, ради Христа, не говори об этом никому, *совершенно никому*. Да и про всё письмо мое вообще не говори никому и никому не показывай. Ради бога, ни слова об этом сестрам; они тотчас испугаются за меня и начнутся советы благоразумия. А мне, *без того, что теперь для меня главное в жизни*, не надо будет и самой жизни. В тебя только одного и верю, мой добрый, мой лучший друг. Ты один у меня. Теперь скажу тебе несколько слов о моих здешних обстоятельствах, вообще, только несколько слов, ибо барон тебе всё сам расскажет лучше моего. Здоровье мое очень порядочно; припадков уже не было давно. Поставил я себя здесь на прекрасную ногу. Несмотря на то, что я солдат, все, кто здесь позначительнее, знакомы со мною, и даже за честь почитают. Начальство меня любит и уважает. Корпусный командир (генерал-губернатор) знает меня и обо мне старается.[11] В Барнауле горный начальник, генерал, готов сделать с своей стороны всё, что может, а он на своем месте может много.[12] Но самым[г] лучшим для себя считал бы я перебраться в Россию, сначала хоть служить где-нибудь. Потом, если б я выхлопотал себе позволение печатать, я бы был обеспечен. Всё это и будет; в этом я уверен, но, может быть, еще надо будет подождать. До тех же пор, может быть, придется жить в Сибири. Что делать, подожду. Главное, если б посетила меня хоть какая-нибудь милость — перейти в статскую службу и получить, покамест, хоть какое-нибудь местечко с жалованьем. Не знаю, удадутся ли все мечты мои, сбудутся ли они? Может быть, что возможность этой женитьбы и расстроится. Тогда, я знаю себя, я опять убит и несчастен. Денег надобно, — вот что!

г *Было:* Вообще для меня самым

Я говорю тебе, что мне совестно будет просить у тебя тогда, но хоть немного, хоть вначале помоги мне. Теперь скажу тебе несколько слов о моих настоящих денежных обстоятельствах. Я просил у тебя письмом через брата *Ал‹ександра› Егор‹овича›* прислать мне 100 руб. серебром.[13] Друг мой, эти 100 руб. едва мне помогут, ибо я много задолжал. Всего у меня рублей 50 сереб‹ром› долгу, и если твои деньги придут скоро, то у меня останется еще руб. 50 сереб‹ром›, с которыми я могу подождать перемены моих обстоятельств, наприм‹ер› в случае милости. Тогда уже мне надобно будет значительно денег; нужно одеться, нужно обзавестись, впрочем, нечего и исчислять, что нужно. Эти 50 руб. сереб‹ром›, которые мне останутся, тоже надобно будет очень скоро истратить; я весь обносился, всё надобно будет завести и белье, и мундир справить, шинель новую сделать. Мне останется мало; жить менее 15 руб. сереб‹ром› в месяц нельзя, исключая непредвиденных расходов, об этом справься у Wrangel'я. Здесь всё дорого. Впрочем, более я и не прошу. Я перебьюсь как-нибудь этими 100 рублями серебр‹ом›. Может быть, Варенька что-нибудь пришлет — ангельская душа. (Как она мило пишет письма, откуда она этому научилась, что за прелесть ее письма![14] не то что Ваши, милостивый государь, — а получше-с.) В случае же перемены участи, когда мне понадобится денег очень значительно, я, как писал уже тебе, обращусь к дяде. Неужели откажет? Но, друг мой! если б ты знал, как мне тяжело признаться тебе еще в одном обстоятельстве! У меня еще есть долг, кроме этого долгу. Я должен Ал‹ександру› Егор‹овичу›, забрав у него в разное время, 125 руб. сереб‹ром›. Не спрашивай, куда они пошли! Я и сам не знаю! Я знаю только то, что я живу очень бедно, во всем себе отказываю, а, между прочим, задолжал! Я не требую, друг мой, чтоб ты за меня отдал Алек‹сандру› Егоровичу! Это будет слишком! Но я только знаю, что я должен отдать ему, хоть он и краснеет, когда я заговорю ему о своем долге, и даже огорчается, если я напоминаю ему о нем. (Он деликатнейший человек!) Впрочем, довольно об деньгах! Я знаю, что ты меня не забудешь! Моя же единственная мысль как-нибудь поскорее себя обеспечить и не быть вам всем в тягость. Прибавлю еще несколько слов об Александре Егоровиче. Слушай! Если удастся тебе с ним сойтись, наблюдай за ним, не оставляй его одного. Скажу тебе большой секрет, и может быть, дурно делаю, что говорю тебе про него, но для его же пользы. Il est amoureux fou d'une dame d'ici, d'une dame parfaitement comme il faut, très riche et d'une famille considérée.* Она приедет почти в одно время в Петербург.[15]

Не показывай виду Врангелю, что знаешь про это, но будь ему как брат родной, как я был ему, займи мою должность,

* Он безумно влюблен в одну здешнюю даму, даму в высшей степени порядочную, очень богатую и из почтенной семьи (*франц.*).

наблюдай за ним, потому что он способен сделать dans cette affaire * ужаснейшие дурачества, то есть трагические, а я бы этого не хотел. Есть некто маркиз де Траверсе (сын ревельского), и хоть они росли вместе и друзья, но мой барон имеет повод считать его своим соперником, поэтому они могут вдвоем наделать больших глупостей.[16] Не пишу тебе больше ничего. Если ты подружишься с Алекс‹андром› Егоров‹ичем› и получишь его доверенность, то он тебе сам больше расскажет. Если же нет, так тебе и нечего знать больше. Но во всяком случае, пользуясь этим немногим, что я тебе написал, следи за ним. Это характер слабый, нежный, даже болезненный; останавливай его. Но во всяком случае, ради Христа божия, *никому ни одного слова* об этом. И Врангелю не говори, что я тебе это написал, даже в минуту откровенности, если сойдетесь. Я для него же сделал, ибо очень люблю его. Этот секрет знает *он, я* и *ты* теперь; более никто. Честное слово, что ты будешь молчать. С братом[д] он вовсе не откровенен, но я так интересуюсь всем, что касается до Алекс‹андра› Егор‹овича›, что думаю написать его брату несколько слов.[17] Кроме этого секрета, я тебе расскажу, что он не совсем ладит с отцом, который человек характера упрямого, странного, мнительного и подозрительного.[е] Отец любит его ужасно, но требует, наприм‹ер›, чтоб он до сих пор не смел сделать ни шагу без его воли, до мелочей (всё из любви), сам богат и даже очень, а[ж] с детьми скуп; а мой барон и сам не хочет брать, ибо тот имеет привычку попрекать деньгами, данными детям. Всего в нескольких строках не расскажешь. Но я предвижу и знаю, что у него могут быть[з] большие неприятности с отцом. Если он будет с тобой откровенен — утешай его в неприятностях,[и] внуши ему, что отец все-таки отец и что нужно как-нибудь ладить. У него есть сестра, это, кажется, ангел-хранитель всего семейства. Я читал ее письма и знаю ее по рассказам барона.

18 генваря. — Я написал письма сестрам, дяде (у которого ничего не прошу), Иванову, Майкову и князю Одоевскому. Я прошу князя содействовать,[к] когда я буду хлопотать о позволении печатать.[18] Может быть, я успею написать очень скоро одну статью о России, патриотическую.[19]

Если позволят напечатать, я буду просить, будут и деньги. Знаком ли ты с Евг‹ением› Ник‹олаевичем› Яку‹шкиным›? Если не знаком, то познакомься. Он принимает во мне большое участие. Пожалуйста, познакомься получше с Ивановым.

д *Было:* Даже с братом
е *Далее было начато:* Он уж‹асно›
ж *Далее было начато:* ему почти ни‹чего›
з *Вместо:* у него могут быть — *было:* у них может быть
и *Далее было:* немного
к *Далее было:* моей просьбе
* в этом деле (*франц.*).

Ради бога, не надумайся и не пугайся много о том, что я говорил тебе о моей привязанности. Может быть, будет, может быть, нет. Я честный человек и не захочу употреблять свое влияние, чтоб заставить это благородное существо принесть мне жертву. Но когда будет возможность, хоть через 5 лет, я исполню свое намерение.

Пожалуйста, не сердись на меня за просьбу о деньгах. Помоги мне только теперь. Скоро, очень скоро, может быть, судьба моя переменится.

Прощай, друг мой, живи счастливо, не забудь меня. Теперь с отъездом Wrangel'я я остался совсем сиротой. Очень грустно.

Перецелуй детей, поклонись Эмилии Федоровне. Здорова ли она? Дай бог вам всем счастья. Люби меня и помни обо мне. Я тебя тоже очень люблю.

Твой Д‹остоевский›.

104. А. Н. МАЙКОВУ

18 января 1856. Семипалатинск

Семипалатинск. 18 генваря 56.

Давно хотелось мне ответить на Ваше дорогое письмо,[1] дорогой мой Ап‹оллон› Ник‹олаеви›ч. Как-то повеяло на меня старым, прежним, когда я читал его. Благодарю Вас бессчетно за то, что меня не забыли. Не знаю, почему мне казалось всегда, что Вы меня не забудете, разве уж по одному тому, что я Вас забыть не мог. Вы пишете, что много прошло времени, много изменилось, много пережилось. Да! должно быть. Но одно то хорошо, что мы как люди не изменились. Я за себя отвечаю. Много любопытного мог бы я Вам написать о себе. Не пеняйте только, что теперь пишу письмо наскоро, урывками и, может быть, неясное. Но я испытываю в эту минуту то, что, вероятно, испытали и Вы, когда ко мне писали: невозможность высказать себя после стольких лет не только в одном, но даже и в 50 листах. Тут нужно говорить глаз на глаз, чтоб душа читалась на лице, чтобы сердце сказывалось в звуках слова. Одно слово, сказанное с убеждением, с полною искренностию и без колебаний, глаз на глаз, лицом к лицу, гораздо более значит, нежели десятки листов исписанной бумаги.

Благодарю Вас особенно за сведения о себе. Я-то вперед знал, что так у Вас кончится и что Вы женитесь. Вы пишете мне, помню ли я Анну Ивановну? Но как же забыть. Рад ее и Вашему счастью, оно мне и прежде было не чуждо; помните в 47 году, когда всё это начиналось.[2] Напомните ей обо мне и уверьте ее в беспредельном моем уважении и преданности. Родителям Вашим скажите, что я знакомство и ласку их вспоминал и вспоминаю с наслаждением.[3] Получила ли Евгения Пет-

ровна книгу — разборы и критики в «Отеч‹ественных› запис‹ках›, писанные незабвенным Валерианом Николаевичем? Когда меня арестовали, у меня взяли эту книгу, потом возвратили, но под арестом я никак не мог доставить Евгении Петровне, а я знал, что она ей была дорога. Меня всё это очень печалило. За 2 часа до отправления в Сибирь я просил коменданта Набокова отдать книгу по принадлежности. Отдали ли?[4] Поклонитесь от меня Вашим родителям. Я от души желаю им счастья и долгой, долгой жизни. Может быть, Вы через брата знаете некоторые подробности обо мне. В часы, когда мне нечего делать, я кое-что записываю из воспоминаний моего пребывания в каторге, что было полюбопытнее. Впрочем, тут мало чисто личного. Если кончу и когда-нибудь будет очень удобный случай, то пришлю Вам экземпляр, написанный моей рукой, на память обо мне.[5] (Кстати, я и забыл и принужден теперь сделать отступление.) Письмо это доставит Вам Александр Егорович барон Врангель, человек очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца, приехавший в Сибирь прямо из лицея с *великодушной* мечтой узнать край, быть полезным и т. д. Он служил в Семипалатинске; мы с ним сошлись, и я полюбил его очень. Так как я Вас буду особенно просить обратить на него внимание и познакомиться с ним, если возможно, получше, то и дам Вам два слова о его характере: чрезвычайно много доброты, никаких особенных убеждений, благородство сердца, есть ум, — но сердце слабое, нежное, хотя наружность с 1-го взгляда имеет некоторый вид недоступности. Мне очень хотелось бы, чтоб Вы с ним познакомились вообще для его пользы. Круг полуаристократический или на 3/4 аристократический, баронский, в котором он вырос, мне не совсем нравится, да и ему тоже, ибо с превосходными качествами, но многое заметно из старого влияния. Имейте Вы на него свое влияние, если успеете. Он того стоит. Добра он мне сделал множество.[а] Но я его люблю и не за одно добро, мне сделанное. В заключение: он немного мнителен, очень впечатлителен, иногда скрытен и несколько неровен в расположении духа. Говорите с ним, если сойдетесь, прямо, просто, как можно искреннее и не начинайте издалека. Извините, что я Вас так прошу о бароне. Но, повторяю Вам, я его очень люблю.[б] (Мои замечания о нем, да и вообще всё письмо это держите в секрете; впрочем, Вас учить нечего.)

Вы говорите, что вспоминали обо мне горячо и говорили: зачем, зачем? Я сам Вас вспоминал горячо, а на слово Ваше: *зачем?* — ничего не скажу, — будет лишнее. Вы говорите, что много пережили, много передумали и много выжили нового. Это и не могло быть иначе, и я уверен, что мы и теперь поладили бы с Вами в мыслях. Я тоже думал и переживал, и были такие

а *Далее было начато:* Я даже надеюсь кое-что

б *Далее было начато:* Если Вы с ним очень сойдетесь

обстоятельства, такие влияния, что приходилось переживать, передумывать и пережевывать слишком много, даже не под силу. Зная меня очень хорошо, Вы, верно, отдадите мне справедливость, что я всегда следовал тому, что мне казалось лучше и прямее, и не кривил сердцем, и то, чему я предавался, предавался горячо. Не думайте, что я этими словами делаю какие-нибудь намеки на то, за что я попал сюда. Я говорю теперь о последовавшем за тем, о прежнем же говорить не у места, да и было-то оно не более, как случай. Идеи меняются, сердце остается одно. Читал письмо Ваше и не понял главного. Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной, обо всем, о чем Вы с таким восторгом говорите. Но, друг мой! Неужели Вы были когда-нибудь иначе? Я всегда разделял именно эти же самые чувства и убеждения. Россия, долг, честь? — да! я всегда был истинно русский — говорю Вам откровенно. Что же нового в том движении, обнаружившемся вокруг Вас, о котором Вы пишете как о каком-то новом направлении? Признаюсь Вам, я Вас не понял. Читал Ваши стихи и нашел их прекрасными; вполне разделяю с Вами патриотическое чувство *нравственного* освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери. Как хорошо окончание, последние строки в Вашем «Клермонтском соборе»! [6] Где Вы взяли такой язык, чтоб выразить так великолепно такую огромную мысль? Да! разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее *окончит Россия*. Для меня это давно было ясно. Вы пишете, что общество как бы проснулось от апатии. Но Вы знаете, что в нашем обществе вообще манифестаций не бывает. Но кто ж из этого заключал когда-нибудь, что оно без энергии? Осветите хорошо мысль и позовите общество, и общество Вас поймет. Так и теперь: идея была освещена великолепно, вполне национально и рыцарски (это правда, надо отдать справедливость) — и наша политическая идея, завещанная еще Петром, оправдалась всеми.[в] [7] Может быть, Вас смущал, и смущал еще недавно, наплыв французских идей [г] в ту часть общества, которое мыслит, чувствует и изучает? Тут была и исключительность, правда. Но всякая исключительность по натуре своей вызывает противоположность. Но согласитесь сами, что все здравомыслящие, то есть те, которые дают тон всему, всему, смотрели на французские идеи со стороны научной — не более,[8] и сами, может быть, даже преданные исключительности, были всегда русскими. В чем же Вы видите новость? Уверяю Вас, что я, например, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, — это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушие, потому собственно, что мог понять его;

[в] *Далее было начато:* Но я ничего не говорю про ‹*нрзб.*› дело
[г] *Далее было начато:* в русск‹ое›

ибо был сам русский. Несчастие мое дало мне многое узнать практически, может быть, много влияния имела на меня эта практика, но я узнал практически и то, что я всегда был русским по сердцу.[9] Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем и ошибкой стать бессовестным, то есть действовать против своего убеждения. Но зачем, зачем я Вам всё это пишу? Ведь знаю, что ничего не выскажу в строчках, зачем же это писать! Скажу Вам еще кое-что о себе. В каторге я читал очень мало, решительно не было книг. Иногда попадались. Выйдя сюда, в Семипалатинск, я стал читать больше. Но все-таки нет книг и даже нужных книг, а время уходит. Не могу Вам выразить, сколько я мук терпел оттого, что не мог в каторге писать. А, между прочим, внутренняя работа кипела. Кое-что выходило хорошо; я это чувствовал. Я создал там в голове большую окончательную мою повесть.[д] Я боялся, чтобы 1-я любовь к моему[е] созданию не простыла, когда минут годы и когда настал бы час исполнения, — любовь, без которой и писать нельзя. Но я ошибся; характер, созданный мною и который[ж] есть основание всей повести, потребовал нескольких лет развития, и я уверен, я бы испортил всё, если б принялся сгоряча неприготовленный. Но, выйдя из каторги, хотя всё было готово, я не писал. Я не мог писать. Одно обстоятельство, один случай, долго медливший в моей жизни и наконец посетивший меня, увлек и поглотил меня совершенно. Я был счастлив, я не мог работать. Потом грусть и горе посетили меня. Я потерял то, что составляло для меня всё. Сотни верст разделили нас.[10] Я Вам не объясняю дела, может быть, когда-нибудь объясню; теперь не могу. Однако же я не был совершенно праздным. Я работал; но я отложил мое главное произведение в сторону.[11] Нужно более спокойствия духа. Я шутя начал комедию и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц и так понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман, но до сих пор всё писал отдельные приключения, написал довольно, теперь всё сшиваю в целое.[12] Ну вот Вам реляция об моих занятиях: не мог не рассказать; это оттого, что заговорил *с Вами* и вспомнил наше старое, незабвенный друг мой. Да! Я много раз был счастлив с Вами: как же бы я мог Вас забыть! Вы пишете мне кое-что о литературе. За нынешний год я почти ничего не читал. Скажу Вам и свои наблюдения: Тургенев мне нравится наиболее — жаль только, что при огромном таланте в нем много не-

---

[д] *Далее было начато:* Всего
[е] *Было:* своему
[ж] *Далее было:* я взялся

выдержанности.[13] Л. Т. мне очень нравится, но, по моему мнению, много не напишет (впрочем, может быть, я ошибаюсь).[14] Островского совсем не знаю, ничего не читал в целом, но читал много отрывков в разборах о нем. Он, может быть, знает известный класс Руси хорошо, но, мне кажется, он не художник. К тому же, мне кажется, он *поэт без идеала*. Разуверьте меня, пожалуйста, пришлите мне, ради бога, что получше из его сочинений, чтоб я мог знать его не по одним критикам.[15] Писемского я читал «Фанфарон» и «Богатый жених», — больше ничего. Он мне очень нравится. Он умен, добродушен и даже наивен; рассказывает хорошо. Но одно в нем грустно: спешит писать. Слишком скоро и много пишет. Нужно иметь побольше самолюбия, побольше уважения к своему таланту и к искусству, больше любви к искусству. Идеи смолоду так и льются, не всякую же подхватывать на лету и тотчас высказывать, спешить высказываться. Лучше подождать побольше синтезу-с; побольше думать, подождать, пока [з] многое мелкое, выражающее одну идею, соберется в одно большое, в один крупный, рельефный образ, и тогда выражать его. Колоссальные характеры, создаваемые колоссальными писателями, часто создавались и вырабатывались долго и упорно. Не выражать же все промежуточные пробы и эскизы? Не знаю, поняли ли Вы меня? Что же касается до Писемского, то, мне кажется, он мало сдерживает перо.[16] Наши дамы-писательницы пишут как дамы-писательницы, то есть умно, мило и чрезвычайно спешат высказываться.[17] Скажите, почему дама-писательница почти никогда не бывает строгим художником? Даже несомненный, колоссальный художник George Sand не раз вредила себе своими дамскими свойствами. Много мелких Ваших стихов читал в журналах за *всё время*.[18] Они мне очень нравились. Мужайте и работайте. Скажу Вам по секрету, по большому секрету: Тютчев очень замечателен; но... и т. д. Какой это Тютчев; не наш ли? Впрочем, многие из его стихов превосходны.[19]

Прощайте, дорогой друг мой. Извините за бессвязность письма. В письме никогда ничего не напишешь. Вот почему я терпеть не могу m-me de Sévigné.* Она писала уже слишком [и] хорошо письма.[20] Кто знает? Может быть, когда-нибудь я обниму Вас. Дал бы бог! Ради бога, *никому* (вполне *никому*) не сообщайте письма моего. Обнимаю Вас.

Ваш Д‹остоевский›.

[з] *Далее было начато:* всё
[и] *Было:* потому что она писала слишком
* мадам де Севинье (*франц.*).

105. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

23 марта 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 23 марта / 56 г. Пятница.

Добрейший, незаменимый друг мой, Александр Егорович! Где Вы, что с Вами? и не забыли ли Вы меня? С следующего понедельника начинаю ждать от Вас обещанного письма с таким нетерпением, как будто счастья и осуществления всех настоящих надежд моих.[1] Под этим конвертом найдете Вы незапечатанные три письма: одно к брату,[2] другое к ген‹ерал›-ад‹ъютанту› Эдуарду Ивановичу Тотлебену.[3] Не удивляйтесь! всё расскажу! А теперь приступаю прямо по порядку и начинаю с себя. Если б Вы только знали всю мою тоску, все мое уныние, почти отчаяние теперь, в настоящую минуту, то, право, поняли бы, почему я ожидаю Вашего письма как спасенья? Оно должно многое, многое разрешить в судьбе моей. Вы обещали мне написать в возможно скором времени по прибытии в Петербург и уведомить о всем том, чего я надеюсь и о чем Вы так братски хлопотали за меня целый год, — откровенно, не утаивая ничего, не прикрашивая истину и отнюдь не обнадеживая меня шаткими надеждами. Таких-то известий жду от вас, как жизни. Не показывайте моего письма никому, ради бога. Уведомляю Вас, что дела мои в положении чрезвычайном. La dame (la mienne)* [4] грустит, отчаивается, больна поминутно, теряет веру в надежды мои, в устройство судьбы нашей и, что всего хуже, окружена в своем городишке (она еще не переехала в Барнаул) людьми, которые смастерят что-нибудь очень недоброе: там есть женихи. Услужливые кумушки разрываются на части, чтоб склонить ее выйти замуж, дать слово кому-то, имени которого еще я не знаю. В ожидании шпионят над ней, разведывают, от кого она получает письма? Она же всё ждет до сих пор известия от родных, которые там у себя, на краю света, должны решить здешнюю судьбу ее, — то есть возвратиться ли в Россию или переезжать в Барнаул. Письма ее последние ко мне во всё последнее время становились всё грустнее и тоскливее. Она писала под болезненным впечатлением: я знал, что она была больна. Я предугадывал, что она что-то скрывает от меня. (Увы! я этого Вам никогда не говорил: но еще в бытность Вашу здесь par ma jalousie incomparable** я доводил ее до отчаяния, и вот не потому-то она теперь скрывает от меня.) И что ж? Вдруг слышу здесь, что она дала слово другому, в Кузнецке, выйти замуж. Я был поражен как громом. В отчаянии я не знал, что делать, начал писать к ней, но в воскресенье получил и от нее письмо, письмо приветливое, милое, как всегда, но скрытное еще более, чем всегда.[5]

---

* Дама (моя) (*франц.*).

** моей исключительной ревностью (*франц.*).

Меньше прежнего задушевных слов, как будто остерегаются их писать. Нет и помину о будущих надеждах наших, как будто мысль об этом уж совершенно отлагается в сторону. Какое-то полное неверие в возможность перемены в судьбе моей в скором времени и наконец громовое известие: она решилась прервать скрытность и робко спрашивает меня: «Что если б нашелся человек, пожилой, с добрыми качествами, служащий, обеспеченный, и если б этот человек делал ей предложение — что ей ответить?» Она спрашивает моего совета. Она пишет, что у нее голова кружится от мысли, что она одна, на краю света, с ребенком, что отец стар, может умереть, — тогда что с ней будет? Просит обсудить дело хладнокровно, как следует *другу*, и ответить немедленно. Protestation d'amour * были, впрочем, еще в предыдущих письмах. ‹*нрзб.*› прибавляет, что она любит меня, что это одно еще предположение и расчет. Я был поражен как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь. Теперь я лежу у себя ‹*нрзб.*›. Неподвижная идея в моей голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного, грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь Вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное.[6] Бедненькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее этим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь ее. Тут были и угрозы и ласки и униженные просьбы, не знаю что. Вы поймете меня, Вы мой ангел, моя надежда! Но рассудите: что же делать было ей, бедной, заброшенной, болезненно мнительной и, наконец, потерявшей всю веру в устройство судьбы моей! Ведь не за солдата же выйти ей. Но я перечел все ее письма последние в эту неделю. Господь знает, может быть, она еще не дала слово и кажется так; она только поколебалась. Mais — elle m'aime, elle m'aime,** это я знаю, я вижу — по ее грусти, тоске, по ее неоднократным порывам в письмах и еще по многому, чего не напишу Вам. Друг мой! я никогда не был с Вами вполне откровенным на этот счет. Теперь что мне делать! Никогда в жизни я не выносил такого отчаяния... Сердце сосет тоска смертельная, ночью сны, вскрикиванья, горловые спазмы душат меня, слезы то запрутся упорно, то хлынут ручьем. Посудите же и мое положение. Я человек честный. Я знаю, что она меня любит. Но что если я противлюсь ее счастью? С другой стороны, не верю я в жениха кузнецкого! Не ей, больной, раздражительной, развитой сердцем, образованной, умной отдаться бог знает кому, который, может быть, про себя и побои считает законным делом в браке. Она добра и

* Уверения в любви (*франц.*).
** Но — она меня любит, она меня любит (*франц.*).

доверчива. Я ее отлично знаю. Ее можно уверить в чем угодно. К тому же сбивают с толку кумушки (проклятые) и безнадежность положения. Решительный ответ, то есть узнаю всю подноготную ко 2-му апреля, но, друг мой, посоветуйте же, что мне делать? Впрочем, к чему я спрашиваю Вашего совета? Отказаться мне от нее невозможно никак, ни в каком случае. Любовь в мои лета не блажь, она продолжается два года, слышите, два года, в 10 месяцев разлуки она не только не ослабела, но дошла до нелепости. Я погибну, если потеряю своего ангела: или с ума сойду, или в Иртыш! *Само собой разумеется, что если б уладились дела мои (насчет манифеста),*[7] *то я был бы предпочтен всем и каждому*; ибо она меня любит, в этом я уверен. Скажу же Вам, что у нас, на нашем языке (у меня с ней), называется устройством судьбы моей: переход из военной службы в статскую, место при некотором жалованье, класс (хоть 14-й) или близкая надежда на это и какая-нибудь возможность достать денег, чтобы прожить, по крайней мере, до устройства окончательного дел моих. Само собой разумеется, что выход из военной или поступление в статскую — хоть это только и без класса и без больших денег — сочтется с ее стороны за чрезвычайную надежду и воскресит ее. Я же с своей стороны объявлю Вам мои надежды; чего мне надобно *наверно*, чтоб отбить ее от женихов и остаться перед ней честным человеком, а потом уже спрошу Вас: чего мне ожидать из того, что мне надобно, что может сбыться, что не сбыться? — так как Вы в Петербурге и многое знаете, чего я не знаю.

Мои надежды, дорогой, бесценный и, может быть, единственный друг мой, Вы, чистое, честное сердце, — мои надежды — выслушайте их. Как ни думаю, они мне кажутся довольно ясными. Во-первых, неужели не будет никакой милости нынешним летом, по заключении мира[8] или при коронации? (Вот этого-то известия я и ожидаю от Вас теперь с судорожным нетерпением.) Второе, положим, то еще в области надежд; но неужели нельзя мне перейти из военной в статскую и перейти в Барнаул, если *ничего* не будет другого по манифесту?[9] Ведь Дуров перешел же в статскую.[10] Я Вам говорю, что уж этот один переход воскресит ее и она прогонит всех женихов; ибо в последнем и в предпоследнем письмах она пишет, что любит меня глубоко, что жених только *расчет*, что умоляет меня не сомневаться в любви ее и верить, что это только одно *предположение*, последнему я верю; может быть, ей предлагали и ее уговаривают, *но она еще не дала слова*; я справлялся о слухах, отыскивал их источник, и оказывается много сплетен. К тому же, если б дала слово, она бы мне написала. След‹овательно›, это еще далеко не решено. Ко 2-му апрелю жду от нее письма. Я требовал полной откровенности и тогда узнаю всю подноготную. О друг мой! Мне ли оставить ее или другому отдать. Ведь я на нее имею *права*, слышите, *права*! **Итак:** переход мой в статскую службу будет считаться большою

надеждою и ободрением. 3) Долго ли я буду без чина? Как Вы думаете? Неужели будет заперта моя карьера? Такие ли преступники, как я, получали всё? Не верю я тому! Верю, что через два года, если даже теперь ничего не будет, я ворочусь в Россию. Теперь самое важнейшее — деньги. Две вещи, одна — статья,[11] другая — роман, будут готовы к сентябрю.[12] Хочу формально просить печатать. Если позволят, то я на всю жизнь с хлебом. Теперь не так как прежде, столько обделанного, столько обдуманного и такая энергия к письму! Надеюсь написать роман (к сентябрю) получше «Бедных людей». Ведь если позволят печатать (а я не верю, слышите: не верю, чтоб этого нельзя было выхлопотать), ведь это гул пойдет, книга раскупится, доставит мне деньги, значение, обратит на меня внимание правительства, да и возвращение придет скорей. А мне что надобно: 2—3 тысячи в год ассигнациями. Итак, честно ли я поступлю с ней или нет? Что ж, этого мало, что ли, для содержания нашего? Года через два возвратимся в Россию, она будет жить хорошо, и, может быть, даже наживем что-нибудь. Ну неужели, имев столько мужества и энергии в продолжение 6-ти лет для борьбы с неслыханными страданиями, я не способен буду достать столько денег, чтобы прокормить себя и жену. Вздор! Ведь, главное, никто не знает ни сил моих, ни степени таланта, а на это-то, главное, я и надеюсь. Наконец, последний случай: ну, положим, что еще год не позволят печатать?[13] Но я, при первой перемене судьбы, напишу к дяде, попрошу у него 1000 руб. сереб‹ом› для начала на новом поприще, не говоря о браке; я уверен, что даст. Ну, неужели не проживем на это году? А там дела уладятся. Наконец, я могу напечатать incognito и все-таки взять денежек. Поймите же, что все эти надежды только в том случае, если нынешнее лето ничего не будет (манифест). А что если будет? Нет, я не подлец перед ней! А так как она сама упоминает,[а] что рада без сожаленья бросить всех женихов для меня, если б только у нас уладились дела, то, значит, я еще ее избавлю от беды. Но что я говорю! Это решено, что я ее не оставлю! Она же погибнет без меня! Алекс‹андр› Егорович, душа моя! Если б Вы знали, как жду письма Вашего! Может быть, в нем есть положительные известия, тогда пошлю его ей в оригинале, а если нельзя, вырву строки о надеждах на устройство судьбы моей и пошлю.

Но понимаете, в каких я теперь хлопотах! Есть у меня до вас много просьб: ради Христа, исполните все. *1-я просьба.* Вы найдете тут письмо к Эд‹уарду› Ив‹ановичу› Тотлебену. Вот у меня какая идея: с этим человеком когда-то я был знаком хорошо; с братом его я друг с детства.[14] Еще за несколько дней до ареста моего я, случайно, встретился с ним, и мы так приветливо подали друг другу руки. Что же? Он, может быть, не забыл

[а] *Было:* пишет

меня. Человек он добрый, простой, с великодушным сердцем (он это доказал), настоящий герой севастопольский, достойный имен Нахимова и Корнилова. Снесите ему мое письмо. Прочтите его сначала хорошенько. Вы, верно, заметите по тону моего письма к нему, что я колебался и не знал, *как* ему писать. Он теперь стоит так высоко, а я кто такой? Захочет ли вспомнить меня? На всякий случай я и написал так. Теперь: отправьтесь к нему лично (надеюсь, что он в Петербурге) и отдайте ему письмо мое наедине. Вы по лицу его тотчас увидите, как он это принимает. Если дурно, то и делать нечего; в коротких словах объяснив ему положение и замолвив словечко, откланяйтесь и уйдите, испрося наперед у него насчет всего этого дела секрета. Он человек очень вежливый (несколько рыцарский характер), примет и отпустит Вас очень вежливо, если даже и ничего не скажет *удовлетворительного*. Если же Вы по лицу его увидите, что он займется мною и выкажет много участия и доброты, о, тогда будьте с ним совершенно откровенны; прямо, от сердца войдите в дело; расскажите ему обо мне и скажите ему, что *его слово* теперь много значит, что он мог бы попросить за меня у монарха, поручиться (как знающий меня) за то, что я буду вперед хорошим гражданином, и, верно, ему не откажут. Несколько раз по просьбе Паскевича государь прощал преступников-поляков. Тотлебен теперь в такой милости, в такой любви, что, право, его просьба будет стоить Паскевичевой. Вообще же я во многом надеюсь на Вас. Вы скажете горячее слово, я уверен. Ради бога, не откажите мне в этом. Напирайте собственно на то, чтоб мне оставить военную службу (но главное, если можно чего-нибудь более, то есть даже полного прощения, то не упускайте этого из виду). Нельзя ли, например, уволить меня с правом поступления в статскую 14-м классом и с возможностию возвратиться в Россию, а главное печатать? Вообще прочтите внимательно мое письмо к Тотлебену. Нельзя ли будет пустить в ход стихотворение? [15] Я читал в газетах, что на обеде Майков говорил ему стихи.[16] Не знаком ли он с ним? Если так, то расскажите всё Майкову, под секретом, и попросите, чтоб и он попросил за меня Тотлебена и отправился бы к нему вместе с Вами. Не встретите ли как-нибудь младшего брата Тотлебена, Адольфа? Тот мне друг. Скажите ему обо мне, и тот бросится на шею к брату и будет умолять его хлопотать за меня. Само собою разумеется, Вы мое письмо к Тотлебену запечатайте в конверт и так подайте. Мне же как можно скорее пришлите уведомление обо всем этом, хорошо ли, худо ли будет. Но вот беда: чтоб Lamotte не уехал к тому времени по своему округу! Он поедет на месяц. Я думаю, не уедет! Кажется, наверно так. Поторопитесь отвечать мне. Боюсь еще одного: хорошо ли, например, принял письмо мое *кн‹язь› Одоев‹ский›*.[17] Не обескуражены ли Вы и, может быть, *нехотя* пойдете к *Тотлеб‹ену›*. Ангел мой! Не оставляйте меня, не доводите меня до отчаяния!

2-я просьба. Напишите мне подробно и скорее: как Вы нашли моего брата? В каких он мыслях обо мне? Прежде это был человек, меня любивший горячо! Он плакал, прощаясь со мною. Не охладел ли он ко мне! Не изменил ли характера! Как грустно было бы мне это! Не обратился ли он весь в наживу денег и забыл всё старое? Не верится мне как-то этому. Но опять: чем же объяснить, что он не пишет иногда по 7 по 8 месяцев, пишет бог знает что, даже в бесцензурном письме с Хоментовским не отвечал ничего на мои вопросы,[18] и так мало я вижу прежнего, задушевного! Никогда не забуду, что он сказал Хоментовскому, передавшему ему мою просьбу похлопотать за меня, *что мне лучше оставаться в Сибири.* В декабре мы писали (помните, через Вашего брата), я просил денег, прося их выслать на Ламота. Вы знаете, как я нуждался! Что ж, ни слуху, ни духу! Я понимаю, что он может их не иметь, ибо он торгует, но в крайних случаях спасают человека. Притом же недолго я буду у них на шее и всё отдам. Притом же и прошу-то его об деньгах, помня его же слова при прощании со мною. В письме к нему, здесь приложенном, прошу его кроме тех 100 выслать мне еще, сколько может больше.[19] Мне нужно это на всякий случай (если б я получил свободу, то тотчас же полетел бы в Кузнецк, а без денег этого сделать нельзя). Кроме того, если уедет она в Барнаул, уговорю ее принять от меня; я ведь Вам не могу написать, но мне нужны, нужны деньги до зарезу; один раз в жизни они только так бывают нужны. 300 руб. серебром спасли бы меня. Но даже 200 и то хорошо, включая сюда те 100, которые уже я просил в декабре. Разумеется, я это Вам пишу как другу, а Вы не вздумайте сами чем-нибудь помочь! Я и то перед Вами *подлецом*, должен Вам пр́опасть![20] Во всяком случае, перечтите мое письмо к брату. Этого, что теперь пишу к Вам, ему не показывайте. Но я его отсылаю за пояснениями к Вам: расскажите ему всё. Что если он, подобно всевозможным дядюшкам и родным в романах, *сердится на любовь мою к ней* и отговаривает Вас помогать мне! Но ведь мне 35 лет. Что он думает? Что я его люблю из-за денег, которые он мне присылает. Вздор! У меня гордость есть. Я буду есть один хлеб и погибнем *я* и *она*, но не надобно мне от него денег, посланных с таким чувством. Не хочу подаяния! Мне нужно брата, а не денег! Мы с ним когда-то и вздорили, но горячо любили друг друга, и, клянусь Вам, я бы голову за него отдал. У меня дурной характер, по когда дойдет до дела, тогда я стою за друзей. Когда нас арестовали, то уж тут, кажется бы, в первую минуту ужаса, позволительно бы подумать прежде всего о себе. Что же? Я думал только об нем, о том, как поразит арест его семью, как поразит его бедную жену;[21] я умолял третьего моего брата, которого арестовали ошибкой, не объяснять ошибки арестовавшим как можно долее и послать денег брату, полагая, что у него нет.[22] Неужели он забыл всё старое и рассердится на то, что я прошу

много денег, и когда? Когда для меня самый критический момент всей жизни. Напишите, как он принял Вас, как Вы его нашли (откровенно), напишите его образ мыслей *обо всем этом деле* и слушайте только своего золотого сердца, добрейший друг; да будьте пооткровеннее с Майковым на мой счет. Это превосходный человек и меня любит. Разумеется, просите держать все в секрете. *3-я просьба.* Ради бога, поймите меня, помогайте мне, не думая, что я чем-нибудь могу повредить своей карьере моею любовью к ней, и 2-е) не подумайте, чтоб я поступал с нею нечестно, отвлекая ее от *выгодного брака* с другим, имея в виду только одну мою эгоистическую пользу. Нет ни выгоды ей в ее браке с другим, ни *малодушного* эгоизма во мне, и потому этого нельзя думать. В противном случае, клянусь, я готов жизнь мою за нее отдать и отказался бы от всех надежд моих в ее пользу. Рассудите: она в каждом письме своем и даже в последнем пишет, что любит меня более всего на свете, пишет, что сватающийся человек *только расчет* с ее стороны, и особенно умоляет меня верить, что это только еще одно предположение. Поймите же и ее положение. Она с жадностью ждет перемены в судьбе моей, и все нет да нет ничего! Она приходит в отчаяние и, понимая, что она мать, что у ней есть ребенок, поколебалась на возможность, если мои дела не устроятся, выйти замуж. Еще две почты назад она писала мне, успокоивая мою ревность, что ни один из кузнецких не стоит моего пальца, что она хотела бы мне сказать что-то, но боится меня, что кругом нее интригуют всякие гады, что всё это так грубо делается, без малейшего знания приличий, уверяет в том же письме, что она более чем когда-нибудь чувствует, что я необходим ей, а она мне, и пишет: «Приезжайте скорее, вместе посмеемся». Конечно, посмеемся над проделками кумушек, давших себе слово выдать ее замуж. Но ведь она, бедная, слабая, всего боится. Ведь, наконец, собьют ее с толку, а главное, загрызут, если увидят, что она не поддается на их проделки, и она будет жить одна среди врагов. Поймите же, что это для нее смерть и гибель выйти там замуж![б] Я знаю, что если б малейшая надежда в судьбе моей — и она бы воскресла, укрепилась духом и, получив письмо отца (с разрешением), уехала бы в Барнаул или в Астрахань. Что же касается[в] до меня, то, конечно, мы были бы с ней счастливы. В браке со мной она была бы всю жизнь окружена хорошими людьми и хорошим, бо́льшим уважением, чем с тем чиновником. Я сам ведь буду чиновник и скоро, может быть. Я уверен, что могу прокормить семью. Я буду работать, писать. Ведь если не будет теперь никаких даже милостей, все-таки можно будет перейти в штатскую, взять 14-й класс поскорее, получать жалованье, а главное, я могу печатать, даже incognito печатать. Буду с деньгами. Наконец, ведь это всё не сейчас, а к тому сроку дело

б *Далее было начато:* она сама
в *Далее помета:* (читайте на полях, следя за цифрами)

уладится. Знаете, что я ей отвечал и чего прошу у нее?[23] Вот что: что так как раньше окончания траура, раньше сентября то есть,[24] она не может выйти замуж, то чтоб подождала и не давала *тому* решительного слова. Если же до сентября мое дело не уладится, то тогда, *пожалуй*, пусть объявит согласие. Согласитесь, что если б я бесчестно и эгоистически действовал с ней, то повредить бы ей не мог просьбой подождать до сентября. К тому же она любит меня. Бедненькая! Она измучается. Ей ли с ее сердцем, с ее умом прожить всю жизнь в Кузнецке бог знает с кем. Она в положении моей героини в «Бедных людях», которая выходит за Быкова (напророчил же я себе!). Голубчик мой! пишу Вам всё это для того, чтоб Вы действовали всем сердцем и всей душой в мою пользу. Как на брата надеюсь на Вас! Иначе я дойду до отчаяния! К чему мне жизнь тогда! Клянусь Вам, что я сделаю тогда что-нибудь решительное! Умоляю Вас, ангел мой! А если Вам когда-нибудь понадобится человек, которого надо будет послать за Вас в огонь и в воду, то этот человек готов, *это я,* а я не покидаю тех, кого люблю, ни в счастье, ни в беде, и доказал это! и потому, ангел мой, *4-я просьба.* Ради бога, не теряя времени, напишите ей в Кузнецк письмо и напишите ей яснее и точнее все надежды мои. Особенно, если есть что-нибудь *положительное* в перемене судьбы моей, то напишите это ей во всех подробностях, и она быстро перейдет от отчаяния к уверенности и воскреснет от надежды, напишите *всю правду и только правду.* Главное подробнее. Это очень легко. Вот так: «Мне передал Ф. М. Ваш поклон (она Вам кланяется и желает счастья) — так как, я знаю, Вы принимаете большое участие в судьбе Ф. М., то спешу порадовать Вас, есть вот такие-то известия и надежды для него...» и т. д. Наконец: «Я много думал о Вас. Поезжайте в Барнаул, там Вас примут хорошо» и т. д. Вот так и напишите, да еще: она писала мне, что Вы, уезжая, ей написали. Очень рада и благодарна, что Вы ее не забыли, но пишет, что ничего не видно из письма Вашего, что ей хорошо будет в Барнауле, что Вы даже не пишете, согласен ли Барнаул принять меня, и что она не знает поэтому: не примут ли ее с досадою, как попрошайку, когда она явится туда. Верно, Вы были в хлопотах и расстройстве сами, когда так неполно и вскользь ей написали. Понимаю это и не ропщу на Вас. Но, ради бога, поправьте теперь дело. Для меня, для меня это сделайте, мой ангел, брат мой, друг мой! Спасите меня от отчаяния! ведь Вы больше чем кто другой *могли бы понять меня*!

Наконец: ради Христа, уведомьте меня обо всем ходе дел моих, как можно подробнее и поскорее; в этом полагаюсь совершенно на Вас. Уговаривайте брата помогать мне, действуйте перед ним как ходатай за меня. Внушите ему, что я только осчастливлю себя браком с нею, что нам немного надо, чтоб жить, и что у меня достанет энергии и силы, чтоб прокормить семью. Что если позволят писать и печатать, тогда я спасен, что я не буду

им никому в тягость, не буду просить их помогать себе, и *главное*: *не сейчас* же я женюсь, а выжду чего-нибудь обеспеченного. Она же с радостию подождет, только бы имела надежду на верное устройство судьбы моей. Скажите тоже, что мне 35 лет и что во мне благоразумия хватит на 10-х. Прощайте, дорогой мой, голубчик мой! Да! забыл! Ради Христа, поговорите с братом о денежных делах моих. Уговорите его помочь мне последний раз. *Поймите* — в каком я положении. Не оставляйте меня! Ведь такие обстоятельства как мои только раз в жизни бывают. Когда же и выручать друзей, как не в такое время. Обнимаю, целую Вас. Что *Ваши дел*а? Ведь я ничего-то о Вас не знаю! Жду с нетерпением письма от Вас. С сожалением кончаю письмо; теперь опять я один с моими слезами, сомнениями и отчаянием.

Напишите мне, ради бога: Катерина Осиповна в Петербурге или нет? Похлопочите о моих и ее делах у Гернгроссов.[25] Прощайте; обнимаю и целую Вас еще раз! Вы надежда моя, Вы спаситель мой!

Ваш Д‹остоевский›.

106. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

24 марта 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 24 марта/56.

Брат и друг мой, милый и дорогой мой Миша, письмо это передаст тебе Ал‹ександр› Егор‹ович› Вранг‹ель›.[1] Пишу к тебе, а за подробностями отсылаю к Ал‹ександру› Ег‹оровичу›, с которым, полагаю, ты хорошо познакомился. Мало что упишешь в нескольких строчках письма, добрый друг мой! Мне бы хотелось видеть тебя, говорить с тобой, и душа в душу, пересказать тебе всё, что теперь меня волнует и мучает. Скажу тебе одно: никогда столько грусти, тоски и отчаяния не было в жизни моей, как теперь! Тебя прошу о помощи: не оставляй хоть ты меня в эту минуту. Ал‹ександр› Ег‹орович› многое расскажет тебе. В письме с ним я писал уже тебе об одной даме, с которой был знаком в Семипалатинске, которая переехала с мужем в Кузнецк, где муж ее и умер. Писал тоже тебе о надеждах моих, о любви нашей.[2] Друг мой милый! Эта привязанность, это чувство к ней для меня теперь всё на свете! Я живу, дышу только ею и для нее. В разлуке с ней мы обменялись клятвами, обетами. Она дала мне слово быть женой моей. Она меня любит и доказала это. Но теперь она одна и без помощи. Родители ее далеко (они ей помогают, присылают денег). Видя, что так долго не разрешается судьба моя, нет ничего, чего мы вместе с ней ожидали, что облегчение судьбы моей еще сомнительно (хотя я уверен в нем), она впала в отчаяние, тоскует, грустит, больна. В маленьком этом городишке интригуют. Ее осаждают просьбами выйти замуж, все вдруг сделались Кочкаревыми.[3] Если она не даст слова, все сделаются ее

врагами. Ее сбивают, указывают на беспомощность ее положения, и вот она наконец, долго таившись от меня, написала мне об этом. Пишет, что любит меня больше всего на свете, что возможность выйти замуж за другого еще одно предположение, но спрашивает: «что ей делать?» — и молит меня, чтоб я не оставил ее в эту критическую минуту советом. Это известие меня поразило, как громом.[4] Я истерзан мучениями. Что если ее собьют с толку,[а] что если она погубит себя, она, с чувством, с сердцем, выйдя за какого-нибудь мужика, олуха, чиновника, для куска хлеба себе и сыну, она только могла[б] бы это сделать! Но каково же продать себя, имея другую любовь в сердце. Каково же и мне? Может быть, накануне переворота в судьбе моей и ее устройства по-новому. Потому что я слишком обнадежен, чтоб потерять надежду. Если не теперь, то когда-нибудь я достигну полного устройства дел моих, а теперь если не всё, то не многое могло бы спасти нас обоих! А это не многое так возможно и скоро! Я здесь даже нашел людей, которые готовы дать мне место,[5] а всегда можно добиться перехода из военной в статскую службу. Меня даже могут перевесть 14 классом (меня, наприм‹ер›, обнадеживали, что на следующий год меня могут представить в офицеры). Я получу место, жалование. Если бы даже не было никакой милости нынешним летом,[6] и все старания обо мне остались бы тщетными, то даже этот переход в статскую службу уладил бы мои дела окончательно.[7] А это-то уже возможно! Наконец, конечно, жалованье было бы малое, но я могу сам добывать деньги, я бы добился до позволения печатать. Полежаев, Марлинский печатали же.[8] Тогда я и обеспечен и по-здешнему даже богат (от литературы я многого ожидаю. Представь себе сочинение замечательное, как «Бедные люди»; и тогда на меня все обратят внимание даже свыше). Наконец; если б нынешнюю зиму, в которую я располагаю просить о позволении напечатать роман и одну статью, над которою сижу теперь,[9] если б несмотря на мои убеждения, что достигну этого позволения, — если б мне и отказали, то 1-й год брака я бы мог обеспечить себя и жить, не прибегая, наприм‹ер›, к тебе с просьбою помочь; ибо если б переменилась судьба моя, хоть как-нибудь, то я имею намерение обратиться к дяде и попросить его (не говоря о браке) помочь мне для начала новой жизни. Даст! Я уверен в том. Теперь посуди сам мое положение. Ее надо обнадежить, уверить, спасти; я далеко от нее; на письмах дело ладится плохо. Пойми же мое отчаяние! Пойми и то, брат (ради Христа, будь мне братом и пойми, что это не 20-летняя страсть, что мне 35 лет скоро, что я умру с тоски, если потеряю ее!), что всю жизнь мою хотел я посвятить на то, чтоб сделать ее счастливою. Я не могу тебе написать ни моих надежд, ни моего отчаяния. Мы более 6 лет не видались. Поймем ли мы друг друга так,

---

а *Вместо:* собьют с толку — *было:* погубят
б *Было:* способна

как надо, как брат понимает брата? Любишь ли ты меня по-прежнему, не изменился ли ты, — не знаю этого ничего! Друг мой, ангел мой! Есть у меня надежда, уверенность, что ты все-таки брат мне! Спаси меня! помоги мне! Есть у меня до тебя 2 просьбы, одна ничтожная, другая важная, но обе, исполненные, помогли бы мне, и ты бы сделал мне *благодеяние,* слышишь, брат, *благодеяние*! Вот эти просьбы (умоляю тебя, не откинь их и исполни как можно скорее. Вспомни, что, может быть, и я буду тебе полезен, что не забывал же и я тебя в критическом случае. Ты знаешь, что я люблю тебя. Брат, ангел мой, помоги же мне! Неужели все, все оставят меня!): *1-е, о чем прошу тебя.* У ней есть сын, мальчик, которому едва только минуло 8 лет. Когда умер муж, она, как мать, как заброшенная на край света, и наконец, как слабая женщина, пришла в страшное отчаяние о судьбе ребенка. Я ее обнадеживал. Старик-отец писал ей, что он не оставит внука, отдаст его в гимназию и потом в университет. Но что будет, думает она, если умрет старик, тогда кто будет содержать сына? И потому она думает, что лучше будет отдать его в *корпус*, где нынче так прекрасно воспитывают и где *правительство* не оставляет своих воспитанников уже всю жизнь, даже во время службы, раз уже взяв их на свое попечение. По чину мужа его нельзя иначе отдать, как в Павловский корпус.[10] Я вполне согласился с нею и сказал ей, что Голеновский, мой родственник, занимает в этом корпусе значительное место,[11] что он имел бы особое попечение за ребенком и его нравственностию и что, наконец, ты, как родной брат мне, не отказал бы исполнить мою усердную просьбу, хоть *иногда* брать ребенка по воскресеньям к себе. Таким образом не остался бы он совершенным сироткой, посещал бы хороший дом, где видел бы хорошие примеры, и таким образом ей можно было быть спокойною и за развитие его характера и нравственности. Когда же она дала мне слово быть моею женою, я подтвердил ей, что буду хлопотать у родных моих о ее сыне, и в случае если она достигнет поместить его в Павловский корпус (что она сделает и сама, не утруждая никого просьбами), то родные мои, некоторым образом уже как родные и ее сыну, примут в нем и участие более горячее, более родственное. Это ей было очень приятно. Она, бедная, была в такой тоске. Скажу тебе, милый мой, что я действительно надеялся крепко на тебя. Чтобы стоило тебе в самом деле иногда взять его к себе в воскресенье. Не объел же бы тебя бедненький сиротка. А за сиротку тебе бог еще больше подаст. К тому же, когда-то твоего брата, который был в изгнании, в несчастье, заброшенный на край света, оставленный всеми, отец и мать этого ребенка приняли у себя как брата родного, кормили, поили, ласкали и сделали его судьбу счастливее. К тому же, самое поступление мальчика еще не скоро будет, ему еще только 8 лет. Теперь пойми меня: я хочу просить тебя, чтоб ты написал ей в этом смысле. Именно так: М‹илостивая› г‹осударыня› Марья Дмитриевна! Брат мой, Ф‹едор› М‹и-

хайлович› Д‹остоевский›, много раз писал мне, как радушно, с каким родственным участием был он принят Вами и Вашим покойным мужем в Семипалатинске. Нет слов, чтобы изъявить Вам всю благодарность за то, что Вы сделали бедному изгнаннику. Я его брат и потому могу это чувствовать. Давно уже хотел я благодарить Вас. Брат уведомил меня, что Вы намерены поместить Вашего сына, когда выйдут ему лета, в Павловск‹пй› корпус. Если когда-нибудь он там будет[в] и если я хоть чем-нибудь могу облегчить одиночество ребенка на случай, если б он не имел в Петербурге ни родных, ни знакомых, то, поверьте, я почту себя счастливейшим человеком, тем более, что хоть этим могу выказать Вам живейшую благодарность за радушный прием моего брата в Вашем доме. Поверьте еще, что всё, что писал мне брат о Вас и знакомстве с Вашим домом, было мне чрезвычайно приятно и наполнило сердце мое радостию за моего бедного брата. Нет слов, чтобы выразить Вам всё мое уважение. Позвольте пребыть и т. д.»

На эту тему прошу тебя написать покороче и получше. Пойми, что ты для меня можешь сделать, тем более, что это тебе ничего не стоит. Ты вольешь в нее надежду. Она увидит, что она не оставлена, а главное, страшно поможешь мне в делах моих. Ибо расположение родных моих к ней, для нее, теперь, чрезвычайно важно; ибо я уведомил ее, что писал тебе о возможности нашего брака. Само собою разумеется, об этом браке ни слова. Адресовать: Ее высок‹облагородию› М‹арии› Дм‹итриевне› Исаевой, в город Кузнецк, Томской губернии.[12]

Ради Христа, сделай это для меня, брат. Ты мне сделаешь, повторяю, благодеяние. На коленях прошу тебя об этом. Не убей меня отказом! 2-я просьба *важная*. Я уже писал тебе, друг мой, что я в страшной нужде и просил у тебя 100 руб. сереб‹ром›. Ни слуху, ни духу от тебя. Боже мой! Что если я надоел тебе, что ты рад от меня *совсем* отвязаться, а я пишу тебе *такие письма!* Но я решаюсь писать тебе еще раз и просить у тебя огромной помощи. Друг мой! Мне нужно так много денег, что и вымолвить страшно. Но я *последний* раз прошу у тебя, более никогда в жизни тебя не буду беспокоить и при 1-м обороте счастья всё отдам тебе.

Мне нужно кроме тех 100 руб., которые я просил у тебя, еще 200 руб. Послушай, брат! Помнишь ты то время, когда ты женился? Не поделился ли я с тобой последним тогда? Знаю, не упрекай меня в неблагодарности! Ты мне столько передавал за всю жизнь мою денег, что мое ничего против *твоего*. Но все хорошо *вовремя*. К тому же, неужели бы ты мог быть способен отказать в помощи брату в таком несчастии. Теперь пойми, что никогда еще в жизни моей не было такой ужасной минуты! Эти деньги могли бы помочь мне в самом критическом обстоятельстве.

[в] *Далее было:* поверьте

Если нельзя 300, то пришли 200. Но, ради бога, пришли! Более не буду тебя беспокоить.[13]

Я надеюсь на перемену моей судьбы и убежден, что скоро в состоянии буду добывать себе хлеб. Брат! Еще я хотел сказать тебе кое-что, но мне так грустно, так грустно! Брат, неужели ты ко мне изменился! Как ты холоден, не хочешь писать, в 7 месяцев раз пришлешь денег и 3 строчки письма. Точно подаяние! Не хочу я подаяния без брата! Не оскорбляй меня! Друг мой! Я так несчастлив! Так несчастлив! Я убит теперь, истерзан! Душа болит до смерти. Я долго страдал, 7 лет всего, всего горького, что только выдумать можно, но наконец есть же мера страданию! Не камень же я! Теперь всё это переполнилось. Ангел мой! Если я тебя оскорбляю упреками и если я несправедлив к тебе, то на коленях прошу у тебя прощения. Не сердись на меня, мне ведь так тяжело! Не будь ко мне так небрежен! Помоги, услышь меня!

Радушный братский поклон мой Эмилии Федоровне и всему семейству. Ради Христа, никому ни слова о моих намерениях насчет женитьбы. Напиши письмо к М<арье> Д<митриевне> как можно скорее, не задерживая, и как можно почтительнее. Эта женщина стоит того!

107. Э. И. ТОТЛЕБЕНУ

24 марта 1856. Семипалатинск

Ваше превосходительство, Эдуард Иванович,

Простите меня, что осмеливаюсь утруждать Ваше внимание письмом моим. Боюсь, что, взглянув на подпись его, на имя, Вами, вероятно, забытое, — хотя я когда-то (очень давно) и имел честь быть Вам известным,[1] — боюсь, что Вы рассердитесь на меня и на дерзость мою и бросите письмо, не прочитав его. Умоляю Вас, будьте ко мне снисходительнее. Не обвиняйте меня в том, что я не понимаю всей неизмеримой разницы между моим положением и — Вашим. В моей жизни было слишком много печального опыта, чтоб я мог не понять этой разницы. Я очень хорошо понимаю и то, что не имею никакого права припоминать теперь, что был когда-то Вам известен, припоминать с тем, чтоб считать это хоть за одну тень права на внимание Ваше. Но я так несчастен, что почти поневоле поверил надежде, что Вы не закроете своего сердца для несчастного изгнанника, подарите ему хоть одну минуту внимания и, может быть, благосклонно выслушаете его.

Я просил передать Вам это письмо барона Александра Егоровича Врангеля. В бытность свою здесь, в Семипалатинске, он сделал для меня столько, сколько родной брат не мог бы сделать. Я так счастлив был его дружбой! Он знает все мои обстоятель-

ства. Я просил его передать Вам письмо мое лично. Он сделает это, несмотря на то, что не имеет удовольствия знать Вас, и на то, что я даже не имею возможности уверить его, что письмо это будет принято Вами снисходительно. Сомнение, понятное в сердце человека, бывшего каторжником. Я имею к Вам огромную просьбу, только робкую надежду, что она будет Вами услышана.

Может быть, Вы слышали о моем аресте, суде и высочайшей конфирмации, последовавшей по делу, в котором я был замешан в 1849 году. Может быть, Вы обратили на судьбу мою некоторое внимание. Я основываю предположение это на том, что с младшим братом Вашим, Адольфом Ивановичем, я был очень дружен, почти с детских лет любил его горячо. И хотя я с ним не видался в последнее время, но уверен, что он пожалел обо мне и, может быть, передал Вам мою грустную историю. Я не осмелюсь утруждать Вашего внимания рассказом об этом деле. Я был виновен, я сознаю это вполне. Я был уличен в намерении (но не более) действовать против правительства. Я был осужден законно и справедливо; долгий опыт, тяжелый и мучительный, протрезвил меня и во многом переменил мои мысли. Но тогда — тогда я был слеп, верил в теории и утопии. Когда я отправлялся в Сибирь, у меня, по крайней мере, оставалось одно утешение: что я вел себя перед судом честно, не сваливал своей вины на других и даже жертвовал своими интересами, если видел возможность своим признанием выгородить из беды других.[2] Но я повредил себе: я не сознавался во всем и за это наказан был строже. Я, может быть, мог бы принести некоторое оправдание. Перед тем я был два года сряду болен, болезнию странною, нравственною. Я впал в ипохондрию. Было даже время, что я терял рассудок. Я был слишком раздражителен, с впечатлительностию, развитою болезненно, со способностию искажать самые обыкновенные факты и придавать им другой вид и размеры. Но я чувствовал, что, хотя эта болезнь и имела сильное враждебное влияние на судьбу мою, она была бы очень плохим оправданием и даже унизительным. Да я и не сознавал тогда этого хорошо. Простите меня за такие подробности. Но будьте великодушны и выслушайте меня до конца.

Для меня настала каторга — 4 года грустного, ужасного времени. Я жил с разбойниками, с людьми без человеческих чувств, с извращенными правилами, не видал и не мог видеть во все эти 4 года ничего отрадного, кроме самой черной, самой безобразной действительности. Я не имел подле себя ни одного существа, с которым бы мог перемолвить хоть одно задушевное слово; я терпел голод, холод, болезни, работу не по силам и ненависть моих товарищей-разбойников, мстивших мне за то, что я был дворянин и офицер. Но, клянусь Вам, не было для меня мучения выше того, когда я, поняв свои заблуждения, понял в то же время, что я отрезан от общества, изгнанник и не могу уже быть полезным по мере моих сил, желаний и способностей. Я знаю, что я был осуж-

ден справедливо, но я был осужден за мечты, за теории... Мысли и даже убеждения меняются, меняется и весь человек, и каково же теперь страдать за то, чего уже нет, что изменилось во мне в противоположное, страдать за прежние заблуждения, которых неосновательность я уже сам вижу, чувствовать силы и способности, чтоб сделать хоть что-нибудь для искупления бесполезности прежнего и — томиться в бездействии!

Теперь я солдат, служу в Семипалатинске и нынешним летом произведен в унтер-офицеры.[3] Я знаю, что многие приняли и принимают во мне искреннее участие, что за меня хлопотали и просили. Меня обнадеживали и обнадеживают. Монарх добр, милосерд. Я знаю, наконец, что трудно тому, кто решился доказать, что он честный человек и желает сделать что-нибудь доброе, хоть когда-нибудь не достичь своей цели. Что-нибудь и я могу сделать! Не без способностей же я, не без чувств, не без правил!.. Великая, огромная просьба есть у меня до Вас, Эдуард Иванович! Одно только затрудняет меня: я не имею никакого права беспокоить Вас собою. Но у Вас благородное, возвышенное сердце! Об этом можно говорить; Вы так славно доказали это еще недавно, в виду целого света![4] Я уже давно, раньше других, имел счастье получить о Вас это мнение и уже давно, давно научился уважать Вас. Ваше слово может много значить теперь у милосердного монарха нашего, Вам благодарного и Вас любящего. Вспомните о бедном изгнаннике и помогите ему! Я желаю быть полезным. Трудно, имея в душе силы, а на плечах голову, не страдать от бездействия. Но военное звание — не мое поприще. Я готов тянуться из всех сил; но я больной человек, и, кроме того, я чувствую, что я более склонен к другому поприщу, более сообразному с моими способностями. Вся мечта моя: быть уволенным из военного званья и поступить в статскую службу, где-нибудь в России или даже здесь; иметь хоть некоторую свободу в избрании себе места жительства. Но не службу ставлю я главною целью жизни моей. Когда-то я был обнадежен благосклонным приемом публики на литературном пути. Я желал бы иметь позволение печатать. Примеры тому были: политические преступники, по благосклонному к ним вниманию и милосердию, получали позволение писать и печатать еще прежде меня.[5] Звание писателя я всегда считал благороднейшим, полезнейшим званием. Есть у меня убеждение, что только на этом пути я мог бы истинно быть полезным, может быть, и я обратил бы на себя хоть какое-нибудь внимание, приобрел бы себе опять доброе имя и хотя несколько обеспечил свое существование, ибо я ничего не имею, кроме некоторых и очень небольших, может быть, литературных способностей. Не скрою от Вас, что кроме теперешнего желания моего переменить свою участь на другую, более соответствующую моим силам, одно обстоятельство, от которого, может быть, зависит счастье всей моей жизни (обстоятельство чисто личное),[6] побудило меня попробовать осмелиться напомнить Вам о себе. Не всего разом прошу я,

но только возможности выйти из военной службы и права поступить в статскую.

Прочтя эти просьбы мои, не обвините меня в малодушии! Я столько перенес страданий, что, право, доказал одною возможностью их перенесть и терпение, и даже некоторую долю мужества. Но теперь я упал духом и сам чувствую это. Я всегда считал за малодушие беспокоить собою других, кого бы то ни было. Тем более мне беспокоить собою Вас. Но имейте жалость ко мне, умоляю Вас! Я мужественно переносил до сих пор мое бедствие. Теперь же обстоятельства сломили меня, и я решился на попытку, только на попытку. Мысль писать Вам и просить Вас о себе не приходила ко мне прежде, клянусь Вам. Мне как-то совестно и тяжело было бы напомнить Вам о себе. С самым бескорыстным и восторженным чувством следил я всё это последнее время за подвигом Вашим. Если б Вы знали, с каким наслаждением говорил я о Вас другим, Вы бы поверили мне. Если б Вы знали, с какою гордостию припоминал я, что имел честь знать Вас лично! Когда здесь узнали об этом, то меня закидали вопросами о Вас, и мне было так приятно говорить о Вас! Я не боюсь Вам написать это. Ваш подвиг так славен, что даже такие слова не могут показаться лестью. Податель письма этого может засвидетельствовать перед Вами искренность и бескорыстие чувств моих к Вам. Благодарность русского к тому, кто в эпоху несчастья покрыл грозную оборону Севастополя вечной, неувядаемой славой, — понятна. Но, повторяю, и в мыслях моих не было беспокоить Вас собою. Но теперь, в минуту уныния, и не зная, к кому обратиться, я припомнил, как Вы были со мною всегда радушны, просты и ласковы. Я припомнил Вас всегда с смелыми, чистыми и возвышенными движениями сердца и — поверил надежде. Мне подумалось: неужели Вы оттолкнете меня теперь, когда Вы ступили на такую славную и высокую степень, а я упал так низко, низко? Простите же смелость мою; особенно простите меня за это длинное (*слишком длинное*, я понимаю это) письмо, и если что можете сделать для меня, умоляю Вас, сделайте.

У меня есть до Вас еще одна чрезвычайная просьба, в которой, умоляю Вас, не откажите мне. Когда-нибудь напомните обо мне Вашему брату Адольфу Ивановичу и передайте ему, что я его люблю по-прежнему: что во время 4-х-летней каторги, перебирая в уме всю прежнюю жизнь мою, день за днем, час за часом, я не раз встречал его в моих воспоминаниях. . . Но он знает, что я люблю его! Я помню, он был очень болен в последнее время. Здоров ли он? Жив ли он? Простите и за эту просьбу. Но я не знаю, через кого бы я мог исполнить это давнишнее желание мое, и — обратился к Вам.

Я знаю, что, написав это письмо, я сделал новую вину, против службы. Простой солдат пишет к генерал-адъютанту! Но Вы великодушны и Вашему великодушию вверяю себя.[7]

С глубочайшим уважением и с искренним благодарным чувством русского осмеливаюсь пребыть вашего Превосходительства всепокорнейшим слугою.

Федор Достоевский.

Семипалатинск,
24 марта 1856 год.

108. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

13 апреля 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 13 апреля 1856 г.

Спешу Вам отвечать на Ваше милое, добрейшее письмо, добрый друг мой, которое Вы мне написали от 12 марта и которым я был обрадован 3-го дня.[1] А я так нетерпеливо ждал от Вас известия. Но в последнее время и надеяться перестал на скорое полученье; ибо Демчинский, приехавший недели две тому из России, говорил, что Вы промешкали в Казани, а потом сюда писали из Москвы (Спиридонову), что Вы только день или два пробыли в Москве и отправились уже 9 марта в Петербург. По всем этим слухам я и рассчитывал, что получу, самое раннее, на святой;[2] и вот получил раньше! Вы не поверите, как Вы меня обрадовали и как мне *нужно* было Ваше письмо. А в том, что я его получу от *Вас,* в уверенности, что Вы меня не забудете и будете *стараться* обо мне, — в этом у меня и мысли не было усумниться,[a] подумать, что Вы меня забудете. Я знаю Вас, добрейшее, благороднейшее сердце, и недаром же я Вас так любил. Вы не поверите, в каком положении я был всё это последнее время... Но об этом потом, а для порядка начну сначала с Вашего письма, добрейший мой Александр Егорович. Вы начинаете тем, что, несмотря на многие развлечения, не могли забыть своего *сердечного* горя. Верю, мой друг; это не так скоро забывается; *теперь* я это очень хорошо знаю, да и вообще много узнал, чего прежде и не предполагал, чтоб так оно было. Но, признаюсь Вам, крайне бы желал узнать, что теперь именно *между вами*; ибо об этих делах, с самого письма Вашего из Ялуторовска, не имею понятия. Теперь Вы, конечно, имеете на этот счет, может быть, уже решительное мнение, ибо, сколько я Вас понял, эта особа, может быть, уже приехала в Петербург.[3] Но, по крайней мере, Вы теперь в кругу родных; как я рад, что с отцом Вашим Вы сошлись. Ради Христа, не нарушайте этого согласия. Рассчитывайте на дальнейшее и *имейте в виду*. Вам уже пора, по моему мнению, начать рассчитывать и распределять свое будущее. Я вовсе не хочу сказать, чтоб Вы поступали против своих настоящих чувств и мыслей. Вас, например, Вы пишете, хотят женить. Выгодно, но ведь не одни

---

[a] *Было:* пошатнуться

деньги в жизни. Всё это давно уже известно и об этом нечего говорить. Всякий поступает по совести, а порядочный человек по совести и рассчитывает. Пишете Вы, добрейший и незабвенный друг мой, что в июле рассчитываете быть в Сибири и проехать через Семипалатинск. Вы не поверите, как я обрадовался, что Вы не переменили своих намерений и хотите возвратиться в Сибирь, а к зиме даже располагаете устроиться в Барнауле. Я Вас буду ждать как солнца. Но, друг мой, правда ли те слухи, которые здесь распространились о Вас: именно, что будто бы корпусный команд‹ир› назначил Вас к себе, в Омск, чиновником по особым поручениям (рассказывают, что он был очень удивлен, что Вы не проехали через Омск), именно тем, чем Вы не хотели быть. Тогда, пожалуй, чтоб избегнуть этого, и если не будет уже возможности переменить, Вы останетесь в Петербурге, а не поедете сюда! Впрочем, Вы теперь уже об этом знаете. Вам, верно, написали отсюда. Ради бога, друг мой, ради бога, уведомьте *наверно*, если можно. Приедете ли Вы или нет, когда, куда, чем приедете сюда и как Вы надеетесь устроить свои дела в Петербурге. Кроме того, что я алчу Вас видеть, Вы мне теперь необходимы как воздух, да и всегда мне необходимы были, и я это помню. — Вы не поверите, как я обрадовался тому, что мой брат Вам понравился и что Вы, кажется, сойдетесь с ним. Сделайте это, ради бога; не раскаетесь.[4] Как я рад, что он всё тот же и любит меня. Много я Вам написал о моих сомнениях даже на его счет в прошлом письме.[5] Но если б Вы знали, в каком грустном, в каком ужасном я был положении и как я раскаиваюсь в моих предположениях насчет брата. Скажите ему, что я его целую; не пишу ему потому, что и Вам-то едва успеваю ответить. Напишу ему скоро письмо официальное, в котором будет: *жив, здоров* и только. Что написать в официальном письме, кроме этого? Но в следующем письме к Вам напишу и ему.[6] В прошлом письме я просил у него еще 100 руб.[7] Не для меня, мой друг, а для всего, что только теперь есть у меня самого дорогого в жизни, и, главное, *на всякий случай*. Если только он может исполнить мою просьбу, пусть исполнит, и господь его наградит за это, а он меня, может быть, этим осчастливит и избавит от отчаянья. Как знать, что случится. К тому же, если позволят печатать, тогда я уже буду с своими деньгами и начну новую жизнь и не буду его беспокоить, что у меня всегда было на сердце, ибо брат сам добывает себе трудом кусок хлеба. Писал я Вам, друг мой, сходить к Тотлебену и отдать мое письмо. Теперь Вы уже, может быть, это сделали. Вы не поверите, с каким замиранием сердца буду ждать на этот счет Вашего ответа. Заранее благодарю Вас за всё, что Вы для меня делаете. Только, ради Христа, не обнадеживайте понапрасну меня, из желания меня успокоить. Факты, одни факты напишите мне.

Просил и Вас и брата написать к Марье Дмитриевне и если возможно — поскорее. Повторяю мою просьбу; ради бога, сделайте это. Вы пишете, что готовится что-то из милостей для нас, но что

именно — это держат в секрете. Сделайте милость, друг мой бесценный, нельзя ли хоть что-нибудь узнать заране относительно меня. Это мне нужно, нужно! Если что узнаете, сообщите немедленно. О Кавказе я и не думаю.[8] О барнаульском батальоне тоже. *Теперь* всё это пустяки. Вы пишете, что все любят царя. Я сам обожаю его. Производство мое мне лично очень важно, сознаюсь. Но если ждать офицерства, то это ждать еще долго, а мне хоть что бы нибудь теперь, при коронации. Самое лучшее и здравое, конечно, хлопотать о позволении печатать. Я думаю переслать Вам в скором времени стихи на коронацию, частным образом. Но пойдут они тоже и официальным путем. Вы, верно, встретитесь с Гасфортом. Он ведь едет на коронацию. Не поговорите ли Вы ему, чтоб он сам представил мои стихи?[9] Нельзя ли будет это сделать? Уведомьте тоже меня, до которого времени можно будет писать к Вам, ибо если Вы оставите Петербург, то нехорошо будет, если письма пропадут. Я говорил Вам о статье об России. Но это выходил чисто политический памфлет. Из статьи моей я слова не захотел бы выкинуть. Но вряд ли позволили бы мне начать мое печатание с памфлета, несмотря на самые патриотические идеи. А выходило дельно, и я был доволен. Сильно занимала меня статья эта! Но я бросил ее. Ну, как откажут напечатать! К чему же пропадать моим трудам? А теперь мне время дорого, чтоб тратить его понапрасну, из удовольствия писать для себя. Да и политические обстоятельства изменились.[10] И потому я присел за другую статью: «Письма об искусстве». Е‹е› в‹ысочество› Мария Николаевна — президент Академии. Хочу просить позволения посвятить статью мою ей и напечатать без имени. Статья моя — плод десятилетних обдумываний.[6] Всю ее до последнего слова я обдумал еще в Омске. Будет много оригинального, горячего. За изложение я ручаюсь. Может быть, во многом со мной будут не согласны многие. Но я в свои идеи верю и того довольно. Статью хочу просить прочесть предварительно Ап. Майкова. В некоторых главах целиком будут страницы из памфлета. Это собственно о назначении христианства в искусстве.[11] Только дело в том, где ее поместить? Напечатать отдельно — купят 100 человек, ибо это не роман. В журналах дадут деньги. Но «Современник» был всегда мне враждебен, «Москвитянин» тоже.[12] «Русский вестник» напечатал вступление к разбору Пушкина Каткова, где идеи совершенно противуположные моим.[13] Остаются одни «Отечест‹венные› записки», но что делается с «Отечеств‹енными› записками» теперь — я не знаю. И потому поговорите с Майковым и братом, только так, в виде проекта, возможно ли будет ее где-нибудь напечатать за деньги, и сообщите мне. А главное, сижу за романом, и это мое наслаждение.[14] Только этим я могу составить себе имя и обратить на себя внимание. Но, конечно, лучше начать прежде серьезной статьей (об искусстве) и на нее про-

[6] *Было:* опытов

сить разрешения печатать, ибо на роман до сих пор смотрят как на пустячки. Так мне кажется. — Если будет возможность говорить и хлопотать о переводе моем в статскую службу, *именно в Барнаул,* то, ради бога, не оставляйте без внимания. Если возможно говорить об этом с Гасфортом, то, ради бога, поговорите; а если можно не только говорить, но и делать, то не упускайте случая и похлопочите о моем переводе в Барнаул в статскую службу. Это самый *близкий* и самый *верный* шаг для меня. Впрочем, согласен с Вами совершенно, что надобно ждать коронации. Господь знает, может быть, и *больше* будет, чем даже и мы ожидаем. Время близко, но бог знает сколько может воды утечь в это время. Я говорю про мои обстоятельства, которые Вы знаете.

Ангел мой, я был расстроен, я был в горячке, в лихорадке, когда писал Вам и брату в прошлый раз.[15] Вот что было в самом деле: ибо теперь дело разъяснилось *во многом.* Мне кажется, я должен Вам написать всё это после того, что написал в прошлом письме. На масленице я был кое-где на блинах, на вечерах, даже танцевал.[16] Тут был Слуцкий, и я часто с ним виделся (мы знакомы). Обо всем этом, о том, что я даже пускался танцевать, и о некоторых здешних *дамах* я написал Марье Дмитриевне.[17] Она и вообрази, что я начинаю *забывать* ее и увлекаюсь другими. Потом, когда настало объяснение, писала мне, что она была замучена мыслью, что я, последний и верный друг ее, уже ее забываю. Пишет, что мучилась и терзалась, но что ни за что не выдала бы мне свою тоску, сомнения, «умерла бы, а не сказала ни слова». Я это понимаю; у ней гордое, благородное сердце. И потому пишет она: «Я невольно охладела к Вам в моих письмах, почти уверенная, что не тому человеку пишу, который еще недавно меня только одну любил». Я заметил эту холодность писем и был убит ею. Вдруг мне говорят, что она выходит замуж. Если б Вы знали, что со мной тогда сталось! Я истерзался в мучениях, перечитал ее последние письма, а по холодности их поневоле пришел в сомнение, а затем в отчаяние. Я еще не успел ей ничего написать об этом, как получаю от нее то письмо, о котором писал Вам в прошлый раз, где она, говоря о своем беспомощном, неопределенном положении, спрашивает совета: «что ей отвечать, если человек с какими-нибудь достоинствами посватается к ней?». После этого прямого подтверждения всех сомнений моих я уже и сомневаться не мог более. Всё было ясно, и слухи о замужестве ее были верны, и она скрывала их от меня, чтоб не огорчать меня. Две недели я пробыл в таких муках, в таком аде, в таком волнении мыслей, крови, что и теперь даже припомнить не могу от ужаса. Ей-богу, я хотел бежать туда, чтоб хоть час быть с ней, а там пропадай моя судьба! Но тень надежды меня остановила. Я ждал ее ответа, и эта надежда спасла меня. Теперь вот что было: в муках ревности и грусти о потерянном для нее друге, одна, окруженная гадами и дрянью, больная и мнительная, далекая от своих и от всякой помощи, она решилась *выведать наверно*: в каких я к ней

отношениях, забываю ли ее, тот ли я, что прежде, или нет? Для этого она, основываясь кой на чем, случившемся в действительности, и написала мне: «что ей отвечать, если кто-нибудь ей сделает предложение?». Если б я отвечал равнодушно, то это бы доказало ей, что я действительно забыл ее. Получив это письмо, я написал письмо отчаянное, ужасное, которым растерзал ее, и еще другое в следующую почту.[18] Она была всё последнее время больна, письмо мое ее измучило. Но, кажется, ей отрадна была тоска моя, хоть она и мучилась за меня. Главное, она уверилась по письму моему, что я ее по-прежнему, беспредельно люблю. После этого она уже решилась мне всё объяснить: и сомнения свои и ревность и мнительность, и, наконец, объяснила, что мысль о замужестве выдумана ею в намерении узнать и испытать мое сердце. Тем не менее это замужество имело основание. Кто-то в Томске нуждается в жене и, узнав, что в Кузнецке есть вдова, еще довольно молодая и, по отзывам, интересная, через кузнецких кумушек (гадин, которые ее обижают беспрестанно) предложил ей свою руку. Она расхохоталась и ответила кузнецкой дамесвахе, что она ни за кого не выйдет здесь и чтоб ее больше не беспокоили. Те не унялись; начались сплетни, намеки, выспрашиванья: с кем это она так часто переписывается? У ней есть там одно простое, но доброе семейство чиновников, которое она любит. Она и сказала чиновнице, что если выходить замуж, то уже есть человек, которого она уважает и который почти делал ей предложение. (Намекала на меня, но не сказала кто.) Объявила же она это, зная, что хоть и хорошие люди, а не утерпят и разгласят всюду, а таким образом, коли узнают, что уже есть жених, то перестанут сватать других и оставят ее в покое. Не знаю, верен ли был расчет, но сын Пешехонова, там служащий, написал отцу, что Марья Дмитриевна выходит замуж, а тот и насплетничал в Семипалатинске, таким образом я и уверен был некоторое время, что всё для меня кончилось. Но друг мой милый! Если б Вы знали, в каком грустном я положении теперь. Во-первых, она больна: гадость кузнецкая ее замучает, всего-то она боится, мнительна, я ревную ее ко всякому имени, которое упомянет она в своем письме. В Барнаул ехать боится: что если там примут ее как просительницу, неохотно и гордо. Я разуверяю ее в противном. Говорит, что поездка дорого стоит, что в Барнауле надо новое обзаведение. Это правда. Я пишу ей, что употреблю все средства, чтоб с ней *поделиться,* она же умоляет меня всем, что есть свято, не *делать этого.* Ждет ответа из Астрахани, где отец решит, что ей делать: оставаться ли в Барнауле или ехать в Астрахань? Говорит, что если отец потребует, чтоб она приехала к нему, то надо ехать, и тут же пишет: не написать ли отцу, что я делаю ей предложение,[в] и только скрыть от отца настоящие мои обстоятельства? Для меня всё это тоска, ад. Если б

[в] *Далее знак:* NB

поскорее коронация и что-нибудь *верное* и *скорое* в судьбе моей, тогда бы она успокоилась. Понимаете ли теперь мое положение, добрый друг мой. Если б хоть Гернгросс принял участие. Право, я думаю иногда, что с ума сойду!

109. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

23 мая 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 23 мая 1856 (среда).

Дорогой, добрейший мой Александр Егорович, спешу (в полном смысле слова: *спешу*) отвечать Вам.[1] И потому не взыщите, если письмо написано наскоро и безалаберно. После всё объясню.

Во-первых, благодарю Вас несказанно за всё то, что Вы сделали, за все старанья Ваши за меня. Вы мой второй брат, дорогой и возлюбленный! Тотлебен благороднейшая душа, я в этом был уверен всегда. Это рыцарская душа, возвышенная и великодушная. Брат его такого же характера. Ради Христа, скажите Эрнсту, что я без слез не мог читать Вашего письма и я не знаю, есть ли слова, чтоб выразить мои чувства к нему.[2] Адольфа расцелуйте за меня.[3] Что-то будет! Дело, я сам понимаю, на хорошей дороге. Дай бог счастья великодушному монарху! Итак, всё справедливо, что рассказывали постоянно о горячей к нему любви всех! Как это меня радует! Больше веры, больше единства, а если любовь к тому, — то всё сделано. — Каково же кому-нибудь оставаться назади? Не примкнуть к общему движенью, не принесть свою лепту!? О, дай бог, чтоб моя судьба поскорее устроилась. Вы мне пишете прислать что-нибудь. Посылаю стихи на *коронацию* и *заключение мира*. Хороши ли, дурны ли, но я послал здесь по начальству с просьбою позволить *напечатать* (то есть об этой просьбе Петр Михайлович только доложил Гасфорту).[4] Просить же официально (прошением) позволения печатать, не представив в то же время сочинения, по-моему, неловко. Потому я начал с стихотворения. Прочтите его, перепишите и постарайтесь, чтоб оно дошло к монарху. Но вот в чем дело: миновать Гасфорта нельзя. Ведь, может быть, придется здесь служить. Гасфорт 10-го июня едет в Петербург. Конечно, он явится к царю. Стихотворение мое он повезет, но надобно, чтоб он был предупрежден и, главное, получше настроен в мою пользу. Будете ли Вы в Петербурге при приезде Гасфорта? Встретитесь ли с ним? Если б встретились, то прошу Вас не говорить ему о Тотлебене. Он горячее примется, если успех дела отнесут лично к нему. Но превосходно было бы, если б Тотлебен, встретив его где-нибудь или даже (но на такую милость от Тотлебена я и надеяться не смею) *сделав сам визит* Гасфорту (что Гасфорту страшно польстит), попросил бы его представить мое стихотворение царю с просьбой печатать и замолвить за меня доброе слово, если его будут обо мне

спрашивать, то есть достоин к производству. Не правда ли, что тогда дело обделалось бы хорошо![5] Итак, друг мой, будете ли Вы или нет при Гасфорте в Петербурге, сообщите эту мысль Тотлебену, осторожно (ибо я много прошу), и если увидите, что он это одобряет, объясните ему всё. — Вы не поверите, как Вы меня вдохновили этими известиями. Жду не дождусь Вас увидеть! О! Как бы поскорее! Как много надо переговорить!

Х. выехала в начале мая из Барнаула и теперь вы уже, верно, давно увиделись и — счастливы![6] О дай бог счастья, а не тех ужасов, которые иногда могут быть, — говорю по опыту! Но не засидитесь в Петербурге. Приезжайте, ради бога приезжайте. Брату скажите, что я обнимаю его, прошу у него прощения за все горести, которые я нанес ему; на коленях перед ним. — Дела *мои* ужасно плохи, и я почти в отчаянии. Трудно перестрадать, сколько я выстрадал! Но не буду утомлять Вас, тем более, что всего передать *не могу*, и таким образом я один совершенно с своей безвыходной тоской. О! Кабы Вы были здесь, без Вас[а] того не было бы! Дело в том, что она[7] отказалась теперь формально ехать в Барнаул; но это бы ничего! Но во всех последних письмах, где все-таки мелькает нежность, привязанность и даже более, она мне намекает, что она не составит моего счастья, что мы оба слишком несчастны и что нам лучше[б] ‹...› О Паше она просит меня хлопотать в Сибирский корпус, просит и Вас похлопотать у Гасфорта, не примет ли даже в этом году в малолетнее отделение (Паше девятый год)? Я обещался хлопотать бескорыстно и потому — умоляю, — что можете — сделайте. Но умоляю тоже, ради бога, уговорите брата, чтоб он справился подробно и прилежно, нельзя ли Пашу поместить в Павловск‹ий› корпус, хоть не теперь, так в будущем году?[8] Если можно, то чтоб брат написал Марье Дмитриевне, в возможно скором времени, все подробности, обнадежил бы ее совершенно, а Вы, Ал‹ександр› Егор‹ович›, ради Христа и для меня, обнадежьте ее, что может быть хороший случай доставки Паши в Петербург, что ей не надо и с места сдвигаться, чтобы отправлять сына в Петербург, что другие довезут, а в Петербурге Паша найдет друзей. Уверьте ее, успокойте ее! Особенно умоляю в том брата...[9] Что я еду в Кузнецк, я не сказал Белехову, но я проеду туда хоть на несколько часов. Не сказал потому, что Белехов в последнюю минуту как-то стал почесываться. Однако отпускает. Еду почти наверно, если завтра Бел‹ехов› не переменится. Всё на свой счет. Не обвиняйте меня, что я трачу без пути; но я готов под суд идти, только бы с ней видеться. Мое положение критическое. Надобно переговорить и всё решить разом! Не беспокойтесь; в дороге со

а *Так в рукописи.*

б *Фраза не закончена: текст переходил на следующую страницу, оторванную, вероятно, А. Г. Достоевской. Далее следует текст, перешедший на поля сохранившегося листа.*

мной ничего не случится; я осторожен. Вернусь через 10 дней, но увижу ее. Что я проеду в Кузнецк, я держу в тайне. Ради Христа, и Вы не говорите никому, кроме брата. Друг мой! Я в ужасном волнении. Вы пишете, что хлопочете о переводе моем в барнаульский батальон. Ради всего, что для Вас свято, *не переводите* меня раньше офицерства (если бог пошлет его). Это будет смерть моя. Во-первых, elle ne sera pas là.* Во-вторых, каково привыкать к другим лицам, к новому начальству. Здесь я от караулов избавлен, там нет. Начальство батальонное — плохое. И зачем? для чего? Чтоб жить вместе? А она будет, может быть, в Омске. Ради бога, оставьте эту идею. Она меня приводит в отчаянье.

Демчинский к Вам тоже не совсем расположен. (Со мной он в *приятельских* отношениях. — Ламот превосходный человек.) Все удивляются здесь, как, по Вашим письмам, Вам так много предлагают, а Вы едете *сюда*, где скучали, для чего, для каких причин?[в] [10] Я сказал Ламоту по секрету, что это вследствие Ваших семейных отношений к родным, и сплел историю, очень ловко, пусть Л‹амот› рассказывает.[г] ‹Буду и› у Полетики — ‹если› застану дома. Еду дней на десять.

Прощайте, друг мой, храни Вас бог, жду Вас, как ангела божия. Вы мне более чем друг и брат. Вы мне богом посланы.

в *Далее было начато:* Иные говорили
г *Следующий далее текст поврежден.*
* ее там не будет (*франц.*).

110. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

14 июля 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 14 июля 1856.

Спешу Вам отвечать с первою же почтой, добрейший, бесценный мой Александр Егорович.[1] А долго же я от Вас ждал хоть одной строчки! Не упрекаю Вас; Вы всегда мне брат были; я это чувствую и знаю. Но если б Вы знали, как мне нужно было Ваше дружеское участие, Ваша память обо мне во всё это время. Тысячу раз собирался писать к Вам сам; но всё боялся, что Вы тем временем выедете к нам и письмо мое Вас не застанет. Впрочем, что ж бы я Вам стал писать? Не упишешь ничего, *что надобно*, на письме. И теперь тоже. — Благодарю Вас еще в 100-й раз за все Ваши старанья обо мне. Поблагодарите обоих Тот‹лебенов›.[2] Вы не можете представить себе, с каким восторгом я гляжу на поведение таких душ, как Вы и они оба, относительно меня! Что я Вам сделал, что Вы меня так любите? Что я им сделал, благородным душам! Благослови вас всех господь! Итак, теперь я могу надеяться крепко, но. . . уже поздно! Я был *там*, доб-

рый друг мой, я видел ее! Как это случилось, до сих пор понять не могу! У меня был вид до Барнаула, а в Кузнецк я рискнул, но был! Но что я Вам напишу? Опять повторяю, можно ли что-нибудь уписать на клочке бумаги! Я увидел ее! Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого. Я там провел два дня. В эти два дня она *вспомнила прошлое,* и ее сердце опять обратилось ко мне.[a] Прав я или нет, не знаю, говоря так! Но она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не всё еще решено; ты и я и более никто!» Это слова ее положительно. Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые! К концу второго дня я уехал с *полной надеждой.* Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие всегда виноваты. Так и случилось! Письмо за письмом, и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня! Я не скажу, бог с ней! Я не знаю еще, что будет со мной без нее. Я пропал, но и она тоже. Можете ли Вы себе представить, бесценный и последний друг мой, что она делает и на что решается, с ее необыкновенным, безграничным здравым смыслом! Ей 29 лет; она образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдавшая, мучившаяся, больная от последних лет ее жизни в Сибири, ищущая счастья, самовольная, сильная, она готова выйти замуж *теперь* за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не видавшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинающего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою *последнюю мысль*, без значенья, без дела на свете, без ничего, учителя в уездной школе, имеющего в виду (очень скоро) 900 руб. ассигн‹ациями› жалованья.[3] Скажите, Алекс‹андр› Егоров‹ич›, не губит она себя другой раз после этого? Как сойтись в жизни таким разнохарактерностям, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями? И не оставит ли он ее впоследствии, через несколько лет, когда еще она ‹*3 нрзб*›, не позовет ли он ее смерти! Что с ней будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку? Кто знает, до чего может дойти распря, которую я неминуемо предвижу в будущности; ибо будь он хоть разыдеальный юноша, но он все-таки еще не крепкий человек. А он не только не идеальный, но... Всё может быть впоследствии. Что, если он оскорбит ее подлым упреком, когда поверит ‹?› что она рассчитывала на его молодость, что она хотела сладостраст‹но› заесть век, и ей, ей! чистому, прекрасному ангелу, это, может быть, придется выслушать! Что же? Неужели это не может случиться? Что-нибудь подобное да случится непременно; а Кузнецк? Подлость! Бог мой, — разрывается мое сердце. Ее счастье я люблю более моего собственного. Я говорил с ней обо всем этом, то есть всего нельзя сказать, но о десятой доле. Она слушала и была поражена. Но у женщин чувство берет верх даже над очевидностью здравого смысла. Резоны упали

---

a ***Далее было начато:*** **Если б**

перед мыслию, что я на него нападаю, подыскиваюсь (бог с ней); и защищая его (что, дескать, он не может быть таким), я ни в чем не убедил ее, но оставил сомнение: она плакала и мучилась. Мне жаль стало, и тогда она вся обратилась ко мне — меня жаль! Если б Вы знали, что это за ангел, друг мой! Вы никогда ее не знали; что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное — у ней сердце рыцарское:[6] сгубит она себя. Не знает она себя, а я ее знаю! По ее же вызову я решился написать *ему* всё, весь взгляд на вещи; ибо, прощаясь, она совершенно обратилась опять ко мне всем сердцем. С ним я сошелся: он плакал у меня, но он только и умеет плакать! Я знал свое ложное положение; ибо начни отсоветовать, представлять им будущее, оба скажут: для себя старается, нарочно изобретает ужасы в будущем. Притом же он с ней, а я далеко. Так и случилось. Я написал письмо длинное ему и ей вместе.[4] Я представил всё, что может произойти от неравного брака. Со мной то же случилось, что с Gil-Blas'ом и archevêque de Grenade,* когда он сказал ему правду.[5] Она отвечала горячо, его защищая, как будто я на него нападал. А он истинно по-кузнецки и *глупо* принял себе за личность и за оскорбление — дружескую, братскую просьбу мою (ибо он сам просил у меня и дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья; ибо ему 24 года, а ей 29, у него нет денег, определенного в будущности и вечный Кузнецк. Представьте себе, что он всем этим обиделся; сверх того вооружил ее против меня, прочтя наизнанку одну мою мысль и уверив ее, что она ей оскорбительна. Мне написал ответ ругательный. Дурное сердце у него, я так думаю! Она же после первых вспышек уже хочет мириться, сама пишет мне, опять нежна... опять ласкова, тогда как я еще не успел оправдаться перед нею. Чем это кончится, не знаю, но она погубит себя, и сердце мое замирает. Верьте мне, не верьте, Алекс<андр> Егор<ович>, говорю Вам как богу, но ее счастье мне дороже моего собственного. Я как помешанный в полном смысле слова всё это время. Смотры у нас были, и я, измученный и душевно и телесно, брожу как тень. Не заживает душа и не заживет никогда. От Вас думал хоть строчку получить (никого-то нет со мною), и Вы молчите; а теперь господь знает, увидимся или нет? Ради бога, не оставляйте меня! Что стоит Вам черкнуть два-три слова? Пишите мне через почту, умоляю Вас. Ведь Вы мне друг, брат, не правда ли? Чем это всё кончится, не знаю. Хоть бы сердце вырвать да похоронить, а с ним всё! Ради бога, пишите как можно скорее о своей судьбе: приедете или нет? Я ничего Вам не смею советовать; сами знаете. Но, ради бога, уведомляйте меня скорее. Вы пишете про Маркиза[6] и спрашиваете советов. Что сказать, не

---

6 *Вместо:* у ней сердце рыцарское — *было:* рыцарь в женском платье.
* с Жиль Блазом и архиепископом Гренадским (*франц.*).

знаю! Вы пишете, что она его ненавидит, дурной признак! Лучше была бы равнодушна![7] Слышал от Демчинского, что Андр‹ей› Родион‹ович› говорил ему, будто бы она[в] хочет зимой за границу. Так ли? Что тогда Вы?

Напишите Марье Дмитриевне, что хотите? Если б Вы знали, с каким чувством и уважением она говорит о Вас. Но Вы ее никогда не знали! О Паше просил Слуцкого и других хлопотать в Омске, да еще о пособии (отец тоже ее не забывает и помогает). Пособие двинулось вперед. Слуцкий так обязателен, отвечал мне до невероятности вежливо. Сделал всё, что мог. Но о Паше пишет, что нет вакансии и что только один государь может утвердить сверхкомплектного, а в кандидаты запишут.[8] Похлопочите у Гасфорта, ради бога, может быть, еще есть надежда принять его на нынешний год.[9] Еще одна крайняя просьба до Вас. Ради бога, ради света небесного, не откажите. *Она* не должна страдать. Если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были. А для того ему надо место, перетащить его куда-нибудь. Он теперь получает 400 руб. ассиг‹нациями› и хлопочет держать экзамен на учителя выше, в Кузнецке же. Тогда у него будет 900 руб. Я еще не знаю, что можно для него сделать, я напишу об этом. Но теперь поговорите о нем Гасфорту (как о молодом человеке достойном, прекрасном, со способностями; хвалите его на чем свет стоит, что Вы знали его; что ему не худо бы дать место выше. У него, кажется, есть класс. Если Вы будете в милости у Гасфорта, ради бога, скажите, что Вам это стоит. Гернг‹россу› тоже о нем напишите что-нибудь. Я Вам напишу еще, скажу, что именно: а теперь только слово закиньте Гасфорту при случае. Его зовут: Николай Борисович Вергунов. Он из Томска. Это всё для *нее*, *для нее одной*. Хоть бы в бедности-то она не была, вот что!)[10] Ей-богу, не знаю, кто интриговал против Вас в Омске. Здесь все говорили об этом; но никто ничего не знает. Однако месяц тому назад пронесся слух, что Вы *назначены* советником в Барнаул, и чрезвычайно вероятный *так* с виду. Так ли? ради бога, напишите скорее. Вы пишете сюда иным часто о том, что Вам предлагают места, что Вы делаете знакомства и проч‹ее›. Здесь смотрят иронически, кажется, все, и потому предупреждаю Вас, не пишите им в этом роде. Всех удивляет, что Вы едете в Сибирь, тогда как Вам в Петербурге много обещают, и, не понимая *Вашей* причины, думают, что Вы хвастаете.[11] Ламот даже преиронически улыбается, говоря об Вас, а Демч‹инский› говорит, что Ваши письма читать — надо мундир надевать. Плюньте на всё. Пишите им, но не оскорбляя их мелкого самолюбия. С горными я познакомился только с Пишко и Самойловым; хорошие люди; остальных не застал. С Гернгр‹оссом› разъехался на дороге. Если меня произведут, то желаю в Барнаул. А если иначе и в Россию,[12] тем лучше. Ради Христа, не забывайте меня.

[в] *В подлиннике исправлено на:* «Х»

Есть еще к Вам одна самая экстренная просьба. Если можете — сделайте, а если нет — суда нет! — Друг мой, если произведут да и вообще, в августе мне нужны деньги, очень, крайне, хоть зарежься. Вы не поверите, сколько мне стоили мои экспедиции,[13] а я рискну на другую. У меня долгу до 100 руб. сер‹ебром›. Живу я бедно, но расходы экстренные. Мне, чувствую это (на всякий случай), нужны, очень нужны будут деньги. Теперь именно нужны до зареза. Молите брата (которого прошу расцеловать без конца), чтоб выслал, если может, скорее. Вас же прошу вот что: если есть у Вас действительно надежда и убеждение, что мне позволят печатать (но только в этом случае), то, ради бога, займите (ибо у Вас самих, верно, нет) 300 руб. сер‹ебром› до января. Уж если позволят печатать, то я и не такие деньги отдать могу в январе. Я Вас не окомпрометирую. Только *если* есть у Вас у кого занять. Но если Вам очень тяжело — не хлопочите, ибо тяжко занимать. У X. не занимайте, ради бога, ибо это уже слишком большая жертва будет для меня с Вашей стороны. Если займете, то высылайте тотчас же на Ламота. Ради бога, простите за подобные просьбы. Во-первых, я Ваших обстоятельств не знаю в этом роде, а во-вторых, я сам как помешанный. Ради бога, не подумайте чего-нибудь. Прощайте, скоро еще что-нибудь напишу. Ради бога, пишите скорее обо всем. Не забывайте меня.

Ваш Ф. Достоевский.

Обнимаю Вас бессчетно вместе с братом. Другим поклон. Не скрывайте от меня ничего.

111. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

21 июля 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 21 июля 1856.

Вот и еще к Вам письмо, добрейший, бесценнейший Ал‹ександр› Ег‹орович›. Не знаю только, как дойдет оно до Вас, — застанет ли Вас в Петербурге? Это письмо-просьба. Друг мой, добрый друг мой, я Вас буквально осыпаю просьбами. Знаю, что дурно делаю, — но на Вас только и надежда! Притом же я так верю в Вас, вспоминая Ваше чистое, прекрасное сердце! Не потяготитесь просьбами от меня. А я бы рад был за Вас хоть в воду. Вот в чем дело. Я Вам писал, что просил Слуцкого похлопотать за Пашу и Ждан-Пушкина тоже просил и что от обоих получил ответы.[1] На этот год надежда плохая. Я просил Вас сказать об этом Гасфорту. Но теперь получил еще письмо от Слуцкого, которого я тоже просил подвинуть вперед дело Марьи Дмитриевны о назначении ей единовременного пособия, так как она имеет право на него по закону по смерти мужа,

именно в 285 руб. серебром. Слуцкий действительно подвинул дело, совсем залежавшееся. На ту беду уехал Гасфорт. Главное управление, за отсутствием его, представило это дело министру внутренних дел (от 7-го июля 1856, за № 972). Теперь: это представление о назначении ей пособия может *засесть* в Петербурге, особенно при теперешних обстоятельствах, и бог знает сколько может пройти времени, прежде чем решат его.[2] Да, кроме того, еще решат ли в ее пользу? Ну как откажут? Друг мой, добрый мой ангел! Если Вы всё еще продолжаете любить меня, беспрерывно осаждающего Вас самыми разнообразными просьбами, то помогите, если можно, и в этом деле. Ради бога, справьтесь об участи этого *представления*; верно, у Вас найдутся знакомые, которые Вам помогут в этом, и люди с влиянием, с весом. Нельзя ли так пошевелить это дело, чтоб оно не залежалась и разрешилось в пользу Марьи Дмитриевны. Ангел мой! Не поленитесь, сделайте это, ради Христа. Подумайте: в ее положении такая сумма целый капитал, а в *теперешнем* положении ее — спасенье, единственный выход. Я трепещу, чтоб она, не дождавшись этих денег, не вышла замуж. Тогда, пожалуй (как я полагаю), ей еще откажут в нем. У него ничего нет, у ней тоже. Брак потребует издержек, от которых они оба года два не поправятся! И вот опять для нее бедность, опять страдание. К отцу ей тогда уже обращаться нельзя с просьбами о помощи, ибо она будет замужем. За что же она, бедная, будет страдать и вечно страдать? И потому, ради бога, исполните мою просьбу; исполните тоже (хоть по возможности) и те просьбы, которые я Вам настрочил в прошлом письме.[3] Вы не знаете, до какой степени Вы меня осчастливите!

Пишу к Вам, а сам еще не знаю, где и когда получите Вы это письмо? Если Вы сюда поедете, то оно уже Вас не застанет. Если Вы там остаетесь, то где именно будете? Ради бога, уведомьте меня, получили ли Вы это письмо? Да не ленитесь мне писать, добрый друг мой! Хоть несколько, только несколько строчек! Если б Вы знали, как я теперь нуждаюсь в Вашем сердце! Так бы и обнял Вас, и, может быть, легче бы мне стало. Так невыносимо грустно. Я хоть и знаю, что если Вы не приедете в Сибирь, то конечно потому, что Вам гораздо[a] выгоднее будет остаться в России, но простите мой эгоизм: и сплю и вижу, чтоб поскорее увидать Вас здесь.[4] Вы мне нужны, так нужны! Простите, что пишу на таком клочке бумаги. Во-первых, спешу, а во-вторых, в настоящее время почти ни на что не способен и так на всё тяжело смотрю! Если б хоть опять увидеть ее, хоть час один! И хотя ничего бы из этого не вышло, но по крайней мере я бы видел ее!

Обнимите бесценного моего брата и передайте ему, чтоб простил меня за мое молчанье. После напишу, а теперь, ей-богу,

---

а *Было:* очень

хоть в воду! Хоть вино начать пить! Обнимите его за меня и скажите ему, что я его бесконечно люблю.

Видели ли Вы Х.? И в чем дело? Боюсь, что Вы теперь еще больше замолчите. Напишите мне, ради создателя, всё. Если действительно есть надежда произвесть меня в офицеры, то нельзя ли устроить, чтоб в Барнаул? Не забудьте про Вергунова, ради бога, поговорите Гасфорту и Гернгроссу. Тотлебенам скажите мою бесконечную благодарность, мою любовь к ним без конца! Дай Вам бог, добрый, бесценный друг мой, всякого счастья и не дай Вам бог испытать то, что я испытываю. Подожду Вашего ответа и напишу Вам (обещаюсь) письмо позанимательнее и подробнее. Поклонитесь всем, особенно Якушкину, если увидите. Вы спрашивали, женился ли Гаврилов?[5] Нет, и, кажется, теперь и не думает. Была прекомическая история. Я с ним недавно близко сошелся. Демчинский такой же, как и всегда, со мной очень хорош и много услуг оказывает. Жоравович (артиллерист) женился на Гавриловой, и на днях была свадьба. Прощайте, бесценный друг мой! Неужели Вы не будете на коронации? Не забудьте моей просьбы о деньгах.[б] Все планы мои рушатся без них! Повторяю: хоть в воду! Кроме того, сам терплю нужду. Прощайте, прощайте! Целую Вас бессчетно.

Ваш Дост<оевский>.

б *Вместо:* моей просьбы о деньгах — *было:* что я Вас просил о деньгах

112. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

9 ноября 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 9-го ноября 56.

Я получил письмо Ваше, бесценный друг мой, Александр Егорович, еще 30-го октября и не отвечал с первой почтой по особым обстоятельствам. У меня в голове была тогда поездка в Б<арнау>л, и я хотел Вам написать оттуда, увидав Х. и конечно сделав для Вас письмо мое занимательнее.[1] Но поездка моя до сих пор еще не состоялась, но почти уверен, что состоится на будущей неделе, если, как обещано, мне пришлют денег.[2] Тогда я Вам напишу из Б<арнау>ла, и письма этого ждите в скором очень времени. А это письмо, которое теперь пишу, не считайте и за письмо, а только за несколько строк, чтобы поскорее хоть что-нибудь ответить Вам. Если б Вы были здесь, я бы и в неделю не передал Вам, незабвенный друг мой, всего, о чем хотел бы говорить с Вами.

Вы пишете, что я кроме бесконечно милосердного монарха нашего должен благодарить Тотлебена и <его> в<ысочество> принца Ольденбургского.[3] Благодарю их от горячего сердца, и если увидите Тотлебена, скажите ему, что у меня нет слов, чтобы

выразить мою благодарность ему. Всю жизнь буду помнить о благородном поступке его со мною.[4] Но мое сердце справедливо: если б не было Вас, дорогой друг мой, если б Вы не старались за меня, я уверен, мое дело не продвинулось бы так скоро.[5] Бог Вас послал мне. Благодарю Вас и обнимаю крепко, крепко. Вы знаете, что я Вас люблю.

Теперь скажу Вам в коротких словах (хотя и [a] много хотел бы говорить об этом, но всего не упишешь) — Вы никогда не поймете, бесценный мой, в какую грусть, в какую тоску ввергнули Вы меня Вашим долгим молчанием! Друг мой, я понимаю нравственное состояние духа, в котором не хочется браться за перо, чтоб написать даже тому, который способен понять нас, ко мне, одним словом, с которым Вы почти не имели тайн.[6] Приезд Х. в Барнаул, тогда как были слухи, что она будет в П‹етербур›ге всю зиму, смутил меня. Я очень хорошо знал, что приезд и отъезд ее не останутся без влияния на Вас. Я почти предугадывал всё, о чем Вы мне написали. Но мне приходили такие странные мысли, такие подозрения и догадки о Вас относительно Х., что я был в глубочайшей тоске и в страхе о Вас. Здесь было известно, что Вы уже назначены в экспедицию.[7] Но что Вы еще в П‹етербур›ге, я был в том уверен. Почему же он не пишет, вот вопрос, который я задавал себе каждый день? Но клянусь Вам, что, несмотря ни на что, я ни разу не усумнился в дружбе Вашей, не подумал, что Вы забыли меня. Вы доказали это, послав мне свой портрет (который я еще не получил). Но, друг мой, я понимаю эту тревогу духа, когда не хочется разбередить боль в сердце, говоря о ней с другим. Но неужели Вы и двух строк не могли написать мне? Другая причина, которую Вы выставляете, объясняя мне свое молчание (именно: что не *исполнили ничего из просьб моих*), — для меня совсем непонятна. Я попросил у Вас денег, как у друга, как у брата, в то время, в тех обстоятельствах, когда или петля остается или решительный поступок. Я и решился просить у Вас, зная, что могу обременить Вас моею просьбою, но если б Вы были в обстоятельствах, подобных моим, и потребовали для Вас рискнуть чем-нибудь крайним, я бы это сделал. Чувствуя это по себе, я без угрызений совести решился Вас беспокоить (если б я не перехватил здесь и не наделал долгов, я бы пропал, — так мне было нужно, не для существования моего, а для моих *намерений*. Вы знаете из прежних писем моих, в каком состоянии духа я находился. Как я не сошел еще с ума до сих пор!). Но если, добрейший Александр Егорович, если у Вас не было у самих, чтоб помочь мне (что без сомнения так, потому что Вы всегда не оставляли меня), — скажите, ради бога, отчего было просто не написать: *нет* или *не могу*? (если невозможность удовлетворить меня была одною из причин Вашего

а *Было:* потому что

молчания). Неужели же я не способен был понять, что конечно *невозможность* заставила Вас отказать мне, а не недостаток дружбы? И какое бы я право имел досадовать на Вас за неприсылку (я и без того кругом Вам должный, — Вам, который был и есть для меня как любимый, дорогой мне брат мой? потому что после всего, что Вы для меня сделали, Вы позволите мне называть Вас так). Наконец тоска моя в последнее время о Вас возросла донельзя (я в последнее время сверх того был часто болен). Я и вообразил, что с Вами случилось что-нибудь трагическое, вроде того, о чем мы с Вами когда-то говорили. И никого-то не было, чтобы хоть малейшую весточку подать о Вас. Наконец пришло Ваше письмо и разрешило многие недоумения, многие, но не все. Друг мой, я даже рад, хоть и горько мне затрогивать больное место в Вашем сердце, — рад, что бог привел Вас разойтись наконец с X. Отношения с нею принимали наконец вид самый беспокойный для Вас. Вы бы погубили, может быть, себя. Боже мой! Как мне любопытно увидеть наконец X. (скоро это случится, и будьте уверены, что до последнего оттенка передам Вам, мой бесценный, все впечатления мои при свиданье с нею). Что мне сказать Вам? Неужели утешать Вас словами? О, друг мой, никто больше не понимает Вашей тоски, как я, *страдающий, как и Вы.* Да и кого утешать? Такое ли у Вас сердце, чтобы могло излечиться от утешений. Время, время, вот что исправит всё (говорю и не верю, судя по себе). Вы остаетесь всю зиму в России.[8] Бросьтесь во что-нибудь, в какие-нибудь волнения, но, ради Христа, ради бога, пишите ко мне чаще и чаще, хоть по нескольку строк, да пишите. Как бы я желал Вас увидеть, а когда? когда?

Вы спрашиваете о моих отношениях с М‹арией› Д‹митриевной›. Если б Вы хотели узнать что-нибудь обо мне, то именно задав мне этот вопрос, потому что она по-прежнему *всё* в моей жизни. Я бросил всё, я ни об чем не думаю, кроме как об ней. Производство в офицеры если обрадовало меня, так именно потому, что, может быть, удастся поскорее увидеть ее. Денег не было, и я еще не поехал. Брат обнадеживает. Жду на следующей неделе и тотчас отправлюсь. *Отец*[9] обещал отпустить дней на 15. Люблю ее до безумия, более прежнего. Тоска моя о ней свела бы меня в гроб и *буквально* довела бы меня до самоубийства, если б я не видел ее ‹*2 нрзб.*›. Не качайте головой, не осуждайте меня; я знаю, что я действую неблагоразумно во многом в моих отношениях к ней, почти не имея надежды, — но есть ли надежда, нет ли, мне всё равно. Я ни об чем более не думаю. Только бы видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь. Я это чувствую. Я задолжал от поездки (я пытался в другой раз ехать, но доехал только до Змиева, не удалось). Теперь опять поеду, разорю себя, но что мне до этого! Ради Христа, не показывайте этого письма брату. Я перед ним виноват до бесконечности. Он, бед-

ный, помогает мне из последних сил, а я куда трачу деньги! Я и у Вас просил — или топиться или удовлетворить себя. Отношения у нас с нею те же. Каждую неделю письма, длинные, полные самой искренней, самой крайней привязанности. Но она часто в своих письмах называет меня братом. Но она меня любит. Одно появление мое в Кузнецке сделало, что она почти *возвратилась* ко мне опять. О, не желайте мне оставить эту женщину и эту любовь. Она была свет моей жизни. Она явилась мне в самую грустную пору моей судьбы и воскресила мою душу. Она воскресила во мне всё существование, потому что я встретил ее. Но если б Вы знали, что это за ангел, что это за душа! что за сердце! Бедная, она терпит лютую долю! Жить в Кузнецке ужасно.[10] За сына она хлопочет в корпус (я просил Слуцкого о нем, письменно, и он обещался сделать всё, что может),[11] хлопочет о получении вспоможения и живет крохами, которые присылает ей отец, тихо, скромно, кротко, заставив уважать себя весь городишко. Это твердый, сильный характер. Брак ее с тем (другим), по-видимому совсем невозможен, материально невозможен (у него 300 руб. жалованья), а она не захочет обременить его.[12] Обо всем напишу Вам из Барнаула.

Друг мой, Вы спрашиваете меня, чего я желаю, о чем просить? И говорите тоже, что меня могут перевести в Россию. Но, друг мой: милость нашего ангела-царя бесконечна, и я знаю, что я, даже и не служа, через год, через два и без того буду возвращен окончательно. Перевод же в армию еще тем худ, что я во всяком случае плохой офицер, хоть бы по здоровью. А надо будет служить. Если б я желал возвратиться в Россию, так это единственно для того, чтоб обнять родных и повидаться с докторами, знающими, и узнать, что у меня за болезнь (эпилепсия), что за припадки, которые всё еще повторяются и от которых каждый раз тупеет моя память и все мои способности и от которых боюсь впоследствии сойти с ума. Какой я офицер? Если б меня выпустили в отставку — хоть бы оставя здесь *на время* — вот всё мое желание. Я бы добыл себе денег на существование. Здесь я бы не пропал. К тому же *она* (главное *она*), и потому напишите мне *положительно* (по возможности): во-1-х) *могу ли я*, в очень скором времени, по слабости здоровья подать в отставку (прося на всякий случай возвращения в Россию, *для совета с докторами*?) [13] и 2) могу ли я *печатать* — вопрос для меня *самый главный*, о котором Вы *ничего* не пишете в своем письме. Но ведь это средство к существованию моему и *карьере*, потому что я *уверен* в себе и надеюсь быть известным и составить себе значение, участь, обратить на себя внимание, наконец. И потому прошу Вас, напишите мне утвердительно: если бы я послал напечатать что-нибудь, в скором времени, под своим именем (или псевдонимом), — *будет ли напечатано*? [14] Ради бога, друг мой, бесценный брат мой, не оставьте меня, не забудьте меня и напишите мне об этом если возможно, скорее и утвердительнее.

Впрочем, положительнее буду писать о том, чего намерен добиваться после поездки; *ибо* многое решится в эту поездку. А теперь, покамест, отвечайте мне на эти два вопроса.

Так Вы познакомились с Гончаровым? [15] Как он Вам понравился? Джентльмен из «Соединенного общества», где он членом,[16] с душою чиновника, без идей и с глазами вареной рыбы, которого бог будто на смех одарил блестящим талантом.

Как жаль мне, что Вы не сошлись близко с моим братом.[17] Это превосходнейший человек, и, право, Вы бы не имели никого подле себя, кто бы Вас любил горячее его. Прилагаю к нему письмо. Ради бога, передайте поскорее, не задержите письмо.[18] Пишу к Вам наскоро, ибо о многом не могу писать положительно; повторяю, *следующее письмо* будет ровнее и обстоятельнее.

О Ваших вещах и книгах ничего не могу Вам сказать. У Степанова *нет ничего*, он мне сам говорил. (Ни самовара, ни кастрюль.) Я видел летом 4 ящика, которые Демчинский отправил к Остермейеру. Степанов говорит, что Вы ему ничего не оставили. Демчинский говорит, что не знает, что в ящиках. Обо всем узнаю в Барнауле, и о книгах, и всё постараюсь исполнить, о чем Вы просите. Если мне выдадут Ваш чемодан (который Вы мне дарите), то я возьму, благодарю Вас, друг мой, Вы без конца обо мне думаете.

Благодарю Вас бесконечно за обещанье обмундировать меня. Но я, по возможности, обмундировался здесь (в долг и кое-как). Мне очень жаль, что я не мог предуведомить Вас раньше; ибо Вы, может быть, выслали уже всё! Но [6] мне совестно, что Вы на меня много истратили. Но от каски, полусабли и шарфа не откажусь, даже буду просить; ибо здесь этого (особенно каски) не достанешь.[19]

О новостях здешних ничего не пишу. Здесь всё то же, и все те же (напишу после). Я довольно короток с Демчинским (он мне много помогает насчет *поездок*, ибо сам мне сопутствует, имея делишки сердца в Змиеве). Ради бога, не подумайте, чтоб он мне Вас заменил, Вы знаете, что это за человек?[20] Но он ужасно предан мне (не знаю отчего), а я не могу не быть благодарным. За что он Вас не совсем любит? Впрочем, всё это у него делается по *вдохновению* какому-то. Обух [21] в Верном.

Прощайте, мой друг бесценный, пишите как можно скорее и от меня ждите скоро. Обнимаю вас крепко.

Ваш Д‹остоевский›.

М‹ария› Д‹митриевна› 1000 раз об Вас спрашивала. Она очень беспокоится о Вас по моим письмам. Она чрезвычайно Вас любит и почти с благоговением говорит о Вас. Уважает Вас до бесконечности.

---

[6] *Далее было:* ради бога

113. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 ноября 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 9 ноября, 1856.

Добрый брат мой, друг мой неизменный и верный, письмо это передаст тебе Ал‹ександр› Егор‹ович›, которому я так много обязан. Я получил письмо твое с прошлою почтой.[1] Удивляюсь, что ты так поздно узнал о моем производстве. Я 30-го октября уже знал это. (Поблагодари К. И. Иванова и Ольгу Ивановну. Они мне прислали приказ; [2] да, кроме того, 30-го же октября, из штаба, пришла к военному губернатору [3] бумага о моем производстве.) Повторяю вместе с тобою: дай бог долго и счастливо царствовать нашему ангелу-государю! Нет слов, чтобы выразить ему мою благодарность. Обнимаю тебя от всей души и благодарю за поздравление. Письма твоего я ждал бесконечное время. Друг мой, брось свою систему: хоть понемножку, да почаще уведомляй меня о себе. Иногда тебе нечего выслать мне, я знаю это, но что до этого, все-таки пиши! Ты обещаешься, друг мой, выслать мне деньги с будущею почтою и уверяешь в помощи добрейших сестер и тетушки. Добрый друг, если б ты только знал, как я нуждаюсь. Эта помощь придет очень кстати; ибо я не знал бы, как обмундироваться. Обмундировка здесь стоит гораздо дороже (в $1^1/_2$ раза), чем в Петербурге. Я взял, что необходимо, в лавках, в долг. Но многое еще остается завести. Между прочим, у меня совсем нет белья. Теперь я получаю жалованье. Но жалованье, в первое время, с вычетами и проч‹ее› не велико. К тому же я задолжал, (конечно, таким людям, которые будут ждать на мне, но все-таки должен). Пишу это, друг мой, тебе не потому, чтоб не нашел ничего важнее, как тотчас же заговорить о деньгах и просить тебя о присылке. Нет! Да и ты сам меня не считаешь таким, я уверен в том, но вот для чего: для того, чтоб хоть немного оправдаться перед тобой, ибо я перед тобой много виноват, *надеясь* на твои деньги и *истратив больше*, чем могу тратить. Но, брат милый! Если были траты экстренные, то я в них был не властен. Ту, которую я любил, я обожаю до сих пор. Чем это кончится, не знаю. Я сошел бы с ума или хуже, если б не видал ее. Всё это расстроило мои дела (не думай, что я с ней делюсь, ей отдаю; не такая женщина, она будет жить грошем, а не примет). Это ангел божий, который встретился мне на пути, и связало нас страдание. Без нее я бы давно упал духом. Что будет, то будет! Ты очень беспокоился о возможности моего брака с нею.[4] Друг милый, кажется, этого никогда не случится, хоть она и любит меня. Это я знаю. Но что будет, то будет! Она умоляет тебя простить ее за то, что она тебе не ответила. Она была в страшно худых обстоятельствах в это время. А после долгого промедления ей показалось совестно отвечать. Письмо твое восхитило ее.[5] Но довольно об этом.

Теперь у меня начинается новая жизнь! Ал‹ександр› Его‹рович› спрашивает: о чем еще просить и чего я желаю? (он предан мне, как брат родной). Я и сам не знаю, чего желать теперь; ибо возврата в Россию я и без перевода в армию скоро достигну. Если б я желал возвратиться поскорее в Россию, то для того,[а] чтоб обнять вас и посоветоваться с знающими докторами о болезни моей (припадки). Всего скорее я б желал отставки, и потому прошу Ал‹ександра› Егор‹овича›[б] написать мне поскорее и поутвердительнее: могу ли я надеяться просить о ней по слабости здоровья? Отставка полезна была бы мне: во-1-х) для поправления здоровья, 2) свобода; возможность заниматься литературой (удобнее), и, наконец, дала бы мне более денег. Ибо даже здесь мне уже 2 раза предлагали (надеявшиеся,[в] что меня выпустят по манифесту совсем на свободу) занятия, которые, может быть, совершенно обеспечили бы меня.[6] Но я рассчитываю, ожидаю и надеюсь на позволение печатать; на то заранее и слишком скоро понадеявшись, я и задолжал необдуманно (я рассчитывал на «Детскую сказку», которую вы думали напечатать? Почему не напечатали, была ли попытка, а если была, то что сказали? — ради Христа, напиши обо всем этом).[7] Друг мой, я был в таком волнении последний год, в такой тоске и муке, что решительно не мог заниматься порядочно. Я бросил всё, что и начал писать, но писал урывками. Но и тут не без пользы, ибо вылежалась, обдумалась и полунаписалась хорошая вещь. Да, друг мой, я знаю, что сделаю себе карьеру и завоюю хорошее место в литературе. К тому же я думаю, что литературой, *обратив на себя внимание*, я выпутаюсь из последних затруднений, оставшихся в моей горькой доле. Меня мучает сильно обилие материалу для письма. Мучают тоже вещи в другом роде, чем романы. Я думаю, я бы сказал, кое-что даже и замечательного об искусстве, вся статья в голове моей и на бумаге в виде заметок,[8] но роман мой влек меня к себе. Это сочинение очень большое. Роман комический, началось с шуточного и составилось то, чем я доволен. Будут очень и очень хорошие вещи в нем. Ради бога, не сочти меня хвастуном. Нет человека справедливее и строже меня к самому себе в этом отношении, и если б знали то мои бывшие критики! Отрывки, совершенно оконченные эпизоды, из этого большого романа, я бы желал напечатать *теперь*.[9] Это бы дало мне и известность и деньги. Ради Христа, справься по возможности: возможно ли это, и напиши ко мне.

Ангел мой, я боялся за тебя ужасно. Твои сигары, когда я прочел о них в твоем письме, потом в газетах, испугали меня. Я ужаснулся риску всем, что имеешь, на такое рискованное

а *Было:* с тем
б *Было:* его прошу
в *Было:* надеясь

предприятие. Это значит искушать судьбу. Один раз была удача с папиросами; но решаться на вторую удачу и искушать судьбу — слишком рискованно.[10] Я всё лето боялся за тебя. Дай бог, чтоб тебе повезло! Впрочем, я говорю, мало зная это дело.

Милый друг, ты пишешь о сестрах: это ангелы! Что за прекрасное семейство наше! Что за люди в нем! Где брат Андрей и что с ним делается? Давно уже ни слуху ни духу; напишу ему непременно. Письмо это пишу тебе наскоро, чтоб только ответить на твое. Но скоро буду опять писать к Ал‹ександру› Егор‹овичу›. Тогда опять напишу тебе, подробнее и полнее; ибо тогда и о себе буду знать более. Сестрам и дяде надо бы теперь написать, но одну почту еще подожду от сестер писем. Варенька хотела прислать мне белья (а я весь обносился и, несмотря на дороговизну, принужден был занять, чтоб сделать себе что-нибудь из белья), она спрашивает: на какой адрес прислать[г] белье? Я до сих пор не понимаю ее вопроса: но на тот же адрес, на который она письма пишет? Если увидишь, расцелуй ее за меня, а не увидишь, так напиши, что я целую их всех. Варенька добрая прислала мне 25 руб. (которые я получил только в августе, с нарочным), и бог знает как они помогли мне!

Я нанял себе квартиру, с прислугою, с отоплением и со столом за 8 руб. сереб‹ром› в месяц.[11] Одним словом, живу, как жид. Ради бога, брат, неужели ты до сих пор не можешь мне прямо адресовать писем, а не через начальство?[д] Ведь, я уверен, даже по манифесту, ты освобожден от последнего надзора. Ради бога, пиши прямо. (Государь — это сама ангельская доброта!)[е] Тороплюсь окончить тебе письмо. Здоровье мое по-прежнему. Но осенью я таки хворал несколько. Припадки же не покидают. Нет-нет да и придут.[12] Каждый раз после них я падаю духом; я чувствую, что от них теряю память и способности. Уныние и какое-то нравственно-униженное состояние — вот следствие моих припадков. Здоров ли ты? Здоровы ли домашние? Что Эмилия Федоровна, кланяйся ей и расцелуй детей за меня. Пиши немедленно и непременно. Если нечего послать, то посылай пустое письмо. Ангел мой, мне письмо твое дороже денег! Ведь я один, совсем один, ведь ты не знаешь ничего о моем положении. Да и что рассказать на 4-х страницах бумаги, когда годы нужно, чтобы передать всё друг другу! О если б нам увидеться. Прощай, ангел мой, не надолго, скоро напишу опять, только и ты напиши, чаще как можно пиши. Обнимаю тебя, твой весь Ф. Дост‹оевский›.

Смотри же, пиши!

г *Было:* писать

д *Далее было:* Странно.

е *Далее было:* Неужели запретят двум б‹ратьям?›

114. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВУ

14 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск. 14 декабря 56.

Письмо Ваше, добрейший друг мой, передал мне Александр Николаевич.[1] Вы пишете так приветливо и ласково, что я как будто увидел Вас снова перед собою. Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда [а] и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам, и бог знает как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! Вы,[б] верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Вали-хан, да если б на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь: чувство и влечение дело необъяснимое.[2] Когда мы простились с Вами из возка, нам всем было грустно после целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас и взапуски хвалили. Чудо как хорошо было бы, если б Вам можно было с нами поехать! Вы бы произвели большой эффект в Барнауле.[3] В Кузнецке (где я был один) (NB. Это секрет) — я много говорил о Вас одной даме, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил ей о Вас так много, что она полюбила Вас, никогда не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил Вас самыми яркими красками. Может быть, эту превосходную женщину Вы когда-нибудь увидите и будете тоже в числе друзей ее, чего Вам желаю. Потому и пишу Вам об этом.[4] Я почти не был в Барнауле. Впрочем, был на бале и успел познакомиться почти со всеми. Я больше жил в Кузнецке (5 дней). Потом в Змиеве и в Локте.[5] Демчинский был в своем обыкновенном юморе во всё время. Семенов превосходный человек. Я его разглядел еще ближе.[6] Много бы можно было Вам рассказать, чего в письме не упишешь. Но когда-нибудь кое-что узнаете, а вот теперь, когда в душе моей вдруг, неожиданно (и ждал и не ждал) накопилось столько горя; забот и страху за то, что мне *дороже всего на свете*, теперь, когда я совершенно один (а действовать надо), — теперь я раскаиваюсь, что не открыл Вам главнейших забот моих и целей моих и всего, что уже с лишком два года томит мое сердце до смерти! Я был бы счастлив. Дорогой мой друг, милый Чекан Чингисович, я пишу Вам загадки. Не старайтесь их разгадывать, но пожелайте мне успеха. Может быть, скоро услышите обо всем от меня же. Приезжайте, если возможно, скорее к нам, а уже в апреле непременно. Не переменяйте своего намерения. Так бы хотелось Вас увидеть, да и Вы верно не соскучитесь.

а *Далее было:* почти
б *Было:* А вы

Вы пишете, что Вам в Омске скучно — еще бы! [7] Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих «Записок» о степном быте, Вашем возрасте там и т. д.[8] Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы конечно знали бы что писать (например, вроде «Джона Теннера» в переводе Пушкина, если помните).[9] На Вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших *возможностью новой дороги для Вас.* Если хотите будущее лето пробыть в Степи, то ждать еще можно долго. Но с 1-го сентября будущего года Вы бы могли выпроситься *в годовой отпуск* в Россию. Год прожив там, Вы бы знали что делать. На год у Вас были бы средства; поверьте, что их нужно не так много. Главное, с каким расчетом жить и какой взгляд иметь на это дело. Всё относительно и условно. В этот год Вы бы могли решиться на дальнейший шаг в Вашей жизни. Вы бы сами *выяснили* себе результат, то есть решили бы, что делать далее. Воротясь в Сибирь, Вы бы могли представить такие выгоды или такие соображения (мало ли что можно изобразить и представить!) родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы Вас и за границу, то есть года на два в путешествие по Европе. Лет через 7, 8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм‹ер›: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине *просвященным* ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз — образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать; настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно всё, будьте уверены. Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе Вашей, мой дорогой Вали-хан. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы *первый* из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать Вам первый шаг. Но вот еще один совет (вообще) — менее загадывайте и мечтайте и больше делайте: хоть с чего-нибудь да начните, хоть что-нибудь да сделайте для расширения карьеры

своей. Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего. Дай Вам бог счастья.

Прощайте, дорогой мой, и позвольте Вас обнять и поцеловать раз 10. Помните меня и пишите чаще. Цуриков мне нравится, он прям, но я еще мало знаю его. Съедетесь ли Вы с Семеновым и будете ли вместе в Семипалатинске?[10] Тогда нас будет большая компания. Тогда, может быть, много переменится и в моей судьбе. Дал бы бог! Вам кланяется Демчинский. Пишу Вам у него на квартире, за тем столом, на котором мы обыкновенно завтракали или вечером пили чай в ожидании обиженных сирот.[11]

Напротив меня сидит Цуриков и тоже Вам пишет. Демчинский же спит и храпит. Теперь 10 часов вечера. Я не понимаю, отчего очень устал. Хотелось бы Вам написать кое-что о Семипалатинске; есть вещи очень смешные. Да не упишешь и 10-й доли, если писать как следует. Прощайте же, добрый мой друг. Пишите мне чаще. А я всегда буду Вам отвечать. Может быть, рискну в другой раз написать и о своих делах. Поклонитесь от меня Д‹уро›ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренно предан ему.[12]

Ad‹d›io! *

NB. С.[13] Вам кланяется, рассказывала, как Вы ее сманивали в Омск. Она о Вас помнит и очень *Вами интересуется.*

---

* Прощайте! (*итал.*).

115. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

21 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск. 21 декабря 1856 г.

Добрейший, бесценный мой Александр Егорович. Вот уже сколько времени с нетерпеньем жду Вашего письма и ничего не получаю. Получили ль Вы мое, в котором я уведомлял Вас, что недели на две хочу уехать из Семипалатинска?[1] Но если Вы и получили, то, конечно, Ваш ответ на него еще не мог прийти; я же говорю про то письмо Ваше, которое Вы обещали написать мне, еще и не ожидая от меня ответа. Вы хотели мне выслать офицерские вещи. Я уже уведомил Вас, добрейший друг мой, чтоб Вы не разорялись напрасно для меня, что всей экипировки мне не надо (ибо во всяком случае она поздно придет) и что если мне действительно очень нужны были некоторые из вещей, н‹а›прим‹ер› кивер, форменные погоны, нумерные пуговицы и т. д., то это единственно потому, что здесь этого нет, — надо выписывать. И потому-то я Вас и уведомлял, что вот эти мелочи я готов принять от Вас с благодарностию. Но если заготовка

этих вещей и покупки их задержали Вас, так что Вы, ожидая окончания этих закупок, и не писали ко мне, — то напрасно, конечно напрасно! Друг мой добрый и незабвенный, Вы, которому я и без того так много обязан, — неужели какие-нибудь подобные мелочи могут помешать[а] Вам писать ко мне? Но, может быть, я ошибаюсь, может быть, время уже успело изгладить в Вашей душе память обо мне, и Вы не так уже любите меня, как прежде! Кто знает! Но нет! Мне грешно говорить это. Вы так много для меня сделали, что сомнение, которое бы могло закрасться в сердце мое, было бы неблагодарностию к Вам! Не хочу этих сомнений, гоню их и, обняв Вас от души, хочу говорить с Вами по-прежнему, как бывало в Семипалатинске, когда Вы для меня были всем: и другом и братом, и когда мы оба делили друг с другом свои заботы... *сердечные*.

Во-первых, давно ли Вы видели Тотлебена? В Петербурге ли он? А если там, то передали ли Вы ему мою благодарность? Скажите ему, друг мой, что нет у меня слов, чтобы выразить ему ее, и что я вечно буду благоговеть пред ним, всю мою жизнь и никогда не забуду того, что он для меня сделал.[2] Ради бога, добрый друг мой, напишите мне обо всем этом поскорее. Обещал я Вам письмо большое и вот пишу на полулисте. Причина тому, что не знаю, застанет ли Вас мое письмо в Петербурге. Вы писали мне, что хотите ехать в Ирбит, и, бог знает, может быть, Вы вздумаете доехать и до Барнаула. В таком случае, не знаю, пролежит ли мое письмо до Вашего возвращения или Вам его перешлют уже из Петербурга туда, где Вы будете находиться. Вот почему и пишу Вам коротко о том, об чем мог бы написать и подлиннее. Есть и еще причина, которую Вы поймете из следующих слов: «Бог знает, как бы я желал переговорить с Вами изустно, а не на письме!». Если б я мог видеть Вас, я бы Вам кое-что передал, а теперь нельзя. Скажу только одно: я ездил в Барнаул и в Кузнецк, с Демчинским и Семеновым (член Географического общества). В Барнаул мы приехали 24-го декабря[б] (в день именин X.), и Гернгросс, не видав еще нас, прямо пригласил нас через Семенова на бал. Он мне очень понравился. Не знаю, *почему он теперь, вдруг, стал несколько предубежден против Вас*. Он прямо мне говорил это. Она мне очень понравилась, *всем*, но напрасно она видимо отдалялась от меня. Она была со мной вежлива, мила, всё было, по-видимому, хорошо, но она очевидно не доверяла мне. Но если б даже она и подозревала, что я знаю об Вашем романе‹?›, неужели она считала меня неблагородным человеком? Надо заметить, что она об Вас видимо старалась говорить как можно суше, даже с легонькой насмешкой. Не знаю, почему мне это очень понравилось — то есть не насмешка, *а тактика*. Она очень умна. Я уверен, что

а *Было:* остановить

б *В подлиннике описка, нужно:* ноября.

она когда захочет — обольстительна. Я желал всеми силами души, чтоб и сердце ее своими качествами соответствовало остальному. Но она его далеко припрятала от любопытных. Раза четыре мы с ней сходились на бале и говорили. Я нарочно не танцевал, чтоб говорить с ней.

О барнаульских я не пишу Вам. Я с ними со многими познакомился; хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов! В Барнауле я пробыл сутки и отправился один в Кузнецк. Там пробыл 5 дней и, воротившись, пробыл еще сутки в Барнауле. Обедал у Гернгросса и был у него до вечера. Он обошелся со мной превосходно. За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет 8, мне очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом! Хорош мой комплимент!

Друг мой, Вы, кажется, были очень откровенны с Х. в Петербурге и показывали ей мои письма? Так ли это? По крайней мере, когда я ездил в Кузнецк, она сказала Семенову (с которым я превосходно сошелся),[3] что я поехал в Кузнецк жениться, что там есть женщина, которую я люблю, и что она знает это от Вас?

Портрет Ваш получил.[4] Благодарю, друг мой, благодарю! — Чемодана, который Вы мне подарили, не получил. Гернгросс ни слова не сказал мне о нем. А мне спросить было совестно. Конечно, он забыл, но это всё равно, ибо, может быть, чемодан у Остермейера. Получу после, если он у него. Книги Ваши и минералы, по всей вероятности, в Змиеве у Остермейера, в тех 4-х ящиках, которые были отправлены летом к нему. В Змиев мы, в обратный путь, приехали ночью. У Остермейера я быть не мог. Но будьте *уверены*, что всё будет спасено и доставлено Вам. Я еще надеюсь быть в Змиеве.[5]

Теперь, друг мой, хочу объявить Вам об одном важном для меня деле. Вам, как другу моему, это должно быть открыто. Коротко и ясно: *если не помешает одно обстоятельство*,[6] то я до масленицы женюсь[7] — Вы знаете на ком. Никто, кроме этой женщины, не составит моего счастья. Она же любит меня до сих пор, и я выполнял ее желание. Она сама мне сказала: «*Да*». *То, что я писал Вам об ней летом,* слишком мало имело влияния на ее привязанность ко мне.[8] Она меня любит. Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал Вам летом письмо мое. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности. Еще летом по письмам ее я знал это. Мне было всё открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О, если б Вы знали, что такое эта женщина!

Я Вам пишу *наверно*, что я женюсь, между прочим, может быть одно обстоятельство, о котором долго рассказывать, но ко-

торое может отдалить брак наш на неопределенное время. Это обстоятельство совершенно постороннее. Но мне, по всем видимостям, кажется, что оно *не случится.* А если его не будет, то следующее письмо Вы получите от меня, когда уже *всё будет кончено.*

Денег у меня нет ни копейки. По самым скромным и скупым расчетам мне, *на всё*, надо *600* руб. серебром. Я намерен их *занять* у Ковригина (он в Омске, но скоро приедет). Мы с ним в последнее время сошлись очень хорошо. Я надеюсь, что он мне даст. А если не даст, то всё рушится, по крайней мере, на неопределенное время. Я займу у Ковригина на далекий срок, т<о> е<сть> на год по крайней мере. Но с будущей почтой пишу в Москву к дяде, человеку богатому, который не раз помогал нашему семейству, и прошу у него 600 руб. серебром.[9] Если даст мне, то я тотчас же отдам Ковригину. Если же не даст, то надо *самому* достать деньги, ибо этот долг — *священный* долг и отдать его надо как можно скорее.

На брата я надеяться не могу. Если б у него были деньги, он дал бы мне. Но он пишет, что обстоятельства его худы, по крайней мере теперь. И потому одна надежда и на отдачу долга и на средства к будущей жизни моей; это: если мне позволят печатать. Не удивляйтесь, друг мой, что я, не имея ничего, занимаю такие куши, как 600 руб. серебром. Но у меня есть готового для печати *с лишком* на 1 000 руб. серебром.[в] След<овательно>, будет чем отдать, если позволят печатать и если дядя не пришлет. Но если печатать не позволят еще год — я пропал. Тогда лучше не жить! Никогда в жизни моей не было для меня такой критической минуты, как теперь. И потому поймите, бесценнейший друг мой, как важно для меня хоть какое-нибудь *известие о позволенье* печатать. И потому умоляю Вас, как бога, если могли что-нибудь узнать об этом (я просил Вас об этом еще в прошлом письме), то уведомьте *немедленно.* Умоляю Вас об этом, и если в Вас еще прежние чувства ко мне, Вы примете мою просьбу и исполните ее. Так ли, друг мой, обманываюсь я или нет? (почему не напечатана моя «Детская сказка», о которой Вы мне писали? *Не отказали ли?* Это очень важно мне знать. Разумеется, я готов печатать, *хоть навсегда, без имени* или псевдонимом).[10] Если Ковригин даст денег, я постараюсь выехать между 20-м и 25-м января и дней через 20 возвращусь в Семипалатинск уже с женой. В Барнауле *надеются*, не знаю почему, что Вы там будете. Не сойдемся ли мы там?

Видите ли Вы моего брата? [11] Ради бога, увидайтесь с ним, поговорите обо мне в мою пользу. Я не прошу у него денег: у него нет. Но прошу его, если он может, выслать мне кой-какие вещи! Мне бы очень хотелось иметь их. Да скажите брату, чтоб

[в] *Далее было начато:* Если же

написал мне всё, что знает о всех *закулисных тайнах* теперешней литературы. Это для меня очень важно.

Но прежде чем прощусь с Вами в этом письме — еще просьба: об ней прошу Вас на коленях. Помните, я Вам писал летом про Вергунова. Я просил Вас ходатайствовать за него у Гасфорта.[12] Теперь он мне дороже брата родного. Слишком долго рассказывать мои отношения к нему. Но вот в чем дело. Ему последняя надежда устроить судьбу свою — это держать экзамен в Томске чтоб получить право на чин и место в 1000 руб. ассигн‹ациями› жалованья. Всё дадут, если он выдержит экзамен. Но без протекции ничего не будет.[г] Всё зависит от директора гимназии Томской статского советника, Федора Семеновича *Мещерина.* — Если б кто-нибудь из *лиц влиятельных* написал о Вергунове Мещерину, уведомляя, что когда он будет держать экзамен, то *обратить на него внимание*, то конечно Мещерин всё сделает. О Вергунове не грешно просить: *он того стоит.* И потому прошу Вас, если у Вас есть кто-нибудь из родных или знакомых по Министерству просвещенья, имеющих важную должность, то нельзя ли написать Мещерину письмо о Вергунове? Видите ли Вы Аполлона Майкова? Он знаком с Вяземским. Что если б это написал Вяземский! Ради бога, сделайте хоть что-нибудь, подумайте и будьте мне родным братом.

Прощайте, дорогой друг мой, обнимаю Вас. Пишите, ради Христа, поскорее и уведомьте обо всем. Прощайте.

Ваш весь Д‹остоевский›.

NB. Не пишите Х. о том, что я Вам писал о ней. Не выдавайте меня. Кто знает, может быть, ей не понравится...

[г] *Далее было:* Там все люди корыстные

116. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

22 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск 22 декабря, 56 г.

Здравствуй, добрый друг мой. Вот уже сколько времени, как я жду от тебя обещанного письма — письма, которое ты обещал написать мне с первой же почтой, вслед за письмом твоим от 15-го октября.[1] Не знаю, что задержало тебя. Клянусь тебе, милый брат мой, что я не могу примириться с твоими резонами, которыми ты объяснял мне длину интервалов между твоими письмами ко мне. Как бы ни был занят человек — у него всегда найдется 5 минут, чтоб написать несколько строк родному брату. Но я понимаю: тебя, верно, уведомили из Москвы, что мне от-

М. М. Достоевский. Фотография 1864 г.

туда выслали денег. Ты же в своем письме от 14-го [a] октября обещал мне выслать хоть несколько денег с следующей почтой. «Итак, он получил деньги, — подумал ты. — След‹овательно›, не нуждается, а потому и письма ему не надо писать». Хорошо, друг мой! Но не говорил ли я тебе, не писал ли, что мне не деньги нужны от тебя, а память и внимание братские. Ты мне писал, что дела твои худы, что денег у тебя нет. Неужели я не могу понять, что ты, человек семейный, обязанный многими заботами, можешь не иметь для меня денег! И какое право имел бы я претендовать на тебя за неприсылку денег, тогда как ты один помогал и поддерживал меня до сих пор! Разве я не знаю и не понимаю всю тяжесть твоих забот по твоим же письмам! И потому пойми, что я ропщу на тебя не потому, что ты обещал мне денег и не прислал (я знаю, что если не прислал, так верно их не было; в твоей доброте и в твоем сердце я не сомневаюсь).

---

[a] *Выше было:* 15-го

Но знай, друг мой, что мне горько то, что, кроме присылки денег, ты, кажется,[б] не считаешь нужным иметь со мной никаких отношений. Может быть, ты скажешь, что тебе *нечего* писать ко мне. Но рассуди[в] беспристрастно. В прошлом письме ты пишешь мне, что дела *твои худы*, обещаешь в очень скором времени мне еще письмо — и вдруг молчанье, ни строчки. Что я должен заключить? Что дела твои еще хуже, что они имели влияние на нашу переписку, что, может быть, ты болен или находишься в положении крайне запутанном. А если так, неужели ты думаешь, что я ко всему этому совершенно равнодушен? Нет, я измучился за тебя, я ломал голову о твоем положении, мне тяжело было слышать, что тебе не удается, и я горячо желал получить от тебя какое-нибудь известие. Предполагая во мне равнодушие, ты обижаешь меня. Прерви же наконец свое молчание, друг мой, отвечай мне хоть что-нибудь, пиши и в особенности отвечай на это письмо поскорее. Ты сам увидишь, что это письмо довольно важное, для меня по крайней мере.

Может быть, из прежних писем[г] за последние 2 года и неоднократных намеков моих ты мог видеть, что я любил одну женщину. Имя ее Марья Дмитриевна Исаева. Она была жена моего лучшего друга, которого я любил как брата. Конечно, любовь моя к ней была скрытая и безнадежная. Муж ее был без места; наконец, после долгих ожиданий, он получил место, в городе Кузнецке, Томской губернии. Приехав туда, он через 2 месяца умер. Я был в отчаянии, разлучившись с нею. Можешь себе представить, как увеличилось мое отчаяние, когда я узнал о смерти ее мужа. Одна с малолетним сыном, в отдаленном захолустье Сибири, без призора и без помощи! Я терял голову. Я занял и послал ей денег. Я был столько счастлив, что она приняла от меня. О том, что я сам входил в долги, я не рассуждал. Наконец она списалась с своими родными, с отцом своим в Астрахани. С тех пор он помогал ей, и она жила кое-как. Отец звал ее к себе.[2] Она бы поехала, но ей хотелось пристроить прежде сына в Сиб‹ирский› кадетский корпус. В Астрахани ей бы не на что было воспитать его; надо бы платить за него деньги. Она боялась обременить отца и боялась упреков сестер, у которых она была бы нахлебницей. В Сибирском же кадетском корпусе дают воспитание прекрасное и выходящие только 3 года обязаны прослужить в Сибири.[3] Переписка наша тянулась. Я уверен был, что и она по крайней мере поняла, что я люблю ее. Но я, быв солдатом, не мог ей предложить быть моей женой. Ибо чем бы мы жили? Какую бы судьбу она со мной разделила.[д] Но теперь, тотчас же после производства, я спросил ее: хочет ли она быть моей женой, и честно, откровенно объ-

---

б *Было:* кажешься
в *Далее было:* хоть
г *Далее было:* моих
д *Далее было:* В 1-е же время

яснил ей все мои обстоятельства. Она согласилась и отвечала мне: «*Да*». И потому брак наш совершится *непременно*. Есть только одно обстоятельство, которое может расстроить или по крайней мере отдалить наш брак на неопределенное время. Но *90* вероятностей на 100, что этого обстоятельства не будет, хотя надо всё предвидеть. (Об этом обстоятельстве я не пишу: долго рассказывать, после всё узнаешь.) Могу только сказать, что почти наверно я женюсь на ней. Если я женюсь, то свадьба будет сделана до $^1/_2$ февраля, то есть до масленицы. Так уж у нас решено, если всё уладится и кончится благополучно.[4] И потому, друг бесценный, друг милый, прошу и молю тебя, не тоскуй обо мне, не сомневайся, а главное, не пробуй меня отговаривать. Всё это уже будет поздно. Решенье мое *неизменимо*, да и ответ твой придет, может быть, когда уже всё будет кончено. Я знаю смысл всех твоих возражений, представлений и советов, они все превосходны, я уверен в твоем добром, любящем[е] сердце; но при всем здравом смысле твоих советов, они будут бесполезны. Я уверен, ты скажешь, что в *36* лет тело просит уже покоя, а тяжело навязывать себе обузу.[5] На это я ничего отвечать не буду. Ты скажешь: «Чем я буду жить?» Вопрос резонный; ибо, конечно, мне стыдно, да и нельзя рассчитывать женатому на то, что ты, н‹а›прим‹ер›, будешь содержать меня с женой. Но знай, мой бесценный друг, что мне надо немного, очень немного, чтоб жить вдвоем с женой. Я тебе ничего не пишу о Марье Дмитриевне. Это такая женщина, которой, по характеру, по уму и сердцу из 1000 не найдешь подобной. Она знает, что я немного могу предложить ей, но знает тоже, что мы *очень* нуждаться никогда не будем; знает, что я *честный* человек и составлю ее счастье. Мне нужно только 600 руб. в год. Чтоб получать эти деньги каждогодно, я надеюсь на одно, именно на милость царя, на милость обожаемого существа, правящего нами. Я надеюсь на позволенье печа‹та›ть. Я смею питать в себе уверенность, что моя надежда не химера. Я надеюсь, что мудрый монарх наш, это ангельское сердце, кинет и на меня свой взгляд и позволит и мне, по мере сил моих, быть полезным. А в своих силах, если только получу позволение, я уверен. Не сочти, ради Христа, за хвастовство с моей стороны, брат бесценный, но знай, смело, будь уверен, что мое литературное имя — непропадшее имя. Материалу в 7 лет накопилось у меня много, мысли мои прояснели и установились; и теперь, когда каждый несет лепту свою на общую пользу, — не откажут и мне быть полезным. Верю, надеюсь и благоговею к решению монарха. А если позволят печатать —[6] я уверен в 600 руб. в год. О возможности иметь детей — заботиться еще далеко. А если будут, то и воспитаны будут, будь уверен. Ты скажешь, что, может быть, заботы мелкие понурят меня. Но что же за подлец я буду, пред-

---

[е] *Было:* любящем меня

ставь себе, что из-за того только, чтоб прожить как в хлопочках,[7] лениво и без забот, — отказаться от счастья иметь своей женой существо, которое мне дороже всего в мире, отказаться от надежды составить ее счастье и пройти мимо ее бедствий, страданий, волнений, беспомощности, забыть ее, бросить ее — для того только, что, может быть, некоторые заботы когда-нибудь потревожат мое драгоценнейшее существование. Но конец оправданиям! Примирись с фактом, друг мой. Он неотразим, если бог всё устроит, и всевозможные резоны, самые благоразумные, будут похожи на известное восклицание:

Mais qu'allait-il faire dans cette galère.*

Я согласен, что глупо было попасть сыну Оронта на галеру, к туркам, согласен во всем, во всем, во всех резонах, — но как ни восклицай, как ни жалей, все-таки он dans cette galère, попал в нее, и факт неотразим.[8] Бесценный друг мой, брат милый, не восставай на меня, а помоги мне, и тогда ты будешь мне более другом и братом, чем когда-нибудь. За сим считаю необходимым уведомить тебя о распоряжениях, которые я намерен сделать, чтоб достигнуть цели, и о некоторых обстоятельствах дела. Денег у меня нет ни копейки, а деньги 1-е дело, и потому я решаюсь занять. Я знаю здесь одного человека, расположенного ко мне, богатого и доброго. Я попрошу у него. Мне нужно не мало. Надобно сделать хоть какие-нибудь приготовленья, нанять квартиру хоть в три комнаты, иметь хоть необходимейшую мебель. Надобно одеться, надобно и ей помочь. Надобно 100 [ж] вещей самых необходимых, но которые стоят денег. Надобно послать за ней закрытую повозку, которую повезут три лошади туда и сюда 1500 верст — почти прогоны. Надобно заплатить за свадьбу. Сам я еще не мог до сих пор кончить моей офицерской экипировки. Жалованье мое достаточно, чтоб жить. Но завести всё, сразу, тяжело. Мне прислали 200 руб. из них часть пошла на заплату долга, другая пошла на необходимое белье (ибо сестра прислала одни рубашки), на множество вещей, самых необходимых, самых грубых и простых, но которые стоят денег. Наконец, так как я фронтовой офицер, то мне по крайней мере надо 2 мундира сейчас же: один для службы, для ученья, для караулов, а другой смотровый. Нужна шинель, нужны офицерские принадлежности, каска, шпага, шарф, темляк[9] и т. д., и т. д. Нужны сапоги, наконец, — всё это стоит денег, и потому 200-т руб., с необходимыми посторонними расходами, — далеко недостало.

Наконец, после женитьбы надо жить, до тех пор, пока объяснится последнее обстоятельство в судьбе моей, именно: возможность печатать, и потому я намерен занять *600* руб. сереб‹ром›. Этого только что разве будет достаточно. Занять же я эту сумму могу, ибо имею уже в руках для печати с лишком на

ж *Было:* 1000

* Но что ему понадобилось на этой галере (*франц.*).

1000 руб. сер‹ебром›. Я не обманываю, занимая, тем более, что займу на долгий срок и прямо объясню этому человеку мои обстоятельства, не утаивая ничего. С этой же почтой пишу сестре Вареньке и уведомляю ее обо всем по возможности.[10] В письме предуведомляю ее, что с следующей же почтой пишу к дяде. У дяди я прошу 600 руб. сереб‹ром›. Письмо к дяде будет написано очень благоразумно, будь уверен. Вареньку же прошу не удивляться, не ахать, не отсоветовать, а уговорить тетушку, чтоб передали мое письмо дяде в добрую минуту, когда она придет к нему. От дяди я ничего не скрываю. Если даст, то я тотчас же расплачусь *здесь*, а не даст, — одна надежда на себя, на бога и его ангела — монарха нашего! Тебя же умоляю, добрый Миша, тотчас по прочтении этого письма напиши в Москву сестре и посоветуй ей, чтоб они верно отдали письмо мое дяде. Ибо, боясь его, они могут и не передать письма моего. Дяде пишу по почте, в следующую же почту.[11] Ради бога, брат, сделай это для меня. — Теперь же изложу тебе еще просьбу, *прямо* к тебе. Брат, ангел мой, помоги мне последний раз. Я знаю, что у тебя нет денег, но мне надобны некоторые вещи, именно для *нее*. Мне хочется подарить их ей; покупать здесь невозможно, стоит вдвое дороже. Если б я имел деньги, я б тебе выслал; но я не имею и потому умоляю не откажи мне в этом *последнем* пособии. Но умоляю тебя и вот в чем: если тебе чуть-чуть *тяжело* (то есть если денег у тебя нет, ибо в желании твоем одолжить меня я уверен), — то, ради Христа, не мучь себя и не высылай ничего. Я пойму, я брат твой, и я слишком много имел от тебя доказательств твоей привязанности, чтоб сомневаться в тебе.

Вот вещи, которые я желаю иметь; они почти необходимы.

1) *К пасхе* шляпку (здесь нет никаких), конечно, весеннюю.

2) (*Теперь же*) шелковой материи на платье (какой-нибудь, кроме glasé *) — цветом, какой носят [з] (*она* блондинка, росту высокого среднего,[и] с прекрасной тальей, похожа на Эмилию Федоровну станом,[к] как я ее помню).

Мантилью (бархатную или какую-нибудь) — на твой вкус.

Полдюжины тонких голландских носовых платков, дамских.

2 чепчика (с лентами по возможности голубыми) не дорогих, но хорошеньких.

Косынку шерстяного кружева (если недорого).

NB. Если *требования* эти покажутся тебе *требованиями*, если тебе сделается смешно, читая этот реестр оттого, что я прошу чуть ли не на 100 руб. сер‹ебром› — то засмейся и откажи. Если ж ты поймешь всё желание мое сделать *ей* этот подарок и то, что я *не удержался* и написал тебе об этом, то ты *не засмеешься*

з *Было:* вздумается
и *Было:* выше среднего
к *Далее было начато:* в мое вр‹емя›
* глянцевой

надо мной, а извинишь меня. — Но прощай! Целую тебя от всей души. Пожелай мне счастья, добрый друг мой. Обнимаю тебя. Кланяйся Эмилии Федоровне, целуй детей и, ради Христа, отвечай на это письмо тотчас же.

Твой брат Ф. Достоевский.

Поздравляю тебя с наступающим Новым годом. Дай бог тебе более успеха.

117. В. М. КАРЕПИНОЙ

22 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 22 декабря 56.

Милый, добрый друг мой, любезнейшая сестра Варенька!

Может быть, ты удивляешься, что так долго не получаешь от меня письма и уведомления в получении от тебя денег. Друг мой, были некоторые обстоятельства, которые задержали меня. Мне хотелось подождать окончания их, ибо я предчувствовал что надо объяснить это дело и тебе; так чтоб написать всё вместе, разом. За деньги же (200 руб. сереб‹ром›) благодарю тебя и всех вас, дядюшку и тетеньку особо. Расцелуй тоже за меня и Вериньку. Я перед ней крайне виноват. До сих пор не написал ей! [1] Но ты сама увидишь, что я был несколько занят. Я всем напишу, а теперь, покамест, выслушай то, о чем уже давно хотел написать тебе. Вот в чем дело: история несколько длинная и потому нужно начать *сначала* за два года назад. Приехав в 54-м году из Омска в Семипалатинск, я познакомился с одним здешним чиновником Исаевым и его женой. Он был из России, человек умный, образованный, добрый. Я полюбил его как родного брата. Он был без места, но ожидал скорого помещения своего вновь на службу. У него были жена и сын. Жена его, Мария Дмитриевна Исаева женщина еще молодая, и он приняли меня у себя как родного. Наконец после долгих хлопот он получил место в городе Кузнецке, в Томской губернии, от Семипалатинска 700 верст. Я простился с ними и расставаться — мне было тяжелее чем с жизнью. Это было в мае 55 года. Я не преувеличиваю. Приехав в Кузнецк, он, Исаев, вдруг заболел и умер, оставив жену и сына без копейки денег, одну на чужой стороне, без помощи, в положении ужасном. Узнав о том (ибо мы переписывались), я занял и послал ей на первый случай денег. Я был так счастлив, что она приняла от меня! Наконец она успела списаться с своими родными, с отцом своим. Отец ее живет в Астрахани, занимает там значительную должность (директор карантина), в значительном чине и получает большое жалованье. Но у него на руках еще три дочери, девушки, и сыновья, в гвардии.[2] Фамилия отца — *Констан.* Он внук французского эмигранта, в 1-ю революцию, дворянина, приехавшего в Россию

и оставшегося жить в ней. Но дети его, по матери, русские. Мария Дмитриевна старшая дочь, и ее отец любит больше всех. Но, кроме жалованья, у него ничего нет, и более 300 руб. сереб‹ром› он ей не мог выслать. По крайней мере, она уже ни в чем не нуждалась с тех пор, как написала родным о том, что лишилась мужа. Отец звал ее в Россию. Но ей не хотелось ехать прежде помещения своего 8-летнего сына в Сиб‹ирский› кадетский корпус. Поехав же с сыном в Астрахань, ей не на что было бы воспитать сына. Там надо платить, а денег у нее не было. Отец бы не оставил, но он очень стар и, кроме жалованья, ничего не имеет. Если бы он умер,[a] то она осталась бы нахлебницей у сестер. В Сибирском же кадетском корпусе дают воспитанье превосходное, выпускают лучших учеников в артиллерию, с обязанностью прослужить в Сибири только три года. Короче, она решилась остаться. Я имею здесь много знакомых. В Омске были люди, занимавшие довольно значительные должности, меня знавшие и готовые от всей души сделать для меня что можно. Я просил об сыне Марьи Дмитриевны; мне обещали, и, кажется, наверно, он будет помещен на будущий год в корпус.[3] Друг мой милый, я пишу тебе подробности, а не написал главное. Я давно уже люблю эту женщину, до безумия, больше жизни моей. Если б ты знала ее, этого ангела, то не удивилась бы. В ней столько превосходных прекрасных качеств. Умна, мила, образованна, как редко бывают образованны женщины, с характером кротким, понимающая свои обязанности, религиозная. Я видел ее в несчастье, когда муж был без места. Не хочу описывать тебе их бывшую нужду. Но если б ты видела с каким самоотвержением, с какой твердостию она переносила несчастье, которое вполне можно назвать несчастьем. Судьба ее теперь ужасна: одна, в Кузнецке, где умер муж ее, бог знает кем окруженная, вдова и сирота в полном смысле слова. Конечно, любовь моя к ней была скрытная и невысказанная. Я же любил Александра Ивановича, ее мужа, как брата. Но она, с ее умом и сердцем, не могла не понять моей любви к ней, не догадаться об этом. Теперь, когда она свободна (по смерти мужа уже прошло $1\frac{1}{2}$ года) и когда я был произведен в офицеры, первым делом моим было предложить ей выйти за меня замуж. Она знает меня, любит меня и уважает. С тех пор как мы расстались, мы переписывались каждую почту. Она согласилась и отвечала мне *да*. И если не случится одного обстоятельства (о котором не пишу, долго рассказывать),[4] которое может если не расстроить, то отдалить дело надолго, — то свадьба наша будет уже сделана до 15 февраля, то есть до масленицы. Друг мой, милая сестра! Не возражай, не тоскуй, не заботься обо мне. Я ничего не мог лучше сделать. Она вполне мне пара. Мы одинакового образования, по крайней мере, понимаем друг друга, одних наклонностей, правил. Мы друзья

а *Было:* Если он умрет

издавна. Мы уважаем друг друга, я люблю ее. Мне 35 лет, а ей двадцать девятый, фамилии она превосходной, хотя и небогатой (она не имеет почти ничего. Впрочем, после матери у нее есть недвижимое имение, дом в Таганроге, но он в ожидании совершеннолетия младшей сестры, только что вышедшей из института, еще не продан и не разделен). Давно уже я писал брату об этом, прося не говорить никому из вас. Но тогда я не имел ни малейших надежд. Теперь, когда я[б] произведен, мне позволительно иметь надежды на дальнейшее устройство судьбы моей; а милость монарха неисчислима. Знаю, Варенька, что первый вопрос твой, как доброй сестры, любящей и заботящейся о судьбе брата, будет: «Чем же будешь ты жить?» — ибо, конечно, жалованья недостаточно для двух. Но, во-1-х, моя жена многого не потребует; она со взглядом здравым на жизнь; она была в несчастии, она переносила его гордо и терпеливо; по крайней мере, она не мотовка, будь уверена, а, напротив, хозяйка превосходная, а во 2-х) если не жить в Петербурге и в Москве, то мне вполне достаточно 600 руб., серебр‹ом› в год. Где же я их возьму? Но ты знаешь, Варенька, все мои цели. Я надеюсь на бога и на царя. Я надеюсь твердо, что мне позволят (и скоро) быть понятым, — писать и печатать. Подожди, друг мой, еще услышишь обо мне и хорошо услышишь. У меня уже теперь есть написанное, и если позволят напечатать, то будет по крайней мере на 1000 рублей сереб‹ром›. Вот моя и карьера. Теперь труд давно уже вознаграждается. Себя же я насиловать не буду, как прежде, не буду срамить себя и писать мерзости, через силу, для доставления статей в срок, по контрактам. (Эта работа всегда убивала во мне все силы, и никогда я не мог написать ничего дельного.) Но теперь дело другое. Материалов у меня бездна. Мысли мои прояснели и установились. То, что я напишу, уже, конечно, не откажутся напечатать в журналах, а, напротив, примут с радостью. Я это знаю наверно. Конечно, я могу заработать без труда большого несравненно более шестисот рублей в год. Но я кладу только 600 на свои потребности и буду иметь их. Если же и это не удастся, то в Сибири[в] такая нужда в людях честных и что-нибудь знающих, что им дают места (частные, наприм‹ер›, у золотопромышленников) с огромными жалованиями. И я знаю *наверно*, что мне не откажут, а, напротив, примут меня с радостью. Одним словом, я не пропаду. Но покамест, пока служу, по крайней мере на этот год, надо чем жить. Рассчитав всё (ибо надо завести и квартиру и какую-нибудь мебель, и одеться мне и ей, и послать ей денег на выезд и заплатить за свадьбу), на всё это надо мне 600 рублей сереб‹ом›.[5] Здесь есть один из моих знакомых, человек, с которым я сошелся по-дружески, богатый и добрый. Я намерен попросить у него взаймы, не скрывая от

б *Было:* будучи

в *Далее было начато:* столько

него моих обстоятельств, надежд и прямо объявив, что могу заплатить ему только через год, через 2. Иначе я занимать не буду. Я почти уверен, что он даст мне.[6] Но этот долг надобно отдать. Это священный долг. И потому я намерен обратиться к дядюшке, написать ему письмо, изложить всё без утайки и попросить у него 600 рублей сереб‹ром›. Может быть, и даст — и тогда я спасен. Если б не короткий срок, оставшийся до свадьбы (я не хочу и не могу откладывать до после святой[7]), то я бы прямо обратился к дяденьке. Если даст дядюшка, то да будет он благословен! Он меня спасет от беды, ибо тяжко иметь на плечах долг в 600 рублей серебром. Если же не даст — его воля! Он так много сделал для нас, сестрица, он до такой степени заменил нам своими благодеяниями отца, что мне грешно было бы роптать на него. Объяви обо всем этом ангелу тетушке и скажи, чтоб благословила меня. Письмо к дядюшке посылаю не с этой почтой, и делаю это нарочно, чтоб предуведомить заране тебя и тетушку, которая верно поможет мне. Письмо к дядюшке я посылаю по почте. Оно будет надписано моей рукой. Ради бога, подайте ему это письмо сами, *в добрую минуту*, и объясните его. Будь уверена, что письмо будет написано превосходно.[8] Тебе же не так трудно будет, ангел мой Варенька, представить дядюшке, что женитьба моя не совсем нелепость; ибо факты говорят сами за себя. Пойми, друг мой! Я до сих пор еще, да и вечно, буду под надзором, под недоверчивостью правительства. Я заслужил это моими заблуждениями. Поверь же, что человеку, остепенившемуся, женившемуся, след‹овательно›, изменившему свое направление в жизни, поверят более, чем свободному как ветер. Возьмут в соображение, что женатый человек не захочет жертвовать судьбою семейства и не увлечется пагубными идеями так же скоро, как и молодой человек (каким был я), зависящий только от себя. А я ищу снискать доверие правительства; мне это надобно. В этом вся судьба моя, и я уже конечно скорее достигну цели моей, хотя бы не пришло позволение писать и печатать.

Прощай, мой ангел, не беспокойся обо мне и прими мою сторону. Знай, что я уже давно решил эту женитьбу, что это думано и передумано $1\frac{1}{2}$ года, хотя я не имел положительных надежд до производства, и что теперь я *ни за что не отстану* от моего намерения. Целую тебя 1000 раз, перецелуй детей, Вериньку и скажи тетушке, что я считаю ее за ангела-хранителя моего.

Непременно покажите дядюшке письмо мое. Не распечатывайте его раньше. Прощай, мой голубчик. Письмо к дядюшке придет в следующую почту наверно.

Поздравляю всех вас с наступающими праздниками.

Твой брат Достоевский.

Александру Павловичу передай мой поклон. Про него так много говорят и пишут хорошего, что я полюбил его не видав.

118. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (СУСАННЕ)

22 декабря 1856. Семипалатинск

Семипалатинск, 22 декабря 56.

Милостивая государыня Сусанна[а]

Спешу поблагодарить Вас за доброе, милое письмо Ваше ко мне.[1] Вы им доказали, что не забываете старых друзей, а память о друзьях — бесспорно признак прекрасного сердца. Вы мне пишете о Вашей потере. Конечно, тяжело лишиться тех, кто нам так близки. Я это очень хорошо понимаю и потому вполне Вам сочувствую. Вы пишете, что Вам скучно; но да утешат Вас те, которым Вы посвящаете все заботы Ваши. Дай бог Вам видеть радость в семействе своем! Мы здесь тоже живем ни скучно, ни весело. Это правда, что у нас много переменилось в Семипалатинске. Но наша домашняя жизнь осталась почти без перемены. Семейных домов у нас нет или очень мало. Наехала бездна народу одинокого. Все, начиная с губернатора,[2] холостые. А только семейное общество придает физиономию городу. Тут только и может быть разнообразие жизни. Холостой же круг вечно всегда и везде живет одинаково. Однако у нас бывают и балы и праздники. Вы подробно описывали впечатления Ваши при въезде бесценного монарха нашего в столицу, для коронованья.[3] Всё это, будьте уверены, отозвалось по всей России, от Петербурга до Камчатки; не миновало и Семипалатинска! Всё общество наше устроило бал, по подписке, и день празднования коронации у нас проведен был и торжественно и весело. Дай бог царю многие лета.

Да, конечно, если б Вы когда-нибудь приехали в Семипалатинск, то конечно не узнали бы его. Он даже обстроился лучше. Но правда Ваша: прошедшее всегда милее настоящего. Вы сами с грустью сознаетесь в том, говоря, что я Вам напомнил прошедшее письмом моим.[4] Вы спрашиваете о Пешехонове. Они живы и здоровы. Он, конечно, уже не служит больше, живет на хуторе (помните, возле бора).[5] На нем были долги, и для заплаты их он свой дом продал и выстроил себе другой, который отдает внаем. Софье[б] прошу от меня поклониться.[6] Марье же Ивановне я пишу особо.[7] Прощайте; дай бог Вам всякого счастья, а я пребываю с уважением и предапностью Вам.

а *В подлиннике оставлено место для отчества.*
б *В подлиннике оставлено место для отчества.*

119. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (МАРИИ ИВАНОВНЕ)

22 декабря 1856. Семипалатинск

Милостивая государыня Марья Ивановна,

Позвольте приписать и Вам несколько строк.[1] Из письма Сусанны[a] я вижу, что Вы живы, здоровы и даже помните старых друзей, таких, как я н<а>прим<ер>, которому, надеюсь, Вы позволите именоваться другом Вашим. Да благословит Вас за это господь и да наградит всеми благами. С каким удовольствием читал я письмо Сусанны.[2] Если она пишет, что я, своим письмом, напомнил ей прошедшее,[3] то, конечно, и ее письмо воскресило во мне давно прожитое. Как-то лучше было в прошедшем! Как-то Вы проводите время. Весело ли Вам? Уж конечно, если когда-нибудь буду в Москве, то не миную друзей и почту за особенное удовольствие быть у Вас. Да и дай бог поскорей побывать в России. Там, в России, чувствуешь себя как бы дома. Всё это установившееся, оседлое. Тогда как характер наших сибирских городков — это внезапный наплыв общества, съезд чиновник<ов>, и потом при 1-й перемене властей в Сибири всё это исчезает так же быстро, как и явилось, уступая место другим. Впрочем, у нас не то чтобы очень скучно. Только Вас нет с нами. Я бы с удовольствием воротился назад тому лет на пять. Не смейтесь над желанием. Ведь так естественно пожелать этого! Прощайте. Храни Вас бог и пошли Вам всего лучшего. Может быть, до свидания. Кто знает! Может быть, и увидимся когда-нибудь. В ожидании же примите уверение в чувствах уважения и преданности, с которыми имею честь пребыть

Вашим всегдашним слугою.

22 декабря 56 года.
Семипалатинск.

---

[a] *В подлиннике оставлено место для отчества.*

1857

120. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

25 января 1857. Семипалатинск

Семипалатинск. 25 февраля[а] 1857.

На письмо Ваше, бесценный друг, бесценный брат мой,[1] отвечаю этим коротеньким письмецом. Прошу Вас, не считайте мое письмо ответом на Ваше, а только предисловием к ответу. Писать я Вам буду очень скоро, именно 10-го февраля, а если удастся, то и раньше, 3-го февраля. Да, друг мой незабвенный, судьба моя приходит к концу. Я Вам писал последний раз, что Мар<ья> Дм<итриев>на согласилась быть моею женою.[2] Всё это время я был в ужаснейших хлопотах, как не потерял голову. Надо было устроить возможность свадьбы. Надо было занять денег. Я крепко надеюсь, что мне в этом же году что-нибудь позволят напечатать и тогда я отдам. В ожиданье же надо было занять во что бы ни стало. У меня был только один человек, у которого я мог просить — Ковригин. Но он всё время был в Омске, наконец воротился и по первому моему слову дал мне 600 руб. серебром, помог мне как брат родной. Я взял с условием воротить не ранее как через год. Он просил не беспокоить себя. Это благороднейший человек! Только 3 дня тому, как я получил деньги, и в воскресенье 27-го еду в Кузнецк на 15 дней. Не знаю, успею ли в такой короткий срок доехать и сделать свадьбу.[3] *Она* может быть больна, она может быть не готова или н<а><прим>ер, не станут венчать в такой короткий срок (ибо нужно много обрядов) — одним словом, я рискую донельзя, но никак не могу не рисковать, то есть отложить до *после святой. Нет никакой возможности* откладывать *по некоторым обстоятельствам*, и потому надо сделать одно из решительных дел. Как-то надеюсь, что удастся. Во всех моих решительных случаях мне сходило с рук и удавалось. Но тысячи хлопот в виду. Уж одно то, что из *600* руб. у меня почти ничего не останется по возвращении в Семипалатинск: так много и так дорого всё это стоит! А между тем я едва мог купить несколько стульев для мебели — так всё бедно. Обмундировка, долги,[б] плата и необходимые обряды и 1500 верст езды, наконец, всё, что мог стоить *ее* подъем с места, — вот куда ушли все деньги. Ведь нам обоим пришлось начинать

а *Ошибочно вместо:* января (*см. ниже текст письма*).

б *Было:* должишки

чуть не с рубашек — ничего-то не было, всё надо было завести.[4] Писал в Москву к родственнику и просил 600 руб.[5] Если не пришлет, — я погиб, по крайней мере месяцев 8 буду жить как нищий, то есть до того времени, когда, по расчетам, могу что-нибудь напечатать. Теперь я хлопочу, как угорелый, дела бездна и письмо это пишу к Вам, друг милый, в три часа ночи, а завтра в 7 надо уже быть на ногах. Много что через 2 недели буду отвечать Вам на всё *подробно* и ничего *не скрывая.* А теперь несколько слов, и то отвечу на главнейшее.

Во-перых, об *X*. Об ней теперь не скажу ни слова положительно. Я скоро буду иметь случай ее еще раз увидеть. Я так много имел бы и теперь рассказать! Но хочу рассказывать не догадками, а что сам увижу! Скажу только, что Вы правы. Гернгросс возбужден против Вас, по кем? Это другой вопрос. Еще скажу: утешьтесь, милый, бесценный друг, незабвенный мой ангел! После сами скажете: «*Это счастье, что я расстался с нею!*» Но довольно! До следующего письма об X.[6]

Вы пишете (и совета просите) насчет брака с m-lle K. Но, друг мой, за глаза советов давать невозможно. Одно скажу: если Вы сами называете ее ангелом, то не упускайте случая быть счастливым на всю жизнь. Нет возможности не полюбить чистое, праведное создание, которое назовете своею женою и полюбите хоть не страстью, но святее и выше и *прочнее*, чем *кого-нибудь*, — будьте уверены. Это так мне кажется! Еще: Ваше положенье в семействе требует *фактической независимости*, иначе Вы будете несчастны, Вы *не выдержите* и, по крайней мере, будете неспособны хоть что-нибудь начать в жизни. Если отец Ваш готов обеспечить Вас и дать Вам 5000 руб. в год, то не упускайте этого из виду, но сделайте так, чтоб эти 5000 были верные и не зависели от того, как подует ветер, от расположения отца. Это необходимо. Вот Вам два слова об этом. В следующем письме буду писать об этом и выскажу всё, как я смотрю на это.

Благодарю Вас без конца за письмо Ваше, но ради бога пишите чаще, отвечайте мне тотчас же на *это* письмо, не дожидаясь второго. Адрес мой другие пишут прямо на мое имя. Но Вас попрошу писать на имя Ламота, с передачею *Ф. М.*, то есть *мне.* Вы пишете о брате: мне жаль, что Вы с ним не сходитесь.[в] [7] Я об нем бог знает с какого времени ни слуху, ни духу не имею. Он дает мне в 8 месяцев по 2 строчки, как милостыню, и никогда не пишет о нужном, а всё бог знает что. Чего он боится? Есть столько о чем надо написать и что *можно* написать. А я нуждаюсь в известиях. Он мне ни слова не пишет о литературе, а ведь это мой хлеб, моя надежда. Хоть бы он отвечал мне только на мои вопросы. Н‹а›‹прим›ер, я крайне нуждаюсь знать, что нынче антрепренеры литературные? Это для меня капи-

---

[в] *Было:* не сойдетесь

тально. Боится, что ли, он? Не понимаю, не понимаю его, несмотря ни на какие его объяснения. Я знаю одно: это превосходнейший человек! Но что же с ним делается? Вы пишете, что я *ленюсь* писать; нет, друг мой, но отношения с М‹арией› Д‹митриевной› занимали всего меня в последние *2 года*. По крайней мере *жил*, хоть страдал, да жил!

Хочу просить торжественно о позволенье печатать. Помогите, помогите мне, когда настанет время! Похлопочите о позволенье, по крайней мере, не оставляйте меня известиями. Поймите мое положение и будьте хоть Вы моим во всем хранителем, как до сих пор были!

До сих пор не знал наверно, где Ваши вещи и книги. Вы так положительно писали, что у Гернгросса, что я и сам это думал. Теперь оказывается, что они у Остермейера. Еду через Змиев, спрошу о них! Но не понимаю, как отошлю их Вам, ибо все уже отправились в Ирбит.[8] Теперь поздно.

P. S. Прилагаю мерку с головы для кивера. Бесценнейший Ал‹ександр› Егор‹ович›! Мне *крайне нужны* эти вещи. У нас нет ни за какие деньги, и даже мы не знаем хорошо настоящей формы. Надо: *кивер, шарф, погоны, пуговицы,* — вот и все! Но где достать, коли нет. Вышлите, ради бога, поскорее.

Простите же, бесценнейший друг, что пишу так наскоро. Скоро напишу *обо всем*, а теперь до свиданья близкого. Обнимаю вас! Ради бога, пишите подробнее обо всем, особенно о себе.

121. В. М. КАРЕПИНОЙ

23 февраля 1857. Семипалатинск

Голубчик мой, Варечка, прости ради бога, что пишу тебе наскоро. Но вот в чем дело: я ездил в Кузнецк на 15 дней, женился (6-го февраля),[1] привез обратно жену, дорогой был очень болен (заболел в Барнауле, тем припадком, который имею постоянно и о котором писал тебе), несмотря на болезнь, продолжал путь и приехал домой в Семипалатинск 20-го числа февраля, больной и измученный от всей этой тревоги, от болезни и от дурных дорог.[2] Жена больна от чрезмерной усталости, хоть и не опасно. Суди же, есть ли хоть минутка описать тебе всё подробно? Жена, несмотря на всё свое желание, тоже не в состоянии писать тебе, тем более, что несмотря на хворость, хлопочет хоть как-нибудь устроиться на новом месте. И потому пишу тебе всего только несколько строк; но в самом скором времени напишу тебе еще письмо, вместе с женой, подробное и длинное.[3] Теперь же жена обнимает, целует тебя и просит, чтоб ты ее полюбила. А она тебя любит давным-давно. Всех вас она уже знает от меня с самого 54-го года. Все письма твои я читал ей, и она, женщина с душой и сердцем, была всегда в восхищении

от них.[4] Уведомляю тебя, ангел мой, что дядюшке и тетушке я пишу с этой же почтой.[5] Да благословит их бог! Признаюсь тебе, Варенька, искренно, что я, несмотря на их доброту и на всё, что они для нас сделали, не ожидал, что просьба моя к ним будет исполнена, и тем более я тронут этим![6] Ты пишешь, что тетушка сначала посердилась на меня. Я приписываю это ее же любви родственной и христианской ко мне; ибо как не озаботиться, как не покачать головой, как не сказать того, что она говорила: «Сам только что вышел из несчастья беспримерного, не обеспечен и тянет в свое горе другое существо, да и себя связывает вдвое, втрое». То же самое сказала и ты, мой ангел, в письме ко мне. Я понимаю, что нельзя было ответить иначе, и приписываю всё это вашему искреннему чувству ко мне. Дело же у вас за глазами, отдаленное; как тут судить! Но отвечу тебе: всё в руках божиих, а я, надеясь на бога, не задремлю и сам. Правда, хлопот в жизни больше. Есть обязанности строгие и, может быть, тяжелые. Но есть и выгоды для меня самого беспримерные. Не пишу их подробно, но они для меня очевидны. К тому же я не боюсь *долга* и *обязанностей* в одном отношении. Иногда долг и обязанности полезны в иной жизни, и полезно даже *связать* себя ими. Если человек честен, то явится и энергия к исполнению долга. А не терять энергию, не упадать духом — это главная потребность моя. Но довольно; будущее в руках божиих. Благодарю тебя и Верочку за старания ваши обо мне и за любовь вашу. В скорости напишу вам всем и брату Мише, тот, кажется, дал себе честное слово мне писать по одному письму в год, ни больше ни меньше. Если б ты знала, как мне горько это! Помог мне здесь один благороднейший человек,[г] очень добрый, с которым я всегда был в хороших отношениях. Он дал мне денег, почти без срока.[7] Тем не менее надобно отдать как можно скорее. Прощай, голубчик мой, целую тебя и твоих деток и всех вас. Верочке то же. До скорого письма еще. Тогда напишу кое-что подробнее. Если б не легкая хворость, еще оставшаяся во мне, то я вполе был бы спокоен и счастлив. Прощай до свидания.

Твой брат Ф. Достоевский.

23 февраля 1857 г.

122. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

9 марта 1857. Семипалатинск

Семипалатинск, 9 марта 1857 г.

Вот уже две недели с лишком, как я дома, дорогой мой друг и брат, Александр Егорович, и только теперь насилу собрался написать к Вам. Если б Вы знали, сколько выдалось мне хлопот, суеты и занятий, самых непредвиденных, при новом порядке ве-

[г] *Далее было:* богатый

щей, то верно простите меня за то, что тотчас по прибытии не написал Вам. Во-1-х, свадьба моя, которая совершилась в Кузнецке (6 февраля), и обратный путь до Семиплатинска взяли гораздо более времени, чем я рассчитывал. В Барнауле со мной случился припадок, и я лишних 4 дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно: доктор сказал мне, что у меня настоящая эпилепсия, и предсказал, что если я не приму немедленных мер, то есть правильного леченья, которое не иначе может быть, как при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы, которая почти всегда случается со мной во время припадка.) Приехав в Семипалатинск, встретили меня хлопоты по устройству квартиры; потом заболела жена, потом приехал бригадный командир [1] и делал смотр, так что я и Вам, и брату принужден был отложить писать до сегодня. А как мне хотелось поскорее отвечать, друг мой незабвенный, на Ваше доброе, милое, прекрасное письмо! [2] Не тужите, не тужите, друг мой, хоть я и ясно вижу, что у Вас со всех сторон горе. Более всего беспокоят меня за Вас, друг мой, отношения Ваши с отцом. Я знаю, чрезвычайно хорошо знаю (по опыту), что подобные неприятности нестерпимы, и тем более нестерпимы, что Вы оба, я знаю это, любите друг друга. Это своего рода бесконечное недоразумение с обеих сторон, которое чем далее идет, тем более запутывается. Тут не отделаешься ни крестом, ни пестом. Никакие объяснения не восстановят согласия, а если восстановят, то на миг. Одна помощь, одно лекарство: разлука. В 1-е же дни разлуки Вы попадете опять в его сердце, и он первый обвинит себя во всем. Характеры, как у Вашего отца — странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия. Не зная его лично, я так заключаю о нем, ибо знал в жизни, два раза, точно такие же отношения, как у Вас с ним.[3] Его тоже нужно щадить, и Вы знаете это лучше меня. Знаете что, друг мой милый: мне кажется, что Вы такого же характера, тоже больны сердцем и душою, и если в Вас еще не развилась мнительность и подозрительность, то не было случая, или еще рано, то есть разовьется потом. Зато у Вас болезненно развилась чувствительность. Берегите и спасайте себя от этого; сильные перевороты в жизни помогают всегда; я был ипохондриком в высшей степени, но излечился вполне крутым переворотом, случившимся в судьбе моей. Путешествие превосходно; [4] но так как Вы, добрейший друг мой, были со мной очень откровенны в письме своем, то и я считаю за долг быть с Вами вполне откровенным, хотя долго восставала против меня совесть и сердце запрещало мне высказывать свое мнение. Мимоходом скажу еще: Вы пишете о возможности случая жениться. На это скажу Вам, что это, помоему, самое лучшее в судьбе Вашей, ибо разом разрешит очень многое и перевернет Вашу жизнь. Но вот в чем дело: я не

знаю всех обстоятельств, я прочел только намек об этом в Вашем письме. Судить поэтому вполне не могу, и потому скажу мое мнение (а Вы его спрашиваете) вообще. Но прежде этого скажу еще об одном деле, именно о котором не хотел с Вами говорить откровенно до сих пор, то есть Вы понимаете, об X. Я не хотел говорить моего мнения, во-первых, потому, что, зная очень немного фактов, не хотел его считать верным и окончательным; 2-е, не хотел расстраивать и язвить Ваше сердце, 3-е) не хотел быть передатчиком и сплетником; но теперь вот что заставляет меня быть откровенным. 1-е) что я во всяком случае не выдаю мое мнение за окончательное и безошибочное, а только за мнение и так почему же не говорить; 2-е) я полагаю теперь, что время многое уже изгладило и излечило в Вашем сердце, и Вы теперь видите яснее и здоровее, и 3-е (главное), что эта женщина, по моему убеждению искреннему, *не стоит Вас* и любви Вашей, ниже Вас, и Вы только напрасно мучаете себя сожалением о ней. Наконец, 4) мне хочется высказать еще последнее мнение: не ошиблись ли Вы в ней окончательно? Может быть, Вы уверили себя, что она Вам может дать то, что она вовсе не в состоянии дать решительно никому. Именно: Вы думали искать в ней постоянства, верности и всего того, что есть в *правильной* и полной любви. А мне кажется, что она на это неспособна. Она способна только подарить одну минуту наслаждения и полного счастья, но только одну минуту; далее она и обещать не может, а ежели обещала, то сама ошибалась, и в этом винить ее нельзя; а потому примите эту минуту, будьте ей бесконечно благодарны за нее и — только. Вы ее сделаете счастливою, если оставите в покое. Я уверен, что она сама так думает. Она любит наслажденье больше всего, любит сама *минуту*, и кто знает, может быть, сама заране рассчитывает, когда эта минута кончится. Одно дурно, что она играет сердцем других; но знаете ли, до какой степени простирается наивность этих созданий? Я думаю, что она уверена, что она ни в чем не виновата! Мне кажется, она думает: «Я дала ему счастье; будь же доволен тем, что получил; ведь не всегда и это найдешь, а разве дурно *то*, что *было*; чем же он недоволен». Если человек покоряется и доволен, то эти созданья способны питать к нему (по воспоминаниям) навеки бесконечную, искреннюю дружбу, даже повторить любовь при встрече. Но к делу: меня, с самого 1-го моего приезда в Барнаул, в ноябре, поразило то, что она на меня смотрела и недоверчиво и в то же время с некоторым любопытством. Впрочем, в короткий срок моего там пребыванья, она была и мила и вежлива со мной. Он же принял меня с радушием необыкновенным и чрезвычайно мне понравился. Меня поразило тогда одно, что он, как видно, был сильно против Вас,[5] а она в присутствии его и многих других говорила о Вас с пренебрежением и даже с насмешкою, смеясь над Вашим портретом, который передала мне,[6] и говоря, что в нем выразилась пре-

тензия и кокетство Ваше, и на мой вопрос: неужели Вы его считаете таким? — она положительно отвечала: да. Я заметил и слышал тогда еще кое-что. Всего не перескажешь; но в последний мой проезд я узнал наверно вот какое поведение ее относительно Вас.[a] Le mari * говорил мне наедине про Вас, чрезвычайно серьезно, что он Вас очень любил прежде, но что Вы оказались самым дурным человеком и что он жалеет, что знает Вас. Мне показалось (и, может быть, я и ошибся), что он нарочно с намерением говорил мне это, желая внушить мне, чтоб я не верил ни слову из того, что Вы будете говорить и писать мне про Х., зная, что я с Вами в дружеской переписке. По серьезности же его я заключаю, что Х. верно *приняла меры* и успела вооружить его против Вас, рассказав ему, может быть, что Вы хвалитесь сношениями с нею. Конечно, всё это сделано *из предосторожности*, и знаете что: или она действительно подозревает Вас почему-нибудь в нескромности насчет сношений с нею, или это ее обыкновенная тактика, то есть чернить в глазах мужа и следующего любовника и любовника, предшествовавшего ему. Положим, она с мужем брала предосторожности; но рассудите: может ли любящее сердце чернить и выставлять смешным того, кого оно любило, не имея на это причин; да если б и были причины, то благородно ли это? Еще в Семипалатинске я слышал, что всеобщая молва по Алтаю приписывает ей нового любовника. Так как я с этим новым лицом был в отношениях дружеских (не назову Вам его; скажу только, что это не горный, а лицо, прибывшее на время из Петербурга (и не Маркиз),[7] — человек превосходный, умный, нежный и чувствительный, но немного с смешными странностями),[8] — то мне легче других было узнать: правда ли это? Я действительно увидал что-то новое, что-то есть *наверно*, но *до какой степени*? — неизвестно. Во всяком случае, он проводил там время безвыходно и был посвящен во многие тайны, про Вас много говорил, конечно не в смысле *связи*. Этому он очевидно не верил. О Маркизе же ему внушены были самые уважительные мысли (он Маркиза знает лично). Со мной он хитрил и многого мне не досказывал. Я даже заметил, что он ко мне получил даже несколько враждебное расположение (из самого дружеского прежде); по крайней мере, стал скрытен и осторожен. Скоро я его опять увижу. Впрочем, не думаю, чтоб он у *Х.* добился всего. В 1-е мое прибытие (в ноябре) Боб сидел у *Х.* безвыходно; теперь его нет в Барнауле. Маркиза тоже нет. Итак, друг мой, не выдаю моего мнения за окончательное; вспомните, что я был там мельком. Но мне кажется, она не стоит Вашей любви; забудьте ее и не вините очень. Сойтись же Вам с ней опять очень трудно, ибо le mari раздражен против Вас.[9] Забудьте же ее и если не исчезла еще в Вас идея о браке

---

[a] *Далее 11 строк густо зачеркнуты.*
* Муж (*франц.*).

с *К.*, то женитесь.[10] Говорю *вообще* и говорю как друг Ваш, не зная, впрочем, многих обстоятельств.

NB. на другом листе.

NB. Кажется мне, друг мой, что К., должно быть, прекрасно воспитана, должно быть, превосходное нежное сердце. Она будет любить Вас, а это прочнее всего, потому что не может быть, чтоб Вы не полюбили ее. Мне кажется, что сердце Ваше отдохнет в тихой и покойной жизни, да и характер изменится к лучшему. Пусть отец Вас обеспечит (не берите жены богаче Вас), выбирайте службу при посольстве и уезжайте за границу (хоть на первое время). Вот мой совет, совет дружеский. Не чуждайтесь меня, не лишайте доверенности и, ради бога, пишите чаще.

Теперь в коротких словах обо мне. Для женитьбы мне помогли здесь Ковригин, Хоментовский. Возвратясь в Семипалатинск, я получил письмо и деньги от дяди из Москвы, у которого я просил. Все обошлось мне в 700 руб. сереб‹ром›, дядя прислал 600; долгов я отдал только часть, остальным обеспечил себя только на несколько месяцев. Беспокоит меня болезнь и возможность печатать. Брат ободряет меня, и потому умоляю Вас, напишите мне положительно и ясно: делали ли попытки напечатать «Детскую сказку», если делали, то почему не напечатали?[11] Это мне очень важно знать. В лености меня не обвиняйте. Я пишу вещь длинную и еще не кончил.[12] Но, может быть, пошлю в Петербург, чтоб поскорей узнать, напечатают ли? — что-нибудь очень коротенькое и скоро.[13] Вся моя надежда на это. Жена Вам кланяется; она Вас особенно любит; она не может забыть Вас и с наслаждением вспоминает Ваше короткое, но памятное для нее знакомство с ними. Всё, что до Вас относится, интересует ее до крайности. Ваш портрет стоит в ее комнате, она выпросила его у меня. Сойдемся ли мы когда-нибудь, друг мой? И я и жена были бы полезны Вам. Вы бы в нас нашли брата и сестру, Вас любящих и понимающих. Не забывайте нас, а мы Вас никогда не забудем.

Я не знаю, что Вам написать нового. Говорят, что к нам назначен губернатором какой-то Генерального штаба полковник Панов — правда ли?[14]

Демчинский в отпуску. Не знаю, удается ли ему его ухаживание; но он надеется жениться; за кем он ухаживает, не напишу: *секрет*.

Как жаль, что Вы незнакомы близко с братом. Побывайте у него; я к нему пишу с этой почтой.[15] Прощайте, мой незабвенный, добрый друг, брат мой. Будьте уверены, что я Вас бесконечно люблю. Не забывайте же меня.

Ваш весь Дос‹тоевский›.

P. S. Ради бога, никому ни слова о том, что писал я Вам относительно X., и особенно не пишите самой X. Она уверена, что я приезжал шпионить. Не компрометируйте же меня, ради бога.

123. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 марта 1857. Семипалатинск

Семипалатинск. 9 марта 1857 года.

Вот уже две недели, бесценный, дорогой брат, как я воротился с женою из Кузнецка, а только теперь нашел минутку, чтоб написать тебе. Дорогой мой, милый мой, ради бога, не сердись на меня, что я не с первой же почтой по прибытии пишу тебе. Ты у меня всегда в уме и в сердце. Я люблю тебя, как только можно любить. Но конечно ты, зная жизнь, поверишь мне, что у меня с новым порядком вещей завелось столько хлопот, забот и дел, что и не знаю, как голова не треснет. Однако я все-таки успел написать дяде [1] и сестре [2] (по ее же просьбе немедленно). Дядя помог мне, и на время я обеспечен, а там буду надеяться на милость божию. Сам же не оплошаю, буду работать еще с большею ревностью. Но ты, вероятно, потребуешь подробного описания, как уладились мои дела. Не пускаясь в большие подробности, скажу вообще, что всё кончилось [а] благополучно. Мой добрый знакомый, на которого я надеялся в ожидании помощи от дяди, помог мне и дал мне 600 руб. сер<ебром> на годичной срок (и даже более).[3] Вообще скажу тебе, друг мой, что не этот один человек, а многие еще и кроме него принимали во мне искреннее участие.[4] Двое еще, н<а>прим<ер>, хотели непременно, чтоб я взял у них денег (без всякого срока) — хотели рассориться со мной, если я не приму их дружеских услуг. Я принужден был занять сверх 600 руб. еще 200 руб. сереб<ром>, итого 800, которые, возвратясь в Семипалатинск, истратил почти все, то есть истратил ровно 700 руб. сереб<ром> в общем и окончательном итоге. Может быть, ты удивишься, брат, куда я мог девать такую сумму? Я бы и сам не предполагал, что столько истрачу; но не было никакой возможности истратить меньше. Сборы в дорогу, экипировка моя и ее (ибо у ней было насчет всего необходимого не очень богато) — но самая необходимая экипировка, можно сказать бедная, путешествие в 1500 верст, в закрытом экипаже (она слабого здоровья,[б] — морозы и дурные дороги — иначе нельзя) — где я платил круглым счетом за четыре лошади, свадьба в Кузнецке, хотя и самая скромная, наем квартиры, обзаведенье, хоть какая-нибудь мебель, посуда в доме и на кухне [5] — всё это взяло столько, что и понять нельзя. В Кузнецке я почти никого не знал. Но там она сама меня познакомила с теми, кто получше и которые все ее уважали. Посаженным отцом был у меня тамошний исправник с исправницей, шаферами тоже порядочные довольно люди, простые и добрые, и если включить священника

а *Было:* окончилось

б *Вместо:* слабого здоровья — *было:* больная.

да еще два семейства ее знакомых, то вот и все гости на ее свадьбе.[6] В обратный путь (через Барнаул) я остановился в Барнауле у одного моего доброго знакомого.[7] Тут меня посетило несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и унынием. Доктор (ученый и дельный) сказал мне, вопреки всем прежним отзывам докторов, что у меня *настоящая падучая* и что я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого. Я сам выпросил подробную откровенность у доктора, заклиная его именем честного человека. Вообще он мне советовал остерегаться новолуний. (Теперь подходит новолуние, и я жду припадка.) [8] Теперь пойми, друг мой, какие отчаянные мысли бродят у меня в голове. Но что об этом говорить! Еще, может быть, и неверно, что у меня настоящая падучая. Женясь, я совершенно верил докторам, которые уверяли, что это просто нервные припадки, которые могут пройти с переменою образа жизни. Если б я наверно знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился. Для спокойствия моего и для того, чтоб посоветоваться с *настоящими* докторами и *принять меры*, мне *необходимо* выйти как можно скорее в отставку и переехать в Россию, но как это сделать? Одна надежда! Позволят печатать, получу денег и тогда перееду. Наконец, и кроме того меня пугает, если припадок случится в отправлении службы. В карауле, н‹а›прим‹ер›, затянутый в узкий мундир — я задохнусь непременно, судя по рассказам свидетелей припадка, которые видели, что делается с моей грудью и с моим дыханием. Но бог милостив, только повторяю тебе в 10-й раз: пойми, как важна для меня возможность печатать. В Семипалатинск я привез жену захворавшую. Хотя я, уезжая, заготовил всё по возможности, но по неопытности моей и половины не было сделано из того, что нужно, и потому у нас было две недели постоянных хлопот. На этот случай приехал бригадный командир.[9] Смотр, служба — одним словом, я совсем замотался — и потому прости, что не написал сейчас же по прибытии. Жена моя теперь оправилась. Она просит тебя простить ее, что не пишет тебе теперь ничего. Она напишет и скоро. Она уверяет меня, что *не приготовилась.* Всех вас она бесконечно любит. Она вас всех любила и прежде, когда я (в 54-м году) читал ей всякое письмо ваше, и знала о вас все подробности. По рассказам моим, она тебя чрезвычайно уважает и всё мне ставит тебя в пример. Это доброе и нежное создание, немного быстрая, скорая, сильно впечатлительная; прошлая жизнь ее оставила на ее душе [в] болезненные следы. Переходы в ее ощущениях быстры до невозможности; но никогда она не перестает быть доброю и благородною. Я ее очень люблю, она меня, и покамест всё идет порядочно. Получив деньги от дяди (которого

[в] *Было:* на ней

я благодарю от всего сердца), я уплатил часть долга; теперь у меня рублей 250 сереб<ром> есть в комоде; но ведь надо прожить по крайней мере до тех пор, пока получу позволенье печатать, и потому я рад, что хоть на это время[г] обеспечен. В будущее же я как-то слепо верую. Только бы дал бог здоровья. Удивительное дело: из тяжкого несчастья и опыта я вынес какую-то необыкновенную бодрость и самоуверенность. Может быть, это и худо. Дай бог, чтоб у меня достало столько благоразумия, чтоб не быть излишне самоуверенным. Но не беспокойся и не тоскуй обо мне. Всё пойдет хорошо. Но вот о тебе я сильно тоскую, бесценный, дорогой друг мой, добрый, благородный мой брат! Письмо твое я получил,[10] благодарю за твои посылки, они еще не пришли, но, друг мой, мне так тяжело было, читая о тягости твоих обстоятельств, что ты на нас истратился![11] Благодарю тебя 1000 раз, а жена не знает как и благодарить тебя. Но, ангел мой, твои дела всё еще не поправляются! Они решительно пугают меня. Ты надеешься на сигары; что если они не пойдут! а ведь это как легко может случиться. Мне кажется, что важнейшее неудобство — высокая цена твоих сигар. Но в этом я не знаю толку. Дай бог, дай бог тебе! Переживи этот кризис — и, ради Христа, не рискуй больше; не забирайся много, а помаленьку это крепче. Но какова же сестра Саша? За что она нас всех заставляет краснеть? Именно краснеть! Ибо все в семействе нашем благородны и великодушны. В кого она так грубо развита? Я давно удивлялся, что она, младшая сестра, не хотела никогда написать мне строчки. Не оттого ли, что она *подполковница?* Но ведь это смешно и глупо. Напиши мне, ради бога, об ней побольше и подробнее. Жаль, что я спешу, я бы и сам написал тебе больше и подробнее. Теперь задам тебе вопрос. Я, милый мой, спрашивал тебя об участи «Детской сказки». Скажи мне *положительно* (и умоляю тебя в том), хотели ли ее серьезно печатать? Если хотели, то пробовали иль нет, а если не пробовали, то почему именно? Ради бога, напиши мне это всё. Эта просьба моя будет ответом на твое предположение, что мне не запрещено печатать. Согласись, что судьба этой вещицы «Детской сказки» для меня интересна во многих отношениях.[12]

Друг мой, как мне жаль бедного Буткова! И так умереть! Да что же вы-то глядели, что дали ему умереть в больнице! Как это грустно![13]

Прощай, ангел мой. Кланяйся всем, кто меня помнит, я всех помню и кого любил — люблю по-прежнему. Я виноват перед Верочкой и ее мужем — давно не писал им,[14] скоро всем напишу. Перецелуй детей и особенно напомни обо мне Эмилии Федоровне. Дай бог ей всякого счастья!

[г] *Вместо:* на это время — *было:* теперь

Жена даже не приписывает тебе. На мое приглашение она отвечала, что напишет тебе сама, особое письмо, равно и к Вареньке.[15] Но просила тебе и Эмилии Федоровне передать ее искренний поклон и пожелание всего лучшего. Я свидетель — что от искреннего сердца. Прощай.

Твой брат Ф. Дост‹оевский›.

124. В. М. КАРЕПИНОЙ

15 марта 1857. Семипалатинск

Семипалатинск, 15 марта 857 г.

Вот и еще тебе письмо, дорогая Варенька. Уведомляю тебя, что я и жена (которая вместе со мной пишет к вам) [1] хотя кое-как устраиваемся и начинаем новую жизнь, но все-таки завалены такими разнообразными хлопотами, что поневоле манкировали прошлую почту и не писали к тебе, хотя я и обещался. К тому же жена что-то часто хворает, а я на этой неделе говел, сегодня исповедовался, устал ужасно, да и сам [а] не могу похвалиться здоровьем. И потому ты наверно извинишь меня. Жена просит вас в письме своем полюбить ее. Пожалуйста, прими ее слова — не за слова, а за дело. Она правдива и не любит говорить против сердца своего. Полюбите ее, и я вам за это буду чрезвычайно благодарен, бесконечно. Живем кое-как, больших знакомств не делаем, деньги бережем (хотя они идут ужасно) и надеемся на будущее, которое, если угодно богу и монарху, устроится. Не думаю, чтоб я грешил, имея в убеждении, что моя надежда исполнится.[б] Но не знаю, как дожить до того времени, когда буду сам зарабатывать себе кусок хлеба. Тогда только, и только тогда, буду вправе называть себя человеком. А до тех пор благодарность всем вам, за то что любили [в] и не забывали меня в моем несчастье, бесконечная. Беспокоят меня несколько мои припадки, что-то теперь опять затихли; дай бог, чтоб совсем прекратились. Из-за них [г] с чувством какого-то уныния смотрю и на службу и на занятия мои теперь. К тому же убеждение, что я могу быть полезен и себе и другим, восстановлю свое имя и [д] исправлю прошлое *на другой дороге, другими занятиями*, укореняется во мне более и более. Дал бы бог, чтоб я мог вам всем доказать справедливость слов моих. Разумеется, я не переменю своего теперешнего положения, своей службы на

а *Вместо:* да и сам — *было:* да к тому же и сам

б *Вместо:* имея в убеждение ∾ исполнится — *было начато:* имея эту над‹ежду›

в *Было:* что до сих ‹пор› любили

г *Вместо:* Из-за них — *было:* Ибо

д *Далее было начато:* заслуж‹у›

неизвестное. Я тогда [е] изменю всё это, когда буду иметь факты, что могу существовать иначе и заниматься другим, выгоднее во всех отношениях, чем теперь.

От брата Миши получил недавно предобрейшее, премилейшее письмо.[2] Вот истинно друг и брат (как и ты — добрейшая мне сестра!). Но ты не поверишь, моя бесценная, до какой степени тревожит меня состояние [ж] дел брата Миши! Он рискнул слишком смело на свои сигары.[3] Дай бог, чтоб надежды его оправдались; но вот (которое уже письмо!) он [з] мне пишет о том, что погружен в беспрерывные расчеты, самые тоскливые хлопоты и живет надеждами. Мне его жаль до невероятности, или, лучше сказать, я о нем беспокоюсь, как о себе самом. Не зная в последнее время, поправились ли дела его, потому что он редко мне пишет, и не зная, помогут ли мне дядюшка и тетушка, я просил Мишу помочь мне, именно выслать кое-каких вещей, из которых некоторые совершенно необходимы, чтоб устроиться и подарить будущую жену мою.[4] Он пишет мне теперь, что немедленно исполнит просьбу мою. Он еще ничего не выслал, но совесть упрекает меня, что я потревожил его расходами для меня в таких его обстоятельствах. Если б можно было остановить его, то я отказался бы от просьб моих с радостию. Но теперь, кажется, поздно, и он, верно, вышлет всё непременно.

Я чрезвычайно хотел писать Верочке; [и] и непременно напишу, но теперь пусть покамест простит меня.[5] Расцелуй ее за меня, голубчик мой Варенька. Напиши мне всё, о всех вас; напиши о дядюшке и тетушке (здоровы ли, одобряют ли меня, довольны ли мною). Напиши и о Мише, что думаешь о делах его? А теперь прощай, бесценная сестра моя. Будь счастлива по возможности. Ты того заслуживаешь. Целую детей твоих, твои ручки и умоляю любить меня по-прежнему.

Прощай еще раз и навсегда [к] любящий тебя брат

Ф. Достоевский.

Ради бога, прости меня за такое перемаранное письмо. Прости, сделай одолжение, голубчик мой.

[е] *Было:* сначала
[ж] *Было:* положение
[з] *Было:* как он
[и] *Далее было:* но не знаю, где она (не в Петербурге ли?), но
[к] *Далее было:* твой

125. Д. С. КОНСТАНТУ

20 апреля 1857. Семипалатинск

Семипалатинск, 20 апреля 1857 г.

Многоуважаемый Дмитрий Степанович,

С чувством глубочайшего уваженья и искренней, настоящей преданности к Вам и всему семейству Вашему, осмеливаюсь рекомендовать себя Вам как родственника. Бог исполнил наконец самое горячее желанье мое, и я, два месяца назад, стал мужем Вашей дочери. Еще давно, еще при жизни Александра Ивановича, она так много и так часто говорила мне о Вас, с таким чувством и нередко со слезами, вспоминала свою прежнюю жизнь в Астрахани,[1] что я еще тогда научился Вас любить и уважать. Она всегда упоминала о Вас с искреннею любовью, и я не мог не сочувствовать ей.

Я познакомился с Марьей Дмитриевной в 54 году, когда, по прибытии моем в Семипалатинск, был здесь еще всем чужой. Покойный Александр Иванович, о котором я не могу вспоминать до сих пор без особого чувства, принял меня в свой дом как родного брата. Это была прекрасная, благородная душа. Несчастья по службе несколько расстроили его характер и здоровье. Получив место в Кузнецке, он заболел и скончался, так неожиданно для всех любивших его, что никто не мог подумать о его судьбе хладнокровно.[2] Я же не мог представить себе, что станется с бедной Марьей Дмитриевной, одной, в глуши, без опоры, с малолетним сыном? Но бог устроил всё. Не знаю, в состоянье ли я буду исполнить то, что положил в своем сердце; но уверяю Вас, что во мне твердое, непоколебимое желанье составить счастье жены моей и устроить судьбу бедного Паши. Я люблю его как родного; я так любил его отца, что не могу не быть другом и сыну.

Вас буду просить я, многоуважаемый Дмитрий Степанович, — рекомендуйте меня семейству Вашему и передайте мой поклон и мое искреннее уважение сестрицам Марьи Дмитриевны. Может быть, Вы когда-нибудь узнаете меня лично. Во всяком случае, поверьте мне, я надеюсь заслужить доброе мнение Ваше и оказаться достойным иметь честь быть близким к Вашей фамилии. А теперь примите еще раз уверенье в чувствах наиглубочайшего уваженья и позвольте мне пребыть искренно любящим Вас и преданнейшим Вашим слугою.

Ф. Достоевский.[3]

126. Е. И. ЯКУШКИНУ

1 июня 1857. Семипалатинск

Семипалатинск, 1-е июня 857.

Милостивый государь Евгений Иванович,

Александр Павлович передал мне всё то, что Вы поручили ему сказать мне.[1] Я не знаю, чем и как заслужил я привязанность Вашу и чем могу отблагодарить Вас когда-нибудь! Я бы желал Вас видеть и иметь честь узнать Вас короче. За краткостию не пишу Вам ничего о себе и о моих обстоятельствах или надеждах. Александр Павлович будет так добр и передаст Вам всё, чего[а] я надеюсь достичь в непродолжительном времени, равно как и надежду быть в Москве. Но покамест перейдем прямо к делу, которое меня интересует почти более всего, в чем заключаются все будущие надежды мои в жизни, то есть — вступление вновь в литературу.

Александр Павлович прислал мне от Вашего имени 100 руб. серебром.

Добрейший Евгений Иванович, скажите мне как возможно Вам скорее: какие это деньги, откуда и чьи? Вероятно Ваши, то есть Вы, движимый братским участием, присылаете их мне в надежде подстрекнуть меня на литературную деятельность и тем желаете мне помочь вдвойне. Александр Павлович пишет, что Вы берете на себя труд хлопотать о напечатанье моих сочинений и надеетесь, продав их куда-нибудь, выручить для меня значительную плату. Конечно, я не останусь глух на призыв Ваш, только уж и не знаю, как благодарить Вас за Ваше внимание ко мне. — До сих пор я хотя и желал, но удерживался от печатанья. Мне всё казалось, что я не имею права. Но, кажется, мои опасения были пустые. Меня уже многие торопили печатать. Я давно уже решился начать, но не знал, как обделать дело. Во-1-х) не знал, куда послать. Редакции журналов теперь для меня большею частию незнакомы. Мне же непременно хотелось (и так я желаю и теперь) печатать не под своим именем. В последнее время я думал о «Русском вестнике». Приятель мой Плещеев (теперь в Оренбурге) уведомил меня, что писал обо мне Каткову.[2] Итак, я желал бы начать с «Русского вестника». Но вот в чем затруднение: что предложить в «Вестник»? Скажу Вам без обиняков, что у меня давно уже определено, с чего начинать, и с другого я не начну. Хотя и есть кое-что другое, но, кроме романа и повести, я ни с чего другого не начну.

В последнее же время, то есть года $1^1/_2$ сряду, я обдумывал и занимался романом, к несчастью, слишком объемистым. Я говорю, к несчастью: потому что захочет ли «Вестник» напечатать

[а] *Было:* что

роман величиною с Диккенсовы романы? Вот что главное. 2-е) что хотелось бы мне узнать: имеете ли Вы уже в виду издателей или журнал, в котором желали бы поместить что-нибудь мое. А 3-е) где лучше и выгоднее было бы поместить, то есть какой журнал в настоящее время можно предпочесть в этом смысле? Объясню Вам, что именно я пишу, хотя, конечно, не буду рассказывать Вам содержанье. Это длинный роман, приключенья одного лица, имеющие между собой цельную, общую связь, а между тем состоящие из совершенно отдельных друг от друга и законченных само по себе эпизодов. Каждый эпизод составляет часть. Так что я, наприм<ер>, очень могу помещать по эпизоду, и это составит отдельное[б] приключенье или повесть. Разумеется, мне бы желалось поместить всё по порядку. Скажу Вам еще, что роман состоит из 3-х книг,[в] каждая листов 20 печатных, и из нескольких частей. Написана только 1-я книга в 5 частях. Остальные две книги напишутся не теперь, а когда-нибудь, ибо, во-1-х), они составляют хотя продолжение приключений того же лица, но в другом виде и характере и несколько лет спустя. 1-я же книга есть сама по себе полный и совершенно отдельный роман в 5 частях. Вся она написана, но еще не отделана, и потому я примусь теперь отделывать ее по частям и по частям буду доставлять Вам. Получив Ваш ответ, тотчас же вышлю Вам 1-ю часть 1-й книги. Эта часть составляет совершенно отдельную и конченную повесть.[3] Вас же убедительнейше прошу отвечать на мои вышеприведенные вопорсы.[г] Поговорите с редакторами, если имеете знакомых, и предложите им. Что скажут и что дадут с листа. Другим же я ничем (литературным) не занимаюсь теперь, кроме этого романа, ибо сильно лежит к нему сердце.

Извините меня, Евгений Иванович, за такие подробности, но я вполне хочу воспользоваться Вашим обязательным предложением. Благодарю Вас за всё еще раз. Крепко жму Вам руку. Вы меня выводите на дорогу и помогаете мне в самом важном для меня деле. До свиданья! Я надеюсь, что до свиданья! Ваш весь навсегда

Ф. Достоевский.

б *Далее было начато:* помещен<ное>
в *Было:* частей
г *Далее было:* Если

127. И. В. ЖДАН-ПУШКИНУ

29 июля 1857. Семипалатинск

Милостивый государь Иван Викентьевич,

Когда-то Вы обратили внимание на жалкую судьбу двух несчастных, — меня и Дурова, и приняли нас в Вашем доме.[1] Я всегда слышал о Вас то, что научило меня искренно уважать

Вас; доброта же Ваша к нам научила меня и любить Вас. Без боязни и доверчиво обращаюсь к Вам теперь с убедительнейшею просьбою; ибо знаю, кого прошу. Но прежде всего уведомлю Вас, что я милостию монарха прощен, произведен в офицеры вот уже скоро год[2] и недавно получил прежнее потомственное дворянство[3] — что равносильно почти совершенному прощению. Получив чин, я женился, на вдове моего покойного друга, которого я любил и уважал, Александра Ивановича Исаева.[4] Я застал его в 54-м году в Семипалатинске; он тогда был без места. Но через год получил место в Томской губернии, отправился на службу в город Кузнецк и через 2 месяца умер, оставив жену и малолетнего сына. Покойный Александр Иванович Исаев часто, с величайшим уважением говаривал мне о Вас. Он знал Вас лично; не знаю, помните ли Вы его? Я помню, что я писал к Вам о его сиротке-сыне,[5] придумывая, как бы поместить его в Сибирский корпус, что очень хотелось бедной вдове, его матери, по смерти своего мужа пришедшей почти в отчаяние. Она подавала просьбы, писала письма — и вот решение вышло (благодаря заботливости доброго и благородного Якова Александровича Слуцкого[6]) уже в то время, когда она, уже шесть месяцев, как сделалась моею женой. И хоть мне грустно и тяжело отпустить такого маленького мальчика, о котором я дал себе слово заботиться, из уважения к памяти его отца, но отказаться от такого случая невозможно, тем более что корпусный командир сделал для него почти исключение, велев принять его в малых летах. Сибирский же корпус так хорошо устроен, что желать трудно лучшего. Одно тяжело: мальчик слишком молод, еще дитя, и никогда не расставался с родными. Ради бога, будьте ему покровителем! Обратите на него Ваше внимание. Я знаю и верю, что Вы и без просьб свято исполняете долг свой, как начальник; но иногда слово ласки, ободрения или снисхождения многое заменит бедному сироте. Будьте же великодушны! Я помню доброту Вашу, благородство Ваше и потому смело прошу, в надежде, что Вы простите меня за эту просьбу.

Я теперь болен довольно опасною болезнию — падучею. Я намерен лечиться и ехать для этого в Москву. Я надеюсь, что мне не откажут выехать в столицу. В таком случае в конце зимы или будущей весной я буду проезжать через Омск и тогда лично, вместе с женой моей, буду просить Вас о бедном сиротке. Я до самого последнего времени надеялся, что повезу его в корпус сам, лично. Но меня не пустили, так как в этот год уже два раза брал отпуск;[7] и потому я посылаю его с доверенным человеком — человеком порядочным, почтальоном Ляпухиным, на которого я надеюсь вполне.[8]

Простите меня, что я осмелился приложить к этому письму 10 руб. сереб<ром>. Он еще мальчик вполне, какое-нибудь лакомство может его во многом утешить. Не смею думать (а след<овательно>, и просить Вас), чтоб Вы были так благосклонны

к просьбе моей и взялись сами уделять ему из этих денег; хотя обязали бы меня тем несказанно. Но у Вас есть занятия, важные обязанности — и потому я не смею и думать о такой снисходительности. Итак, если нельзя этим деньгам храниться у Вас, то вручите их кому знаете из Ваших подчиненных; всякое распоряжение Ваше будет хорошо.

Если маленькому Исаеву понадобятся, сверх нужного содержания, какие-нибудь издержки, то я с радостию готов удовлетворить всякое требование.

Я учил моего пасынка Вас любить и уважать, как будущего своего начальника. Полюбите его, если можно, благороднейший Иван Викентьевич! Ему скоро 10 лет. Он добр, с прекрасными наклонностями, с острыми способностями, с честолюбием (это я заметил), но пылок, резов и, кажется, будет страстною и горячею натурою. За верность портрета я ручаюсь. Но согласитесь, что если он верен, то как легко этому мальчику совратиться с пути и впасть в дурные наклонности! А вместе с тем, как легко при руководстве сделать из него прекрасного человека!

Об этом-то я и прошу Вас, благороднейший Иван Викентьевич, будьте его благодетелем, взгляните на него иногда *попристальнее*, и — только! более я не смею Вас беспокоить моими просьбами. Что будет более, то произойдет от Вашего благородного сердца. Добрые дела свободны. А я на Вас вполне надеюсь во всем.

Простите меня за эту надежду, так высказанную, и позвольте мне с чувством глубочайшего уважения иметь честь пребыть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою.

Ф. Достоевский.

Семипалатинск.
29 июля 1857 г.

P. S. Простите меня еще за мой отвратительный почерк и не сочтите за небрежность. Я краше писать не умею.

128. В. Д. КОНСТАНТ

31 августа 1857. Семипалатинск

Милостивая государыня и любезнейшая сестрица
Варвара Дмитриевна,

Благодарю Вас от души за письмо Ваше ко мне.[1] Я чувствую честь, Вами мне сделанную, и вижу расположение Ваше ко мне. Позвольте же мне называть Вас именем сестры. Одно из задушевных желаний моих заслужить Ваше расположение, а вместе с тем и всей, уважаемой мною, фамилии Вашей. Из письма жены моей к Вам Вы узнаете причину нашего долгого молчания:[2] мы непременно хотели написать о Паше самые

верные и окончательные известия. Я знаю, как Вы любите Пашу, и потому считаю себя обязанным сообщить Вам о нем подробнее. Признаюсь Вам, что помещение его в корпус мне было сначала не по душе. Я рассчитывал иначе и всё уговаривал Марью Дмитриевну подождать. Я уверен в своем (очень близком) возвращении в Россию. Того требуют и мое здоровье и мои обстоятельства. Там же, в России, я имею много способов и очень много преданных мне и сильных людей, которые помогли бы мне пристроить Пашу наилучшим образом, у себя на глазах. К тому же в Павловском кадетском корпусе командиром батальона кадет мой родственник, муж моей младшей сестры.[3] Я думал, что в этом корпусе он был бы как в доме родных. Имея всё это в виду, я надеялся, что на прежнюю просьбу Марьи Дмитриевны (еще до замужества) о помещении Паши в корпус не последует скорого ответа за малолетством Паши. Но люди, которых я же просил прежде, так преданы нам, что выхлопотали, несмотря на малолетство Паши, в виде исключения из общего правила, принятие его в корпус.[4] Нечего делать, мы с ним расстались. Марья Дмитриевна рассуждала как мать и обрадовалась *решительному* и *верному*. По размышлении и я примирился с мыслию расстаться с Пашей и вот почему: Сибирский корпус, во-1), превосходнейшее заведение, права его большие, начальство редкое, неоценимое. Директором известный ученый генерал Павловский; его имя произносится с благоговением в Омске. Инспектором Ждан-Пушкин, которого я знаю лично, человек образованнейший, с благороднейшими понятиями о воспитании. (Он очень хорошо был знаком с покойным Александром Ивановичем, который, я помню, говорил мне о нем с увлечением). Наконец, болезнь моя и не совсем еще обеспеченное положение наше — всё это склонило нас предпочесть всем мечтам о лучшем — *верное*. К тому же последние указы государя-императора о военном воспитании дают права всем провинциальным кадетам переходить, при хороших успехах, в последний специальный класс в Петербурге, в Константиновский корпус, а оттуда выходить хоть и в гвардию, смотря по успехам.[5] О Паше писал я Ждан-Пушкину (от которого получил теплый, добродушный ответ[6] и который встретил его как родного и поместил у себя), потом полковнику Слуцкому, человеку семейному и значительному в Омске, и жене генерал-майора *де Граве*, моей доброй знакомой, женщине благородной и умной.[7] Я просил всех принять в Паше участие: все дали обещание. Были тоже посланы письма кадетам в старших классах, чтоб они приняли Пашу лучше.[8] Отправили мы его с добрым и честным человеком, хозяином дома, в котором мы квартируем и которого Паша очень любил. Он смотрел за Пашей как нянька и доставил его превосходно.[9] Паша был очень рад тому, что он уже кадет, хотя и плакал, расставаясь с нами. Пишу Вам всё это, зная участие, которое Вы в нем принимаете. Это мальчик добрый, очень остроумный, с большими способностями, благородный и

честный, с способностию крепко привязаться и полюбить, но с зародышем страстей сильных. Он совершенный портрет незабвенного Александра Ивановича и физически и нравственно.

Мне слишком много говорила о Вас жена и в особенности покойный Александр Иванович, говоривший о Вас с глубоким уважением, — чтоб я, не зная уже Вас отчасти, не дорожил Вашим расположением ко мне. Я слишком желаю заслужить лестное для меня внимание Ваше.

Позвольте уверить Вас в чувствах глубочайшего моего уважения к Вам и пребыть, милостивая государыня, Вашим покорным и почтительнейшим слугой

Ф. Достоевский.

31 августа 1857 г.

P. S. Напомните обо мне многоуважаемому семейству Вашему и передайте сестрицам Вашим мое глубочайшее уважение. Это покорнейшая просьба моя.

129. Д. С. КОНСТАНТУ

31 августа 1857. Семипалатинск

Милостивый государь Дмитрий Степанович,

Я должен начать письмо мое извинением. Слишком долго не отвечал я Вам.[1] Но вина моя была невольная. Марье Дмитриевне непременно хотелось написать Вам окончательное и решительное известие о милом нашем Пашечке. Совершенно неожиданно решилась давнишняя просьба Марьи Дмитриевны о помещении Паши в Сибирский кадетский корпус, и решилась по особенному вниманию и участию генерал-губернатора.[2] Пашу приняли, и хоть тяжело было расставаться с ним, но мысль о том, что Сибирский кадетский корпус — одно из первоклассных заведений в России, несколько успокоила нас. Начальство там превосходнейшее — знакомые и мне и покойному Александру Ивановичу.[3] Всё это время мы хлопотали об отсылке Паши в Омск. Я, к несчастью моему, не мог сопровождать его лично; ибо уже три раза в этом году брал отпуск.[4] Меня на этот раз не пустили. Зато мы нашли преданнейшего человека, который превосходно исполнил наше поручение.[5] Теперь он уже возвратился и принес нам известия самые благоприятные; Паша принят; все мои письма о нем в Омск подействовали, да и не могло быть иначе: я писал их благороднейшим людям.[6] Можно сказать положительно, что дело кончилось очень удачно. Зарекомендован Паша превосходно, в нем постоянно будут принимать в Омске участие многие очень важные там лица. Вот этих известий и ожидали мы, чтоб сообщить Вам о них, как о деле окончательно решенном, и тем успокоить Вас.

Вы мне написали столько лестных слов, благороднейший и многоуважаемый Дмитрий Степанович, что я, право, не знаю, чем заслужил их; клянусь Вам, что постараюсь заслужить Вашу доверенность ко мне. Благодарю Вас от всей души за добрейшие желания Ваши.

Живем мы понемногу и покамест не имеем причин жаловаться на судьбу. В мае месяце я получил еще монаршую милость: возвращение прежнего потомственного дворянства.[7] Это значит полное прощение вины моей. Но здоровье мое плохо. Думаю ехать месяцев через восемь (по расчету моему) в Москву. Там и жить будет лучше и легче, и доходы мои будут вернее, и, наконец, можно удобнее лечиться у лучших медиков.

Позвольте, с своей стороны, пожелать Вам от чистого сердца всего самого лучшего. Поручаю себя расположению Вашему. Позвольте мне именоваться Вашим почтительнейшим родственником и примите уверение в том глубочайшем уважении, с которым я имею честь пребыть, милостивый государь, Вашим покорнейшим и всегдашним слугою

Ф. Достоевский.

Семипалатинск
Августа 31 1857 г.

130. В. М. КАРЕПИНОЙ

7 сентября 1857. Семипалатинск

Семипалатинск, 7-го сентября 1857 года.

Любезный друг, милая сестра моя Варенька,

Решаюсь писать тебе еще, не дождавшись твоего ответа. Хочется напомнить о себе; это так естественно между теми, кто любит друг друга. Давно уже, рано весной, послали мы, я и жена моя, каждый от себя письма к вам всем: тебе и сестрице Верочке в Москву и к брату в Петербург.[1] От брата мы ответ получили.[2] Но ни от тебя, ни от Верочки до сих пор нет ничего. Скажи мне, Варенька, не сердита ли ты за что-нибудь на меня? Если так, то напрасно! Мало кто любит и уважает тебя так, как я. Я и не думаю этого, сообразить не могу, как бы это могло случиться! Я знаю, что ты так добра, как ангел, и сердиться даром не способна. Не понимаю, почему не ответила ничего и Веринька. Здоровы ли вы обе? Брат писал, что был у вас в Москве и нашел всё благополучно. Здоровы ли дядюшка и тетушка? Мысль об них мне несколько раз приходила в голову: если б тетушка серьезно хворала, я знаю, ты бы не отходила от нее, а в таком случае было бы не до меня. Дай им бог здоровья, а вместе и всем вам! Напиши же хоть что-нибудь, Варенька, и выведи меня из недоумения.

О себе скажу одно: живем помаленьку, покамест хорошо. В будущем одни надежды, то есть надежды на себя, на свои

силы с помощию божию, а это всего лучше. Может быть, бог и устроит судьбу мою. Если кой-какие дела (по литературе) удадутся, выйду в отставку. Служить мне больше нельзя, во-1-х, дорого, а время занято службой. А тут, на свободе, я конечно приобрету более. Но, разумеется, для этого надо переехать в Москву. Авось, это удастся. Болезнь моя нисколько не проходит. Напротив, припадки случаются чаще. Уже три раза с апреля м<еся>ца были они со мной, когда я стоял в карауле, и, кроме того, раза три или четыре во сне. После них всегда остается тягость, бессилие. Тяжело мне переносить это, Варенька. Надеюсь, что государь император позволит мне переехать в Москву, чтоб лечиться.[3] А здесь, у наших докторов, лечиться нечего. В Москве, несмотря на болезнь, я содержать сам себя надеюсь. Да и обновлюсь душою. Давит меня Сибирь. Но нечего загадывать о будущем. Как-то еще всё уладится.

Я думаю, Верочка теперь в деревне. Я писал тоже (в тот же раз) и Александру Павловичу[4] и еще одному моему знакомому, Якушкину, писал о важных для меня вещах и просил скорого, по возможности, ответа.[5] Но ничего еще не получил.

Иногда, Варенька, мне приходит на мысль, что письма мои пропали. Но опять, пропало, положим, одно письмо, зато другое дошло; а то было бы слишком странно.

Прощай, Варенька, друг мой милый. Хотел тебе написать только несколько строк, чтоб напомнить о себе только. Обними за меня Верочку и передай мое глубочайшее уважение дядюшке и тетушке. Скажи, что благодаря им у меня еще есть теперь кусок хлеба; денег еще ее не истратил. Благодарность моя дядюшке и тетушке беспредельна.[6] Дай им бог и здоровья и счастия.

Прощай же, ангел мой, будь здорова и благополучна, а я навсегда твой любящий брат Ф. Достоевский.

NB. Где брат Андрюша? Если он был в Петербурге, то удалось ли ему там и где он теперь? Куда ему писать? [7]

До свиданья.

131. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

3 ноября 1857, Семипалатинск

Семипалатинск ноября 3, 1857 г.

Любезный друг и брат, получив твое маленькое письмецо, в котором ты уведомлял меня о твоей заграничной поездке, или, лучше сказать, о твоем наскоке на Европу,[1] я не отвечал тебе тотчас, ожидая обещанной присылки сигар, (так как ты обещал их выслать с следующей почтой) и тут же разом отвечать тебе. Но ни сигар, ни письма — не было, и потому пишу, не дождавшись, во-первых, чтоб поскорей с тобой побеседовать, а во-вторых, изложить перед тобой кое-что из настоящих обстоятельств

моих. Во-1-х, о моей частной жизни. Живем мы кое-как, ни худо, ни хорошо. Я служу, хотя намерен в скором времени просить отставку, потому что считаю за грех запускать болезнь мою без излечения. И сама совесть говорит мне: так ли служат; когда я сам сознаю и чувствую, что, по причине болезни, едва могу исполнить самые легкие обязанности. Лучше уступить место другому и посторониться. Я же, и в отставке и в болезни, найду случай быть полезным занятиями литературными. Всякая ненормальность, всякая противуестественность, наконец, отмстит за себя. Жить упорно в Семипалатинске, усиливая болезнь и запуская ее, — по-моему, повторяю, грех.

Надеюсь на высочайшую милость превосходного монарха нашего, уже даровавшего мне столько. Он призрит меня, несчастного больного, и, может быть, позволит возвратиться мне в Москву, для пользования советами докторов и для излечения болезни. Кроме того, где я достану себе пропитание, как не в Москве, где теперь столько журналов и где, верно, меня примут в сотрудники.[2] Ты понять не можешь, брат, что значит переговариваться хотя об литературных делах заочно, писать — и не иметь даже необходимейших книг и журналов под рукой. Хотел было я, под рубрикой «писем из провинции», начать ряд сочинений о современной литературе. У меня много созревшего на этот счет, много записанного, и знаю, что я обратил бы на себя внимание. И что же: за недостатком материалов, то есть журналов за последнее десятилетие, — остановился.[3] И вот так-то погибает у меня всё, и литературные идеи и карьера моя литературная.

Ты пишешь мне, дорогой мой, о моем романе и просишь меня прислать прямо к тебе; но вот что я скажу тебе на это: я давно уже получил предложение из «Русского вестника», бесспорно первого русского журнала в настоящее время,[4] и уже завел переписку в Москве через превосходных знакомых моих и через Плещеева, который теперь в Оренбурге[a] и вот уже год работает для «Вестника».[5]

Что же касается до моего романа, то со мной и с ним случилась история неприятная, и вот отчего: я положил и поклялся, что теперь ничего необдуманного, ничего незрелого, ничего на срок (как прежде) из-за денег не напечатаю, что художественным произведением шутить нельзя, что надобно работать честно и что если я напишу дурно, что вероятно и случится много раз, то потому, что талантишка нет, а не от небрежности и легкомыслия. Вот почему, видя, что мой роман принимает размеры огромные, что сложился он превосходно, а надобно, непременно надобно (для денег) кончать его скоро — я призадумался. Ничего нет грустнее этого раздумья во время работы. Охота, воля, энергия — всё гаснет. Я увидел себя в необходимости испортить

---

[a] *Было:* в Петерб‹урге›

мысль, которую три года обдумывал, к которой собрал бездну материалов (с которыми даже и не справлюсь — так их много) и которую уже отчасти исполнил, записав бездну отдельных сцен и глав. Более половины работы было готово вчерне. Но я видел, что я не кончу и половины к тому сроку, когда мне деньги будут нужны до зарезу. Я было думал (и уверил себя), что можно писать и печатать по частям, ибо каждая часть имела вид отдельности, но сомнение всё более меня мучило. Я давно положил за правило, что если закрадывается сомнение, то бросать работу, потому что работа, при сомнении, никуда не годится. Но жаль было бросать. Твое письмо, в котором ты говоришь, что по частям никто не возьмет, заставило меня окончательно бросить работу. Два соображения были тому причиною. «Что же будет? — думал я, — или писать хорошо, но тогда я и через год не получу денег, потому труд мой бесполезен, или кончать как-нибудь и испортить всё, то есть поступить бесчестно; да и не в силах я был это сделать». И потому весь роман, со всеми материалами, сложен теперь в ящик.[6] Я взял писать повесть, небольшую (впрочем, листов в 6 печатных).[7] Кончив ее, напишу роман из петербургского быта, вроде «Бедных людей» (а мысль еще лучше «Бедных людей»),[8] обе эти вещи были давно мною начаты и частию написаны, трудностей не представляют, работа идет прекрасно, и 15-го декабря я высылаю в «*Вестник*» мою 1-ю повесть.[9] Там дадут вперед и дадут не мало. Буду с деньгами. Но вот беда: к 1-му генварю не буду иметь совсем денег, и так как, начиная это письмо, я решил объяснить тебе все мои обстоятельства и просить кой о чем, то и приступаю к этому делу.

В феврале, когда я женился, я занял здесь денег 650 р. серебр‹ом›. Занял я у одного господина, человека очень порядочного, но странного.[б] Я был с ним в отношениях близких. Это человек лет 50-ти, давая мне деньги (он человек богатый), он сказал мне: «Не только на год, но даже на два, не стесняйте себя, у меня есть, я рад Вам помочь», и даже не хотел взять заемного письма.[10] Потом, приехав из Кузнецка, я получил из Москвы, от дяди 600 руб. сереб‹ром› и даже потом еще 100. Из всего имения у меня, кроме моего мундира, были только подушка и тюфяк. Всё, до последней мелочи, нужно было завести вновь, кроме того: в продолжение года я ездил раза четыре в Кузнецк и обратно, истратил много на дела моей жены, тогда еще невесты, заплатил долги, за три года сделанные Хоментовскому и еще кой-кому до 300 р. сереб‹ром› (ибо мне *нужны* были деньги, когда у нее муж умер), и т. д., и т. д. Семипалатинск же самый дорогой город в свете. Здесь как будто необитаемый остров, где Робинзон находил самородки золота и ни за какие деньги не мог купить нужной вещи.[11] С открытием области здесь всё вздорожало. Я, например, плачу 8 р. сереб‹ром› в месяц за квартиру,

---

б *Далее было начато:* Давая

без дров и без воды. Хотел бы найти квартиру меньше и дешевле, да нет таких, ибо всё занято, 3 года назад наехало до 100 чиновников, и ни один до сих пор не выстроил дома. По провинциальному обычаю, кто ни придет, надо подать закуску; знай, что фунт самого гадкого русского сыру стоит до рубля сереб-р<ом>. Здесь 150 купцов, но торговля азиатская. Европейским товаром (то есть панским) торгуют купца три, четыре. Привезут брак московских фабрик и продают за цену неимоверную, за цену, которую может назначить только один горячешный в бреду и в сумасшествии. Попробуй заказать мундир или штаны; за сукно, стоящее 2 руб. сереб<ром> в Москве, берут до 5-ти. Одним словом, это самый дорогой городишка в мире. И потому неудивительно, что дороги, поездки, свадьба, отдача долгов, покупка всего самого необходимого для устройства первоначального и жизнь — съели все наши деньги. К 1-му декабря у меня ни рубля не останется. А между тем всего только три месяца после моей свадьбы господин, давший мне денег, начал напоминать о них. Это меня удивило; я именно говорил ему: «Если можете ждать год на мне, то дайте, если же не можете, не давайте». В ответ он именно сказал: «Хоть два года». Я поспешил дать ему заемное письмо, сроком до 1-го января наступающего года. Я надеялся получить деньги за роман. Теперь все надежды рушились; по крайней мере рушились на 1-е января. Между прочим, этот господин женился, неизвестно за что на меня сердится и — тут началась такая история, что я и не рад, что связался. Всё деликатно — но я знаю, что он намерен к 1-му января протестовать... Не пишу тебе всего, но мое положение слишком тяжелое. Одним словом, 1-е января я должен уплатить во что бы то ни стало. Между прочим, мне пришла неожиданная помощь, которая будет иметь влияние и на будущее. Эта помощь — Плещеев. Я с ним уже давно в переписке. Это та же симпатическая, благородная, нежная душа, как и прежде. Он в статской службе, в Оренбурге,[12] потому не едет в Россию, что влюбился и женится на 16-летней бедной, но образованной девушке (в настоящую минуту — может быть, даже женат; [13] я жду от него письма, а мы переписываемся очень часто). Месяца 2 назад он уведомляет меня, что получает наследство. Родственник, об котором он и не думал, умер в Москве. Наследников много; на на его долю, по завещанию, приходится ровно 50 000 руб. сереб<ром>. Плещеев тотчас же пишет ко мне, что если мне надо денег, то он даст мне *сколько угодно*, даже до пяти тысяч руб. сереб<ром>.[14] Но наследство свое он раньше не получит, как в апреле будущего (58-го года). Он пишет, что если удастся нам сойтись в Москве, то мы уже не разлучимся,[15] и говорит, что готов употребить капитал на какое-нибудь верное литературное предприятие, причем пишет, что, конечно, главным лицом буду я (то есть я). Я отвечал, что возьму у него 1000 руб. сереб<ром>. Эта тысяча, вместе с деньгами, которые я получу за 2 мои повести, помогут

мне заплатить долги, выйти в отставку и в июне 58 года приехать в Россию. За 1-ю повесть, которая (если считать по 75 руб. с листа) будет стоить 500 р. сереб‹ром›, я получу деньги около февраля. Но я буду просить вперед руб‹лей› 300 и потому получу до 800 р. сереб‹ром›. Обе мои повести будут стоить до 1000. Итак: в феврале я получаю деньги *наверно*, в апреле от Плещеева тоже наверно, — но что мне делать к 1 января 58 года? Мало того: что мне делать в декабре этого года? К 1-му декабря у меня выйдет последний оставшийся рубль; чем жить? Занять теперь не у кого! Тех людей нет, у которых я решился бы занять. Продать нечего. Жалование вперед я взять не могу (у нас новый командир,[16] да и сумма вперед всегда выдается хлопотливо). Наконец, этот долг, который терзает, мучит меня. Вот почему, любезный друг, я обращаюсь к тебе в последний раз: помоги мне в последний раз. Пришли мне 650 р. сереб‹ом›, если только можешь, всего на каких-нибудь три месяца. Две гарантии тебе, что я отдам непременно, наверно: если не веришь, что в феврале я получу *наверно* за свою работу деньги, то в апреле я получу от Плещеева наверняка. В феврале же, тотчас же вышлю тебе, в марте получишь. Клянусь тебе! И потому если можешь пожертвовать 650 р. на три месяца, то спаси меня в последний раз, как 1000 раз спасал. Будь еще раз мне благодетелем, поверь, друг мой, что ни за что в мире я бы не решился употребить во зло твою доверенность, в марте получишь — клянусь всем, что есть свято! Помоги, друг и брат. Этот долг до того нравственно терзает меня, что никогда в жизни я не был в таком двусмысленном, *грубом* положении. Я всего тебе не пишу, но эпизод для романа будет великолепный из моей истории. Прощай, голубчик брат. Знай, что вся моя надежда на тебя. Я бы спросил у Плещеева, но у него теперь *нет*, к тому же он женится. Умоляю тебя об одном: не тяни своего ответа и отвечай тотчас, по получении моего письма, ибо я с крайним нетерпением и тоской буду ждать его.

Жена тебе кланяется. Она писала Вареньке и Верочке, ни одна не ответила. Это ей очень горько. Она говорит, что вы, значит, все на нее сердитесь и не хотите ее в свою родню. Я разуверяю, но бесполезно. Она вас не знает лично. Ей очень грустно.

Моего пасынка Пашечку приняли в Омский кадетский корпус, по просьбе матери, поданной еще полтора года назад. Мы его отправили. Корпус прекрасный, инспектор высокой души человек. Я знаю его лично.[17] Но мне жаль маленького мальчика, только 10 лет, а я его так полюбил. Но приняли, отказаться было нельзя, да и смешно.

Ради бога, брат, отвечай немедленно, не тяни ответа. Пойми, сколько это для меня значит!

132. Е. И. ЯКУШКИНУ

23 ноября 1857. Семипалатинск

Семипалатинск 23 ноября 57.

Милостивый государь Евгений Иванович,

Не знаю, что могли Вы подумать обо мне, не получив от меня ответа на письмо Ваше?[1] Мне так тяжело представить себе это, что я невольно краснею за свое положение. Но выслушайте меня и увидите, что я еще не столько виноват, как Вам должно казаться. Ответ на письмо Ваше я послал 1-го июня;[2] послал бы и раньше, но приезд Федора Крестьяновича заставил меня переписать уже написанное к Вам письмо. Наконец, 3-го сентября, получаю я письмо от Федора Крестьяновича Мейна, из Змеиногорска.[3] В письме его лежало и мое письмо к Александру Павловичу Иванову,[4] в том же пакете, в котором я отправил его в Москву. В этом пакете было письмо и к Вам, которое я отправил 1-го июня, прося Александра Павловича Вам передать его. Я адресовал в Межевой институт.[5] В Межевом институте его не приняли. Оно возвратилось в Семипалатинск. Так как Федор Крестьянович адресовал все свои письма в Москву тоже в Межевой институт, то семипалатинская почтовая контора догадалась, что это, вероятно, его письмо, и отослала ему в Змеиногорск, из Змеиногорска оно пришло наконец ко мне, при объяснительном письме Федора Крестьяновича, в котором он, между прочим, писал, что скоро поедет в Москву через Семипалатинск. Тогда мне пришло в голову писать в Москву с ним;[a] я боялся другой раз вверяться почте, хотя он и дал мне новый адрес Александра Павловича. Но я его не дождался. В последнее время я был не совсем свободен: меня развлекали и службой (у нас перемена начальства)[6] и другими обстоятельствами; вот почему я еще прогулял несколько почт. И вот наконец пишу теперь к Вам, опять через Александра Павловича. В письме к нему[7] я приложил все прежние письма и даже письмо Федора Крестьяновича. И потому Вы получите 2 письма: одно от 1-го июня, другое — это.

Работа моя в последнее время несколько приостановилась и по нездоровью и по развлечениям служебным. Новый командир, новые порядки. Но уже из того, что до сих пор я не успел ничего послать в Москву, Вы увидите, что я несколько ошибся в расчетах. Много перечеркиваю и переправляю. Хочется отослать что-нибудь получше. Были и другие обстоятельства, довольно грустные. Много бы написал Вам теперь о моих делах, но подожду немного. Надеюсь, впрочем, скоро послать кое-что в «Русский вестник».[8] Если получу до того времени ответ от Александра Павловича, то пошлю первоначально Вам, ибо буду уверен в ад-

---

[a] *Было:* через него

рессе. Я возобновил переписку с Плещеевым, который в Оренбурге. Вы, может быть, его знаете или слышали о нем. Он печатал в «Вестнике» в прошлом году, знаком с редакторами и предлагает свое посредничество.[9]

До свидания, добрейший Евгений Иванович; если напишете мне что-нибудь, я Вам напишу кое-что подробнее. Хотелось бы многое передать Вам. Во мне крепкая уверенность, что я буду этот год в Москве. Это обратилось во мне в неподвижную идею. Ваш весь

Федор Достоевский.

133. В. Д. КОНСТАНТ

Около 30 ноября 1857. Семипалатинск

Любезнейшая сестрица Варвара Дмитриевна,

Жена моя сказала мне сейчас, что она пишет к Вам.[1] Времени до окончательного приема писем остается немного, и потому я поневоле должен спешить и ограничиться лишь несколькими строчками, чтоб поблагодарить Вас за Ваше милое, приветливое письмо, полное чисто родственного участия.[2] Если Вы пишете, что слышали обо мне еще давно, гораздо раньше женитьбы моей на сестре Вашей, от покойного и незабвенного Александра Ивановича, то и я скажу Вам, что я много, очень много раз слышал об Вас от покойного, который говорил о Вас даже с каким-то благоговением. Поверьте, что я чрезвычайно желаю хоть когда-нибудь увидеться с Вами и со всем Вашим домом. Не знаю только, могут ли когда-нибудь осуществиться мечты мои? В Москву я крепко надеюсь воротиться в наступающем году, и я дал уже давно себе слово не сидеть сиднем дома, а по возможности узнать нашу бесценную родину — побывать в Малороссии, на Юге и на Востоке. Не удастся ли тогда? но в Астрахань, уж конечно, я поеду вместе с женой. Но бог располагает, и только он один. Знаете ли, у меня есть какой-то предрассудок, предчувствие, что я должен скоро умереть. Такие предчувствия бывают почти всегда от мнительности; но уверяю Вас, что я в этом случае не мнителен и уверенность моя в близкой смерти совершенно хладнокровная. Мне кажется, что я уже всё прожил на свете и что более ничего и не будет, к чему можно стремиться. Благодарю Вас от всей души за прилагаемое Вами средство против моей болезни. Поверьте, что я вовсе не против симпатических и магнетических лекарств. Народная медицина, наприм<ер>, обладает иногда чудесными средствами по своим последствиям. Ваше лекарство я постараюсь употребить в свое время. Скажу Вам еще, что вот уже более трех месяцев, как у меня не было припадка, и я этому очень рад. Не вините бедного Пашечку. Он Вас вовсе не забыл и часто поминал *тетю Варю*. Те-

перь он привыкает к корпусу, и мне всё кажется, что он слишком мал для него. Я получил письмо от Ждан-Пушкина, инспектора корпуса, наполненное известиями о Паше.[3] Он пишет, что он очень шалит и худо учится. Мне кажется, это в порядке вещей. Где ему привыкнуть, так вдруг, к совершенно новому порядку вещей, который до сих пор ему и во сне не снился? Я писал об этом и Пушкину, умоляя его иметь Пашу в неослабном надзоре.[4] Пушкин превосходный человек, понимает свое дело, и мы крепко на него надеемся.

Передайте мое глубочайшее уважение папеньке и сестрицам Вашим. Уверьте их в моем глубоком, сердечном расположении к ним. О Дмитрии Степановиче я слышал так много от жены моей, которая его обожает, что невольно[a] научился его любить и уважать.

С глубочайшим почтением и преданностью пребываю Вашим искренним братом.

Ф. Достоевский.

NB. Ради бога, извините беспорядок письма моего. Не сочтите за неуважение. Но я всегда так мараю бумагу.

---

[a] *Было:* поневоле.

1858

134. М. Н. КАТКОВУ

11 января 1858. Семипалатинск

Милостивый государь,

Еще в августе получил я от Вашего сотрудника, А. Н. Плещеева, уведомление, что Вы не отказались бы напечатать в «Русском вестнике» что-нибудь моей работы.[1] Я давно уже желал сделать Вам предложение — напечатать роман, которым я теперь занимаюсь. Но так как он был не кончен, то и предлагать было нечего. Мне именно хотелось, чтоб Вы прочли сначала роман мой и потом уже нашлось бы время вступить в переговоры. Мне случилось, лет девять назад, напечатать столько дурного, что теперь поневоле не хотелось действовать заочно. Но обстоятельства мои изменились, и я вынужден действовать не так, как предположил сначала. Позвольте мне объясниться.

Роман мой я задумал на досуге,[а] во время пребывания моего в г. Омске. Выехав из Омска, года три назад, я мог иметь бумагу и перо и тотчас же принялся за работу. Но работой я не торопился; мне приятнее было обдумывать всё, до последних подробностей, составлять и соразмерять части, записывать целиком отдельные сцены и главное — собирать материалы. В три года такой работы я не охладел к ней, а, напротив, пристрастился. Обстоятельства к тому же были такие, что систематически, усидчиво заниматься я решительно не мог. Но в мае м‹еся›це прошлого[б] года я сел работать начисто. Начерно почти вся 1-я книга и часть 2-й были уже написаны. Несмотря на то, я до сих пор не успел еще кончить даже 1-ю книгу; но, впрочем, работа идет беспрерывно. Роман мой разделяется на три книги; но каждая книга (хотя и может делиться на части, но я отмечаю только главы) — но каждая книга есть сама по себе вещь совершенно отдельная. И потому предложить я Вам хотел сначала одну только книгу. 2-ю книгу я не могу, да и не желаю печатать в одном и том же году; равномерно и 3-ю. Но в три года все три книги могут быть напечатаны.[2] Прочтя 1-ю книгу, Вы сами увидите, что такое разделение совершенно возможно. Обстоятельства мои, в этом году, были такого рода, что я, при перемене образа жизни, стал крайне нуждаться в деньгах. Представив Вам мой роман

[а] *Было:* еще на досуге
[б] *Было начато:* ны‹нешнего›

(1-ю книгу) в рукописи, я намерен был просить у Вас денег до напечатания, и, может быть, Вы бы уважили мою просьбу. Для того я спешил его кончить. Но работа для денег и работа для искусства — для меня две вещи несовместные.[3] Все три года моей давнишней литературной деятельности в Петербурге я страдал через это. Лучшие идеи мои, лучшие планы повестей и романов я не хотел профанировать, работая поспешно и к сроку. Я так их любил, так желал создать их не наскоро, а с любовью, что, мне кажется, скорее бы умер, чем решился бы поступать с своими лучшими идеями не честно. Но, быв постоянно должен А. А. Краевскому (который, впрочем, никогда не вымогал из меня работу и всегда давал мне время), — я сам был связан по рукам и по ногам.[4] Зная наприм<ер>, что у него нет ничего для выхода книжки, я иногда 26 числа, то есть за 4 дня до выхода, принуждал себя выдумывать какую-нибудь повесть[в] и нередко выдумывал и писал в 4 дня.[5] Иногда выходило скверно, иной раз недурно, судя по крайней мере по отзывам других журналов. Конечно, я часто имел по нескольку месяцев времени, чтобы приготовить что-нибудь получше. Но дело было в том, что я сам никогда не знал, что у меня столько м<еся>цев впереди; потому что сам всегда поставлял себе сроку не более м<еся>ца; зная, что надобно было к следующему м<еся>цу выручать г-на Краевского. Но проходил месяц, проходило их пять, а я только мучился, как бы выдумать повесть получше, потому что дурное печатать тоже не хотелось, да было бы и нечестно перед г-ном Краевским. В то время я, вдобавок ко всему, был болен ипохондрией, и нередко в сильнейшей степени. Только молодость сделала то, что я не износил<ся>,[г] что не погибли во мне жар и любовь к литературе, да кроме молодости любовь к задушевным идеям задуманных романов, для которых я ждал время, чтоб начать и кончить. Те годы оставили на меня тяжелое впечатление, до того тяжелое, что теперь — мысль спешить кончать 1-ю книгу моего романа, чтоб поскорее получить деньги, была для меня почти невыносима. Вот почему я и не торопился. К тому же разные хлопоты и болезнь несколько задержали меня. Несмотря на то, я хотел послать Вам в январе (то есть теперь) половину 1-й книги, а 2-ю половину не более как через месяц, так что в марте весь роман (то есть 1-я книга) был бы у Вас в руках. Но одно непредвиденное обстоятельство и тут остановило меня. (Кстати: Вы, вероятно, удивляетесь и, может быть, с улыбной думаете, читая письмо мое: «К чему он пустился в такие подробности?» Но сделайте одолжение, дочтите меня до конца. Дело в том, что я имею к Вам огромнейшую просьбу и все эти подробности у места.) Обстоятельство, приостановившее в настоящую минуту мой роман, — вот какое: прошлого года я имел крайнюю нужду в деньгах и потому вошел

в *Вместо:* какую-нибудь повесть — *было:* что-нибудь *<нрзб.>*

г *Край листа оторван.*

в долги. Для расплаты их и для дальнейшего своего обеспечения мне крайне нужно было иметь к 1-му числу настоящего января месяца 1000 рублей серебр<ом>. Об этих деньгах я писал моему брату в Петербург. Две недели назад я получил от него письмо. Он пишет, что достал мне только 500 руб. серебр<ом>, войдя моим именем в некоторые литературные обязательства;[6] а именно: один граф Кушелев задумал издавать с будущего[д] года журнал «*Русское слово*».[7] Его factotum * некто г-н Моллер пришел к брату и просил через него моего сотрудничества. Зная, что мне нужны деньги, брат мой, не зная намерений моих, но зная, что я пишу роман, вздумал продать его в будущее «Русское слово».[8] Пятьсот рублей дали вперед и с обеих сторон написали и подписали условие. Что мне теперь делать? Деньги получаю с будущею почтою и вижу необходимость выручать брата, подписавшего условия. У меня был один роман, задуманный очень давно, который я очень любил и даже начал когда-то писать. Теперь я вынул его из ящика и решился продолжать и окончить, чтоб немедленно отослать брату. Роман очень небольшой; через два, много через два с половиною месяца надеюсь и кончить и отослать и тогда тотчас же принимаюсь за старую работу. Но так как я получил только 500 руб., а не 1000, которая мне необходимо нужна была, так как не только расплатиться окончательно с долгом, но даже обеспечить себя этими 500-ми я не могу, то я и решился на крайнюю меру: именно, обратиться к Вам с покорнейшею просьбою и предложить Вам, если угодно Вам будет иметь, для напечатания в этом году, мой роман, то не можете ли Вы мне выслать теперь же, вперед за роман, недостающие мне и крайне необходимые 500 руб., серебр<ом>. Я знаю, что предложение мое довольно эксцентричное; но всё дело в том, как Вы его примете. Одного не хотелось бы мне: чтоб Вы как-нибудь не подумали, что я так высоко ценю свои таланты, что мне нипочем подобные предложения. Поверьте, что меня заставила одна только крайность. Взамен этих 500 руб. (если Вы их вышлете) обязуюсь выслать Вам мою 1-ю книгу романа *всю* в продолжении лета, так что если захотите, то с сентября можете и печатать. В ней будет печатных листов четырнадцать или пятнадцать, так что она во всяком случае будет дороже стоить 500 руб. серебр<ом> и Вы, получа рукопись, разом воротите ту часть платы, которую теперь вышлете. Выслать роман в обещанный срок обязуюсь *непременно* (я нарочно взял срок побольше). Сверх того, так как Вы <мне>[е] выдадите деньги (если будет так) вперед, даже не поглядев на рукопись, то я обязуюсь с своей стороны, в случае если Вам мое сочинение не понравится, взять его назад и написать Вам как можно скорее другое. Ведь случалось же и мне когда-то

[д] *Было:* с шестидесятого

[е] *Край листа оторван.*

* доверенное лицо (*лат.*).

между дурным писать и сносное. Может, и теперь удастся. В плате с листа мы уговоримся, когда Вы прочтете рукопись. Впрочем, Вы плату назначите сами, и я вполне на решение Ваше полагаюсь.[ж] Кроме этих удостоверений, то есть кроме *моего честного слова*, я никаких обеспечений Вам более дать не могу, по крайней мере теперь. Впрочем, если Вам, угодно будет[з] потребовать еще какое-нибудь обеспечение — то я исполню. Наконец, для большего удостоверения скажу Вам, что роман, который я Вам обещаю, — самая задушевная работа моя, уже с давнего времени.[9] Я, впрочем, понимаю, что это тоже небольшое обеспечение, и случается так, что любимейшее произведение писателя бывает иногда прескверное, вследствие кое-каких причин. Во всяком случае, обязуюсь сделать как можно лучше.

Надеюсь, что Вы будете так добры, почтите меня во всяком случае хоть каким-нибудь уведомлением.[и] Теперь я подаю в отставку и надеюсь в конце лета, выхлопотав себе позволение, приехать жить в Москву.[10] Тогда я буду иметь удовольствие явиться к Вам лично. Теперь же адрес мой: *в г. Семипалатинск, в Западной Сибири, Федору Михайловичу Достоевскому.*

Простите за наружную небрежность письма моего, как-то за помарки и проч‹ее›, и не сочтите за неуважение. Я, ей-богу, не умею писать лучше. Я адресую для верности на два адреса: в редакцию «Русского вестника» и в Вашу типографию.

Примите, милостивый государь, уверение в чувствах глубочайшего уважения, с которыми пребываю

Вашим покорнейшим слугою

Ф. Достоевский.

Семипалатинск
11 января 1858 год.

P. S. Вы, может быть, спросите: почему я не отдаю роман, который пишу для «Русского вестника», в «Русское слово». Но во-1-х, я не знаю, что такое будет «Русское слово», ни редакции, ни направления — ничего. 2) Что им за высланные деньги (500 руб.) нужно как можно скорее прислать статью, а маленький роман, который я им назначаю, конечно, кончу скорее, чем большой, который пишу для «Русского вестника». Судьба моя, вероятно, работать *из-за денег,* в самом стеснительном смысле слова.

Д‹остоевский›.

ж *Вместо:* на решение Ваше полагаюсь — *было начато:* на Вас по‹лагаюсь›

з *Далее было начато:* прибав‹ить›

и *Далее было начато:* Я покор‹нейше›

135. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

18 января 1858. Семипалатинск

Семипалатинск. 18 генваря 1858.

Три письма от тебя, дорогой мой друг, я получил; одно от 25 ноября, два другие от 17-го и 19-го декабря.[1] Хотел было отвечать тотчас же на первое; но невозможно было. Ты писал о том, что вышлешь деньги, и о связях с «Русским словом».[2] Не зная, вышлешь ли ты, я и не мог ничего написать тебе положительно. Вот почему переждал до получения денег. Теперь же отвечаю на всё. Но прежде всего позволь от всей души поблагодарить за присылку денег. Ты спас меня, и я теперь хоть на сколько-нибудь обеспечен. А без них я бы пропал; извернуться как-нибудь — не было ни единого способа.

Спешу отвечать тебе по порядку на твои письма, — в том порядке, как и что у тебя прежде написано.

Сигары я получил (не знаю, писал ли я тебе об этом). Но господин, для которого я выписывал, отказался от них, по причине весьма уважительной: для него они были слишком слабы. Он мне давал своих. Ten-Cate[3] его надувает, но присылает ему очень крепких; а ему то и надо. Сигары твои я выкурил сам. Остаюсь тебе за них должен. Сквитаемся. Скажу еще, что твои сигары превосходны, но в дороге ужасно истерлись. Во всяком случае, я удивляюсь, почему они у тебя не *шли*. Далее: ты пишешь о «*Русском слове*». Положим, что идея барская хороша; что капитал для вспомоществования образуется. Но неужели деньгами можно создать редакцию? А без редакции и без оригинальности журнал вздор! Не знаю, кого-то он[4] наймет в редакторы?[5] Но я что-то плохо верю в успех «Русского слова». Как альманах журнал, может быть, некоторое время будет хорош.

Впрочем, покамест какое мне до этого дело? Дай бог успеха. Благодарю за то, друг Миша, мой неизменный друг, что ты завязал с «Русским словом» сношения и так мастерски обделал всё дело.[6] Теперь слушай же про мои обстоятельства. Роман мой (большой) я оставляю до времени. Не могу кончать на срок! Он только бы измучил меня. Он уж и так меня измучил. Оставляю его до того времени, когда будет спокойствие в моей жизни и оседлость. Этот роман мне так дорог, так сросся со мною, что я ни за что не брошу его окончательно. Напротив, намерен из него сделать мой chef-d'œuvre. Слишком хороша идея и слишком много он мне стоил, чтоб бросить его совсем. Теперь же вот что: у меня уже восемь лет назад составилась идея одного небольшого романа, в величину «Бедных людей». В последнее время[a] я, как будто знал, припомнил и создал его план вновь. Теперь всё это пригодилось. Сажусь за этот роман и пишу. Кончить надеюсь месяца

---

[a] *Было:* Теперь

в два. Кроме того: в большом романе моем есть эпизод, вполне законченный, сам по себе хороший, но вредящий целому. Я хочу отрезать его от романа. Величиной он тоже с «Бедных людей», только комического содержания. Есть характеры свежие.[7] В «Русское слово» дают сроку год. Итак, вот об чем я тебя прошу: напиши мне немедленно, если я, наприм‹ер›, пришлю тебе роман в апреле для «Русского слова» и листов печатных (в сравнении с листами других журналов) будет в нем более 5 (так и будет), то пришлют ли мне из «Русского слова», за остальные листы, немедленно, в апреле же м‹еся›це, деньги или будут ждать до будущего года, то есть до напечатания? Если пришлют, то я[б] тотчас же после твоего уведомления посылаю роман тебе, для «Русского слова». Если же не пришлют, то я решаю так: пусть «Русское слово» подождет до осени;[в] осенью я пришлю туда вещь оконченную (именно эпизод из большого романа, переделанный совершенно отдельно), — а тот роман, который будет готов в конце марта, пошлю Каткову в «Русский вестник». Расчет ясный: в «Русское слово» я не опоздаю; к выходу журнала статья будет, если даже доставлю и осенью. Но теперь надо спасать себя. Катков же через Плещеева сделал мне предложение. Получив от тебя 500 руб., а не 1000, я все-таки не знаю, что делать, потому что роздал почти все деньги, из присланных тобою 500, кредиторам. Сам остался почти без ничего и все-таки остался должен ровно 350 р. серебром. Вот почему я и выкинул такую штуку: с прошлою почтой написал Каткову, подробно и обстоятельно, что желаю участвовать в его журнале; предлагаю ему мой большой роман (который я теперь, на время, совсем решил оставить), уведомляю, что доставлю ему его в августе м‹еся›це (не раньше) и прошу вперед, по затруднительным моим обстоятельствам, 500 руб. сереб‹ром›, которые и прошу выслать немедленно по получении моего письма.[8] Написав это, я рассудил так: «Ведь дают же в „Русском слове“, ничего не видя, вперед, почему же бы не дать[г] и из „Русского вестника“?» Таким образом, мне в марте (в половине) могут прислать еще 500 р. сереб‹ром› (я вообще думаю, что терять своего нечего; я восемь лет ничего не печатал и потому, может быть, я буду занимателен для публики как новинка! Редакторы это верно знают и потому, может быть, и дадут вперед, а мне же чего терять свое, да еще будучи в затруднительном положении?) Если Катков пришлет деньги, то я бы ему тотчас же и послал, *не большой* роман (который я оставил), но другой, *небольшой,* который пишу теперь, хотя я и писал ему о большом романе (тогда еще не знал, что его оставлю). Но ведь Каткову все равно, если только вещь будет хорошая. Если я пошлю Каткову, то тогда я наверно могу с него взять еще 500 руб. тотчас же, ибо роман и длиной выйдет листов в восемь;

б *Далее было начато:* вме‹сто›

в *Далее было:* а роман

г *Вместо:* почему же не дать — *было:* почему же не дадут

след‹овательно›, взяв еще 500, я немного останусь должен. Катков, видя мою аккуратность и хороший роман (предполагая, что он будет хороший), вышлет еще 500 наверно. А это куды бы хорошо. Само собою разумеется, что «Русское слово» получит от меня тогда к сентябрю (именно лишний эпизод из большого романа). Я поступлю с «Русским словом» честно: доставлю к сроку и, кроме того, постараюсь сделать как можно лучше; потому что этот эпизод мне нравится самому по идее; да и вещь-то будет совершенно законченная. Итак, вот все мои распоряжения. Напиши, как ты обо всем этом думаешь?

Теперь еще: ты пишешь мне в первом письме, что[д] тебе нужна будет к будущему году моя повесть. Потом в других письмах упоминаешь, что у тебя до меня есть дело (вероятно, то же самое). Очень пеняю тебе, зачем ты не пишешь подробно, то есть что ты хочешь издавать, с кем и как?[9] Насчет повести будь уверен: даю слово, будет. Развязавшись с большим романом, я как будто вновь окрылился: кончу для «Русского вестника», потом для «Слова» и времени будет еще много. Только напиши мне обо всем подробнее.

Узнай еще, брат, что я уже подал в отставку (на днях) по болезни.[10] Ты знаешь мои планы. Если не позволят жить в Москве (что я прошу в просьбе об отставке), то я напишу письмо к государю; он милостив и разрешит, может быть, больному; ибо я буду проситься «для пользования советами столичных докторов».[11] Если же и тут не позволят (но каким же образом Тол‹л›ь и Пальм в Петербурге, если другим не позволяют? Может быть, действительно нашли нужным запретить въезд некоторым, но, вероятно, не всем), то тогда уеду в Одессу, где жить и хорошо и дешево и, вероятно, не навек. Государь милостив и разрешит со временем въезд в столицы. Вот таков мой план. След‹овательно›, я выеду, если всё уладится, не иначе как летом. У Плещеева я непременно думаю взять 1000 руб. Мы с ним сквитаемся, и я знаю, как сквитаться.[12] Без его же денег мне нельзя тронуться с места. Вот почему у меня образовалась к тебе еще огромнейшая, настоятельнейшая просьба; обращаюсь еще раз к твоей доброте, которую‹. . .›[е]

Откровенное объяснение. Я хоть и написал о платье, но мне вдруг стало теперь совестно. Нет, брат! Я слишком без стыда тебя беспокою и потому вот что скажу: напиши откровенно, то есть если придется тебе заплатить деньги, то не высылай, я обернусь и так. Если же можно тебе, как купцу купить на кредит готовое платье, то купи, но единственно если можно на кредит; напиши мне тоже цены. Есть, кажется, и дешевле, а то меня будет мучить совесть. А на кредит, то и я успею выслать деньги. Летом деньги будут хорошие.

[д] *Было:* о том что
[е] *Продолжение письма не сохранилось.*

Плещеев женился.[13] Он об тебе часто вспоминает и тебе кланяется.

NB. Не заботься о худой мерке. Покупай на свой рост. Твое платье я могу же носить. Разве скажи, чтоб *капельку* пошире да *подлиннее*, чем на тебя.

NB. Если же тебе придется заплатить за платье хоть копейку *наличными*, то не высылай.

Ты пишешь о портретах всей семьи. Я этому ужасно рад, а жена только и говорит об них. Присылай поскорее, ради бога. Жена кланяется и тебе и Эмилии Федоровне. Я тоже целую ручку у Эмилии Федоровны, а тебя обнимаю крепко, крепко. Поклонись всем, кому знаешь. Поцелуй брата Колю, если он в Петербурге.

Твой весь Ф. Достоевс‹кий›.

Детей своих поцелуй всех до единого особенно. Помнят ли меня. Выслав портреты, приложи *описание*, чтоб я мог узнать каждого из них.[ж]

ж *Текст: Откровенное объяснение* ∾ каждого из них. — *написан на полях письма.*

136. Е. И. ЯКУШКИНУ

8 февраля 1858. Семипалатинск

Семипалатинск. 8 февр‹аля› 1858.

Благодарю Вас за все те сведения, которые Вы мне сообщили, и за старания Ваши обо мне.[1] Насчет моего романа вот что я должен Вам написать окончательно: я его оставил (до времени). Значительная часть его уже была совсем готова. Но одна мысль, что придется кончать его за деньги, па почтовых, как это случалось со мной прежде, до того убивала меня, что я сделался болен и духом и телом. Я помню, как мне случалось губить недурные вещи, оттого что надобилось исполнить условия с журналами, выдавшими деньги вперед. Роман же мой я полюбил и ожидаю от него чего-нибудь.[2]

Взамен того принялся за одну длинную повесть, листов в 8 печатных, которая легче и покамест идет хорошо. Работа меня обыкновенно очень волнует, не могу писать хладнокровно, а след‹овательно›, и скоро. Во всяком случае, к концу марта надеюсь кончить, выслать Вам и даже застать Вас письмом моим в Москве. Но прежде того скажу Вам, что я сам написал Каткову — письмо странное, но необходимое.[3] Долгов у меня здесь 600 р. сереб‹ром› (сделанных при свадьбе). Срок им был 1-е января 58 г. Брат Михайло (в Петербурге) написал мне, что проектируется на будущий год журнал «Русское слово».[4] Денег на него дал некто граф Кушелев, редакторы мне неизвестны. Factotum Кушелева по де-

лам некто Моллер. Сей последний явился к брату и просил мой роман, повесть и т. п. Брат, зная, что мне надо денег, и не имея средств мне помочь сам, вступил с Моллером в контракт на след‹ующих› условиях: 1) я доставлю повесть к концу 1858 года, 2) плата 100 р. сереб‹ром› с листа, 3) 500 руб. выдаются вперед, сей же час. Так и вышло, и деньги (500 руб.) я уже получил. Для Моллера у меня уже есть повесть листов в 5 печатных. Но, след‹овательно›, насчет выполнения условий с предполагаемым «Русским словом» я спокоен. Но мне было мало 500 руб. Мне надо было 1000; ибо, расплатившись со всеми, надо было чем жить. Я и написал Каткову откровенное письмо (не думаю, чтоб Катков мог им обидеться), в котором предложил ему мой роман (на этот год), а его просил мне выслать сейчас же 500 р. Послав письмо, я решил не писать мой роман (отложил на время), а писать небольшой роман (листов в 8), о котором я упоминал выше.[5] Если Катков деньги пришлет, то надеюсь, что он не раскается очень. Не говорю, впрочем, что напишу что-нибудь очень хорошее. Но сносно, может быть, будет. Не пришлет деньги — его воля. Но если пришлет, то я опять в затруднении. 50 р. мне мало с листа. И потому я решил так. Вы, добрейший Евг‹ений› Иванов‹ич›, получив мой роман, снесете его Каткову, и если понравится, то он мне прибавит, если же нет, то я достану денег отдать. Вся беда оттого, что Плещеев уверил меня, что плата более 50 р. Но всё это ничего; как-нибудь обойдется. Что же касается до романа (большого), то в конце года я им крепко займусь. Летом надеюсь получить деньги и выехать отсюда. Я подал в отставку и прошусь в Москву, может быть, пропустят.[6] До свидания, благороднейший Евгений Иванович, не взыщите, если в письме моем большая безурядица, третьего дня со мной был припадок падучей, и теперь я буквально не в своем уме. Не свежа голова и все члены разбиты. До свидания. В этом году надеюсь с Вами увидеться.

Ваш Достоевский.

№. Впрочем нечего загадывать заране. С Катковым я поступлю так, что он не будет раскаиваться. По крайней мере, как умею лучше.

137. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 марта 1858. Семипалатинск

Семипалатинск, 1 марта 1858 г.

Спешу тебе отвечать, добрейший друг мой Миша.[1] Извини, что пишу коротко. На этот раз мало времени, и, кроме письма к тебе,[a] надо еще отправить два больших письма.[2] Слушай же.

---

[a] *Было:* твоего письма

Известие о напечатании «Детской сказки» было мне не совсем приятно. Я давно думал ее переделать и хорошо переделать и, во-1-х, всё никуда негодное начало выбросить вон. Но что же делать? Напечатано, так не воротишь. К тому же я еще не мог достать августов‹ской› книжки «Отеч‹ественных› записок». Здесь их получают. Обещались дать. А покамест нет. И потому я еще не читал напечатанного.[3]

Второе обстоятельство. Мне очень грустно, дорогой друг мой Миша, что ты поступаешь со мной не по-братски, именно: в случае, если я не считаю себя должным Кр‹аевскому›, ты хочешь мне *немедленно* выслать 200 руб., да еще прибавляешь: «*хоть и занять придется*». Не стыдно ли тебе так со мной поступать! С какими же бесстыдными глазами потребовал бы я от тебя эти 200 руб., тогда как я тебе кругом должен, мало того, тогда как я был облагодетельствован тобою, потому что без тебя не знал бы, что делать при многих случаях здешней моей жизни. Итак, выкинь этот вздор из головы, и если «Детс‹кая› сказка» может быть тебе полезна для окончания твоих расчетов с К‹раевским›, то употребляй ее для этого, как тебе угодно. Смешон мне г-н Кр‹аевский› с своим великодушием. Вот как я решил:

Скажи ему слово в слово так:

Во-1-х) я был должен ему не с лишком 800 руб. сереб‹ром›, а ровно 650. Приписывать 150 руб. совсем не годится. Цифру долга я помню очень хорошо. Впрочем, уверен, что он ошибается неумышленно, и знаю причину, почему ошибается. Именно: выдавая мне деньги по частям, он всегда брал с меня расписки (не клочках бумаги). Принося ему что-нибудь для напечатания (в уплату долга), я никогда у него не брал назад расписок и не вычеркивал того, что шло на уплату. Оставшиеся у него в руках расписки, вероятно, и сбивают его с толку.[4]

2) Если я и признаю, что должен ему 650 руб. и если *желаю* отдать ему их (всею душою желаю), то в тоже время совершенно *не признаю за ним права* требовать с меня немедленной уплаты этих 650 р. или печатанием мне принадлежащей статьи самому распоряжаться уплатою себе моего долга. Это решение мое имеет следующие основания:

a) Что по закону я ему ничего не должен, и если признаю долг и желаю уплатить, то единственно по чувству чести и по собственной охоте.

b) Если я брал у Кр‹аевского› деньги, то *никогда* не обязывался отдавать ему деньгами же, а напротив, статьями. Для того-то он и давал мне деньги, чтоб я приносил ему статьи. Во всяком другом случае он никогда и ничего бы мне не дал. А так как десятилетние обстоятельства, *не зависящие от моей воли,* могут быть таковы, что я и статьями не могу ему отдать долг мой, то какие основания имеет он *требовать* с меня долг?

c) Если он хвалится, что *до сих пор* не требовал[б] с меня

б *Было:* требует

долга, то я никаким образом не могу признать этого за великодушие, на том основании, что он, если б и захотел требовать, *не мог* бы этого сделать.

d) Если же он обращается ко мне как человек к человеку и мимо всех соображений, основанных *на законе*, потребует долга *во имя моей чести*, то я ему отвечаю так: во-1-х, десять лет я не уплачивал *по независящим от меня обстоятельствам. Те же обстоятельства* поставляют меня в физическую невозможность уплатить ему теперь или в скорости, хотя я бы и желал того. В-3-х) прошу опять припомнить, что я обязывался[в] уплатить не деньгами, а статьями.

e) Если же он скажет, что в таком случае я и должен уплачивать статьями и что он вправе был поместить[г] мою «Детскую сказку», то я отвечаю: что по тем же *независимым от меня обстоятельствам* я считаю себя теперь вправе располагать своею собственностию по своей воле, а не по чужой. 2) Что уплату самому себе, насилием, он может сделать, только получив такую власть от закона, как делают с несостоятельными должниками.

f) Наконец (и *главное*): признавая себя твоим должником на сумму вчетверо больше того, что стоит «Детская сказка», и, кроме того, признавая себя одолженным тебе вечною благодарностью за твою великодушную и бескорыстную помощь, спасавшую меня в самых затруднительных обстоятельствах, я[д] *желаю прежде всего уплатить тебе*. Признавая же «Детскую сказку» моею собственностью (ибо она очутилась у Краевского уже после не зависящих от меня обстоятельств, а главное, так как я *в самом начале* оставил ее тебе в полную собственность, передав тебе право) (если бы представилась возможность[е] сделать из нее употребление), то на основании всего вышесказанного признаю *тебя одного* полным хозяином «Детской сказки», с правом сделать из нее всё что тебе угодно,[ж] а всякое самовольное присвоение этой повести другим лицом (хотя бы и моим кредитором) считаю беззаконным насилием, глядя на это дело уже со стороны. И потому последнее: мне денег за сказку не присылай; употреби их в свою пользу, а так как ты пишешь, что ему был должен, то, имея теперь в руках мое удостоверение, что сказка принадлежит тебе, а не мне, имеешь полное и законное право считать себя ничего не должным Краевскому. Если моя расписка в получении 200 руб. от тебя в ноябре тебе при сем понадобится, то прилагаю ее тебе на всякий случай (число выставь сам).[5] Денег же мне ни в каком случае не высылай, ибо тем серьезно меня, друг Миша, обидишь.

Если же, например, г-н Кр‹аевский› скажет, что прежняя плата была 50, а теперь 100, и что плата по 100 с листа высока,

---

в *Было:* обязался
г *Было:* поместив
д *Далее было:* как человек
е *Вместо:* представилась возможность — *было:* возможно было
ж *Вместо:* всё что тебе угодно — *было:* свою собственность

то объяви ему, что человек, купивший на базаре куль муки за столько-то, не имеет ни малейшего права претендовать, если через неделю цена на базаре возвысится. Он только может об этом жалеть. Если же он скажет, что прежде уговор был по 50 с листа, то скажи ему, что то было прежде, единственно потому, что я был должен и из *деликатности* не мог набавить цену; да, наконец, и нигде *тогда* не дали бы больше. Теперь же мне предлагают *100*, а так как я признаю «Детскую сказку» собственностью не г-на Краев‹ско›го, то и продаю ее за что мне угодно, взяв в соображение базарные цены. Г-н Кр‹аевский›, напечатавший статью самовольно, естественно должен заплатить то, что предлагали за нее другие.

Прощай, бесценный друг Миша, обнимаю тебя от всей души,

твой Ф. Достоевский.

Я и жена кланяемся вам всем, Эмилии Федоровне в особенности. Что же, брат: похвалился, что пришлешь портреты, и до сих пор ничего! А мы-то ждем не дождемся, жена особенно. Детей расцелуй.

Еще раз: ни под каким видом не присылай мне эти 200 руб. серебром. Кланяйся Шренку. Вот ведь когда придется встретиться.

Уведомлю тебя, как кончатся мои дела с «Русским вестником». А я пишу. Не знаю теперь, когда кончу. Положение мое критическое. Надежда на бога. Если Плещеев даст 1000, тотчас же поеду в Россию, а не даст — не знаю, как и буду. Он обещал.[6] Я знаю как с ним сквитаться. Прощай. Пиши, ради бога.

Об «Русском слове» помню. Будет статья. *Впрочем, об этом напишу тебе* вскорости и сообщу мои планы.

У меня остается долгу (здесь) 350 руб. серебром. Надо непременно отдать, а в руках у меня только 20 руб. серебром. Я просил у Каткова («Русск‹ий› вестн‹ик›») 500 руб. вперед, обещая ему статью. (У меня еще ничего нет конченного.) Ответа жду через две почты. Если откажут, не только долгу нельзя отдать, а и самому будет жить нечем. Плещеев же обещается не раньше июня 1000 серебром.

Я писал тебе насчет платья. Ради бога, исполни, если в долг и не превысит 100 руб.[7] Скоро моя отставка. С тобой же сквитаюсь непременно. Теперь же ни гроша нет.

Получено мною в ноябре 1857 года от Михаила Михайловича Достоевского двести рублей серебром.

Федор Достоевский.

138. Д. С. КОНСТАНТУ

15 марта 1858. Семипалатинск

Милостивый государь Дмитрий Степанович,

Давно уже я не имел удовольствия писать к Вам. Вдвойне рад исполнить теперь мою обязанность, поспешая поздравить Вас с наступающим праздником светлого воскресения. Дай бог Вам встречать его еще много раз в кругу Вашего семейства, весело и радостно. Поверьте, что это искреннейшее желание мое, а свидетельницей ставлю Машу. Она скажет Вам, сколько я Вас уважаю, зная Вас только по рассказам ее. Она же не устает говорить о Вас. Искреннейшее и самое нетерпеливое желание ее увидеть поскорей Вас, своих сестер, которых она так любит. Мы часто говорим с ней об этом, и, кто знает, может быть, наша мечта приведется когда-нибудь в исполнение. Уведомляю Вас, многоуважаемый Дмитрий Степанович, что я подал в отставку по расстроенному здоровью и надеюсь, что мне разрешат жить в Москве.[1] Делаю я это, во-первых, потому, что я действительно болен; во-вторых, что здешняя служебная карьера не представляет мне никакой выгоды, а в-третьих, средства к содержанию увеличатся вдвое с переездом моим в Москву. Здесь всё дорого и гнило. Проживаем мы страшно много. Все невыгоды оставаться в Сибири. Мы думаем с Машей, если посчастливится перебраться в Москву, взять с собою и Пашечку. Нехорошо ему оставаться одному без нас в Сибири. Да и будущность незавидная выйти в офицеры Сибирского корпуса. Если б Вы знали всё, что водится в Сибири, то есть были бы очевидцем, то, я уверен, одобрили бы наше намерение. Покамест мы в Сибири, в Сибирском кадетском корпусе он все-таки получает образование. Но когда мы уедем, оставлять его одного грешно, тем более, что в России, я уверен, будет случай дать ему воспитание в лучшем заведении. Поверьте тоже, что, если б не было в нас этой уверенности, мы бы не захотели поступать опрометчиво.

Паша к нам пишет довольно часто.[2] Его принимают в Омске в хороших домах. Он кланяется Вам и сестрицам и просит напомнить Вам о себе.

Я тоже поручаю себя Вашему благорасположению, многоуважаемый Дмитрий Степанович. Как бы я желал, вместе с Машей, увидеть Вас и познакомиться с Вами лично. Может быть, бог и исполнит наше желание скоро.

С чувствами глубочайшего уважения и преданности, позвольте мне пребыть, милостивый государь, Вашим почтительнейшим родственником.

Федор Достоевский.

139. М. Н. КАТКОВУ

8 мая 1858. Семипалатинск

Милостивый государь Михаил Никифорович,

Приятное для меня письмо Ваше я получил уже очень давно, и если не отвечал на него тотчас же, то единственно потому, что ждал обещанных денег, полагая, что они придут немедленно после письма.[1]

Мне хотелось за одним разом уведомить Вас и о получении. И потому не сердитесь на меня за долгое молчание. Позвольте, в<о>-1х, поблагодарить Вас за присылку пятисот рублей, а во-2-х, за письмо Ваше, полное участия и одобрения. Оно мне принесло чрезвычайное удовольствие. Очень, очень благодарен Вам, многоуважаемый Михаил Никифорович.

Постараюсь во всем последовать Вашим советам, но статью все-таки постараюсь доставить ранее. Я подал в отставку уже давно. Жду ее с часу на час. Так как у меня в Омском остроге родилась[а] падучая болезнь, продолжающаяся до сих пор усиленно и которую я выношу очень плохо,[2] то я и просил позволения жить в Москве, для пользования советами московских докторов. Не думаю, чтоб милосердный и благородный наш император отказал бедному больному,[3] тем более, что мне давно уже всё возвращено.[4] И потому крепко надеюсь поселиться в Москве. Вы не поверите, как мне нужно возвратиться в Россию для успеха литературных занятий моих. Поверите ли, что у меня давно уже начат один роман, который давно уже оставлен мною, единственно за недостатком некоторых материалов и впечатлений, которые нужно собрать самому, лично, с натуры. А этот роман я писал с любовью, и мне было тяжело оставлять его.[5] Да это ли одно! Не говоря уже о том, что одни книги еще не жизнь, что провинциальная жизнь,[б] в которую поневоле втягиваешься, расходится со всеми моими потребностями, и не увидишь сам, как во всем рождается однообразие мысли и исключительность. Но ведь это трудно описать. Можете представить, как мне приятны были Ваши слова и обещание, что мне будет тепло между вами.

О романе моем теперь Вам ничего не пишу, хотя и чувствую потребность поговорить о нем.[6] Но слишком много надобно говорить и потому промолчу до времени. Скажу одно: постараюсь удовлетворить Ваше желание, чтоб роман не разбивался на несколько лет.[в][7] Надеюсь еще уведомить Вас о себе, до тех пор как приеду в Москву. Надеюсь тоже, что и Вы не оставите меня Вашими советами, в которых я, может быть, буду нуждаться.

Приймите искренние уверения в моем почтении и преданности.

Федор Достоевский.

а *Было:* нажилась
б *Далее было:* и ее потребности
в *Вместо:* на несколько лет — *было:* на части

8 мая 1858 Семипалатинск.

Прилагаю расписку в получении денег, которую просила у меня редакция «Русского вестника».[8]

140. И. В. ЖДАН-ПУШКИНУ

17 мая 1858. Семипалатинск

Семипалатинск 17 мая 1858 г.

Милостивый государь Иван Викентьевич,

Благодарю Вас за письмо Ваше и за благоприятный ответ на мою просьбу.[1] Всё, что Вы пишете об общественном воспитании и *некоторых* его невыгодах, в *иных* случаях, такая истина, что я удивляюсь: как только теперь стали замечать ее! Честь и слава общественному воспитанию, — это бесспорно! Оно сделало свое дело и сделало отлично. Между прочим, был один чрезвычайно важный подвиг, который оно совершило. Оно началось, когда наше общество было еще в брожении и только что начинало новый путь свой. Не было ни *общих* правил, ни *общей* правды, ни *общего* ясного сознания, ни *общего* чувства чести. Тогда бывало иногда так, что два дворянина, отцы семейств, разнились между собою понятиями во всем, как Европа и Китай, и правительство, которое у нас всегда было впереди и в главе общества, — что завещал сам Петр, умирая, своим преемникам, — правительство поняло, что в русском образовании общественность должна, покамест, быть первым делом.[2] Но теперь уже не то с обществом. Мы далеко уже ушли, пообтерлись все углы, и мы отчасти сошлись в понятиях. К тому и идет. След‹ственно›, общественное воспитание (которое так было с руки иным родителям, давая поскорее возможность отвязаться от своих птенцов, особенно на казенный счет) начинало уже быть вредным для юношества тем более, что исключительность его доведена была в последнее время до высочайшей степени и прежней рутиной, и удобствами самих родителей. Наш добрый царь, золотая, русская душа, думает теперь иначе — и слава ему![3] Потому это я Вам всё пишу теперь, что Вы Вашим письмом разбудили во мне все тяжелые воспоминания моего собственного воспитания. Но я был в отцовском доме до 15 лет и не заглох в корпусе. Но что я видел перед собою, какие примеры! Я видел мальчиков тринадцати лет, уже рассчитавших в себе всю жизнь: где какой чин получить, что выгоднее, как деньги загребать (я был в инженерах) и каким образом можно скорее дотянуть до обеспеченного, независимого командирства! Это я видел и слышал собственными глазами и не одного, не двух![4] Вот почему мне всегда казалось, что Паша слишком рано поступил в корпус. Но что было делать? Жена моя остава-

лась вдовою и без больших надежд в будущем. Лучше уже было пристроить сына поскорее, чем с ним горе мыкать и оставить его без образования. Просить начали еще давно. Добрые люди помогли ей благородно. Паша был пристроен, но она уже вышла замуж, и Паша мог бы оставаться дома. Неужели же было пренебречь случаем и сказать: теперь не хотим посылать сына в корпус?

В следующую субботу пошлю доверенного человека с письмом к директору корпуса. Кажется, я выхлопочу, что будет тот самый человек, который прежде привозил его в корпус. Этому почтальону можно доверить; я хорошо его знаю.[5] Я снабжу его и письмом к Вам, многоуважаемый Иван Викентьевич, и имею кое о чем попросить Вас. Вы пишете, что довольно прислать только письмо к директору и просить его и он отпустит. Я так и сделаю и смело верую в слова Ваши, что не будет задержки.[6] Позвольте мне принесть за всё искреннейшую благодарность Вам. Я знаю, что Вы берете истинное участие в нашем сиротке. Да наградит Вас за это бог! Жена моя свидетельствует Вам свое глубочайшее уважение и благодарность.

Примите уверения в чувствах совершенного моего уважения и преданности, с которыми имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою.

Ф. Достоевский.

141. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

31 мая 1858. Семипалатинск

Семипалатинск. 31 мая 1858 года.

Спешу тебе отвечать, любезный друг, с первой же почтой.[1] Удивляюсь тому, что мои письма так медленно до тебя доходят. А между тем я писать не ленив. Если ты обо мне беспокоился, то и я о тебе тоже. Особенно в последнее время. Я так и решил, что с тобой что-нибудь случилось, а главное — что ты болен. Известие о твоей потере (3000 руб.) меня очень огорчило.[2] Ты говоришь, что не потеря денег тебя огорчала, а критическое положение и проч. Нет, брат, можно пожалеть и о деньгах. У тебя дети растут, а 3000 не скоро достанешь. Неужели нет никакой надежды воротить их? Мне досадно, друг мой, что я, как нарочно, подвернулся тут с моими комиссиями и просьбами. Но что делать! Ты пишешь, что скоро вышлешь. Благодарю тебя, брат. Надеюсь, что это в последний раз я тебя беспокою. Хотел было подождать вещей и тут и отвечать. Но вещи еще могут замедлить. Пишешь, что вышлешь фрак и одни брюки. По-моему, лучше бы сюртук. Ведь он всегда полезнее. Как-нибудь сколочусь и сделаю здесь, хотя в деньгах у меня большая

крайность. Ты пишешь, друг мой, чтоб я присылал тебе написанное. Не помню (вообще у меня память стала очень плоха) — не помню, писал ли я тебе, что я открыл сношения с Катковым («Русский вестник») и послал ему письмо, в котором предложил ему участвовать в его журнале, и обещал повесть в этом году, если он мне пришлет сейчас 500 руб. серебр‹ом›. Эти 500 руб. я получил от него назад тому с месяц или недель пять, при весьма умном и любезном письме. Он пишет, что очень рад моему участию, немедленно исполняет мое требование (500 руб.) и просит как можно менее стеснять себя, работать не спеша, то есть не на срок.[3] Это прекрасно. Я сижу теперь за работой в «Русский вестник» (большая повесть);[4] но только то беда, что я не уговорился с Катковым о плате с листа, написав, что полагаюсь в этом[а] случае на его справедливость. В «Русское слово» тоже пришлю в этом году; это я надеюсь. Но не роман мой, а повесть.[5] Роман же я отложил писать до возвращения в Россию. Это я сделал по необходимости. В нем идея довольно счастливая, характер новый, еще нигде не являвшийся. Но так как этот характер, вероятно, теперь в России в большом ходу, в действительной жизни, особенно теперь, судя по движению[б] и идеям, которыми все полны, то я уверен, что я обогащу мой роман новыми наблюдениями, возвратясь в Россию.[6] Торопиться, милый друг мой, не надо, а надо стараться сделать хорошо. Ты пишешь, дорогой мой, что я, вероятно, самолюбив и теперь желаю явиться с чем-нибудь очень хорошим и потому сижу и высиживаю это очень хорошее на яйцах. Положим, что так; но так как я уже отложил попечение явиться с романом, а пишу две повести, которые будут только что сносны (и то дай бог), то и высиживания во мне теперь нет. Но что у тебя за теория, друг мой, что картина должна быть написана сразу и проч. и проч.?[в] Когда ты в этом убедился? Поверь, что везде нужен труд, и огромный. Поверь, что легкое, изящное стихотворение Пушкина, в несколько строчек, потому и кажется написанным сразу, что оно слишком долго клеилось и перемарывалось у Пушкина.[7] Это факты. Гоголь восемь лет писал «Мертвые души».[8] Всё, что написано сразу — всё было незрелое. У Шекспира, говорят, не было помарок в рукописях. Оттого-то у него так много чудовищностей и безвкусия, а работал бы — так было бы лучше.[9] Ты явно смешиваешь вдохновение, то есть первое, мгновенное создание картины или движения в душе (что всегда так и делается), с работой. Я, наприм‹ер›, сцену тотчас же и записываю, так как она мне явилась впервые, и рад ей; но потом целые месяцы, год обрабатываю ее, вдохновляюсь ею по *нескольку раз*, а не один (потому что люблю эту сцену) и несколько раз прибавлю к ней или убавлю что-нибудь, как уже и было у меня,

---

а *Было:* в таком
б *Было:* по некоторому движению
в *Далее было начато:* где это ты

и поверь, что выходило гораздо лучше. Было бы вдохновение. Без вдохновения, конечно, ничего не будет.

Правда, у вас теперь дают большую плату. Значит, Писемский получил за «1000 душ» 200 или 250 руб. с листа. Этак можно жить и работать, не торопясь. Но неужели ты считаешь роман Писемского прекрасным? Это только посредственность, и хотя золотая, но только все-таки посредственность. Есть ли хоть один новый характер, *созданный*, никогда не являвшийся? Всё это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это всё старые темы на новый лад.[10] Превосходная клейка по чужим образцам, Сазиковская работа по рисункам Бенвенуто Челлини.[11] Правда, я прочел только две части; журналы поздно доходят к нам. Окончание 2-й части решительно неправдоподобно и совершенно испорчено. Калинович, обманывающий сознательно, — невозможен. Калинович по тому, как показал нам автор прежде, должен был принести жертву, предложить жениться, покрасоваться, насладиться в душе своим благородством и быть уверенным, что он не обманет. Калинович так самолюбив, что не может себя даже и про себя считать подлецом. Конечно, он насладится всем этим, переночует с Настенькой и потом, конечно, надует, но это *потом*, когда действительность велит, и, конечно, сам себя утешит, скажет и тут, что поступил благородно. Но Калинович, надувающий сознательно и *ночующий* с Настенькой, — отвратителен и *невозможен*, то есть возможен, только не Калинович. Но довольно об этих пустяках.

Друг мой, жду отставки и не дождусь. Прямо жить в Москве я не просился, а прямо написано в просьбе об отставке, так как требует форма: *жительство иметь буду в городе Москве.*[12] Если не возразят, то я и поеду. Поеду, но с чем? Денег, до окончания повести, у меня не будет. Чем я жить буду через два месяца? — не знаю. Потому что через два месяца и денег не будет. Из 500, присланных Катковым, немедленно уплачено было 400 руб. сереб‹ром› долгу. Я издерживаю в месяц 40 руб. серебром, но *экстренные расходы* не оставляют меня. Вот уж $1^1/_2$ года беспрерывно то да се и всё непредвиденное. Одна надежда на Плещеева. Он обещал мне 1000 руб., но он может сам не получить или получить через два года.[13] Что тогда будет со мною до окончания года, когда я получу за свою работу? (За работу я раньше не получу). Не знаю, голова трещит. Теперь и занять здесь не у кого. Но не беспокойся обо мне очень; всё как-нибудь уладится.

Плещеев приедет в Москву и в Петербург.[14] Он едет в мае. Прими его хорошенько и познакомься с женой его. Сейчас получил посылку Милюкова (его книгу). Завозил какой-то офицер; но я офицера не видал.[15] Может быть, заедет. Кланяйся Милюкову и всем.

Что с нашими родными? с Варенькой, с Верочкой? Ни слова, ни слова до сих пор. Где брат Андрей, где Коля?

Прощай! Обнимаю тебя. Кланяйся Эмилии Федоровне, целуй детей! Жена вам всем кланяется. Прощай.

Твой Ф. Достоевский.

Напишу еще по получении вещей и *отставки*. Уведомлю о моем положении. Но, ради бога, не затягивай и пиши сам, ради бога!

142. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

19 июля 1858. Семипалатинск

19 июля 1858 года.

Бесценный друг и брат Миша, на письмо твое (от 5-го мая) я тебе отвечал тотчас же по получении.[1] В этом письме между прочим ты мне пишешь: «*на этой или на будущей неделе высылаю тебе платье и проч.*». Это значит, что самый поздний срок высылки был бы к 15 мая, не позже. Так, по крайней мере, выходит по смыслу твоего же письма. Теперь реши сам, бесценный мой: почта из Петербурга в Семипалатинск ходит обыкновенно 22 или 25 дней (между этими числами). Что же мне подумать теперь о тебе, о твоем положении и о твоих обстоятельствах?

И пойми прежде всего, бесценный мой, что не присылка платья беспокоит меня (хотя бог видит, как дорого мне теперь это платье, ибо не имею ни гроша, чтоб одеться). Но бог с ним и с платьем!

Пойми прежде всего, что беспокоишь меня *ты*, только один *ты*, и что я решительно не понимаю теперь, что о тебе подумать? В последнем письме своем ты писал мне о тяжелых торговых неприятностях. Не они ли и теперь причиною твоего молчания? Пойми, друг мой, что я о тебе убиваюсь. Здоров ли ты? Жив ли ты? Ничего этого я не знаю. Никто не пишет, никто не дает знать! Из Москвы вот уж с лишком год ни строчки. Я тебя каждую ночь во сне вижу, тревожусь страшно. Я не хочу, чтоб ты умер, я хочу еще раз в жизни видеть и обнять тебя, мой бесценный. Успокой же меня, ради бога, и если ты здоров, то, ради Христа, отбрось все свои дела и хлопоты и напиши мне сейчас, сию минуту, иначе я с ума сойду. Пойми, друг мой, мое положение. Если не можешь выслать платья, то не высылай (если только это тебя задерживает). Но я не думаю, чтоб это одно тебя задерживало. Успокой же меня, мой голубчик, клянусь, моя тоска стала теперь невыносима.

О себе не могу тебе сказать ничего утешительного. Отставка моя до сих пор не выходит (уже 6 месяцев, как подал; не могу придумать: в чем задержка?)[2] Здоровье не поправляется. Припадки изредка бывают и оставляют грустные последствия. Денег нет; осталось буквально *несколько целковых*. Занимать теперь

не у кого, ибо прежних людей, которые бы мне всегда дали, здесь теперь нет. Обещал мне Плещеев, еще прошлого года 1000 руб. серебр‹ом›, как только получит свое наследство. Но до сих пор ни денег не присылает, ни сказать не может ничего решительного.[3] Без 1000 же руб. я решительно не могу подняться из Сибири, чтоб приехать в Россию (всё рассчитано до копейки; потому что, и в Россию приехав, надо иметь что-нибудь в запасе на первые месяцы). Теперь Плещеев поехал в Москву и в Петербург на 6 месяцев в отпуск (с женой).[4] Он будет и в Петербурге; зайдет и к тебе. Расспроси его откровенно и подробно о том, 1) может ли он прислать мне 1000 руб., 2) когда он может их прислать? Ответы возьми от него *положительные* и тотчас же, с совершенною откровенностию, мне напиши. В дружбе Плещеева я не сомневаюсь. Но я понимаю, что значит получать наследство: надеешься получить через 6 месяцев, а получишь через 6 лет. Достать денег для житья совершенно не знаю где. Ты пишешь прислать тебе повесть и говоришь, что тотчас же продашь ее и пришлешь деньги. Но, друг мой, на заказ писать не буду никогда; клятву дал. От этой работы я с ума сойду. Пишу же теперь 2 повести. Одну, большую (величиною с «Двойника»), в «Русский вестник», другую листов в 5 печатных в «Русское слово», которое ждет от меня романа;[5] в самом конце года доставлю. Роман бросил, ибо это по всем признакам будет *мой* chef-d'œuvre, а портить торопясь не хочу, да и сведения по некоторым статьям романа надо собрать лично в России.[6] Повесть в «Русский вестник» хороша будет в деталях, в целом же манкирована (растянута, а я помешан на краткости, которая мне не удается).[7] В «Русское слово» — может, будет недурно. Я уже взял у Каткова 500 р. сереб‹ром› вперед. Всех глав в моей повести (Каткову) 13 (по печатному листу глава).[8] 10 августа пошлю к нему 7 глав, совершенно оконченных и переписанных, и попрошу еще 600 руб. серебром.[9] *Наверно знаю, что не даст*. Но это последняя отчаянная моя попытка. Всё теперь зависит от милосердого императора: захочет сделать счастливым — позволит приехать в Москву. Я болезнь мою теперь ничем не лечу. Нет ничего легче испортить совершенно. Хочу посоветоваться с лучшими московскими докторами: тогда решусь.

Если платье трудно выслать — черт с ним, не надо. Прощай, мой голубчик.

Жена кланяется. Она меня ободряет, но так же беспокоится о тебе, как и я. Обнимаю всех твоих. Эмилии Федоровне особенно кланяюсь. Прощай, мой бесценный, мой единственный. Ободри меня, успокой хоть одной строчкой. Умоляю тебя.

Напиши, ради бога, какое издание ты затеваешь на будущий год?[10] Напиши подробнее.

Теперь буду считать по пальцам дни и часы до получения от тебя ответа на это письмо.

143. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

13 сентября 1858. Семипалатинск

Семипалатинск. 13 сентября 58 г.

Бесценный друг мой Миша, итак, с тобой ничего не случилось, а ты просто не писал мне. Но ты не можешь представить, как я о тебе беспокоился! Чего-чего не передумал. Ради бога, вперед пиши почаще. Что тебе стоит ответить немедленно по получении моего письма. Ведь только несколько строк и 10 минут времени. Сделай милость, не мучь. Что это вечно делается с твоими делами, бесценный друг мой Миша! Всегда-то ты *весь в обороте*. Но, друг мой, я, конечно, твоих дел не знаю, но посуди: не пора ли и осуществить что-нибудь? Согласись сам, из-за чего ж ты трудился, как вол, столько лет? По этой части люди наживают большие миллионы. Хоть бы тебе сотенка-то тысяч удалась. Дай тебе господь, мой бесценный; у тебя семья. По крайней мере, ты на эти деньги жил и детей воспитал. И это уже хорошо. Вот я уже положим, что ничего не наживу в мою жизнь! Детей у меня нет. Но все-таки жить чертовски тяжело. Все надежды мои — поскорее переехать в Москву. Я очень хорошо понимаю, что в Москве и в Петербурге всё дорого, — и дороже чем прежде. Но, кроме того, что и Семипалатинск не так дешев, я уверен, что вдвое буду получать в Москве, чем здесь. Я работаю за глаза, ничего на знаю, мог бы отыскать себе хорошее место сотрудника при журнале, мог бы войти в половину — одним словом, я знаю, что мог бы сделать. Кроме того, я мог бы встретить много добрых людей, которые могли бы мне помочь. Жду не дождусь отставки, но если и придет отставка — денег не будет. Плещеев мне писал, обнадеживает, что поможет, но пишет, что, может быть, вышлет не всё, что я просил (1000 р.), а половину (500 р.), а другую половину после.[1] Если не всё — то я опять засел здесь до весны и только даром проживу деньги и опять не лечиться. Впрочем, я во всяком случае выехал бы не ранее генваря, потому что не кончил еще своих литературных обязательств с «Русским вестником» и с Кушелевым, и далеко еще не кончил! Всё это меня нестерпимо беспокоит. Ах, милый мой, если б я мог тебе рассказать всё лично и подробно, в письме ничего не расскажешь. Ты пишешь про предложение Современников.[2] Но на их предложение я не в состоянии решиться. Разве буду в последней крайности. Клянусь тебе, я не помню на них никакого зла, хотя эти люди поступили со мной зло и неблагородно.[3] Теперь они меня жалеют; я их благодарю за это от всей души. Но мне не хочется, чтоб и они подумали обо мне худо теперь: только посулили денег, так уж я и бросился. Может быть, это дурная гордость — но она есть. И потому я лучше подожду и только[a] в крайнем — в крайнем

---

[a] *Было:* и лучше

случае войду с ними в денежные условия.[б] Разумеется, ты этих мыслей моих им не передай как-нибудь. Не хорошо — ведь тоже за их добрые чувства платить хоть не злыми, то всё же несколько для них обидными. Это я говорю только тебе. У Плещеева я возьму без зазору. Я знаю, что если б у меня было, а у него нет, то я бы ему всё отдал. Мало того: я ему заработаю. А если б даже и не имел надежды заработать[в] — все-таки взял бы. Это человек à parti,* да и товарищи мы по одному несчастью. От тебя я тоже беру, но у меня сердце болит, когда я беру у тебя. А я у тебя беспрестанно беру. Понимаю, что тебе нужна всякая копейка. Но у меня твердая мысль в свою очередь отплатить тебе. Твоя газета, о которой ты мне писал, вещь премилая.[4] У меня давно уже вертелась в голове мысль о подобном издании, но только чисто литературной газеты.[5] Главное: литературный фельетон, разборы журналов, разборы хорошего и ошибок, вражда к *кумовству*, так теперь распространившемуся,[6] больше энергии, жару, остроумия, стойкости — вот чего теперь надо! Я потому так горячо говорю это, что у меня записано и набросано несколько литературных статей в этом роде: наприм‹ер›, *о современных поэтах, о статистическом направлении литературы*, о бесполезности *направлений* в искусстве,[7] — статьи, которые писаны задорно и даже остро, а главное, легко. Но только вот что: неужели ты будешь издавать газету? Ведь это дело нелегкое при фабрике-то? Смотри, брат. Второе дело: в Петербурге я жить никогда не буду, а потому трудно будет мне помогать тебе! Но, уж разумеется, я буду тебе помогать — если только сам того захочешь.

Болезнь моя не унимается, но усиливается. В прошлый месяц было четыре припадка, чего никогда не бывало, — и я почти не работал. После припадков я нахожусь несколько времени в унынии и тоске и совершенно разбитый. Ни Кушелеву, ни Каткову не могу скоро кончить. Повесть большая, которую пишу Каткову, мне очень не нравится, опротивела! Но написано уже много, бросить нельзя, чтоб начать другую, а долг надо отдать. И всю-то я жизнь буду писать из-за денег! Да хоть бы я имел даже сильный талант, и тот пропадет в этой тоске. Друг мой, целую тебя 1000 раз, детей твоих также, а у Эмилии Федоровны целую ручки.

Прилагаю письмо к Плещееву.[8] Он сам мне писал, что лучше через тебя, и потому передай или перешли ему немедленно.

NB. Друг мой, прилагаю еще письмо к графу Кушелеву.[9] Он сам писал мне назад тому месяц учтивое письмо, и хотя оговаривался, что не желает торопить меня, но ведь понятно, что ему нужна статья.[10] И потому передай ему прилагаемое здесь письмо

б *Вместо:* в денежные условия — *было начато:* в согла‹шение›
в *Вместо:* не имел надежды заработать — *было начато:* не заработ‹ал›
* партии (*франц.*), *здесь:* свой по убеждениям.

к нему. Я отвечаю в его тоне. Подпиши подле слова «граф» его имя, ибо я не знаю, как его зовут. Нужды нет, что твоя рука будет, нужды нет! Письмо передай хоть через Моллера. Запечатай. Моллеру скажи, что я всеми силами постараюсь кончить поскорее. Сделай милость, исполни всё это, как я прошу.

Повесть Кушелеву будет полна некоторых комических и даже порядочных подробностей, но почти неправдоподобных.[11] Что ж делать, рад бы лучше, но все *идеи* романов в голове моей — больше объемом, а в эту меру нет ни одной повести, кроме этой. А писать крупное — не успею. Прощай, милый. Будешь писать Вареньке, кланяйся ей от меня.

Поцелуй за меня Колю. Хочу писать Вареньке, Верочке и непременно Андрюше. Жена вам всем кланяется. Я очень рад, что у Плещеева жена хорошенькая, очень рад. Красота совсем не мешает.

144. Е. И. ЯКУШКИНУ

12 декабря 1858. Семипалатинск

Семипалатинск, 12 декабря 58.

Давно уже я не писал Вам ничего, добрейший и благороднейший Евгений Иванович, и считаю это непростительным с моей стороны. Вы так благородно и просто изъявляли мне постоянно Ваше участие, что забыть о Вас я никогда не могу и очень боюсь, если Вы назовете меня человеком без сердца и памяти. Но уверяю Вас, что это будет несправедливо. Если же я Вам так давно не писал, то это не от невнимания или забывчивости. Я уже три месяца сряду собираюсь писать Вам и не соберусь от разных причин, между прочим и потому, что желал бы написать о себе что-нибудь положительное. Каждый день и час жду решения судьбы моей и не дождусь. Вы не поверите, как это тошно, Евгений Иванович.

Вот уже скоро год без нескольких дней, как я подал в отставку, упомянув в моей просьбе (сообразно форме), что жительство буду иметь в Москве. Моя отставка пошла, и до сих пор о ней ни слуху, ни духу. Не знаю, что задерживает. Просился я в отставку по болезни (падучей). Отставка выйдет когда-нибудь, но не будет ли препятствия ехать в Москву? [1] — вот в чем вопрос.[2] Брат и другие, берущие во мне близкое участие, уверяют меня, что сомнений не может быть никаких. Не знаю, но положение мое пренеприятное. Я даже предпринять ничего не могу положительного во многих делах, меня крайней интересующих, потому что не знаю, что впереди и как рассчитать. Живу в Семипалатинске, который надоел мне смертельно; [a] жизнь в нем болезненно мучит меня. Не могу Вам за кратко-

---

[a] *Далее было начато:* кроме того, что

стью всего объяснить. Можете ли Вы себе представить, что даже самые занятия литературою сделались для меня не отдыхом, не облегчением, а мукой. Это уже хуже всего. Во всем виновата моя обстановка и болезненное положение мое. Журналов я не читаю и вот уже полгода не брал в руки даже газет. Полагая, что скоро выеду в Россию, не записался, а брать не у кого, потому что не хочется быть иным людям хоть чем-нибудь одолженным. И уверяю, это не гордость и не озлобление с моей стороны. А так, — всего не расскажешь.

Катков мне писал письмо и по просьбе моей выслал мне вперед 500 руб. сереб‹ром›.[3] Я обещал ему роман, засел писать с увлечением, но бросил, ибо хочу написать хорошо, а недостает кой-каких справок, которые нужно сделать самому, лично, в России. Наобум же писать не хочу. И потому, оставив мой большой роман, принялся за другой. Засел через силу, но потом скоро увлекся и писал с удовольствием. Но выходит велик — листов 12. Отделав $2/3$, я оставил его, вот по какому случаю. Так как денег мне нужно поминутно и много (особенно по поводу моей женитьбы), так как я весь задолжал (теперь нет), то брат мой вошел в Петербурге в условия с будущею редакциею будущего журнала «Русское слово» — выйдет в ‹18›59-м году, заключил от себя на мое имя условие, взял вперед 500 руб. (по 100 руб. с листа) и выслал мне деньги.[4] От денег я отказаться не мог и одобрил все условия, думая кончить все к Новому году. Но не кончив к сентябрю Каткову, опомнился, схватился за повесть в «Русское слово», и теперь пишу ее на почтовых, почти совсем кончил. На днях отсылаю.[5] Каткову же примусь тотчас по отсылке в «Русское слово» и в непродолжительном времени вышлю половину, — чтоб видел, что я дело делаю. Но не думайте, чтобы Катков меня торопил. Напротив, он мне написал преблагородное письмо, в котором просил меня не тяготиться долгом и не насиловать себя.[6] Оттого-то мне так и хочется поскорее кончить. Я же перед ним очень виноват, взяв обязательства в «Русское слово», тогда как обязан был сперва кончить ему. Не говорю уже о том, сколько болезнь (падучая) отняла у меня времени, а главное, расположение духа. Кроме того, были и другие обстоятельства. Вот Вам, добрейший мой Евгений Иванович, краткая повесть обо мне. Повторяю: Вы так стали мне близки Вашими поступками со мной,[7] что я уж не могу молчать перед Вами и не говорить Вам *моего всего* откровенно. И однако ж, я *многое* еще Вам не написал.

Прощайте, добрейший Евгений Иванович, не забывайте меня, а я о Вас всегда буду помнить. Может быть, скоро увидимся.

Ваш весь Федор Достоевский.

Пишу на прежний адресс и не знаю, дойдет ли?

145. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

13 декабря 1858. Семипалатинск

Семипалатинск. 13 декабря 58 г.

Хочу и тебе написать что-нибудь, мой милый брат. Что это ты всё молчишь? Никогда я от тебя не дождусь письма. Да и какие твои письма? Несколько строк. А в моей глуши мне и получение письма целое счастье, за неимением другого. Вот Плещеев отвечает на мои письма всегда тотчас. Ты говоришь, мой милый друг, что у тебя дела и заботы. Очень верно. Но ведь на письмо надобно всего пять минут, никак не более. Как не выгадать пяти минут в месяц? Не понимаю. Впрочем, между нами этот пункт давным-давно уже спорный вопрос. Я знаю, милый мой, что ты меня очень любишь, более, может быть, чем я стою. А между тем на письма ты скуп, очень скуп. Но бог с тобой.

Уведомлял я тебя в октябре, что 8-го ноября непременно вышлю тебе повесть.[1] Но вот уже декабрь, а моя повесть не кончена. Многие причины помешали. И болезненное состояние и нерасположенье духа и провинциальное отупение, а главное, отвращение от самой повести. Не нравится мне она, и грустно мне, что принужден вновь являться в публику так не хорошо. Грустнее всего то, что я *принужден* так являться. Есть и у меня в голове (и частию на бумаге) вещи, которыми я очень дорожу и которые, право, сразу бы мне составили имя. Но что делать. Это мой большой роман, который я, по разным обстоятельствам, не могу здесь писать, да и не хочу писать на заказ. Хочется оставить по себе хоть одно произведение безукоризненное. Но что делать? Нельзя то писать, что хочется писать, а пиши то, о чем, если б не надобны деньги, и думать бы не захотел. И для денег я должен *нарочно выдумывать* повести. А ведь это ух как тяжело! Скверное ремесло бедного литератора. Повесть моя растянулась в шесть листов, и, кажется, скоро пошлю к тебе ее.[2]

Друг мой, я тебя просил о деньгах из редакции «Русского слова» (1000 руб.); хоть бы ты уведомил меня, возможно ли это?[3] Ты не поверишь, как я дрожу от мысли, что эта надежда оборвется. Мне тогда решительно не с чем будет подняться отсюда. И 1000-то рублей едва-едва станет на переезд; приеду в Москву без копейки. (Но уж лучше быть без копейки в Москве, чем тратить силы и проживаться в Семипалатинске.) По получении моей повести, во что бы то ни стало, хлопочи об этом займе. Скажи, что я им всегдашний буду работник, а надеяться они на меня могут, потому что я первое условие выполнил. Без этих денег я пропал. А главное, надо мне их выслать как можно скорее, по получении моей повести. К тому времени наверно выйдет отставка, и в Семипалатинске я и лишнего дня не хочу

сидеть. Пойми, брат, как я нуждаюсь во всем этом и, ради бога, действуй сообразно с этим. Ради бога, покажи себя братом, добрым, какой ты и был и есть в самом деле. Отставка моя пошла вот уже год и до сих пор — никакого решения. Но теперь, я думаю, скоро кончат, как бы, брат, тебе справиться и уведомить меня об этом! Как бы я был тебе благодарен! Но и просить не смею.[4]

Есть у меня еще до тебя просьба, очень для меня важная, а тебе может показаться смешною. Я давно уже просил тебя о платье и о белье.[5] Время приближается, а у меня его нет. Конечно мне очень совестно просить тебя, чтоб ты всё покупал в долг, тогда как я получаю деньги (но деньги мои все пошли на долги, на хозяйство и текут как вода). Теперь я решил, что сертук и брюки я сам себе как-нибудь сделаю, — насчет белья тоже ничего не знаю, а у меня штатского белья нет. В Москве оборванцем ходить нельзя, хоть я вовсе не хочу щеголять. Но вот о чем прошу тебя убедительно: пришли мне два жилета, которые можешь купить хоть готовыми. Сертук, например, я изношу еще до приезда в Москву, всё равно придется в Москве делать новый. Но жилеты можно носить три года, делать их здесь дорого, да и сошьют гадко, след‹овательно›, их бы пришлось бросить в Москве, а мне хочется сэкономить и их не бросать. И потому пришли мне два жилета, хорошенькие, и пришли, если можешь, сейчас по получении этого письма. Деньги же за них вычтешь себе, когда получишь 1000 руб. с Кушелева. Во всяком случае, деньги будут, потому что моя повесть в 6 листов, след‹овательно›, во всяком случае я тебе заплачу.

О рубашках не смею просить; но если б ты выслал мне 3 рубашки (не более) и, сверх того, порядочные — как бы ты одолжил меня! Деньги вычти.

Прощай, мой друг, обнимаю тебя крепко. Жизнь моя тяжела и горька. Не пишу тебе об ней ни слова. Может быть, скоро увидимся.

Прощай! Поцелуй детей и ручку у Эмилии Федоровны. Я всех вас бесконечно люблю.

Твой Ф. Достоев‹ский›.

1859

146. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

14 марта 1859. Семипалатинск

Семипалатинск. 14 марта 59.

Дорогой друг мой Миша, спешу тебе отвечать;[1] осталось всего час сроку, а надо написать тебе и ответить Плещееву,[2] а не то опоздаю на почту. Во-первых, благодарю тебя, голубчик мой, за все хлопоты по моему делу с Кушелевым. Всё это очень хорошо. Но боюсь, что ты не настаивал, не сказал, что мне деньги нужны сейчас, а не впоследствии. А то, пожалуй, он промедлит[а] бог знает сколько. В понедельник приход русской почты (теперь суббота), и если я в понедельник[б] не получу, то будет до невероятности худо. Положение мое, в денежном отношении, теперь ужасно натянутое.[3] Ах, друг мой, может быть скоро отставка, а я в больших хлопотах. Теперь, конечно, я насчет денег спокоен. Их пришлют: но достанет ли мне 1000 на подъем, на дорогу и на всё. Я рассчитывал и знаю, что не достанет. Из этой тысячи, как только получу ее, я, через два же часа, должен буду отдать 350 руб. сереб<ром>, остальные 650 на всё, а главное, на жизнь здесь, которая, по случаю замедления отставки, возьмет много денег, потому что придется выехать, может быть, в августе, а я прежде рассчитывал выехать в апреле. Главное, ты не знаешь всех моих расходов! Но что об этом! Только чтоб прислали-то! Благодарю тебя еще раз.

Ты пишешь, что Кушелев хочет напечатать «Дядюшкин сон» в марте.[4] Это очень хорошо. Чем скорее, тем лучше. Но, ради бога, узнай поточнее и поподробнее, если можешь, понравилась ли она Кушелеву и всей редакции. Это для меня, друг мой, чрезвычайно важно. 2) Неужели мне не вышлют «Русское слово». Я напечатал и не могу прочесть в печати мою статью![5] Я уже писал тебе, чтоб ты похлопотал, чтоб мне выслали. Ты, может быть, забыл. Похлопочи же теперь. Еще будет время выслать. Я предлагаю, чтоб мне поставили на счет и прибавили к 1000. Я заплачу. А то представь себе, что я не буду и понятия иметь о том журнале, который печатает мою повесть. Это невозможно. Пришли, ради бога, и поскорее. Любопытно знать, не выкинула ли чего цензура.[6] Ты пишешь о «Бедных людях», голубчик

а *Было:* продержит

б *Было:* в следующий понедельник

мой. Неужели, дружище, ты не мог мне прежде написать, что экземпляр их стоит теперь 15 руб. Ведь это льстит моему самолюбию и, может быть, очень утешило бы меня прежде. Простительно, брат! Если же они так дороги теперь, то, конечно, недурно бы было их теперь же и продать, когда они стоят дорого. Как бы хорошо сделал Кушелев, если б издал с иллюстрацией! Это было бы очень хорошо.

Плещеев наполовину недоволен моей повестью.[7] Может быть, он и прав.

Я теперь в больших хлопотах и в большой заботе. Вот видишь в чем дело: ты пишешь, что худо будет, если Катков прочтет «Дядюшкин сон» прежде получения от меня повести в «Русский вестник».[8] Но ведь это так и будет, друг мой! Повесть моя не может быть напечатана у них раньше осени. Она велика (листов 12 и больше даже). Я отделываю окончательно и не хочу торопиться. Много будет недостатков в ней, сам знаю, и люблю я ее не слишком, но некоторые вещи в ней, право, будут серьезно хороши. И потому не хочу торопиться. Отослав повесть Кушелеву, я тотчас же сам уведомил об этом Каткова[9] с полною откровенностью, сказав ему, что, по бедности моей, не мог отказаться от 500 руб., присланных вперед, и взялся Кушелеву, слишком надеясь на свои силы, то есть думая кончить обе вещи к сроку. Но[в] что болезнь моя и желание написать[г] хорошо заставили меня замешкаться. Пусть Катков сердится (он, кажется, сердится, потому что не отвечал). Зато я совестливо ему работаю и, может быть, дам ему хорошую вещь. Это лучше, чем спешить и людей смешить. «Дядюшкин сон» я отвалял на почтовых. Но прощай, голубчик мой, многое еще надо б тебе написать, но в следующую почту, после получки кушелевских денег. Прощай. Обнимаю тебя и всё твое семейство. Жена кланяется тебе.

Твой Ф. Достоевский.

Я сам мечтаю, родной ты мой, о том, как мы увидимся,[д] и мечтаю часто. То-то наговоримся, а много надо говорить. Дух захватывает. NB. Пишу Каткову день и ночь. Прощай.

Если Плещеев в Москве, отошли ему мое письмо немедля.[10]

147. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

11 апреля 1859. Семипалатинск

Семипалатинск, 11 апреля 1859.

Милый брат Миша, пишу тебе только 2 слова. Некогда. Отсылаю с этой почтой *три четверти* моего романа *Каткову*.[1] До сих пор не успел кончить всего. Работал почти всю ночь, встал

в *Далее было:* не знал я
г *Было:* кончить к
д *Было:* свидимся

поздно, времени нисколько, почта отходит. Уже две недели как я получил 1000 руб. от Кушелева,[2] при письме с похвалами.[3] Не уведомил тебя до сих пор,[а] ибо всё ожидал от тебя письма и на всё[б] хотел отвечать разом. В твоей радости о том, что моя повесть многим нравится, видна вся твоя прекрасная душа. Но ты пишешь от *6 марта*,[4] а не упоминаешь, что повесть моя уже вышла из печати. Разве «Русское слово» выходит не в 1-е число месяца?[5] Ради бога, вышли мне «Русское слово», или по крайней мере ту книжку, где напечатана моя повесть. Попроси у Кушелева, скажи, чтоб на мой счет записали. Устрой как-нибудь, ради бога.

Благодарю за обещание выслать белье и жплеты. Я надеялся, что ты вышлешь из кушелевской тысячи. Теперь же сосчитаемся уже разве по приезде в Тверь.[6]

Друг мой, из этой тысячи осталось уже только 600 руб. С этим надо выехать и прожить до выезда, но это невозможно и недостанет. Я пишу Каткову, чтоб выслал еще 200 руб. и что буду ждать от него до 15 июня. А там уж нельзя ждать, выеду. Писал ему тоже о 100 рублях с листа. Каков-то будет ответ? Он на меня сердится и не отвечал на мое последнее письмо.[7] Как тяжелы, брат, эти сношения заочно, а не лично!

Роман, который я отсылаю Каткову, я считаю несравненно выше, чем «Дядюшкин сон». Там есть два серьезные характера и даже новые, небывалые нигде.[8] Но как-то еще кончу роман? Ужасно он мне надоел, даже измучил меня (буквально). Он появится, надеюсь, в августе или в сентябре в «Русском вестнике».[9]

Ожидаю от тебя скоро письма. Я уверен, что ты напишешь мне обо всем, то есть о мнениях литературных, с которыми встретят «Дядюшкин сон».[10] Пожалуйста, напиши поболее подробностей! Умоляю тебя.

Ты не пишешь ничего о Плещееве. Выехал ли он в Москву?[11] Завьялов часто у нас бывал. Это добрый и незлобивый малый. Я очень люблю его.

Ты пишешь о Твери и говоришь, что нужно прожить в ней 2 года. Но, друг мой, это ужасно. Я надеюсь, напротив, тотчас же испросить позволения жить в Москве. Начну просить по приезде в Тверь, разумеется. Мне ведь отказали не по высочайшей воле, а просто Инспекторский департамент *точно* и *ясно* написал сюда, что он (Инспекторский департамент) *не берет на себя* разрешить этот вопрос, *не зная*, позволено ли мне жить в Москве, и советует обратиться о разрешении к государю императору через третье отделенье.[12] Еще надежда: 8-го сентября будет совершеннолетие государя наследника.[13] При совершеннолетии ныне царствующего императора оказаны были огромные милости политическим преступникам.[14] Я уверен, что государь, и при теперешнем празднестве, вспомнит о нас несчастных

а *Далее было начато:* думая

б *Вместо:* и на всё — *было:* на которое

и простит всё остальное. Я рассчитываю, что к этому времени (к 8 сентября) необходимо просить о разрешении жить в Москве, только бы быть к этому времени в Твери.

Прощай, добрый мой Миша. Обнимаю тебя крепко, крепко, тебя и всех твоих. Жена тебе кланяется. Завтра святая: Христос воскресе! Здоровье мое по-прежнему.

Твой Ф. Достоевский.

О моем Паше позаботься.[15]

148. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 мая 1859. Семипалатинск

Семипалатинск. 9 мая 1859 г.

Дорогой друг мой Миша, письмо твое от 8-го апреля я наконец получил с прошедшею почтой [1] и чрезвычайно был огорчен и испуган твоею болезнию.[2] Боязнь моя еще и до сих пор не прошла. Я очень хорошо понимаю, что такие припадки могут получить самый опасный исход, и если не получу от тебя новых писем о твоем совершенном выздоровлении, то буду сам не свой всё это время. Выезжаю я, если только бог поможет, 15 июня, но не раньше, а может, и очень позже.[3] Я писал уже тебе, что отставка моя вышла в Петербурге, в высочайшем приказе, 18 марта,[4] но она только что здесь получена и надо ожидать по крайней мере до начала июня, покамест кончатся все формальности по корпусу и я буду уволен совершенно. Но если я выеду 15 июня, то вряд ли получу от тебя ответ на *это* письмо мое, тем более, что почта ходит теперь гораздо медленнее, за весенним разлитием рек. Но все-таки, если только любишь меня, отвечай мне на это письмо немедленно (и подробнее о своем здоровье) и адресуй прямо в Семипалатинск. Мне придется прожить в Омске по делу о взятии Паши из корпуса недели две или три,[5] и мне письмо твое перешлют из Семипалатинска (NB. В Омск не адресуй, а адресуй в Семипалатинск).

Мне, друг мой Миша, так сильно представилось, что ты вдруг умрешь и что я тебя никогда не увижу, что страх и до сих пор лежит на моей душе. Ах, кабы поскорее получить от тебя еще хоть 4 строчки письма!

Благодарю тебя, друг мой, очень за посылки жилетов, рубашек и проч. Но я до сих пор еще ничего не получал. По письму твоему вижу, что ты послал всё это в половине марта. Письмо твое от 9 апреля пришло уже неделю, а посылка от половины марта всё еще сидит где-нибудь на дороге. Ничего в этом не понимаю.

Я тебя уведомлял, что получил от Кушелева деньги.[6] Но журнала от него не получал. Может быть, получу еще: он уве-

домлял меня, что пришлет мне счет.[7] Может быть, вместе и журнал.

Друг Миша, прошу тебя, исполни мою просьбу, напиши мне всё, что услышишь без утайки,[а] о моем романе, то есть как об нем говорят, если только кто-нибудь говорил. Пойми, что это для меня чрезвычайно интересно.[8]

С прошлою почтой я писал Кушелеву.[9] Надо было уведомить его о получении денег. Сам просил у него журнал. Насчет же *участия* в его журнале (он мне писал в своем письме, что с великим нетерпеньем будет ждать от меня моей будущей повести) — я написал ему, что желал бы прежде всего видеть его и переговорить с ним лично. Объяснил ему, что у меня в виду большой роман, листов в 25, что мне чрезвычайно бы желалось начать немедленно писать его (и только его), но что по некоторым обстоятельствам я никак не могу присесть за эту работу[10] *и что об этих-то обстоятельствах мне и хотелось бы поговорить с ним лично*. Этим я заключил мое письмо к Кушелеву, без всяких объяснений, но тебе я объясню, какие это обстоятельства. Во-1-х) чтоб сесть мне за роман и[б] написать его, — $1^1/_2$ года сроку. 2) Чтоб писать его $1^1/_2$ года, — нужно быть в это время обеспеченным, а я ничего ровно не имею. В-3-х) Ты пишешь мне беспрерывно такие известия, что Гончаров например, взял 7000 за свой роман (по-моему, отвратительный[11]), и Тургеневу за его «Дворянское гнездо» (я наконец прочел. Чрезвычайно хорошо) сам Катков (у которого я прошу 100 руб. с листа) давал 4000 рублей, то есть по 400 рублей с листа.[12] Друг мой! Я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но ведь не слишком же хуже, и наконец, я надеюсь написать совсем не хуже. За что же я-то, с моими нуждами, беру только 100 руб., а Тургенев, у которого 2000 душ, по 400? От бедности я *принужден* торопиться, а писать для денег, следовательно, *непременно портить*. И потому, при свидании с Кушелевым, я намерен прямо изложить ему, чтоб он дал мне полуторагодичный срок, 300 рублей с листа и, сверх того, чтоб жить во время работы — 3000 руб. сереб‹ром› вперед. Если согласится, то я сверх того обязуюсь дать ему на будущий год (к началу) маленькую повесть листа в $1^1/_2$ печатных. У меня много сюжетов больших повестей, а маленьких нет. Но я надеюсь как-нибудь до нового года наткнуться на вдохновение и состряпать Кушелеву маленькую повесть. Тебе, может быть, покажется, что условия мои, вдруг, из смиренных сделались уж слишком заносчивы; но всё это, друг мой, связано с одним обстоятельством, которого ты не знаешь. А так как это обстоятельство, в свою очередь, тесно связано с твоим вопросом ко мне о «Бедных людях», — вопросом, на который ты требуешь скорейшего ответа, то я и перейду прямо к «Бедным людям».

а *Далее было начато:* как ду‹мают›

б *Далее было начато:* не исполнить

Ты хочешь, друг мой, продать их Кушелеву.[13] Это было бы хорошо, но я прошу тебя этого не делать, потому что у меня другая мысль в голове. Вот она: я оканчиваю теперь Каткову роман (длинный вышел: листов 14 или 15). ³/₄ его уже отослано; остальное отошлю в первых числах июня. Слушай, Миша! Этот роман, конечно, имеет величайшие недостатки и, главное, может быть, растянутость; но в чем я уверен, как в аксиоме, это то, что он имеет в то же время и великие достоинства и что это *лучшее* мое *произведение*. Я писал его два года (с перерывом в средине «Дядюшкина сна»). Начало и средина обделаны, конец писан наскоро. Но тут положил я мою душу, мою плоть и кровь. Я не хочу сказать, что я высказался в нем весь; это будет вздор! Еще будет много, что высказать. К тому же в романе мало сердечного (то есть страстного элемента,[14] как например в «Дворянском гнезде»), — но в нем есть два огромных типических характера, *создаваемых* и *записываемых* пять лет, обделанных безукоризненно (по моему мнению), — характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой.[15] Не знаю, оценит ли Катков, но если публика примет мой роман холодно, то, признаюсь, я, может быть, впаду в отчаяние. На нем основаны все лучшие надежды мои и, главное, упрочение моего литературного имени. Теперь сообрази: роман явится в нынешнем году, может быть, в сентябре. Я думаю, что если заговорят о нем, похвалят его, то мне уже можно будет[в] предложить Кушелеву 300 руб. с листа и проч. С ним уже имеет дело не тот писатель, который написал только «Дядюшкин сон». Конечно, я могу очень ошибаться в моем романе и в его достоинстве, но на этом все мои надежды.[16] Теперь: если роман в «Русском вестнике» получит успех, и, пожалуй, значительный, тогда, вместо того чтоб издавать «Бедных людей» отдельно, у меня явилась новая мысль: приехав в Тверь, и с твоею помощью разумеется, голубчик мой, мой вечный помощник, — издать к январю или февралю будущего года 2 томика моих сочинений, в следующем порядке: 1-й том — «Бедные люди», «Неточка Незванова» 6 первых глав, обделанные (которые всем понравились[17]), «Белые ночи», «Детская сказка» и «Елка и свадьба» — всего листов 18 печатных. *2-й том* — «Село Степанчиково» (роман Каткову) и «Дядюшкин сон». Во 2-м томе 24 печатных листа.[18] (NB. Впоследствии можно издать обделанного или, лучше сказать, совершенно вновь написанного «Двойника» и проч. Это будет 3-й том, но это *впоследствии*, а теперь только 2 тома.) Издание в 2000 экземплярах будет стоить 1500 руб., не более. Продавать можно по три руб. И потому, если я 1¹/₂ года буду писать большой роман, то постепенная продажа экземпляров меня может обеспечить, и я буду с деньгами. Можно и так: продать издание Кушелеву, тысячи за три или даже за 2¹/₂-й; но, *разумеется*, в переговоры теперь

[в] *В подлиннике:* быть.

вступать *никак нельзя*; нужно ожидать успеха катковского романа. Тут вся надежда, и этот успех облегчит все переговоры.

NB. Каткову я пошлю всего 15 листов, по 100 руб. — 1500 руб., взял я у него 500, да еще, послав 3/4 романа, просил 200 руб. на дорогу, итого взято 700. Приеду я в Тверь без копейки, но зато в самом непродолжительном времени получаю с Каткова 700 или 800 рублей. Это еще ничего. Можно обернуться.

Пугают меня слухами, что если взять Пашу из корпуса совсем, то надо будет заплатить за его содержание рублей по 200 за год, всего 400 руб., а где я их возьму? Это поразит меня как громом. У меня денег теперь всего 600 руб., да с катковскими будет 800, но ведь надо купить экипаж и проч., да проехать 4000 верст в летнее время, когда ехать всего дороже (будут впрягать 4 лошади, а иногда и 5), и потому всего только денег у меня на проезд. Чем я заплачу за Пашу?

Прощай, голубчик мой, родной мой, милый мой Миша, будь счастлив и *здоров* и дай обнять тебя поскорее. Поклон твоей жене и расцелуй детей. Может, еще многого не написал в письме моем, но спешу ужасно. Есть дело. Прощай, голубчик! Поклон Плещееву; что он ко мне не пишет?[19] Уж не рассердился ли за требование денег? Не может быть! — Жена тебе кланяется. Кланяйся всем, кто меня помнит. *До свиданья,* друг мой.

149. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Конец июня 1859. Семипалатинск

...итак,[а] во вторник пишу тебе 2-е письмо во всяком случае, получу или не получу. Но голубчик мой, Миша, благодетель ты мой, это не вся еще просьба. Есть и еще огромная. Выслушай же ее. Подымаюсь я отсюда, тяжко и с нуждою; выеду в среду 31[б] июня,[1] денег у меня не хватает; расходы задавили меня. 1000 рублей кушелевская растаяла как воск;[2] дорога на 4000 верст трудна, убыточна. Надо еще взять из Омска Пашу. И потому я рассчитал (безошибочно), что денег у меня хватит только до Казани. На присылку из «Русского вестника» я теперь не надеюсь нисколько.[3] И потому умоляю тебя, друг и брат мой, спаси меня еще раз: тотчас же с получением этого письма на другой же день, если можно[в] (не дожидаясь второго от вторника), — вышли мне рублей 200 в Казань.[4] Ты совершенно успеешь это сделать, ибо в Казани я буду *никак не раньше* 1-х чисел августа, может быть, несколько раньше.[г] Ты спасешь меня вполне. Если же не вышлешь, представь, что я буду делать в Казани, совершенно без денег, проживаясь в долг в трактире со всем семейством? Сам же ты мне писал, голубчик мой, что у тебя

а *Отсюда начинается сохранившаяся часть письма.*

б *Так в тексте.*

в на другой же день, если можно *вписано.*

г может быть, несколько раньше *вписано.*

будет рублей 150 или 200 для меня, когда я приеду, а ты ждал меня раньше, следственно, к тому времени у тебя будет. Не откажи, Миша! Приехав в Тверь, я по самому малому расчету должен получить с «Русского вестника» 800 руб. (но когда получу? — может быть, в декабре). Тогда отдам тебе. Теперь только выручи! На тебя вся надежда. Вот как сделай: тотчас же с получением *этого* письма высылай деньги *в Казань: Ф. М. Достоевскому, отставному подпоручику, проезжающему через Казань, впредь до востребования, подал такой-то.* Приехав в Казань, я тотчас же на почту и без задержки отправлюсь прямо в Тверь, от Казани до Твери по моему маршруту, то есть минуя Московскую губернию, — 1300 верст.

Вверяю участь мою и семейства моего тебе, обнимаю тебя крепко и прошу еще раз спасти меня, как несколько раз уже спасал ты меня.

Теперь в коротких словах, допишу остальное, что хотел написать. (Остальное до вторника.)

Во-1-х, объявляю тебе, что приеду в Тверь около 15-го августа.

Во-2-х, что я теперь не совсем здоров и завален хлопотами по отъезду ужасными.

В-3-х, что со слезами помышляю, как мы увидимся, и раз 10 на день молю бога, чтоб сохранил тебя. Если ты умрешь — я умру, да и не хочу жить после тебя.

4) Уведомь сестер, что я еду.

5) Если надо и если будешь здоров, съезди сам в Москву насчет моего романа или поручи кому-нибудь. Или лучше оставь до моего приезда. Мы в Твери всё решим. Но письмо и рукопись перешли им тотчас и настоятельно требуй ответа. Я напишу им, что тебя уполномочиваю во всем.[5]

6) Не читай конца романа и дай мне в том честное слово. Во-1-х, ничего не поймешь, всё покажется вздором и странностью, а во-2-х, мне бы очень хотелось, чтоб ты прочел его весь, в порядке и дал бы мне ответ, иначе же впечатление будет совершенно испорчено.

7) Плещеев давно уже мне не писал.

8) Я не получил «Le Nord»,[6] но, может быть, получу в понедельник.[д]

9) На бога и на царя нашего, благодетеля нашего и всей России, я надеюсь. Он милостив и разрешит мне в Москву. Буду просить его. Дай бог ему 60 лет еще царствовать!

10) Italia‹m›! Italia‹m›![7] Обнимаю тебя крепко, крепко! Благодарю за всё. Молю бога сохранить тебя. Целую тебя. Всех твоих. Жена кланяется.

Твой Достоевский.

Жилеты, рубашки, карточки — всё получил и весьма благодарю тебя.

[д] *Было:* во вторник

150. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 июля 1859. Семипалатинск

Семипалатинск, 1-е июля 59.

Дорогой голубчик мой Миша, вот тебе обещанное письмо с приложением писем, кому следует.[1] Почта ничего мне не принесла.[2] Прочти все эти письма внимательно. Я прикидываюсь, что не знаю имен теперешних редакторов. Я думаю, бесценный друг мой, что ты меня не осудишь за эту выходку. Но ведь со мной поступили совершенно по-мужицки. Что же мне остается делать? Не надо давать забываться. Я рассчитываю, что это письмо будет у тебя в конце июля, а к 1-му августа уже будет у них в руках. Отошли по почте. Я приеду в Тверь к половине августа (может быть, несколько раньше), и тогда уже может быть будет какой-нибудь ответ. Если же не будет ответа, если они поступят свысока и замкнутся в свой олимпийский покой, в глупое мужицко-грубое молчание, то тогда, когда ты приедешь в Тверь, хорошо бы было, голубчик, если б ты сам съездил в Москву, чтоб окончательно узнать, в чем дело, и, если можно, назвать их скотами. Разумеется, все издержки на мой счет. Даже по их листу я могу надеяться рублей на 700—800. Но когда получу? — неизвестно.

При отсылке письма, романа и замечаний (всё вместе) напиши им строк шесть, что ты уполномочен действовать, ожидаешь от них поскорей ответа и т. д., впрочем, самых вежливых строк, прошу тебя, и дай свой адресс. Если же, голубчик мой, ты по какому-нибудь важному обстоятельству осуждаешь мой поступок, если к тому же имеешь какие-нибудь известия, то,[a] пожалуй, и не посылай письма. На твое благоусмотрение. А пошли только окончание романа при письме, в котором изложи мои *замечания*, смягчив их и выкинув ненужное. Впрочем, не понимаю, какое же бы обстоятельство могло остановить тебя. Я очень бы желал кончить с ними всякое дело. Я так извинялся в 2-х прежних письмах перед этим мужичьем, что теперь самому досадно. Осел! Он полагает себя Юпитером.[3] Мне омерзительно у них участвовать. Неужели нечестны и неделикатны в высшей степени мои предложения даже теперь?

Я предвижу 3 случая. 1) Что они, по своей непомерной гордости, откажутся от романа. Тогда немедленно достать денег и отдать им. Голубчик, милый! Если б можно было не занимать у Некрасова, а достать 500 руб. только на несколько дней и отдать их, и потом уже идти и продать Некрасову. Но если нельзя достать, то сходи сам к Некрасову, поговори с ним лично, расскажи всё дело откровенно, кланяйся ему от меня и предложи роман с тем, чтоб примерно за половину, то есть за 7 листов,

---

[a] *Далее было начато:* очень бы хор‹ошо›

деньги вперед, по 125 руб. Как он уже предлагал мне от Плещеева.[4] Дай ему от себя расписку. Прибавь, что так как я им остался в 49-м году должен 165 руб. (Некрасову),[5] то готов заплатить при окончательном расчете. Печатать в нынешнем году и, по возможности, в двух частях. Если будешь отдавать 500 руб. в «Русском вестнике», то съезди сам, конечно, на мой счет. Не откажи, родной.

2-й случай). Извинения, оговорки, какое-нибудь неизвестное мне обстоятельство и согласие на все условия. Это может быть; роман хорош и если у них прочли его, то, пожалуй, и не захотят упустить. В таком случае можно бы закинуть словцо о деньгах вперед, по возможности больше. Рукопись у них в руках, а цензура двух слов не вымарает. За это ручаюсь.[6]

3-й случай). Они ответят учтиво, холодно и *неясно*, что так как дело касается более Михаил Никифоровича Каткова, то без него нельзя и решить. След‹овательно›, надо или его ждать или к нему послать за ответом. Но это будет только увертка и мелкое мщение — проволочить дело. И что же, наконец, за редакция, которая не знает, как действовать? В таком случае нечего делать, но надо известить, что я не отступаю от моих условий и что если они проволочат до будущего года, то я перепечатаю роман отдельно. А если дадут мне 100, то буду жаловаться одновременно публике и суду. Я прав и чист; им будет очень стыдно. Впрочем, в крайнем случае, в случае затруднения подожди моего приезда. Но письмо, роман и замечания пошли тотчас же, как получишь.

Прости за хлопоты, которые тебе доставляю. Но ведь ты мой ангел-спаситель! Спаси и теперь. Надеюсь застать в *Казани* от тебя деньги. Брат, если их не будет, я погиб.

Завтра выезжаю.[a] Сегодня голова идет кругом, и сверх того болен желудок. Прости деловой характер этого письма. Обнимаю тебя крепко. Наконец-то, может быть, увидимся, голубчик ты мой!

До свидания!

Ф. Достоевский.

Завтра выезжаю в 5 часов пополудни.

---

[a] *Было:* еду

151. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

24 августа 1859. Тверь

Тверь. Понедельник, 24 августа 59.

Вот и еще письмо к тебе, дорогой друг мой Миша, и всё об моих делах. Во-1-х, получил ли ты, голубчик мой, мое письмо, которое я послал тебе в ответ на твое первое?[1] Второе письмо твое (на осьмушке) я получил 3-го дня,[2] и так как вчера было воскресенье, то и не мог отвечать тебе на другой день, а отвечаю

сегодня на третий. Всё что ты советуешь мне — очень хорошо. Я почти так и поступил; но что мне стоило сыскать квартиру, каких хлопот! Денег у меня всего 20 руб. и непроданный тарантас, в котором я приехал. За него давали 30 руб., а он стоил мне 115. Обидно. Ищу покупщиков хоть бы за 40 руб. Но когда они найдутся? Ты советуешь не покупать даже чашки. Чашки-то положим; но самовар непременно надо купить.[3] Вот и расход. К тому же сапоги и башмаки плохи. Одним словом, поместились мы как на булавочном кончике. Впрочем, это ничего. Всё уладится, бог даст. Что твое здоровье, голубчик мой? Теперь переменилась погода, дождь, и тебе еще труднее будет ехать ко мне. Вообще здоровьем не рискуй, хотя бог видит, как я желаю обнять тебя. Тоска. Тверь самый ненавистнейший город в свете. Я надеюсь, однако, что это письмо тебя еще застанет в Петербурге.[4]

Теперь вот какие дела: вчера получил 2 письма. Первое от Милюкова, с статьей в «Le Nord».[5] Послано было в Семипалатинск, от 5-го июня, и, по распоряжению моему, при отъезде из Семипалатинска, переслано мне в Тверь. Таким образом я получил его только вчера. Прошу тебя, милый мой, напиши мне, как зовут Милюкова по имени и отчеству; я забыл. Мне очень хочется ему как можно скорее ответить. *Второе письмо*, полученное мною тоже вчера и тоже через Семипалатинск, было письмо из редакции «Русского вестника». Каково! Послано из Москвы 15-го июня. Смысл моего письма в «Вестник», отосланного через тебя, с укорами и условиями — таким образом исчезает, но не совсем. Вот что они пишут. Пишет какой-то их factotum, помощник редактора или тому подобное (подпись письма я никак не мог разобрать), но только не Капустин и не Леонтьев (оставленные Катковым в виде редакции).[6] Этот господин пишет мне,[a] что он «по поручению редакции „Русского вестника" уведомляет меня (во-1-х) что 3/4 романа моего получены». Эх, когда уведомили. Я положительно писал, что 15-го выезжаю в Тверь. А они только 15-го письмо пустили! Далее: что «рукопись моя получена в редакции в минуту отъезда Каткова за границу, так что уж он из-за границы прислал распоряжение» (но не ответ на письмо). Всё это неправда. По известию от Плещеева ясно, что он получил мое письмо и рукопись не в минуту отъезда, а за несколько дней.[7] *Далее*: Катков распорядился, чтоб мне высланы были 200 руб., но редакция, дескать, не решается, ибо, так как я сам писал, что 15-го июня выезжаю из Семипалатинска, то, следственно, деньги не застанут уже меня в Семипалатинске, и потому просят прислать верный адресс. Во-1-х, им положительно написано было, что я выезжаю в Тверь и никуда больше; — вот и адресс; а во-2-х, к какому же черту они послали мне письмо, когда положительно знали, что оно не застанет меня в Семипалатинске? Что за странные распоряжения! А письмо ведь, между прочим, нужное.

[a] *Было:* уведомляет меня

Затем просят прислать конец романа — и только.

Теперь что ж заключить из этого письма? Во-1-х, Катков сам не отвечает (уже на 2-е письмо мое). Ну, положим, что таким государственным людям отвечать такой мелюзге, как я, — некогда. В сторону вежливость! Но ведь я, кажется, просил уведомить положительно: сколько он мне дает за лист и даст ли 100? Положим, я ему должен, но из этого не следует, что Катков, как кредитор, получает и право единственного и бесконтрольного оценщика. Ведь это дела, как же не отвечать на это? И беспорядочно и невежливо! Теперь, по получении от тебя письма и рукописи, они не хотят даже уведомить тебя, что получили рукопись. Невежи! Положим, я извинюсь за мое письмо и извинюсь первый. Одним словом, сделаю всё, что может сделать порядочный человек; но они-то что скажут? Наконец, москвичи все такие мелочные, щекотливые и раздражительные. Пожалуй, еще скажут, что письмо мое (с упреками) [8] надо отослать Каткову и без того нельзя ничего решать. Черт знает что такое! Хотел бы им отвечать, да не знаю что; просить у них теперь о присылке 200 руб. в Тверь невозможно. Во-1-х, рассердившись на то письмо, они, пожалуй, скажут, что теперь, после такого письма, без разрешения Каткова — нельзя. Следственно, афронт.[9] Во-2-х) нет ответа: соглашаются ли они на 100 рублей и на условия? а без этого печатать нельзя. И потому я решаюсь не отвечать, а напишу им сегодня только вот что: что получил их письмо. Что ответ последует через уполномоченного Михаила Михаил<овича> Достоевского, который *лично* будет в Москве через неделю или дней через десять *по своим делам.*

Друг мой! Ты писал, что, *может быть*, от меня поедешь в Москву.[10] Я на это и надеялся. Если поедешь, то и переговоришь с редакцией *хорошенько*. А если нельзя тебе будет ехать (что очень может быть), то я уж тогда прямо напишу письмо, которое мы сочиним здесь вместе с тобою. Так ли, голубчик мой? Вообще ожидаю тебя с нетерпением. *Обо всем* решим. Но заметь, друг мой милый: если тебе будет тяжело ехать в Москву или нельзя, то я никак не настаиваю и не претендую. Стану ли я это делать, голубчик мой!

Теперь еще просьба и великая. Вот что: у жены нет никакой шляпки (при отъезде мы шляпки продали. Не тащить же их было 4000 верст!). Хоть жена, видя наше безденежье, и не хочет никакой шляпки, но посуди сам: неужели ей целый месяц сидеть взаперти, в комнате? Не пользоваться воздухом, желтеть и худеть? Моцион нужен для здоровья и потому я непременно желаю купить ей шляпку. В здешних магазинах нет ничего, шляпки есть летние, гадкие, а жена хочет осеннюю, расхожую и как можно дешевле. И потому вот какая моя убедительнейшая к тебе просьба. Пошли или сам зайди к m-me Вихман и, если есть готовая, купи, а нет, закажи. Шляпка должна быть серенькая или сиреневая, безо всяких украшений и цац, без цветов,

одним словом, как можно проще, дешевле и изящнее (отнюдь не белая) — *расхожая в полном смысле слова*. Другую хорошенькую зимнюю шляпку мы сделаем после. А теперь только что-нибудь надеть на голову, не простоволосой же ей ходить? Если m-me Вихман скажет, что шляпки летние, а *осенних фасонов еще нет*, то закажи осеннюю и пусть она сама сделает какой угодно осенний фасон, хоть прошлогодний. Без украшений, дешевле, но как можно изящнее. У нас в Семипалатинске была расхожая шляпка в 9 целковых (то есть здесь в 5), но до того изящная, что годилась графине.

Ради бога, брат, не откажи. Продам тарантас — деньги отдам тотчас. Есть у Вихман ленты (мы здесь видели образцы от Вихман же) с продольными мелкими полосками серенькими и беленькими. Вот таких бы лент к шляпке. Жаль, что не могу прислать образчика. Если можно — привези шляпку с собою. Если же нет — закажи, и, когда будет готова, пусть отправят по железной. Но чтоб она тебя не задерживала в Петербурге.

Голубчик мой! Не досадуй на меня за мои просьбы! У меня у самого голова кругом идет. Прощай! Обнимаю тебя и всех твоих. Жена тебе кланяется. Коле также.[11] Милюкову поклон.

Если б роман в «Современник», то у меня бы, за уплатою тебе 200 руб., была бы 1000 сереб‹ром›, а теперь в «Вестнике» останется не более 600.[12] Что делать. Для меня 600 — ничто. Нужды-то велики! Подумаем-ка вместе, как достать денег.

И не думай, чтоб я подделывался, чтоб тебе 200 не заплатить! Непременно заплачу! Я так хочу — и заплачу!

152. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

25 августа 1859. Тверь

Вторник 25 августа 59. Тверь.

Сейчас получил я, голубчик мой, твои *два слова* и спешу тебе ответить тоже на лету, двумя словами (почта отходит, 2-й час). Вчера я писал тебе и уведомлял о письме «Русского вестника».[1] Письмо же, присланное тебе (и которое я сейчас имел удовольствие прочесть), — удивительно! Ни одного слова ясного, не приняли условий — каких именно! Все были чрезвычайно легки. 2-е) На одной странице себе противоречат: то твердо уверены, что деньги не могли дойти до меня, то удивляются, что я ничего не упомянул о письме, посланном ими 13 августа! [a] Да как же я мог его получить, если они совершенно уверены, что денежного письма я бы никак не успел получить. Бестолково! Наконец: отвечают и оправдываются вовсе не на те пункты, о которых я просил.[2] Я положительно просил Каткова, изложив ему мои

[a] *Ошибочно вместо:* июня

обстоятельства (то есть выезд, безденежье и проч.), — уведомить меня: сколько он мне даст за роман, даст ли 100 руб. для того, *чтоб я, человек бедный и разоренный переездом 4-х тысяч верст, мог знать, на что могу рассчитывать по приезде в Тверь.* Неужели это не важный для меня вопрос? Не насущный, не самый необходимый? Следственно, меня всего более рассердило то, что Катков решительно не обратил внимания на мою просьбу, не только замедлил ответом, пренебрег моими деликатнейшими просьбами, то есть просьбами человека в крайнем и эксцентрическом состоянии, — но даже до сих пор, даже из письма их (от 13-го июня), полученного уже здесь, я не знаю, согласен ли был[б] он на 100 руб.; след‹овательно›, я и теперь не знаю: на что я мог рассчитывать. (Заметь себе, что он не отвечал мне уже на 2 письма.) Отъезд за границу нисколько не мешал ему сказать тому же секретарю два слова, только два слова, что он, дескать, соглашается на 100 рублей, и велеть написать об этом мне тотчас же.

Теперь они делают вид, что будто бы я рассердился за то, что мне не прислали 200 руб.! Видит бог, что нет! если мне было досадно, что не прислали, так я бы ни за что не написал им такого письма с упреками, которое ты им переслал, мне просто обидно было крайне пренебрежительное ко мне поведение[в] Каткова.

Вот еще новая у меня мысль: или они очень рассердились на мое письмо, думали и надумались наконец возвратить роман; или еще штука: именно — роман им не понравился.

Если б понравился роман, то они, может быть, и согласились бы проглотить пилюлю, да не упустили бы хорошей вещи. А впрочем, кто знает, может быть, и самолюбие пересилило все остальные соображения. Теперь вот что, друг мой: я уверен, что в моем романе есть очень много гадкого и слабого. Но я уверен — хоть зарежь меня! — что есть и прекрасные вещи. Они из души вылились. Есть сцены высокого комизма, сцены, под которыми сейчас же подписался бы Гоголь. Весь роман чрезвычайно растянут; это я знаю. Рассказ непрерывен и потому, может быть, утомителен. И потому, умоляю тебя, голубчик Миша, не читай ни строчки по получении романа, а получишь — приезжай ко мне и прочтем здесь, все вместе; вместе и решим, куда он годен; я же и поисправлю кое-что (то, что хотел исправить — перемена глаголов и т. д.). Некрасову же не давай теперь. Впрочем, можно их слегка предуведомить. Мы с тобой вместе согласились бы и об условиях, что с них просить? [3]

Правда, меня ужасает, что на тебя обрушилась уплата 500; но одно утешает: что заем этот недолгий. Ведь роман стоит же

[б] *Было:* согласен ли было

[в] *Вместо:* пренебрежительное ко мне поведение — *было:* пренебрежительный тон

что-нибудь. Непременно отдам — у меня теперь 12 целковых всех денег. Сашин подарок очень кстати. Поцелуй же ее за меня и поблагодари. Это очень мило с ее стороны, тем более что ведь она меня совершенно не знает.[4] Тарантас не продается — нет покупщиков. Вчера писал тебе об шляпке, не забудь, ради бога, друг мой. Образчик лент для уборки шляпки. Ленты эти от Вихман из Петербурга (сказала здешняя магазинщица). Цвет же шляпки как серенькая полоска на лентах.[5]

Вчера ночью много грустил о твоем здоровье и укорял себя, что хотел тебя послать в Москву по делам моим. Но теперь, слава богу, уж нечего делать в Москве.[6] Ради бога, береги здоровье, и если чуть-чуть худо, то лучше отложи поездку ко мне. Но если здоровье не помешает, то, ради бога, не стесняй себя ни романом, ни шляпкой — ничем, приезжай как можно скорее.

На железной буду с четверга на пятницу и встречу тебя.[7]

153. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

19 сентября 1859. Тверь

Тверь, 19 сентября 59.

Вчера получил твое письмо, голубчик Миша, да поздно, и потому не мог сейчас отвечать тебе. Письмо твое меня ужасно обрадовало, во-первых, потому, что я вполне один, а во-2-х, что оно пришло раньше, чем я думал. Я думал, что оно придет в субботу. Рад за тебя, что ты опять у своих и доволен.[1] Только когда-то увидимся? Я хоть и сижу в Твери, а все-таки *продолжаю странствовать*; когда-то нас опять соединит судьба.

Ходил к Баранову с письмом к Долгорукому. Он мне обещал сделать всё (то есть не более как переслать письмо), но сказал, что напрасно я теперь подаю, что князя Долгорукова теперь нет в Петербурге, а в вояже он не доложит, и потому советовал отложить мне до половины октября, когда князь воротится в Петербург. Тогда и просил прийти с письмом. Рассудив, я полагаю, что это справедливо.[2]

Тем более, что если через месяц князь будет в Петербурге, то дело сделает скоро, особенно при ходатайствах и рекомендациях, например от Эдуарда Ивановича.[3] Так что я даже надеюсь к 1-му декабря быть у вас. И потому подождем.

О Врангеле я прочел в твоем письме с чрезвычайным удовольствием. Я так обрадовался ему. Поклонись от меня, скажи, что мне ужасно хочется его видеть и что если он приедет в Тверь, хоть на один день, то сделает чудесно хорошо.[4] На днях ему напишу.[5] Эдуарду Ив‹ановичу›[a] напишу тоже, погодя немного.[6]

Майкову поклонись и скажи, что я не менее его люблю и

---

[a] *Было:* Тотлебену

помню, а если приедет, то сделает *прекрасное* дело; хоть на день; скажи ему, что я жду его с крайним нетерпением.[7]

К сестрам написал.[8]

Ты пишешь, что не застал Некрасова дома. Но вот что, друг мой: если ты и 16-го его не застал, то не опоздать бы с рукописью? Уйдет время, — и они будут другое печатать в октябрьской книжке. Надобно еще прочесть ее, а ты мне не пишешь: оставил ли у него рукопись? И передал ли ему письмо?[9] Обещаешь писать 17-го, если увидишь Некрасова. Конечно, увидишь, и потому жду сегодня твоего письма с крайним нетерпением. NB: в сношениях с Некрасовым замечай все подробности и все его слова, и, ради бога прошу, опиши всё это подробнее. Для меня ведь это очень *интересно*.

Вральмана Кольку поцелуй. Котов своих тоже.[10] Эмилии Федоровне большой поклон. Жена тоже всем вам очень кланяется. Собственно обо мне прибавить больше нечего: думаю о будущем, думаю как сесть за роман, сокрушаюсь, что много надо писать писем и мучился ужасно над письмом князю.[11] Заказал тоже портному (да ведь это при тебе) штаны — испортил. В Твери погода дурная, а скука страшная.

Думаю я о тебе, голубчик мой. Вот ты уехал, а я ведь знаю, что мы вовсе еще не так познакомились друг с другом, как надо, как-то не высказались, не показались во всем. Нет, брат: надо жить вместе, жизнью не скорою, а обыкновенною, и тогда вполне сживемся; ты у меня один, нас и десять лет не разъединили. Не пишешь ты мне ничего о своем здоровье, а главное, что сказал тебе Розенберг? Пожалуйста, с ним советуйся. Прощай, голубчик. Обнимаю тебя, пиши, ради бога.

Твой Д‹остоевский›.

NB. Вспомнил твое: пиши,[6] при прощанье. Обдумываю роман, который тебе пересказывал, и вмест‹е› жаль большого романа.[12] Я думал его писать. Ах, кабы деньги да обеспечение!

Течь не запускай. Сходи к Розенбергу.

154. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

22 сентября 1859. Тверь

Тверь 22 сентября 59.

Дорогой друг мой, Александр Егорович, хотел было не писать к Вам, но не утерпел. В самом деле, что можно писать после 4-х лет разлуки? Надобно, сначала, вновь свидеться, и как я был рад, что Вы (по словам брата) думаете махнуть сюда и повидаться со мной. Хоть на денек, бесценный Вы мой! Как бы мы

---

6 *Далее было:* мне

переговорили! А для такого господина, который изъездил всю планету,[1] приехать по железной дороге из Петербурга в Тверь — вздор.

Брат пишет, что Вы еще раз собираетесь в экспедицию.[2] Это плохо, — плохо для меня. Я думал, что мы уж не разлучимся, когда сойдемся в Петербурге. И потому, — можете себе представить мое нетерпение Вас видеть, хоть два дня, хоть несколько часов. Ведь у нас с Вами есть что помянуть. Много есть прекрасных воспоминаний. Хотя[a] с того времени, когда я Вас проводил из Вашей квартиры, в 10-м часу почи (помните?) — у Вас слишком много прибавилось в жизни, но неужели же мы теперь не поймем друг друга? Мы тогда крепко сошлись. Приезжайте же. Поговорим о старом, когда было так хорошо, об Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее, об Казаковом саде[3] (помните?), о *бобах*[4] и других огородных растениях, об милейших — Змеиногорске и Барнауле, где я после Вас бывал довольно часто... ну да обо всем! А Вы мне расскажете что-нибудь из последующей жизни Вашей; сойдемся опять и накопим еще лучше воспоминания. Будет чем помянуть жизнь на старости лет.

Что Вы теперь замышляете? Чего ожидаете и какие Ваши надежды? Что Ваш отец и все Ваши домашние? Кто заменил Х.? Беда, если Х. в Петербурге и имеет на Вас влияние.[5] Но это вздор, и я дурак, что это заподозрил:

Не цвести цветам после осени.[6]

Об Вас *всё,* в подробности, надеюсь услышать от Вас же самих. Надеюсь тоже, что Вы мне черкнете что-нибудь.

Если спросите обо мне, то что Вам сказать: взял на себя заботы семейные и тяну их. Но я верю, что еще не кончилась моя жизнь и не хочу умирать. Болезнь моя по-прежнему — ни то ни се. Хотел бы посоветоваться с докторами. Но пока не доберусь до Петербурга — не буду лечиться! Что пачкаться у дураков! Теперь я заперт в Твери, и это хуже Семипалатинска. Хоть Семипалатинск, в последнее время, изменился совершенно (не осталось ни одной симпатической личности, ни одного светлого воспоминания), по Тверь в тысячу раз гаже. Сумрачно, холодно, каменные дома, никакого движения, никаких интересов, — даже библиотеки нет порядочной. Настоящая тюрьма! Намереваюсь как можно скорее выбраться отсюда. Но положение мое престранное: я давно уже считаю себя совершенно прощенным. Мне возвращено и потомственное дворянство, особым указом, еще два года назад. А между тем я знаю, что без особой, формальной просьбы (жить в Петербурге) мне нельзя въехать ни в Петербург, ни в Москву. Я пропустил время; надо бы просить еще месяц назад. Теперь же князь Долгорукий в отсутствии. Я пишу Долгорукому письмо.[7] Являлся с пим к графу Баранову (нашему

---

[a] *Далее было начато:* нас

губернатору) и просил его переслать князю. Баранов обещал, но сказал — когда князь воротится, раньше же нечего и думать. Князь воротится в половине октября; след‹овательно›, до тех пор надо сидеть и ничего не предпринимать.[8] Я, конечно, почти уверен, что мою просьбу уважат. Примеры уже были: многие из наших в Петербурге.[9] К тому же государь беспримерно добр и милостив. Да и я, постоянно, был хорошо аттестован. Но вот чего я боюсь: затянется дело, а я живи в Твери. И потому хотел было писать к Эдуарду Ивановичу,[10] да и папишу; хочу просить его: написать или переговорить обо мне с князем Долгоруковым; тогда тот, уважив его ходатайство, не замешкает и сократит формы. Хотел было тоже просить Эдуарда Ивановича написать и Баранову, чтоб и здесь не затянули дело. Но опять берет раздумье: в каких отношениях Эдуард Иванович к князю и знает ли он нашего графа? Может быть, ему тяжело просить их, а он уж и так для меня много сделал. Письмо к Эд‹уарду› Ив‹анови›чу хотел отправить через Вас. (Если б только он был в Петербурге и Вы переговорили с ним лично! Это лучше бы было; но брат уже писал мне, что Эд‹уард› Ив‹анович› в Риге.) [11] И потому, друг мой, посоветуйте мне что-нибудь. На Вас очень надеюсь и надеюсь, что Вы меня не покинете, особенно если Эд‹уард› Ив‹анович› скоро приедет. Не знаю, когда писать. Как Вы думаете? Скажите мне что-нибудь, и я Вашему совету вполне последую.[6]

Теперь о другом деле: у меня много Ваших книг, которые я привез из Сибири с собою.[12] 2 пакета Вашей домашней переписки и Ваш ковер. Всё это надо к Вам отправить. Я надеюсь, что Вы уже получили некоторые из книг, которые я Вам отправил, еще два года назад (с Семеновым, членом Географического общества) — именно сочинения Симашко.[13] Книги Ваши довольно хорошие. Напишите же об них Ваши распоряжения.

Ну, теперь покамест довольно. Дело за Вами. Напишите мне что-нибудь, голубчик мой, бесценный мой. Я так рад был, когда брат мне написал, что Вы зашли к нему. Я только что поручил брату разыскивать Вас в Петербурге всеми средствами.[14] Мы с Марьей Дмитриевной все три года Вас так часто вспоминали и с каким удовольствием. Она очень желала бы Вас видеть. Всё хворает. Прощайте же, обнимаю Вас.

Ваш Достоевский.

Здесь такой скверный, неисправный и гадкий почтамт, что я даже хотел застраховать это письмо. Но, может быть, и так дойдет. Мне по три дня задерживают письма.

Брат написал от 16 и вдруг перестал писать, а теперь уже 22-ое.[15] Что с ним? Не болен ли? Я с нетерпением жду его письма и тревожусь.

---

[6] *Далее было начато:* Если б Вы с ним вместе

155. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1 октября 1859. Тверь

Тверь, 1 октября 59.

Дорогой мой Миша, письмо твое я получил вчера[1] уже после того, как отправил тебе мое, с упреками.[2] Дело в том, мой друг, что я совершенно было упал духом, не получая от тебя ничего. И потому умоляю тебя и впредь, если даже и нечего писать, — напиши просто, что нечего, и не оставляй меня в тревоге, которая еще более увеличивает скверность и безнадежность моего положения. Надеюсь, ты на меня за мое письмо не сердишься. Не сердись, голубчик, и пиши ко мне чаще.

Признаюсь, твое письмо меня удивило. Что же Некрасов? Уж не чванятся ли они?[3] А может, и просто еще не читал. Я слышал, что Некрасов страшно играет в карты. Панаеву тоже не до журнала,[4] и не будь Чернышевского и Добролюбова — у них бы всё рушилось.[5] Ты говоришь, что нужно подождать и что это даже деликатнее. Но, друг мой, уже довольно ждали. И потому поезжай, пожалуйста (я тебя убедительно прошу), сам к Некрасову, постарайся застать его дома (это главное) и лично поговори с ним об участи, которую они готовят роману. Главное, узнай — на три или на две книжки они берут роман, какие именно их замечания о романе, — и, поговорив об этом, уже под конец, можно упомянуть и о деньгах. Сделай это, ради Христа, и вытяни от них последнее слово. А не поедешь сам, — может быть, никогда не дождешься его к себе, особенно если в карты играет. Надеюсь на тебя.

Теперь, голубчик мой, хочу тебе написать о том, на что я решился по зрелом соображении, я решил так: начать писать роман (большой — это уже решено) — пропишу год. Спешить не желаю. Он так хорошо скомпоновался, что невозможно поднять на него руку, то есть спешить к какому-нибудь сроку. Хочу писать свободно. Этот роман с идеей и даст мне ход.[6] Но чтоб писать его, — нужно быть обеспеченным. Запродать его вперед и на это жить — самоубийство. Это значит взять 100 или 120, тогда как я, может быть, выторговал бы 150 или 200. Я сам буду своим судьей и, если роман удастся, — сам положу цену. А потому нужно не запродавать вперед и писать, будучи обеспеченным. Но вопрос: где взять денег, чтоб обеспечить себя по крайней мере на год? Сообразив серьезно, — я решил непременно издать прежние свои сочинения и издать самому, а не продавать их, — разве дали бы очень много, но очень много не дадут. Слушай: положим, что сочинения пойдут медленно. Но для меня это ничего не значит. Мне нужно 120 или 150 р. в месяц. Только бы это выбрать, след‹овательно›, они будут кормить меня. Ты спросишь: где взять денег на издание? Вот что я придумал: во-1-х, издать не вдруг, а книгу за книгой. Всего три книги.[7]

В 1-й) «Бедные люди», «Неточка Незванова» 2 части, «Белые ночи», «Детская сказка», «Елка и свадьба», «Честный вор» (переделанный), «Ревнивый муж».[8] Всего — около 23 листов убористой печати.[а] 2-я часть: «Двойник» (совершенно переделанный)[9] и «Дядюшкин сон». 3-я часть: «Село Степанчиково». 1-я часть, я думаю, разойдется довольно скоро. Но надо поисправить. «Бедные люди» без перемены со 2-го издания,[10] а остальное всё в 1-й части надо бы слегка поисправить. Для этого буду просить тебя помочь мне, именно: достать все эти остальные повести 1-й части, некоторые, как «Неточка Незванова», может быть, есть у тебя, а остальные поищи и попщи поскорей, немедля, у Майкова, Милюкова и проч. Поклонись им от меня и попроси убедительно: не дадут ли выдрать из книг эти повести. Если дадут, — пришли их ко мне как можно скорее, я поправлю на печатном и, не задерживая, отошлю к тебе. Если к концу октября мы это всё обделаем и все эти повести уже будут у тебя исправленные, то 1-го ноября можно будет отдать в цензуру. Положим, цензура продержит до 1-го декабря. Тогда с 1 декабря печатать 1-й том. Где взять денег? А вот как: опять тебе поклон: возьми нужное количество бумаги для 1-й части у купца и дай от себя вексель на 6 месяцев или даже раньше. Дело в 300 рублях или немного больше. Клянусь, Миша, дорогой мой, я заплачу по векселю, который ты теперь дашь (за меня). Если не пойдет книга и не окупит даже бумагу, то из-под земли достану денег и к сроку выкуплю вексель. На тебя ничего не падет. Что же касается до типографии, то если нельзя и тут по векселю, то половину денег за типографию дам я, а другую займу у кого-нибудь (нельзя ли у Сашеньки?).

Таким образом печатанье может окончиться в январе, в половине, — и в продажу! Я уверен, что 1-й томик произведет некоторый эффект. Во-1-х, собрано лучшее, во-вторых, я напомню о себе, в-3-х, *имя* интересное, в-4-х, если роман в «Современнике» удастся, то и это пойдет. Между тем к половине декабря я пришлю тебе (или привезу сам) исправленного «Двойника». Поверь, брат, что это исправление, снабженное предисловием, будет стоить *нового романа*. Они увидят наконец, что такое «Двойник»! Я надеюсь слишком даже заинтересовать. Одним словом, я вызываю всех на бой (и наконец, если я теперь не поправлю «Двойника», то когда же я его поправлю? Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип, по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником?).

В декабре же — в цензуру «Двойника» и «Дядюшкин сон». В январе печатать, а к концу февраля[б] 2-й том выходит в свет, а за ним, почти вместе, можно и 3-й — «Степанчиково». Деньги — или в долг, или 1-й том окупит. Наконец, последние два тома (по

[а] *Далее было начато:* Эта
[б] *Было:* января

успеху 1-го) можно даже в крайнем случае и продать. Окуплю издание, а до тех пор живу деньгами «Современника», а потом, по окупке издания, хоть и медленно будет идти, но мне всё равно: ибо на корм мой и медленной продажи достанет, а я тем временем с самого декабря *серьезно* сажусь за большой роман (который, если, через год, произведет эффект, то может увлечь за собою и остальные экземпляры «Собрания сочинений»). И потому теперь 1-й шаг: тотчас же отвечай мне твое мнение и немедленно, по возможности, высылай экземпляры повестей 1-го тома для поправки.[11]

Друг мой, если ты замедлишь ответом, то знай, что мое время пропадет даром. Я ничего не буду делать (и не в состоянии делать) до окончательного разрешения, то есть одобришь ты или нет и станешь ли мне помогать? — отвечай, ради бога, скорее.

Майков не был,[12] от Врангеля получил письмо.[13] Головинский здесь и познакомил меня разом со всем здешним обществом.[14] Я не намерен слишком поддерживать со всеми, но с дру‹зь›ями[в] невозможно. В провинции никуда не спрячешься. Это мне отчасти и в тягость. Два-три человека есть хороших.[15] Я очень хорошо познакомился с Барановым и с графиней. Она меня несколько раз *убедительнейше* приглашала бывать у них запросто по вечерам.[г] Невозможно не быть у них. Она оказалась уже отчасти мне знакомою.[д] Лет 12 назад Соллогуб представил меня ей (она его кузина), тогда еще девушке, Васильчиковой.[16]

Марья Дмитриевна кланяется. Я обнимаю тебя от всего сердца и всеми силами рад бы вырваться из Твери. В Твери мне теперь будут мешать писать.

Ради бога, голубчик мой, отвечай. Прощай, крепко целую тебя. Всем кланяйся. Береги здоровье как драгоценность. Эмилии Федоровне, Коле, Саше — поклоны. Пиши чаще. А деньги бы нужны от Некрасова. Во-1-х, тебе, а во-2-х, мне.[е]

в *Текст письма поврежден.*
г *Далее было начато:* и чрезвычайно
д *Далее было начато:* Я бы
е *Сверху на 4 странице незаконченная фраза:* Если б не сам

156. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

2 октября 1859. Тверь

Тверь, 2 октября 59.

Любезный брат, еще раз пишу к тебе и умоляю: ради бога, съезди к Некрасову сам, добейся того, чтоб застать его дома, и кончи с ним мое дело.[1] Мне деньги нужны, очень нужны и именно вся сумма, на которую я рассчитывал, то есть 500 р. сереб‹ром›. Ведь обещался же он дать вперед 1 200 за 10 печатных листов, из которых 700 определены сейчас же тебе, а 500 мне.

Теперь же мне эти 500 нужны до крайности.[2] Не откажи мне, голубчик мой, — ты, на которого только я и могу надеяться. Прошу тебя. Главное, наконец, и то, что ты разрешишь мое положение.

Я писал к тебе вчера об издании моих сочинений. Займись и этой идеей и, ради бога, помоги мне. Ты один можешь спасти меня. Немного старания с твоей стороны, и всё могло бы уладиться.[3]

Положение мое здесь тяжелое, скверное и грустное. Сердце высохнет. Кончатся ли когда-нибудь мои бедствия и даст ли мне бог наконец возможность обнять вас всех и обновиться в новой и лучшей жизни!

Не буду писать тебе никаких подробностей о здешнем житье моем. Эти же два слова пишу единственно для того, чтоб еще раз напомнить тебе об Некрасове и кончить с ним поскорее. Ради бога, сделай это и уведомь меня сейчас же, как можно скорее. До тех пор я буду в страшном беспокойстве.

Прощай, друг мой милый, на тебя вся надежда моя. Успокой меня скорей.

Твой Ф. Достоевский.

P. S. Сейчас получил от тебя твое вчерашнее письмо. Благодарю за известия.[4] Но вот в чем беда: что от Некрасова до сих пор никаких нет известий. Ради бога, не медли. Дело важное. Не затягивай его. А деньги 500 р. мне до крайности нужны. Ради бога, поспеши.[5]

Врангелю я завтра пишу, также и Эдуарду Ивановичу.[6]

Ты обо мне думаешь, — благодарю. Ты знаешь сам, как ты мне дорог. Оторвался бы от всего и бежал бы к вам. Отвечай, ради бога, скорее. Ты один у меня.

Д‹остоевский›.

157. Э. И. ТОТЛЕБЕНУ

4 октября 1859. Тверь

Милостивый государь Эдуард Иванович,

Еще раз обращаюсь ко всей снисходительности и доброте Вашего сердца. Простите меня за новую просьбу. С тех пор как Вы, приняв участие в судьбе моей, сделали для меня столько добра и дали мне возможность начать новую жизнь, — с тех пор я смотрю на Вас как на моего избавителя в тяжелом положении моем, которое и до сих пор еще не кончилось.[1] Я наконец вышел в отставку, которая, не знаю почему, тянулась полтора года.[2] Страдая падучей болезнью, я проехал с женою и с пасынком моим 4000 верст и поселился покамест в Твери. Но положение мое почти не улучшилось. Позвольте, благороднейший Эдуард

Иванович, объяснить мне Вам это положение и простите мою новую просьбу, с тою же добротою, с тем же великодушием, как и три года назад, когда Вы спасли и воскресили меня, — чего я никогда не забуду.

Уезжая из Сибири, я надеялся, что по приезде в Россию, скоро и без затруднений, достигну возможности жить в Петербурге. Так как я знал, что для въезда в Петербург я должен буду просить позволения, то и решился покамест остановиться в городе Твери. И вот я уже полтора месяца здесь и не знаю, чем и когда кончатся все затруднения. Между тем мне нет никакой возможности не жить в Петербурге. Я болен падучею болезнию; мне нужно лечиться серьезно, радикально. Меня обнадежили, что припадки моей болезни еще могут быть совершенно вылечены; если же не буду лечиться, то я погибну. Я знаю, что такая болезнь, как моя, — болезнь трудная, не только для обыкновенного доктора, но даже и для доктора-специалиста по этой части. Доктора же губернские, сколько я присмотрелся к ним, двух разрядов: или молодые, только что выпущенные из университетов, или старики, люди достойные всякого уважения, но совершенно забывшие медицину. Лечиться у них — себя портить и мучить. Мне хотелось бы пользоваться советами ученого медика, специалиста, в Петербурге. Но и кроме болезни у меня есть другие причины, по которым мне надобно непременно жить в Петербурге, не менее важные и, может быть, еще важнее. Я женат; у меня есть пасынок; я должен содержать жену и воспитать ее сына. Состояния я не имею никакого. Я живу своим трудом и трудом нелегким — литературным. Я чрезвычайно проигрываю, имея дело с литературными антрепренерами заочно. Много уже денег потерял я таким образом. У меня есть даже и теперь дело, об издании выбора из моих сочинений, которое никаким образом не может устроиться без моего личного участия, а между тем оно могло бы меня обеспечить года на два, а при успехе и гораздо более, так что я, может быть, в первый раз в жизни, имел бы возможность, обеспечив себя, писать не на заказ, не для денег, не к сроку, а совестливо, честно, обдуманно, не продавая пера своего за кусок насущного хлеба. Я уже не говорю о всех других причинах — например, о братьях моих, с которыми я был десять лет в разлуке. Две недели тому назад я был у здешнего губернатора графа Баранова. Я изложил ему всё мое дело и просил передать мое письмо к князю Долгорукому, шефу жандармов; в письме моем я прошу князя исходатайствовать мне у государя позволение поселиться в Петербурге для излечения моей болезни и для всех тех причин, о которых я сейчас упомянул. Уже многие из сосланных по нашему делу получили позволение на въезд и на жительство в столицах;[3] и потому я мог бы надеяться. Граф Баранов принял меня прекрасно и обещал всё с своей стороны; но советовал только подождать до половины октября, потому что князя нет в Петербурге. Я знаю, что я могу надеяться; но я знаю тоже, что

за формальностями дело может протянуться чрезвычайно долго. Хорошо, если ограничатся справками о моем поведении в Твери; но, пожалуй, пошлют спрашивать об этом в Сибирь. Я слышал тоже, что князь чрезвычайно мнителен в этих делах, и потому, может быть, не решится скоро доложить государю... Эдуард Иванович! Спасите меня еще раз! Употребите Ваше влияние, как и три года назад. Может быть, если б Вы сказали обо мне князю Долгорукому, то побудили бы его поскорее кончить дело. На Вас вся надежда моя. Знаю, что беспокою Вас и, может быть, очень. Но простите больному, несчастному; а я до сих пор несчастен.

Примите самое искреннее уверение в самом искреннем уважении — преданности и благодарности, которыми преисполнено к Вам мое сердце.

Федор Достоевский.

Тверь, 4 октября 59.[4]

158. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

4 октября 1859. Тверь

Тверь 4 октября 59.

Бесценный друг мой, Александр Егорович, милое письмо Ваше я получил назад тому дня три, хотел отвечать тотчас же, но задержало письмо к Эдуарду Ивановичу да и другие дела. И потому спешу написать теперь. Во-первых, дела. Прилагаю тут же письмо к Эдуарду Ивановичу.[1] Прочтите его, запечатайте, надпишите адресс и передайте Эдуарду Ивановичу, если возможно, лично. Надеюсь на Вас во всем. Поддержите меня и попросите его за меня. Мое положение в Твери прегадкое. Я здесь сделал знакомство, между прочим с графом Барановым (губернатором). Графиня прекрасная женщина (Васильчикова урожденная), которую я встречал еще девушкой в Петербурге, у их родственника Соллогуба, о чем она мне сама первая напомнила. Она мне и тогда очень понравилась. Но несмотря на все эти знакомства, мне здесь невыносимо. Всё что я писал Эдуарду Ивановичу — справедливо до последней точки. Я страдаю и нравственно и физически, да и дела мои в запущении. И потому, бесценный мой Александр Егорович, на Вас надежда моя. Уведомьте меня, ради бога, когда передадите письмо, как его принял и что сказал Эдуард Иванович.[2]

То, что Вы остаетесь зиму в Петербурге, меня чрезвычайно обрадовало. Действительно будет время поговорить и вспомнить прошедшее. И настанет же наконец это время, не всё же мне маяться! Известие, что X. готова *опять начать,* меня несколько беспокоит.[3] Ради бога, будьте осторожнее. Кроме худого, кроме новых *цепей* — ничего быть не может. Да и не возвратится то, что уже давно прошло. Эта женщина должна бы знать это. Да,

наконец, и лета ее. Конечно, ей вся выгода Вас опять заманить, но не Вам.

Пишете Вы мне о другой особе и о тяжких обстоятельствах. То, что Вы говорите, действительно нерадостно. Желал бы я это знать в подробности, только, уж разумеется, не на письме. На письме ничего не выйдет.[4] Сколько я ни размышлял о Вас, голубчик мой, на днях, мне всё кажется, что Вы точь-в-точь остались такой же, как и были, то есть сердцем.[5] Это и хорошо, а отчасти и дурно. Я так рад был за Вас, два года назад, когда Вы ушли путешествовать. Я думал, что Вам это поможет, переродит Вас.[6] Очень рад, что с отцом у Вас лучше дела. Знаете ли, что это почти главное и что этим очень, очень нужно дорожить?

Вы пишете, что Вам нужно устроиться. Но неужели эти дела еще не решены у Вас с отцом? Боже мой, какое же, однако ж, Ваше положение? Разрешить его необходимо, но как можно мягче. Вот мое мнение. Впрочем, об этом много поговорим, и поговорим душа в душу. Вы правы,[а] говоря о моей дружбе. Никто никогда не желал Вам столько добра, сколько я. Что Ваши сестры?[7] У меня два толстых и незапечатанных пакета Вашей домашней переписки. Разумеется, я ничего не читал. Если мне позволят приехать в Петербург, то первоначально я приеду один, без жены, и остановлюсь у брата. Пробуду в Петербурге с неделю. Найму квартиру, всё устрою и тогда уже отправлюсь за женой и за Пашей, которого надо пристроить. Напишите, куда бы пристроить моего мальчика, но так, чтоб получше, где легче, где возможнее и скорее? Дайте мне совет. À propos: * знакомы ли вы с Петром Петровичем Семеновым, который был у нас в Сибири, после Вас, — мой превосходный знакомый. Это прекрасный человек, а прекрасных людей надо искать.[8] Если знакомы, то передайте ему мой поклон и расскажите ему обо мне.

Марья Дмитриевна Вам очень кланяется. Я уже писал Вам, что она очень часто Вас вспоминает. Ваш портрет постоянно у нас на столе. Прощайте, бесценный мой, посещайте брата.[9] Обнимаю Вас. Помните Вашего друга — пишите.

Ф. Достоевский.

а *Далее было начато:* у Вас не
* Кстати (*франц.*).

159. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

9 октября 1859. Тверь

Тверь, 9 октября 59.

Получил, бесценный мой Миша, твое письмо от 6-го вчера, в ту минуту, когда сам сидел за письмом к тебе. Твое письмо меня огорошило.[1] Я отложил начатое послание до сегодня, чтоб обдумать всё здраво и хладнокровно — и хорошо сделал. Теперь

я всё расположил в уме своем и сообщаю тебе мою окончательную мысль. Всё письмо это будет самое эгоистическое, об одних моих делах. Приготовься же слушать.

Во-первых, голубчик мой, на Некрасова предложение согласиться *невозможно*. Ты правду говоришь: всё оттого, что *торгаши*.[2] Правда и то, что роман[а] им *не очень* понравился, или, по крайней мере, они остались в сомнении. Им не в первый раз становиться в тупик и браковать хорошие вещи. Правда, и роман не имеет *внешнего* эффекта. Что Некрасов[б] в сомнении, — это он тонко дал знать известием, что давал читать одному из ближайших сотрудников «Современника».[3] Но что они не находят его совсем дурным, доказывает то, что они предлагают за него деньги. За совершенную дурную вещь не дали бы нигде ни гроша.

Правда, наконец, и то, что сомнения их не очень сильны и что, может быть, они находят вещь хорошею. Но торгашество обуяло. Я как будто наизусть вижу их образ действия. *Во-первых*, я бьюсь об заклад, что Некрасов справлялся из-под руки в «Русском вестнике» и узнал всю историю.[4] Да и времени довольно было справиться. Там в «Р‹усском› в‹естнике›» наверно провели идею, что «зелен; ягодки нет зрелой».[5] Оба журнала пикируются между собою издавна. Щекотливо напечатать то, что забраковал «Р‹усский› вестник», и дать 120, за что «Р‹усский› вестник» не дал и 100. Надо было поломаться. Купить непременно *дешевле* 100 и поместить в будущем году, в *летних* месяцах, чтоб показать литераторам и публике, что купили для балласта. Таким образом в случае неуспеха они себя обеспечили. А если успех, — давай бог! Они ничего не теряют. Во-первых, за хорошую вещь заплатили страшно дешево, — значит, умеют обделывать дела. *А во-2-х*, умели угадать хорошее, там, где «Вестник» не умел ничего разобрать... Но и кроме того, кроме всех этих интриг с «Вестником», Некрасов — чуткое животное. Узнав историю с «Вестником» и зная, что я, приехав из Сибири, истратился, нуждаюсь, — как не предложить такому пролетарию сбавку цены? Непременно согласится! — думают они. Он нарочно и продержал так долго, зная наверно, что я в ожидании и уверенности денег загрязну в нужде еще более и соглашусь наверно на всё, что мне ни дадут, — были бы хоть какие-нибудь деньги!

На это вот мое мнение: по крайней нужде моей согласиться бы можно. 1000 р. всё же деньги, и для меня большие. Но с этим сопряжено сильное нравственное унижение. Положим, что и с унижением можно бы согласиться; наплевать на них! Но вред впоследствии. Я совершенно лишусь всякого литературного значения впоследствии. Мне предложат 50 целковых. Даже в случае успеха «Степанчикова»— ничего не будет. Современники нарочно не поддержат меня, именно чтоб я и вперед брал не много. Под-

---

а *Было:* он

б *Было:* он

лецы! Друг мой, Миша! Согласиться невозможно! Одно: я должен тебе 700 и теперь, без куска хлеба, у тебя же на время буду искать помощи, а ты сам стеснен. Это одно может заставить меня изменить свое мнение. Ты пишешь, чтоб я о моем долге тебе не беспокоился.[6] Ах, Миша! Ты только великодушен и больше ничего. Дела-то твои от этого не улучшатся. Но, друг мой, я долго думал, и у меня явились несокрушимые, вернейшие проекты. Подождем немного, откажем Некрасову и если нам удастся, — тогда нам честь и слова и, главное, *независимость*! Я заслужу тебе за это! Но прежде чем я объясню тебе мой вернейший и несокрушимый проект, кончим с Некрасовым. И вот как надо поступить: если я не разорю тебя семью стами и можно подождать еще немного, — то отказать Некрасову и отказать непременно. Но сделать это самым мягким, самым сладким и нежным образом. Ради бога, друг мой, повидайся с ним для этого лично. Если он мне напишет письмо (как говорил), — я отвечу ему сладостнейшим образом. Отлично было бы, если б ты сказал ему между прочим так: «Впрочем, этот роман, будет покамест лежать у меня, брат мой не хочет теперь его предлагать в другие журналы. У брата на это какие-то особенные цели». Если можно, скажи так. Впрочем, оставляю на твое благоусмотрение. Скажи, что я чрезвычайно жалею, что не мог *в этом случае* с ними сойтись. Как бы хорошо было, голубчик Миша, если б ты постарался что-нибудь разузнать под рукою, что у них там происходило и как их мнение о романе? Конечно ясно, что всего узнать нельзя, но что-нибудь профильтруется. Узнай и сейчас мне напиши. Наконец, на случай, если Некрасов скажет: «Я подумаю» и предложит какую-нибудь прибавку, то отвечай ему, что ты немедленно меня уведомишь. Вообще крайняя к тебе просьба: повидайся с ним, для получения романа, лично, и опиши мне весь твой разговор с ним, твои *впечатления* и *наблюдения* — в полной подробности. Хотя бы ничего не было, и то напиши. Что потом услышишь об этой истории — тоже напиши (от Майкова, например). Затем возьми роман и дело с концом.

Взяв же роман, оставь его лежать у себя. Предлагать его в «Отечеств‹енные› записки» или другим, кому бы то ни было, — *не надо*. Роман оплеван и, покамест, лишился всей своей репутации. (Был у меня Минаев; я обещал в «Светоч» сотрудничество, ни к чему, впрочем, не обязываясь).[7] Если «Отечеств‹енные› записки» или даже минаевский журнал станут искать и предлагать, мое мнение, не отдавать им роман. Он оплеван, и, появись он теперь *не в «Современнике»,* его оплюют еще больше. Разве если Краевский даст 120 или Минаевы. Тут еще можно подумать. Ты известишь тогда меня и напишешь о том, как ты думаешь. Но это всё только в том случае, *если сами* «Отечест‹венные› записки» или кто-нибудь сделают предложение. *Сам же ты* не предлагай никому и даже вида не делай, что думаешь им делать предложение. Пусть роман покамест лежит у тебя — и дело

с концом! Я напишу тебе, в конце письма, что с ним делать. А теперь к моему проекту. Слушай внимательно:

NB. Сейчас только, бесценный друг мой, получил я вчерашнее письмо твое (от 7-го).[8] И вот что скажу: что ты ездил к Некрасову — это хорошо. Но, ради бога, с ними мягче и нежнее. Не нужно и виду подавать, что мы горюем и трусим. Не нужно им выказывать досаду. Я ведь уверен, что, *впоследствии*, наша возьмет. Теперь надо только спасать себя от скандала. Если Некрасов начнет торговаться или только заикнется о том, то с любезностью отвечай ему, что ты мне это сообщишь, а что, впрочем, ты мои мысли знаешь и, как уполномоченный мой, объявляешь, что я от прежних условий (120 р.) не отступлю. Насчет прочтения Дудышкину, — хорошо; но так, чтоб это дело осталось между Майковым, тобою и Дудышкиным.[9] (Майкову я написать не могу теперь. Я завален делами, чрезвычайно важными, о которых тебе напишу в конце письма. Пожми ему руки и скажи, что я на него надеюсь. Он мне друг и искренно желает мне добра. А лучше всего прочти ему это письмо мое, конфиденциально.)

Но вот что мне не нравится: если мы будем *навязываться* сами «Отечественным запискам». Роман оплеван, и его похоронят гробовым молчанием. К тому же он действительно не эффектен. Даже помещать в «Отеч‹ественных› записках» теперь, *при интригах*, не своевременно. Я уже сказал тебе, что я напишу в конце письма, как я располагаю действовать насчет романа. Но, впрочем, если «Отеч‹ественные› записки», без затруднений, дадут 120 — соглашусь. Я в такой нужде, что не вправе не согласиться. Не называй моих мыслей — высокомерием. Это просто — расчет, ибо я имею *многое* в виду. Пусть обсудит это и Майков. Но, повторяю, за 120 р. и деньги 1200 вперед соглашусь. В «Светоч» же, если за 150, соглашусь непременно. Деньги хорошие. Во всем остальном поступлю по твоему совету (то есть если Некрасов мне напишет письмо).

Теперь к моему проекту. Обсуди его хорошенько, секретно сообщи и Майкову и посоветуйся тоже с ним.

Во-первых, ты пишешь, что теперь уж год писать нельзя, а нужно спешить и к новому году приготовить тот роман, о котором я тебе рассказывал (с страстным элементом) и таким образом обратить разом на себя внимание. Отвечаю на это: это нельзя. Я лучше с голоду умру, чем буду портить и торопиться. Да и роман тот уже уничтожен.[10] У меня другая мысль: не знаю, обратил ли ты, дорогой мой, внимание на последнее письмо мое, в котором я говорил тебе, что хочу написать «Записки из Мертвого дома» (о каторге), — и тогда же просил тебя закинуть об этом словечко Некрасову и Краевскому? (Вообще ты иногда не пишешь, что получил от меня такое-то письмо; и я могу думать, что не дошло. Всегда извещай, что получил).[11] Эти «Записки из Мертвого дома» приняли теперь, в голове моей, план полный и определенный. Это будет книжка листов в 6 или 7 печатных.

Личность моя исчезнет. Это записки неизвестного; но за интерес я ручаюсь. Интерес будет наикапитальнейший. Там будет и серьезное, и мрачное, и юмористическое, и народный разговор с особенным каторжным оттенком (я тебе читал некоторые, из записанных мною на *месте*, выражений),[12] и изображение личностей, никогда не *слыханных* в литературе, и трогательное, и, наконец, главное, — мое имя. Вспомни, что Плещеев приписывал успех своих стихотворений своему имени (понимаешь?).[13] Я уверен, что публика прочтет это с жадностию. Но в журналах печатать это, — теперь уж не надо! Мы напечатаем отдельно. Я так рассчитываю: к 1-му декабря я кончу; в декабре цензуровать (отдать образованному цензору), в генваре печатать и в генваре же в продажу.[14] Печатать в формате Милюкова (о «Русской поэзии») и тем же шрифтом. Если книжка выйдет равная по толщине с Милюковой, то цена ей 1 р. 50 коп., если же тоньше, то 1 р. 25 коп.[15] Печатать *непременно* самим, а не через книгопродавцев. За интерес я *уверен*, как то, что я живу. 2000 экземпляров разойдутся все в один год (*я уверен,* что в полгода), предположим 1 р. 25 к. — вот 2000 рублей в год. Вот на первый случай и деньги, и деньги вернейшие.

Но может быть ужасное несчастие: запретят. (Я убежден, что напишу совершенно, в высшей степени цензурно.) Если запретят, тогда всё можно разбить на статьи и напечатать в журналах отрывками. Деньги дадут, и хорошие. Но ведь это несчастье! Волка бояться и в лес не ходить. Если запретят, то можно еще попросить. Я буду в Петербурге, я через Эд‹уарда› Ив‹ановича›[16] пойду к его императорскому высочеству Николаю Николаевичу, пойду к Марье Николаевне. Я выпрошу, и книга получит еще более интересу.

Но если и запретят, то и другой источник, другой проект, который необходимо исполнить во всяком случае, запретят или не запретят. Это — издание сочинений. Их можно издать в трех видах (посоветуйся, голубчик мой, с Майковым).

1-й вид. «Бедные люди», «Неточка Незванова» 6 глав, «Белые ночи», «Детская сказка», «Елка и свадьба», «Честный вор», «Ревнивый муж». — Всё это в одной книжке, в формате: «Очерки из крестьянского быта» Писемского 1858 год. За эту книжку 2 р. сер‹ебром›. Назвать эту книжку: «Старые повести».

2-й вид. 2 книжки, в формате того же Писемского[в] и на такой же толстой (прекрасной) бумаге (каждая часть выйдет толще Писемского).

1-я часть. «Бедные люди», «Белые ночи», «Детская сказка», «Елка и свадьба».

2-я часть. «Дядюшкин сон». «Неточка Незванова» 6 глав. «Честный вор» и «Ревнивый муж». — Обе части 3 руб. сереб‹ром›.[17]

[в] *Далее было:* в двух частях

NB. («Двойник» исключен, я издам его впоследствии, *при успехе*, отдельно, совершенно переделав и с предисловием.) [18]

Чтоб не мешкать, умоляю тебя, голубчик мой, прислать мне по возможности скорее мои сочинения (кроме «Бедных людей», «Двойника», «Дядюшкина сна» и всех тех, которые не обозначены выше, в проекте издания). Я их переправлю скоро, по печатному шутя, нисколько не отвлекаясь от писания «Мертвого дома», и немедленно вышлю к тебе. Печатать их можно в двух случаях: или своими средствами, или продать книгопродавцу.

1) Если своими средствами: в конце октября я тебе вышлю всё исправленное. Ноябрь — цензура. Декабрь — печать и в середине января вместе с «Мертвым домом» они в продаже.

«Мертвый дом» напечатать будет стоить 300 р. (Это maximum). Сочинения в 1-м виде — от 600 — до 700, *во 2-м виде* 1000 р. серебром, всего 1300 р. сереб‹ром›.

За деньгами для напечатания поклонюсь вам всем, моим спасителям. Дадут деньги поровну: ты, Саша, Варя, Верочка (им я писал письма) [19] и, если можно, дядя.[20] С тебя возьму не деньгами, а дай только вексель на 6 месяцев за бумагу; выручу к сроку.

NB. Но во время писания, теперь, я должен жить. Вот ужасно! А у меня осталось 30 целковых. Месяца на четыре я должен быть обеспечен. Где взять? Не оставь, брат! Обратись к Саше, подыми всех родных. Ведь мне надо 300—400 р. по крайней мере. Только бы тут-то удержаться, а ведь там, потом, хорошо будет. Сочинения начнут продаваться не дурно, я уверен, тем более, что «Записки из Мертвого дома», которые будут продаваться отдельно, заинтересуют публику и *вынесут* и сочинения, которые явятся в одно время в свет. Пусть я в год продам до 1000 экземпляров (печатать 2000), если издать в *1-м виде*; то тогда я имею с них 1200 р. С двумя тысячами за «Мертвый дом» у меня 3200.

Счет: долги тебе 700, печать 900, житье 400, итого 2000; у меня остается 1200 р. на житье. Это хорошо.

Если во 2-м виде, то, за всеми расчетами, останется 2000. Есть чем ‹жи›ть.[г] А надеяться, что обе книги, одна другую выручат, очень можно.

Если же издать через книгопродавца (только одни сочинения), то можно их, в 1-м виде, продать за 1000 р., *во втором виде* за 1500 и никак не меньше. Разумеется, надо просить сначала больше. Полученная, таким образом, разом, сумма, совершенно бы помогла мне заплатить все долги, а «Мертвый дом», продаваясь, дал бы мне хорошие и верные средства жить. Вот тебе инструкция насчет книгопродавцев, и, умоляю тебя, следуй этой инструкции пунктуально. Во-1-х, *во всяком случае* начни действовать теперь же. Попроси помочь Майкова. Поговори не-

---

г *Текст письма поврежден.*

медленно с книгопродавцами насчет 1-го и 2-го вида. Поторгуйся. Упомяни, что *имя* (понимаешь?). Ведь теперь самый *лучший* и удобный момент для начала действий. Если книгопродавец не осел, он поймет, что значит имя. Если они согласны, немедленно задаток. По выходе из цензуры — контракт (я тебе пришлю полномочие по форме, по закону). Контракт следующий: 1) Рукопись в руки — деньги в руки. 2) Печатать 2000 экземпляров — никак не больше (в крайнем случае можно 2400). 3) Я имею право печатать после этого издания через 2 года. 4) В течение этого времени, если все экземпляры выйдут, книгопродавец не имеет права делать 2-го издания. 5) Начать издание немедленно.

Если[д] продать книгопродавцу, то можно напечатать и в 3-м виде. Я буду согласен. Это вот как: 3 тома. 1-й и 2-й томы как во 2-м виде, а 3-й «Степанчиково» (нигде не напечатанное), просить за всё 3500 р., можно согласиться на 3300 р., то есть 1800 за «Степанчиково», 1500 за сочинения. Предложи и так; если возьмут, я согласен.

Вот мои средства, голубчик мой, и расчеты на будущий год. Но есть и еще. В декабре я начну роман (но не тот — м‹олодой› человек, которого высекли и который попал в Сибирь).[21] Нет. Не помнишь ли, я тебе говорил про одну «Исповедь» — роман, который я хотел писать после всех, говоря, что еще самому надо пережить. На днях я совершенно решил писать его немедля. Он соединился с тем романом (страстн‹ый› элемент), о котором я тебе рассказывал. Это будет, во-1-х, эффектно, страстно, а во-2-х), всё сердце мое, с кровью положится в этот роман. Я задумал его в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения. Он естественно разделится романа на 3 (разные эпохи жизни), каждый роман листов печатных 12. В марте или в апреле, в каком-нибудь журнале, я напечатаю 1-й роман. Эффект будет сильнее «Бедных людей» (куда!) и «Неточки Незвановой». Я ручаюсь. Друг мой, Миша! Ты думаешь, я упал духом. Клянусь, я только возбудился еще более после вчерашнего твоего письма, работать, воевать, создать себе имя литературное, — вот чего я теперь хочу. Но не оставляй меня, ты мой ангел-хранитель. Поддержите меня. Я буду писать сестрам, чтоб дали мне чем жить. «Исповедь» окончательно утвердит мое имя.[22] Тогда-то, может быть, и сами Современники пришли бы ко мне за «Степанчиковым», или я бы издал его тогда отдельно. Но я сказал уже, если «Отеч‹ественные› записки» дадут 120 — хорошо. Согласен, но как бы мне хотелось, если б Ап‹оллон› Никол‹аевич› сам прочел «Степанчиково», *один* прежде Дудышкина и откровенно сказал бы свое мнение.

Я занят теперь очень: я пишу не Долгорукому, а прямо письмо к государю.[23] Баранов передаст. Государь милостив. Его воля; но если скажет: *да*, то сейчас же я и в Петербурге, без

д *Далее было начато:* дей‹ствовать?›

проволочек. Ради бога. Это секрет, никому не говори. Сестрам писал. Деньги у меня выходят. Брат! Не сочти меня эгоистом! Пойми, что вся карьера моя, может быть, в этом. Прости мне мой эгоизм и спаси меня. Сестрам писал, напишу еще. Но ради бога, отвечай скорей, как можно подробнее.

№. Жизнь моя здесь ужасная, ты меня поймешь. Не понимаю, как еще я не падаю совершенно духом. Прощай, пиши как можно скорее и подробнее. Твой.

160. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

11 октября 1859. Тверь

Тверь 11 октября 59.

Добрейший мой Миша, получил твое письмо от 9 октября и сейчас же отвечаю. Очень беспокоюсь: получил ли ты мое письмо (большое, на 2 листах)? Вчера должен был получить. Я его писал 9-го.[1] По штемпелю на твоем письме значится, что оно пошло из Петербурга 10-го. Впрочем, зачем терять надежду; надеюсь, что получил и потому знаешь, что я не рассердился и что не было и тени подобного вздора. На тебя ли я рассержусь, голубчик ты мой? Но к делу:

Ты уж знаешь из большого письма все мои надежды и инструкции. Теперь дело затевается с Краевским. Штука важная. Ты спрашиваешь о цене, и вот тебе на этот счет последнее слово: 120 р. с листа, обыкновенного крупного журнального шрифта, которым печатаются повести, — и ни копейки меньше. Если же *en bloc* * — другое дело. В таком случае я уполномочиваю тебя продать Краевскому за 1700 и ни копейки меньше, да и то если, по крайней мере, 1000 руб. даст *тотчас же*, то есть на этих днях.[2] (Надо бы спрашивать и настаивать на все 1700 вперед, то есть так: рукопись в руки, деньги в руки. Насчет цензуры не может быть и тени сомнения; ни одной запятой не вычеркнут.) Если Краевский напечатает *непременно* в этом году, то можно взять только 1000 вперед, а 700 при напечатании. Если же в начале будущего года, то 1700 *сейчас*, и *ни копейки меньше*.

Объясни, ради бога, Краевскому, что если по 120 р. с листа, то за 15 листов придется 1800 р., след‹овательно›, я теряю 100. А ведь я *наверно* полагаю, что будет еще более пятнадцати листов. След‹овательно›, ему вся выгода купить за 1700 р.

Если «Светоч» дает 2500 р. — (за «Степанчиково»), то *разумеется* отдать.[3] Что же может быть лучше? Пусть у них ни одного подписчика, зато 2500 р. и в мнении других журналов утвердится ценность моих сочинений, то есть стыдно будет дать меньше 2000 или 1800 за такую вещь, за которую я сейчас же,

* целиком (*франц.*).

не думавши, могу взять 2500. К тому же у меня в будущем году еще две вещи могут быть напечатаны: «Мертвый дом»[4] и *первый эпизод большого романа*.[5] Это пойдет в «Современник». Небось, тогда не упустят, да я и отдам-то с рекомендацией. Что же касается до «Мертвого дома», то ведь у них не бараньи головы. Ведь они понимают, какое любопытство может возбудить такая статья в первых (январских) нумерах журнала. Если дадут 200 р. с листа, то напечатаю в журнале. А нет, так и не надо. Не думай, милый Миша, что я задрал нос или чванюсь с моим «Мертвым домом», что прошу 200 р.? Совсем нет; но я очень хорошо понимаю любопытство и *значение* статьи и своего терять не хочу.

Этой статьей да еще будущим романом (если о нем ловко говорить заранее, теперь, что вот, дескать, пишется) можно заткнуть глотку «От‹ечественным› запискам» и «Современнику», чтоб не ругались в журналах за то, что не уступил я им «Степанчикова», в надежде иметь будущего сотрудника.[а] А что у «Светоча» читателей мало, — так это вздор. Мне же лучше. Когда издам отдельно, тогда роман[б] будет мало знаком публике и будет иметь вид новости.

Кстати, о «Степанчикове». Я писал Плещееву, чтоб он узнал *наверно*: почему именно «Русский вестник» возвратил мне рукопись? и получил ответ,[6] что он узнавал и *наверно* знает, что они испугались 100 р. с листа. Что Катков бы и дал, но что всем журналом управляет Леонтьев и держит Каткова в руках и что это такие скряги, которых и на свете не было. Про роман же они говорят, что от начала они были просто в восторге, но что конец, по их мнению, слаб и что вообще роман требует сокращений.

Наконец заключу одним *главнейшим замечанием*, которое я и забыл в прошлом (большом) письме. Именно: если Некрасов станет торговаться и будет *резоннее*, то, во всяком случае, преимущество ему. Как жаль, как мне крайне жаль, что он не застал тебя дома![7] Тогда бы мы знали его мысли наверно. Нельзя ли, голубчик мой, *как-нибудь* увидать его поскорее! Видишь ли: очень важно то, что роман будет напечатан в «Современнике». Этот журнал прежде гнал меня, а теперь сам хлопочет о моей статье. Для литературного моего значения это очень важно. 2-е) Некрасов, возвративший тебе рукопись и *пришедший опять за ней* и (если б так было) наконец вошедший в резон, всеми эти‹ми› проделками придает чрезвычайное значение роману. Значит, роман[в] недурен, если из-за него так хлопочут и торгуются. Мимоходом скажи Некрасову откровенно мнение «Русского вестника» о романе (и про Леонтьева и назови его скрягой); прибавь Некрасову, что я сам очень хорошо знаю недостатки

[а] в надежде ∾ сотрудника *вписано.*
[б] *Было:* она
[в] *Было:* он

своего романа, но что мне кажется, что и в моем романе есть несколько хороших страниц. Скажи этими словами, потому что действительно таково мое мнение. Да не худо это же сказать и Краевскому. Говори им откровеннее. Откровенность — сила.

NB. Теперь я завален делами. Писать начну («Мертвый дом») после 15-го. У меня болят глаза, заниматься решительно не могу при свечах; все хуже и хуже. Получил письмо от Саши. Прощай, мой голубчик, обнимаю тебя. Пиши мне. Постарайся видеть Некрасова. Присылай старые сочинения для переправки. Поговори с книгопродавцами. Я думаю, лучше всего издать во 2-м виде.[8] Прощай, голубчик мой, благодарю тебя за все старания. Пиши.

161. П. А. ДАВЫДОВУ

14 октября 1859. Тверь

Тверь, 14 октября 1859 г.

Милостивый государь Петр Андреевич,

Уверен, что Вы крайне удивляетесь и даже негодуете на меня за мое молчание. Обещался писать и *уведомить* скоро и, между тем, ни слуху ни духу, точно исчезли.[1] Но не очень сердитесь, дорогой и любезнейший Петр Андреевич: без вины виноват перед Вами. Я своих добрых знакомых никогда не забываю. А Вас я уже давно отличил как честнейшего и благороднейшего человека. Если же до сих пор молчал, несмотря на то, что обещался как можно скорее Вам написать об известном деле, то это единственно от огромных хлопот, которые здесь выпали на мою долю. Хлопоты самые разнообразные. Дело в моем переезде в Петербург. Это дело приняло такие разнообразные и затруднительные формы, потребовало столько многоразличных хлопот, о которых я и не подозревал, что я сделался как-то несвободен духом, до тех пор покамест всё улажу и устрою, что, впрочем, и идет на лад. Не то чтобы время у меня было несвободно; духом я был несвободен. Вот почему и молчал и всё ждал, как уладится главное, что меня беспокоит. Тогда, повторял я себе, тогда напишу всем моим сибирским друзьям. Поверите ли, что я никому еще не писал в Семипалатинск — ни Михаилу Александровичу,[2] ни Гейбовичам (хотя и получил от него письмо из Аягуза).[3] Гейбовичу непременно напишу на этой же неделе. Ему я обещал письмо длинное и подробное; да и он меня не забыл.[4] Добрейшего и благороднейшего Михаила Александровича тоже уведомлю. Жена каждый день собирается писать к Елене Ивановне[5] и откладывала всё до необходимейшего устройства некоторых дел. Выходит, что Вам я пишу первому, так как[a] перед Вами

---

[a] *Далее было:* Вы

я виноват (хоть и без вины). Знаю, что надо было раньше уведомить. Но к делу: первым словом моим брату моему, в первый же день по свидании с ним было о Вас. Он сказал, что дело было бы прекрасное, но у него нет такого точно места, которое необходимо Вам. Я подробно и добросовестно изъяснился с ним о Ваших потребностях. Жалование 35 руб. в месяц, на Вашем содержании, для Вас не годится. На этих условиях брат был бы очень согласен. Но я знаю, что эти условия для Вас решительно не годятся. Брат говорил мне резонно: что если вызвать Вас из Сибири, с семейством и вдруг, Вы увидите, что нужды Ваши в Петербурге пересилят средства, тогда — говорил мне брат — «ты на себя пенять должен, что напрасно обнадежил человека и поступил легкомысленно». Я это всё очень хорошо понимаю. Спрашивал я брата о других местах; он сказал, что жалования и везде такие, как у него; но что вообще места так разнообразны и многочисленны, что, разумеется, можно со временем найти, что следует. И потому вот мое заключение: на будущий год искать нечего. Но в будущем году, если Вы позволите мне, я буду работать для Вас, и в будущем году надежды могут иметь успех. Во-первых, я сам буду в Петербурге, а во-2-х, через людей (а у меня они есть) — в Петербурге можно всё сыскать, решительно всё. Повторяю мое обещание, что если что и сообщу Вам в течение будущего года, то сообщу *точно* и *положительно*, а не легкомысленно. Впрочем, Вы терять ничего не можете. Мне чрезвычайно бы хотелось, чтобы Вы не оставались в Сибири, и потому у меня Ваши интересы на сердце. Если что найдется хорошего, тем лучше будет для Вас; сведения будут сообщены Вам точные и положительные, и окончательное решение будет совершенно зависеть от Вас. Напишите мне что-нибудь и уведомьте о своих намерениях. Я уверен, благороднейший мой Петр Андреевич, что Вы не захотите раззнакомиться со мною из одной лени писать. На письмо Ваше отвечу более подробно чем теперь; ибо теперь имею в виду только уведомить Вас о главном деле. Большой поклон мой Настасье Петровне.[6] Жена тоже ей кланяется. Поклонитесь от меня и [6] домашним Вашим, *если захотите им сообщить это письмо.*

До свидания, любезнейший Петр Андреевич. Желаю Вам здоровья и всякого успеха, напишите что-нибудь о Семипалатинске. Адресс мой: в г. Тверь, в доме Гальянова, близ почтамта. Напишу Вам и о себе подробнее.

Ваш весь Федор Достоевский.

---

[6] *Далее было начато:* Ефи‹му?›

162. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

18 октября 1859. Тверь

Тверь, 18 октября 1859 года.

Получил от тебя два письма, одно с деньгами (50 р.), а другое с известием, что ты был у Краевского. За деньги благодарю тебя очень, голубчик мой Миша. Очень кстати пришли. Но вот что, милый друг мой, мне нужно всё, то есть всё то, что можно было рассчитывать при получении вперед за роман и за вычетом тебе 750 р. серебр<ом>. Очень нужно. Для чего? — лучше не спрашивай. Но дело о моем романе тянется-тянется и, кажется, никогда не дотянется к какому-нибудь концу. Тебя я не упрекаю, голубчик мой. Но что ж они важничают? Смешно, право. Неужели же для Краевского не достаточно рекомендации Майкова, да и для Дудышкина также. Но положим, что Дудышкину надо прочесть. Что ж он читает так долго? Одним словом, кажется мне, что они уж очень ломаются и делают вид, что взяли из милости забракованный роман. Я думаю, друг мой, их можно бы и поторопить.

А то ты был в четверг (очевидно, с целью узнать про роман) и, как-будто, не смел и заговорить с ними о романе. Я хочу только сказать, что они-то сами, вероятно, точно так понимают. А я на тебя, голубчик мой, не претендую. Пишешь, что Краевский очень ласков и внимателен, и отмечаешь, что это хороший знак. А по-моему, так это очень дурной знак. Непременно начнут торговаться.[1] А до этого можно бы и не допустить. Одним словом: если действовать настойчивее и независимее, то, право, было бы лучше, внушительнее как-то. Надо бы показать вид, что в них не очень-то нуждаются. По-моему, поторопить надо непременно. Небось, если надо роман, то не возвратят назад. Да и когда они его хотят напечатать? Мне бы очень хотелось, чтоб напечатали в нынешнем году. Вышли публикации об издании «Отечественных зап<исок>» в газетах с перечнью имен их будущих сотрудников, моего имени нет. Слушай, голубчик, нужно ковать железо, покамест оно горячо, покамест есть еще время. Нужно пользоваться всеми выгодами своего положения и всеми дозволенными хитростями; а для этого прими мой совет и подумай о нем, да подумай хорошенько. Вот он:

Видишь ли: покамест роман у Краевского и *последнего слова еще не сказано,* одним словом, — пока есть еще время, — не погрозить ли им конкуренцией? Они смотрят на роман (и непременно, при переговорах, будут делать вид), что он почти забракованный. Надо им решительно доказать, что роман вовсе не забракованный. Тогда они не только не будут торговаться, но даже будут надбавлять. Первое к тому средство: Некрасов. Он ведь был у тебя, не застал дома, сказал, что еще зайдет, след<овательно>, хотел что-то сказать.[2] Отчего бы тебе самому не зайти

к нему (да не письмо написать, на которое надо еще ждать ответа; след‹овательно›, время уйдет), а просто самому зайти. Ведь уж с «Современник‹ом›» дело кончено, ждать с этой стороны почти нечего, след‹овательно›, и терять нечего, а потому зайти не только можно, но даже и должно. Можно нечаянно на что-нибудь наткнуться. Зайдя к Некрасову и *застав его дома*, ты бы ему прямо сказал: «Вы, Николай Алексеевич, тогда-то ко мне заходили. Очень жаль, что я не был дома. Я написал брату, и он тоже очень жалеет, что я Вас не видал. Вы, вероятно, заходили насчет романа и, может быть, хотели предложить что-нибудь новое. Вот видите: роман у Краевского, и я теперь накануне совершения с ним последних условий, но, *впрочем, еще ничем не связал себя с ним* (то есть с Краевским). И потому, если Вы имеете мне что-нибудь сказать, то скажите теперь же. Я имею полномочие от брата кончить дело, когда мне угодно, и сверх того подробнейшие инструкции. Сверх того, говорю Вам откровенно, брат всегда отдаст „Современнику" предпочтение. Он мне сам высказал это. Итак, что Вам угодно было сказать мне?» Случится, что Некрасов сейчас ответит, случится, что и потребует срока для ответа.[a] В таком случае дать ему срок только на один день, объявив, что уж после этого *ждать не будут*. Видишь ли, что из это‹го› выйдет: если Некрасов хоть сколько-нибудь начнет говорить резонно, то можно тотчас же пугнуть Краевского Некрасовым. Оба они пойдут на перебой. И тогда, кто больше даст, тому и роман. Да к тому же, вспомни, голубчик мой, что я тебя особенно просил увидеть Некрасова, чтоб узнать от него все его *соображения* и что он думает о романе, то есть как о нем отзывается? Это очень важно. Это будущий голос «Современника», их отзыв, если только они будут говорить о романе печатно. Всё это слишком для меня интересно. Послушай меня, голубчик, сделай это. Ты нисколько не унизишь ни меня, ни себя перед Некрасовым. Благородная откровенность есть сила. А ты ведь от них ничего не таишь. Мы действуем начистоту. И наконец, ведь уж со стороны «Современника» нечего терять, а можно выиграть, хотя бы тем, что пугнем Краевского. Пойми тоже, Миша, что всё это надо сделать как можно скорее. Уж когда «Отеч‹ественные› записки» объявят свои условия, — будет поздно. Тогда и Некрасов поймет, что, видно, и в «Отеч‹ественных› зап‹исках›» не удается. А теперь ты придешь к нему, еще и не начинав серьезных переговоров с Краевским. Это совсем другое дело. Сказал бы ты тоже Некрасову, что Майкову нравится роман. Майков в дружбе с Дудышкиным. Это бы на Некрасова подействовало: он бы подумал, что «Отеч‹ественные› записки» непременно возьмут роман и за него будут держаться как за хорошую вещь. Славно было бы, если б и Майков, лично, похвалил роман Некрасову. Вообще же надо спешить.

а *Вместо:* потребует срока для ответа — *было начато:* подожд‹ет›.

Теперь *второе средство* пугнуть Краевского.

Я писал тебе, что Минаев был у меня и что я обещал сотрудничество в «Светоч».[3] Съезди к Калиновскому, главному издателю и капиталисту «Светоча». Ради бога, съезди и съезди немедленно. Адресс спроси у Милюкова. Милюков один из редакторов. Войдя к Калиновскому, ты прямо, просто и откровенно скажи ему: «Есть роман. Некрасов предложил условия не такие. Краевский попросил роман, и мы накануне заключения с ним окончательных условий. Но я еще ничем себя не связывал. Между тем Некрасов заходил ко мне, обещался зайти другой раз; след‹овательно›, хочет предложить другие условия. Одним словом, „Современник" и „Отеч‹ественные› записки" перебивают. Некрасов дает до 100 р. с листа, Краевский даст наверно 120, но брату нужны деньги. На днях он писал мне, что г-н Минаев был у него и просил сотрудничества в „Светоч". Брат просил меня переговорить с Вами. Вы, как новый журнал, не имеете еще ни значения, ни подписчиков. Писателю известному и с *любопытным* именем, конечно, лучше участвовать в журналах, имеющих и значение и репутацию. След‹овательно›, если он не отказывается[б] участвовать у Вас, то, разумеется, в надежде, что Вы дадите больше. Что бы Вы дали?» (К этому непременно прибавь, что я пишу теперь прелюбопытные «Записки из *Мертвого дома*», что это явится в одном из известных журналов, кажется в «Современнике», и что это сочинение может еще более заинтересовать насчет автора публику. Да еще прибавь, что «Отеч‹ественные› записки» хотят напечатать[в] мой роман *в этом году*. След‹овательно›, в будущем году я бы мог напечатать его отдельно. А напечатав в «Светоче», я должен буду перепечатать его только через год, след‹овательно›, теряю.) Если Калиновский попросит отсрочки, то скажи, чтоб решались скорее. Если же решит тотчас же и скажет цену, то нам огромная выгода. Торгуясь с Краевским, ты прямо скажешь, что «Светоч» дает больше и деньги вперед. Что брату теперь не до славы; нужны деньги. Что, наконец, брат не ищет ни протекции, ни знаменитых журналов, а поступает с публикой честно. Если роман хорош, то и у Калиновского он будет хорош и там публика заметит, хоть не сейчас, а заметит. Если же худ, то и в «Отеч‹ественных› записках» он будет худ; след‹овательно›, брату смотреть на это нечего и *приплачивать за честь видеть свое имя в «Отеч‹ественных› записках» не приходится*. Но если Калиновский даст 150 р., то с радостию, с богом отдай ему и отдай немедленно. Лучше этого и вообразить ничего нельзя. 2000 с лишком, да это клад. Мне наплевать, что у «Светоча» нет подписчиков. Если роман хорош — не пропадет. А гнева и презрения «Соврем‹енника›» и «Отеч‹ественных› записок» я не боюсь. Во-первых, просто не боюсь,

---

б *Было:* хочет

в *Было начато:* напечатают ро‹ман›

а во-2-х, они же узнают, что у меня «Мертвый дом». Небось: не станут ругать «Степанчикова». И потому вот тебе, друг Миша, для Калиновского условия: 150 р. с листа. Половину вперед немедленно, а другую по напечатании. Печатать в январе и в феврале. Голубчик мой! Сделай мне это, сделай, ради бога, будь друг, докажи что ты мне друг. Пойми, что это мой будущий хлеб и что надо ковать железо пока горячо. Если ты мне друг, то сделаешь. Прости меня за то, что беспокою тебя. Отслужу тебе за это. Уж этот роман надоел мне. Во всяком случае *отвечай* поскорее.

Письмо мое к государю пойдет завтра в Петербург, чрез Адлерберга.[4] Это еще и прежде решено было. Но ты, впрочем, Миша, не очень об этом рассказывай. По крайней мере теперь. Что будет — не знаю. Государь милосерд. Но, однако ж, могут быть задержки, справки у Долгорукого и т. д. Во всяком случае, я не надеюсь, голубчик мой, увидеть тебя очень скоро. Предвижу это. Насчет письма Ждана-Пушкина и пакета к Марье Дмитриевне, то пришли их непременно.[5] Прощай, мой бесценный, обнимаю тебя, не сердись на меня. А мне жить здесь тяжело, очень, очень тяжело.

Т‹вой› Дост‹оевский›.

С Некрасовым будь очень вежлив, любезен и краток. Сделай вид, что забежал на минутку и очень спешишь.

163. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

20 октября 1859. Тверь

Тверь, 20-го октября 59.

На этот раз пишу тебе только два слова, бесценный мой Миша. Письмо твое от 17-го окт‹ября› я получил, а посылки твоей еще не получил, даже повестки из почтамта не получал.[1] Наш почтамт чрезвычайно[a] неисправен. Впрочем, не знаю еще наверно, когда пошла посылка из Петербурга. Там, может быть, задерживают.

Благодарю тебя, друг мой, за твои старания и за хлопоты при собирании моих сочинений. Я понимаю, как ты стараешься обо мне, и чувствую. Когда-нибудь отплачу.

Получил ли ты то письмо мое (последнее), где я прошу тебя съездить к Некрасову и Калиновскому?[2] Вообще, друг мой, еще раз *умоляю* тебя, в каждом письме своем уведомляй, что «такое-то письмо твое, дескать, мною получено» и т. д. Это важно. Пойми это. Да еще умоляю тебя, бесценный мой, поступить по моей просьбе в последнем письме, то есть съездить и к Некрасову и

---

[a] *Было:* очень

к Калиновскому. Конечно, повергаю всё на твое соображение. (Могут выйти обстоятельства, каких я не знаю.) Но согласись сам, что совет мой довольно основателен и что к этим людям не худо бы съездить.

Краевский еще в четверг обещал тебе на днях дать знать.[3] Вот, уж вторник. Надо признаться, что они-таки тянут.

Насчет Кушелева я, конечно, согласен и благодарю вас обоих (тебя и Майкова). 2000 не худо, но какие же 3 части. Разве «Степанчиково» в 3-й.[4] Но это в том случае, если Краевский напечатает в этом году (настаивай, голубчик, чтоб в этом году).

№. Да вот еще что: помнишь — литературные суждения п‹олковни›ка Ростанева о литературе, о журналах, об учености «Отеч‹ественных› записок» и проч. Непременное условие: чтоб ни одной строчки Краевский не выбрасывал из этого разговора. Мнение по‹лковни›ка Ростанева не может ни унизить, ни обидеть Краевского. Пожалуйста, настой на этом.[б] Особенно упомяни.[5]

Деньги твои я получил и благодарил тебя, ты уже знаешь.[6]

Просьба моя в Петербург отправлена.[7] Жду. Но очень еще долго, может быть, тебя не увижу. Будут справки и проч. Так я предвижу. Разве месяца через два.

Прощай, мой бесценный. Обнимаю тебя и целую. Твой брат преданный тебе

Дост‹оевский›.

Кланяйся всем своим. Врангель не пишет, что с ним?[8] Я послал письмо через него Тотлебену. Не получил ответа.[9] Недели две прошло.

Т‹вой›.

б *Было:* и на этом

164. А. И. ГЕЙБОВИЧУ

23 октября 1859. Тверь

Тверь, 23-го октября 1859 г.

Добрейший и незабвенный друг наш, благороднейший Артемий Иванович, не стану перед Вами оправдываться в долгом молчании, но если перед Вами виноват, то, клянусь, без вины! Я и жена, мы Вас и всё милое семейство Ваше не только не забывали, но, кажется, не проходило дня, чтоб не вспоминали об Вас и вспоминали с горячим сердцем. Когда я получил здесь письмо Ваше,[1] которое Вы начали так не по-дружески «милостивым государем», то меня замучили угрызения совести, и я упрекнул себя за долгое молчание. Правда, написать письмо было можно и раньше, но дела мои до того не устроивались, что едва лишь соберусь писать, как тотчас же падает на нос какое-нибудь головоломное дело: бегай, советуйся, проси и отписывайся.

Впрочем, так не расскажешь; лучше опишу Вам всё наше странствие с самого 2-го июля, и, по рассказу, сами увидите, чем я так особенно был занят и что именно меня тревожило. — Никогда не забуду нашего последнего дня расставания, когда (говоря мимоходом) я порядочно почокался со всеми. На другой день езды мы всё время о Вас говорили. Приехали наконец в Омск; погода была бесподобная и дорога прекрасная. В Омске я пробыл трое или четверо суток. Взяли из корпуса Пашу; был у старых знакомых и начальников, как-то: де Граве[2] и проч. Валиханов объявил мне, что его требуют в Петербург и что через месяц он туда едет.[3] Познакомился через него с хорошим семейством, с Капустиными (не знаете ли?), они теперь в Томске; люди простодушные и благородные, с хорошим сердцем. На случай если приведется быть в Томске (ну так, когда-нибудь), непременно познакомьтесь и обо мне им напомните. Мы познакомились хорошо; люди без всяких претензий. Но вообще Омск мне ужасно не понравился и навел на меня грустные мысли, воспоминания. Когда выехали из Омска, тут-то я настоящим образом простился с Сибирью. Дорога пошла прескверная, но Тюмень — великолепный город — торговый, промышленный, многолюдный, удобный — всё что хотите. Мы там простояли (не помню зачем) дня два. В дороге, в первой половине путешествия, со мной было два припадка, и с тех пор забастовало. Наш почтальон Николаев оказался превосходнейшим человеком, услужливым, добрейшим, хотя и не совсем деловитым. Как характер, как тип — презамечательный человек. Добрейшее и благородное сердце, хоть и немножко фанфарон. Мы сдружились и сжились дорогою как только можно, и он очень остался доволен и плакал как ребенок, расставаясь. Если будет в Аягузе с почтой, залучите его к себе, он многое Вам порасскажет.[4] Пропускаю очень много из наблюдений и впечатлений дорожных. Погода стояла преблагодатная, почти всё время путешествия, тарантас не ломался (ни разу!), в лошадях задержки не было, но дороговизна, но цены на станциях — боже упаси! Спросишь кусок чего-нибудь, спросишь цену — и глядишь ему потом в глаза даже со страхом: не сумасшедший ли это какой! Нигде на свете нет таких цен! Зато вознаграждала природа. Великолепные леса пермские и потом вятские — совершенство. Но в Перми уже мало замечаешь пустырей по дорогам: всё запахано, всё обработано, всё ценится. Так, по крайней мере, мне показалось. В Екатеринбурге мы простояли сутки, и нас соблазнили: накупили мы разных изделий рублей на 40 — четок и 38 разных горных пород, запонок, пуговиц и проч. Купили для подарков и, нечего грешить, заплатили ужасно дешево, так что здесь чуть ли не вдвое стоит. В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди лесу, мы набрели наконец на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб, с надписями,[5] и при нем в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я

перекрестился, что привел наконец господь увидать обетованную землю. Затем вынулась Ваша плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой (завода Штритера), и мы выпили с инвалидом на прощание с Азией, выпил и Николаев, и ямщик (и уж как же вез потом). Поговорили и пошли гулять в лесу, собирать землянику. Набрали порядочно. Впрочем, если так рассказывать, не доберешься никак до дела. В Казани мы засели. Осталось 120 руб. сер<ебром>, что очевидно было мало, чтоб доехать до Твери. Еще из Семипалатинска я писал брату, чтоб выслал мне 200 руб. в Казань, на почту, впредь до востребования.[6] Мы решились ждать денег и стали в хорошем номере в гостинице. Дороговизна нестерпимая. Ждали 10 дней, стоило до 50 руб. Я уже абонировался читать в библиотеке казанской книги, а между тем не знал, что делать. Но брат получил письмо непростительно поздно и наконец прислал 200 руб. Тотчас поехали. Приехали в Нижний,[7] прямо в развал ярмарки; приехали ночью и часа два скитались по городу, останавливаясь у всех гостиниц; везде полно. Наконец-то сыскали что-то вроде конуры и тому были рады. На другой день съездили к Анненкову (тобольскому ссыльному; он в Нижнем теперь советником). Но он был в отпуске, а все семейство в деревне. Я тотчас же отправился смотреть ярмарку. Ну, Артемий Иванович, — впечатление сильное! Скитался я часа два-три и видел разве только краюшек. Обозревать всё это надо месяц. Но все-таки эффект значительный. Даже уж слишком эффектно. Недаром идет слава. В тот же день выехали из Нижнего на Владимир. Во Владимире видел Хоментовского; он там начальником провиантской комиссии. Человек превосходнейший, благороднейший, — но погибает сам от себя. Вы понимаете: питейное. Окружен он бог знает каким людом, не стоящим его. Был у нас, рассказывал свои приключения за границей и рассказывал прекрасно. Подпили мы в этот вечер порядочно. Наконец тронулись из Владимира. Всего ближе было ехать на Москву; но, во-первых, в Москву мне запрещено было въезжать формально. А во-вторых, приехать в Москву, увидать сестер и не прожить в Москве недели было невозможно. Могли выйти хлопоты, я и решил, но не на Ярославль, как рассчитывал по маршруту в Семипалатинске, а на Сергиевскую лавру (60 верст от Москвы) и, прорезав Московскую губернию, въехать в Тверскую. Решился, да и закаялся. Большой дороги нет; ямщики вольные, и на 150 верстах содрали с меня втрое более, чем на казенных прогонах. Но зато Сергиев монастырь вознаградил нас вполне. 23 года я в нем не был. Что за архитектура, какие памятники, византийские залы, церкви! Ризница привела нас в изумление. В ризнице жемчуг (великолепнейший) меряют четвериками, изумруды в треть вершка, алмазы по полумиллиону штука. Одежды нескольких веков, работы собственноручные русских цариц и царевен, домашние одежды Ивана Грозного, монеты, старые книги, всевозможные редкости — не вышел бы

оттуда.[8] Наконец, после долгих странствий, прибыли в Тверь, остановились в гостинице, цены непомерные. Надо нанять квартиру. Квартир много, но с мебелью ни одной, а мебель мне покупать на несколько месяцев неудобно. Наконец после нескольких дней искания отыскал квартиру не квартиру, номер не номер, три комнатки с мебелью за 11 рублей серебром в месяц. Это еще слава богу. Начал поджидать брата. Брат до этого был болен, при смерти. Наконец оправился и приехал. То-то была радость. Машина приходит в третьем часу утра, а станция в трех верстах от Твери. Я отправился туда ночью встречать. Много переговорили; да что! не расскажешь таких минут. Прожил он у меня дней пять, поехал в Москву и потом на обратном пути жил еще два дня. Мы с ним обо всем решили — о моих делах. Решили мы, во-первых, ждать до 8-го сентября (все говорили о манифесте, все ждали его), но манифеста не было, хотя и было много милостей.[9] Тогда я пошел к здешнему жандармскому полковнику, спросил его совета, и он сказал мне, что самая прямая дорога — писать князю Долгорукому (шефу жандармов). Так и решили. Я пишу письма, между прочим, и к Тотлебену, через Врангеля, который оказался в Петербурге. Между тем проезжает через Тверь один мой прежний знакомый, которому знакомы все в Твери. Через него я познакомился здесь с двумя-тремя домами и, главное, с губернатором, генерал-адъютантом графом Барановым.[10] Баранов оказался наипревосходнейшим человеком, редким из редких. Между прочим, я рассказал ему, что хочу писать Долгорукому; он очень интересовался, но сказал, чтобы я подождал, потому что государь император в вояже и князь Долгорукий с ним вместе (NB. — пять дней тому государь воротился в Петербург). Я начал ждать, а между тем насочинял много писем; хотел писать и Долгорукому, и Тотлебену, и Ростовцеву.[11] Вдруг меня осенила прекрасная мысль: написать прямо государю императору. Иду к Баранову, советуюсь, и Баранов одобрил вполне, да сверх того вызвался передать мое письмо от своего имени, через двоюродного брата своего, графа Адлерберга. Я написал письмо; в письме, разом уже, просил поместить и Пашу в гимназию или в корпус, и вот уже пять дней, как письмо отослано.[12] Жду ответа, и понимаете, добрейший Артемий Иванович, в каком я волнении? В настоящую минуту моя судьба уже, может быть, решена. Могут быть два случая: или государь прямо на письме моем напишет: *разрешаю*. Тогда я через несколько дней еду в Петербург, и все заботы мои кончились; или государь велит передать мое дело Долгорукому для справки: нет ли насчет меня *особых препятствий*? Особых препятствий быть не может, но разрешение и окончание дела получится в этом случае гораздо позже; может быть, только к рождеству. Одним словом, теперь я от ожидания как бы сам не свой. Одна надежда незыблемая: милосердие государя. Какой это человек, какой это великий для России человек, Артемий Иванович! Здесь всё и виднее, и слышнее. Много, много

здесь услыхал. И с какими трудностями он борется![13] Есть же подлецы, которым не нравятся его спасительные меры, и все люди отсталые, закоренелые. Дай бог ему! Параллельно с этими хлопотами шли у меня хлопоты о денежных средствах. Наконец и эти кончились. С «Русским вестником» я разошелся, и «Отечественные записки» дали мне 120 руб. за лист, итого у меня будет рублей 1800 или 2000 серебром. Да сверх того хочу продать выбор из прежних сочинений; дадут тысячи полторы или две серебром. Вот на эти две продажи и буду покамест жить. Всё это было ужасно хлопотливо. Да и пишу я в такую минуту, когда еще главные-то хлопоты не кончились. Вот почему, находясь в беспрерывных заботах и волнениях, я всё не писал Вам, бесценный друг наш, Артемий Иванович! Но теперь уже дело другое. Скоро всё хлопотливое кончится. Остается только обыкновенное, житейское, но хлопот будет меньше. Буду писать чаще. Пишите и Вы, дорогой друг наш. А чтоб я мог Вас когда забыть — и не думайте этого! На свете, может быть, нет Вам преданнее и более Вас уважающего человека, чем я! Ну, теперь, как описал Вам подробно о себе, и только об одном себе, позвольте поговорить, дорогой мой, и об Вас и о незабвенном семействе вашем.

И, во-первых, мне так всё памятно семипалатинское, и то, как Вы нас принимали, как радушно мы сошлись в последнее время. И добрая Прасковья Михайловна,[14] и милые личики Ваших девиц Зинаиды Артемьевны и Лизаветы Никитишны[15] — всё это мне памятно и незабвенно. И потому пишите и пишите подробнее. Но об этом в конце письма, а теперь покамест *об одном дельце*. Вы, вероятно, помните, Артемий Иванович, как я всегда желал Вам для воспитания Ваших милых детей переезда в Россию на лучшее место и, будучи предан Вам всею душою, с грустью говорил Вам, что Вы теперь не на своем месте, довольствуетесь жалованьем ничтожным и теряете жизнь свою, а между прочим, работаете, хлопочете, терпите служебные заботы и неприятности и проч. Вы помните всё это и, верно, не думаете, чтоб и я забыл об этом. Во Владимире, в хорошую минуту, я говорил с Хоментовским (и, во-первых, прежде всего будьте уверены, благороднейший Артемий Иванович, что я буду говорить не с легкостью, не с ветреностью, не с кем бы то ни было об Ваших делах; мало того: все, кто знает Вас, смотрят на Вас с уважением; так и я при моих разговорах с *людьми* об Вас делаю так, что хотя и заочно, а на Вас должны смотреть с уважением. Говорю, наконец, о Вас, отнюдь не выставляя Вас каким-нибудь просителем, а говорю просто от себя, да и в таком тоне, что Вы способны скрасить собою каждое место). Хоментовский человек благороднейший, и с ним я мог говорить; с другими же я и говорить не буду. Выслушав очень внимательно, Хоментовский сказал мне очень благоразумно: что места в России, конечно, есть; что есть и в его ведомстве места хорошие, покойные; но жалованья не так

большие и, если гораздо больше, чем в сибирских батальонах, то цены на всё в России слишком выше сибирских и что потому надо место рублей 600 или 700 жалованья, *по крайней мере*. Иначе нечего и думать, но что таких мест, с такими ценами — мало, а кандидатов на них очень много. Но что человек честный и желающий заниматься делом, по его мнению, всегда способен стать на дорогу; но что лучше всего места частные. Развелось столько частных компаний, управлений, обществ, что люди *честные* и добросовестные нужны донельзя, жалованья колоссальные. Одно худо, что Вы в Сибири. В России же при рекомендации дело бы могло обделаться скоро, и не требуется на эти частные места ни особенных технических специальных познаний, ни каких-нибудь особенных трудностей и закорючек, а просто главнейшее требование — деятельность и честность. Кончив об этом, разговорился я с Хоментовским о Васильчикове. Мне хотелось узнать: в каких он к нему отношениях? Оказалось, что в прекрасных (а Хоментовский не соврет). Тогда я сказал ему, что, если, например, Вы по каким-нибудь надобностям, то есть через служебные притеснения, переводы и проч., одним словом, по службе зануждались бы в помощи такого лица, как Васильчиков, то можно ли рассчитывать на содействие Хоментовского (который с Васильчиковым на линии прежнего товарищества)? Тогда Хоментовский сказал мне: что если надо будет Вам о чем-нибудь просить по службе или что-нибудь написать, то он дает свое честное слово — препроводить Вашу просьбу к Васильчикову, и что в большинстве случаев можно рассчитывать на верный успех. Пишу это к Вам, благороднейший Артемий Иванович, чтоб Вы это имели в виду, *на всякий случай*. Ну, если на всякий случай что-нибудь понадобится: тогда человек сильный, как Васильчиков, не лишнее. Далее, обжившись здесь, в Твери, между разговором, я сказал раз графине Барановой: «А не нужно ли графу совершенно *честного человека* на какое-нибудь место?» Она отвечала: «Если б Вы только знали, как нужно». Тогда я сказал ей несколько слов о Вас; описал Вас, Ваше семейство и проч. Но говорил *вообще*, даже не назвал Вашу фамилию и где Вы находитесь. (Я потом хотел поговорить с самим графом.) Но она сама сказала ему о том в тот же день, и когда мы встретились опять у одних знакомых, она сказала мне: «А я говорила мужу о том офицере, о котором Вы мне тогда говорили; где он и кто он такой?» Я сказал. Услыхав, что Вы в Сибири, она удивилась: «Как же из-за такой дали ехать в Россию?» Я ответил, что, положим, это трудно, но представим себе, что это затруднение устранено, тогда что? Она ответила: «Честного человека все возьмут, муж первый, по Вашим словам; но Вы говорите про семейство, а знаете ли здешние цены? С первого раза места с *большим жалованьем* дать нельзя, а с небольшим всегда можно. Разве частная служба. . .» Тем дело покамест и кончилось. Я очень рад был, что в этот раз я говорил так, слегка;

потому рад, что намерен впоследствии сам говорить с графом, и на этот раз серьезно. Но не о месте в Твери или в Тверской губернии я буду говорить, у меня другие планы и вот какие — у меня две дороги, первая дорога: через графа я знакомлюсь в Петербурге с его родными (так надеюсь), между прочим, и с Адлербергом; через других же лиц — с Ростовцевым, к которому я непременно сам явлюсь и с которым очень коротко знаком Петр Петрович Семенов, путешественник, бывший у нас в Семипалатинске.[16] Через другого же моего знакомого я очень надеюсь познакомиться со многими лицами в Москве. Знакомлюсь я с этими господами для того, что они мне будут нужны. Лица всё сильные, и невозможно, если что-нибудь можно сделать насчет удобного казенного места Вам, чтоб это через этих людей не сделалось. Опять повторяю, Артемий Иванович, говорить я буду не на ветер, не легкомысленно, даже имени Вашего не произнесу там, где не надо, и вообще буду глядеть в оба. Если же через этих людей не будет места, значит, и ни через кого не будет. Тогда есть и вторая дорога: это поискать частного места с большим жалованьем, потому что я надеюсь свести знакомство и с этими господами-промышленниками. По крайней мере, уклоняться не буду.

Теперь заключение. Знаю очень хорошо, Артемий Иванович, что Вы всё это считаете почти невозможным; я помню, что Вы в Семипалатинске смотрели на меня с улыбкою. Но выслушайте меня: во-первых, я вовсе не выставляю себя каким-то раздавателем мест и никогда не возьму на себя такой *нестерпимо* дурацкой роли. Я человек маленький и знаю свое место. Но я отчасти знаю окружающую меня действительность и знаю, чем можно воспользоваться для своей выгоды и для выгоды друзей моих. За Вас же я действую как Ваш друг, искренно, от всего сердца желающий Вам счастья. Вы же сами, хотя и смотрели на меня недоверчиво, когда я говорил Вам об этом в Семипалатинске, но, однако же, не воспрещали мне стараться. Наконец, я действую вполне в Вашу пользу, то есть действую от своего лица, а не от Вашего, Вас не выставляю за просителя, уважение к Вам наблюдаю, даже имени Вашего не произнесу, где не надо. К тому же наперед высматриваю людей и дело. Я сам знаю отлично, что всё это может кончиться пустяками и ничем, то есть не удасться. Но если только бог поможет, то я не пущусь действовать, прежде чем не представлю Вам наияснейших доказательств верности и благонадежности дела. Тогда сами же Вы будете решать окончательно. Вы в своей судьбе властелин, а не кто другой, и чуть что покажется Вам неясным или шатким, то Вы можете это совершенно отвергнуть. Насчет же переезда из Сибири — это дело чисто внешнее, совершенно возможное и зависит только от денег. Но ведь денежные дела улаживаются различным образом. Наконец, говорю это всё Вам без опасения: я знаю, с кем говорю; Вы человек благоразумный, положительный и не увлечетесь лег-

комысленными надеждами, не погонитесь за журавлем, когда синица в руках, не будете терять верного на неверное. Так *я Вам советую*: именно смотрите на мои мечты и надежды, как на бредни, а между тем позвольте мне постараться и поискать. Ну, бог даст удачу, — тем лучше, зачем же терять? Да и смеяться Вы над моей горячкой не можете. Вы благороднейший человек и поймете, что я действую совершенно бескорыстно и единственно по дружбе к Вам, потому что люблю Вас и всех Ваших искренно. Если мои мечты смешны, то я сам первый буду смеяться; но совесть моя будет спокойна, потому что я знаю, что взволновать и расстроить Вас я не могу; Вы человек благоразумный и не дадите веры ничему, покамест не представят Вам чего-нибудь положительного. Да и другим образом я Вам повредить ничем не могу. И наконец, это еще отдаленно, не скоро, даже в случае успеха. Но довольно об этом. Потом еще поговорим; много еще надо переговорить. Я Вам скоро буду опять писать, и не дожидаясь Вашего ответа; жду только, чтоб дела мои уладились; как уладятся, непременно уведомлю. Может быть, еще раньше напишу. Прошу обратно и Вас писать по-дружески, по-братски. И вот Вам дружеская инструкция: в первом же письме Вашем уведомить нас, во-первых, *об Аягузе*,[17] о Ваших знакомых и вообще о житье *подробнее*: какие люди, какие лица. Во-вторых, как у Вас по службе, говоря вообще? В-третьих, подробнее обо всем Вашем семействе, и в особенности о Зинаиде Артемьевне и Лизавете Никитишне: что они делают, чем занимаются, помнят ли нас? Скажите им, что я целую им ручки и прошу не сердиться, что до сих пор не прислал им писем и теперь не шлю. В очень скором времени пришлю им письма особо.[18] Я ведь помню мое обещание. Напишите, как здоровье Прасковьи Максимовны и помнит ли она о нас? А Марья Дмитриевна даже иногда плачет, вспоминая о Вас. Ей-богу. Она Вам, кажется, и письмо приготовила. Напишите, наконец, о всех семипалатинских и аягузских, если там есть нас знающие; уведомьте о Михаиле Ивановиче Протасове — дорогом человеке. Если он уже в России, то быть не может, чтобы мы с ним как-нибудь не столкнулись. Что Вы читаете? Есть ли книги? Мы тоже в ожидании живем довольно скучно. Покамест не переехали в Петербург, не покупаем даже самых необходимых вещей. Знакомство веду я один, Марья Дмитриевна не хочет, потому что принимать у нас негде. Да и знакомых-то три-четыре дома. Знаком со многими, а хожу к немногим, к тем, к кому приятно ходить. Тверь как город до невероятности скучный. Удобств мало. Дороговизна ужасная. Обстроен очень хорошо, но скучно. Театр ничтожный. Тарантас мой не могу до сих пор продать; давали 30 рублей серебром, между тем хвалят и говорят, что в другом месте вдвое дороже дадут, да здесь не нужно из-за железной дороги. Хотя станция железной дороги и за три версты от города, но свист машин от разных поездов слышится день и ночь. Мы несколько раз были на стан-

ции. Там хорошо. Но вот уж и письмо кончено. Прощайте, дорогой Артемий Иванович. До свидания, не ленитесь писать и помните нас. А мы Вас не забудем. Обнимаю Вас. Прасковье Максимовне мой искренний поклон, девицам целую ручки. Скоро еще напишу. А покамест пребываю Ваш весь, как и всегда,

Ф. Достоевский.

P. S. Поблагодарите Василия за письмо. Мой поклон ему.[19] Что сталось с Нововейскими? [20] На днях напишу Михаилу Александровичу.[21]

165. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

29 октября 1859. Тверь

Тверь, 29 октября 59.

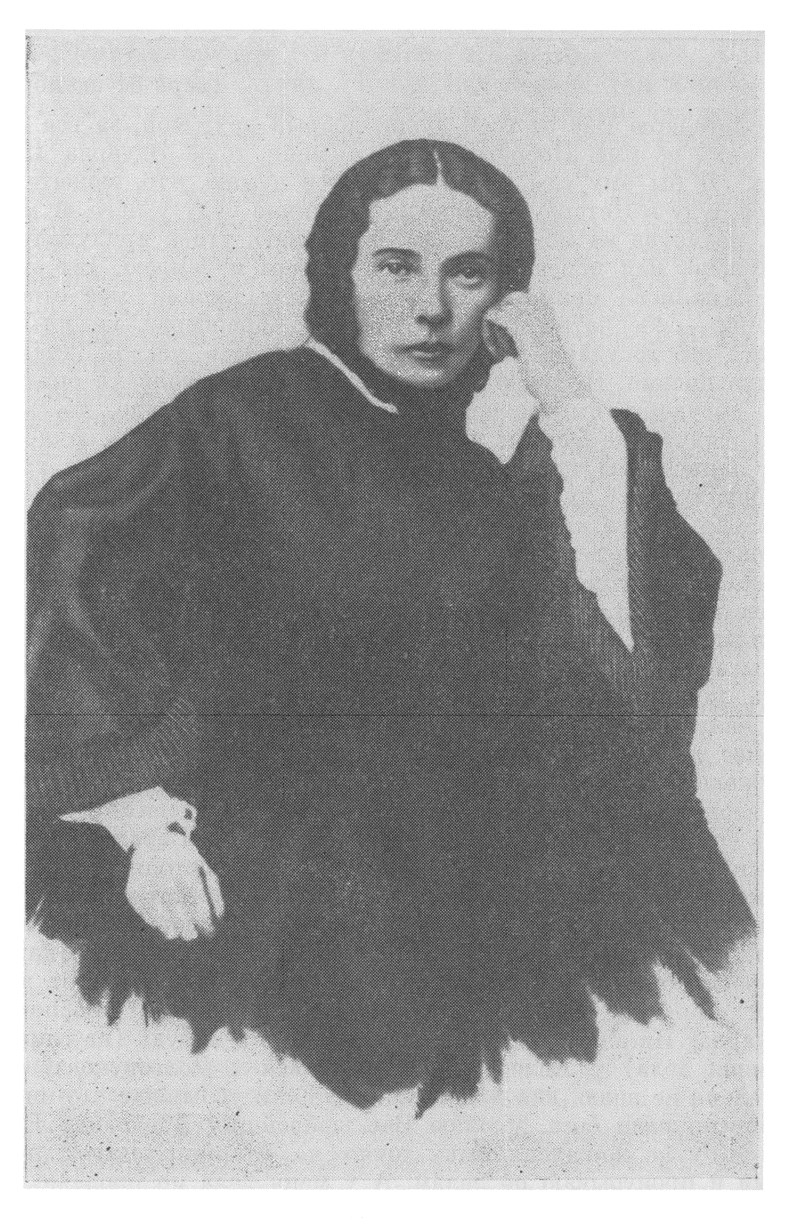
Спешу написать тебе только два слова, голубчик мой. Буквально нет времени. Здесь С. Д. Яновский, и я иду теперь к нему,[1] в гостиницу; да на почту еще надо зайти деньги получить. Благодарю тебя за деньги.[2] Но к делу: не топите меня живого! Нет возможности (я убедился в этом) кончить раньше 1-ю часть, то есть не на 12-й главе. Ради Христа, спаси меня. Проси, умоляй. Покажи мое письмо Анд‹рею› Александровичу. Некрасов и тот сразу решил, что остановиться не на 12-й главе значит сразу манкировать весь эффект. Если остановиться на другой главе, то, значит, не иначе как заключить главою «Ваше превосходительство», так что глава «Мизинчиков» будет начинать 2-ю часть. Но вспомни, посуди сам: возможно ли это? 12-я глава — единственная, где можно кончить. Эффект пропадает. Можно ли до такой степени идти против себя, быть себе же врагом, портить то, что у себя же в журнале печатано? Проси, умоляй, настаивай, ради бога! Да отвечай скорее, как решилось.[3] До твоего ответа я буду в лихорадке.

Ах, голубчик, как бы ты разодолжил меня, если б в корректуре своею рукою повычеркал вон в 1-й главе хоть половину того, что я приписал туда, когда ты был в Москве. Плохо я сделал этой переправкой. Глава невыносимо скучна и длинна, да еще 1-я.[4]

Прощай. Я немного хвораю (не беспокойся, геморроем). Яновский сегодня уезжает. Когда будешь читать письмо это, он уже будет в Петербурге.

Твой Д‹остоевский›.

P. S. О моей просьбе ничего не слышно. Нет ответа.[5] Получил письмо от Врангеля.[6]

М. Д. Достоевская.

Фотография конца 1850-х—начала 1860-х годов.

166. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

31 октября 1859. Тверь

Тверь 31 октября 59.

Благодарю Вас от всей души, добрый друг мой, за все Ваши старания об мне. Поблагодарите за меня тоже Эдуарда Ивановича.[1] Я бы ему сам написал; но всё думаю, что, может быть, скоро буду в Петербурге и тогда уж лично буду у него. А между тем, несмотря на мои надежды, я не знаю, что и придумать. Решительно, как повешенный между небом и землею. Вы знаете, что я написал прямо к государю и что письмо мое отослано здешним губернатором гр. Барановым Адлербергу, который передаст его государю императору лично. Вот уж 12 дней как пошло письмо. Не знаю и не слыхал ничего: было ли оно показано государю императору? Если б было показано, то, может быть, сейчас же был бы и ответ; по крайней мере, гр. Адлерберг мне написал бы что-нибудь о результате подачи письма гр. Баранову, нашему губернатору; а гр. Баранов мне бы сейчас сообщил. Но ничего нет покамест. Теряюсь в догадках. Думаю (что, впрочем, очень вероятно), не отослал ли его император‹ское› величество мое письмо князю Долгорукому, чтоб спросить его: не существует ли против моей просьбы каких-нибудь особенных препятствий? (Так, мне кажется, и должно идти дело; это формальный ход.) Но так как против меня решительно не может быть никаких особых препятствий (это я знаю наверно) и так как князь уже обещал Эд‹уарду› Ив‹анови›чу обратить внимание на мое дело, — то, мне кажется, он бы не мог задержать его. Неужели станут делать у гр. Баранова как у губернатора г. Твери обо мне справки, то есть о моем поведении? Не думаю. Ведь гр. Адлерберг подаст письмо от имени гр. Баранова. Чего же больше? (значит, гр. Баранов находит меня достойным, если сам за меня хлопочет). К тому же, если б были официальные справки, гр. Бар‹анов›, я думаю, уведомил бы меня об этом и я бы знал. Друг мой, я знаю, Вы меня любите и мне не откажете. Попросил бы я Вас, но не знаю, о чем и просить. Вот в чем дело: хорошо было бы справиться, но у кого? Беспокоить Эд‹уарда› Ив‹ановича›? Спросить через кого-нибудь (не слишком оглашая дела) у Адлерберга? справиться у Долгорукова? — Решительно не знаю, как и придумать.[2] Если услышите что-нибудь, сообщите, ради бога, умоляю Вас, добрейший Александр Егорович. Жду не дождусь. Живу точно на станции. Даром теряю время и проигрываю по делам. А у меня дела по продаже моих сочинений, то есть денежные; след‹овательно›, для меня важные. Я ведь этим только и живу. Но, впрочем, еще не теряю надежды. Бог и государь милостивы. . .

Прочел с крайним участием Ваше письмо. Что это Вы мне пишете, дорогой мой, о своем сердце, что оно уже не может

жить по-прежнему? И когда же? В 26 лет. Но разве это возможно? Просто Вы сами не знаете Ваших сил.[3] Выдержав два раза сердечную горячку, Вы думаете, что истощили всё. А впрочем, это естественно думать. Когда нет *нового*, так и кажется, что совсем уже умер. Так и все думают. Но сердце человеческое живет и требует жизни. Ваше тоже требует жизни, — и это-то и есть признак его свежести и силы. Оно ждет и тоскует. Но подождите. Жизнь возьмет свое, я уверен. Много еще впереди... Как, впрочем, желал бы я видеться и поговорить с Вами! О Полонском я слышал много хорошего.[а] [4] Вашего Дм‹итрия› Волховского я здесь встречал. Но о Львове не имею понятия.[5] Что за история в Бадене? Решительно в первый раз слышу.[6] Фу, боже мой! Сколько прошло с тех пор, как мы не видались! И Вы и я пожили и много прожили.[б]

В Твери мне решительно скучно, хотя тут и есть 2-3 человека. Книги Ваши некоторые спасены, хотя и поистерлись немного дорогой. А из минеральной коллекции был у меня только список (теперь затерянный) и не более 3 или четырех штук минералов. Я их оставил в Семипалатинске. Куда девалась[в] вся коллекция — не знаю. Ягдташ же Ваш и маленький кинжал (как лежавший в чемодане) я почел своею собственностью, так как Вы мне всё подарили, и, уезжая, подарил в свою очередь между прочим кинжалик Валиханову. Уж за это простите. Валиханов премилый и презамечательный человек. Он, кажется, в Петербурге? Писал я Вам об нем? Он член Географического общества. Справьтесь там о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь.[7] Прощайте, друг мой. Обнимаю Вас. Хотел было написать больше; но спешу. Авось увидимся. Дай-то бог.

М‹ария› Дмитрие‹вна› Вам кланяется.

Ваш весь Достоевский.

а *В подлиннике:* хорошо
б *Далее было начато:* Как
в *Было:* делась

167. Э. И. ТОТЛЕБЕНУ

2 ноября 1859. Тверь

Ваше превосходительство,
милостивый государь Эдуард Иванович,

Не знаю, как и благодарить Вас за письмо Ваше и за всё, что Вы для меня делаете.[1] Да вознаградит Вас бог. Но я перед Вами виноват, хотя и неумышленно. После письма моего к Вам я, по совету некоторых лиц, берущих во мне участие, написал письмо к государю. В письме моем я просил о дозволении жить в Петербурге, а вместе с тем и о помещении моего двенадцатилетнего пасынка в одну из петербургских гимназий; а если невозможно в гимназию, то в один из петербургских кадетских корпусов.

Вот сущность письма моего. Здешний тверской губернатор граф Баранов, который берет во мне искреннее участие, взялся переслать письмо мое от своего имени родственнику своему г<енерал>-ад<ъютанту> графу Адлербергу, для вручения его императорскому величеству. Уже две недели как пошло это письмо, но от графа Адлерберга до сих пор еще нет никакого известия.[2] Вина моя перед Вами в том, что я, прося Вас быть ходатаем за меня у князя Долгорукого, не уведомил Вас до сих пор о письме моем к государю-императору. Но Вы простите мне, благороднейший Эдуард Иванович! Вина моя неумышленная. Я ждал ответа от Александра Егоровича Врангеля. Но он был в деревне и уведомил меня о передаче Вам письма моего почти неделю спустя, как я послал мое письмо государю. В ответ на его письмо я просил его известить Вас о новых мерах, принятых мною.[3] Главное же: отослав письмо мое к государю-императору, я очень надеялся, что получу скоро ответ от графа Баранова через г<рафа> Адлерберга. Тогда я, в ту же минуту, был бы в Петербурге и благодарил бы Вас уже лично. Если кто искренно, со всею теплотою благородного сердца жалел меня и помогал мне, так это Вы. Я это знаю, чувствую, а сердце мое умеет быть благодарным.

Вы сделали для меня более всех и особенно теперь, получив обещание от князя Долгорукого и согласие его на жизнь мою в Петербурге. Государь-император, прочитав письмо мое, непременно спросит у князя сведений обо мне, то есть не существует ли насчет меня особенных замечаний? Я уверен, что таких замечаний против меня нет. Но за справками дело бы могло затянуться. Теперь же, по Вашей просьбе, князь обратит особенное внимание на мое дело. По наставлению Вашему я сегодня же отсылаю письмо к князю, а вместе с тем и к генерал-адъютанту Тимашеву.[4] Я благодарю их обоих, объясняю в подробности мою просьбу, прошу их содействия и каждого из них уведомляю о письме моем к государю-императору. Граф Баранов, с своей стороны, немедленно хочет написать обо мне князю Долгорукому.[5]

Надеюсь на великодушного нашего царя. Дай ему бог видеть успех своих великих начинаний. Как Вы счастливы, Эдуард Иванович, что так близко к лицу его можете служить ему!

Повторяю еще раз: нет слов у меня, чтобы выразить Вам всю мою благодарность за Ваше участие ко мне.

Я совершенно не знаю ничего об участи письма моего к государю. Не знаю, передал ли его граф Адлерберг? Но я надеюсь, что если письмо мое будет в руках государевых, то он меня помилует. Милосердие его беспредельно.

Примите, благороднейший Эдуард Иванович, уверение в чувствах глубочайшего уважения моего к Вам и горячей преданности.

Весь Ваш Федор Достоевский.

Тверь
2-го ноября 1859 г.

168. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

2 ноября 1859. Тверь

Тверь 2 ноября 59.

Бесценный друг мой, Александр Егорович, письмо мое, на этот раз *деловое*, и всё об моих делах. К Вам же просьбы. Вполне полагаюсь на Вас. Вот в чем дело: Эд‹уард› Ив‹анович› прислал мне письмо, в котором извещает меня, что он говорил обо мне к‹нязю› Долгорукому и генерал-адъютанту Тимашеву; оба они изъявили свое согласие на житье мое в Петербурге и просят, чтоб я написал к ним об этом письма.[1] С этой же почтой уведомляю Эд‹уарда› Ивановича и посылаю письма кн. Долгорукому и Тимашеву.[2] Особенно и убедительнейше прошу Вас, друг мой, передать немедленно письмо мое Эд‹уарду› Ив‹анови›чу, сделав конверт и надпись.[3] Прочтите письмо это внимательно. Я в большом затруднении, признаюсь Вам. Выбрав Эд‹уарда› Ив‹анови›ча моим ходатаем у кн. Долгорукого, я вдруг пишу письмо к государю и через гр. Баранова оно передается Адлербергу для передачи Его императорскому величеству[4] (о чем уже я Вас уведомил в последнем письме моем). Не обиделся бы Эд‹уард› Иванович. Поймите меня: Эд‹уард› Ив‹анов›ич благороднейший человек и не посмотрит на мелочи, но меня-то он *давно* уж не знает лично Как бы не хотелось мне, чтоб он подумал обо мне дурное! Дурное вот в чем: *как будто я, не доверяя его стараниям* и *хлопотам обо мне, обращаюсь к другим людям, ожидая от них более, чем от него*. По крайней мере, решась на письмо к государю, *я бы должен* был тотчас же об этом уведомить Эд‹уарда› Ив‹анови›ча. Я тогда же чувствовал необходимость этого. Но Вы *уехали* тогда в деревню, письма от Вас я не имел и потому не мог знать: успели ли Вы передать мое письмо Эд‹уарду› Ив‹анови›чу. Без уведомления от Вас я не решался на другое письмо. Да и через кого бы я и послал другое письмо Эд‹уарду› Ив‹анови›чу, не зная даже его адресса? Обо всем этом я ему пишу.

То же обстоятельство, что я как *будто* более доверяю стараниям других обо мне, чем Эд‹уарду› Ив‹анови›чу, совершенно несправедливо, и я не виноват нисколько. Гр. Баранов — губернатор. Князь Долгоруков непременно сделал бы ему запрос обо мне *как губернатору*: благонадежен ли я? — если б князя просил я о жительстве в Петербурге. Из этого вышла бы лишняя трата времени. Государю же гр. Баранов переслал письмо мое *от своего имени* как губернатор, а след‹овательно›, не надо справляться обо мне, если сам губернатор обо мне старается; след‹овательно›, дело много могло выиграть времени. К тому же в письме моем к государю я прошу о помещении моего пасынка, Паши, в гимназию. Марья Дмитриевна убивается за судьбу сына. Ей всё кажется, что если я умру, то она останется с подрастающим сыном опять в таком же горе, как и после первого вдовства. Она напу-

гана, и хоть сама не говорит мне всего, но я вижу ее беспокойство. А так как жизнь в Твери я еще не знаю когда кончится, а Паша не пристроен и только теряет дорогое время, то я в решительную минуту пустился на крайнюю меру и написал к государю, надеясь на его милосердие. Вот история письма моего. Я рассуждал, что если откажут в одном, то, может быть, не захотят отказать в другом, и если не соизволит государь разрешить мне жить в Петербурге, то по крайней мере примет Пашу, чтоб не отказывать совершенно.

Друг мой, я совершенно верю в благородство и в ясный взгляд Эд‹уарда› Ив‹анови›ча; но если Вы заметите, что он недоволен тем, что я его не уведомил тотчас же о письме к государю, то защитите меня. Мне слишком больно будет, если он обвинит меня. От Вашей дружбы ожидаю всего. Уведомьте меня, ради бога, обо всем этом подробнее.

Я Вам уже писал о письме моем через Адлерберга. От Адлерберга нет еще никаких известий Баранову, — и я недоумеваю, что это значит? Вероятно, граф Адлерберг медлит передачею. Что будет — не знаю! Одна надежда: на государево милосердие и на добрых людей.

Не знаю, когда обниму Вас, дорогой мой. Простите за беспрерывные просьбы и поручения. Но скоро, может быть, всё кончится и кончится к лучшему.

В этот раз ничего не пишу более. Надо готовить к завтраму же письма кн. Долгорукову и Тимашеву. Работы ужас. Прощайте. Обнимаю Вас крепко и, повторяю, надеюсь на Вашу дружбу ко мне.

Ваш неизменный Федор Достоевский.

169. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

12 ноября 1859. Тверь

Тверь 12 ноября 59.

Получил вчера твое письмо (от 9-го), друг Миша, и хочу написать тебе хоть две строчки. Ты не поверишь, как мне самому теперь тошно сидеть в Твери и даже не иметь никакого понятия о настоящем ходе моего дела.[1] Хоть бы расчет какой-нибудь был, а то и рассчитывать не могу, совершенно не зная, что делается насчет меня в Петербурге. Всем я написал, всех просил и — никакого известия. Согласен с тобой, что я избрал по этому делу самый труднейший путь. Сам ропщу на себя каждый день и — жду. Хоть бы кто-нибудь напомнил обо мне Адлербергу! Что если письмо мое даже и не представлено? Съездил бы ты в свободную минуту (если она будет) к Врангелю и закинул бы словечко: не возьмется ли Тотлебен сказать Адлербергу или Долгорукому, чтоб Долгорукий сказал Адлербергу или сам представил с своей сто-

Тверь 12 ноября 59.

Получил вчера твое письмо (от 9го)
друг Миша, и хочу написать тебе
хоть две строчки. Ты не поверишь
как мне самому теперь тошно сидеть
в Твери и даже не иметь никакого
понятия о настоящем ходе моего дела;
хоть-бы расчет какой-нибудь был, а
то я рассчитываю на мелочь, совершенно
не зная, что делается насчет меня
в Петербурге. Всем я написал,
всех просил и — никаких известий.
Согласен с тобой, что я избрал,
в этом деле, самый трудный
путь. Сам ропщу на себя [illegible]
[illegible] и — жду. Хоть-бы кто-нибудь напом-
нил обо мне Адлербергу! Что мое
письмо мое даже и не представлено?
Съездил-бы ты в свободную минуту
(если она будет) к Врангелю и закинул
-бы словечко; не возьмется ли как-нибудь
сказать Адлербергу или Долгорукову,
чтоб Долгор. спросил Адлерберга о
моем представлении (о моих строчках) против [illegible] Его
Величеству. Это было-бы хорошо! Господи
милосердый, один все Он знает. [illegible]

Федор Михайлович [illegible] [illegible]
[illegible] ему право жить в столицах.
М. Д.

Письмо Ф. М. Достоевского к М. М. Достоевскому от 12 ноября 1859 г.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

роны[а] просьбу мою его императорскому величеству.[2] Ах, кабы поскорее! Государь милосерд; мы все это знаем; но формы, задержки! ‹*3 нрзб.*›[б] Главное, что мне надо быть в Петербурге для продажи сочинений. У меня, впрочем, в голове есть план. Именно: не продавать за деньги, а, если можно, напечатать их в 2000 экземп‹лярах› у Щепкина и Солдатенкова в Москве. Они денег не дают, а напечатают и при продаже вычитают сначала свой капитал, с благоразумным процентом.[3] Это мне кажется лучше по многим причинам, о которых долго распространяться, и я бы непременно так сделал, если б по приезде в Петербург тотчас же достал бы денег на житье (кроме того, что получу от Краевского). Понимаешь, что всё это меня очень интересует. Тут жизнь и будущность. Впрочем, не бери слова мои à la lettre* и, если только представится случай, продавай за деньги; случая же этого ищи, не дожидаясь меня в Петербург. Пойми, что время уходит. Пора бы уж печатать. Время уходит, а вместе с тем теряются и денежные шансы...

Но черт с деньгами! Тебя бы мне хотелось обнять, — вот что! Поскорее бы поселиться возле вас, в вашем кругу. Тяжело мне жить здесь. Приняться ни за что не могу от разных нравственных волнений; время уходит... Ты не поверишь, голубчик Миша, что значит ожидание! Месяц! да еще кончится ли через месяц? Может, пройдет и три и четыре. Пишешь об идее, для которой надо бы тысяч 15, 20 — для начала. Меня, брат, самого всё это волнует. Точно мы какие-то проклятые вышли. Смотришь на других: ни таланту, ни способностей — а выходит человек в люди, составляет капитал. А мы бьемся, бьемся... Я уверен, например, что у нас с тобой гораздо больше и ловкости и способностей и знания дела (sic), чем у Краевского и Некрасова. Ведь это мужичье в литературе. А между прочим, они богатеют, а мы сидим на мели. Ты, например, начал свою торговлю. Сколько труда-то, а какие результаты? Что ты нажил? Еще слава богу, что жил чем-нибудь да детей воспитал. Торговля же твоя дошла до известной точки и остановилась.[4] Это грустно для человека с способностями. Нет, брат, надо подумать, да еще и серьезно; надо рискнуть и взяться за какое-нибудь литературное предприятие, — журнал например... Впрочем, об этом подумаем и поговорим вместе. Дело еще не ушло.

Из романа моего действительно мало вышло; 13—14 листов. Очень немного, и я получу меньше, чем рассчитывал. Но что за нужда! Присылай мне, ради бога, отдельный экземпляр, еще до выхода книжки;[5] пойми, как всё это меня интересует. За $8^3/_4$ листов будет 1050 р., след‹овательно›, мне придется по выходе книжки, за вычетом тебе долгу (375 р.) — 175 р., а не 125 р.

а с своей стороны *вписано.*

б *Зачеркнуто позднее.*

* буквально (*франц.*).

Очень прошу тебя: получи их скорее и, на всякий случай, немедленно вышли их мне. Кто знает, может, и решится судьба моя. Тогда деньги нужны для выезда отсюда. И потому присылай как можно скорее.

Прощай, обнимаю тебя, пиши что-нибудь и поскорее.

Твой Достоевский.

Как выйдет роман — тотчас же и во всей подробности сообщи мне всё, что о нем услышишь. Какие толки будут, если только будут.[6]

170. В. М. КАРЕПИНОЙ

12 ноября 1859. Тверь

Тверь. 12 ноября 59

Вот уже четыре дня, как я опять в Твери, и только теперь собрался уведомить тебя, милаяВаренька, о моем приезде. Всё разные дела и маленькие хлопоты. Ехал я благополучно, только опоздал 5 минут на первый поезд и принужден был ехать с пассажирским. Приехал домой в 10-м часу и весь вечер рассказывал жене о моих приключениях. Тебя, голубчик Варенька, я расхвалил до небес, (Верочку тоже), — да и мог ли я иначе сделать. Мне так хочется опять увидеть тебя. Рассчитывая теперь, я вижу, что мне надо погостить в Москве подолее.[1] Кроме приятности сойтись с вами еще ближе, — могут быть и дела (литературные), я это предчувствую. А потому, может, еще до праздников удастся еще раз побывать в Москве. Я так воспламенил мою жену, что и ей хочется ехать. Не знаю, удастся ли вместе.[2] Если приедем оба, то остановимся в гостинице и, не пивши чаю, прямо к тебе, голубчик сестрица. Но ведь когда еще это будет! Да и будет ли?

О моих делах из Петербурга нет еще никакого слуху: когда-то еще получу позволение. А до тех пор жду, — а ждать — положение самое несносное. Получил письмо от брата Миши; часть моего романа уже отпечатана и скоро выйдет, но вышло в печати меньше листов, чем я рассчитывал, а след‹овательно›, я и денег получу менее, этак рублей 250 или 300 менее. Со всех сторон неудачи.

Миша пишет, что некоторое время они ждали меня каждый день. У них пронесся слух, что уже мне позволено приехать.[3] Очень грустит, что слух не оправдался. Зовет меня, хочет увидеться, да и я сам не меньше его. Так тошно в Твери. Ничего нет несноснее неопределенного положения.

Целую тебя, милая Варенька, от всей души. Ты и Миша для меня теперь из всех самые дорогие. Передай мой поклон и поцелуй Верочке, поклонись от меня ее мужу, дяде, тетеньке и бабушке. Твоим детям мой поклон. Целую у Машеньки ручку.[4]

К моему приезду она, верно, выучит что-нибудь хорошенькое. Верочкиных детей перецелуй;[5] Катю и дипломата-повара особенно. Прощай, голубчик мой, до свиданья.

Твой брат Ф. Достоевский.

171. А. Е. ВРАНГЕЛЮ

19 ноября 1859. Тверь

Тверь 19 ноября 1859 года

Дорогой друг мой, Александр Егорович, спешу писать к Вам. Разные обстоятельства решительно задержали меня отвечать Вам раньше. Да и теперь беру перо, чтобы опять писать о делах. Когда-то они кончатся и когда-то я обниму вас всех, моих милых. Я опять к Вам с просьбой, и дай бог, чтоб это была последняя! Измучил я Вас этими просьбами.[1] Но Вы всегда для меня были братом. Не откажите и теперь.

Вот в чем дело: Вы пишете, для чего я, имея согласие от Долгорукого и Тимашева на водворение мое в Петербурге, не еду к Вам. То-то и беда, друг мой, что нельзя; ибо дело теперь у государя. Сам же я писал к нему, и теперь уже он решит.[а] Я было думал приехать на некоторое время; потому что если Долгорукий согласен *даже на окончательный мой переезд в Петербург*, то уже не будет сердиться, если я, в ожидании окончательного решения, приеду в Петербург на несколько дней. Я было и решился ехать и сказал об этом гр. Баранову. Но тот мне отсоветовал, боясь, чтоб я не повредил себе, самовольно воспользовавшись правом, о котором еще так недавно просил и до сих пор не получил ответа. Согласитесь сами, друг мой, что не могу же я ехать, если Баранову этого не хочется. А не сказавшись ему, я не мог уехать. Он переслал мое письмо к государю (через Адлерберга) и просил вручить его от *своего имени*, след‹овательно›, ручался за меня как губернатор; а потому если б я поехал тихонько от него, было бы с моей стороны неделикатно. И потому вот что я придумал и что граф сам мне посоветовал. Именно: написать кн. Долгорукому письмо, в котором я прошусь на временный приезд в Петербург, в ожидании окончательного решения по первой просьбе моей, то есть об окончательном водворении моем в Петербурге. Это письмо Долгорукому я уже написал и отсылаю[б] сегодня же. Причину, по которой я прошусь в Петербург, я выставляю денежные мои обстоятельства; то есть что намерен издать выбор из прежних моих сочинений, что должен сыскать себе издателя, то есть покупщика, и сделать это непременно лично. Ибо, действуя заочно, много могу потерять, что уже и случалось со мной не раз; а всякая потеря в насто-

---

а *Было:* **должен решить**

б *Далее было:* **вместе с Вашим**

ящем крайнем положении моем для меня очень значительна. (Всё это справедливо и истинно; я хочу посоветоваться с Кушелевым. Он издает и может за мои сочинения заплатить мне порядочно. Да к тому же у меня с ним еще счеты по журналу, и об этом надо поговорить лично.[2] Вот почему я поставил эту причину в письме к Долгорукову, разумеется, не упоминая о Кушелеве.) [3] Как Вы думаете теперь, дорогой мой? Если согласен был князь Долгор‹укий› даже на водворение мое в Петербурге, неужели откажет в ожидании окончательного решения позволить мне приехать на малое время? Думаю, что нет; но могут *протянуть ответ*. Вот поэтому-то и просьба к Вам следующая:

Если можно, дорогой мой, уведомьте Эдуарда Ивановича о том, что я сегодня, 19-го числа, послал письмо к Долгорукому с этой просьбой, и уведомьте по возможности немедленно. Я бы сам написал Эдуарду Ивановичу, но боюсь, что я его уже слишком беспокою. Вы — мой брат и друг, с Вами я не церемонюсь; мы связаны старыми хорошими воспоминаниями. А Эдуард Иванович только по крайней доброте своей и по благородству своему обо мне [в] заботится. Так боюсь, так боюсь обеспокоить его чересчур! Он так со мной был деликатен, что и мне надо быть с ним деликатным. С другой стороны, я понимаю и его положение. Кто знает, в каких отношениях он находится ко всем этим лицам. Может быть, ему тяжело просить их о чем-нибудь. А потому *главнейшая черта, дух и смысл* моей просьбы к Вам: съездите (если только Вам возможно) к Эдуарду Ивановичу и посмотрите со всем вниманием, призвав на помощь всю деликатность Вашего сердца, — как бы мог принять Эдуард Иванович эту новую просьбу мою? Если увидите, что она его не отяготит, то скажите ему всё. Именно: расскажите, в чем дело, что 19-го ноября я послал письмо к Долгорукому с такой-то просьбой и что нельзя ли поддержать это письмо мое к Долгорукому своим ходатайством у него за меня. Если он скажет, что можно, то скажите ему всю правду. Если же Вы сами найдете, что я уже слишком беспокою его, — если найдете это, даже еще не ездя к нему, то уж и не ездите совсем. Всё на Ваше усмотрение, друг мой, а на расположение Ваше ко мне я полагаюсь. Просьба-то, видите ли, роковая! Могут отказать, могут не ответить и, наконец, могут затянуть дело; могут, наконец, и очень скоро ответить, но отказом. И потому,[г] чтоб не потерять время! Впрочем, всё на Ваше усмотрение.

Кланяйтесь Эд‹уарду› Ив‹ановичу› и благодарите его от меня. На этот раз прощайте, голубчик мой. Не пишу Вам больше ничего. Скоро, может быть, увидимся. Даже брату не отвечаю сегодня, — так тороплюсь.

Ваш в‹есь› Достоевский.

19 ноября

[в] *Было:* за меня

[г] *Далее было начато:* если уж

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1843

1. НАЧАЛЬНИКУ ОФИЦЕРСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА КАПИТАНУ ГАРТОНГУ

8 июня 1843. Петербург

Начальнику офицерских отделений
Главного инженерного училища
г-ну капитану Гартонгу

Инженер-подпоручика Достоевского

Рапорт

Страдая болью в груди и продолжительными ломотами, я прибегнул к совету доктора, г-на статского советника Валькенау, который объявил мне, что купанье в море принесло бы мне несомненную пользу. Но так как вода в Кронштадте, где предстоят верхнему офицерскому классу практические занятия, по отзыву г-на доктора Валькенау, весьма слаба, то купанье в ней никак не может считаться средством целительным. Посему прошу покорнейше, Ваше высокоблагородие, исходатайствовать мне у его превосходительства г-на Начальника Училища, двадцати осьмидневный отпуск в Ревель для пользования тамошними ваннами, во время года тому благоприятствующее, то есть в средине лета, когда вода еще не остыла. — Почту обязанностью прибавить, что ежели начальство удостоит поручить мне занятия и работы в Ревеле, соответствующие предстоящим нам в Кронштадте, то я употреблю все усилия, чтобы усердием и прилежанием оправдать его снисхождение.

Инженер-подпоручик Достоевский

1843 года
Июня 8-го дня

2. НАЧАЛЬНИКУ ОФИЦЕРСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА КАПИТАНУ ГАРТОНГУ

13 июня 1843. Петербург

Начальнику офицерских отделений
Главного инженерного училища
г-ну капитану Гартонгу

Инженер-подпоручика Достоевского

Рапорт

Имею честь представить Вашему высокоблагородию просьбу на Высочайшее имя об отпуске меня в Ревель для излечения. — При сем предъявляю свидетельство г-на доктора медицины Валькенау.

Инженер-подпоручик Достоевский.

1843 года
Июня 13-го дня.

1857

3. КОМАНДИРУ СИБИРСКОГО ЛИНЕЙНОГО № 7 БАТАЛЬОНА ПОДПОЛКОВНИКУ ВЕЛИХОВУ

27 июля 1857. Семипалатинск

Командиру Сибирского линейного № 7 батальона,
г-ну подполковнику и кавалеру Велихову

Прапорщика того же батальона Достоевского

Рапорт

Вчерашнего числа, возвратясь из двухмесячного отпуска, данного мне для излечения от застарелой падучей болезни в форпосте Озерном,[1] я получил из семипалатинской городской полиции извещение, что пасынок мой, девятилетний Исаев, принят в Сибирский кадетский корпус. Дежурство корпусного штаба известило семипалатинскую городскую полицию, от 17-го июля 1857 года, за № 5207-м, что его высокопревосходительство, господин корпусный командир, изволил сделать распоряжение об отпуске из Тобольского окружного казначейства, под расписку г-жи Исаевой (ныне жены моей, Достоевской), прогонных денег и подорожной на доставление в Сибирский кадетский корпус к 1-му августа его года сына ее, Исаева. Но так как жена моя, вступая со мною в брак, переехала на жительство из города

Кузнецка, Томской губернии, в г. Семипалатинск, то г-н начальник корпусного штаба, уведомленный об сем обстоятельстве, уже просил Тобольскую казенную палату о выдаче прогонных денег и подорожной на доставление Павла Исаева в г. Омск, из Семипалатинского окружного казначейства, по требованию матери его, г-жи Достоевской, бывшей в первом браке Исаевой.

Имея честь почтительнейше уведомить о сем обстоятельстве Ваше высокоблагородие, нахожусь вынужденным присовокупить, что Семипалатинское окружное казначейство, без указа Тобольской казенной палаты, не может выдать следуемые Павлу Исаеву прогонные деньги. И потому почтительнейше прошу известить о сем обстоятельстве его превосходительство, господина семипалатинского военного губернатора. Как вотчим Павла Исаева, я обязан распорядиться о доставлении его в Сибирский кадетский корпус, непременно к 1-му числу августа сего года или, по крайней мере, в первых числа того же месяца. Имея доверенного человека для препровождения Павла Исаева, именно почтальона семипалатинского почтамта Ляпухина,[2] я, если уже не могу получить тотчас же прогонных денег, непременно должен снабдить моего пасынка подорожною, чтобы не было задержек в дороге.

Имея честь почтительнейше изложить Вашему высокоблагородию все сии обстоятельства, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше высокоблагородие донести о сем деле его превосходительству, г-ну семипалатинскому военному губернатору и исходатайствовать у его превосходительства подорожную по казенной надобности для доставления в Сибирский кадетский корпус Павла Исаева.[3] Без нее я не могу распорядиться доставлением его в Омск в первых числах августа, и он, не явившись к сроку, может потерять право на поступление в корпус.

Прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона

Достоевский.

Семипалатинск
27-го июля 1857 года.

1858

4. РЕВЕРС

16 января 1858. Семипалатинск

Я, нижеподписавшийся, даю сей реверс[1] в том, что если по всеподданнейшей моей просьбе разрешится мне увольнение от службы, то более о казенном пропитании просить нигде не буду. Жительство по отставке буду иметь в столичном городе Москве.

16 января 1858 года. Областной город Семипалатинск.

Сибирского линейного батальона № 7-го прапорщик Достоевский.[2]

5. АЛЕКСАНДРУ II

Начало марта 1858. Семипалатинск

Всепресветлейший, державнейший, великий государь
император Александр Николаевич,
самодержец всероссийский, государь всемилостивейший![а]

Просит Сибирского линейного батальона
№ 7-го прапорщик Федор Михайлов
сын Достоевский о нижеследующем.

В службу Вашего императорского величества поступил я, из дворян С.-Петербургской губернии, кондуктором ‹1›838 января 16, в кондукторскую роту Главного инженерного училища, соизволения его императорского высочества генерал-инспектора инженерной части, за хорошее поведение и знание фронтовой службы произведен в унтер-офицеры ‹1›840 ноября 29-го, по высочайшему повелению переименован в портупей-юнкера ‹1›840 декабря 27-го в оной же роте. Произведен по экзамену в полевые инженер-прапорщики тысяча восемьсот сорок первого года августа пятого дня, имея от роду девятнадцать лет, с оставлением в Главном инженерном училище для продолжения полного курса наук в верхнем офицерском классе, на действительную службу в инженерный корпус ‹1›843-го августа 12-го, зачислен при С.-Петербургской инженерной команде с употреблением при чертежной инженерного департамента ‹1›843 августа 23-го, высочайшим приказом уволен за болезнью от службы с чином поручика ‹1›844 октября 19, из списков С.-Петербургской инженерной команды исключен ‹1›844 декабря 17, по высочайшему повелению разжалован ‹1›849 декабря 19 с отсылкою в каторжную работу в крепостях. По окончании срока рядовым ‹1›854 марта 2-го, в сей Сибирский линейный батальон № 7, по высочайшему повелению произведен в унтер-офицеры ‹1›856 января 15, по высочайшему повелению за отличие по службе произведен в прапорщики 1856 года октября 1-го, в оном же батальоне, по выборам дворянства не служил. В продолжение сей моей службы в походах и в делах против неприятеля не находился. Особых поручений по высочайшим Вашего императорского величества повелениям и от своего начальства не имел. Орденами и знаками отличия награждаем не был, высочайших благоволений всемилостивейших рескриптов и наград не получал. В штрафах находился по высочайше утвержденной конфирмации, состоявшейся в 19 день декабря 1849 года, последовавшей на всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата за принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного[б] дерзкими выражениями против православной церкви и вер-

---

а *Обращение напечатано на официальном бланке.*
б *В подлиннике:* наполнение

ховной власти, и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии. Лишен чина поручика, всех прав состояния с ссылкою в каторжную работу в крепостях на четыре года. Но по высочайшему Вашего императорского величества повелению, сообщенному г-ном военным министром от 18-го апреля 1857 года за № 2468 к г-ну командиру отдельного Сибирского корпуса, объявлено мне и законным детям даровать прежние права по происхождению, но без права на прежнее имущество. В отпуску был 1843 года с 21 июня на 28 дней и на срок явился. Обучался в главном Инженерном училище. Женат на вдове губернского секретаря Исаева Марье Дмитриевой, детей не имею. Православного исповедания, находится при мне. За мною, родителями моими и женою имения родового и благоприобретенного не состоит. От роду мне ныне 35 лет. К сему прошению[в]

Ныне по расстроенному совершенно на службе здоровью, чувствую общую слабость сил в организме, при истощенном телосложении, и частовременно страдаю нервною болью лица, вследствие органического страдания головного мозга, я не могу далее продолжать службу вашего императорского величества, о чем прилагаю у сего за подписью прикомандированного к Сибирскому линейному батальону № 7 лекаря Ермакова свидетельство за № 26м, учиненное в присутствии оного № 7 батальона штабс-капитана Бахирева.[1] А потому всеподданнейше прошу. Сибирского линейного батальона № 7[в]

Дабы повелено было сие прошение принять и меня, поименованного по вышепрописанным болезням, означенным в свидетельстве за № 26м, от воинской службы на основании 469 ст. 1-го продолжения 11 копии II части свода военных постановлений уволить с повышением чина, за что я после отставки ни о каком другом казенном содержании просить не буду, прилагаю у сего мой реверс января 16-го дня 1858 года, к поданию надлежит командиру Сибирского линейного батальона № 7-го. Сие прошение набело переписывал Сибирского линейного батальона № 7-го унтер-офицер Андрей Андреев сын Шилицын, а сочинял сам проситель.

Прапорщик Федор Михайлов сын Достоевский руку приложил.

Жительство иметь буду в столичном городе Москве.[в] [2]

[в] *Текст, выделенный разрядкой, — автограф Достоевского.*

6. ДИРЕКТОРУ СИБИРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА А. М. ПАВЛОВСКОМУ

Вторая половина мая 1858. Семипалатинск

Ваше превосходительство,
милостивый государь
Александр Михайлович.

В конце 1857-го года поступил в Сибирский кадетский корпус казеннокоштным воспитанником пасынок мой Павел Исаев, сын умершего на службе губернского секретаря Александра Исаева. Я просил тогда о принятии его в корпус, во-первых, потому, чтоб мальчик, не привыкая дома к праздности, не упустил своего первоначального образования, столь трудного, когда уже потеряно значительное время в ничегонеделаньи. А во-вторых, сам я, находясь на службе в 7-м линейном Сибирском батальоне и всё еще считая себя ссыльным, не предвидел скорого возврата в Россию, а потому и принужден был воспитывать моего пасынка здесь, в Сибири.

Получив теперь отставку и вместе с нею разрешение ехать в Россию, я нахожу совершенно невозможным оставить в Сибири маленького Исаева.[1] Кроме того, что тяжело и невыгодно воспитывать детей вдали от их семейств, мне не хотелось бы оставить его здесь как круглого сироту, брошенного его вотчимом. Наконец — он единственное дитя у матери, которая не может расстаться с ним навсегда: такая разлука была бы почти вечная.

Простите, Ваше превосходительство, что осмеливаюсь утруждать Вас, излагая такие подробности. Мне хотелось только изобразить перед Вами всю ту необходимость, которая заставляет меня теперь обратиться к Вашему превосходительству с всепокорнейшею просьбою об увольнении Исаева, совершенно, из корпуса, для дальнейшего его образования в России, вблизи его семейства. Повергая перед Вами просьбу мою, я считаю себя обязанным надеяться на справедливое и человеколюбивое решение Ваше по этому делу.

С глубочайшим уважением пребываю Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Федор Достоевский.

Семипалатинск 58 г.

1859

7. АЛЕКСАНДРУ II

Между 10—18 октября 1859. Тверь

Ваше императорское величество,

Я, бывший государственный преступник, осмеливаюсь повергнуть перед великим троном Вашим мою смиренную просьбу. Знаю, что я недостоин благодеяний Вашего императорского величества и последний из тех, которые могут надеяться заслужить Вашу монаршую милость. Но я несчастен, а Вы, государь наш, милосердны беспредельно. Простите меня за письмо мое и не казните Вашим гневом несчастного, нуждающегося в милосердии.

Я был судим за государственное преступление в 1849 году, в С.-Петербурге, разжалован, лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь, в каторжную работу второго разряда, в крепостях, на четыре года, с зачислением, по истечении срока работ, в рядовые. В 1854 году, по выходе из Омского крепостного острога, я поступил в 7-й Сибирский линейный батальон рядовым; в 1855 году был произведен в унтер-офицеры, а в следующем, 1856 году был осчастливлен высочайшею милостию Вашего императорского величества и произведен в офицеры. В 1858 году Ваше императорское величество изволили даровать мне право на потомственное дворянское достоинство. В том же году я подал в отставку, вследствие падучей болезни, открывшейся во мне еще в первый год каторжной работы моей, и теперь, по получении отставки, переехал на жительство в город Тверь. Болезнь моя усиливается более и более. От каждого припадка я видимо теряю память, воображение, душевные и телесные силы. Исход моей болезни — расслабление, смерть или сумасшествие. У меня жена и пасынок, о которых я должен пещись. Состояния я не имею никакого и снискиваю средства к жизни единственно литературным трудом, тяжким и изнурительным в болезненном моем положении. А между тем врачи обнадеживают меня излечением, основываясь на том, что болезнь моя приобретенная, а не наследственная. Но медицинскую помощь, серьезную и решительную, я могу получить только в Петербурге, где есть медики, специально занимающиеся изучением нервных болезней. Ваше императорское величество! В Вашей воле вся судьба моя, здоровье, жизнь! Благоволите дозволить мне переехать в С.-Петербург для пользования советами столичных врачей. Воскресите меня и даруйте мне возможность с поправлением здоровья быть полезным моему семейству и, может быть, хоть чем-нибудь моему Отечеству! В Петербурге живут постоянно двое братьев моих, с которыми я десять лет был в разлуке; братские заботы их обо мне могли бы облегчить тяжелое мое положение. Но несмотря на все надежды мои, дурной исход болезни или смерть моя могут оста-

вить без всякой помощи мою жену и пасынка. Покамест во мне есть хоть капля здоровья и силы, я буду работать для их обеспечения. Но в будущем волен бог, а человеческие надежды неверны. Государь всемилостивейший! Простите мне еще и другую просьбу и благоволите оказать чрезвычайную милость, повелев принять моего пасынка, двенадцатилетнего Павла Исаева, на казенный счет в одну из с.-петербургских гимназий. Он — потомственный дворянин, сын губернского секретаря Александра Исаева, умершего в Сибири на службе Вашего императорского величества, в городе Кузнецке Томской губернии, — умершего единственно по недостатку медицинских пособий, невозможных в глухом краю, где служил он, и оставившего жену и сына без всякого состояния. Если же прием в гимназию для Павла Исаева невозможен, то благоволите, государь, повелеть принять его в один из с.-петербургских кадетских корпусов. Вы осчастливите его бедную мать, которая ежедневно учит своего сына молиться о счастии Вашего императорского величества и всего августейшего дома Вашего. Вы, государь, как солнце, которое светит на праведных и неправедных. Вы уже осчастливили миллионы народа Вашего; осчастливьте же еще бедного сироту, мать его и несчастного больного, с которого до сих пор еще не снято отвержение и который готов отдать сейчас же всю жизнь свою за царя, облагодетельствовавшего народ свой!

С чувствами благоговения и горячей, беспредельной преданности осмеливаюсь именовать себя вернейшим и благодарнейшим из подданных Вашего императорского величества.[1]

Федор Достоевский.

8. НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ В. А. ДОЛГОРУКОВУ

3 ноября 1859. Тверь

Ваше сиятельство,

Простите меня, что осмеливаюсь беспокоить Вас моею почтительнейшею просьбою. — Я — бывший политический преступник, находившийся под следствием и судом в С.-Петербурге в 1849 году, и, по высочайшему повелению, в том же году, был сослан в Сибирь в каторжную работу в крепостях на 4 года, с зачислением, по истечении срока работ, в рядовые. Окончив полный срок работы, я поступил рядовым в 1854 году в Сибирский линейный батальон № 7. В 1856 году по высочайшему повелению произведен был в унтер-офицеры и в том же году, октября 1-го, в прапорщики с оставлением на службе в том же батальоне. В 1858 году осчастливлен был высочайшею милостью возвращением мне потомственного дворянского достоинства. В том же году я подал

в отставку, по причине тяжкой падучей болезни, а в нынешнем 1859 году уволен от службы подпоручиком и перешел на жительство в г. Тверь, где и нахожусь уже около трех месяцев.

Его превосходительство, Эдуард Иванович Тотлебен уведомил меня, что он обращался к Вам с просьбою: исходатайствовать мне у государя императора дозволение на жительство мое в С.-Петербурге. Он прибавлял в письме своем, что Ваше сиятельство дали на это Ваше благосклонное согласие. Ободренный уведомлением Эдуарда Ивановича, я решаюсь и сам почтительнейше просить Ваше сиятельство не оставить меня в тяжелом положении моем.[1] Я болен падучею болезнию и между тем я должен трудиться, содержать жену, устроить судьбу моего малолетнего пасынка. Надежда на излечение болезни моей призывает меня в Петербург, где, пользуясь советами опытнейших докторов, я еще мог бы поправить здоровье мое и быть полезным моему семейству. Кроме того, в Петербурге постоянно живут двое братьев моих: я могу твердо надеяться на их всегдашнюю братскую помощь, что для меня необходимо в болезненном моем положении. Дав мне возможность возвратиться в Петербург, Ваше сиятельство сделаете мне благодеяние, которое навеки останется в благодарном сердце моем.

Долгом считаю уведомить Ваше сиятельство, что я две недели тому назад написал письмо к его императорскому величеству. Губернатор города Твери, его сиятельство граф Баранов, переслал письмо это его сиятельству графу Адлербергу для вручения лично государю императору. В этом письме, излагая всё бедственное положение мое, я просил великодушнейшего монарха нашего призреть на меня и позволить мне переехать в С.-Петербург для излечения моей болезни. В том же письме я просил его императорское величество принять на казенный счет моего пасынка, потомственного дворянина, двенадцатилетнего Павла Исаева в одну из с.-петербургских гимназий. На письмо это граф Баранов не имеет еще до сих пор никакого уведомления от его сиятельства графа Адлерберга.[2]

Осмеливаюсь питать сладкую надежду, что Ваше сиятельство удостоите принять благосклонно письмо и просьбу мою и будете содействовать ей у великодушнейшего из монархов.[3] Простите мне надежду мою; но я пишу к *Вам*, прошу *Вас*; могу ли же не ожидать сострадания и милосердия!

Удостойте, Ваше сиятельство, принять уверение в чувствах наиглубочайшего уважения, с которым осмеливаюсь иметь честь именоваться Вашего сиятельства всепокорнейшим слугою.

Федор Достоевский.

Тверь
3 ноября 1859 г.

9. УПРАВЛЯЮЩЕМУ III ОТДЕЛЕНИЕМ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ А. Е. ТИМАШЕВУ

3 ноября 1859. Тверь

Ваше превосходительство
Александр Егорович!

Простите меня, что осмеливаюсь беспокоить Вас моею почтительнейшею просьбою. К Вам обращается бывший политический преступник, четыре года находившийся в каторжной работе в крепостях, бывший потом рядовым в 7-м Сибирском линейном батальоне и взысканный наконец высочайшею монаршею милостью: производством в офицеры и возвращением вновь потомственного дворянского достоинства. Вследствие падучей болезни я нахожусь теперь в отставке. Его превосходительство Эдуард Иванович Тотлебен известил меня, что он обращался к Вам с просьбою исходатайствовать у его императорского величества дозволение на жительство мое в С.-Петербурге и что Ваше превосходительство изволили изъявить согласие на благосклонное с Вашей стороны содействие.[1] Благодарность моя к Вам беспредельна. Переезд в Петербург для меня в настоящем положении моем — благодеяние. Только там я надеюсь излечить тяжкую болезнь мою, пользуясь советами опытных докторов. Кроме того, я во всяком случае могу найти в Петербурге помощь от родных моих, для меня и для моего семейства — помощь для меня необходимую по болезни моей.

Долгом считаю уведомить Ваше превосходительство, что я две недели тому назад написал письмо к его императорскому величеству. Губернатор Тверской губернии, его сиятельство граф Баранов переслал письмо это его сиятельству графу Адлербергу для вручения лично государю императору. В этом письме я изложил всё бедственное положение мое и просил великодушнейшего монарха нашего помиловать меня и позволить мне переехать в С.-Петербург для излечения моей болезни. В том же письме я просил его императорское величество повелеть принять на казенный счет моего пасынка, потомственного дворянина, двенадцатилетнего Павла Исаева в одну из с.-петербургских гимназий. На письмо это его сиятельство граф Баранов не получал до сих пор еще никакого уведомления от его сиятельства графа Адлерберга.[2]

Осмеливаясь надеяться на благосклонное и сострадательное участие Ваше к судьбе моей, я почтительнейше прошу Ваше превосходительство удостоить принять уверение в чувствах наиглубочайшего уважения моего и совершенной преданности.

Федор Достоевский.

Тверь
3-го ноября, 1859 года.

10. НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ В. А. ДОЛГОРУКОВУ

19 ноября 1859. Тверь

Ваше сиятельство!

Недавно я, получив от его превосходительства генерал-адъютанта Тотлебена уведомление о согласии Вашем на водворение мое в Петербурге, писал Вам письмо, в котором, излагая причины для моего переезда, просил Ваше сиятельство не оставить просьбы моей и принять ее благосклонно.

Я бы не осмелился в столь короткое время в другой раз обеспокоить Вас; но крайность моего положения заставляет меня снова обратиться к Вам с другою просьбою. Я покорнейше прошу дозволить мне, в ожидании окончательного решения по первой просьбе моей, прибыть на некоторое время в Петербург, хотя бы на самый короткий срок.[1]

Причины, заставляющие меня просить об этом, заключаются в необходимости добыть для себя и для семейства моего средства к жизни. Я литератор, пишу в журналы и тем существую. В настоящее время, не имея ничего в виду, я решился издать выбор из прежних моих сочинений и должен сыскать издателя, то есть покупщика. Сделать же это мне необходимо лично. Действуя заочно, я могу много потерять, что уже случалось со мною не раз. А для меня в настоящем моем положении всякая денежная потеря весьма значительна; ибо в труде моем заключаются все средства к моему существованию.

Кроме того, в Петербурге живут мои два брата и сестра,[2] с которыми я не видался столько лет, после такой долгой разлуки.

Осмеливаясь надеяться на благосклонное внимание Ваше к этой просьбе моей, я покорнейше прошу Ваше сиятельство почтить меня Вашим уведомлением.

Удостойте принять уверение в чувствах наиглубочайшего моего уважения.

Федор Достоевский.

Тверь. 19 ноября 1859 год.

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга 1 тома XXVIII Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, открывающего свод его писем, содержит 171 письмо 1832—1859 гг. и 10 документов, входящих в раздел «Официальные письма и деловые бумаги», — всего 181 эпистолярный текст. Из них 173 письма и документа вновь сверены с оригиналами и публикуются по автографам, находящимся (кроме № 101) в различных архивохранилищах Советского Союза; 4 письма и 2 официальные бумаги, подлинники которых не обнаружены, печатаются по копии (№ 35) и тексту первых публикаций (№№ 75, 90, 164 и №№ 1, 2); одно письмо, автограф которого находится в частном собрании, в Ницце (№ 78 неустановленному лицу), — по его факсимильному воспроизведению в *ЛН* (т. 86). Отрывки из письма к М. М. Достоевскому от ноября 1844 г. (№ 50), процитированному в письме последнего к П. А. Каренину, и вышеупомянутое письмо к неизвестному от 3 июня 1848 г. (№ 78) включены в состав собрания писем Достоевского впервые. В том не включена записка к Д. В. Григоровичу из Дарового (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 132 и 505), принадлежащая не Ф. М., а М. М. Достоевскому и датированная не 1840-ми, а 1850-ми гг.* Письмо к П. Е. Анненковой от 18 октября 1855 г. (№ 101), воспроизводившееся в прежних публикациях по печатному источнику, публикуется по подлиннику. Уточнены (в пределах месяца или года) даты писем М. Ф. Достоевской от апреля—мая 1834 г. (№ 3), М. А. Достоевскому от конца декабря 1837—начала января 1838 г. (№ 17), М. М. Достоевскому от ноября 1844 г. (№ 50) и от начала сентября 1845 г. (№ 54), А. В. Старчевскому от апреля—первой половины мая 1847 г. (№ 73) и от апреля—июня 1847 г. (№ 74), М. М. Достоевскому от 30 января—22 февраля 1854 г. (№ 89) и Н. Д. Фонвизиной от конца января—двадцатых чисел февраля 1854 г. (№ 90).

В конце тома приведены сведения о несохранившихся и неразысканных письмах Достоевского 1832—1859 гг. Список их содержит 121 номер. Когда число исчезнувших писем известно, оно соответственно обозначается несколькими номерами; когда же переписка не сохранилась или до нас не дошел ряд писем, они даны под одним номером. К группам утраченных писем относится переписка с И. Н. Шидловским 1837—

---

* Об этом свидетельствует идентичность почерка других писем М. М. Достоевского этой поры, сообщение в записке о желании «перечесть» «драму Бальзака „Меркаде“», вышедшую в 1851 г., вероятность одновременного пребывания в эти годы (что явствует из записки) М. М. Достоевского в Даровом, а Д. В. Григоровича — по соседству в Дулебине, упоминание Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» 1877 г. о том, что он не был в Даровом «сорок лет» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 172). Инициалы же «Θ. М.» были проставлены в автографе другим лицом, в сознании которого эта фамилия ассоциировалась прежде всего с именем знаменитого писателя (автограф, долгое время хранившийся в Гос. архиве Горьковской области, ныне передан в *ЦГАЛИ*).

1840 гг., письма к А. А. и А. Ф. Куманиным за вторую половину 1837 г., к С. Д. Яновскому за лето 1847 г., к Н. Д. Фонвизиной в годы, проведенные в Омске, к Е. М. Неворотовой за 1854 г. (начиная с марта), к Н. С. Крыжановской за 1854—1857 гг. Не сохранились также письма к А. Н. Плещееву и к М. Д. Исаевой (за исключением одного), сведения о которых извлекаются из ответных писем адресата (в первом случае) или из других писем Достоевского. Сведения об утраченных письмах расширяют представление о круге адресатов Достоевского; в их число кроме перечисленных выше лиц входят В. Ф. Одоевский, Я. А. Слуцкий, А. А. де Граве, А. Г. Кушелев-Безбородко и др.

Тексты писем книги 1 тома XXVIII подготовили и примечания к ним составили: И. А. Битюгова (1832—1849 гг., №№ 1—88; «Официальные письма и деловые бумаги», №№ 1—2), И. Д. Якубович (1854—1859 гг., №№ 89—171, кроме писем А. Е. Врангелю; «Официальные письма и деловые бумаги», №№ 3—10), Т. И. Орнатская (письма А. Е. Врангелю 1855—1859 гг.).

Раздел «Несохранившиеся и ненайденные письма» подготовлен И. А. Битюговой.

В редактировании примечаний принимали участие Н. Ф. Буданова, Е. И. Кийко, В. А. Туниманов.

Редакционно-техническую подготовку тома к печати осуществили А. М. Березкин и И. Д. Якубович.

Редакторы тома И. А. Битюгова и Г. М. Фридлендер.

1. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 29)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, II.4.16.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 39.

Приписка рукой М. М. Достоевского к письму матери (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 73—75). Подпись Ф. М. Достоевского — «Федор» — так же, как имена В. М. и А. М. Достоевских, проставлены каждым собственноручно. Письмо М. Ф. Достоевской к мужу отправлено из приобретенного М. А. Достоевским летом 1831 г. имения в Тульской губернии, Каширского уезда — Даровое, где она вместе с детьми проводила лето 1832 г.

2. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 30)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 376.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 358.

Приписка к письму М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской. Здесь же приписка и М. М. Достоевского (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 81—83). Датируется 1833 г. на основании упоминания в письме М. А. Достоевского об ожидании объявления указа о разделе и оценке спорной (между М. А. Достоевским и его соседом П. П. Хотяинцевым) земли. Указ Каширского уездного суда был подписан 14 июля 1833 г. (см. там же, стр. 127). На письме М. А. Достоевского имеется дата «августа 23». А. М. Достоевский и В. С. Нечаева ошибочно датировали письмо 1834 г.

[1] М. А. Достоевский сообщал жене: «Уведомляю тебя, дражайшая моя, что милые наши соколы сегодня в одиннадцатом часу утра прибыли здоровы и благополучны, они доехали до Москвы в двое суток, меня они встретили здорового и на дороге близ пруда» (*Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 81).

3. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 31)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29607.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский*, II, стр. 309.

Написано на обороте письма М. М. Достоевского М. Ф. Достоевской. Датируется апрелем—маем 1834 г. по содержанию письма М. М. Достоевского: речь в нем идет об учебе в «пансионе» Драшусова, в котором старшие братья состояли с зимы 1833 по осень 1834 г. М. Ф. Достоевская, как это следует из писем 1835 г., уезжала с младшими детьми в Даровое в последней декаде апреля (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 83—85). Николенька, упоминаемый в письме М. М. Достоевского, в 1835 г. уехал с матерью в Даровое. Кроме того, М. М. Достоевский пишет об очень плохой погоде в Москве, а в 1834 г. (как и в 1835) необычно холодным был даже май. Так, В. Г. Белинский писал 25 мая 1834 г. к матери: «Погода в Москве гадкая: дождь беспрестанный, солнца видим мало и холод словно как в октябре» (*Белинский*, т. XI, стр. 112).

Приводим письмо М. М. Достоевского:

«Дражайшая маменька.

Расставшись с Вами, я долго Вас провожал глазами, наполненными слез, до тех пор пока Вы скрылись из моего виду. Тогда я, поплакавши и погрустивши, пошел в пансион; там мне сделалось так грустно, что я было начал плакать. Меня начали спрашивать, отчего у меня глаза заплаканы, но я отговорился насморком. С тех пор как мы с Вами расстались, любезная маменька, погода у нас такая скверная, беспрестанно идет то дождь, то снег. Мы беспрестанно думаем об Вас, здоровы ли Вы, любезная и дражайшая маменька, и благополучно ли Вы доехали до деревни.

Напишите мне хоть одну строчку об Верочке, которую заменил мне Николенька, и я его ношу часто на руках.

Желаю Вам, маменька, доброго здоровья и всех благ от бога, целуя миллион раз почтительно Ваши ручки с истинным почтением честь имею пребывать к услугам покорный сын Ваш

М. Достоевский.

Целую тысячу раз Андрюшеньку и Верочку.

Ульяна Ивановна Вам кланяется и просит поцеловать Верочку» (*Д, Письма*, т. I, стр. 462).

4. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 32)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, II.4.23.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 39—40.

Ответ на письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому от 3 мая 1835 г. с припиской, обращенной к детям (*Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 89—90). Подпись А. М. Достоевского проставлена им собственноручно.

[1] Предыдущие два письма неизвестны. М. Ф. Достоевская 3 мая 1835 г. писала детям: «Милые дети, благодарю вас за ваши письма; верьте, что всякая строчка ваша в разлуке моей с вами утешает меня несказанно. Целую вас, прощайте» (стр. 90).

[2] 9 мая отмечался день «тезоименитства» Николая I.

[3] Шутливый ответ на шутливое же сообщение в том же письме М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому о няне Алене Фроловне: «45-ти пудовая гиря свидетельствует тебе свое почтение и благодарит за память твою об ней, детям поручает сказать то же, прибавляя, что она исчезает. У ней кашель, и она думает, что это чахотка» (стр. 89—90). Об Алене Фроловне А. М. Достоевский рассказывал в воспоминаниях: «Алена Фроловна была, действительно, замечательная личность, и как я начинаю себя

помнить, не только была в уважении у родителей моих, но даже считалась как бы членом нашего дома, нашей семьи. Она не была нашею крепостною, но была московская мещанка и званием этим очень гордилась <...> Она была для женщины довольно высокого роста и притом очень толста, так что живот ее почти висел до колен. Ела она страшно много <...> почти ежегодно ей кидали кровь <...> после этого она всегда говаривала, что *она исчезает*, желая высказать этим, что она похудела и отощала. Выражение это впоследствии сделалось обычным ее ответом на вопрос о здоровье. „Что, Фроловна, как поживаешь?“ — спросит ее кто-нибудь из гостей. — „Да что, батюшка (или матушка), — отвечала она всегда, — совсем исчезаю!“ — И при этом начинала смеяться, колыхаясь всем своим грузным телом» (*Достоевский, А. М.*, стр. 24, 27).

5. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 32)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 376.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 360.

Приписано М. М. Достоевским к письму М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 16 мая 1835 г. Подписи Ф. М. Достоевского — «Федор» и А. М. Достоевского — «Андрей» — проставлены ими собственноручно. Датируется по письму М. А. Достоевского (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 94—95).

[1] Имеется в виду А. Ф. Куманина. «Тетенька Александра Федоровна Куманина была <...> только четырьмя годами старше маменьки, но должен прибавить, — писал А. М. Достоевский, — что моя маменька считала свою сестру более за мать, чем за сестру, она любила и уважала ее донельзя и эту свою любовь умела вселить и во всех нас. Тетенька <...> была крестною матерью всех нас, детей, без исключения. В детстве своем я любил бессознательно тетеньку, а впоследствии, когда сделался взрослым, я благоговел перед этою личностью, удивлялся ее истинно великому практическому уму и уважал и любил ее, как мать!» (*Достоевский, А. М.*, стр. 35).

[2] В. М. Достоевская в эту пору проводила праздничные дни не дома, а у Куманиных.

6. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 33)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, II.4.23.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 40.

Приписано М. М. Достоевским к письму М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 19 мая 1835 г. Подписи Ф. М. Достоевского — «Федор» и А. М. Достоевского — «Андрей» — проставлены ими собственноручно. Датируется по письму М. А. Достоевского (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 95—97).

[1] Марьина роща — в начале XIX в. место прогулок на окраине Москвы, недалеко от Мариинской больницы; позднее роща была застроена. А. М. Достоевский вспоминает о прогулках с отцом: «Прогулки происходили весьма чинно, и дети, даже за городом, в Марьиной роще, не позволяли себе поразвлечься, побегать. Это считалось неприличным и допускалось только в домашнем саду. В прогулках этих отец всегда разговаривал с нами, детьми, о предметах, могущих развить нас» (*Достоевский, А. М.*, стр. 48).

[2] См. письмо 5, примеч. 1, 2.

7. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 33)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 376.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 363—364.

Приписано Ф. М. Достоевским к письму М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 26 мая 1835 г. вслед за припиской М. М. Достоевского.

Подпись А. М. Достоевского проставлена им собственноручно. Датируется по письму М. А. Достоевского (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 100—102).

[1] М. М. Достоевский сообщал в приписке: «Экзамен наш, к сожалению, отложен, и говорят, что будет между 24 и 30 июня» (там же, стр. 102).

[2] Это письмо М. Ф. Достоевской неизвестно.

8. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 34)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, II.4.23.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 40—41.

Приписано М. М. Достоевским к письму М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 2 июня 1835 г. Подписи Ф. М. Достоевского — «Федор» — и А. М. Достоевского — «Андрей» — проставлены ими собственноручно; последним написана и фамилия. Датируется по письму М. А. Достоевского (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 107—108).

9. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 35)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, II.4.23.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 41.

Приписано М. М. Достоевским к письму М. А. Достоевского М. Ф. Достоевской от 23 июня 1835 г. Подписи Ф. М. Достоевского — «Федор» — и А. М. Достоевского — «Андрей» — проставлены ими собственноручно; последним написана и фамилия. Датируется по письму М. А. Достоевского (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 110—111). М. А. Достоевский «уведомлял» жену, что «дети приготовляются к экзамену, старшие — к заутренному дню, а Андрюша — к середе». Он сообщал также, что выедет из Москвы 6 июля.

10. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 36)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, II.4.27.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 41—43.

Написано М. М. Достоевским. Подпись Ф. М. Достоевского — «Федор» — проставлена собственноручно. Датируется 1837 г., так как речь идет о поступлении братьев Достоевских в Главное инженерное училище.

[1] Это письмо М. А. Достоевского неизвестно.

[2] Письма М. М. Достоевскому его товарища по пансиону Л. И. Чермака, К. Кудрявцева неизвестны. А. М. Достоевский свидетельствует: «Из товарищей к братьям не ходил никто. Раз только к старшему брату приезжал из пансионских товарищей некто Кудрявцев. Брату позволено было отдать ему визит, но тем знакомство и кончилось» (*Достоевский, А. М.*, стр. 70; см. также: *Биография*, отд. I, стр. 25). Кудрявцева упоминает Ф. М. Достоевский в письме к старшему брату от 9 августа 1838 г. (см. письмо 20).

[3] По приезде в Петербург в мае 1837 г. М. М. и Ф. М. Достоевские были отданы для приготовления к вступительным экзаменам в Инженерное училище преподавателю училища капитану К. Ф. Костомарову (см.: *Биография*, отд. I, стр. 29; *Достоевский, А. М.*, стр. 133). Сохранилось два письма М. А. Достоевского К. Ф. Костомарову (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 358, 359—360). Григоровичу Костомаров запомнился «добрейшим, мягким человеком» (*Григорович*, стр. 35).

[4] Ср. со свидетельством Григоровича: «Костомаров приготовлял питомцев таким образом, что они выдерживали поступной экзамен всегда первыми; их в училище так и звали *костомаровцами*; каждый лез из кожи, чтобы не ударить лицом в грязь и поддержать репутацию уважаемого наставника» (*Григорович*, стр. 35).

[5] Письмо братьев Достоевских А. Ф. Куманиной от 3 июля 1837 г. неизвестно.

11. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 37)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.10.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 3—4.

Написано Ф. М. Достоевским. Подпись «Михаил» проставлена М. М. Достоевским. Датируется 1837 г., так как речь идет о поступлении Ф. М. и М. М. Достоевских в Главное инженерное училище и о переезде М. А. Достоевского, вскоре после ухода в отставку 1 июля 1837 г., в Даровое («деревню») — см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 29.

[1] В Инженерном училище низшим классом считался четвертый, высшим — первый. Ф. М. Достоевский сдавал экзамены и был принят в третий класс (см. письмо 15).

[2] Имеется в виду «История государства Российского», к которой из всех произведений Карамзина Достоевский проявлял наибольший интерес. Рассказывая об отрочестве Федора Михайловича, его младший брат А. М. Достоевский писал: «„История“ же Карамзина была его настольною книгою, и он читал ее всегда, когда не было чего-либо новенького» (*Достоевский, А. М.*, стр. 69).

[3] А. М. Достоевский поступил в пансион Л. И. Чермака в августе 1837 г. вместо выбывших после трехгодичного в нем обучения Ф. М. и М. М. Достоевских. «Мне было уже 12 лет, — вспоминал А. М. Достоевский, — но я поступил только в первый класс. Это было желание папеньки, чтобы я начал школу с самого начала. От этого я потерял один год, но оказался в выигрыше в том, что был в классе ежели не первым, то из лучших <...> Конечно, в первое время пребывания в пансионе мне всё казалось и дико и скучно! Мысль, что всё близкое мне стало далеким, не раз мелькала в моем детском уме. Но и тут нашлось утешение. Некоторые воспитанники старших классов, бывшие товарищи братьев, не раз останавливали меня вопросами: „Ну, что, Достоевский, как поживают твои братья, что тебе известно о них?..“ Я отвечал, что́ знал, и вопросы эти очень утешали меня тем, что и здесь, в кругу всех чужих, имелись лица, которые знали и сочувствовали моим родным братьям» (*Достоевский, А. М.*, стр. 97).

12. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 38)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.10.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 4—5.

Написано Ф. М. Достоевским. Подпись «Михаил» проставлена М. М. Достоевским.

[1] Сохранилось письмо М. М. Достоевского М. А. Достоевскому от 20 августа 1837 г.; написано оно также от лица обоих братьев, но подписано только Михаилом Михайловичем, для подписи Федора Михайловича оставлено место. Приводим текст этого письма:

«Любезнейший папенька!

Слава богу! Наши сомнения и догадки наконец уничтожились. Письмо Ваше мы получили, из которого, к нашей радости, мы видим, что Вы находитесь в добром здоровье. За посылку мы Вас сердечно благодарим; она к нам пришла гораздо позже письма. Шидловский и Коронад Филиппович также получили письма Ваши, и первый, я думаю, уже и писал к Вам. Ах, папенька, ежели бы Вы знали, какой это достойный молодой человек. Мы не знаем как благодарить его. Он так любит нас, как будто родной. Всякое воскресенье навещает он нас, и мы, ежели бывает хорошая

погода, идем с ним в церковь, а там заходим к нему и к обеду возвращаемся домой. Коронад Филиппович также к нам очень ласков и почти беспрестанно с нами занимается. Ежели бы Вы видели, какие теперь у нас приготовления к экзамену. По целым почти дням мы стоим у доски, и Кор‹онад› Фил‹иппович› экзаменует нас почти изо всего. Что же касается до нас, то мы, можем сказать, очень хорошо из всего приготовлены. Нынче к нам будет учитель французского языка в Г‹лавном› инженерном училище, m-r Аккерман, чтобы экзаменовать нас, а я, повторив хорошенько грамматику и улучив минутку, стал писать к Вам, любезнейший папенька. Верите ли? До сих пор мы почти не имели свободного времени, чтобы написать к Вам, потому что днем Кор‹онад› Фил‹иппович› нам изъясняет, а вечером мы приготовляем свои уроки на следующий день.

Жаль, что бог не благословил нас урожаем озимых хлебов. Вы пишете о флигеле, который Вы начали строить, но какой же это флигель? Тот ли, который Вы хотели строить по плану Димитрия Александровича, или какой-либо другой? Сделайте милость, напишите к нам об этом: не только это, но и все подробности, до этого касающиеся, очень для нас интересны.

Насчет нас будьте совершенно спокойны. Мы употребим все наши старания, чтобы сделать Вам угодное. Поверьте, ежели бог до сих пор, видимо, нам покровительствовал, то, верно, и теперь он нас не оставит.

Мы не знаем, что Вам вздумалось, милый папенька, писать к нам о деньгах. О! у нас их еще очень много. Еще целая неменянная пятидесятирублевая бумажка и 4 целковых. А теперь, как кажется, тратить нам некуда. Всё нужное уже куплено, кроме, может быть, еще придется купить „Артиллерию“. Платье наше хорошо: нового нам совсем не нужно, потому что и с этим куда нам будет деваться после вступления? Мы не знаем, как благодарить Вас за Ваше попечение о нас. Мы уж и так очень много стоим Вам, очень, слишком много, чтоб когда-либо мочь совершенно возблагодарить Вас.

Сейчас только от нас ушел Аккерман: он экзаменовал нас с лишком два часа; мы у него отвечали очень хорошо и получили полные баллы. Кор‹онад› Фил‹иппович› также сказал нам, что он очень нами доволен. Кажется, что он еще будет у нас в другой раз. Впрочем, не знаем. Пожелав Вам доброго здоровья, полного успеха в занятиях и поцеловав Ваши ручки, остаемся Ваши послушные дети

Михаил и ‹Федор› Достоевские.

Братьев и сестер за нас поцелуйте.

Шидловский и Коронад Фил‹иппович› свидетельствуют Вам свое почтение.

Няне и Федосье мы кланяемся. Первой желаем потолстеть» (*Достоевский, А. М.*, стр. 365—366).

13. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 39)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 390.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 366—368.

Написано М. М. Достоевским. Подпись Ф. М. Достоевского — «Федор» — проставлена собственноручно. Датируется 1837 г., так как речь идет о вступительных экзаменах в Главное инженерное училище.

[1] В. Л. Шарнгорст.

[2] См. письмо 15, примеч. 3.

[3] Речь идет о Ф. А. Маркусе — экономе Мариинской больницы, друге семьи Достоевских. «Как ближайший сосед наш, — писал А. М. Достоевский, — он хаживал к нам ‹...› и часто проводил вечера, разговаривая с папенькой и маменькой. Говорил он отлично, и я, бывало, уставлю на него глаза, только и смотрю, как он говорит, и слушаю его!.. Вообще он

оставил в моем детстве самое отрадное впечатление. <...> Когда умерла маменька, то Федор Антонович, по просьбе отца, был главным распорядителем похорон и после похорон почти ежедневно навещал папеньку, развлекая его своими разговорами, и в это время еще более сблизился с нами. Когда отец после смерти маменьки, подав в отставку, уехал в деревню, то Федор Антонович Маркус неоднократно брал меня из пансиона Чермака к себе на праздники» (*Достоевский, А. М.*, стр. 31; см. также стр. 80).

14. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 41)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 390.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 368—370.

Написано М. М. Достоевским. Подпись Ф. М. Достоевского — «Феодор» — проставлена собственноручно. Датируется 1837 г., так как речь идет о поступлении братьев Достоевских в Главное инженерное училище.

[1] Эти письма М. А. Достоевского и А. Ф. Куманиной Ф. М. и М. М. Достоевским неизвестны. Сохранилось письмо М. А. Достоевского сыновьям от 17 октября, в котором он объясняет, почему «очень жестко написал» им недавно (и это раздраженное письмо отца неизвестно): «...я был сам не свой, много своего горя, много огорчений со стороны, сие всё чуть не свело меня в могилу, но теперь слава богу. Кровопускание меня спасло, и вот я опять ваш отец тот же. Теперь пишу к вам коротко, что в пылу пропустил» (*Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 115—116).

[2] Письма К. Ф. Костомарова М. А. Достоевскому неизвестны. Сохранилось письмо М. А. Достоевского К. Ф. Костомарову от 8 ноября 1837 г., в котором выражается удовлетворение по поводу «утешительного» письма Костомарова и упоминается еще одно собственное письмо к нему, отправленное ранее, когда он «терзался сомнением и был в отчаянии» за судьбу своих детей (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 358; см. также письмо 18, примеч. 4).

[3] Вероятно, имеется в виду письмо М. А. Достоевскому от 27 сентября 1837 г. (№ 13).

[4] Упомянутое письмо к А. Ф. Куманиной неизвестно.

[5] См. письмо 10, примеч. 2.

[6] Письмо А. Ф. Куманиной к братьям Достоевским неизвестно.

15. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 43)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 390.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 370—372.

Написано М. М. Достоевским от имени своего и Ф. М. Достоевского. Датируется 1837 г., так как речь идет о поступлении Ф. М. и М. М. Достоевских в Главное инженерное училище. К письму присоединена перекликающаяся с ним по содержанию приписка, сделанная на обрывке отдельного листа (текст: «<Иван> Николаевич ∾ Он в Москве»).

[1] Это письмо М. А. Достоевского неизвестно.

[2] Письма Ф. М. и М. М. Достоевских к отцу за вторую половину октября и ноябрь 1837 г. неизвестны.

[3] В письме от 17 октября 1837 г. М. А. Достоевский просил узнать, дошли ли до начальника Главного инженерного училища генерала В. Л. Шарнгорста письма его собственное и лейб-медика М. А. Маркуса, отправленные, по-видимому, в одном конверте, на котором последний проставил неточный адрес (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 116). Письма эти заключали ходатайство со стороны отца о принятии в училище М. М. Достоевского и свидетельство о хорошем состоянии его здоровья, посланные в ответ на просьбу старшего сына в письме к отцу

от 27 сентября 1837 г. Доставлены ли они были по назначению, неясно, так как письмо М. М. Достоевского с извещением об этом неизвестно. Позднее М. А. Достоевский обратился с письменной просьбой о содействии в поступлении М. М. Достоевского в С.-Петербургскую инженерную команду к генерал-инспектору А. К. Геруа. Письмо это возымело свое действие (см. письмо М. М. Достоевского к М. А. Достоевскому от конца января 1838 г.: *Письма Михаила Достоевского к отцу*, стр. 71).

[4] Переписка М. М. и Ф. М. Достоевских с Куманиными за 1837 г. неизвестна.

[5] См. письмо 11, примеч. 1.

[6] Дежурный офицер Инженерного училища А. И. Савельев свидетельствует, что Ф. М. Достоевского «очень любило его училищное начальство (некто А. Ч. Фере), которое готовило его на „ординарца“» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 104).

[7] Великий князь Михаил Павлович, начальник военно-учебных заведений, «человек, может, от природы одаренный добрым сердцем, но которого вся жизнь прошла в каком-то ненужном недосуге, в бесцельной суете...» (*Герцен*, т. XIII, стр. 359), придавал исключительное значение «фронту», учениям, военной дисциплине (см., в частности: *Григорович*, стр. 51—53). А. И. Савельеву запомнился такой маленький инцидент: «Раз ‹...› Достоевский, будучи ординарцем, представлялся великому князю Михаилу Павловичу, подходя к которому и сделав на караул, он оробел и вместо следующей фразы: „К вашему императорскому высочеству“, — громко сказал: „К вашему превосходительству“. Этого было довольно, чтобы за это досталось и начальству, и самому ординарцу» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 104; ср.: *Биография*, отд. 1, стр. 45).

16. В. М. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 45)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 390.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 372.

Написано М. М. Достоевским от имени своего и Ф. М. Достоевского на обороте отдельного полулиста, являющегося припиской к письму 15; см. там же обоснование датировки.

[1] В. М. Достоевская родилась 5 декабря 1822 г.

[2] По свидетельству В. А. Савостьяновой (дочери А. М. Достоевского), Варвара Михайловна была «очень музыкальна» (*Волоцкой*, стр. 159). М. М. Достоевский писал сестре 1 сентября 1839 г. после смерти отца: «Фортепьяно — лучшая твоя отрада теперь — я это знаю или по крайней мере в этом уверен, потому что музыка была любимым утешением покойного папеньки!» (там же, стр. 160).

17. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 45)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 390.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 372—373.

Написано М. М. Достоевским от имени своего и Ф. М. Достоевского. Сохранился только заключительный отрывок письма. Датируется концом декабря 1837 г.—началом января 1838 г., периодом, когда братья были еще вместе, а дело с поступлением М. М. Достоевского в инженерные юнкера затянулось: зачислен он был в С.-Петербургскую инженерную команду 25 января 1838 г. (см.: *Достоевский и его время*, стр. 280).

18. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 46)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 389.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 373—375.

[1] Ф. М. Достоевский был принят в Главное инженерное училище 16 января 1838 г. (см.: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 181; *Биография*, отд. I, стр. 35, там же см. характеристику этого военно-учебного заведения — стр. 30—31).

[2] Это письмо М. А. Достоевского неизвестно.

[3] Об установившихся в среде кондукторов Инженерного училища обычаях, возможных «разве только в самом диком обществе», в частности о жестоком обращении старших из них с вновь поступившими, «рябцами», см.: *Григорович*, стр. 37—41. А. И. Савельеву запомнилось, что Достоевский «не мог мириться с обычаями, привычками и взлядами своих сверстников-товарищей»; он и его приятель Бережецкий «употребляли все средства, чтобы прекратить эти обычные насилия ‹...›, старались защищать и сторожей и всякого рода служащих в училище» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 99). О первом годе учебы Ф. М. Достоевского в училище также см.: *Биография*, отд. I, стр. 35—38; *ЛН*, т. 86, стр. 359 (письмо М. М. Достоевского к М. А. Достоевскому от 29 января 1838 г.).

[4] См. письмо 17, обоснование датировки, а также благодарственное письмо М. А. Достоевского К. Ф. Костомарову от 1 марта 1838 г. за оказанные им «пособия» в поступлении старшего сына в инженерные юнкера (*ЛН*, т. 86, стр. 359—360).

[5] Деньги за Ф. М. Достоевского в Инженерное училище (950 руб. ассигнациями) были внесены его дядей А. А. Куманиным (*Достоевский, А. М.*, стр. 412).

[6] Имеется в виду Петропавловская крепость, в которой располагалась С.-Петербургская инженерная команда.

[7] Это письмо М. А. Достоевского неизвестно.

[8] У Достоевского, вероятно, ошибка. Шидловский уезжал не в Курск, а в Харьков, где он окончил ранее юридический факультет университета (см.: М. П. Алексеев. Ранний друг Ф. М. Достоевского. Одесса, 1921, стр. 5, 11). Об этом же сообщал отцу М. М. Достоевский в конце января 1838 г.: Шидловский «едет месяца на 4 в Харьков»; в письме же от 17 февраля извещал отца: «И. Н. Шидловский уже уехал. Думаю и даже наверно полагаю, что он Вас застал в Москве. Я дал ему адрес» (*Письма Михаила Достоевского к отцу*, стр. 72, 73).

19. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 48)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 389.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 375—377.

[1] Письмо М. М. Достоевского к отцу с припиской Ф. М. Достоевского — поздравлением с пасхальной неделей (3—9 апреля 1838 г.) — неизвестно.

[2] М. М. Достоевский был переведен в Ревельскую инженерную команду кондуктором 2-го класса и выехал из Петербурга 22 апреля 1838 г. (см.: *Достоевский и его время*, стр. 281).

[3] Упомянутое письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[4] О сближении братьев Достоевских с «давнишним знакомцем» И. Н. Шидловского отставным ротмистром Меркуровым и его женою рассказывалось в письме М. М. Достоевского М. А. Достоевскому от 17 февраля 1838 г. «Вот истинно благородный, истинно изящный дом! — писал М. М. Достоевский. — Я принят у них как родной. Они зовут меня братом! Даже мне отведена и комната, и я прожил у них целую масленицу. Его жена малороссиянка. Об ней я ничего не смею писать к Вам, потому что никакое перо не может написать всех душевных качеств, которыми она вполне обладает! Мы учимся с ней вместе по-итальянски и по-польски! Через год я буду читать в подлинниках Данта, Боккаччио, Тасса, Ариоста, Петрарку, Мицкевича и Основьяненко» (*Письма Михаила Достоевского к отцу*, стр. 73).

20. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 49)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.11.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 7—9.

[1] Как письмо М. М. Достоевского, так и три упомянутых письма Федора Михайловича к нему неизвестны.

[2] См. письмо 19, примеч. 4.

[3] Достоевский, по всей вероятности, познакомился с «Гамлетом» Шекспира в переводе Н. А. Полевого, вышедшем в 1837 г. и ставшем значительным явлением литературной и общественной жизни той поры. Именно в этом переводе он цитирует «Гамлета» в 1848 г., в своем раннем рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» (см. наст. изд., т. II, стр. 62, 481). В пору написания этого письма оба старших брата Достоевских находились под сильным влиянием Шидловского, увлекавшегося, как и они, Шекспиром и особенно Шиллером. В свою очередь М. М. Достоевский писал отцу 26 мая 1838 г.: «Мое счастие?.. Мое счастие?.. Где оно? где это счастие, о котором напевают мечты на утренней заре дней наших, и мы сладко забываемся под эту колыбельную песенку, под эту свирель нашего воображения, нашего сердца? Где оно? Неужели то, что было благом для детей, должно быть им также и для взрослой души еще в молодом теле? Нет! нет! Счастия нет в этом мире! Оно там, там! Оно давно увеялось на небо, с тех пор как люди позабыли закон природы! Неужели быть в чести, в чинах, крестах, быть богатым значит быть счастливым! Нет!..» (*Письма Михаила Достоевского к отцу*, стр. 77). См. также письмо 26, примеч. 4 и письмо 28, примеч. 13.

[4] Приводится рассуждение из сочинения Блеза Паскаля «Мысли» (1669), ставшего известным в России по французским изданиям (первый русский перевод появился только в 1843 г.). У Паскаля: «Пренебрежение философствованием и есть истинная философия» (см.: Ф. де Ларошфуко. Максимы. — Б. Паскаль. Мысли. — Ж. де Лабрюйер. Характеры. М., 1974, стр. 113).

[5] Эти письма М. М. Достоевского неизвестны.

[6] Переписка М. М. Достоевского с Меркуровыми неизвестна.

[7] Упомянутое письмо Федора Михайловича также неизвестно.

[8] Кроме отдельных переводов из Гофмана, опубликованных на страницах «Московского телеграфа», «Московского наблюдателя», «Московского вестника», «Телескопа», «Сына отечества», под «русским» Гофманом Достоевский подразумевал, по-видимому, и изданное в Москве в 1836 г. в 8 частях собрание его повестей и сказок «Серапионовы братья» (в переводе И. Безсомыкина). Остальное, в том числе роман «Житейские воззрения кота Мурра» (1820—1822), Достоевский прочел по-немецки. Впервые «Кот Мурр» в русском переводе был издан в 1840 г. Об увлечении Гофманом в Инженерном училище см.: *Григорович*, стр. 47.

[9] Об отношении Достоевского к творчеству Бальзака см.: наст. изд., т. I, стр. 459, 503; т. II, стр. 498, 500; т. V, стр. 401; т. VII, стр. 344; см. также: Л. П. Гроссман. Бальзак. — *Библиотека*, стр. 27—63; Р. А. Резник. Достоевский и Бальзак. — В кн.: Реализм в зарубежных литературах XIX—XX веков. Саратов, 1975, вып. 4, стр. 153—203; D. Fanger. Dostoevsky and romantic realism. A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol. Cambridge (Mass.), 1965. Роман Бальзака «Евгения Гранде» Достоевский в 1844 г. перевел на русский язык (см. письмо 41, примеч. 2).

[10] С «Фаустом» и лирикой Гете Достоевский познакомился в оригинале (первый перевод «Фауста» Э. И. Губера появился в 1838 г., судя по дате цензурного разрешения, уже после этого письма; встречающиеся же в ту пору переводы некоторых стихотворений были разбросаны по альманахам и журналам). И к «Фаусту», и к стихотворениям Гете Достоевский затем обращался неоднократно. Он часто цитировал их и упоминал в своих произведениях (см. наст. изд., т. XVII, Указатель имен

и названий). Герой «Подростка» Тришатов импровизирует программу оперы на сюжет «Фауста» (см.: наст. изд., т. XIII, стр. 352—353; т. XVII, стр. 327, 387). Сложному переосмыслению символика «Фауста» подверглась в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы» (см. об этом: наст. изд., т. XII, стр. 230—231; т. XV, стр. 443, 460).

[11] Имеется в виду «История русского народа» Н. А. Полевого (тт. 1—6; 1829—1833).

[12] «Уголино» — «драматическое представление» Н. А. Полевого, поставленное на сцене Александринского театра в бенефис В. А. Каратыгина 17 января 1838 г. С Н. А. Полевым был знаком лично И. Н. Шидловский. Он высоко оценивал драму «Уголино», но критически отзывался о романтических штампах, присущих художественным произведениям Полевого: «Признаться, мне не нравится, — писал Шидловский, — даже кинжал-обличитель в руках „Уголино“, несмотря на уважение к целой драме и благоговение перед ее сочинителем. Драма должна быть историей страстей, книгой жизни человека, где своенравный случай не может иметь места, где правят всем условия, самим богом определенные. Случай есть пустое слово, каким мы называем то, причины чего слишком мелки и ускользают из глаз наших или даже недостойны быть усмотрены» (*Нечаева, Ранний Достоевский*, стр. 76—77). В майском номере «Московского наблюдателя» Белинский поместил полную полемического жара отрицательную рецензию на ультраромантическую трагедию Полевого. Критик писал: «„Уголино“ есть лучшее доказательство той непреложной истины, что нельзя писать драм, не будучи поэтом» (*Белинский*, т. II, стр. 443).

[13] «Ундина» — вышедшее отдельным изданием в 1837 г. поэтическое переложение В. А. Жуковским одноименной романтической повести Фридриха де ла Мотт Фуке.

[14] Из прочитанных Достоевским в юности произведений В. Гюго наиболее глубокий след оставили «Последний день приговоренного к смерти» (1829; см. письмо 88, примеч. 7, а также: наст. изд., т. XXIV, стр. 6) и роман «Собор Парижской богоматери» (1831), в предисловии к русскому переводу которого, опубликованному в 1862 г. во «Времени», Достоевский назвал Гюго провозвестником «основной мысли всего искусства девятнадцатого столетия» о «восстановлении погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков» (наст. изд., т. XX, стр. 28). Об отражении проблем и поэтики этих и других произведений Гюго, его традиции как в «Бедных людях», так и в последующем творчестве Достоевского см.: наст. изд., т. I, стр. 468; т. IV, стр. 304; т. VII, стр. 344, 369—370; т. IX, стр. 379, 407, 429—430; т. XII, стр. 319; т. XV, стр. 555; см. также статьи Л. П. Гроссмана (*Библиотека*, стр. 24, 25, 28, 118—120 и *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 91—92), А. А. Бема «Гюго и Достоевский» («Slavia», 1937, t. XV, № 1), Г. М. Фридлендера «Достоевский и мировая литература» (М., 1979, стр. 141—157) и В. В. Виноградова «Из биографии одного „неистового“ произведения («Последний день приговоренного к смерти»)» (в кн.: В. В. Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976, стр. 63—75). См. также: N. Babel Brown. Hugo and Dostoevsky. Ann Arbor, 1978.

[15] Альбан — герой повести Гофмана «Магнетизер» (1813), наделенный необыкновенной способностью проникновения в жизнь природы, сверхъестественной силой воздействия на людей. Презирая общепринятую мораль, добиваясь высшего духовного единения с понравившейся ему девушкой, невестой другого, Альбан погружает ее в гипнотическое состояние; под бременем душевных переживаний героиня гибнет, после чего умирают и ее близкие. Повесть к этому времени была дважды напечатана в России в переводе Д. В. Веневитинова под заглавием «Что пена в вине, то сны в голове» («Московский вестник», 1827, ч. 5, № 19; Сорок одна повесть иностранных писателей. Изд. Н. Надеждина, М., 1836, ч. 5). Достоевский скорее всего познакомился с ней в оригинале. Повесть произвела впечатление на многих русских читателей того времени (см. отзывы о ней: Д. В. Веневитинов. Полн. собр. соч. М.—Л., 1934, стр. 338;

Белинский, т. XI, стр. 508). О связи романтического типа Альбапа с образом Раскольникова см. у Л. П. Гроссмана (*Библиотека*, стр. 113). В 1861 г. в статье «Три рассказа Эдгара Поэ» Достоевский дает обобщающую характеристику гофмановской фантастики и вдохновляющего ее «светлого идеала» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 88—89). О влиянии Гофмана на ранние повести Достоевского «Двойник», «Хозяйка», «Белые ночи», «Неточка Незванова» см.: наст. изд., т. I, стр. 488. 509; т. II, стр. 486—487, 500. Постановку проблемы «Гофман и Достоевский» см. в работах Л. П. Гроссмана «Библиотека Достоевского», «Гении Европы» и «Путь Достоевского» (*Библиотека*, стр. 25, 26, 106—115 и *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 91, 92). См. также: N. Reber. Studien zum Motiv des Doppelgängers bei Dostoevskij und E. T. A. Hoffman. Gießen, 1964.

[16] Письма Л. И. Шренка Достоевскому неизвестны.

21. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 51)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.10.
Впервые опубликовано: «Атеней». М.—Л., 1924, кн. 1—2, стр. 145—147.

[1] Это письмо М. А. Достоевского неизвестно.

[2] Как сообщает Д. В. Григорович, «неудача» с экзаменами Достоевского «потрясла ‹...› совершенно; он сделался болен и пролежал несколько времени в лазарете» (*Григорович*, стр. 49). В свою очередь М. А. Достоевский также тяжело пережил это известие. Дочери своей В. М. Достоевской он писал 19 ноября 1838 г.: «...я получил от брата твоего Феденьки письмо, для нас всех неприятное; он уведомляет, что на экзамене поспорил с двумя учителями, это сочли за грубость, и — оставили его до мая будущего года в том же классе; это меня, при болезненном состоянии, до того огорчило, что привело в совершенное изнеможение, левая сторона тела начала неметь, голова начала кружиться; тут я призвал бога на помощь, послал за фельдшером...» (*Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*. стр. 120).

[3] Достоевский был оставлен на второй год также из-за плохой успеваемости по «фронту» (см.: И. Д. Якубович. Достоевский в Главном инженерном училище. — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 182).

[4] См. письмо 11, примеч. 1.

22. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 53)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.11.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 9—12.

[1] А. И. Савельев, служивший в пору пребывания Достоевского в Инженерном училище в должности дежурного офицера, вспоминал: «Ф‹едор› М‹ихайлович› знал имена начальников в войсках на войне и на гражданском поприще, которые получали награды не по заслугам, а благодаря родству и связям с сильными мира сего. Он знал проделки бывшего инспектора классов Инженерного училища, как он помещал и поддерживал тех кондукторов, которых родители ему платили или делали подарки и пр.» (*РС*, 1918, № 1—2, стр. 19). См. также письмо Достоевского к отцу от 30 октября (№ 21), в котором он пишет о переходе многих кондукторов в следующий класс «по протекции».

[2] Рассуждения Достоевского о соотношении философии и поэзии, их взаимодействии близки к кругу идей романтической философии (в частности, идей русских шеллингианцев) о соотношении художественного и научного познания, о роли интуиции, «откровения» в постижении гармонии «целого». Эти идеи могли сложиться у Достоевского под воздействием статей в «Телескопе», «Молве» и «Московском наблюдателе», бывших

«любомудров», Н. И. Надеждина, а также раннего Белинского. Так, Белинский в «Литературных мечтаниях» (1834) из всех «молодых поэтов *Пушкинского* периода» выделял Веневитинова, который один «мог согласить мысль с чувством, идею с формою, ибо <...> обнимал природу не холодным умом, а пламенным сочувствием и, силою любви, мог проникнуть в ее святилище, <...> и потом передавать в своих созданиях высокие тайны, подсмотренные им на этом недоступном алтаре» (*Белинский*, т. I, стр. 78).

[3] В 1830-х гг. в связи с выходом в свет «Оснований физики» М. Г. Павлова (ч. 1. М., 1833; ч. 2. М., 1836), развивавших диалектические черты натурфилософии Шеллинга, появился ряд статей с критикой современных метафизических концепций объяснения природы: см., например, рецензию Н. И. Надеждина на книгу М. Г. Павлова («Телескоп», 1833, № 9; 1836, № 12) и статью самого Павлова «О неуместности математики в физике» («Прибавления к „Русскому инвалиду“», 1837, № 16). С ними перекликается и протест Достоевского против механического подведения природы «под математическую формулу» (см.: З. А. Каменский. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М., 1980).

[4] Достоевский сравнивает свое угнетенное мироощущение с состоянием Шильонского узника после смерти «убитых неволей» братьев:

И виделось, как в тяжком сне,
Всё бледным, темным, тусклым мне!
Всё в мутную слилося тень!
То не было ни ночь, ни день...
. . . .
То было тьма без темноты!
То было бездна пустоты
Без протяженья и границ!
То были образы без лиц!
. . . .
Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов!
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой!

(Шильонский узник, поэма лорда Байрона, перевод В. Ж<уковского>. СПб., 1822, стр. 15). Поэму Байрона «Шильонский узник» (1816) в переводе В. А. Жуковского (1822) Достоевский вспоминал и позднее — живя в Веве на берегу Женевского озера, недалеко от замка Шильон (см. его письмо к С. А. Ивановой 23 июня (5 июля) 1868 г.).

[5] О своей творческой работе М. М. Достоевский сообщал 28 ноября 1838 г. в письме к отцу: «Ну! папенька! Порадуйтесь вместе с мною! Мне кажется, что я не без поэтического дарования! Написал я уже много мелких стихотворений, отсылал несколько к Шидловскому, и он хвалит их чрезвычайно! Я сам уже начинаю верить, что в них есть поэзия. Теперь я начал писать *драму*. Она мне удалась в первом действии! <...> Поэзия моя содержит всю мою теперешнюю жизнь, все мои ощущения, горе и радости. Это дневник мой!» (*Письма Михаила Достоевского к отцу*, стр. 80). Характеристику психологического облика и литературных начинаний М. М. Достоевского этих лет см. в статье А. З. Писцовой «Ревельский период жизни и деятельности М. М. Достоевского» (Науч. тр. Ташкентск. гос. ун-та, 1974, вып. 474. По страницам русской и зарубежной литератур, стр. 55—74).

[6] Суждение об «эгоизме» Байрона, возможно, сложилось у молодого Достоевского под влиянием Шидловского (см. письмо 28, примеч. 7), который в свою очередь мог испытать в оценке английского поэта воздействие статей 1828—1830 гг. Н. И. Надеждина в «Вестнике Европы» и С. П. Шевырева в органе «любомудров» «Московском вестнике» (см.: Н. Бродский. Байрон в русской литературе. — «Литературный критик», 1938, № 4, стр. 128—129, 132—134). Но Достоевский уже в эти годы рас-

сматривал Байрона в ряду поэтических гениев, называя его имя прежде всего в сопоставлении с Пушкиным (см. письмо 28 и примеч. 14 к нему). Как видно из письма, некоторые произведения Байрона, например поэму «Шильонский узник», Достоевский знал наизусть, вспоминал их, когда ему было «грустно жить без надежды» (см. выше, примеч. 4). Впоследствии, несмотря на встречающиеся иногда и в его поздних записных тетрадях отрицательные высказывания о личности Байрона (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 74, 75, 82 и др.), Достоевский в «Дневнике писателя» 1877 г. (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 113—114) дает глубокую оценку исторического значения великого английского поэта.

[7] Цитата из стихотворения Пушкина «Поэту» (1830). По воспоминаниям А. М. Достоевского, оба старших брата в отрочестве, несмотря на некоторую разницу литературных интересов, на Пушкине «мирились» и «чуть не всего знали наизусть» (*Достоевский, А. М.*, стр. 70). А. Е. Ризенкампф рассказывал, что при первом же знакомстве в ноябре 1838 г. услышал от Достоевского декламацию «Египетских ночей» (*Биография*, отд. 1, стр. 34).

[8] Трактат Ф. Шатобриана «Гений христианства» вышел в 1802 г. В рассуждениях о литературе и искусстве, полемизируя с эстетикой просветителей, Шатобриан противопоставил апелляции к разуму общественного человека мистическое, чудесное, интуицию и фантазию. Влияние «Гения христианства» как литературного манифеста раннего этапа французского романтизма было чрезвычайно велико; см. об этом вступительную статью и примечания к «Гению христианства» В. А. Мильчиной в кн.: Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982, стр. 7—33, 411—440.

[9] В «Сыне отечества» за март—апрель 1838 г. были опубликованы статьи французских критиков Д. Низара о Ламартине и Г. Планша о Гюго (в переводе Н. Полевого). Статьи следовали одна за другой и в оглавлении стояли рядом, поэтому Достоевский перепутал их авторов. Основанная на неприятии романтической поэтики Гюго, статья Гюстава Планша содержала отрицательные суждения о его поэтических сборниках, романах и драмах 1820—1830-х гг., которым критик отказывал в серьезной мысли, считая их достоинства чисто внешними. Эти оценки явно противоречили мнению Достоевского (см. письмо 20, примеч. 14 и письмо 28, примеч. 17).

[10] Посылая стихотворение «Видение матери» отцу, М. М. Достоевский писал в конце января 1839 г.: «По своему содержанию, я знаю, оно будет Вам по сердцу. Я не могу вспомнить покойной маменьки без сильного душевного движения! Летом я видел ее во сне; видел, будто она нарочно сошла с небес, чтоб только благословить меня, и это было причиною рождения моего стихотворения. Я посылал его брату; он читал его Шидловскому, и Ш‹идловский› в восхищении от него; он так хвалит мой талант, что я, право, не знаю, достоин ли я всех похвал его. Я переслал уж ему стихотворений с 10; он пишет ко мне огромнейшие письма» (*Письма Михаила Достоевского к отцу*, стр. 82). Текст стихотворения (без заключительных строф) приводит в своих воспоминаниях А. Е. Ризенкампф (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 325—326).

[11] До нас дошло лишь несколько стихотворений И. Н. Шидловского. Публикацию и характеристику их см. в воспоминаниях Н. Решетова «Люди и дела давно минувших дней» (*РА*, 1886, № 10, стр. 226—232) и в книге М. П. Алексеева «Ранний друг Ф. М. Достоевского» (Одесса, 1921, стр. 13—18).

[12] А. Ф. Смирдиным было издано три тома «Ста русских литераторов» (1839—1845). Первый том, вышедший в 1839 г., включал сочинения десяти авторов: А. А. Александрова (Н. А. Дуровой), А. А. Марлинского (Бестужева), И. И. Давыдова, Р. М. Зотова, Н. В. Кукольника, Н. А. Полевого, Пушкина, П. И. Свиньина, О. И. Сенковского, А. А. Шаховского.

А. А. Орлов — лубочный романист, осмеянный критикой 30-х гг.; Р. М. Зотов — автор исторических романов и драм, высмеянных Белинским (подробнее см. о них в указателе имен). Критик в рецензии на 1-й том также иронизировал по поводу подбора имен в издании Смирдина: «Ра-

фаил Михайлович Зотов открывает собою бесконечную вереницу самородных гениев... Помилуйте, кому не лестно <...> видеть свою статью в книге рядом со статьею Пушкина?.. Да для этого иной поневоле сделается писателем... Вот другое дело — приятно ли Пушкину быть в подобном обществе?» (*Белинский*, т. III, стр. 99).

23. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 56)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 389.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 377—379.

[1] Как упомянутое письмо М. А. Достоевского с посылкой 25 р., так и ответное письмо Федора Михайловича, в котором он «благодарил <...> за помощь», и четыре последующих письма его к отцу, отправленные между ноябрем 1838 г.—февралем 1839 г., и, вероятно, ноябрьское письмо его к брату Михаилу неизвестны. Не сохранилось также и письмо М. А. Достоевского, в котором он сообщал Федору о том, что не имеет от него никаких известий.

[2] Возможно, речь идет об «истории», о которой рассказывает в своих воспоминаниях Д. В. Григорович: кондукторы ночью избили одного из своих товарищей, заподозренного в фискальстве; вбежавший на шум дежурный офицер был забросан картофелем, а когда на следующее утро вся рота была выстроена по камерам и начальник училища вместе с начальником штаба военно-учебных заведений начали обходить камеры и здороваться, никто на их приветствие не ответил. «Результат был тот, — пишет Д. В. Григорович, — что всю роту заперли в училище на неопределенное время. Арест разрешился только необходимостью выступать в лагерь» (*Григорович*, стр. 40—41).

[3] См. письмо 11, примеч. 1.

[4] Это письмо М. М. Достоевского к Федору Михайловичу неизвестно. О своем желании в скором времени сдавать экзамены для получения очередного чина полевого офицера М. М. Достоевский писал также 24 февраля 1839 г. отцу, признаваясь, что делает это в основном, чтобы «порадовать» его, а что сам «совершенно к этому хладнокровен», особенно столкнувшись с полным отсутствием каких-либо духовных интересов в окружающей его офицерской среде (см.: *Письма Михаила Достоевского к отцу*, стр. 84). Экзамены эти он держал позднее (см. примеч. 1 и 4 к письму 32).

[5] Письмо М. М. Достоевского, в котором он сетует, что не получал от брата «ни строчки», тоже неизвестно. Одно из писем Федора Михайловича к брату упомянуто выше (см. примеч. 1). Очевидно, кроме этого письма были еще и другие. И. Н. Шидловский сообщал 17 января 1839 г. М. М. Достоевскому: «На днях получил письмо от Вашего папеньки: он, подобно Вам, жалуется на молчание Федора Михайловича, хотя Федор Михайлович утверждает, что он писал недавно» (*ЛН*, т. 86, стр. 362).

[6] См. письмо 24 и обоснование его датировки.

24. А. Ф. ХОТЯИНЦЕВУ (стр. 57)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 394.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 379.
Датируется 23 марта, так как написано одновременно с письмом к отцу как ответ на не дошедшее до нас письмо А. Ф. Хотяинцева (см. письмо 23).

25. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 58)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 389; приписка от 10 мая: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.10.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 379—381; *Биография*, отд. II, стр. 5—7.

М. А. Достоевский ответил 27 мая 1839 г. (*Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 120—122).

[1] Это письмо М. А. Достоевского неизвестно.

[2] Достоевский благодарит отца за присланные ему на имя И. Н. Шидловского 75 руб. ассигнациями (см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 120—121).

[3] Это письмо М. М. Достоевского неизвестно. М. А. Достоевский в ответном (последнем) письме Ф. М. Достоевскому от 27 мая 1839 г. объяснил причины нападок в «послании» старшего брата: «Брата за письмо не вини, я его в нескольких письмах разбранил, что он, ведя переписку с Шидловским, об тебе писал глухо, что ты здоров и не имеешь никаких неприятностей, не имея сам о тебе ни малейшего сведения...» (стр. 121).

[4] А. М. Достоевский пробовал поступить в Инженерное училище в 1842 г., но принят ввиду большого конкурса не был, в чем отчасти обвинял старших братьев, знавших о «порядках приемных экзаменов» и не поместивших его «для приготовления к любому из Коронадов Филипповичей». В этом же году он поступил в училище гражданских инженеров (*Достоевский, А. М.*, стр. 130—134, 141).

[5] В письме от 27 мая 1839 г. из Дарового М. А. Достоевский, отвечая на эти отчаянные просьбы о денежной помощи, призывал к экономии и в самых мрачных красках рисовал положение дел в имении: «Пишешь ты, что терпишь и в лагерях будешь терпеть нужду в самых необходимейших вещах, как-то: в чае, в сапогах и т. п., и даже изъявляешь на ближних твоих неудовольствие, в коем разряде, без сомнения, и я состою, в том, что они тебя забывают. Как ты несправедлив ко мне в сем отношении! <...> пишу тебе, что за нынешним летом последует решительное и конечное расстройство нашего состояния <...> С начала весны и до сих пор ни одной капли дождя, ни одной росы. Жара, ветры ужасные всё погубили. Озимые поля черны, как будто и не были сеяны <...> от сильной засухи, хотя уже конец мая, но всходов еще не видно. Это угрожает не только разорением, но и совершенным голодом! После этого станешь ли роптать на отца за то, что тебе посылает мало <...> Теперь посылаю тебе тридцать пять рублей асс<игнациями>, что по московскому курсу составляет 43 р. 75 к.; расходуй их расчетливо, ибо, повторяю, что я не скоро буду в состоянии тебе послать» (стр. 120—121).

26. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 61)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.34.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 549—551.

[1] М. А. Достоевский умер 8 июня 1839 г. Современники, в том числе А. М. Достоевский, считали, что он был убит своими крепостными. Подробнее см.: *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 49—61; *Нечаева, Ранний Достоевский*, стр. 85—94. Г. А. Федоровым (см.: Г. А. Федоров. К биографии Ф. М. Достоевского. Домыслы и логика фактов. — «Литературная газета», 1975, 18 июня, № 25) факт убийства был подвергнут сомнению, хотя собранные им контраргументы пока не решают вопроса. Впервые о смерти отца Ф. М. Достоевский сообщил старшему брату в Ревель в не дошедшем до нас письме от второй половины июня 1839 г. Это явствует из письма М. М. Достоевского (одновременно он отправил и неизвестное нам письмо Ф. М. Достоевскому) к А. А. и А. Ф. Куманиным от 30 июня 1839 г. Приводим текст письма, в котором М. М. Достоевский опирается на сведения о смерти отца, полученные от брата:

«Милостивый государь дяденька Александр Алексеевич и
милостивая государыня тетенька Александра Феодоровна!

На этой неделе получил я от брата Феодора письмо, в котором он извещает меня о несчастии, постигшем семейство наше. Видно, провидению

угодно было вновь поставить на пробу твердость нашего духа и заставить нас до дна испить чашу горести. Мы теперь круглые сироты, без матери и без отца. Не говорю уж о себе и о брате: мы, слава богу, в летах... но эти бедные малютки... боже мой, боже мой! что они тебе сделали?! Из деревни я не получал еще никакого известия, а брат пишет очень неясно о всем происшедшем; потому я почти ничего не знаю подробно. Слышал только, что Вы взяли детей к себе, и пролил слезы благодарности! Бог наградит Вас за Ваше доброе сердце! Дяденька! Тетенька! замените им родителей; не дайте почувствовать им ужасный гнет сиротства; заставьте небо радоваться, ангелов ликовать от Вашего доброго дела! бедный Коля, бедная Сашенька!

Не знаю, кто будет опекуном? Если б я не сознавал вполне всех Ваших благодеяний, всего того, что Вы для нас сделали, я не стал бы просить Вас — увеличить их еще новым добрым делом, приняв это почтенное звание на себя. Но чувствуя, понимая всю сострадательность Вашего доброго сердца, прошу Вас от лица всего нашего семейства, как старший сын покойника — принять братьев и сестер под свою опеку. Кому ж ближе заступать это место, как не Вам, дяденька?

Не знаю, как выпросить мне у Вас прощение за долгое мое молчание; но смею уверить Вас, что не леность и не нерадение, а беспрестанные хлопоты по службе, занятия и ученья были его причиною. Я и к покойнику писал только 1 раз в месяц, а иногда и реже. Да могу ль забыть я Вас?

С этою же почтою я отвечаю брату и пишу в деревню. Там не знают моего адреса.

Подивитесь предчувствию души моей. В ночь на 8-е июня я видел во сне покойного папеньку. Вижу, что будто он сидит за письменным столиком и весь как лунь седой; ни одного волоса черного; я долго смотрел на него, и мне стало так грустно, так грустно, что я заплакал; потом я подошел к нему и поцеловал его в плечо, не быв им замеченным, и проснулся. Я тогда же подумал, что это не к добру, и немало беспокоился, не получая от папеньки ни письма, ни денег, в которых я теперь крайне нуждаюсь. У меня нет ни копейки, а я живу на своей квартире, держу свой собственный стол, и притом должен заплатить учителю за взятые уроки из математики. Через год я непременно буду офицером. Если бы меня пустили, я сейчас бы поехал в отпуск: я думаю, деревни остались теперь совершенно без присмотра. Боже мой! боже мой, какою ужасною смертью умер папенька! два дня на поле... может быть, дождь, пыль ругались над бренными останками его; может быть, он звал нас в последние минуты, и мы не подошли к нему, чтобы смежить его очи. Чем он заслужил себе конец такой! Пусть же сыновние слезы утешат его в той жизни!

Прощайте, любезный дяденька и тетенька. Слезы мешают писать мне далее; почта отходит, а мне еще тьма дела.

С истинным почтением и искреннею любовью честь имею быть Вашим племянником.

М. Достоевский.

Братьев и сестер всех целую. Бедная Варенька! Ты потеряла лучшего друга и нежнейшего из отцов!

Если Вам нужно будет что-нибудь сообщить мне, то вот мой адрес:

В г‹ород› Ревель, его благор‹одию› М. М. Достоевскому, юнкеру, служащему при Ревельской инженерной команде» (*Достоевский, А. М.*, стр. 413—414).

[2] «Мне все советуют ехать ‹...› Брат мне также пишет, чтоб я немедленно ехал», — писал 1 сентября М. М. Достоевский В. М. Достоевской (*ЛН*. т. 86, стр. 363).

[3] После смерти М. А. Достоевского Куманины взяли на себя заботу о пятерых младших детях Достоевских (Александре, Николае, Вере, Андрее и Варваре), хотя от официального опекунства отказались. Опеку-

ном был назначен сначала каширский исправник Н. П. Елагин, который «занялся прилежным <...> обкрадыванием и в полтора года нанес много вреда наследникам» (*Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 61). М. М. Достоевский в письме от 1 сентября 1839 г. к В. М. Достоевской рисовал такую печальную картину: «Время идет, вот уже четвертый месяц, как скончался папенька, — а еще ничего не устроено. У нас, я думаю, ужаснейший беспорядок; староста не знает, к кому относиться в делах своих; все запечатано <...> Боюсь, сестра, боюсь, чтоб крохи, собранные покойником, не разлетелись вместе с его кончиной» (*ЛН*, т. 86, стр. 363). После выхода Варвары Михайловны Достоевской замуж за П. А. Карепина опекуном семейства Достоевских стал последний.

[4] Юный Достоевский не только сам постоянно, как видно из его писем, читал Шекспира, но и рекомендовал его своим товарищам. К. А. Трутовский вспоминал: «...Федор Михайлович советовал мне читать и других русских и иностранных писателей, и Шекспира в особенности» («Русское обозрение», 1893, № 1, стр. 215). В подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский характеризует Шекспира (от лица старшего Верховенского) как избранника, «которого творец помазал пророком, чтоб разоблачить перед миром тайну о человеке» (наст. изд., т. XI, стр. 157); с этим перекликается и высказывание в пушкинской речи о «всемирности, *всепонятности* и неисследимой глубине мировых типов человека арийского племени, данных Шекспиром на веки веков» (наст. изд., т. XXVI, стр. 130—131). Об отражении идей и образов Шекспира в произведениях Достоевского см.: наст. изд., т. I, стр. 511; т. II, стр. 507; т. IX, стр. 340, 352, 380—382; т. XII, стр. 346; т. XV, стр. 462; см. также: Ю. Д. Левин. Достоевский и Шекспир. — *Материалы и исследования*, т. 1, стр. 108—134; К. И. Ровда. Под знаком реализма. — В кн.: Шекспир и русская культура. Л., 1965, стр. 583—584, 590—597. См. также письмо 28, примеч. 13.

27. А. А. и А. Ф. КУМАНИНЫМ (стр. 64)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.43.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 551—553.

[1] См. письмо 18, примеч. 5 и письмо 26, примеч. 3. В известных нам письмах М. А. Достоевского к Ф. М. и М. М. Достоевским нет никаких «напоминаний» и «приказаний». Есть все основания даже предполагать, что отношения М. А. Достоевского с Куманиными были натянутыми, и он часто резко отзывался о них в письмах к братьям. Так, в письме к М. М. и Ф. М. Достоевским от 17 октября 1837 г. он просил: «Ежели станете писать к Куманиным, то умолчите, что я к Вам слишком много насчет их написал» (*Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 116).

28. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 66)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, 1.6.11.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 12—18.

[1] Это письмо М. М. Достоевского неизвестно.
[2] См. письмо 27.
[3] Имеется в виду Н. П. Елагин. Письма Достоевского к нему неизвестны.
[4] Сборники стихотворений французского поэта-сатирика Анри-Огюста Барбье «Ямбы» («Jambes», 1831) и «Плач» («Il pianto», 1833) стали известны в России сразу же после их выхода в свет. К концу 30-х гг. они уже имели довольно широкий круг русских читателей. Интерес к ним характерен и для будущих петрашевцев (см.: М. П. Алексеев. Огюст Барбье. — В кн.: Огюст Барбье. Ямбы и поэмы. Одесса, 1922, стр. XXIX—

XXXI; Г. И. Зиссельман. Огюст Барбье и русская поэзия 1830—1840-х гг. — «Русская литература», 1977, № 3, стр. 129—140). Поэму Барбье «Раздел добычи» («La Curée», 1830; из сб. «Ямбы») вспоминает Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (см. наст. изд., т. V, стр. 83).

[5] В сатире «Идол» («L'Idole», 1831) из сборника «Ямбы» Барбье развенчивал культ Наполеона, изображая его жестоким «наездником», взнуздавшим Францию и заставившим ее скакать «по человеческим телам, как по песку, в крови по грудь» до тех пор, пока она не пала сама и не сломала хребет своему «палачу». Славу Наполеона поэт саркастически объяснял тем, что народ «помнит лишь того человека, который убивает с помощью сабель и пушек; любит лишь ту руку, по мановению которой груды костей гниют в сырых полях».

[6] Эти стихотворения М. М. Достоевского, кроме «Видения матери» (см. письмо 22, примеч. 10), до нас не дошли. Отрывок еще одного его юношеского стихотворения см.: *ЛН*, т. 86, стр. 328.

[7] Сохранился отзыв И. Н. Шидловского о стихах М. М. Достоевского. «Ваша поэзия, — писал Шидловский М. Достоевскому 17 января 1839 г., — своим изящным характером возвращает меня к младенчеству, к той чистой простоте, чуждой современного суемудрия, байроновского бешеного эгоизма, без которой нельзя внити в царствие божие...» (*Биография*, отд. I, стр. 38).

[8] В 8-й главе «Евгения Онегина» герой попадает в сходную с переживаемой Шидловским ситуацию (любовь к Татьяне, которая стала женой другого).

[9] Драма Шидловского «Мария Симонова» и стихотворение его о славе неизвестны. О сохранившихся стихах Шидловского см. примеч. 11 к письму 22.

[10] См. письмо 23, примеч. 2.

[11] Вероятно, речь идет об И. И. Бережецком, кондукторе старшего класса, который, по воспоминаниям А. И. Савельева, «был юноша очень талантливый и скромный, тоже, как Достоевский, любящий уединение, как говорится, человек замкнутый, особняк...». «Бывало, на дежурстве, — писал Савельев, — мне часто приходилось видеть этих двух приятелей. Они были постоянно вместе или читающими газету „Северная пчела“, или произведения тогдашних поэтов: Жуковского, Пушкина, Вяземского, или литографированные записи лекций, читанных преподавателями». Как одно из «особенно выдающихся душевных качеств обоих друзей» Савельев отмечал их «сострадание к бедным, слабым и беззащитным», рассказывая о частых случаях выступления их против грубого обращения с младшими товарищами или служителями в училище, унизительных проделок с учителями (*РС*, 1918, № 1—2, стр. 15—16).

[12] Дон Карлос и маркиз Поза — герои драмы Шиллера «Дон Карлос» (1787). Мортимер — героически настроенный юноша, персонаж из его же драмы «Мария Стюарт» (1780).

[13] Позднее в статье «Книжность и грамотность» (1861) Достоевский писал: «Да, Шиллер, действительно, вошел в плоть и кровь русского общества, особенно в прошедшем и запрошедшем поколении. Мы воспитались на нем, он нам родной и во многом отразился на нашем развитии. Шекспир тоже» (наст. изд., т. XIX, стр. 17; см. также: стр. 70, 265; т. XV, стр. 462 и т. XXVI, стр. 130—131). М. М. Достоевский был не менее брата восторженным поклонником Шиллера. «Пусть у меня возьмут всё, оставят нагим меня, но дадут мне Шиллера, и я позабуду весь мир!» — восклицал он в письме к отцу от 28 ноября 1838 г. (*Волоцкой*, стр. 92).

[14] Вопрос о месте Пушкина среди других гениев мировой литературы продолжал занимать Достоевского позднее (см. «Введение» к «Ряду статей о русской литературе», «Ответ „Русскому вестнику“» с разбором «Египетских ночей», речь о Пушкине в «Дневнике писателя» 1880 г. и комментарии к ним в тт. XVIII, XIX, XXVI наст. изд.).

[15] В 60-х гг. Достоевский охарактеризовал «Илиаду» Гомера как эпо-

нею «такой мощной, полной жизни, такого высокого момента народной жизни», что она навсегда останется и будет действовать на душу заключенным в ней идеалом «вековечной гармонии» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 95—96). Об отношении Достоевского к Гомеру см.: А. Н. Егунов. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.—Л., 1964, стр. 406—407.

[16] К концу 1830-х гг. во Франции шекспировские сонеты не пользовались еще особой известностью. Так, в 1-й том известного тринадцатитомного «Полного собрания сочинений Шекспира», вышедшего под редакцией Ф. Гизо, были включены прозаические переводы лишь шести сонетов (25, 29, 37, 71, 73 и 102; см.: W. Shakespeare. Œuvres complètes. Paris, 1821, t. 1, p. 147—152).

[17] Ко времени восторженного отзыва Достоевского о поэзии Гюго (кроме ранних «Од и баллад») были изданы сборники его стихотворений «Восточные мотивы» (1829), «Осенние листья» (1831), «Песни сумерек» (1835), «Внутренние голоса» (1837).

[18] Державина, особенно его оду «Бог», часто читали в семье Достоевских в детские годы писателя (*Достоевский, А. М.*, стр. 69). Как о вдохновенном лирике, «высокая поэзия» которого сохранила значение и в настоящем, говорил Достоевский о Державине в кружке Дурова, подтвердив это мнение мастерским чтением оды «Властителям и судиям» (*Милюков*, стр. 179).

[19] Высокая оценка трагедий Корнеля и Расина — свидетельство своеобразия эстетических идей Достоевского уже в ранние годы, так как Белинский рассматривал их как представителей «ложного» классицизма и отошел от этой романтической оценки лишь в конце жизни (см. также: *Библиотека*, стр. 96—97). Ср. наст. изд., т. XVIII, стр. 78.

[20] Иван Никифорович — персонаж гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834).

[21] Трагедия Э. Жоделя «Плененная Клеопатра» (1552) — первая во Франции трагедия по античному образцу. Ронсара — автора торжественной эпопеи «Франсиада» — Достоевский уподобляет Тредьяковскому с его «Телемахидой». Ф. Малерб ограничил латинское и итальянское влияние на французскую поэзию XVII в. Он имел при жизни громадный успех.

[22] К трагедии Сенеки «Медея» близок план ранней одноименной трагедии Корнеля (постановка — 1635, издание — 1639).

[23] Цитата из трагедии Корнеля «Цинна, или Милосердие Августа» (1639), д. 5, явл. 3.

[24] Иван Иванович Перерепенко — персонаж гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

[25] Сообщение о начале работы над этой драмой, по всей вероятности, содержится в письме М. М. Достоевского к отцу от 28 ноября 1838 г. (см. примеч. 5 к письму 22).

29. А. А. и А. Ф. КУМАНИНЫМ (стр. 72)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 392.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 381—383.

[1] Речь идет о не дошедшем до нас письме В. М. Достоевской (см. письмо 30, ответное).

[2] Это письмо Куманиных неизвестно.

[3] См. письмо 27.

[4] Речь идет о М. Ф. Нечаеве, часто посещавшем семью своей сестры М. Ф. Достоевской, когда дети были еще маленькими, и проживавшем последние годы у Куманиных. А. М. Достоевский вспоминал о дяде: «Он был одним годом моложе моей маменьки <...> они в детстве с братом были очень дружны. Эта дружба сохранилась и впоследствии. Он приходил к нам постоянно по воскресеньям, потому что в будние дни был занят, служа главным приказчиком в одном богатом суконном магазине и полу-

чая очень хорошее содержание. Его приход <...> бывал радостью для нас, детей, и большею частью сопровождался маленьким домашним концертом <...> маменька порядочно играла на гитаре, дядя же <...> играл на гитаре артистически <...> Папенька тоже всегда был очень радушен с дядей, хотя и негодовал на него, в особенности в последнее время, за то, что дядя стал покучивать и много пить <...> Пагубную страсть свою к вину дядя не только не оставил, но даже усиливал, от чего преждевременно и скончался в рождественские праздники с 1838 на 1839 год, когда и я на праздниках находился у дяди» (*Достоевский, А. М.*, стр. 33—34).

[5] Здесь ошибка: не в два, а в три года — мать Достоевского умерла 27 февраля 1837 г.

30. В. М. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 73)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 392.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 383.

Датируется по связи с письмом А. А. и А. Ф. Куманиным от 28 января 1840 г.; написано на обороте 2-го листа этого письма к ним.

[1] Это письмо В. М. Достоевской неизвестно.

[2] Вероятно, имеется в виду поступление М. М. Достоевского после отклонения его кандидатуры в Инженерном училище сначала в Петербургскую, а затем в Ревельскую инженерную команду с целью быстрейшего получения офицерского чина и в расчете на казенное содержание (см. письмо 14). Определяясь в инженерные юнкера, М. М. Достоевский, любитель романтической литературы и начинающий поэт, жертвовал своими склонностями и исполнял волю отца.

31. О. Я. НЕЧАЕВОЙ (стр. 73)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 392.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 383.

Датируется 28 января 1840 г., так как написано на одном и том же листе с письмом к В. М. Достоевской от этого числа (см. письмо 30, обоснование его датировки).

[1] «Про бабушку Ольгу Яковлевну, — вспоминает А. М. Достоевский, — могу сообщить, что она вышла замуж за моего деда (женившегося вторым браком) <...> уже тогда, когда тетенька была замужем за Куманиным. Следовательно, маменька была тогда девочкою 14-ти лет и с лишком пять лет до своего замужества <...> проживала под надзором своей мачехи <...> мы, дети, не особенно любили ее, потому что она при всяком свидании умела или взглядом, или словом сделать какое-нибудь замечание, нелюбезное к нам, детям. Впоследствии же я слышал, да и сам убедился, что эта женщина была хитра и без сомнения умна, но с умом, направленным не на одно доброе. Не знаю, как при деде, но по смерти деда бабушка заведовала хозяйством всего жившего на большую ногу куманинского дома» (*Достоевский, А. М.*, стр. 35—36).

[2] Имеется в виду Е. Ф. Нечаева, сводная сестра матери Достоевского.

32. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 74)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.11.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 18—21.

[1] М. М. Достоевский приказом от 19 февраля 1840 г. был из Ревельской инженерной команды прикомандирован в С.-Петербургскую, где он должен был держать экзамен в полевые офицеры (см.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 235). Однако, как видно из этого июльского письма,

в котором Федор Михайлович выражает желание увидеть брата после разлуки на «целые годы», Михаил Михайлович задержался в Ревеле и выехал в Петербург позднее — может быть, перед самыми экзаменами (см. также письмо 33, примеч. 1).

[2] Письмо М. М. Достоевского, в котором он писал брату об Эмилии Федоровне фон Дитмар как о своей невесте, неизвестно. В сохранившемся письме от 5 декабря 1841 г. к брату М. М. Достоевский признавался: «Мне кажется, что я делаю глупость, что женюсь; но, когда я посмотрю на Эмилию, когда вижу в глазах этого ангела детскую радость — мне становится веселее. Трудно мне будет, брат, особенно первый год, но что делать, как-нибудь перебьемся» (*ЛН*, т. 86, стр. 371).

[3] В. Я. Кирпотин видит в этих размышлениях Достоевского отголосок романа Лермонтова «Герой нашего времени», только что вышедшего (в мае 1840 г.) отдельным изданием, и обнаруживает пересказ и прямые цитаты из внутренних монологов Печорина («... верно, было мне назначенье высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначенья, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных...»); см.: *Кирпотин*, стр. 98—99.

[4] Экзамен М. М. Достоевский выдержал, и 9 января 1841 г. был произведен в инженер-прапорщики (см. также: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 235).

[5] По всей видимости, речь идет о старшей сестре Варваре Михайловне, вышедшей замуж за П. А. Каренина 21 апреля 1840 г. (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 116).

33. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 77)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.11.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 21—22.

Письмо датируется по содержанию 1841 г., так как речь в нем идет о пребывании М. М. Достоевского в Петербурге, где он держал экзамен на прапорщика (см. письмо 32, примеч. 1, 4), после которого был направлен в Нарву.

[1] О времени пребывания М. М. Достоевского в Петербурге сохранились противоречивые свидетельства. Из данного письма можно заключить, что Михаил Михайлович уехал не так давно, «в понедельник» (об этом говорится дважды). Это совпадает с тем, что писал в своих воспоминаниях А. Е. Ризенкампф, сообщивший, что Михаил Михайлович приехал в Петербург в декабре 1840 г. и пробыл там до 17 февраля 1841 г., причем накануне его отъезда 16 февраля был прощальный вечер, на котором Ф. М. Достоевский читал «отрывки из двух драматических своих опытов» (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 328). 17 февраля в 1841 г. как раз приходилось на понедельник. Судя же по военной документации, приказ о переводе Михаила Михайловича в Нарву был зарегистрирован 14 февраля, отправился же он туда 18 января, а прибыл 14 февраля (см.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 235). Впрочем, последние две даты вызывают сомнения: они не соответствуют приведенным выше свидетельствам, да и вряд ли разрыв между 18 января и 14 февраля можно объяснить поездкой М. М. Достоевского в Ревель, ведь он ждал специального распоряжения о своей туда командировке (18 января 1841 г. было субботой).

[2] Речь идет о несохранившемся письме Достоевского к П. А. Каренину, хотя тот официально был утвержден в опекунстве после начала декабря 1841 г. (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 120—121 и письмо 34, примеч. 1).

[3] Будучи направлен в Ревельскую инженерную команду с 25 марта, М. М. Достоевский выехал из Нарвы 22 марта (см.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 235).

[4] Цитата из «Горя от ума» Грибоедова (акт IV, сцена 14).

[5] Вероятно, имеются в виду курсы фортификации, изучаемые в Инженерном училище.

34. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 78)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93. I.6.11.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 22—23.
Датируется по содержанию 1841 г.: речь в нем идет о предстоящей свадьбе М. М. Достоевского и Эмилии фон Дитмар, которая состоялась в январе 1842 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 35).

[1] Письмо М. М. Достоевского, на которое отвечает Федор Михайлович, неизвестно; сохранилось, по всей вероятности, предшествующее письмо к брату от 5 декабря 1841 г.: в нем он обращается к Федору Михайловичу с просьбой ускорить присылку бумаги для утверждения в опекунстве П. А. Каренина, сообщает о своей предстоящей женитьбе и также пишет о материальных затруднениях (*ГБЛ*, ф. 93. II.4.29).

[2] Достоевский жил в эту пору на частной квартире вместе с младшим братом Андреем Михайловичем (*Биография*, отд. I, стр. 50).

[3] «Какая была у меня болезнь, теперь я не могу определенно сказать, — кажется, я где-то простудился и у меня сделалась сильнейшая тифозная горячка, по крайней мере я долгое время лежал и наконец впал в беспамятное состояние. Брат ухаживал за мною очень внимательно, он давал лекарства, предписываемые доктором, который ездил ежедневно» (*Достоевский, А. М.*, стр. 126).

35. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 80)

Печатается по копии, снятой А. А. Достоевским: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 65.
Письмо датируется на основании воспоминаний А. М. Достоевского, где оно отнесено к 1842 г. А. М. Достоевский рассказывает, что «на радостях» в связи с его поступлением в Училище гражданских инженеров дядя А. А. Куманин выслал ему на имя И. Г. Кривопишина 100 руб. ассигнациями, узнав о которых брат, постоянно нуждавшийся в деньгах, «забомбардировал» его записками (*Достоевский, А. М.*, стр. 158—159). Первая из этих записок, по всей вероятности, была прислана вскоре после окончательного определения А. М. Достоевского в училище, которое произошло 6 декабря 1842 г. (см. там же, стр. 144).

[1] «Человек, живший у брата для услуг» (там же, стр. 159).

36. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 81)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 159.
Датируется на основании воспоминаний А. М. Достоевского, где оно отнесено к «началу 1843 года».

[1] По свидетельству А. М. Достоевского, И. Г. Кривопишин, у которого хранились деньги (см. письмо 35, обоснование датировки), передал их директору Училища гражданских инженеров генералу Ф. К. Притвицу, что сделало получение их «затруднительнее» (*Достоевский, А. М.*, стр. 159).

37. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 81)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 159.
Датируется 1843 г. по воспоминаниям А. М. Достоевского. Написано, как видно из самого письма, несколько ранее масленицы, которая началась в этом году 21 февраля.

[1] Письмо А. М. Достоевского не сохранилось.

[2] Это «другое» письмо Ф. М. Достоевского не сохранилось.

[3] Ф. К. Притвицу (см. примеч. 1 к письму 36).

[4] А. М. Достоевский сопроводил публикацию трех записок к нему Достоевского конца 1842—начала 1843 г. замечанием: «Я рассказал здесь о присланном мне подарке дяди и привел записки брата Федора единственно для того, чтобы показать, до какой степени нуждался тогда в деньгах брат Федор» (*Достоевский, А. М.*, стр. 159).

38. П. А. КАРЕПИНУ (стр. 82)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 391.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 384.
Письмо датировано А. М. Достоевским декабрем 1843 г. Судя по заключающемуся в нем новогоднему поздравлению, написано оно в последние числа декабря этого года. Правильность такой датировки подтверждается письмом к М. М. Достоевскому от 31 декабря 1843 г. (40), где, как и в данном письме, говорится о получении от П. А. Каренина денег (500 руб. серебром) и об оставшихся сверх того неоплаченных долгах в сумме 200 руб. серебром (здесь же Ф. М. Достоевский вновь просит у П. А. Каренина 150 руб. серебром).

[1] Это письмо Достоевского П. А. Карепину неизвестно.

39. В. М. КАРЕПИНОЙ (стр. 82)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 391.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 384—385.
Датируется концом декабря 1843 г., так как написано на четвертой странице письма П. А. Карепину (см. письмо 38, обоснование датировки).

40. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 83)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.11.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 23—25.

[1] В память матери, Марии Федоровны.

[2] Перевод первой части романа Эжена Сю «Матильда, или Записки молодой женщины» (1841) был опубликован в 1842 г. без обозначения имени переводчика; полный перевод «Матильды» (в тринадцати частях), пересмотренный и исправленный В. М. Строевым, появился в 1846—1847 гг. Э. Сю начал переводиться на русский язык еще в 1830-е гг., но именно «Матильда» и сразу же переведенные «Парижские тайны» (1842—1843; русский перевод — 1844) положили начало широкой популярности его романов в 1840-е гг. в России. Отношение к ним было неоднозначным. Так, Белинский в 1844 г. в статье, посвященной русскому переводу «Парижских тайн», писал, что Э. Сю «первому вошло в голову сделать выгодную литературную спекуляцию на имя народа» (*Белинский*, т. VIII, стр. 173). Об отношении к Э. Сю Достоевского см.: *Фридлендер*, стр. 126—133. Ср. также письма 41 и 42 и примеч. к ним.

[3] Замысел публикации коллективного перевода «Матильды» Достоевскому осуществить не удалось, но о том, что роман этот оставил след в его творческом воображении, свидетельствует параллелизм в изображении детства и внутренней жизни героинь «Матильды» и «Неточки Незвановой» (см. подробнее об этом: наст. изд., т. II, стр. 498).

[4] Ответное письмо М. М. Достоевского до нас не дошло.

41. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 85)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.11.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 25—27.

Датируется второй половиной января 1844 г. на основании соображений, связанных с сообщением в письме об «обстоятельствах» перевода «Матильды» Э. Сю. С предложением принять участие в переводе Достоевский обратился к брату 31 декабря 1843 г. Из начальных строк данного письма видно, что ответ от него с согласием (несохранившийся) пришел нескоро. В письме же от 14 февраля 1844 г. Достоевский извещает Михаила Михайловича, что публикация перевода может не состояться, и высказывает сожаление, что тот, возможно, уже потратил на него время. Следовательно, публикуемое письмо скорее всего должно быть отнесено ко второй половине января.

[1] Одна из «четырех фраз, словно четырех алгебраических формул, для возможных счетов, расчетов и рассуждений в ‹...› частной и домашней жизни» папаши Гранде, которую Достоевский переводит как «посмотрим» и «увидим» (*РиП*, 1844, № 6, стр. 393, 435; № 7, стр. 52).

[2] «Евгения Гранде» Бальзака в переводе Достоевского была напечатана в журнале «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» (1844, кн. VI—VII). Анализ перевода см. в работах: Г. Поспелов. «Eugénie Grandet» Бальзака в переводе Ф. М. Достоевского. — Учен. зап. Ин-та языка и литературы, 1928, т. II, стр. 103—136; Л. П. Гроссман. Бальзак в переводе Достоевского. — В кн.: О. Бальзак. Евгения Гранде. М.—Л., 1935, стр. IX—XXXVII; *Нечаева, Ранний Достоевский*, стр. 103—126.

[3] По предположению М. П. Алексеева, несохранившаяся драма Достоевского «Жид Янкель» была построена на вариации типов шекспировского Шейлока и гоголевского Янкеля из «Тараса Бульбы» (1835—1842) (см.: М. П. Алексеев. О драматических опытах Достоевского. — *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 52—54).

42. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 86)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.11.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 27—28.

[1] «Плик и Плок» — ранний роман Э. Сю (1831; русский перевод — 1832).

[2] «Хромоногий бес» — роман А.-Р. Лесажа «Le diable boiteux» (1707; русский перевод — 1832).

[3] Имеется в виду горский мальчик Мурат — персонаж романа П. П. Каменского «Искатель сильных ощущений» (тт. 1—4. СПб., 1839). Его пытается «образовывать», «воспитывать» герой романа. Мурат хочет «всё знать», «всё понять», но, «бедный и жалкий», теряется перед бесконечностью познания.

43. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 88)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.11.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 28—29.

Датируется мартом—апрелем 1844 г., так как в письме упоминаются не только Федя, но и второй ребенок М. М. Достоевского («Целуй племянников»), дочь же Мария родилась 2 марта 1844 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 39), и Ф. М. Достоевский пишет об этом как об уже известном ему факте, не посылая поздравления.

[1] См. письмо 44, примеч. 2.

[2] См. письмо 48, примеч. 3.

[3] Достоевский переводил роман Ж. Санд «Последняя Альдини», но опубликовать этот перевод ему не удалось (см. письмо 44, примеч. 6).

[4] М. М. Достоевскому, как следует из содержания его письма к П. А. Каренину от 25 сентября 1844 г., именно опекун сообщил об отставке брата: «Из письма Вашего я с крайним удивлением узнал о том, что брат Федор подал в отставку, — писал М. М. Достоевский опекуну. — Вам, может быть, покажется странным, что я ничего не знал об этом. Но это так. Не стану скрывать, что знал о его проекте оставить службу, но не знал, что нынешний же год приведет его в исполнение. В прежних письмах своих к нему, еще весною, я просил его подождать годик-другой, пока он крепче не утвердится на новом своем поприще. И потому Вы можете представить себе всё мое удивление, когда спустя почту после Вашего я получаю от него письмо, в котором он уведомляет меня, что вот уже четыре месяца как он подал в отставку. Причин мне не пишет никаких» (*ЛН*, т. 86, стр. 364—365).

[5] Приехать в Ревель в сентябре 1844 г. Достоевскому не удалось.

44. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 89)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.34.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 553—555.

Датируется июлем—августом 1844 г. в связи с упоминанием в письме перевода «Семелы» Ф. Шиллера, опубликованного в июльском номере «Отечественных записок» за 1844 г., как появившегося «недавно».

[1] Письма М. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому 1844 г. неизвестны.

[2] Речь идет о «Репертуаре русского и Пантеоне всех европейских театров», издателями которого были в это время И. П. Песоцкий и В. С. Межевич, являвшийся также и редактором журнала.

[3] См. письмо 48, примеч. 3.

[4] Имеется в виду эстетический трактат Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795—1796), переведенный М. М. Достоевским и опубликованный в «Отечественных записках» в 1850 г. (№ 2, отд. II, стр. 93—114).

[5] Драматические сцены Шиллера «Семела» были опубликованы в переводе А. Фета в июльской книжке «Отечественных записок» за 1844 г. Поэма Гете «Герман и Доротея» (1797) вышла на русском языке в 1842 г. в переводе Ф. Арефьева, на который Белинский откликнулся отрицательной рецензией (*Белинский*, т. VI, стр. 559).

[6] Отрывок из романа Ж. Санд «Последняя Альдини» (1837) был опубликован под заглавием «Il primo tenore» («Первый тенор», — *итал.*) в «Библиотеке для чтения» (1838, т. 27, отд. II, стр. 142—240). Это был не перевод, а близкий пересказ романа (см.: *Нечаева, Ранний Достоевский*, стр. 280). Об увлечении в молодости творчеством Ж. Санд Достоевский вспоминал впоследствии в июньском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 32—36, 366—367). Выбор для перевода романа «Последняя Альдини» был не случаен для молодого Достоевского, и работа над ним не прошла для будущего писателя бесследно. Так, например, отмечалась некоторая общность в обрисовке героинь романа Ж. Санд «Последняя Альдини» и повести Достоевского «Неточка Незванова», в изображении в обоих произведениях музыкальной атмосферы и демократической артистической среды (см.: *Нечаева, Ранний Достоевский*, стр. 127—129; а также: Е. И. Кийко. Достоевский и Жорж Санд. — Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae, 1982, t. 24, p. 65—85).

45. П. А. КАРЕПИНУ (стр. 92)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 391.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 385—387.

Датируется 20-ми числами августа 1844 г. по следующим соображениям: в письме говорится о том, что просьба об отставке «подана дней 10 тому назад», а это произошло, как известно из двух последующих писем к П. А. Карепину (46, 47), «в половине августа» 1844 г.

[1] Срок явно преуменьшен: см. письмо 47, примеч. 8.

[2] Французская пословица (Chacun pour soi et dieu pour tous), в которой Достоевский видел «общественную формулу» буржуазной Европы. Он риторически вопрошал в «Дневнике писателя» 1880 г.: «А осмелитесь ли вы утверждать, что „Chacun pour soi et Dieu pour tous“ есть только поговорка, а не общественная уже формула, всеми принятая на Западе и которой *все* там служат и в нее верят?» (наст. изд., т. XXVI, стр. 154).

46. П. А. КАРЕПИНУ (стр. 94)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 391.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 387—390.

Датируется 1844 г. по связи с предыдущим (45) и последующим (47) письмами П. А. Карепину.

[1] Письмо Достоевского от конца августа или начала сентября 1844 г., в котором он просил Михаила Михайловича поручиться за него, неизвестно. Он повторяет эту просьбу снова в письме от 30 сентября 1844 г. (см. письмо 48). М. М. Достоевский поручался за брата дважды. В письме от 25 сентября 1844 г., отстаивая его право «предаться литературе» и пророча ему «много <...> в будущем», М. М. Достоевский писал П. А. Карепину: «Ему предстоит теперь трудное дело — проложить себе дорогу, завоевать имя. Он пожертвовал всем своему таланту, и талант — я знаю, я уверен — его не обманет. Дай бог, чтоб он только не пал, чтоб он только вынес первые удары, а там... кто может знать, что будет впереди?

Он *хочет* во что бы то ни стало продать нам свою часть. Согласитесь сами, что отдает он нам ее за бесценок. Даже совестно покупать у него за эту цену: просит он единовременно 500 рублей серебром и потом по 10 рублей серебром в месяц. Но Вы ему и без того в год перешлете эти 500 рублей, стало быть, почти он продает капитал за годовой доход. Ваша правда, судейским порядком слишком затруднительно кончить это дело, но нельзя ли домашним, семейным образом? Он дает подписку, что отказывается от своей части <...> Брат так честен, что ему можно и без расписки дать эти деньги. Я за него, если хотите, в качестве второго опекуна, — ручаюсь» (*ЛН*, т. 86, стр. 365). 3 октября 1844 г. Михаил Михайлович сообщал П. А. Карепину, что у Федора 1500 рублей ассигнациями долгу и что в случае неуплаты его могут посадить в долговую тюрьму, и далее он писал: «Одно только и есть затруднение: если, получа эти деньги, брат все-таки будет иметь еще притязания на свою долю. *Но в этом я Вам, как угодно, письменно, форменно, ручаюсь, что этого никогда не будет*» (там же, стр. 368).

[2] Брату Ф. М. Достоевский признался, что долгов у него на 800 рублей (письмо 48).

47. П. А. КАРЕПИНУ (стр. 96)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 391.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 390—393.

Ответ на письмо П. А. Карепина от 5 сентября 1844 г. (*Д, Письма*, т. IV, стр. 449—450).

[1] Достоевский отклоняет все «советы и представления» П. А. Карепина. Особенно его возмутил тон письма опекуна. Ответ Достоевский написал вдохновенно, в остром памфлетном стиле («образец полемики <...> chef-d'œuvre *летристики*», — письмо 48). Приводим письмо Каренина, на которое обстоятельно и иронично ответил Достоевский, целиком:

«Любезный брат Федор Михайлович! Посылаю Вам 50 руб<лей> сереб<ром> и вместо заносчивости и грубости, коими наполняются Ваши письма, прилагаю два исчисления: 1-е на серебро за прошедший год, 2-е на ассигнац<ии> текущего года по теперешнее число; а в заключение вывод, сколько кто из вас получил доходов. Здесь сами увидите, что Вам переслано больше других, Андрею очень мало, а Николе вовсе ничего. Уважительной причиной могла быть экипировка по выходе из училища, первое обзаведение на первый год; а дальше нет уже никакого права одному брату пользоваться больше другого, не упоминая еще о сестрах. Достояние родительское приносит, как видно по опыту 3-х лет, от 4 т<ысяч> р<ублей> ас<сигнациями> с чем-нибудь или без чего-нибудь — зависит от урожая и цен на продукт. Из этого нужно уделить на взнос опек<унскому> сов<ету>, на уплату частного долгу г-ну Маркусу, которому следует 1 т<ысяча> р<ублей> капит<ала>, стало быть, каждому из братьев считается до 700—800, а в хороший год до 1000 руб<лей> ас<сигнациями> — вот ваш основной капитал.

Продать следующую Вам часть наследства, кроме того прискорбия, что сын слишком мало дорожит трудами и заботами родителей и что стоило им ценой жизни сбыть на другой год выхода из школы и сбыть бог знает для чего, не было возможным, потому что Вам едва минуло совершеннолетие. Невозможно и теперь, потому что имение состоит в залоге опек<унского> сов<ета>, не оплачен еще частный долг и что другие сонаследники малолетние. Хотя бы, наконец, длинным процессом представлений через дворянскую опеку, гражданскую палату и сенат возможно было получить в пользу других участников в наследстве разрешение на выдел Вам части деньгами, то затруднение останется одинаковым; то есть недостанет Вам выдать деньги вдруг, а частями Вы и теперь их получаете в том излишке, какой перебираете против других братьев и который им возвратить обязаны при расчете. Эта причина будет существовать не только нравственным, но и официальным препятствием передать в чужие руки.

Не хотелось мне высказывать Вам этой истины, потому что Вы сами ее довольно понимаете и даже потому, что легче предполагать неосновательность в молодости, нежели холодный эгоизм и равнодушие к памяти родительской и семейству.

Вы едва почувствовали на плечах эполеты, довольно часто в письмах своих упоминали два слова: наследство и свои долги; я молчал, относя это к фантазии юношеской, твердо зная, что опыт, лета, поверка отношений общественных и частных лучше Вам истолкуют; но теперь хочу упомянуть, что первое слишком миниатюрно: сердиться и сетовать на это нельзя, ибо не от нас зависит, и много есть на свете людей, и того не имеющих. И по размеру расходов Ваших едва ли станет на год; а дальше что? Последние, кроме границ юридических, имеют еще и нравственные — нисколько не сомневаюсь, что Вы их пренебрегли и не были бы согласны со мной в том, что превзойти размер возможности уплаты есть посягательство на чужую собственность. Не вина наша, что мы родились не миллионерами; но наша вина будет в том, если не воспользоваться средствами от бога и положением, благодетельного начальства представленными. Не Вы первый, а много, очень много людей, начинающих свое поприще по известным чистым, светлым и всегда отрадным правилам труда, прилежания и терпения, со способностями ума, коими одарил Вас господь, с хорошим образованием, которое получили в заведении отличном, — Вам ли оставаться при софизмах поэтических, в отвлеченной лени и неге шекспировских мечтаний? На что они, что в них вещественного, кроме распаленного, раздутого, распухлого — преувеличенного, но пузырного образа? Тогда как в вещественности Вам указан и открыт путь

чести, труда уважительного, пользы общественной не в рабских подражениях чужому видению, но в произведениях собственного ума и знания, коими украсили его работою стольких лет.

Если Вам доступен еще совет родства и дружбы, то послушайтесь, любезный брат! Оставьте излишнюю мечтательность и обратитесь к реальному добру, которого бог весть почему избегаете; примитесь за службу с тем убеждением, которому поверите по опыту, что сколь бы ни велики были наши способности, всё нужно еще при них некоторое покорство общественному мнению, особенно мнению старших, они больше и дольше нашего прожили, больше нашего видели и испытали. Не только нет Вам благословения сердечного (если Вы когда-нибудь поставите оное в цену) выходить из службы, но даже убеждаю Вас самих искать командировки — чем дальше, тем лучше. Вы там поверите жизнь человеческую с различных ее фазов, тогда как теперь — знакомы только односторонне со школьной лавки — да книжных мечтаний? Офицеру в военном мундире нельзя останавливаться приготовлениями мягких пуховиков и луколловой кухни. Почтовая кибитка, бурка и кусок битой говядины, приготовленной денщиком, всегда найдется за прогоны и царское жалованье. Зато сколько приятных ощущений при удачном исполнении своего долга; сколько отрады во внимании начальников, в любви и уважении товарищей, а далее награда, заслуженная трудом своим путем прямым, благородным. Вот брат! настоящая поэзия жизни и сердечное желание Вам преданного

П. Каренина» (стр. 449—450).

² Комическую черту П. А. Каренина — «озлобление на Шекспира» отметил Достоевский и в письме к брату (см. письмо 48), а позднее наделил ею в «Дядюшкином сне» «первую даму в Мордасове» Марью Александровну (см. наст. изд., т. II, стр. 307, 516).

³ Достоевский имеет в виду апологию ростовщичества в трактате «Защита процентов с капитала» («Défence de l'usure») английского публициста и философа права И. Бентама. В недавно переведенном Достоевским романе Бальзака «Евгения Гранде» идеи Бентама популяризирует председатель (в переводе Достоевского — «президент») суда Де Бонфон: «Всякое дело товар, у которого своя цена. Так определяет Иеремия Бентам, говоря о ростовщиках. Знаменитый публицист доказал, что предрассудок, преследующий ростовщиков, — сущий вздор» (*РиП*, 1844, № 7, стр. 51). Папаше Гранде понравилось определение Бентама.

⁴ Письмо П. А. Каренина И. Г. Кривопишину неизвестно.

⁵ Имеется в виду герой гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

⁶ Возможно, Достоевский здесь имеет в виду следующий афоризм из романа И. В. Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» (раздел «Размышления в духе странников»): «Самый ничтожный человек может быть „полным“, если действует в пределах своих способностей и умений; но если это необходимое равновесие исчезает, тогда затмеваются, идут прахом и пропадают самые великие достоинства» (И. В. Гете. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1979, т. 8, стр. 251). Это суждение неоднократно приводилось в подборках афоризмов Гете (ср., например: Mémoires de Gœthe traduits et précédés d'une introduction par Henri Richelot et suivis des pensées et maximes de Goethe, traduites par le même. Paris, 1844, p. 308).

⁷ Сравнивая Каренина с персонажами комедии Грибоедова, поэмы Гоголя, хроники и комедии Шекспира, Достоевский как бы завершает «литературную генеалогию» опекуна, ранее завуалированно сопоставлявшегося с персонажами романа Бальзака «Евгения Гранде».

⁸ Приказ об отставке Достоевского был подписан 19 октября 1844 г. В опубликованном газетой «Русский инвалид» «Высочайшем приказе» от 19 октября 1844 г. в числе «увольняющихся от службы по домашним обстоятельствам» был назван «полевой инженер-подпоручик Достоевский»; при выходе в отставку ему было присвоено очередное звание — поручик (см.: *РИ*, 1844, 24 октября, № 239).

48. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 99)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.11.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 29—31.

Датируется 1844 г., так как речь в письме идет о заказанном еще в апреле переводе «Дон Карлоса» Шиллера.

[1] См. письмо 44, примеч. 2.

[2] Письма о «Дон Карлосе» (1788) и статья «О наивной и сентиментальной поэзии» (1794—1796).

[3] Издать задуманные в 1844 г. выпуски переводов Шиллера не удалось. Позднее вышли следующие переводы М. М. Достоевского из Шиллера: «Дон Карлос» — *БдЧт*, 1848, т. 86, отд. II, стр. 111—202; т. 87, отд. II, стр. 1—32, 81—136; «Наивная и сентиментальная поэзия. Статья первая» — *ОЗ*, 1850, № 2, отд. II, стр. 93—114; «Разбойники» — в кн.: Драматические сочинения Шиллера в переводах русских писателей, изданные под редакцией Н. В. Гербеля. СПб., 1857, ч. 3, стр. 1—171 (тут же исправленный и дополненный «Дон Карлос»); стихотворение «Боги Греции» — «Светоч», 1860, № 1, стр. 11.

[4] См. письмо 47, примеч. 8.

[5] Имеется в виду раздел оставшихся после смерти родителей деревень Даровое и Черемошня Тульской губернии Каширского уезда.

[6] М. М. Достоевский умолял П. А. Каренина в письме от 3 октября 1844 г.: «*Брат Федор Вам готов дать Акт, свидетельство или подписку — всё, что угодно, что он торжественно отказывается от своей части; я же, с своей стороны, какое угодно Вам поручительство...*» (*ЛН*, т. 86, стр. 368). См. письмо 46, примеч. 1.

[7] М. М. Достоевский писал П. А. Каренину еще 25 сентября 1844 г.: «Я читал, с восхищением читал его (Ф. М. Достоевского, — *Ред.*) драмы. Нынешней зимою они явятся на петербургской сцене» (*ЛН*, т. 86, стр. 365). А. М. Достоевский вспоминал в открытом письме к А. С. Суворину от 5 февраля 1881 г.: «Еще в 1842 г., то есть гораздо ранее „Бедных людей", брат мой написал драму „Борис Годунов". Автограф лежал часто у него на столе, и я — грешный человек — тайком от брата нередко зачитывался с юношеским восторгом этим произведением. Впоследствии, уже в очень недавнее время, кажется в 1875 г., я в разговорах с братом покаялся ему, что знал о существовании его „Бориса Годунова" и читал эту драму. На вопрос мой: „Сохранилась ли, брат, эта рукопись?", он ответил только, махнув рукой: „Ну, полно! Это... это детские глупости!"» (*НВр*, 1881, 8 февраля, № 1778). Известно, что еще в начале 1841 г. перед отъездом в Нарву Михаил Михайлович на своем прощальном вечере (о его датировке см. письмо 33, примеч. 1) слышал чтение отрывков из задуманных Достоевским драм «Мария Стюарт» и «Борис Годунов», над которыми начинающий писатель продолжал работать и в следующем году (см.: *Биография*, отд. I, стр. 41, 49; *ЛН*, т. 86, стр. 328). Об этих замыслах см.: М. П. Алексеев. О драматических опытах Достоевского. — *Творчество Достоевского, 1921*, стр. 49—52. Сам Достоевский в письме от второй половины января 1844 г. упоминал как об «оконченной драме» о «Жиде Янкеле» (см. письмо 41, примеч. 3), но брат вряд ли ее читал, так как в этот период в Петербург не приезжал. Скорее всего его надежды на успех Достоевского как драматурга основывались на знакомстве с названными выше незавершенными замыслами или другими не дошедшими до нас пьесами, которые могли стать ему известны во время пребывания Федора Михайловича в Ревеле летом 1843 г. (и вряд ли летом 1844 г., как указывалось в кн.: *Достоевский и его время*, стр. 282). Слова «с восхищением читал» могли быть и преувеличением для корреспондента, которого он хотел убедить в правильности избранного братом литературного пути (см. ниже, примеч. 12).

[8] По-видимому, Достоевский заканчивал в это время первую редакцию «Бедных людей» (подробнее см.: наст. изд., т. I, стр. 459, 464—465).

[9] Цитата из комедии Гоголя «Ревизор» (д. 5, явл. VIII).

[10] См. письмо 47.

[11] Кроме упомянутого выше см. также письма 45, 46.

[12] Получив это письмо, М. М. Достоевский в тот же день 3 октября 1844 г. отправил П. А. Каренину письмо, в котором, ручаясь за выполнение братом предложенных им денежных условий, выражал веру в его будущее. «Он подал, как Вы уже знаете, в отставку, — писал М. М. Достоевский. — Но это меня не много беспокоит; человек с его дарованиями без хлеба не останется. Он избрал для себя новую, лучшую дорогу, и так как два дела делать вдруг нельзя, он вполне предался тому, к которому чувствовал более склонности» (*ЛН*, т. 86, стр. 366).

[13] Достоевский имеет в виду следующие слова из монолога Хлестакова («Ревизор», д. 2, явл. VII): «Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж? если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу».

49. П. А. КАРЕПИНУ (стр. 101)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 391.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 393—396.

Датируется 20-ми числами октября 1844 г. на том основании, что в письме говорится об опубликовании приказа об отставке, т. е. увольнении Достоевского с военной службы, который был подписан 19 октября, а опубликован 24 октября 1844 г. (см. письмо 47, примеч. 8).

[1] Это, предшествующее настоящему, письмо Ф. М. Достоевского неизвестно.

[2] А. М. Достоевский, резко расходившийся в оценке опекуна со старшими братьями («...он был добрейший из <...> людей <...> был не просто добрым, но евангельски добрым человеком» — *Достоевский, А. М.*, стр. 114; см. также: стр. 120—121), перечисляет многочисленные занятия этого «делового человека»: «Служил Петр Андреевич во многих местах и везде получал солидное содержание <...> Во-первых, он служил правителем канцелярии московского военного генерал-губернатора; во-вторых, аудитором при каком-то военном учреждении <...>, в-третьих, он был секретарем в дамском комитете, то есть при дамском попечительном о тюрьмах комитете, где между тогдашними патронессами города играл видную роль, прельщая всех своим чисто парижским французским языком; в-четвертых, он был секретарем в попечительном комитете о просящих милостыню. И в-пятых, главнейшая и самая доходнейшая его служба была частная, а именно, он был главноуправляющим над всеми имениями, кажется, князей Голицыных, и одна канцелярия его, как главноуправляющего, помещалась в его квартире, занимая несколько комнат» (там же, стр. 113—114).

[3] П. А. Карепин в конце концов удовлетворил просьбу Достоевского и выслал ему 500 руб. серебром, о чем Федор Михайлович сообщает Михаилу Михайловичу 24 марта 1845 г. (см. письмо 52). «Представить себе не можете, любезный брат Петр Андреевич, как я обрадовался, узнав из письма Вашего, что Вы наконец порешили с братом Федором, — писал 28 ноября 1844 г. М. М. Достоевский Каренину. — Этой суммой он удовлетворит, по крайней мере, минутным нуждам и проживет целый год — а это много значит в его положении <...> Из письма Вашего <...> я *понял*, что деньги на выдачу брату Вы употребили свои собственные. Примите за это мою наиглубочайшую благодарность» (*ЛН*, т. 86, стр. 369).

50. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 104)

Печатается по тексту письма М. М. Достоевского П. А. Каренину от 28 ноября 1844 г.: *ИРЛИ*, ф. 56, № 405.

Впервые опубликовано: Вестник ЛГУ, 1972, № 2, Серия истории, языка и литературы, вып. 1, стр. 155 (см. также: *ЛН*, т. 86, стр. 369).

Подлинник письма до нас не дошел; публикуемые отрывки приводятся М. М. Достоевским в доказательство того, что Ф. М. Достоевский раскаивается «за невежливое письмо» его к П. А. Карепину. Датируется письмо ноябрем 1844 г.: в упоминаемом в нем «последнем письме» (по-видимому, письме П. А. Карепину от 20-х чисел октября 1844 г., — № 49) Достоевский вновь повторял просьбу о высылке денег в счет его доли наследства; из цитируемого письма ясно, что П. А. Карепин согласился исполнить его просьбу и Ф. М. Достоевский считает себя отделенным от «всего общего» (общего наследства); следовательно, Достоевский написал это письмо после ответа ему П. А. Каренина и до письма М. М. Достоевского от 28 ноября 1844 г.

Отрывки из письма брата М. М. Достоевский приводит, опровергая резкие суждения опекуна о его характере: «Вы сердитесь на него, любезный брат, за невежливое письмо его, но, поверьте, он и сам теперь в этом раскаивается <...> Из этого (то есть из приведенных М. М. Достоевским фрагментов письма, — *Ред.*) уж Вы можете видеть, любезный брат, что он не злой человек; о, он очень, очень добр. Жаль, что Вы не знаете его лично — Вы переменили бы свое мнение» (*ЛН*, т. 86, стр. 369). В том же письме М. М. Достоевский не соглашается и с «точкой зрения» Каренина: «Что ни говорите, любезный брат, а я слепо верю в его необыкновенное дарование и уверен, что на избранном им поприще рано или поздно он составит себе славное имя. Правда, я совершенно согласен с Вами, что всё это можно бы сделать иначе, не вдруг, осторожнее, рассудительнее. Но и то сказать, всё зависит от того, с какой точки зрения станешь смотреть на предмет; с одной стороны, брат может показаться человеком ветреным, нерассудительным... не спорю; с другой — человеком с сильною душою и энергическим характером» (там же).

51. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 105)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 396.

Датировано 1844 г. А. М. Достоевским. Относится скорее всего к сентябрю—октябрю — периоду выхода Ф. М. Достоевского в отставку, особенно острого безденежья и неприятной для него переписки с П. А. Карепиным (см. письма 46—50).

52. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 106)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 32—34.

Датируется 1845 г., так как в письме упоминается как «только что» прочитанная статья А. Вейса, напечатанная в «Русском инвалиде» от 22 марта 1845 г. Кроме того, в письме говорится о работе над второй редакцией «Бедных людей», в то время как первая была закончена, как сообщается в этом письме, в ноябре 1844 г. (см. также письмо 48).

[1] Достоевский получил 500 руб. серебром в соответствии с его просьбой, обращенной к опекуну П. А. Карепину (см. письмо 49).

[2] Источник цитируемого отзыва Беранже установить не удалось. Шамбертен — сорт красного вина из Бургундии.

[3] Речь идет о «Бедных людях».

[4] Достоевскому удалось приехать в Ревель к брату 9 июня 1845 г. (см.: *Достоевский и его время*, стр. 283).

[5] См. письмо 48, примеч. 3.

[6] Скорее всего, мысль эта подсказана Достоевскому статьей Белинского «Александринский театр» (1845), которая была опубликована во второй части «Физиологии Петербурга», составленной Н. А. Некрасовым и

только что появившейся. В ней Белинский, разбирая современный репертуар, подчеркивает его измельчание, невысокий художественный уровень как драм, так и водевилей, построенных на благополучно завершающихся мелодраматических любовных коллизиях, и иронически именует Н. А. Полевого и П. Г. Ободовского, авторов наиболее многочисленных пьес, «Шекспиром» и «Шиллером» Александринской сцены (*Белинский*, т. VIII, стр. 539—541, 548).

[7] Брокен — главная вершина Гарца. Отбрасываемая его восточной скалой тень носит название брокенского призрака и окружена местными легендами. Сцена «Вальпургиева ночь» из первой части «Фауста» Гете происходит у подножия Брокена.

[8] В «Русском инвалиде» (1845, 22 марта, № 64) в отделе «Смесь» была помещена статья А. Вейса «Поэты в Германии». Автор, ссылаясь на «Аугсбургскую газету», приводит факты, от которых стало «страшно» только что подавшему в отставку и решившему всецело посвятить себя литературному труду Достоевскому: «Лессинг умер в нужде, проклиная германскую нацию. Шиллер никогда не имел 1000 фр‹анков›, чтобы съездить взглянуть на Париж и на море. Моцарт получал всего 1500 фр‹анков› жалования, оставив после смерти 3000 фр‹анков› долгу. Бетховен умер в крайней нужде. Друг Гегеля и Шеллинга Гельдерлин принужден был быть школьным учителем. Терзаемый любовью и нуждой, сошел с ума 32-х лет и дожил в этом состоянии до 76 лет. Гёльти, чистый поэт любви, давал уроки по 6 фр‹анков› в месяц, чтобы иметь кусок хлеба. Умер молодым — отравился. Бюргер знал непрерывную борьбу с нуждою. Шуберт провел 16 лет в заключении и кончил сумасшествием. Граббе, автор гениальных „Фауста и Д‹он› Жуана", в буквальном смысле умер с голода 32 лет. Ленц, друг Гете, умер в крайней нужде у одного сапожника в Москве. Писатель Зонненберг раздробил себе череп. Клейст застрелился; Лесман повесился; Раймунд — поэт и актер — застрелился. Луиза Бришман кинулась в Эльбу. Шарлотта Штиглиц заколола себя кинжалом. Ленау отвезен в дом умалишенных».

53. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 108)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 34—36.

[1] Ф. Р. Шатобриан начал литературную деятельность стихотворной идиллией «Сельская любовь» (1790); затем им был издан «Исторический, политический и нравственный опыт о революциях» (1797). Повесть «Атала, или Любовь двух дикарей», задуманная во время поездки писателя в Америку в 1791—1792 гг., появилась отдельным изданием в 1801 г. и позднее многократно переделывалась автором. В предисловии (1805 г.) к изданию повестей «Атала» и «Рене» Шатобриан писал: «„Атала" была переиздана одиннадцать раз: пять раз отдельно и шесть раз в составе „Гения христианства"; стоит сравнить эти одиннадцать изданий, чтобы убедиться, что среди них нет двух одинаковых. Двенадцатое издание, которое я выпускаю в свет теперь, было вновь пересмотрено мною самым тщательным образом; я взвесил каждую фразу, обдумал каждое слово» (Chateaubriand. Œuvres complètes. Bruxelles, 1828, t. 16, p. 5).

[2] В «Заметке о жизни и произведениях Стерна» (Достоевский прочел ее во французском переводе) В. Скотт приводит слова слуги Стерна Лафлёра, который «выразил большое удивление», узнав о том, что опубликованные сочинения его господина весьма малочисленны: «Я знаю, — сказал он, — что когда мы вернулись из этого путешествия (во Францию и Италию, — *Ред.*), был большой чемодан, весь наполненный бумагами ‹...› это были всевозможные замечания о нравах различных народов, у которых он побывал» (см.: Sterne. Voyage sentimental en France et en Italie. Paris, 1845, p. XIII).

[3] Роман В. Скотта «Гай Маннеринг» (1815; русский перевод — 1824) был создан писателем на 44-м году жизни и появился в печати через месяц после опубликования поэмы «Властитель островов».

[4] «Бедные люди» были опубликованы в «Петербургском сборнике», изданном Некрасовым в 1846 г.

[5] См. письмо 52, примеч. 4.

[6] Заботы об устройстве своих денежных дел, которые Достоевский называет здесь «idée fixe», иронически сравниваются им с эгоистическими заботами буржуа о своем благополучии. Достоевский, по-видимому, вспоминает пользовавшийся популярностью во Франции одноактный водевиль Лоренсена (псевдоним П. Э. Шапелля) «Ma femme et mon parapluie» (поставлен в 1834, издан в 1835), один из героев которого, фортепьянный настройщик Серине, равно возмущен исчезновением из дому жены и пропажей зонтика, который в то время воспринимался как непременный атрибут буржуа. В 1840 г. был напечатан русский перевод (точнее, переложение, так как перевод носил весьма вольный характер) водевиля Лоренсена («Жена и зонтик, или Расстроенный настройщик. Водевиль в I действии, переведенный с французского П. А. Каратыгиным» — «Репертуар русского театра», 1840, № 9, стр. 1—18).

[7] Роман Э. Сю «Вечный жид» печатался во Франции в 1844—1845 гг. фельетонами в парижской газете «Constitutionnel» и параллельно в те же годы был переведен на русский язык. Об отношении Достоевского к Э. Сю см. письмо 40, примеч. 2.

[8] См. письмо 48, примеч. 3.

[9] Имеется в виду роман А. Ф. Вельтмана «Емеля, или Превращения» (*БдЧт*, 1845, т. 68). См. о Вельтмане и об отношении к нему Достоевского: Б. Я. Бухштаб. Первые романы Вельтмана. — В кн.: Русская проза. Л., 1926, стр. 205; В. Ф. Переверзев. Предтеча Достоевского. — В кн.: В. Ф. Переверзев. У истоков русского реального романа. М., 1937, стр. 78—145; Г. М. Фридлендер. Нравоописательный роман. Жанр романа в творчестве романтиков 30-х годов. — В кн.: История русского романа. М.—Л., 1962, т. 1, стр. 275—276; В. А. Кошелев, А. В. Чернов. Человек в художественном мире А. Ф. Вельтмана и Ф. М. Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VI.

[10] «Тарантас» В. А. Соллогуба вышел в 1845 г. отдельным изданием с иллюстрациями Г. Г. Гагарина.

54. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 110)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 36—38.
Письмо написано «тотчас же по приезде» Достоевского из Ревеля. Достоевский прибыл в Ревель пароходом 9 июня 1845 г.; возвратился в Петербург тоже пароходом, который отбыл из Ревеля 1 сентября 1845 г. (см.: *Достоевский и его время*, стр. 283). На этом основании письмо датируется началом сентября 1845 г.

[1] Последняя фраза «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». У Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!».

[2] Упоминание о Голядкине как о сложившемся уже образе свидетельствует, что работа над «Двойником» к этому времени значительно продвинулась.

55. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 112)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 38—41.
Датируется 1845 г., так как в письме говорится об издании «Бедных людей» и о работе над «Двойником».

[1] Редактировавшийся Некрасовым «Петербургский сборник», в котором были напечатаны «Бедные люди» Достоевского, вышел в свет 15 января 1846 г. (см. письмо 57). Некрасов писал 19 октября 1845 г. А. А. и Г. С. Буткевич об издании сборника: «Затеял предприятие в 10 тысяч, имея только четыре, и всякую копейку, какая есть, принужден отдавать на бумагу, на печать, на картинки и на всякие другие принадлежности» (*Некрасов*, т. X, стр. 46).

[2] Из этого стилизованного под речь Голядкина пассажа видно, что в начале октября 1845 г. Достоевский уже набросал предпоследнюю XII главу «Двойника», где герой объясняется с «его превосходительством».

[3] В фельетонах «Журнальная всякая всячина», постоянно печатавшихся в «Северной пчеле», Ф. В. Булгарин неизменно характеризовал себя как поборника правды. Белинский в заметке «„Северная пчела" — защитница правды и чистоты русского языка» (*ОЗ*, 1845, № 12) саркастически писал о булгаринской газете: «Если поверить ей <...> только одна „Пчела" любит правду больше всего на свете — ежеминутно готова умереть за правду и терпит за нее гонения от всей литературной братии...» (*Белинский*, т. IX, стр. 371; ср. также стр. 615—616). Намек на Булгарина содержался также в «Объявлении» об издании альманаха «Зубоскал» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 7—8, 215).

[4] Объявление об издании альманаха «Зубоскал», написанное Достоевским, было опубликовано в № 11 «Отечественных записок» за 1845 г. в отделе «Библиографическая хроника». По предположению Григоровича, объявление послужило одним из поводов к запрещению альманаха (см.: *Григорович*, стр. 82). Текст объявления и комментарий к нему см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 5—10, 213—216.

[5] Имеется в виду пародия на многотомные романы Э. Сю, изобилующие изображением различного рода тайн, ужасов и романтических приключений. См. также письмо 40, примеч. 2.

[6] Анекдот «Пушкин и ящерицы», высмеивавший С. П. Шевырева (который воспринимался кругом Белинского прежде всего как представитель «официальной народности»), был опубликован в альманахе «Первое апреля» (СПб., 1846, стр. 20—21; см. также: *Некрасов*, т. V, стр. 551).

[7] Отношение Достоевского к славянофилам отражает его фельетон из цикла «Петербургская летопись», опубликованный в «С.-Петербургских ведомостях» от 1 июня 1847 г. (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 25—26, 220—221, 226—228). В альманахе «Первое апреля» был опубликован анекдот, высмеивавший славянофилов («Славянофил»), но сюжет его иной, чем указанный в письме Достоевского (см.: Первое апреля. СПб., 1846, стр. 141—142; см. также: *Некрасов*, т. V, стр. 602, 644).

[8] Нападки на опечатки были весьма распространенным приемом в газетно-журнальной полемике того времени. Ф. В. Булгарин, то и дело выступавший против нового конкурента — еженедельника «Иллюстрация», издававшегося Н. В. Кукольником (в 1845—1847 гг.), замечал: «...*слова* и *знаки препинания* разбросаны в таком *лирическом беспорядке*, какого нам еще не случалось видеть в печати! <...> небрежность в „Иллюстрации" дошла до того, что на самом верху, при обозначении цены, дня, числа и года, пропущены *знаки препинания*! Всё тринь трава!» (Ф. Б.<у л г а р и н>. Журнальная всякая всячина. — *СП*, 1845, 7 апреля, № 79; ср. также: 5 мая, № 100). В статье «От редакции» Н. В. Кукольник раздраженно отвечал: «В чем можно обвинить „Иллюстрацию"? <...> А опечатки? Где их нет! Это репейник, необходимый на литературной пажити... Но это не пища для людей образованных и благонамеренных. Пусть этим забавляются те, которые любят опечатки. Suum cuique. <...> Не хотите ли из этой мутной стихии опечаток перебраться в мир поэзии и подышать ее целебным воздухом» («Иллюстрация», 1845, 12 мая, № 6, стр. 82).

[9] Замысел «Записок лакея о своем барине» осуществлен не был. Вместо них Достоевский написал «Роман в девяти письмах» (см. письмо 56, примеч. 10).

[10] «Les Guêpes» — сатирическая газета, основанная в 1839 г. французским писателем и журналистом Альфонсом Карром.

[11] «Зубоскал» был запрещен цензурой (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 214); часть предназначенных для него материалов Некрасов использовал в альманахе «Первое апреля» (1846).

[12] Выражение Ноздрева в «Мертвых душах» Гоголя (т. 1, гл. IV).

[13] Оценка, данная Достоевским роману Ж. Санд «Теверино» (1845; русский перевод — 1845), близка к отзыву об этом романе Белинского, который относил его (вместе с романом «Жанна») к «лучшим созданиям гениального автора» (*Белинский*, т. IX, стр. 397).

[14] См. письмо 48, примеч. 3.

56. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 115)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 41—43.

[1] Письмо Михаила Михайловича, на которое отвечает Федор Михайлович, неизвестно.

[2] О желании В. Ф. Одоевского видеть у себя Достоевского свидетельствует записка Н. А. Некрасова к нему от 27 ноября 1845 г.: «Я виделся с г-ном Достоевским. Он теперь так занят и просил меня извинить его перед Вами, что не может быть у Вас ранее, как после первого декабря» (*Некрасов*, т. X, стр. 48). См. также: А. С. Немзер, А. Л. Осповат. Две заметки о В. Г. Белинском. 1. Комментарий к записке Ф. М. Достоевскому. — Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1982, т. 41, № 1, стр. 65—68.

[3] Вскоре (видимо, в конце 1845 г.) В. А. Соллогуб, узнавший от А. А. Краевского адрес Достоевского, посетил его «и выразил ‹...› в восторженных словах то глубокое и вместе с тем удивленное впечатление, которое ‹...› произвела его повесть, так мало походившая на всё, что в то время писалось...» (В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.—Л., 1931, стр. 413—414).

[4] И. С. Тургенев после полугодичного пребывания за границей вернулся в Петербург около 10 ноября 1845 г. (см.: М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М.—Л., 1934, стр. 39).

[5] И. С. Тургеневу тогда было 27 лет.

[6] «Андрей Колосов» Тургенева был напечатан в № 11 «Отечественных записок» за 1844 г. О взаимоотношениях Достоевского и Тургенева и их переписке см. указатель имен к следующему тому.

[7] См.: *Тургенев, Сочинения*, т. V, стр. 544—545.

[8] Люсьен де Рюбампре — герой романов Бальзака «Утраченные иллюзии» (1837—1843) и «Блеск и нищета куртизанок» (1844—1847). Став журналистом («Утраченные иллюзии»), он написал фельетон «в новой, необычной манере, вызвавшей целый переворот в журналистике» (*Бальзак*, т. VI, стр. 291).

[9] См. письмо 55, примеч. 4.

[10] «Роман в девяти письмах» был напечатан в № 1 «Современника» за 1847 г. (см. наст. изд., т. I, стр. 230—239 и 499—501).

[11] Драматическая сцена Гоголя «Тяжба» была опубликована в 1842 г.; поставлена в Александринском театре в 1844 г.

[12] А. Я. Панаева вспоминала первый (15 ноября 1845 г.) и последующие визиты Ф. М. Достоевского: «Достоевский пришел к нам в первый раз вечером с Некрасовым и Григоровичем ‹...› С первого взгляда на Достоевского видно было, что это страшно нервный и впечатлительный молодой человек. Он был худенький, маленький, белокурый, с болезненным цветом лица; небольшие серые глаза его как-то тревожно переходили с предмета на предмет, а бледные губы нервно передергивались. Почти все присутствовавшие тогда у нас уже были ему знакомы, но он, видимо, был сконфужен и не вмешивался в общий разговор. Все старались занять его, чтобы уничтожить его застенчивость и показать ему, что он

член кружка. С этого вечера Достоевский часто приходил вечером к нам. Застенчивость его прошла, он даже выказывал какую-то задорность, со всеми заводил споры, очевидно, из одного упрямства противоречил другим. По молодости и нервности, он не умел владеть собой и слишком явно высказывал свое авторское самолюбие и самомнение о своем писательском таланте» (*Панаева*, стр. 142—143). Ф. М. Достоевский в письме к брату (№ 57) признавался: «Я был влюблен не на шутку в Панаеву, теперь проходит...» (стр. 118). Как свидетельствует А. Г. Достоевская, «увлечение Панаевой было мимолетно, но всё же это было единственным увлечением Достоевского в его молодые годы. В доме у них, где к Федору Михайловичу начали относиться насмешливо, неглупая и, по-видимому, чуткая Панаева пожалела Достоевского и встретила за это с его стороны сердечную благодарность и нежность искреннего увлечения» (Л. Гроссман. Путь Достоевского. Л., 1924, стр. 121).

[13] См. письмо 55, примеч. 11.

[14] См. письмо 48, примеч. 3.

57. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 117)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 43—45.

Датируется 1846 г., так как речь идет о работе над «Двойником».

[1] Имеется в виду, вероятно, последняя корректура «Двойника», который был напечатан в № 2 «Отечественных записок» за 1846 г. (ценз. разр. — 24 января 1846 г.).

[2] «Петербургский сборник» с помещенными в них «Бедными людьми».

[3] Анонимный рецензент «Иллюстрации» во враждебном отзыве на «Петербургский сборник» (*И*, 1846, 26 января, № 4) выражал недовольство успехами в литературе 1840-х гг. произведений «сатирического рода», к которому были отнесены «Бедные люди». Утверждая, что роман «не имеет никакой формы и весь основан на подробностях утомительно однообразных», он вышучивал его и сравнивал с обедом, сплошь состоящим из «сахарного горошка» (подробнее см.: наст. изд., т. I, стр. 471). Против «Иллюстрации» и ее редактора Н. В. Кукольника выступил Н. А. Некрасов в рецензии на третий выпуск альманаха «Новоселье». Подчеркивая мелодраматизм и неестественность опубликованной в альманахе повести Кукольника «Старый хлам» и иронизируя над ее так называемой оригинальностью, Некрасов выражает удивление, как после этого творения Кукольника находятся «люди, которые осмеливаются тоже писать романы» и идти «своей дорогой», и восклицает: «Чудаки! Недаром „Иллюстрация“ удивляется их дерзости... Еще бы не удивляться!.. Бедные, они потчуют публику всё одним супом, — в начале суп, в середине суп, под конец суп... У них нет и настолько смысла, чтоб понять, что одно кушанье приестся; — только г-н Кукольник понял тайну романа и очень хорошо знает, что если сначала хорош суп, так за ним всего лучше соус, а там жаркое, и так далее, и что в промежутках не худо чего-нибудь шипучего, трескучего, — вот тогда и выйдет роман хоть куда...» (*ОЗ*, 1846, № 5, отд. VI, стр. 5). См.: М. Блинчевская. «Бедные люди» или «Северная пчела»? — «Неделя», 1971, 6—12 декабря, № 50, стр. 9.

[4] «Северная пчела», возглавившая кампанию против социально-критической литературной школы, презрительно названной Булгариным в извещении о выходе «Петербургского сборника» «натуральной» (*СП*, 1846, 26 января, № 22), дала уничижительную оценку и первому роману Достоевского. В рецензии Л. В. Бранта (*СП*, 1846, 30 января, № 25) и в ироническом отклике на появление «Бедных людей» Булгарина (*СП*, 1846, 1 февраля, № 27) роман Достоевского рассматривался как неудачное создание молодого автора, незаслуженно провозглашенного его адептами «новым гением» и обманувшего их ожидания. При этом причиной неудачи «нового гения» Брант и Булгарин считали теории «принципиаль-

ных критиков», подчинение влиянию «натуральной партии» (см. наст. изд., т. I, стр. 471—472).

[5] А. В. Никитенко сочувственно отозвался об основном — социально-аналитическом, по его определению, — направлении романа «Бедные люди», но упрекал Достоевского в растянутости, излишестве «пошлых мелочей» (см.: *БдЧт*, 1846, № 3, отд. V, стр. 18—36; а также: наст. изд., т. I, стр. 474).

[6] Белинский, выступивший против Л. В. Бранта в защиту «нового необыкновенного таланта» еще в феврале (*ОЗ*, 1846, № 2), в марте в статье о «Петербургском сборнике» дал развернутую оценку общественного и литературного значения Достоевского (*ОЗ*, 1846, № 3). Указав на зависимость Достоевского в «Бедных людях» и «Двойнике» от Гоголя, критик в то же время подчеркнул «самобытный», самостоятельный характер его творчества. При разборе «Бедных людей» он отметил глубокий гуманизм Достоевского, понимание им «трагического элемента» жизни, внутренней красоты и благородства души его униженного героя, «простоту», «обыкновенность» построения романа и т. д. (см.: *Белинский*, т. IX, стр. 493, 550—566; а также: наст. изд., т. I, стр. 472—474).

[7] Статьи В. Ф. Одоевского и В. А. Соллогуба о «Бедных людях» в печати не появлялись.

[8] Нам почти ничего не известно о «похождениях» Достоевского в «высшем свете». Предложение В. А. Соллогуба поехать к нему «запросто пообедать» испугало писателя («Нет, граф, простите меня, — промолвил он растерянно, потирая одну об другую свои руки, — но, право, я в большом свете отроду не бывал и не могу никак решиться...»). Достоевский «только месяца два спустя решился однажды появиться» в «зверинце» Соллогуба (В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.—Л., 1931, стр. 415; писатель вспоминал о визитах к Соллогубу в письме к А. Е. Врангелю от 4 октября 1859 г.). См. также: Д. В. Григорович. Отрывки из записной книжки. — Ежемесячные литературные приложения к «Ниве», 1901, № 11, стр. 392—394; *ЛН*, т. 86, стр. 300—301.

[9] Мнение об анализе, а не синтезе как основе творческого своеобразия молодого Достоевского в печати 1840-х гг. было высказано не Белинским, а В. Н. Майковым. Так, в статье «Нечто о русской литературе в 1846 г.» Майков писал: «И Гоголь и г-н Достоевский изображают действительное общество. Но Гоголь — поэт по преимуществу социальный, а г-н Достоевский — по преимуществу психологический. Для одного индивидуум важен как представитель известного общества или известного круга; для другого самое общество интересно по влиянию его на личность индивидуума». И далее: «Даже и в „Бедных людях“ интерес, возбуждаемый анализом выведенных на сцену личностей, несравненно сильнее впечатления, которое производит на читателя яркое изображение окружающей их сферы» (*ОЗ*, 1847, № 1, отд. V, стр. 3). Достоевскому могло быть известно мнение Майкова еще до публикации указанной статьи: познакомившись с братьями Ап. и В. Майковыми в конце 1845 или начале 1846 г. (причем с Ап. Майковым, как известно, именно у Белинского), он мог слышать устные суждения В. Майкова о своем романе (см. примеч. к показаниям Достоевского по делу петрашевцев: наст. изд., т. XVIII, стр. 355—358).

[10] Намерение провести лето в Ревеле Достоевский осуществил (см. письмо 58, примеч. 8 и письмо 61, примеч. 3).

[11] О болезненности и нервной раздражительности Ф. М. Достоевского сохранилось несколько авторитетных свидетельств современников, в том числе А. Е. Ризенкампфа (*ЛН*, т. 86, стр. 331), С. Д. Яновского («Болезнь Ф. М. Достоевского». — *НВр*, 1881, 24 февраля, № 1793), А. М. Достоевского (*НВр*, 1881, 8 февраля, № 1778). «Покойный Федор Михайлович Достоевский страдал падучею болезнью еще в Петербурге, и притом за три, а может быть, и более лет до арестования его по делу Петрашевского, а следовательно, и до ссылки в Сибирь. Дело всё в том, что тяжелый этот недуг, называемый epilepsia, падучая болезнь, у Фед‹ора› Мих‹айловича›

в 1846, 1847 и в 1848 годах обнаруживалась в легкой степени; между тем хотя посторонние этого не замечали, но сам больной, правда смутно, болезнь свою сознавал и называл ее обыкновенно кондрашкой с ветерком» (*НВр*, 1881, 24 февраля, № 1793). О болезни Достоевского см. новую работу: R i c e J. L. Dostoevsky's medical history: Diagnosis and dialectic. — The Russian Review, 1983, vol. 42, № 2, p. 131—161 (там же сводка литературы вопроса).

[12] Вера Михайловна, средняя сестра Достоевского, вышла замуж 7 января 1846 г. за Александра Павловича Иванова, врача и преподавателя физики Межевого института (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 43). В. М. Каренина в письме, датируемом началом 1846 г., в связи с этим сообщала М. М. Достоевскому: «В письме твоем, милый брат, я увидела, к удивлению моему, что ты не знаешь еще о свадьбе сестры Верочки ‹...› Помолвка ее была еще 2 декабря 1845 года, а свадьба — 7 генваря 1846 года. Муж ее, Александр Павлович Иванов — очень добрый и умный человек тридцати двух лет ‹...› Он так любит и обожает сестру, что весело на них посмотреть. У него есть мать, которая также не наглядится на Верочку; одним словом, она так счастлива, как, кажется, и желать нельзя» (*ЛН*, т. 86, стр. 370).

58. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 119)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 45—47.

[1] Цитата из «Записок сумасшедшего» Гоголя (записка от «Числа 1-го»).

[2] См. обзор критических отзывов о «Бедных людях» и «Двойнике» до апреля 1846 г.: наст. изд., т. I, стр. 470—475, 489—492.

[3] Еще до окончания «Двойника» Достоевский на вечере у Белинского читал повесть, которая очень понравилась критику и членам его кружка (см.: наст. изд., т. XXVI, стр. 65—66; *Григорович*, стр. 91; *Анненков*, стр. 283). По выходе повести в свет Белинский отметил, что, «как талант необыкновенный, автор нисколько не повторился во втором своем произведении, — и оно представляет у него совершенно новый мир», что «герой романа — г-н Голядкин — один из тех обидчивых, помешанных на *амбиции* людей, которые так часто встречаются в низших и средних слоях нашего общества». Недостатки повести Белинский увидел в ее растянутости, «частом и, местами, вовсе ненужном повторении одних и тех же фраз» и в том, что «почти все лица в нем, как ни мастерски, впрочем, очерчены их характеры, говорят почти одинаковым языком» (*ОЗ*, 1846, № 3, стр. 18—20). Позднейшая переоценка «Двойника» отразилась в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (*С*, 1847, № 1), где критик кроме «неумения слишком богатого силами таланта определять разумную меру и границы художественному развитию задуманной им идеи» как на другой существенный, с его точки зрения, недостаток «Двойника» указал на «фантастический колорит» (см.: *Белинский*, т. IX, стр. 563—566; т. X, стр. 40—41). Характеристику отношения Белинского к «Двойнику» и определение своеобразия романа и места его в истории русского реализма см.: В. Д м и т р и е в. Реализм и художественная условность. М., 1974, стр. 117—126.

[4] Белинский задумал оставить «Отечественные записки» в середине 1845 г. В письме к Герцену от 2 января 1846 г. он писал: «Я твердо решился оставить „Отечественные записки“ и их благородного, бескорыстного владельца. Это желание уже давно было моею idée fixe...» (*Белинский*, т. XII, стр. 252). Извещение об уходе из «Отечественных записок» Белинский послал Краевскому между 7 и 15 февраля 1846 г. (там же, стр. 589). О причинах ухода критика из журнала см.: Е. И. К и й к о. Белинский в «Современнике». — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1954, № 171, вып. 19, стр. 54—119).

[5] Планируя издать «толстый, огромный альманах» «Левиафан», Белин-

ский собирался опубликовать в нем повести Достоевского, Тургенева, Панаева, Герцена, поэму Майкова, статью Грановского и т. д. (см.: *Белинский*, т. XII, стр. 254—255). Особенные надежды он возлагал на Достоевского и Герцена. В письме Герцену от 6 февраля названа ожидаемая повесть Достоевского — «Сбритые бакенбарды» (см. там же, стр. 261). Выпустить альманах Белинскому не удалось. Многие из предназначенных для него материалов перешли потом в «Современник», который с 1847 г. начал выходить под редакцией Некрасова и Панаева (см.: М. А. Ванюшина. Белинский в работе над организацией альманаха «Левиафан» в 1846 г. — Учен. зап. Саратовск. гос. ун-та, 1952, т. XXXI, вып. филол., стр. 263—276).

[6] Достоевский работу над названными повестями не завершил; «Повесть об уничтоженных канцеляриях» частично была им использована при создании «Господина Прохарчина», а отзвуки «Сбритых бакенбард» можно обнаружить в более поздней повести «Село Степанчиково и его обитатели» (см. об этом: наст. изд., т. I, стр. 460—461).

[7] Герцен в это время готовил к печати роман «Кто виноват?», Гончаров — «Обыкновенную историю».

[8] Достоевскому удалось приехать к брату в Ревель пароходом 25 мая 1846 г. (см.: *Достоевский и его время*, стр. 283).

[9] Переписка И. Н. Шидловского и Достоевского (за исключением одного позднего письма Шидловского) не сохранилась.

[10] М. М. Достоевский перевел «Рейнеке-Лис» Гете. Перевод был опубликован несколько позднее (*ОЗ*, 1848, № 2, отд. I, стр. 265—313; № 3, отд. I, стр. 1—49) и до сих пор не утратил значение классического образца (см.: В. М. Жирмунский. Гёте в русской литературе. Л., 1981, стр. 372).

[11] Имеется в виду А. А. Куманин.

[12] См. письмо 57, примеч. 12.

[13] Письма Веры Михайловны от весны 1846 г. к Ф. М. и М. М. Достоевским сохранились (см.: *ИРЛИ*, ф. 56, № 398).

59. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 121)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 90—92.

Датируется по содержанию 1846 г.; речь в письме идет о предстоявшей весной этого года поездке М. В. Белинской и Ф. М. Достоевского в Ревель.

[1] См. письмо 58, примеч. 8.

[2] Белинский отправился из Москвы в поездку с М. С. Щепкиным 16 мая (см.: *Белинский*, т. XII, стр. 280) и вернулся в Петербург во второй половине октября 1846 г., после 17-го (см. письмо 65).

[3] Речь идет о задуманном Белинским альманахе «Левиафан» (см. письмо 58, примеч. 5).

[4] См. письмо 60, примеч. 1.

[5] Имеется в виду повесть «Господин Прохарчин», напечатанная в № 10 «Отечественных записок» за 1846 г.

[6] Ответное письмо М. М. Достоевского неизвестно.

60. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 123)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 48.

[1] М. В. Белинская с дочерью и сестрой А. В. Орловой осталась на лето в Ревеле, где познакомилась с М. М. Достоевским и его семьею, которые были к ней «радушны», хотя, судя по ответу на ее сообщение Белинского, проявили себя как люди непрактичные (см.: *Белинский*, т. XII, стр. 287, 301).

[2] См. письмо 58, примеч. 8.

61. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 124)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 397.

Дата установлена А. М. Достоевским по почтовому штемпелю (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 419).

[1] См. письмо 58, примеч. 8.

[2] О своей болезни Достоевский писал и брату Михаилу 26 апреля и 16 мая 1846 г. (см. письма 59, 60). «Лечение Федора Михайловича было довольно продолжительно; когда местная болезнь совершенно была излечена, он продолжал недели три пить видоизмененный декокт Цитмана, уничтоживший то золотушно-скорбутное худосочие, которое в сильной степени заметно было в больном», — вспоминает пользовавший писателя в это время С. Д. Яновский (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 156).

[3] Отбыв из Ревеля 31 августа 1846 г. (см.: *Достоевский и его время*, стр. 283), Достоевский вернулся в Петербург 1 сентября.

62. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 124)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 48—49.

Датируется 1846 г., так как в письме говорится о возвращении Достоевского вместе с семьей Белинского на пароходе из Ревеля в Петербург.

[1] Ответное письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[2] См.: письмо 58, примеч. 5.

[3] Возможно, речь идет о комиссионной продаже Некрасовым «Петербургского сборника».

[4] С нового 1847 г. Некрасов и И. И. Панаев приобрели и начали издавать не «Сын отечества», а «Современник». Официальным редактором журнала стал А. В. Никитенко.

[5] О предполагаемой публикации «Завещания» Гоголя в «Современнике» Достоевскому мог сообщить друг Гоголя Н. Я. Прокопович. Появилось в печати оно лишь в начале 1847 г. в составе «Выбранных мест из переписки с друзьями» (*Гоголь*, т. VIII, стр. 219—224). Иронический отклик Достовского на «Завещание» отражает позицию круга Белинского по отношению к религиозной моралистике Гоголя.

[6] В октябре 1846 г. Н. Н. Тютчевым и М. А. Языковым на средства последнего была открыта «Контора агентства и комиссионерства», предназначенная для снабжения провинциалов предметами жизненного обихода и книгами. Литераторы возлагали на контору большие надежды. В 1847—1850 гг. через нее рассылался «Современник». Однако в делах конторы не было большого порядка, из-за этого она часто терпела материальный урон, хотя и просуществовала до конца 50-х гг. (см.: *Панаева*, стр. 207—209, 432).

63. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 125)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 50—51.

Датируется 1846 г., так как в письме говорится о публикации рассказа «Господин Прохарчин».

[1] Ввиду отсутствия автографа трудно судить о размере купюр, сделанных в тексте цензурой. Сопоставление текста рассказа с данным письмом делает вероятным предположение, что Достоевскому удалось восстановить часть из них (см. наст. изд., т. I, стр. 503).

[2] Речь, вероятно, идет о задуманном Белинским альманахе и о замысле основать для Белинского новый журнал с целью освобождения его от зависимости по отношению к Краевскому и улучшения его материального положения (см. письмо 58, примеч. 5 и письмо 62, примеч. 4).

[3] О сближении с братьями Бекетовыми Д. В. Григорович рассказывает в своих воспоминаниях: «Не помню, о чем-то раз зашел у меня с Достоевским горячий спор. Результат был тот, что решено было жить порознь. Мы разъехались, но, однако ж, мирно, без ссоры. Бывая оба часто у Бекетовых, мы встречались дружелюбно, как старые товарищи. Около Бекетовых мало-помалу образовался целый кружок; мы вступили в него благодаря старшему из братьев А‹лексею› Н‹иколаевичу›, бывшему нашему товарищу по училищу. Братья его, Н‹иколай› Н‹иколаевич›, известный теперь профессор химии, и А‹ндрей› Н‹иколаевич›, не менее известный профессор ботаники, были тогда еще студентами. Всякий раз встречалось здесь множество лиц, большею частью таких же молодых, как мы были сами...» (*Григорович*, стр. 93). О кружке Бекетовых и основанной ими социалистической «ассоциации» см.: Р. Н. П о д д у б н а я. Кружок Бекетовых в идейных исканиях Ф. М. Достоевского. — В кн.: Вопросы русской литературы. Львов, 1974, вып. 2, стр. 3—10.

[4] «Сбритые бакенбарды» не были Достоевским окончены. См. также письмо 58, примеч. 6.

[5] Речь идет о статье В. Н. Майкова «Нечто о русской литературе в 1846 г.», в которой Достоевскому был отведен ряд страниц (см. наст. изд., т. I, стр. 476, 492—493; а также письмо 57, примеч. 9).

[6] Речь идет о повести Д. В. Григоровича «Деревня» (*ОЗ*, 1846, № 12).

64. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 127)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 51—53.

[1] Письмо Михаила Михайловича, на которое отвечает Ф. М. Достоевский, и его собственное упомянутое письмо неизвестны. Задуманная Достоевским в 1846 г. поездка за границу, в Италию и Францию, не состоялась.

[2] Переиздать в то время Достоевскому удалось лишь «Бедных людей». Повесть вышла отдельной книжкой в типографии Эдуарда Праца (СПб., 1847).

[3] Возможно, речь идет о «Неточке Незвановой», задуманной в виде романа, работа над которым была прервана арестом писателя по делу петрашевцев (см. наст. изд., т. II, стр. 494—496).

[4] См. письмо 62, примеч. 4.

[5] См. письмо 62, примеч. 3.

[6] См. письмо 62, примеч. 6.

65. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 129)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 53—55.

[1] См. примеч. 2 к письму 64.

[2] Младший сын Михаил родился у Э. Ф. Достоевской 5 ноября 1846 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 46).

[3] «Суждения», о которых пишет Достоевский, нам неизвестны. Печатные отзывы о «Прохарчине» были в большинстве своем отрицательными (см. наст. изд., т. I, стр. 504—506).

[4] Видимо, в преферанс. Достоевского, по свидетельству А. Я. Панаевой, раздражало это увлечение Белинского: «Как можно умному человеку про-

сидеть даже десять минут за таким идиотским занятием, как карты!.. а он сидит по два и по три часа! — говорил Достоевский с каким-то озлоблением. — Право, ничем не отличишь общества чиновников от литераторов: то же тупоумное препровождение времени!» (*Панаева*, стр. 144).

66. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 130)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 397.
Дата установлена А. М. Достоевским по почтовому штемпелю (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 419).

[1] См. примеч. 3 к письму 61.
[2] По субботам в Училище гражданских инженеров разрешалось свидание с родственниками (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 157).

67. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 131)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 55—57.
Письмо датируется 20-ми числами октября 1846 г. по содержанию. Ему предшествует письмо от 17 октября 1846 г., в котором Достоевский сообщал брату, что повесть «Сбритые бакенбарды» еще не совсем им кончена.

[1] По всей вероятности, имеется в виду повесть «Хозяйка», которая была опубликована в октябрьском и ноябрьском номерах «Отечественных записок» за 1847 г. Повесть эта ощущалась писателем как нечто новое в сравнении с прежними его произведениями (см. наст. изд., т. I, стр. 507).
[2] «Господа» — И. И. Панаев и Н. А. Некрасов. См. также письмо 68, примеч. 3.
[3] См. письмо 64, примеч. 3.
[4] О втором издании «Бедных людей» см. письмо 64, примеч. 2. К мысли о переработке «Двойника» Достоевский обращался несколько раз и начал приводить ее в исполнение в 1861—1864 гг., но отказался от плана коренной переработки и расширения повести, создав вместо этого новую редакцию в 1866 г. (см. письма его к М. М. Достоевскому от апреля 1847 г. (№ 72) и от 1 октября 1859 г. (№ 155), а также: наст. изд., т. I, стр. 484—486).
[5] Планы Достоевского не осуществились (см. об этом письмо 68 и примеч. 1 к нему).
[6] В «Отечественных записках» была опубликована 1-я часть романа Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халявский» (1839, №№ 6—7); первое отдельное издание (ч. 1—2) вышло в конце 1840 г.

68. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 133)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 57—59.

[1] Намерение подготовить издание своих сочинений, в том числе «Двойника», к «будущей осени» Достоевскому выполнить не удалось. Первое двухтомное собрание его сочинений вышло в свет в 1860 г. в издании Н. А. Основского. «Двойник» был впервые переиздан в новой редакции в т. III собрания сочинений Достоевского 1866 г. (см. примеч. 4 к письму 67). «Бедные люди» вышли в свет в начале ноября следующего года без иллюстраций (см. письмо 64, примеч. 2).

[2] В фельетоне «Петербургская летопись» (1 июня 1847 г.) Достоевский писал: «...прекрасное предприятие господ Бернардского и Агина — иллюстрация „Мертвых душ“ — приближается к концу, и нельзя достаточно нахвалиться добросовестностию обоих художников. Некоторые из политипажей окончены превосходно, так что лучшего трудно желать» (наст. изд., т. XVIII, стр. 28).

[3] Расхождение Достоевского с Некрасовым и кругом «Современника» началось ранее. Не позднее января 1846 г. Некрасов совместно с Тургеневым уже написали пародийное послание Белинского Достоевскому, начинающееся строкой «Витязь горестной фигуры...» (см. об этом: *ЛН*, т. 49—50, стр. 389—390; *Некрасов, ПСС*, т. I, стр. 423—424 и 687—688; *Тургенев, Сочинения. Изд. 2*, т. I, стр. 332, 544—546).

[4] Достоевский имеет в виду, вероятно, устные суждения В. Н. Майкова. Первый печатный отзыв его о Достоевском появился позднее, чем было написано данное письмо (см. письмо 57, примеч. 9 и письмо 63, примеч. 5).

[5] После восторженного признания «Бедных людей» и сочувственной оценки «Двойника» отношение Белинского к Достоевскому претерпело ряд колебаний (об изменившейся оценке критиком «Двойника» см. письмо 58, примеч. 3). О «Господине Прохарчине» Белинский отрицательно отозвался в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (*С*, 1847, № 1). «Роман в девяти письмах», судя по письму Достоевского к брату от 16 ноября 1845 г. (№ 56), при первом знакомстве произвел в круге Белинского «фурор», но вскоре его разочаровал (см. письмо Белинского Тургеневу от 19 февраля 1847 г.: *Белинский*, т. XII, стр. 335). См. об этом: *Кирпотин, Достоевский и Белинский*, стр. 38—46; В. А. Дмитриев. Реализм и художественная условность. М., 1974, стр. 109—126; а также наст. изд., т. I, стр. 501; т. XXI, стр. 10, 379—380.

[6] Достоевский в это время работает над повестью «Хозяйка».

[7] О сближении Достоевского с братьями Бекетовыми и их кружком см. письмо 63, примеч. 3.

[8] Речь идет о недавно родившемся сыне Михаила Михайловича (см. письмо 65, примеч. 2).

69. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 135)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 59—61.

[1] См. окончание письма 68.

[2] «Неточка Незванова» стала публиковаться лишь с начала 1849 г. (*ОЗ*, 1849, №№ 1, 2, 5). Объявление о ее появлении в журнале было напечатано: *ОЗ*, 1846, № 12, отд. VI, стр. 118—119.

[3] В сезон 1846—1847 гг. особым успехом у петербургской публики кроме прежних итальянских певцов Тамбурини и Сальви пользовались «новая драматическая примадонна», «высокий сопрано, свежий и обработанный» Д. Борси, «тенор» Гуаско, «баритон» Коллини и «бассо-буффо» Росси (см.: А. Вольф. Хроника петербургских театров... СПб., 1877, ч. I, стр. 123; а также: наст. изд., т. II, стр. 481). В репертуаре итальянской труппы были оперы Верди, Доницетти, Беллини, Россини, Обера (см.: А. Вольф. Хроника петербургских театров..., ч. II, стр. 130—131; ср. также обоснование датировки письма 70).

[4] Достоевский не выполнил условий «контракта» с А. А. Краевским, о чем с юмором («презабавный анекдот») рассказывал В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину от 17 февраля 1847 г.: «Воспользовавшись крайнею нуждою Кр‹аевско›го в повестях, он превосходно надул этого умного, практического человека. Он забрал у него более 4 тысяч асс‹игнациями› и заключил с ним контракт, по которому обязался 5 декабря доставить ему 1-ю часть нового своего большого романа, 5 января — 2-ю, 5 фев-

раля — 3-ю, 5 марта — 4-ю часть. Проходит декабрь — Дост‹оевский› не является к Кр‹аевскому›, проходит январь — тоже (а где найти его, Кр‹аевский› не знает); наконец в нынешнем месяце, в одно прекрасное утро, раздается в прихожей Кр‹аевского› звонок, человек отворяет дверь и видит Дост‹оевского›, снимает с него шинель и бежит доложить. Кр‹аевский›, разумеется, обрадовался, говорит — проси, человек идет в переднюю и — не видит ни галош, ни шинели, ни самого Достоевского...» (*Белинский*, т. XII, стр. 332—333; ср. там же, стр. 335—336).

[5] Под «перестрелкой» Достоевский имеет в виду, вероятно, выступление В. Н. Майкова против Белинского в статье «Стихотворения Кольцова» (*ОЗ*, 1846, №№ 11, 12) и ответную критику «фантастического космополитизма» Майкова в готовившемся в это время к печати обзоре Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» (*С*, 1847, № 1). О содержавшейся в ней полемике с Майковым Достоевский мог узнать заранее (или через Майковых, или от лиц из круга Белинского).

[6] Летом 1847 г. Достоевский не смог приехать в Ревель, но 25 сентября 1847 г. М. М. Достоевский сам «отбыл пароходом в Петербург» (см.: *Достоевский и его время*, стр. 283).

[7] См. письмо 63 и примеч. 3 к нему.

[8] У М. В. Белинской родился сын Владимир 24 ноября 1846 г.; вскоре он умер (см.: А. Орлова. Из воспоминаний о В. Г. Белинском. — *РВед*, 1891, 29 мая, № 145; Ю. Оксман. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, стр. 462, 491, 494).

[9] Название «физиология» в применении к очеркам и рассказам, изображающим внешний облик и быт представителей различных социальных слоев, профессий, жизнь низов города и деревни, утвердилось прочно в русской литературе (вслед за французской) после выхода в свет в 1845 г. изданного Некрасовым сборника «Физиология Петербурга» — программного для писателей натуральной школы 40-х гг. Об успехе повести Григоровича «Деревня» (*ОЗ*, 1846, № 12), отклоненной редакцией «Современника» (в частности И. И. Панаевым), в кружке Бекетовых и об отношении к ней Белинского см.: *Григорович*, стр. 98—101; см. также свидетельство Тургенева в «Литературных и житейских воспоминаниях» (*Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 33) и отзыв Белинского о повести в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» (*Белинский*, т. X, стр. 42—43).

[10] Возможно, речь идет об А. И. Штреммер — будущей жене А. Н. Майкова. В письме А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. Достоевский о ней отзывался очень тепло: «Вы пишете мне, помню ли я Анну Ивановну? Но как же забыть. Рад ее и Вашему счастью, оно мне и прежде было не чуждо: помните в 47 году, когда всё это начиналось. Напомните ей обо мне и уверьте ее в беспредельном моем уважении и преданности» (стр. 206).

70. А. У. ПОРЕЦКОМУ (стр. 137)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 407, № 1.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 105.

Датируется январем 1847 г.: в письме говорится об артистке Д. Борси, участнице труппы итальянской оперы, гастролировавшей в Петербурге в сезон 1846—1847 гг. (см. письмо 69, примеч. 3); упомянутый в письме «бенефис» — либо бенефис А. Тамбурини, в котором участвовала и Борси (11 января), либо бенефис самой Борси (24 января). На бенефисах исполнялись отрывки из опер Доницетти («Лукреция Борджиа», «Мария де Роган»), Россини («Севильский цирюльник», «Карл Смелый» («Вильгельм Телль»), «Семирамида»), Верди («Ломбардцы»), Пачини («Корсиканская невеста») — см.: *СПбВед*, 1847, 11 января, № 8; 30 января, № 24.

По свидетельству театрального очеркиста В. Тунеева, голос и игра Борси, «огонь» и «неподдельное чувство», просвечивающие «в каждом ее слове, в каждом ее движении», возбуждали в публике «энтузиазм» (см.:

СПбВед, 1847, 30 января, № 24). Об отношении Достоевского к итальянской опере и о симпатии его к «гражданскому героическому» исполнительскому искусству Борси см.: *Гозенпуд*, стр. 25—34.

71. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 137)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.12.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 61—63.

Датируется по содержанию январем—февралем 1847 г.: в письме речь идет о работе над повестью «Хозяйка» (*ОЗ*, 1847, №№ 10, 11), причем «к весне» Достоевский намеревается сделать денежный заем у Краевского и приехать к брату, которого должны были перевести весной 1847 г. в Свеаборгскую инженерную команду.

[1] Мысль о необходимом согласии в человеке внешнего и внутреннего, утверждаемая в этом письме, связывает его с кругом идей повести «Хозяйка» (1847), замысел которой относится к октябрю 1846 г.; ср. суждение молодого Достоевского о характере русского мечтателя в фельетонах «Петербургская летопись» (1847) и «сентиментальном романе» «Белые ночи» (1848) (см. наст. изд., т. I, стр. 508; т. II, стр. 485—487; т. XVIII, стр. 32—34, 219—220).

[2] Эту характеристику «фарисеев жизни» Достоевский развернет и усилит в рассказе «Маленький герой» (1849), где «умный человек» m-r M* отнесен к «породе житейских плутов, прирожденных Тартюфов и Фальстафов» (см. наст. изд., т. II, стр. 275—277).

[3] В это время М. М. Достоевский должен был держать экзамен перед очередным продвижением по службе. Отправляя 20 февраля 1847 г. после визита в Ревель ему свои черновые записи, Н. Свиридов сообщал, что они были проверены товарищами Федора Михайловича — математиками и могут служить ответом на вопрос, заданный Михаилу Михайловичу и «схожий» с тем, который ему самому пришлось «решать» при аттестации «лет тому назад восемь» (*ЛН*, т. 86, стр. 371—372).

[4] Отрицательные отзывы о творчестве раннего Достоевского как в реакционной прессе (см.: *СП*, 1846, 30 января, № 25; 1 февраля, № 27; 28 февраля, № 47; 9 марта, № 55 — рецензии Л. В. Бранта и Ф. В. Булгарина), так и в других журналах, не принимавших художественного метода и стиля молодого писателя, высоко оцененного Белинским (см.: *М*, 1846, № 2 — рецензия С. П. Шевырева; *СПбВед*, 1847, 3 января, № 4 — статья Э. И. Губера; «Московский литературный и учепый сборник на 1847 г.» — статья К. С. Аксакова; *ФВ*, 1846, № 9 — рецензия А. А. Григорьева и др.), были весьма многочисленны. Им противостояла известная Достоевскому в авторском чтении статья В. Н. Майкова «Нечто о русской литературе в 1846 г.» (см. о ней письмо 57, примеч. 9, письмо 63, примеч. 5 и письмо 68, примеч. 4). Об оценке в ней «Бедных людей» и «Двойника» см.: наст. изд., т. I, стр. 476, 492—493.

[5] М. М. Достоевский должен был по новому назначению весной 1847 г. переехать в крепость Свеаборг под Гельсингфорсом (см.: *Достоевский и его время*, стр. 283). Ф. М. Достоевский туда к нему не приезжал.

[6] Речь идет о втором издании «Бедных людей» (см. письмо 64, примеч. 2).

[7] Подразумевается водолечение по системе немецкого врача В. Присница.

[8] Кароль фон Росвальд — герой романа Ж. Санд «Лукреция Флориани» (*ОЗ*, 1847, № 1; отдельное издание в переводе А. Кронеберга — приложение к № 1 «Современника» за 1847 г.). Роман этот был восторженно встречен Белинским (см.: И. А. Гончаров. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1980, т. 8, стр. 92—94). О возможном влиянии образа этого героя Ж. Санд на характер Ордынова см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 496. Достоевский, находя в себе некоторые черты Кароля, возможно, учитывал и характеристику его

в статье А. Кронеберга «Последние романы Жорж Санд», где Кароль трактовался как тип человека эгоцентрического, нетерпимого и в то же время стремящегося к идеалу (*С, 1847*, № 1, стр. 96—99). Достоевский упоминает роман «Лукреция Флориани» в «Дневнике писателя» 1880 г. (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 159).

[9] См. наст. изд., т. I, стр. 502.

[10] См. письмо 69, примеч. 8.

72. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 140)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 63—65.

Датируется апрелем 1847 г.: Достоевский пишет о предстоящей работе над фельетонами «Петербургской летописи», которые начали публиковаться в «С.-Петербургских ведомостях» с апреля этого года. О неделе ледохода упоминалось и в фельетоне от 27 апреля (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 17).

[1] См. письмо 69, примеч. 6.

[2] Возможно, описка: два фельетона не в неделю, а ежемесячно (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 216).

[3] Речь, по всей вероятности, идет о «Неточке Незвановой». Замысел ее, который писатель собирался осуществить в виде большого романа, обнимающего «несколько эпох» жизни героини (см. письмо 64, примеч. 3), соперничал в это время в его творческих планах с замыслом «Хозяйки» и отодвигал сроки работы над нею.

[4] См. письмо 67, примеч. 4.

[5] М. М. Достоевский писал брату из Свеаборга 16 августа 1847 г. о своем близком знакомом Н. И. Рейнгардте: «Этот Рейнгард редкий человек — он даже не задумался и обещал выслать с первою же почтою 300 р‹ублей› сер‹ебром› ‹...› Он сказал мне при прощанье, что тем более рад помочь мне, что в моем деле совершенно согласен со мною, что в службе мне делать нечего» («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 107).

73. А. В. СТАРЧЕВСКОМУ (стр. 141)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, л. 178.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 380.

Датируется по содержанию апрелем—первой половиной мая 1847 г.: в письме говорится о работе Достоевского над гранками статьи об иезуитах, которая предназначалась для пятого тома издававшегося К. К. Крайем и редактировавшегося А. В. Старчевским «Справочного энциклопедического словаря», вышедшего в мае 1847 г. (ценз. разр. — 19 мая). Достоевский, судя по этому и следующему его письму к Старчевскому, был занят просмотром и исправлением статей для словаря, взявшись за эту работу в силу острой денежной нужды.

74. А. В. СТАРЧЕВСКОМУ (стр. 142)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 175—176.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский*, I, стр. 380—381.

Письмо по содержанию связано с предыдущим. Достоевский мог редактировать в это время статьи не только для пятого тома «Справочного энциклопедического словаря» (куда вошла статья об иезуитах), но также для шестого (ценз. разр. — 19 мая 1847 г.) и двенадцатого (ценз. раз. — 27 июня 1847 г.) томов.

75. Н. А. НЕКРАСОВУ (стр. 142)

Печатается по тексту первой публикации: «Речь», 1914, 6 (19) апреля, № 94. Подлинник неизвестен.

Датируется концом августа—началом сентября 1847 г.: около этого времени, 9 сентября 1847 г., Достоевский писал брату, что должен получить от Некрасова 100 руб. серебром (см. письмо 76). Очевидно, Некрасов принял условия Достоевского и прислал ему 50 руб.; остальные сто он должен был выплатить 2 октября.

[1] Достоевский просит деньги в счет повести, обещанной для задуманного Некрасовым «Иллюстрированного альманаха». В нем был напечатан в 1848 г. рассказ «Ползунков» (см. наст. изд., т. II, стр. 472). Ввиду небольшого объема этого рассказа А. С. Долинин высказал предположение, что речь идет о другой повести, которую Достоевский не успел написать до ареста (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 497), но писатель мог заранее не знать размеров будущей повести. Тем не менее, как известно из письма Достоевского к брату от 1 июля 1859 г. (№ 150), он остался к моменту ареста должен Некрасову 165 руб. серебром, т. е. сумму, примерно равную полученному им авансу (150 руб. серебром).

76. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 143)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 65—67.

М. М. Достоевский ответил 13 сентября 1847 г. («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 108—109).

[1] Это письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[2] В письме от 16 августа 1847 г. М. М. Достоевский писал о намерении выйти в отставку, сообщал о своих денежных делах и выражал желание, оставив на некоторое время семью в Ревеле, поселиться с братом в Петербурге (см. там же, стр. 107—108). Из письма М. М. Достоевского от 13 сентября 1847 г. известно, что он перед отставкой взял 28-дневный отпуск (стр. 109); затем 25 сентября он выехал пароходом из Ревеля в Петербург, отпуск ему был продлен еще на два месяца, после отпуска он вышел в отставку (см.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 236).

[3] Об «ассоциации», т. е. совместной литературной работе, Ф. М. Достоевский неоднократно писал брату и в 1846 г. (см. письмо 65). В письме М. М. Достоевского от 16 августа 1847 г. (с откликом на неизвестное письмо Ф. М. Достоевского) содержатся дополнительные сведения об этом фантастическом и мимолетном проекте: «...я могу надеяться привезти в Петербург рублей 200 сер‹ебром›, которые нам с тобой послужат для заложения общего банка. Эти деньги будут началом тех 350 000, которых счастливыми обладателями мы будем, по твоим словам, лет через 10» («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 107—108). «Всего вероятнее, что я к тебе приеду без денег. Но я не унываю, будем здоровы — не пропадем. Ассоциация есть дело великое и святое», — писал М. М. Достоевский брату 13 сентября (там же, стр. 109).

[4] Речь идет о «Хозяйке», первая часть которой была напечатана в октябрьском номере «Отечественных записок» за 1847 г.

[5] М. М. Достоевский надеялся получить деньги от опекуна П. А. Карепина, о чем он писал брату 16 августа 1847 г. («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 107). «Москвичи не шлют ‹...› Напиши к москвичам — я напишу к ним с будущею почтою», — извещал он Ф. М. Достоевского в письме от 13 сентября (там же, стр. 109). О П. А. Карепине см. письма 45—49.

[6] От Краевского Достоевский получал ежемесячно 50 рублей независимо от того, печатались ли в этом месяце его произведения (см. письма 79, 81—83). Некрасов должен был заплатить за обещанную повесть (см.

письмо 75, примеч. 1). Последняя запись, возможно, относится к оплате работы в энциклопедическом словаре А. В. Старчевского (см. письма 73, 74).

[7] «„Бедных людей" и не думай продавать. Как-нибудь обойдемся», — советовал в ответном письме брату от 13 сентября М. М. Достоевский (стр. 109).

[8] См. письмо 64, примеч. 2.

[9] Это письмо Ф. М. Достоевского неизвестно.

[10] Под различными изданиями «к Новому году», в которых можно было «достать переводов» брату, Ф. М. Достоевский, вероятно, подразумевал «Географические известия Русского географического общества», журналы «Северное обозрение» и «Московский сборник». А. А. Краевский был влиятельным членом Географического общества и, как следует далее из содержания письма, на него особенно рассчитывал Ф. М. Достоевский.

[11] См. письмо 48, примеч. 3.

77. Е. П. МАЙКОВОЙ (стр. 145)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 166, № 8890.

Впервые опубликовано: «Достоевский. Однодневная газета». Пг., 1921, 30 октября (12 ноября).

[1] Вероятно, имеется в виду столкновение Достоевского с кем-то из представителей кружка «Современника» (см. письмо 68, примеч. 3), случившееся в доме Майковых, где часто происходили «субботние встречи» литераторов (см., например, письмо Некрасова А. Н. Майкову от 20 сентября 1847 г., — *Некрасов*, т. X, стр. 77). Об очередной ссоре Достоевского с Некрасовым приблизительно в это время вспоминает А. Я. Панаева (см.: *Панаева*, стр. 176—177).

[2] С исключительной теплотой отзывался Ф. М. Достоевский об Евгении Петровне Майковой в прощальном письме (88) к брату из Петропавловской крепости от 22 декабря 1849 г.: «Скажи несколько слов, как можно более теплых, что тебе самому сердце скажет, за меня, Евгении Петровне. Я ей желаю много счастия и с благодарным уважением всегда буду помнить о ней». «Родителям Вашим скажите, что я знакомство и ласку их вспоминал и вспоминаю с наслаждением», — писал он А. Н. Майкову 18 января 1856 г. из Семипалатинска (см. стр. 162, 206).

78. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (стр. 146)

Печатается по факсимиле: *ЛН*, т. 86, стр. 143 (ранее напечатано в каталоге аукциона автографов, состоявшегося в Париже 1 июля 1970 г.: Hotel Droust, Charavay expert). Автограф находился в частном собрании (Ницца).

[1] Письмо, на которое отвечает Достоевский, до нас не дошло. Просьба о присылке автографа — свидетельство ранней известности Достоевского-писателя.

[2] Достоевский, по-видимому, послал своему адресату листок не из произведения, над которым работал в эту пору, а из «рассказа», написанного ранее или начатого, но так и не напечатанного. Возможно, это был листок из «Домового» (см. наст. изд., т. II, стр. 399—402, 519).

79. А. А. КРАЕВСКОМУ (стр. 147)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391, № 342.

Впервые опубликовано: *РС*, 1913, № 3, стр. 481—485.

Датируется 1849 г.: в письме говорится о напечатанной в январском номере «Отечественных записок» за этот год 1-й части «Неточки Незвановой».

[1] Повесть «Хозяйка» писалась Достоевским с чувством большого творческого подъема и верой в успех (см. письма 67, 71). Но вскоре отношение к ней у автора изменилось под влиянием критики (см. наст. изд., т. I, стр. 510—511).

[2] Я. П. Бутков, которого А. А. Краевский откупил от рекрутчины, находился в кабальной зависимости от издателя «Отечественных записок»: последний заваливал его срочной работой, оплачивая ее несоразмерно низко (см. об этом: *Белинский*, т. XII, стр. 418, 422, 429). На одном из литературных обедов в 1849 г., по воспоминаниям С. Д. Яновского, Достоевский в связи с очередной неудачной попыткой Буткова (с запиской от Ф. М. Достоевского) получить деньги у издателя «Отечественных записок» «сказал такую речь об эксплуатации литературного труда Павлом Ивановичем Чичиковым (так в журналистских кругах прозвали А. А. Краевского, — *Ред.*), что все мы поголовно были в восторге и отвечали рукоплесканиями и долго не умолкавшими „*браво*“» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 162).

[3] Под «дурной», вероятно, подразумевается повесть «Слабое сердце» (*ОЗ*, 1848, № 2), встреченная благожелательно рецензентами «Пантеона» и «Отечественных записок», но признанная неудачной в «Современнике» П. В. Анненковым (см. наст. изд., т. II, стр. 477).

[4] Говоря о своем «падении» в 1847 г., Достоевский имеет в виду отрицательное отношение критики к повести «Хозяйка», в частности отзыв о ней Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (см. наст. изд., т. I, стр. 510).

[5] В «Отечественных записках» отдел художественной литературы печатался более крупным шрифтом, чем другие разделы.

[6] Работа над третьей частью «Неточки Незвановой», которую Достоевский первоначально предполагал окончить к 15 февраля и поместить в мартовском номере «Отечественных записок», затянулась (см. письмо 81, примеч. 1). По объему она заняла три с небольшим листа.

80. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 151)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 395.

Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 397—398.

Ответ на записку А. М. Достоевского от того же числа.

Дата установлена А. М. Достоевским в связи с тем, что его записка помечена 20 февраля, ответ же Федор Михайлович написал на втором листе этой записки. Год проставлен Андреем Михайловичем позднее по памяти (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 419).

[1] Как видно из писем Достоевского этой поры к А. А. Краевскому (см. письма 79, 81—83), он находился тогда в затруднительном материальном положении, но надеялся получить от издателя «Отечественных записок» аванс в счет публиковавшейся в журнале «Неточки Незвановой».

81. А. А. КРАЕВСКОМУ (стр. 152)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391, № 342.

Впервые опубликовано: *РС*, 1913, № 3, стр. 485—486.

Датируется 25—26 марта 1849 г. по надписи на письме — вероятно, А. А. Краевского: «Послано 10 руб. 26 марта 1849 г.».

[1] Достоевский торопился, рассчитывая, что в связи с пасхой (3 апреля 1849 г.) выход апрельского номера «Отечественных записок» несколько задержится и третья часть «Неточки Незвановой» успеет попасть в нее. Однако, как видно из следующего письма к Краевскому, к крайнему сроку, понедельнику (28 марта), он не успел. Оконченная лишь к среде (30 марта), она могла быть напечатана уже только в майском номере журнала.

82. А. А. КРАЕВСКОМУ (стр. 152)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391, № 342.
Впервые опубликовано: *РС*, 1913, № 3, стр. 477—480.
Датируется по содержанию 1849 г.: речь в письме идет о публикации «Неточки Незвановой».

[1] Письмо Краевского, на которое отвечает Достоевский, неизвестно.
[2] По всей вероятности, речь идет об Ю. Е. Шидловском, цензуровавшем в то время «Отечественные записки».
[3] Возможно, что Достоевский собирался отвечать на статью П. В. Анненкова «Заметки о русской литературе прошлого года», опубликованную в № 1 «Современника» за 1849 г., где высказывается отрицательное отношение к «молодой школе» беллетристов «Отечественных записок», к которой кроме автора «Хозяйки», «Слабого сердца» и «Честного вора» отнесены Я. П. Бутков и М. М. Достоевский.
[4] Из Москвы Достоевский, по-видимому, ожидал получения денег от П. А. Каренина, ведавшего делами наследства (см. письмо 84, примеч. 2).

83. А. А. КРАЕВСКОМУ (стр. 154)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391, № 342.
Впервые опубликовано: *РС*, 1913, № 3, стр. 480—481.
Датируется по содержанию первой половиной апреля 1849 г.: из письма видно, что оно написано после 2 апреля (в письме от 31 марта Достоевский обращался к Краевскому с просьбой выдать ему в страстную субботу сто рублей, в данном же письме упоминает, что сто рублей уже «взял») и до 15 апреля, к которому он обещает доставить продолжение «Неточки Незвановой».

[1] В майском номере «Отечественных записок» была опубликована только 3-я часть «Неточки Незвановой», соответствующая VI и VII главам окончательной редакции. Дальнейшая публикация была прервана арестом Достоевского в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г.
[2] Лаокоон — герой одного из мифов троянского цикла и «Энеиды» Вергилия. Миф о гибели Лаокоона и его сыновей, удушенных ниспосланными богами змеями, послужил сюжетом для знаменитой мраморной группы, выполненной родосскими скульпторами Агесандром, Атенодором и Полидором в I в. до н. э. (римская копия хранится в Музее Ватикана в Риме).

84. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 155)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.
Впервые опубликовано: *Достоевский, А. М.*, стр. 398—399.

[1] Ф. М. Достоевский был арестован в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. Показания его по процессу петрашевцев и документы, с ним связанные, см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 117—195, 306—365. М. М. Достоевский тоже в мае—июне 1849 г. находился в Петропавловской крепости (см. подробнее об этом: письмо 85, примеч. 2). А. М. Достоевский исполнил просьбу брата: он «несколько раз бывал у ‹. . .› Эмилии Федоровны и, сколь можно было, утешал ее. . .» (*Достоевский, А. М.*, стр. 209).
[2] Речь идет об обсуждавшейся в это время продаже родительского имения (сельца Даровое и деревни Черемошня), которое собирались приобрести Каренины или Ивановы, выплатив сонаследникам их доли. «Дело» затянулось из-за несовершеннолетия младших брата и сестры (см. упоминание об этом в письме М. М. Достоевскому от 27 августа 1849 г. (№ 86), а также в письмах В. М. Ивановой к А. М. Достоевскому от 26 февраля

1849 г. и В. М. Карепиной к А. М. Достоевскому от апреля и 1 июля 1849 г. — *ИРЛИ*, ф. 56, ед. хр. 77 и 82) и завершилось в 1852 г. переходом имения в руки семьи сестры Достоевского Веры Михайловны (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 243; *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 61).

[3] А. А. и А. Ф. Куманиным. «Не помню, чтобы в это время я что-либо писал в Москву, — вспоминал А. М. Достоевский, — как о своем арестовании, так и об аресте братьев, по крайней мере в сохранившихся у меня письмах от сестер и их мужей нет никаких намеков про это обстоятельство. Я вообще так был напуган своим арестом, что боялся всего и, вероятно, боялся писать об этом москвичам» (*Достоевский, А. М.*, стр. 209). «Боялся», очевидно, он писать и брату в крепость. Не удалось А. М. Достоевскому и проститься с братом (там же, стр. 213).

[4] Майский номер «Отечественных записок» с помещенной в нем третьей частью «Неточки Незвановой» готовился к печати уже после ареста Достоевского. А. А. Краевскому пришлось писать в III отделение специальный запрос о возможности ее публикации. 28 апреля 1849 г. ему дано было разрешение III отделения, в котором говорилось, что «повести Достоевского и Пальма (другого арестованного петрашевца, — *Ред.*), уже рассмотренные и дозволенные к напечатанию цензорами, могут оставаться в упомянутом №, но с тем, чтобы под ними не означились фамилии сочинителей» (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 56).

[5] М. М. Достоевский, исполняя просьбу брата, писал ему 9 июля 1849 г.: «Вот уже две недели, милый, дорогой брат мой, хлопочу я о твоей просьбе, изложенной тобою в письме к брату Андрею и, поверишь ли, только нынче могу исполнить ее. Не было денег, а пустого письма отправлять тебе не хотелось. Нынче достал для тебя 25 руб. сер‹ебром›, которые и посылаю тебе, присовокупляя к ним полсотни заграничных цигар и третью часть твоего романа, напечатанную в майской книжке „Отеч‹ественных› зап‹исок›“» («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 109).

[6] А. М. Достоевский был ошибочно арестован по донесению агента Антонелли вместо М. М. Достоевского. В Петропавловской крепости (сначала в каземате, потом в отдельном номере, а по установлении непричастности — на квартире коменданта) он пробыл с 23 апреля по 6 мая 1849 г. (см.: *Бельчиков*, стр. 189, 195 и *Достоевский, А. М.*, стр. 188—206).

85. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 156)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.

Впервые опубликовано: «Неделя», 1882, 3 января, № 1 (повторно: *Биография*, отд. II, стр. 67—69).

Датируется 1849 г. по содержанию.

Ответ на письмо М. М. Достоевского от 9 июля 1849 г. («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 109—110). М. М. Достоевский ответил 23 июля 1849 г. (там же, стр. 111—112).

[1] В этом письме М. М. Достоевский сообщал: «Я знаю, что для твоего доброго и великодушного сердца будет отрадно узнать, что я уже две недели живу в кругу семейства... Я уверен, что во всё это несчастное для нас время ты думал и скорбел более обо мне, чем о себе... Я уверен в этом, потому что я знаю тебя, знаю любовь твою и дружбу к себе... и верь мне, милый друг мой, что мысль о тебе разве только на немногие минуты покидает меня. В эти две недели мне часто случалось ощущать минуты невыразимого счастия, и каждый раз воспоминание о тебе наводило на меня грусть и тоску. Я думаю тогда о твоем болезненном состоянии и о впечатлительности твоей, которая по необходимости должна удвоивать твои страдания. Желаю тебе от всего сердца здоровья и больше бодрости и надежды» (стр. 109—110).

[2] М. М. Достоевский был арестован по делу петрашевцев в ночь с 5 на 6 мая, когда был выпущен Андрей Михайлович (см. письмо 84,

примеч. 6). Ф. М. Достоевский вспоминал впоследствии о пережитом им волнении за судьбу старшего брата (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 309—310). Несмотря на оправдание М. М. Достоевского, негласный надзор над ним, установленный с 6 июля 1849 г., сохранялся до конца жизни (см.: *Материалы и исследования*, т. I, стр. 254—265).

[3] «Серьезно я еще не принимался ни за что, — отвечал 23 июля 1849 г. М. М. Достоевский. — Начал было повесть, но меня просят окончить начатой роман («Деньги», — *Ред.*; см.: *Нечаева. Ранний Достоевский*, стр. 260—269), за который мне как-то страшно приниматься: боюсь испортить. Я чувствую, что до сих пор я еще всё как будто не устроился, не обжился дома и не шутя опасаюсь, чтоб это тревожное состояние не отразилось в труде, требующем большей сосредоточенности мыслей» (стр. 111). 18 августа он сообщал Ф. М. Достоевскому: «Роман мой подвигается чрезвычайно медленно; пришло в голову несколько сюжетов, из которых один для драмы. Хочу приняться за него, пока не охладел, и, если можно будет, нынешнею же зимою поставить на сцену» (стр. 112).

[4] М. М. Достоевский (в ответном письме от 23 июля) так обрисовывал новое положение дел: «Квартира у нас теперь гораздо лучше и удобнее прежней. Даже больше. Я выгадал себе совершенно отдельную комнату и если бываю дома, то сижу в ней и... ничего не делаю. Все эти дни были невыносимо жаркие; так что отсутствие дачной жизни становилось очень и очень ощутительно. Особенно для детей вредна городская жизнь летом, но что делать?» (стр. 111).

[5] Из повестей и романов, задуманных и написанных в Петропавловской крепости, известен только рассказ «Маленький герой» (первоначально: «Детская сказка»), который был опубликован через восемь лет М. М. Достоевским за подписью: «М-ий» (*ОЗ*, 1857, № 8; см. наст. изд., т. II, стр. 506—507).

[6] «Ты не можешь себе представить, как я обрадовался, узнав, что ты получил позволение писать. Это было моею любимою мечтою в продолжение моего ареста, и я по себе сужу, что возможность писать и создавать составляет для тебя теперь невыразимое облегчение. Я уверен, что ты напишешь нечто, далеко выходящее из круга обыкновенных литературных явлений. Но это постороннее: главное тут в том, что время для тебя не каплет уже по капле, унося за собою воспоминания, мечты и мысли то мучительные, то веселые, но всегда бесплодные, когда поверяешь их только четырем стенам... Теперь по крайней мере у тебя есть утешение, есть труд, над которым можно забыться», — писал 23 июля М. М. Достоевский брату (стр. 111—112). И в письме от 18 августа: «Что меня несколько успокоивает насчет тебя, милый друг мой, так это позволение писать. Это лучшее средство против тоски и скуки» (там же, стр. 113).

[7] По истечении двух месяцев заключения «давали читать книги больше духовного содержания...» (*Биография*, отд. I, стр. 109). По свидетельству И. М. Дебу, «книги были допущены только по окончании следствия» (там же). Возможно, Достоевский читал популярные в то время книги А. Н. Муравьева «Путешествие по святым местам» (1836) и «Путешествие по святым местам русским» (1840). Что касается «Сочинений св. Димитрия митрополита Ростовского», то Достоевский в Петропавловской крепости мог скорее всего получить последнее их издание (ч. I—V. М., 1842; новое выходило в 1849 г.), в котором собраны его проповеди, речи, поучения.

[8] М. М. Достоевский отвечал позднее (18 августа) на этот вопрос брата следующее: «В Москву я не писал о нашем аресте. Они, кажется, ничего не знают об этом, по крайней мере ничего не пишут. Ни от сестры, ни от зятя я еще не получал писем, но брат (Андрей, — *Ред.*) показывал мне полученные им, в которых даже и намека нет, чтоб они что-нибудь знали. Пусть их и не знают» («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 113).

[9] «Николя живет теперь в Мурине — он гостил у меня три дня. Он славный мальчик. Андрей тоже иногда заходит ко мне», — сообщал М. М. Достоевский в письме от 23 июля (стр. 112) и — дополнительно —

18 августа: «Андрюша, как я слышал, назначается архитектором в губернию, но в какой город — еще неизвестно <...> Николя у нас теперь» (там же, стр. 113).

[10] «У детей насчет тебя предположения различны. Каждый день рождает у них что-нибудь новенькое... они решительно теряются в догадках. В одном пункте они только согласны между собою — это то, что ты принесешь им много конфект и игрушек», — отвечал М. М. Достоевский в письме от 23 июля (стр. 112).

86. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 158)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.

Впервые опубликовано: «Неделя», 1882, 3 января, № 1 (повторно: *Биография*, отд. II, стр. 69—71).

Ответ на письмо М. М. Достоевского от 18 августа 1849 г. («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 112—113). М. М. Достоевский ответил 10 сентября 1849 г. (там же, стр. 113—114).

[1] В письме от 23 июля 1849 г. М. М. Достоевский сообщал, что послал в Петропавловскую крепость пять томов «Отечественных записок» (имеются в виду, по-видимому, ежемесячные номера); 18 августа он писал о пересылке еще «1-го, 2-го и 8-го нумеров». Таким образом, в общей сложности Федор Михайлович получил все вышедшие к этому времени номера «Отечественных записок» за 1849 г. (с января по август) и, кроме того, в августе же — «Историю тридцатилетней войны» Шиллера (см.: «Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 112—113).

[2] «Ты пеняешь мне за то, что я мало пишу к тебе, милый друг мой; ради всего святого не пеняй и не сердись. Право, это не от лени. Мне всегда становится грустно, когда я принимаюсь писать к тебе, а наводить тоску и на тебя мне бы не хотелось. Вот и пишешь всякий вздор, подбираешь слово к слову... Не сердись, милый, когда-нибудь сочтемся», — отвечал на упрек брата М. М. Достоевский в письме от 10 сентября 1849 г. (стр. 114).

[3] Ф. М. Достоевский шутит, откликаясь на следующие слова в письме брата от 23 июля 1849 г.: «...рецензент его («Современника», — *Ред.*), известный под именем Иногороднего подписчика, исписался до последних пределов...» («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 111). «Письма иногороднего подписчика...» — литературные фельетоны А. В. Дружинина: они построены в форме беседы автора с провинциальным соседом-помещиком, неудавшимся литератором и «просвещенным читателем». Достоевского задел отзыв Дружинина о романе «Неточка Незванова» в февральском и мартовском «Письмах» за 1849 г. (см. об этом: наст. изд., т. II, стр. 502; т. III, стр. 70, 423—424 и 512, а также комментарий к «Письму постороннего критика...» — т. XXVII, стр. 393—394).

[4] «Непременно постараюсь достать для тебя чего-нибудь исторического — историка Гиббона например», — обещал М. М. Достоевский в письме от 18 августа (стр. 113).

[5] См. письмо 85, примеч. 5.

[6] Под «московскими» родственниками Достоевский подразумевает семьи Карепиных (сестры Варвары Михайловны), Ивановых (сестры Веры Михайловны) и Куманиных (тетки Александры Федоровны и дяди Александра Алексеевича). «Из Москвы ничего не слышно. Я снова собираюсь писать к зятю», — вновь сообщал М. М. Достоевский брату 10 сентября 1849 г. (стр. 114).

[7] Московские родственники, видимо, узнали об аресте Ф. М. Достоевского поздней осенью (см. письмо П. А. Каренина А. М. Достоевскому от 8 декабря 1849 г. — *ЛН*, т. 86, стр. 373). О реакции В. М. и П. А. Карепиных, В. М. Ивановой, А. Ф. и А. А. Куманиных на известие о ссылке Ф. М. Достоевского см.: *ЛН*, т. 86, стр. 373—374.

[8] Лето 1848 г. в разгар эпидемии холеры Ф. М. и М. М. Достоевские жили в Парголове. По воспоминаниям А. М. Достоевского, навестившего братьев в первой половине июля, на второй день его приезда «случился в Парголово первый случай заболевания холерою. С больным случился нрнпадок на улице, и брат Федор сейчас же кинулся к больному, чтобы дать ему лекарства, а потом и растирал, когда с ним сделались корчи» (*Достоевский, А. М.*, стр. 179).

[9] «Этот месяц я писал всё маленькую повесть листа в 3 (возможно, повесть «Два старичка», появившуюся в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1849 г., — *Ред.*). Надеюсь скоро кончить и сбыть куда-нибудь. Выходит что-то очень нехорошо, и я с удовольствием разорвал бы ее, если б было можно», — писал о своих литературных занятиях брату М. М. Достоевский 1 октября 1849 г. («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 115).

[10] «Литература наша спит: летние жары имели и на нее влияние. По части беллетристики не вышло ни одного, я уже не говорю сколько-нибудь замечательного произведения, но даже и такого, чтоб прочесть без скуки. „Современник" как прошлого года удалился в Парголово и выдает оттуда по-прошлогоднему какие-то парголовские нумера. Бесцветность страшная», — писал М. М. Достоевский 23 июля 1849 г. (там же, стр. 111).

[11] Имеются в виду семичастная книга В. Прескотта «Завоевание Мехики» (*ОЗ*, 1848, №№ 1—9) и его труд, посвященный Перу, напечатанный по-русски в виде четырех статей: «Взгляд на общее устройство перуанцев», «Открытие Перу», «Завоевание Перу» и «Войны между завоевателями» (*ОЗ*, 1849, №№ 1—3, 5—6). Отвечая Н. Л. Озмидову (18 августа 1880 г.) и Н. А. (19 декабря 1880 г.), Ф. М. Достоевский подчеркивал воспитательное значение исторических сочинений Прескотта, рекомендуя включить их в круг чтения подростков.

[12] Первая статья о переводе «Одиссеи» — «Сравнение перевода „Одиссеи" Жуковского с подлинником на основании разбора 9-й рапсодии» (*ОЗ*, 1849, № 3, стр. 1—58; без подписи) — написана студентом Главного педагогического института П. А. Лавровским и отредактирована директором Главного педагогического института «старинным» профессором Московского университета И. И. Давыдовым. Автором второй статьи — «Новые стихотворения В. Жуковского. Два тома. „Одиссея". I—XII песни» (*ОЗ*, 1849, № 8, стр. 1—36; без подписи) — был Б. И. Ордынский (см.: В. И. Кулешов. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1959, стр. 384). В первой статье Достоевскому были созвучны рассуждения Лавровского о национальном и всемирном значении творений Гомера: «Как произведение глубоко национальное, с изумительною точностию и ясностию отразившее в себе героическую эпоху греков со всеми ее верованиями и убеждениями, служившими основою дальнейшего развития, оно (то есть «Одиссея», — *Ред.*) было драгоценною собственностию целого народа, искавшего в нем всего, что было дорогого и священного его сердцу; как произведение высоко поэтическое, истинно художественное, оно должно было возбудить живейшее участие во всех народах, хотя сколько-нибудь умеющих ценить высокое и прекрасное. То всеобщее убеждение, что идея изящного врождена человеку, <...> не допускает никакого ограничения относительно места и времени; а потому всякое произведение духа человеческого, отражающее в себе эту идею, есть неотъемлемое достояние всего человечества» (*ОЗ*, 1849, № 3, стр. 1—2). Особенно понравились Достоевскому возражения Лавровского на книгу немецкого филолога Ф.-А. Вольфа «Prolegomena ad Homerum» (1795). Энергично опровергал автор статьи и «возникшее недавно мнение, которому положил начало ученый Вольф <...>, совершенно отвергавшее существование Гомера и признававшее „Илиаду" и „Одиссею" сборниками отдельных стихотворений, составленных в различные времена лицами, известными с древних времен под названием *Гомеридов*» (там же, стр. 5). Б. И. Ордынский продолжил эту полемику (*ОЗ*, 1849, № 8, стр. 2—4), по действительно без «жара», присущего статье Лавровского. Возможно,

внимание Достоевского привлекло следующее сравнение Ордынским Жуковского и Пушкина как переводчиков: «В. А. Жуковский отличается необыкновенным уменьем претворять переводимое им в свою собственность, запечатлевать переводы своею личностью. Он даже выбирает всегда для перевода именно такие пьесы, которые близки его душе, сродны ей <...>. Словом, В. А. Жуковский — переводчик субъективный: переводя, он не отрешается от своей личности. Пушкин гораздо более обладал способностью переноситься в иное время, в иную землю, был гораздо объективнее Жуковского» (там же, стр. 21).

[13] Отвечая на вопросы, М. М. Достоевский 10 сентября 1849 г. писал: «Господин, подписывающий статьи свои литерами Вл. Ч., есть некто г-н Владимир Чачков, которого ты, может быть, видал иногда. Рецензию на стихотворения Шаховой писал Ап. Майков. Он болен, бедный. Мы с ним сошлись в последнее время» (стр. 114). В номерах журнала, присланных к тому времени Достоевскому, за подписью Вл. Ч. напечатаны статьи в разделе «Театральная хроника» (*ОЗ*, 1849, №№ 1—8) и авантюрная повесть «Лето в Гельсингфорсе» (*ОЗ*, 1849, № 8, стр. 263—308). Внимание Достоевского, конечно, привлекли не заурядная повесть, а театральные статьи В. Чачкова, и особенно, возможно, пассаж о «proverbes dramatiques» («драматических пословицах») в августовском обзоре (там же, стр. 259—261).

Рецензия Ап. Майкова была посвящена вышедшему сборнику стихов Е. Н. Шаховой «Мирянка и Отшельница» (*ОЗ*, 1849, № 6, стр. 95—100). Должно быть, Достоевскому показалась интересной проводимая А. Н. Майковым в рецензии «параллель ученого и поэта», суждения критика о творчестве Шекспира: «...мы нисколько не думаем утверждать, чтоб только то, что у нас называется школьным именем *науки*, было нашей единственной поэзией. Есть многое, что и не вошло в нее и что для нас имеет не меньшую прелесть. Разве, читая Шекспира, мы не с восторгом принимаем то, что он открыл в сердце человеческом? Разве он не посвящает нас тоже в такие таинства натуры, которые познать и изобразить дается только избранным? И читает он ясно, в такой книге, которая менее всего разобрана ученым образом, менее всего имеет подразделений и рубрик, менее всего подлежит разложению на составные начала, менее всего уловима и осязаема, оттого что представляет в себе сравнительно полнейшее проявление жизни, нежели всё живущее: эта книга — нравственный мир человека! В этом смысле поэт, который добрался до истины или угадал ее, — ученый par excellence, ученый, которого задача труднее, нежели дело разбирающих материальные факты; он — инициатор, которого мистерии обнимают собою самые сокровенные тайны природы» (там же, стр. 99).

87. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 160)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.

Впервые опубликовано: «Неделя», 1882, 3 января, № 1 (повторно: *Биография*, отд. II, стр. 71—72).

Ответ на письмо М. М. Достоевского от 10 сентября 1849 г. («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 113—114). М. М. Достоевский ответил 1 октября 1849 г. (там же, стр. 115—116).

[1] В письме от 10 сентября 1849 г. М. М. Достоевский сообщал: «Из книг препровождаю тебе: 1) Библию (во французском переводе нигде не мог найти), 2) сентябрьскую книжку „О<течественных> з<аписок>“, 3) сочинения Батюшкова, 4) драмы Шекспира в русском переводе Кетчера — книги все чужие. Когда прочтешь, напиши только, и я постараюсь достать других» (стр. 113—114). Позднее, 1 октября, он переслал Ф. М. Достоевскому еще четыре тома «Полного собрания сочинений русских авторов» (в издании А. Ф. Смирдина), три тома сочинений Даля и один том (вероятно,

вышедший в 1849 г. второй) «Сказаний русского народа» И. П. Сахарова (стр. 115).

[2] Английский роман — «Джейн Эйр» Ш. Бронте (1848; русский перевод: *ОЗ*, 1849, №№ 5—10).

[3] По поводу комедии Тургенева «Холостяк» (*ОЗ*, 1849, № 9) М. М. Достоевский писал: «Не знаю, понравится ли тебе комедия Тургенева. Мне в ней многое нравится, хоть и мало сценического элемента. Она написана для Щепкина, который, как говорят, дает ее в свой бенефис» (стр. 114).

Отрицательный отзыв Достоевского о «Холостяке» можно объяснить тем, что в это время его волновали иные темы (см. письмо 67). Возможно, его не удовлетворял и внешне благополучный финал «Холостяка» (ср.: *Д, Письма*, т. I, стр. 502). Отзывы на комедию Тургенева тогдашних литературных кругов как устные, так и печатные были разноречивы (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. II, стр. 611—616).

[4] Три статьи «Банки: их польза и действия» (*ОЗ*, 1849, № 3, стр. 69—100; № 9, стр. 1—28; № 10, стр. 107—136; подпись: И. А.). Третью статью в октябрьском номере журнала Достоевский еще прочитать не мог. «Прекрасной» он, видимо, считал вторую статью — «Банки в Германии и Бельгии», — опубликованную, как и комедия Тургенева «Холостяк», в сентябрьском номере.

88. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 161)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.
Впервые опубликовано: «Красный архив», 1922, № 2, стр. 234—239.

[1] Заключение генерал-аудиториата по делу Достоевского см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 189—190. Каторжные работы Достоевский отбывал не в Оренбургской, а Омской крепости. В Оренбургскую крепость был направлен А. Н. Плещеев.

[2] «Предсмертный туалет» — это «техническое выражение обряда смертной казни», по предположению А. Л. Бема в статье «Перед лицом смерти», восходит к «Последнему дню приговоренного к смертной казни» В. Гюго (франц. «la toilette d'un condamné» — «туалет осужденного» в гл. 48): «Молодой человек, сидевший у окна и записывавший что-то карандашом на портфеле, спросил у сторожа, как называется то, что со мной делают. — Туалет осужденного, — отвечал он. — И я понял, что завтра будет об этом в газетах...» (O Dostojevském. Sbornik stati a materiálu. Praha, 1972, s. 164—165).

[3] Подробнее о событиях 22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу см.: *Биография*, отд. I, стр. 117—122; *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 226—234 (воспоминания Д. Д. Ахшарумова).

[4] А. И. Пальма в чине поручика перевели в Литовский егерский полк (Одесса). См. о нем: наст. изд., т. XVIII, стр. 344.

[5] Свидание Достоевского с братом состоялось 24 декабря, в день отправки писателя в Сибирь (см.: *Милюков*, стр. 192—200).

[6] По сообщению III отделения, «народа было на Семеновском плацу 3000 человек; всё было тихо, и все были проникнуты особенным вниманием» (Петрашевцы. Изд. В. М. Саблина. М., 1907, стр. 153).

[7] Как установил А. Л. Бем в статье «Перед лицом смерти», эти слова — усеченная цитата из гл. 29 «Последнего дня приговоренного к смертной казни» В. Гюго: «Un forçat, cela marche encore, cela va et vient, cela voit le soleil» («Ведь каторжник тоже ходит, движется, тоже видит солнце»). См.: O Dostojevském. Sbornik stati a materiálů. Praha, 1972, s. 158.

Вне сомнения, что вспоминал Достоевский и другие слова из той же гл. 29 книги В. Гюго: «Je veux bien des galères. Cinq ans de galères, et que tout soit dit, — ou vingt ans, — ou à perpétuité avec le fer rouge. Mais grâce de la vie!» («Я согласен на каторгу. Пусть приговорят к пяти годам, или

к двадцати, пусть приговорят к пожизненной каторге, пусть заклеймят. Только бы оставили жизнь!»). Об отражении в творчестве Достоевского мотивов «шедевра» Гюго, «самого реальнейшего и самого правдивейшего произведения из всех им написанных», см.: наст. изд., т. IX, стр. 379, 429—430; т. XXIV, стр. 6, 387—388.

[8] Под «Детской сказкой» подразумевается «Маленький герой» (см. письмо 85, примеч. 5).

[9] Переживания Достоевского в ожидании смертной казни, как и чувства, испытанные другими петрашевцами в «три четверти часа» до объявления о «помиловании», нашли отражение в романе «Идиот», в рассказе князя Мышкина, проникнутом протестом против смертной казни (см. наст. изд., т. VIII, стр. 21; т. IX, стр. 430; ср. также: т. XXI, стр. 40).

[10] Стоял мороз в 21 градус. «По рассказу ‹...› Спешнева, несмотря на такую температуру, они должны были снять верхнее платье и простоять в рубашках во всё время чтения приговора ‹...› Всё это, утверждал Спешнев, продолжалось более получаса ‹...› „Потрите щеку“, „потрите подбородок“, — говорили они друг другу. По возвращении в крепость всех их обошел доктор Окель вместе с комендантом Набоковым, чтобы освидетельствовать, не простудился ли кто-нибудь» (*Биография*, отд. I, стр. 122). О холоде вспоминает и Д. Д. Ахшарумов: «...мы все содрогались от холода ‹...› страшно зябли» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 229).

[11] Скорее всего речь идет о статьях В. Н. Майкова, собранных его матерью в виде книги. Достоевский писал А. Н. Майкову 18 января 1856 г.: «Получила ли Евгения Петровна книгу — разборы и критики в „Отеч‹ествен-ных› запис‹ках›“, писанные незабвенным Валерианом Николаевичем? Когда меня арестовали, у меня взяли эту книгу, потом возвратили, но под арестом я никак не мог доставить Евгении Петровне, а я знал, что она ей была дорога» (см. стр. 206—207). По всей вероятности, это собрание позднее послужило основой для публикации в 1899 г. А. Н. Чудиновым в издательстве «Пантеон литературы» сочинений В. Н. Майкова под названием «Критические опыты 1845—1847 гг.» (см.: *Бельчиков*, стр. 263).

89. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 166)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.

Впервые опубликовано: *PC*, 1885, № 9, стр. 511—520.

Письмо датируется по содержанию 30 января—22 февраля 1854 г. Достоевский сообщает в нем брату: «Вот уже неделя как я вышел из каторги», срок которой, судя по официальным документам, был окончен 23 января (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 5). В конце письма имеется позднейшая приписка Достоевского о скорой («завтра кажется») отправке в Семипалатинск с проставленной им датой — 22 февраля. Известно, что по выходе из острога писатель прожил в Омске у К. И. Иванова «почти целый месяц» (см. письмо № 101).

[1] Ниже Достоевский пишет о письме к брату, отправленном им официальным путем (см. примеч. 4). Имеются сведения о ряде писем, отправленных Достоевским неофициально еще в период каторги (см. *Список*, №№ 34, 35).

[2] Отвечая на упреки брата, М. М. Достоевский писал в апреле 1856 г.: «Я хочу наконец оправдаться перед тобою, хочу в первый раз преступить приказ, данный мне, не вести с тобою тайной переписки, под опасением большой ответственности. И потому слушай и верь всякому моему слову. Это будет искреннее и чистосердечное признание. После нашей разлуки с тобою спустя месяца три я начал хлопотать о дозволении писать тебе. Видит бог и моя совесть, я хлопотал долго и усердно. Я ничего не выхлопотал. Мне отвечали на основании законов, что до тех пор, пока ты на каторжных работах, это невозможно ‹...› Когда мне позволили писать

к тебе, я принялся сначала с жаром за нашу переписку» (*Д, Письма*, т. I, стр. 527, 528).

В «Деле III отделения об отставном инженер-поручике Ф. М. Достоевском» (1849—1880 гг.) имеется просьба М. М. Достоевского, датированная 30 январем 1854 г.: «Отставной инженер-поручик Михаил Михайлов Достоевский имеет честь покорнейше просить III отделение собственной его императорского величества канцелярии приказать препроводить, если дозволено будет, прилагаемое при сем письмо и пятьдесят руб. сер‹ебром› родному брату просителя Федору Достоевскому, содержавшемуся по делу Петрашевского в арестантских ротах, а ныне записанному в рядовые». 8 февраля 1854 г. управляющий III отделением Л. В. Дубельт дает предписание начальнику штаба Отдельного сибирского корпуса «передать сии деньги и письмо рядовому Достоевскому», и лишь 23 марта в деле появляется запись, что «письмо и деньги переданы 3 марта» Достоевскому. Упомянутое выше письмо М. М. Достоевского неизвестно (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 6).

[3] Н. Д. Фонвизина, жена декабриста М. А. Фонвизина, в письме к Достоевскому от 8 ноября 1853 г. сообщала: «О бр‹ате› Вашем слышала, не знаю правда ли, что он оставил заниматься литературой, а предался занятиям другого рода, которые ему не могут доставить никаких неприятностей, а только выгоды» (*ЦГАОР*, ф. 1706, I, № 38).

[4] Упомянутое письмо неизвестно. Возможно, что получение его было толчком для обращения М. М. Достоевского в III отделение (см. примеч. 2 к наст. письму).

[5] Письма Дурова и к нему за период 1850—1854 гг. неизвестны. Известно секретное распоряжение Военного министерства инспектору по инженерной части Омской крепости от 11 августа 1850 г. «относительно выдачи книг и корреспонденции лицам, отданным в военную службу и в арестантские роты за политические преступления». Местному начальству вменялось в обязанность рассматривать всю корреспонденцию политических, и «если письма не будут заключать в себе ничего сомнительного или преступного, то получаемые тотчас отдавать осужденным, а от них доставляемые отправлять по адресу. Затем, сомнительные или преступные письма представлять в III Отделение собственной его величества канцелярии» (*ЦГВИА*, ф. 312, II, № 76).

[6] Срок каторги Достоевского окончился 23 января 1854 г.

[7] Через кого было передано письмо, точно неизвестно. Можно предположить, что пересылке способствовал К. И. Иванов (см. письмо 101, а также: *РВ*, 1888, № 4, стр. 447).

[8] В деле III отделения зафиксированы письма Достоевского, посланные официальным путем и пересланные ему в Семипалатинск. Первое из упомянутых там писем М. М. Достоевскому направлено Штабом Сибирского корпуса через управляющего III отделением 16 марта 1854 г. (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 10).

[9] Последнее свидание братьев Достоевских состоялось в Петропавловской крепости 24 декабря 1849 г. перед отправкой Ф. М. Достоевского в Сибирь. Подробное описание его дал А. П. Милюков в своих воспоминаниях: «Смотря на прощанье братьев Достоевских, всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается на свободе в Петербурге, а не тот, кому сейчас предстоит ехать в Сибирь на каторгу. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 191).

[10] Ср. в «Записках из Мертвого дома»: «...кандалы сами по себе не бог знает какая тягость. Весу они бывают от восьми до двенадцати фунтов. Носить десять фунтов здоровому человеку неотягчительно. ‹...› Кандалы — одно шельмование, стыд и тягость, физическая и нравственная» (наст. изд., т. IV, стр. 139).

[11] М. М. Достоевский жил на Невском пр. в доме Неслинда против Грязной ул. (ныне ул. Марата). А. А. Краевский жил в собственном доме на углу Литейного проспекта и Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова).

[12] *Станок* — местное сибирское название станции, где меняют лошадей (*Даль*, т. 4, стр. 315).

[13] Судя по «Донесению о доставленных в Тобольск преступниках Дурове, Достоевском и Ястржембском», они прибыли туда 9 января 1850 г. (*ЛН*, т. 22—24, стр. 704).

[14] В Тобольске находились прибывшие ранее, для дальнейшего распределения по назначенным пунктам, М. В. Петрашевский, отправленный сюда прямо с места казни, Н. А. Спешнев, Н. П. Григорьев, Ф. Н. Львов, Ф. Г. Толль. Н. Д. Фонвизина устроила их встречу с приехавшими позднее и содержавшимися отдельно Достоевским, С. Ф. Дуровым и И.-Ф. Л. Ястржембским (см.: *ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 621).

[15] В тобольский острог приходили многочисленные партии ссыльных, распределяемые местным управлением по различным острогам. Здесь же содержались особо опасные преступники так называемого цепного отделения. (Подробный рассказ о тобольском остроге см. в письме А. Е. Врангеля к отцу от 23 ноября 1854 г. — *Врангель*, стр. 112—116). В Тобольске Достоевский впервые соприкоснулся с «каторжным миром» и видел заключенных этого секретного отделения. В «Записках из Мертвого дома» он писал: «Я видел уже раз, в Тобольске, одну знаменитость ‹...› одного бывшего атамана разбойников ‹...› Ко́ренев — имя этого разбойника...» (наст. изд., т. IV, стр. 47). О том же Кореневе, находившемся в Тобольском остроге в особом отделении, пишут в своих воспоминаниях дочь тобольского прокурора М. Д. Францева (*ИВ*, 1888, № 6, стр. 619), этнограф С. В. Максимов (см.: С. В. Максимов. Сибирь и каторга. 3-е изд. СПб., 1900, т. 2, стр. 172—182) и А. Е. Врангель (*Врангель*, стр. 116—117).

[16] В Тобольске на поселении в это время жили декабристы И. А. Анненков, М. А. Фонвизин, П. С. и Н. С. Бобрищевы-Пушкины, А. М. Муравьев, П. Н. Свистунов и С. М. Семенов. Подробности встречи петрашевцев с женами декабристов известны из письма Н. Д. Фонвизиной от 18 мая 1850 г. из Тобольска к брату мужа. Здесь она сообщает, что выдала С. Ф. Дурова за своего родственника и неоднократно посещала «племянника» и его товарищей. Далее Н. Д. Фонвизина пишет: «Мы в Омск писали и рекомендовали бедных друзей наших, — как в родственнике нашем, так и в товарище его многие теперь в Омске принимают участие, доставляют даже по временам ему мои послания и от него ко мне. Я по целым часам в бытность их здесь с ними беседовала...» (*ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 622). О встрече Достоевского с Фонвизиной см. также: М. Д. Францева. Воспоминания. — *ИВ*, 1888, № 6, стр. 628—632. Сам Достоевский вспоминал об этой встрече в «Записках из Мертвого дома» (наст. изд., т. IV, стр. 67) и в «Дневнике писателя» (1873, январь, гл. «Старые люди» — см. наст. изд., т. XXI, стр. 12).

Подробности свидания петрашевцев с декабристками по пути на каторгу записала со слов мужа А. Г. Достоевская: «В сопровождении конвойных они были приведены в квартиру смотрителя острога (вероятно. подкупленного декабристами) и там-то находились как бы в гостях у смотрителя жены декабристов: Анненковы (мать и дочь, впоследствии Иванова), Муравьева, Фонвизина и Свистунов» (*ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.155).

[17] Достоевский был доставлен в Омск 23 января 1850 г. (см.: *ИВ*, 1898, № 1, стр. 220—221).

[18] Комендантом омской крепости был полковник А. Ф. де Граве. Адъютант корпусного штаба Н. Т. Черевин вспоминал о нем как о «добрейшем и достойнейшем человеке» (*РС*, 1889, т. 61, № 2, стр. 318). Достоевский в «Записках из Мертвого дома» отзывается о коменданте как о человеке «благородном и рассудительном» (см. наст. изд., т. IV, стр. 14).

[19] В. Г. Кривцов явился прототипом плац-майора в «Записках из Мертвого дома», прозванного за «рысий взгляд» «восьмиглазым» (наст. изд., т. IV, стр. 14). Здесь Достоевский, так же как и в письме, вспоминает о предостережении, которое они с Дуровым получили от «старинных двадцатипятилетних ссыльных» относительно «неприятного характера» Кривцова (там же, стр. 213). Сохранилось военносудное дело о нем за 1845 г.

Кривцов привлекался к суду за участие в махинациях «по продаже водки в казенном откупном месте», куда привоз водки был запрещен. На Кривцова был наложен штраф и выговор. Кривцов в «Записках» — один из наиболее ярких образов, олицетворяющих самодурство, деспотическую власть, произвол (см. там же, стр. 288).

Отрицательную характеристику плац-майору Кривцову дали также омский священник А. И. Сулоцкий (см. письмо его к Н. Д. Фонвизиной от 1 февраля 1850 г. — *ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 624) и поляк-каторжанин Ш. Токаржевский (см.: Š. Tokarzewski. Siedem lat katorgi. Warszawa, 1907, s. 117—120).

[20] Сцену первой встречи с плац-майором Достоевский описывает в «Записках из Мертвого дома» (наст. изд., т. IV, стр. 213—214). Сведения о суровом приеме Достоевского и Дурова дошли до Фонвизиных в Тобольск. 11 февраля 1850 г. священник Сулоцкий писал М. А. Фонвизину: «Не мудрено вовсе, что Кривцов обругал их, — это совершенно в его духе» (*ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 624).

[21] О дальнейшей судьбе В. Г. Кривцова см. наст. изд., т. IV, стр. 288; *Мартьянов*, стр. 278.

[22] Здесь уже намечен один из основных мотивов «Записок из Мертвого дома» — «народ и дворянство» (см.: *Туниманов*, стр. 122—128; наст. изд., т. IV, стр. 292—293; *Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы*, стр. 258—308).

[23] Выражение вложено Достоевским почти дословно в уста одного из персонажей «Записок из Мертвого дома», дворянина Акима Акимыча (см. наст. изд., т. IV, стр. 28).

[24] Запись, зафиксированная в «Сибирской тетради» (№ 59: см. наст. изд., т. IV, стр. 314) и вошедшая в «Записки из Мертвого дома» (см. там же, стр. 176).

[25] В «Записках из Мертвого дома» Достоевский развивает эту мысль: «Второй разряд каторги, в котором я находился и состоявший из крепостных арестантов под военным начальством, был несравненно тяжеле остальных двух разрядов ‹...› устройство этого разряда — всё военное, очень похожее на арестантские роты в России» (наст. изд., т. IV, стр. 212).

[26] Помещение в госпиталь было одним из способов облегчить участь Достоевского. А. И. Сулоцкий неоднократно сообщал Фонвизиным о помещении Дурова и Достоевского в лазарет, где «главный лекарь Троицкий, по просьбе Ив‹ана› Викентьевича (Ждан-Пушкина, — *Ред.*) толковал с ним (Достоевским, — *Ред.*), предлагал ему лучшую пищу, иногда и вино; но он отказывается от всего этого, а просит только о том, чтобы принимать почаще в лазарет и помещать в сухой комнате» (*ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 624; см. также: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 241).

[27] Единственное из дошедших до нас упоминаний Достоевского о времени появления у него припадков эпилепсии. После смерти писателя в печати появились свидетельства, относящие начало его болезни к более раннему времени. Так, А. С. Суворин в статье «О покойном» писал, что Достоевский заболел падучей еще в детстве (*НВр*, 1881, 1 февраля, № 1777), на что А. М. Достоевский ему возражал (там же, 8 февраля, № 1778). С. Д. Яновский, как врач, свидетельствовал, что в 1846—1848 гг. «болезнь Достоевского уже обнаруживалась в легкой степени». Различные версии о начале заболевания излагают в воспоминаниях о писателе А. Е. Ризенкампф (*ЛН*, т. 86, стр. 331) и С. В. Ковалевская (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 346—347; см. также письмо 57, примеч. 11).

[28] В рапорте генерала Главного штаба Военного министерства, посланном в Омск в 1850 г., объявлялось «высочайшее повеление» относительно выдачи книг лицам, отданным в военную службу и в арестантские роты за политические преступления: «...кроме духовных книг, других не давать» (см. наст. изд., т. IV, стр. 303). А. И. Сулоцкий сообщал Фонвизиным 15 февраля 1850 г.: «Мы через Троицкого, наконец, добились позволения переслать им по кр‹айней› ме‹ре› книги св. Писания и духовные журналы — и я отправил ныне Псалтырь на р‹усском› языке и Хр‹истианское›

чтение за 1828 <...> и за 1847-ой». 18 августа 1850 г. он писал: «Достоевский просил достать для него „Историю“ и „Древности Иудейские“ Иосифа Флавия» (*ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 624—625). По свидетельству писателя П. К. Мартьянова, Достоевский читал в омском госпитале романы Ч. Диккенса «Давид Копперфильд» и «Замогильные записки Пиквикского клуба» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 240).

[29] Описание омского острога в этом письме более мрачно, чем в «Записках из Мертвого дома» (см. об этом: Г. Берлинер. Достоевский как изобразитель дореформенной каторги. — «Каторга и ссылка», 1933, № 3, стр. 48—84).

[30] П. К. Мартьянов оставил описание Омска 1850-х гг.: «Город Омск в то время был центром военного и гражданского управления Западной Сибири, со старой крепостью в изгибе реки Иртыша, при впадении в него речки Оми, и несколькими форштадтами с трех сторон крепости, по четвертому же фасу крепости протекал Иртыш, за которым тогда начиналась уже степь» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 235). См. также: А. Ф. Палашенков. По местам Ф. М. Достоевского в Омске. Омск, 1965).

[31] К. И. Иванов был переведен на службу в Петербург в мае 1854 г.

[32] Судя по воспоминаниям А. М. Достоевского, Михаил Михайлович смог открыть табачную фабрику и торговлю папиросами с сюрпризом по получении своей части денег после продажи имения отца в 1852 г. (*Достоевский, А. М.*, стр. 243). Сохранилось объявление, написанное рукой М. М. Достоевского, о продаже табачных изделий (с пометой с.-петербургского обер-полицмейстера о разрешении печатать в газетах) от 25 марта 1853 г.: «Продажа сигар открыта только при одном магазине М. Достоевского на Невском проспекте в д. Логинова» (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.138). Подобные объявления мог видеть в газетах Ф. М. Достоевский.

[33] Михаил Петрович, вероятно, вымышленное лицо.

[34] Михаил Достоевский выслал книги весной 1854 г. через Е. И. Якушкина, но до писателя они не дошли (см. письмо 95, примеч. 3, 4).

[35] По свидетельству А. Е. Врангеля, Достоевский собирался заняться переводами, в частности «переводить „Философию“ Гегеля и „Психию“ Каруса» (*Врангель*, стр. 34).

[36] Возможно, что желание писателя быть переведенным на Кавказ связано с отношением к этому краю как овеянному дымкой романтических мотивов русской литературы, краю поэтическому и героическому. Перевод в действующую армию на Кавказ давал также возможность скорейшего получения офицерского чина. К этому времени на Кавказ были переведены петрашевцы П. Н. Филиппов и В. А. Головинский, о чем, судя по данному письму (см. ниже), Достоевский имел сведения.

[37] Черкес этот выведен Достоевским под именем Алея в «Записках из Мертвого дома» (наст. изд., т. IV, стр. 51—54). По предположению Б. В. Федоренко, реальным лицом, о котором вспоминал писатель, был арестант Шемахинской губернии Али Делек Тат Оглы, 26 лет. Прислан он был в омский острог 10 апреля 1849 г. на четыре года «за принятие и скрытие награбленных товаров» (см. там же, стр. 282).

[38] Достоевский описывает настоящий эпизод в «Записках из Мертвого дома»: каторжный Сушилов расплакался при прощании с автором «Записок» (см. наст. изд., т. IV, стр. 231).

[39] В дальнейшем писатель многократно в «Записках из Мертвого дома» и в «Ряде статей о русской литературе» подчеркивал, что знание каторжного люда дало ему знание всего русского народа, он особенно гордился не книжным и умозрительным, а действительным знанием, знанием человека, имевшего «очень довольно времени», чтобы изучить народ (см. наст. изд., т. IV, стр. 121, 135, 150, 231; т. XVIII, стр. 42—43, 63—64; т. XIX, стр. 28—29).

[40] Имеется в виду А. А. Куманин.

[41] Письма Достоевского за 1854—1859 гг. к А. Ф. Куманиной и В. М. Ивановой неизвестны.

[42] В библиотеке Достоевского был экземпляр Корана на французском

языке (Le Koran. Trad. par M. Kasimirski. Paris, 1847), см.: *Библиотека*, стр. 155; *Гроссман, Семинарий*, стр. 44. О восприятии Достоевским образа Магомета см.: наст. изд., т. I. стр. 494—495; т. VI, стр. 212, 253; т. IX, стр. 175; т. XIII, стр. 175). О перекличке некоторых идей главного сочинения И. Канта «Критика чистого разума» и романа «Братья Карамазовы» см.: Я. Э. Голосовкер. Достоевский и Кант. М., 1963. См. также примеч. 34.

[43] М. М. Достоевский, сообщая А. М. Достоевскому в августе 1854 г. о судьбе брата, предлагал ему: «Не хочешь ли быть в складчине, и тоже изредка помогать ему?» (*ЛН*, т. 86, стр. 375).

[44] Петрашевец П. Н. Филиппов был отправлен в военно-арестантские роты в Измаил. В 1851 г. переведен в Кавказский отдельный корпус (см.: *ЦГВИА*. ф. 1, I, т. 7.20230, л. 1—39).

[45] Ф. Г. Толль отбывал каторгу в Керевском заводе (см.: Ф. Толль. Два года в К-ском заводе. Сибирские очерки. СПб., 1864). С 1853 г. ему было разрешено жить в Томске (см. о нем: Б. П. Козьмин. Социальный роман петрашевца Феликса Толля. — В кн.: Б. Козьмин. Литература и история. М., 1969, стр. 184—225; наст. изд., т. XVIII, стр. 131, 339—340).

[46] И.-Ф. Л. Ястржембский вышел на поселение в 1856 г.

[47] Н. А. Спешнев отбывал катрогу в Нерчинском заводе. Манифестом 26 августа 1856 г. освобожден от каторги. Будучи на поселении, редактировал «Иркутские губернские ведомости». Об отношении Достоевского к Спешневу и отражении его личности в творчестве писателя см.: наст. изд., т. XII, стр. 220—222; т. XVII, стр. 404—405; т. XVIII, стр. 351—352.

[48] М. В. Петрашевский отбывал каторгу в Шилкинском и Нерчинском заводах. Отношение Достоевского к Петрашевскому было противоречивым. В 1849 г. в показаниях следственной комиссии по делу петрашевцев Достоевский писал: «Меня всегда поражало много эксцентричности и странности в характере Петрашевского. <...> Я слышал несколько раз мнение, что у Петрашевского больше ума, чем благоразумия». Однако здесь же Достоевский заметил: «Впрочем, я всегда уважал Петрашевского как человека честного и благородного» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 118). О «чудачествах» и «эксцентричности» Петрашевского упоминает также П. П. Семенов-Тян-Шанский (см.: П. П. Семенов Тян-Шанский. Мемуары. Пг., 1917, т. 1, стр. 195—196). См. о нем также: наст. изд., т. XII, стр. 218—220.

[49] Н. А. Момбелли, приговоренный к 15-ти годам каторги, отбывал ее в Александровском сереброплавильном заводе. По амнистии 1856 г. был определен рядовым на Кавказ. Ф. Н. Львов, отбывавший двенадцатилетний каторжный срок в Шилкинском, Александровском и Нерчинском заводах, по амнистии 1856 г. вышел на поселение (см. его «Выдержки из воспоминаний ссыльнокаторжного»: *С*, 1861, № 9, стр. 107—127; 1862, № 2, стр. 205—240). О Н. П. Григорьеве, впавшем в «умственное помешательство» еще в Петропавловской крепости, С. П. Трубецкой сообщал И. И. Пущину в июне 1850 г.: «Последний совершенно уничтожен и телесно и нравственно <...> Он. говорят, многого не помнит и делает иногда о себе вопросы, которые изумляют других» (*ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 622). См. также: *ЛН*, т. 63. стр. 190.

[50] А. Н. Плещеев отбывал солдатчину в Оренбургском линейном батальоне.

[51] Петрашевец В. А. Головинский был приговорен к смертной казни, замененной солдатчиной в Оренбурге, в 1851 г. был переведен в Кавказский корпус.

[52] Подобный отзыв. возможно, объясняется тем, что Достоевский, как он пишет А. Н. Майкову 18 января 1856 г. (письмо 104), в это время Островского «ничего не читал в целом, но читал много отрывков в разборах о нем». В 1860—1870-е гг., ближе познакомившись с творчеством драматурга, Достоевский высоко оценил творчество Островского, особенно его пьесы из купеческого быта (см. письмо Достоевского к Островскому от 21 августа 1861 г.).

[53] Об отношении Достоевского к творчеству А. Ф. Писемского см. также письма 104 (и примеч. к нему 16) и 141.

[54] Об отношении Достоевского в 50-е гг. к критику А. В. Дружинину см.: наст. изд., т. III, стр. 70, 512; т. XXVII, стр. 393—394.

[55] К 1854 г. Е. Тур были напечатаны повести «Ошибка» (1849), «Долг» (1850), «Две сестры» (1851), романы «Племянница» (1851) и «Три поры жизни» (1853) и ряд более мелких произведений. Критикой встречены были они весьма сочувственно: см. статьи И. С. Тургенева (*С*, 1852, № 1), А. Григорьева («Москвитянин», 1852, № 4; *БдЧт*, 1852, т. 116). Н. Г. Чернышевского (*С*, 1851, № 5). Какие именно произведения Е. Тур имел в виду Достоевский, неясно. Позднейшие отзывы Достоевского об Е. Тур см.: наст. изд., т. V, стр. 195; XIX, стр. 277, 311.

[56] Крестовский — псевдоним Н. Д. Хвощинской, которая начала печататься в «Отечественных записках» в 1850 г.

[57] Речь идет о рассказе «Маленький герой». Историю создания и печатания его см.: наст. изд., т. II, стр. 505—508.

[58] Рассказ А. Чернова (Н. Д. Ахшарумова) «Двойник» (*ОЗ*, 1850, т. 69, № 3, стр. 1—66) — подражание «Двойнику» Достоевского.

90. Н. Д. ФОНВИЗИНОЙ (стр. 175)

Печатается по тексту первой публикации: «Помощь голодающим». Научно-литературный сборник. М., 1892, стр. 387—390. Подлинник неизвестен.

Ответ на письмо Н. Д. Фонвизиной от 8 ноября 1853 г. (*ВЛ*, 1981, № 5, стр. 311—312).

Датируется по содержанию концом января—двадцатыми числами февраля 1854 г.: оно было написано по выходе с каторги (23 января) и послано неофициальным путем вместе с предыдущим письмом к брату (№ 89) до отъезда в Семипалатинск, куда Достоевский был отправлен 23 февраля.

[1] Письма Достоевского к Н. Д. Фонвизиной периода каторги неизвестны. В ответ на упомянутое письмо Фонвизина писала в ноябре 1853 г.: «...благодарю бога и Вас за доставленную мне радость письмом Вашим, хотя в нем собственно об Вас и мало радостного. Главное, что Вы живы и по возможности переносите тяжесть Вашей жизни теперешней» (черновик письма опубликован С. Кайдаш по копии, хранящейся в *ЦГАЛИ*: *ВЛ*, 1981, № 5, стр. 311—312. Подлинник хранится: *ЦГАОР*, ф. 1706, I, № 38).

[2] См. примеч. 3 к письму 89.

[3] Н. Д. Фонвизина принимала большое участие в судьбе С. Ф. Дурова (см. письмо 89, примеч. 16).

[4] Имение Фонвизиных Марьино, где им предписано было жить по возвращении из Сибири, находилось в Московской губернии в двух верстах от г. Бронницы. Туда Н. Д. Фонвизина прибыла в мае 1853 г. (М. Д. Францева. Воспоминания. — *ИВ*, 1888, № 6, стр. 632). Деревня Достоевских Даровое находилась в Каширском уезде Тульской губернии.

[5] О характере религиозности Фонвизиной см. статью В. Шенрока «Одна из жен декабристов», посвященную личности и судьбе Н. Д. Фонвизиной (*РБ*, 1894, № 11, стр. 100—136; № 12, стр. 54—92).

[6] Выражение восходит к Библии (Пс. 101, 5, 12; Исайя, 42, 15).

[7] В романе «Бесы» мысль эта приписана Ставрогину (см. наст. изд., т. X, стр. 198).

[8] Тема эта развита писателем во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе»: «Всегда есть в ходу несколько таких мнений и убеждений, в которых современники как будто боятся признаться и отрекаются от них перед светом, несмотря на то что потихоньку их разделяют. Особенно это бывает в иные эпохи, так что становится заметно снаружи даже совершенно постороннему наблюдателю <...> люди в наш век бывают

иногда уже слишком робки на выражение иных убеждений, даже самых задушевных. Они именно боятся, что их назовут отсталыми, неумными» (наст. изд., т. XVIII, стр. 51—52).

[9] Речь идет о предполагавшейся поездке Фонвизиной в Одессу, где были похоронены ее сыновья.

[10] В «Записках из Мертвого дома» Достоевский называет «вынужденное общее сожительство» в каторге самой сильной мукой (см. наст. изд., т. IV, стр. 22). Эта же мысль выражена в написанном Достоевским в Цензурный комитет «Дополнении» ко второй главе «Записок», где острог сравнивается писателем с телегой, наполненной грызущейся сворой собак (см. там же, стр. 252).

91. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 178)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 175, № 10394.

Впервые опубликовано: «Нива», 1898, кн. 4, стр. 722—723 (Лит. приложение).

[1] Имеется в виду письмо М. М. Достоевского, упоминаемое им в прошении в III отделение от 30 января 1854 г., которое вместе с деньгами было передано Ф. М. Достоевскому 3 марта 1854 г. (см. письмо 89, примеч. 2).

[2] Данное письмо пошло, по всей вероятности, тоже официальным путем и зарегистрировано в архиве III отделения 3 апреля 1854 г. (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 12).

[3] Достоевский перечисляет своих племянников, детей М. М. Достоевского.

[4] Н. М. Достоевский в 1854 г. окончил Инженерно-строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Петербурге и был назначен помощником архитектора в Эстляндскую строительную и дорожную комиссию (*Достоевский, А. М.*, стр. 244, 410). М. М. Достоевский сообщал брату Андрею летом 1854 г.: «Николя вышел из училища 10-м классом. Из него выйдет очень талантливый архитектор. Проекты его были лучшие. Его командируют в Ревель» (*ИРЛИ*, ф. 56, оп. I, № 74).

[5] А. М. Достоевский женился в июле 1850 г. на Домнике Ивановне Федорченко (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 239).

[6] Эти письма неизвестны.

[7] Александра Михайловна в 1854 г. вышла замуж за Н. И. Голеновского. М. М. Достоевский писал Андрею Михайловичу 12 августа 1854 г.: «...сестра Саша перед самой масленицей вышла замуж за полковника Голеновского, батальонного командира Павловского корпуса, и живет теперь с мужем в Петербурге. Она очень счастлива. Что-то будет дальше, а пока у них по части любви обстоит всё благополучно. Он человек очень хороший» (*ИРЛИ*, ф. 56, оп. 1, № 74).

[8] Имеется в виду А. Ф. Куманина.

[9] Адреса квартиры и магазина М. М. Достоевского в Петербурге см. примеч. 11 и 32 к письму 89.

[10] В письме от 30 января—22 февраля 1854 г. Достоевский выражал желание быть отправленным на Кавказ (см. письмо 89 и примеч. 36 к нему).

[11] Достоевский вспоминает годы учения в Инженерном училище, где фронтовая служба давалась ему с большим трудом.

[12] В письмах Достоевского более нет описаний Семипалатинска, но во введении к «Запискам из Мертвого дома», говоря о «маленьком городе», расположенном «среди степей, гор или непроходимых лесов», где «дичь летает по улицам и сама натыкается на охотника», он, конечно, имеет в виду Семипалатинск (см. наст. изд., т. IV, стр. 5).

[13] А. П. Милюков вспоминал, что по просьбе Достоевского он вместе

с Михаилом Достоевским «посылали ему журналы и книги <...> я отправил к нему „Псалтырь“ на славянском языке, „Коран“ во французском переводе Казимирского и „Les romans de Voltaire“. Он говорил потом, что задумывал какое-то философское сочинение...» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 195).

[14] Достоевский, возможно, имеет в виду «Курс общепонятной физики» Н. Писаревского, который в 1854 г. начал выходить вторым изданием (1-е изд. — 1852).

92. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 179)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 72—74.

[1] Речь идет о несохранившемся письме Достоевского от конца мая— начала июня 1854 г. (см. *Список*, № 39).

[2] Несколько позднее, в 1856 г., М. М. Достоевский объяснял брату свое долгое молчание тем, что не мог писать откровенно в официальных письмах, «что лучше вовсе не писать, чем писать подобные» (*Д, Письма*, т. I, стр. 528).

[3] Это письмо М. М. Достоевского неизвестно. При прохождении через III отделение оно, вероятно, зарегистрировано 28 апреля 1854 г. (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 11).

[4] Письма эти неизвестны.

[5] См. письмо 85, примеч. 2.

[6] Достоевский поздравлял сестру с замужеством (см. примеч. 7 к письму 91).

93. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 181)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 387.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 75—76.

[1] Письмо А. М. Достоевского от 14 сентября 1854 г. неизвестно.

[2] В письме Достоевского звучат основные мотивы будущей книги о каторге. В пятой главе первой части «Записок из Мертвого дома» повторено сравнение, впервые прозвучавшее в данном письме, это основополагающий образ «Мертвого дома» — человек, «заживо схороненный в гробу» (наст. изд., т. IV, стр. 67); заканчиваются «Записки» словами: «Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых» (там же, стр. 232).

[3] Имеется в виду письмо М. М. Достоевского от конца января 1854 г. (см. письмо 89, примеч. 2).

[4] Письма сестер к Достоевскому от 1854 г. неизвестны.

[5] Письмо Домники Ивановны, жены А. М. Достоевского, также неизвестно.

[6] Конфирмация — судебное решение, приговор, утвержденный верховной властью.

[7] Свадьба А. М. Достоевского состоялась в июле 1850 г.

[8] О Н. М. Достоевском сообщал брату М. М. Достоевский. См. письмо 91, примеч. 4.

94. Д. И. ДОСТОЕВСКОЙ (стр. 183)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 388.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. III, стр. 76—77.
Датируется 6 ноября 1854 г., так как написано одновременно с письмом к А. М. Достоевскому от этого числа (№ 93).

[1] Письмо неизвестно.

95. Е. И. ЯКУШКИНУ (стр. 184)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 393.

Впервые опубликовано: *РС*, 1883, № 9, стр. 646 с неверной датировкой и без обозначения адресата.

Датируется по содержанию 1855 г.: отставка С. Ф. Дурову, о которой идет речь как о новости, была дана 22 марта 1855 г.; первый том «Сочинений» Пушкина в издании П. В. Анненкова вышел в свет в феврале 1855 г.; Достоевский просил брата прислать ему упомянутые в письме книги в марте 1854 г. (см. письмо 91), здесь же говорится об этой просьбе: «весною прошлого года». Письмо было послано через А. Е. Врангеля (см.: *Врангель*, стр. 36).

[1] Вероятно, речь идет о неизвестном письме Якушкина.

[2] Дуров вышел в отставку 22 марта 1855 г. В докладе по Инспекторскому департаменту военного министерства командир отдельного Сибирского корпуса Г. Х. Гасфорт сообщал, что Дуров «по совершенной неспособности продолжать военную службу определен, в феврале сего ‹1855› года, канцелярским служителем 4 разряда в областное управление Сибирских киргизов в Омске» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 7—16). Г. Потанин описывает свое посещение Дурова в Омске в 1857 г., когда он был «очарован беседою с ним» (см.: *Петрашевцы в воспоминаниях*, стр. 249—256).

[3] Речь идет о первом томе «Сочинений» Пушкина в издании П. В. Анненкова, вышедшем в свет в феврале 1855 г.

[4] По поводу этой посылки публикатор письма в «Русской старине», сын Якушкина, В. Е. Якушкин писал: «Посылка Достоевскому от его брата Михаила, о которой говорится ‹. . .›, была действительно получена г-м Е-ъ (имя Якушкина в публикации опущено, — *Ред.*): он послал ее по почте на имя одного знакомого чиновника, но тот, извещенный, что эту посылку он должен передать Достоевскому, убоялся сношений с политическим преступником и, чтобы совершенно избегнуть каких-нибудь неприятностей, вовсе отказался от получения посылки, которая так неизвестно где и пропала. Таким образом, Ф. М. Достоевский не получил ни посылки брата, ни книг, отправленных с нею вместе» (*РС*, 1883, № 9, стр. 645).

[5] Среди записей «Сибирской тетради» есть несколько отрывков народных песен, появившихся в ней во второй половине 1855 г. (см. наст. изд., т. IV, ‹Сибирская тетрадь›, №№ 215, 277, 295).

[6] Под псевдонимом «Ольга Н.» в «Отечественных записках» и «Современнике» печаталась С. В. Энгельгардт. См. ее повести 1850-х гг.: «Деревня» (*ОЗ*, 1853, № 9), «Суженого конем не объедешь» (*ОЗ*, 1854, № 2), «Не так живи, как хочется» (*С*, 1854, № 12).

[7] «Отрочество» Л. Толстого было напечатано в девятой книжке «Современника» за 1854 г.. с подписью: Л. Н. Т.

[8] К. И. Иванов в 1854 г. был переведен из Омска в Петербург. Письмо Достоевского к нему неизвестно.

96. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 185)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 77—78.

[1] Эти два письма М. М. Достоевского неизвестны. Одно из них от 21 марта 1855 г. со вложением 40 руб. было переслано из III отделения начальнику штаба Сибирского отдельного корпуса Яковлеву 30 марта и вручено Достоевскому 27 апреля (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13. л. 30).

[2] Письмо М. М. Достоевского от 3 октября 1854 г. также неизвестно. В деле III отделения зафиксировано, что 7 октября препровождается

«в Штаб Сибирского отдельного корпуса письмо от родственника и 35 рублей» (там же. л. 21).

[3] Штаб Сибирского отдельного корпуса 19 марта 1855 г. отправил через III отделение письмо Достоевского к В. М. Карепиной (там же, л. 29). Письмо неизвестно.

[4] А. Ф. и А. А. Куманины.

97. М. Д. ИСАЕВОЙ (стр. 186)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 12—13.
Впервые опубликовано: «Нива», 1891, № 4, стр. 86—87.

[1] В конце мая 1855 г. муж Марии Дмитриевны А. И. Исаев, долгое время находившийся в Семипалатинске без места, был назначен управляющим по «корчемной части» в г. Кузнецк (уездный город Томской губернии) в 500 верстах от Семипалатинска, куда и переехала семья Исаевых.

[2] Письма М. Д. Исаевой к Достоевскому неизвестны.

[3] Имеется в виду уездный город Змеиногорск Томской губернии (по современному территориально-административному делению город Змеиногорск относится к Алтайскому краю РСФСР), центр серебро-свинцовых рудников с большим горным заводом на дороге из Семипалатинска в Кузнецк. Туда по служебным делам неоднократно ездил А. Е. Врангель. В Змеиногорск летом 1855 г. дважды приезжал Достоевский для встреч с М. Д. Исаевой (см.: *Врангель*, стр. 64—66, 84—91).

[4] Камердинер А. Е. Врангеля крепостной чухонец Адам был хорошим портным. Он сшил Достоевскому штатское платье (см. там же, стр. 15).

[5] Генерал-губернатором Западной Сибири с 1851 г. был Г. Х. Гасфорт. Врангель характеризовал его как «доброго старика», но имевшего слабость «напускать на себя важность и грозность» (*Врангель*, стр. 77). Г. Потанин вспоминал, что о Гасфорте рассказывали кучу анекдотов: «как он хотел поставить себе монумент в Березове в память посещения им этого города, как начал строить вооруженные казармы в Омске, из которого в тридцать лет не доскачешь ни до какой неприятельской границы, как он составлял проект религии, промежуточной между православием и мусульманством...» (см.: *Петрашевцы в воспоминаниях*, стр. 253). Во время посещения Гасфортом Семипалатинска летом 1855 г. Достоевский пытался передать через Гасфорта стихи вдовствующей императрице «На первое июля 1855 года» (наст. изд., т. II, стр. 407—408). Как пишет Врангель, генерал-губернатор «наотрез отказал, добавив: за бывших врагов правительства никогда я хлопотать не буду; если же в Петербурге сами вспомнят, то я противодействовать не буду» (*Врангель*, стр. 78). Однако в августе 1855 г. стихи, приложенные к рапорту Гасфорта, были направлены военному министру. Гасфорт писал: «При нынешней поездке моей на левый фланг линии и Киргизской степи, в бытность мою в г. Семипалатинске, рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский представил мне стихотворение: „На 1 июля 1855 года“, которое он просил повергнуть к стопам ее императорского величества <...>. Препровождая при сем к вашему сиятельству упомянутое его стихотворение, имею честь покорнейше просить <...> исходатайствовать всемилостивейшее соизволение на производство его в унтер-офицеры <...>. 13 августа 1855 г.» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 708). Возможно, что на решение Гасфорта ходатайствовать за Достоевского повлияло то, что стихотворение к этому времени уже было переслано в Петербург Врангелем и передано императрице через принца П. Г. Ольденбургского (*Врангель*, стр. 78—79). См. также: А. Иванов. Встреча с Достоевским. Из моих поездок по азиатской России. — «Туркестанские ведомости», 1893, № 12; П. Косенко. Сердце остается одно. Алма-Ата, 1969, стр. 64—68.

[6] А. Е. Врангель вспоминал, что семья Исаевых стала для Достоевского самой близкой в Семипалатинске, он «пропадал у Исаевых по целым дням» (см.: *Врангель*, стр. 38—39).

[7] «Во всем Семипалатинске, — рассказывает А. Е. Врангель, — была одна дача с огромным садом, за Казацкою слободкою близ лагеря. Это было на руку и Федору Михайловичу, и я предложил ему переехать ко мне из своей берлоги. Дача эта принадлежала богатому купцу-казаку и именовалась „Казаков сад“ <...> В начале апреля мы с Федором Михайловичем переехали в наше Эльдорадо, — в „Казаков сад“» (*Врангель*, стр. 42, 43).

[8] Елена — неустановленное лицо. Возможно, приятельница М. Д. Исаевой (см.: *Врангель*, стр. 44).

[9] Речь идет о семипалатинском судье П. М. Пешехонове, в «гостеприимном хуторе» которого часто бывал Достоевский (см. письмо 108, примеч. 16).

[10] М. Д. Исаева, «натура страстная и экзальтированная», по словам А. Е. Врангеля, «была начитана, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна» (*Врангель*, стр. 38).

[11] Образ Вечного жида восходит к средневековой легенде об Агасфере, отказавшемся помочь Христу нести крест к месту казни и за это обреченном на вечные скитания. Образ получил широкий резонанс в западноевропейской и русской литературах и стал синонимом понятия «вечный скиталец».

[12] Копал — уездный город Семиреченской области у северного склона хребта Джунгарского Алатау.

[13] Верный — ныне г. Алма-Ата.

[14] Жунечка — сокращенное имя; вероятно, это, как Гриненко и Медер, сослуживец Достоевского.

[15] По свидетельству Врангеля, у отличавшегося хлебосольством и добродушием батальонного командира Велихова Достоевский, являвшийся к нему, «как и всюду, в своей серой солдатской шинели», скоро «сделался домашним человеком» (*Врангель*, стр. 25).

[16] Сивочка — неустановленное лицо.

[17] Письма А. И. Исаева к Достоевскому неизвестны.

[18] Врангель вспоминал, что еще в начале знакомства, Достоевский, часто навещавший семью Исаевых по вечерам, «согласился давать уроки их единственному ребенку — Паше, шустрому мальчику восьми—девяти лет» (*Врангель*, стр. 38).

98. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 190)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 78—81.

[1] Оба упоминаемых здесь письма, адресованные М. Д. Исаевой (см. ниже, в тексте письма), не сохранились.

[2] Речь идет о письме М. Д. Исаевой, в котором сообщалось, что ее муж умер 4 августа 1855 г. (см.: *Сб. Достоевский, I*, стр. 385).

[3] У М. Д. и А. И. Исаевых был один сын — Павел.

[4] Очевидно, имеется в виду одна из книг шеститомного иллюстрированного издания историка А. И. Михайловского-Данилевского «Александр I и его сподвижники в 1812, 1813 и 1814 гг. Военная галерея Зимнего дворца» (СПб., 1845—1850).

[5] Врангель находился в это время в Бийске (*Врангель*, стр. 126).

[6] Письма Врангеля к Достоевскому до 1856 г. неизвестны.

[7] Крутов — очевидно, сослуживец Достоевского или Врангеля.

[8] С «красавицей Ольгой Абаза» (и «умницей Е. И. Гернгросс») Достоевский познакомился во время поездки в Змеиногорск (впоследствии обе эти дамы «оказали услуги и содействие Достоевскому по его делам» — *Врангель*, стр. 89).

99. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 192)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 176, № 10394.

Впервые опубликовано: «Нива», 1898, № 4, стр. 724—726 (Лит. приложение).

[1] Письмо М. М. Достоевского от октября 1854 г. неизвестно.

[2] Имеются в виду рекламные объявления фабрики М. М. Достоевского.

[3] О времени открытия табачной фабрики М. М. Достоевского см. примеч. 32 к письму 89.

[4] О тяжести военной службы в Семипалатинске и летних смотрах см.: *Врангель*, стр. 70—75.

[5] Сестра писателя Александра Михайловна после замужества жила в Петербурге (см. примеч. 7 к письму 91).

[6] Письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[7] Андрей Михайлович жил в то время в Екатеринославе. Достоевский имеет в виду несохранившееся письмо А. М. Достоевского от 14 сентября 1854 г. (см. о нем письмо 93).

100. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 194)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 81—82.

[1] Первое письмо — это письмо к Врангелю от 14 августа 1855 г. (№ 98).

[2] Письма Врангеля к Достоевскому за 1855 г. не сохранились.

[3] После отъезда Врангеля из Семипалатинска отношения Достоевского с В. П. Демчинским стали более тесными (см. об этом в письме 109).

[4] Письмо от 14 августа Врангель получил (см.: *Врангель*, стр. 126).

[5] Речь идет о гражданском губернаторе Томской губернии генерал-майоре В. А. Бекмане.

[6] Речь идет о письме 98.

[7] Письма М. Д. Исаевой к Достоевскому неизвестны.

[8] Подробно о названном инциденте на границе см.: *Врангель*, стр. 40—41.

101. П. Е. АННЕНКОВОЙ (стр. 195)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в частном собрании, принадлежащем М. Д. Ромму (Ленинград).

Впервые опубликовано: *РВ*, 1888, № 4, стр. 448—449.

[1] Об А. И. Бахиреве, брате командира роты, в которой служил Достоевский, А. В. Скандин в статье «Достоевский в Семипалатинске» пишет: «Он, окончивши кадетский корпус, много поработал над самообразованием и любил литературу: имел много дельных книг, выписывал „Современник", а Некрасова знал наизусть <...> Достоевский и Бахирев близко познакомились и даже одно время жили вместе, на одной квартире <...> Когда же Ал. И. Бахирев поехал в отпуск, Достоевский снабдил его рекомендательными письмами» (*ИВ*, 1903, № 1, стр. 216). Вероятно, одно из этих писем было адресовано П. Е. Анненковой.

[2] В «Дневнике писателя» 1873 г. в главе «Старые люди» Достоевский вспоминает о свидании в Тобольске с женами декабристов. Среди них была и П. Е. Анненкова (см. наст. изд., т. XXI, стр. 12). Дочь и зять ее также приняли участие в судьбе писателя (см. письмо 89, а также: М. М. Громыко. Ф. М. Достоевский и семья декабриста И. А. Анненкова. — В кн.: Политические ссыльные в Сибири. Новосибирск, 1983, стр. 102—122).

[3] П. Е. Анненкова приезжала в Омск на крестины внучки в апреле 1853 г. (см.: М. М. Громыко. Ф. М. Достоевский и семья декабриста И. А. Анненкова. — В кн.: Политические ссыльные в Сибири. Новосибирск, 1983, стр. 112—113).

[4] Публикация данного письма в «Русском вестнике» сопровождается заметкой, составленной на основе воспоминаний дочери П. Е. Анненковой О. И. Ивановой. По ее рассказу, декабристы, бывшие в Тобольске, старались принять участие в судьбе петрашевцев: «Прасковья Егоровна особенно хлопотала об этом. Наконец, дочь ее О. И. И‹ванова›, вместе с Натальей Дмитриевной Фонвизиной ‹...› проникли в самый острог, где и познакомились с знаменитым писателем и его товарищами». Сообщается в заметке и о встречах Ивановой с Достоевским в Омске (*РВ*, 1888, № 4, стр. 447).

[5] Достоевский связывал надежды на перемену в своей судьбе с написанным летом 1855 г. стихотворением на день рождения императрицы (см. примеч. 5 к письму 97).

[6] О судьбе С. Ф. Дурова см. письмо 95, примеч. 2.

[7] Врангель по пути к месту службы в Семипалатинске в ноябре 1854 г. останавливался в Тобольске, где жили Анненковы (см.: *Врангель*, стр. 11).

[8] О. И. Иванова рассказывала Достоевскому о поразившем ее спиритическом сеансе, на котором был предсказан факт получения ею значительного наследства (см.: *РВ*, 1888, № 4, стр. 447).

[9] Письма К. И. Иванова к Достоевскому неизвестны.

102. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 197)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма,* т. II, стр. 556—557.

[1] Письмо это, как видно из зачеркнутых слов (см. сноску *в*), было передано М. М. Достоевскому братом А. Е. Врангеля. Достоевский напоминал Врангелю 23 марта 1856 г.: «В декабре мы писали (помните, через Вашего брата), я просил денег, прося их выслать на Ламота» (письмо 105).

[2] Достоевский рассчитывал на скорое посещение Врангелем Петербурга. С ним и было переслано письмо брату от 13—18 января 1856 г. (см. письмо 103 и примеч. 2 к нему).

[3] Судя по официальным записям в деле III отделения о прохождении корреспонденции, Достоевский получил от родных за 1854—1855 гг. в общей сложности 215 руб. (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13).

[4] Достоевский одолжил деньги у А. Е. Врангеля, чтобы оказать помощь М. Д. Исаевой (см. об этом в письмах 98, 100).

[5] О хлопотах и надеждах Достоевского на производство в унтер-офицеры см. примеч. 5 к письму 97.

[6] Достоевский имеет в виду свои планы на брак с М. Д. Исаевой.

[7] Речь идет об обращении с просьбой к А. А. Куманину.

[8] Письмо М. М. Достоевского от 15 сентября 1855 г. не сохранилось. Судя по официальным сведениям, брат послал в нем Достоевскому 50 руб. (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 35).

[9] О военном враче С. А. Ламотте Врангель вспоминал: «...друг наш был чу́дной, благородной души человек, поляк, студент бывшего Виленского университета, выслан был сюда на службу из-за политического какого-то дела» (*Врангель*, стр. 65). На адрес Ламотта, судя по упоминанию о нем в письме к Врангелю от 23 марта 1856 г. (№ 105), Достоевский в это время получал и другую корреспонденцию. Однако М. М. Достоевский не воспользовался этим адресом, он писал Ф. М. Достоевскому 18 апреля 1856 г.: «Через брата б‹арона› Вр‹ангеля› ты меня раньше просил об этих деньгах, но предложил самое неисполнимое средство переслать их. Ты и забыл, что при пересылке денег нужно в почтовой книге расписаться и оставить свой адрес. Каким же образом могла тогда

быть соблюдена тайна, о которой ты просил меня. Я хотел послать через брата б‹арона› Вр‹ангеля›, но он тогда у меня только повернулся, так что я забыл даже взять его адрес. Я уже думал послать эти деньги тебе по начальству, но, к счастью, явился Алекс‹андр› Егор‹ович›» (*Д, Письма*, т. I, стр. 528—529).

103. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 199)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 558—564.

[1] Письмо, посланное с М. М. Хоментовским, и ответ М. М. Достоевского, привезенный в Семипалатинск им же (см. письмо 105), неизвестны.

[2] А. Е. Врангель в воспоминаниях ошибочно пишет, что уехал из Семипалатинска в Петербург в конце декабря 1855 г. На деле приведенный им в подтверждение этого отрывок из письма Достоевского от 21 декабря относится к 1856 г. (письмо 115) (*Врангель*, стр. 136—137). В Петербург же, судя по данному письму, Врангель отправился после 18 января 1856 г. Ему писатель передал кроме этого письма и письмо к А. Н. Майкову от 18 января (см. письмо 104).

[3] Речь идет о М. Е. Врангеле.

[4] См. об этом примеч. 5 к письму 97. Кроме того, Достоевский дал Врангелю письмо к В. Ф. Одоевскому, прося последнего помочь исходатайствовать ему право печататься (см. об этом ниже и в письме 105). Письмо это неизвестно.

[5] Результатом рапорта Г. X. Гасфорта (см. примеч. 5 к письму 97) было производство Достоевского 20 ноября 1855 г. в унтер-офицеры (см.: *ЛН*, т. 22—24, стр. 715).

[6] Письмо к М. М. Достоевскому с поручением для Исаевых неизвестно.

[7] См. письмо 98.

[8] Младшие сестры М. Д. Исаевой Варвара, Софья и Лидия Констант.

[9] О брате А. И. Исаева сведений не сохранилось.

[10] Намерение Достоевского перейти на гражданскую службу и переехать в Барнаул, являвшийся в то время административным и торговым центром Алтайского округа, не осуществилось. Надежда на скорое освобождение от военной службы оказалась преждевременной. Лишь 18 марта 1859 г. по «высочайшему приказу» прапорщик Достоевский был «уволен за болезнию от службы подпоручиком ‹...› по отставке изъявил место жительства в Твери» (см. примеч. 1 к письму 144; Офиц. письма и делов. бумаги, № 5, примеч. 2).

[11] Речь идет о Г. X. Гасфорте.

[12] Как пишет Достоевский в этом же письме, хлопотал о переводе Достоевского в Барнаул А. Р. Гернгросс.

[13] См. письмо от 17 декабря 1855 г. (№ 102).

[14] Письма В. М. Карениной 1854—1856 гг. неизвестны.

[15] Имеется в виду Е. И. Гернгросс.

[16] Врангель упоминает о маркизе Н. де Траверсе как о своем «однокашнике» (см.: *Врангель*, стр. 10).

[17] Письма Достоевского к брату А. Е. Врангеля неизвестны.

[18] Все эти письма, кроме письма к А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. (№ 104), неизвестны. О результатах хлопот Достоевского о позволении печататься см. письмо 107, примеч. 7.

[19] В задуманной «патриотической статье» о России писатель, вероятно, хотел развить сформулированные им в письме к А. Н. Майкову от 18 января 1856 (№ 104) в связи с оценкой поэмы последнего «Клермонтский собор» идеи о роли России в освобождении славянских народов от турецкого ига и о будущих судьбах Европы после Крымской войны (см. письмо 104). О причинах прекращения работы над этой статьей см. письмо 108, примеч. 10.

104. А. Н. МАЙКОВУ (стр. 206)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.33.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 83—87.

[1] Это письмо А. Н. Майкова неизвестно.

[2] Майков в письме к П. А. Висковатову вспоминает о 1847 г.: «...тогда же был в самой горячей завязке мой роман с Анной Ивановной» (*Сб. Достоевский, I*, стр. 267—268). Очевидно, к этому же времени относится и знакомство Достоевского с будущей женой А. Н. Майкова. С А. Н. и В. Н. Майковыми Достоевский познакомился в 1846 г., вскоре подружился с ними, бывал у них дома, посещал кружок Майковых, близкий по своим настроениям и идеям к кружку Петрашевского. О Достоевском и кружке Майковых см.: С. С. Деркач. И. А. Гончаров и кружок Майковых. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1971, № 355. Сер. филол. наук, вып. 76, стр. 18—34; см. также наст. изд., т. XVIII, стр. 286, 355—358.

[3] С отцом А. Н. Майкова Николаем Аполлоновичем и особенно матерью его Евгенией Петровной (см. письмо к ней 77) Достоевский сблизился во второй половине 1840-х гг. (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 342).

[4] По поводу названной «книги» В. Н. Майкова Достоевский ранее писал брату из Петропавловской крепости (см. письмо 88).

[5] О записях Достоевского о каторге, сделанных писателем в Семипалатинске, вспоминал А. Е. Врангель (см.: *Врангель*, стр. 70). Впоследствии они были использованы при создании «Записок из Мертвого дома» (см. наст. изд., т. IV). Записи не сохранились. Никаких сведений о посылке Майкову рукописи воспоминаний не имеется.

[6] Достоевский имеет в виду стихотворения Майкова, вошедшие в его сборник «1854-й год» (СПб., 1854). В последних строках поэмы «Клермонтский собор» идея русской государственности сопрягается с патриотической гордостью за русский народ и верой в его будущее:

И, может быть, враги предвидят,
Что из России ледяной
Еще невиданное выйдет
Гигантов племя к ним грозой,
Гигантов — с ненасытной жаждой
Бессмертья, славы и добра,
Гигантов — как их мир однажды
Зрел в грозном образе Петра.

(1854-й год.
Стихотворения А. Н. Майкова.
СПб., 1854, стр. 20)

[7] Позднее темы, затронутые в письме, развиты Достоевским во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 41—70).

[8] Возможно, речь идет об увлечении петрашевцев идеями французского утопического социализма (подробнее см. об этом: наст. изд., т. XVIII, стр. 131—135; *Комарович*; *Бельчиков*, стр. 25—32; *Кирпотин*, стр. 210—225).

[9] Взгляды Достоевского на русский народ, впервые намеченные в письме, неоднократно высказывались писателем в художественных произведениях и публицистике 1860-х гг. См.: «Записки из Мертвого дома» (наст. изд., т. IV), объявление об издании журнала «Время», «Введение» к «Ряду статей о русской литературе» (наст. изд., т. XVIII), статьи «Книжность и грамотность» (наст. изд., т. XIX, стр. 5—57), «„Свисток“ и „Русский вестник“» (там же, стр. 113—115). Не только в 1860-е гг., но и позднее в «Дневнике писателя», обращаясь к вопросу «о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас» (наст. изд., т. XXII, стр. 44), Достоевский писал: «В русском человеке из простонародья нужно уметь

отвлекать красоту от наносного варварства <...> Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты» («Дневник писателя» 1876, февраль, гл. I, § 2. О любви к народу. Необходимый контракт с народом — там же, стр. 43).

[10] Достоевский имеет в виду свое увлечение М. Д. Исаевой и разлуку с ней после ее отъезда в Кузнецк (см. письмо 103).

[11] О задуманном еще в каторге, но оставшемся неосуществленным «главном произведении своем» Достоевский упоминал на протяжении 1850-х гг. неоднократно (см. письма 126, 131, 134, 135, 136, 159, а также наст. изд., т. III, стр. 490—493).

[12] К неосуществленному замыслу «комического романа» восходят повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». По первоначальному плану они, очевидно, представляли собой эпизоды единого романа (см. об этом: наст. изд., т. III, стр. 510—511; *Туниманов*, стр. 7—14). А. Е. Врангель писал, что в период создания повести «Дядюшкин сон» Достоевский «был в заразительно веселом настроении, хохотал и рассказывал мне приключения дядюшки, распевал какие-то отрывки из оперы» (*Врангель*, стр. 31). Впоследствии А. Г. Достоевская вспоминала, что в 1860-х гг. писатель в часы веселья любил «принимать на себя роль молодящегося старичка <...> мог целыми часами говорить словами и мыслями своего героя, старого князя из „Дядюшкина сна“» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 88).

[13] В ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский вспоминал: «Помню, что выйдя в 1854 году, в Сибири, из острога, я начал перечитывать всю написанную без меня за пять лет литературу («Записки охотника», едва при мне начавшиеся, и первые повести Тургенева я прочел тогда разом, залпом и вынес упоительное впечатление)» (см. наст. изд., т. XXVI, стр. 66).

[14] Достоевский имеет в виду Л. Н. Толстого. К этому времени им были опубликованы в «Современнике» следующие произведения: «Детство» (1852, № 1), «Набег» (1853, № 3) за подписью Л. Н.; «Отрочество» (1854, № 9), «Записки маркера» (1855, № 1), «Рубка леса» (1855, № 9), «Севастополь в декабре месяце» (1855, № 9) за подписью Л. Н. Т.; «Ночь весною 1855 г. в Севастополе» (1855, № 6) без подписи (ср. письмо 95, примеч. 7).

[15] Достоевский мог познакомиться с пьесами А. Н. Островского по статьям Ап. Григорьева в «Москвитянине»: «В литературе и на сцене» (*М*, 1855, № 3), «Русская изящная литература в 1852 году» и «О комедиях Островского и их значении», где обильно цитировались произведения драматурга, а также по статье И. С. Тургенева «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» (*С*, 1852, № 3). Об отношении Достоевского к Островскому см. также письмо 89, примеч. 52 и письмо к Островскому от 21 августа 1861 г.

[16] Кроме упомянутых Достоевским повестей А. Ф. Писемского «Богатый жених» (*С*, 1851, №№ 10—12; 1852, №№ 1—5) и «Фанфарон» (*С*, 1854, № 8) писатель этот, дебютировавший в 1848 г. в «Сыне отечества» рассказом «Нина», успел опубликовать к этому времени ряд других произведений. Так, в «Москвитянине» были напечатаны «Тюфяк» (1850), «Брак по страсти» (1851), «Комик» (1851), «Ипохондрик» (1852), «Батманов» (1852), «Питерщик» (1852); в «Современнике»: «Раздел» (1853) и «Леший» (1853); в «Отечественных записках»: «Ветеран и новобранец» (1854) и «Плотничья артель» (1855). Об отношении Достоевского к роману Писемского «Тысяча душ» см. письмо 141.

[17] В письме к М. М. Достоевскому от 30 января—22 февраля 1854 г. (89) из женщин-беллетристок писатель называет Е. В. Салиас де Турнемир (Евгению Тур) и Н. Д. Хвощинскую (В. Крестовского), много печатавшихся в журналах 1850-х гг. Позднее он упоминает также Ольгу Н. (С. В. Энгельгардт) (№ 95).

[18] А. Н. Майковым было напечатано за 1852—1855 гг. в «Современнике» и «Отечественных записках» большое количество стихов из циклов «Житейские думы», «Фантазии», «Камеи».

[19] Первый сборник стихотворений Ф. И. Тютчева появился в приложении к четвертой книжке «Современника» за 1854 г., там же была напечатана поэма Майкова «Клермонтский собор». Недоумение Достоевского связано с тем, что в 1840-е гг. Тютчев печатался только под инициалами Ф. Т. или Ф. Т-в. Вопрос «не наш ли?» относился к Н. Н. Тютчеву, знакомому Достоевского по кружку Белинского. Признавая высокое поэтическое достоинство стихов Ф. И. Тютчева, Достоевский позднее писал в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., посвященном смерти Некрасова: «Некрасов, действительно, был в высшей степени своеобразен и, действительно, приходил с „новым словом". Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое бесспорно останется за Некрасовым» (наст. изд., т. XXVI, стр. 112). О Тютчеве как «продолжателе Пушкина» говорится в некрологе Тютчева в «Гражданине» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 38). Об отношении Достоевского к Тютчеву см.: Н. Бельчиков. Достоевский и Тютчев. — «Былое», 1925, № 5, стр. 155—162; А. В. Архипова. Достоевский о Тютчеве. — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 172—176).

[20] Маркиза де Севинье довела до совершенства эпистолярное искусство, характерное для классицизма XVII в. Публикация ее писем началась с 1726 г. («Lettres de M-me de Sévigné à m-me la comtesse de Orignan sa fille»).

105. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 211)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 87—92. Полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 168—177.

[1] Врангель, уехавший из Семипалатинска в Петербург во второй половине января 1856 г., собирался продолжить начатые его братом хлопоты о перемене участи Достоевского (см. письмо 103).

[2] Имеется в виду письмо к М. М. Достоевскому от 24 марта 1856 г. (№ 106).

[3] Речь идет о письме Э. И. Тотлебену от 24 марта 1856 г. (№ 107).

[4] Речь идет о М. Д. Исаевой.

[5] Письма М. Д. Исаевой к Достоевскому неизвестны.

[6] Это письмо Достоевского к М. Д. Исаевой неизвестно.

[7] Достоевский ожидал появления манифеста в связи с предстоящей коронацией Александра II, в надежде, что будет объявлена амнистия. Действительно, в манифесте, обнародованном в день коронации 26 августа 1856 г., было объявлено прощение бывшим петрашевцам. Им возвращались права дворянства и разрешалось жить в любых городах России за исключением двух столиц (см. Офиц. письма и делов. бумаги, №№ 4, 6, 7, 8).

[8] Завершивший Крымскую войну Парижский мирный договор был подписан 18 марта 1856 г. Ко времени написания письма Достоевский мог еще не знать его содержания.

[9] Намерение перейти на гражданскую службу осуществилось лишь в 1859 г. (см. письмо 103, примеч. 10).

[10] Об отставке С. Ф. Дурова см. письмо 95, примеч. 2.

[11] Об этой статье Достоевского см. примеч. 19 к письму 103.

[12] О замысле романа см. примеч. 12 к письму 104.

[13] О хлопотах, связанных с решением вопроса о предоставлении Достоевскому права печататься, см.: *Врангель*, стр. 78—79.

[14] Имеется в виду А. И. Тотлебен. Об отношении к нему Достоевского

см.: И. Д. Якубович. Достоевский в Главном инженерном училище. — В кн.: *Материалы и исследования*, т. V, стр. 181—182. См. также письмо 107, примеч. 1.

[15] Речь идет о стихотворении «На коронацию и заключение мира» (см. наст. изд., т. II, с. 409—410, 520—523). Советуя «пустить в ход стихотворение», Достоевский несомненно исходил из прошлого опыта: стихи на день рождения императрицы (см. наст. изд., т. II, с. 403—408, 519—520) способствовали присвоению ему унтер-офицерского звания. См. также письмо 97. примеч. 5.

[16] Обед в честь Э. И. Тотлебена был устроен в Обществе любителей шахматной и военной игры 5 декабря 1855 г. (см.: *СПбВед*. 1856, 3 января, № 2. Здесь же приведено стихотворение А. Н. Майкова, прочитанное им на обеде). См. также: *Д, Письма*, т. I, стр. 526.

[17] Письмо Достоевского к В. Ф. Одоевскому неизвестно. В нем, как следует из письма к брату, содержалась просьба о разрешении печататься (см. письмо 103).

[18] Это письмо Достоевского неизвестно.

[19] См. письмо 106.

[20] См. об этом долге в письме 102.

[21] Об участии М. М. Достоевского в обществе петрашевцев, об обстоятельствах его ареста и освобождения см. письмо 85, примеч. 2. Ф. М. Достоевский в показаниях на следствии стремился оправдать брата (см.: наст. изд, т. XVIII, стр. 139—140, 312, 329, 341—342). См. также: *Бельчиков*, по указателю имен.

[22] А. М. Достоевский, арестованный вместо брата Михаила, пробыл под арестом с 23 апреля по 6 мая 1849 г. (см. примеч. 6 к письму 84); в воспоминаниях он описывает обстоятельства ареста. По его свидетельству, Ф. М. Достоевский не имел возможности обратиться к нему с просьбой о брате Михаиле (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 192—194; ср. наст. изд., т. XVIII, стр. 320).

[23] Упомянутое письмо Достоевского к М. Д. Исаевой неизвестно.

[24] Муж М. Д. Исаевой умер 4 августа 1855 г.

[25] Катерина Осиповна — Е. И. Гернгросс. По свидетельству Врангеля, она уже ранее оказывала Достоевскому «услуги и содействие» (*Врангель*, стр. 89). И теперь Достоевский рассчитывал на нее и ее мужа А. Р. Гернгросса, размышляя об устройстве своих и «ее» (Марии Дмитриевны) «дел» в Барнауле.

106. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 219)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 565—569.
М. М. Достоевский ответил 18 апреля 1856 г. (там же, т. I, стр. 527—530).

[1] Письмо было послано на имя Врангеля, находящегося в Петербурге, с просьбой передать брату (см. письмо 105).

[2] Достоевский упоминает о письме от 13—18 января 1856 г. (103).

[3] Кочкарев — персонаж комедии «Женитьба» Н. В. Гоголя.

[4] Положение М. Д. Исаевой в г. Кузнецке подробно описано Достоевским в письме к А. Е. Врангелю (см. письмо 105).

[5] Достоевский имеет в виду предложение А. Р. Гернгросса «дать место с некоторым жалованием» в Барнауле в случае получения им отставки (см. письмо 103).

[6] «Милости» ожидались в связи с коронацией Александра II (см. также письмо 105, примеч. 7).

[7] М. М. Достоевский в ответном письме предупреждал брата: «В статскую службу переходи, когда будешь офицером, а не раньше. Вспомни о детях своих» (стр. 529).

[8] А. И. Полежаев, отданный в солдаты в 1828 г., в следующем году напечатал в «Галатее» «Песнь пленного Ирокезца». В 1832 г. в Москве были изданы его поэмы «Эрпели» и «Чир-Юрт» и вышел сборник его стихотворений. Декабрист А. А. Бестужев, отправленный в 1829 г. рядовым на Кавказ, в 1830 г. начал печататься в журналах под псевдонимом «Марлинский».

[9] Как видно из письма к А. Н. Майкову (письмо 104), Достоевский работал в эту пору над «комическим романом» (см. наст. изд., т. II, стр. 510—511; т. III, стр. 489—491; *Туниманов*, стр. 7—14) и собирался писать статью о России (см. письмо 103, примеч. 19 и письмо 108, примеч. 10).

[10] Речь идет о П. Исаеве. Павловский кадетский корпус в Петербурге был в 1829 г. преобразован из Императорского военно-сиротского дома. О дальнейшей судьбе П. Исаева см. письмо 110, примеч. 9.

[11] Н. И. Голеновский, муж младшей сестры Достоевского Александры, был инспектором классов в Павловском кадетском корпусе.

[12] В ответном письме М. М. Достоевский упрекает брата: «Ты опять оскорбил меня до глубины сердца. Просить на двух страницах о том, о чем и просить не следует брату. Конечно, ее ребенок будет принят у нас как свой родной. Насчет этого и сомневаться не следовало» (стр. 529).

[13] Отвечая на письмо брата, М. М. Достоевский подробно описал свое материальное положение, заботы по фабрике: «С самого начала, рассчитав свои средства, я увидел, что могу уделить тебе только 150 р. с‹еребром› в год. Но посылал почти всегда более. Я сейчас скажу тебе, почему я не мог определить тебе более. Я начал фабрику, как ты сам знаешь, без всякого капитала. У меня пошло хорошо. Но самое расширение производства вместо того, чтобы увеличить мои средства, только стеснило их. Я должен был сделать кредит, ждать деньги с купцов по нескольку месяцев и потому сам покупать все на векселя ‹...›. Я не понимаю, как у меня еще до сих пор не поседели волосы от забот. За два, за три месяца уж думаешь, чем заплатить какой-нибудь значительный вексель в несколько тысяч. Маленьких же векселей в несколько сотен не оберешься. Они имеются каждый месяц ‹...›. Вот, брат, почему я не могу пока выслать тебе более 150 р. с‹еребром› в год. Особенно теперь ‹...› Пойми меня, голубчик, что если, например, мне не достанет, положим, хоть 50 р., чтоб уплатить всю сумму по векселю, то я банкрот, потому, что этих 50 р. не достанешь здесь нигде взаймы ‹...› Вот почему послал тебе недели три тому назад через б‹арона› Вр‹ангеля› только 100 р. с‹еребром›. Если будут приходить деньги, то сейчас же вышлю еще, но только если будут, а между тем немедленно напишу в Москву к сестрам, авось уговорят тетушку» (стр. 528).

107. Э. И. ТОТЛЕБЕНУ (стр. 223)

Печатается по подлиннику: *ЦГВИА*, ф. 312, 3.1022, лл. 2—3.

Впервые опубликовано (с пропусками и неточностями в тексте и комментариях): *Былое*, 1907, № 1, стр. 243—246.

[1] По воспоминаниям А. М. Достоевского, Федор Михайлович познакомился ближе с Э. И. Тотлебеном, отчисленным по болезни в 1838 г. из Инженерного училища, когда жил в 1841 г. на одной квартире с его братом Адольфом Ивановичем, также учащимся офицерского класса Инженерного училища. В это время Э. Тотлебен был прикомандирован к саперному батальону в Царском Селе. «К Адольфу Ивановичу Тотлебену, — писал А. М. Достоевский, — довольно часто приезжал его родной брат Эдуард Иванович, впоследствии знаменитый инженер, защитник Севастополя и герой Плевны, граф Тотлебен. В то же время как я с ним познакомился, он был незаметным штабс-капитаном, мужчиной лет 30 с лишком» (*Достоевский, А. М.*, стр. 125).

[2] См. показания Достоевского по делу петрашевцев (наст. изд., т. XVIII, стр. 117—172).

[3] Достоевский был произведен в унтер-офицеры приказом от 20 ноября 1855 г. (см.: *ЛН*, т. 22—24, стр. 717).

[4] Достоевский имеет в виду заслуги Тотлебена во время обороны Севастополя в 1854 г. (см. также письмо 105).

[5] Об этом же писал Достоевский брату, см. письмо 106.

[6] Речь идет о предполагаемом браке Ф. М. Достоевского с М. Д. Исаевой.

[7] Письмо Достоевского было передано Тотлебену Врангелем (см. письмо 105). Тотлебен, приняв живое участие в судьбе писателя, направил его в Штаб генерал-инспектора по инженерной части великого князя Николая Николаевича. В бумагах Штаба сохранилось дело «О производстве в прапорщики унтер-офицера (из политических преступников) Сибирского линейного батальона Федора Достоевского» (*ЦГВИА*, ф. 312, 3.1022). «Дело» начато 23 мая 1856 г. на основании следующего ходатайства: «К высокоторжественному дню коронации государя императора испрашивается милость: унтер-офицера Федора Достоевского произвести в прапорщики и дозволить ему литературные занятия с правом печатания, на узаконенных основаниях» (там же, л. 1). К ходатайству приложено письмо Достоевского Тотлебену, на котором имеется карандашная резолюция: «Его величество приказать соизволил написать представление в форме записки к г-ну военному министру, просить ходатайства о производстве Федора Достоевского в прапорщики в один из полков 2-й армии. Если же это признано будет неудобным, то с чином 14-го класса уволить его для определения к статским делам; в обоих случаях дозволить ему литературные занятия с правом печатания на узаконенных основаниях». На основании этого распоряжения 29 мая 1856 г. была составлена «записка», на имя военного министра Н. О. Сухозанета (2-го): «В звании отставного полевого инженер поручика Федор Достоевский по высочайшей конфирмации в 19-й день декабря 1849 г., последовавшей на докладе генерал-аудиториата по военно-судному делу, произведенному по полевым уголовным законам над злоумышленниками против правительства, лишен всех прав состояния и отослан в каторжную работу в крепостях на 4 года, с тем, чтобы по окончании этого срока был определен на службу рядовым, за принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии. В декабре 1853 года, за окончанием 4-х-летнего нахождения в каторжной работе, согласно вышеизъясненной конфирмации, Достоевский определен на службу рядовым в один из Сибирских линейных батальонов и впоследствии произведен в унтер-офицеры. Ныне дошло до сведения моего, что унтер-офицер Достоевский чистосердечно раскаялся в своем преступлении и совершенно переменил образ прежних мыслей в отношении к правительству.

Принимая во внимание молодые лета и неопытность Достоевского семь лет тому назад, которые допустили его увлечься сумасбродными идеями, отличные отзывы об нем всех прежних его сослуживцев и товарищей, свидетельствующих о его способностях, и в особенности к литературным трудам, и хорошей нравственности, а также и продолжительное время, проведенное им в каторжных работах, я не сомневаюсь в искренности его раскаяния и потому, желая дать ему случай загладить свою вину и приносить пользу обществу, против которого он погрешил, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство исходатайствовать всемилостивейшее соизволение государя императора о производстве Достоевского в прапорщики с назначением на службу в один из полков 2-й армии, или если это признано будет неудобным, то об увольнении его вовсе от воинской службы, с чином 14-го класса для определения к статским делам и чтобы в обоих случаях было ему дозво-

лено заниматься литературою, с правом печатать сочинения на узаконенных основаниях.

Генерал инспектор по инженерной части» (там же, л. 6).

10 июня 1856 г. военный министр Н. О. Сухозанет (2-й) сообщил Штабу генерал-инспектора по инженерной части решение на просьбу: «По докладу государю императору отношения вашего ‹...› от 29-го прошедшего мая, его величество изволил отозваться, что если унтер-офицер Сибирского линейного № 7-ого батальона Достоевский по настоящему его поведению признается заслуживающим монаршего милосердия, то о производстве его в прапорщики, или об увольнении от службы с чином 14-го класса, должно быть сделано представление по команде, а по воспоследовании на это разрешения, следует учредить над ним секретное наблюдение, впредь до совершенного удостоверения в благонадежности этого человека, после чего можно будет войти с особым представлением о дозволении ему печатать свои литературные труды. Высочайшую волю имея честь сообщить Вам, покорнейше прошу почтить меня уведомлением, благоугодно ли будет Вашему высочеству войти по этому предмету в непосредственное сношение с командиром Сибирского корпуса или предоставить мне отнестись к генералу от инфантерии Гасфорту» (там же, л. 13). Почти одновременно в письме от 2 июня на имя военного министра Н. О. Сухозанета из Омска от Г. Х. Гасфорта по просьбе Достоевского (см. письмо 109) поступает его стихотворение ‹«На коронацию и заключение мира»› (см. наст. изд., т. II, стр. 409—411) с просьбой «повергнуть оное на высочайшее государя императора воззрение и, если признается возможным, исходатайствовать высочайшее соизволение на напечатание оного в одном из петербургских периодических изданий...». На полях просьбы помета: «Принять к сведению. 27 июня 1856 г. Генерал от артиллерии, Сухозанет» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 718—719). Кроме того, Гасфорт в ответ на запрос военного министра ходатайствовал о производстве Достоевского в прапорщики (там же, стр. 722).

19 сентября 1856 г. Н. О. Сухозанет доносит генерал-инспектору по инженерной части: «В дополнение к отношению моему от 10-го июня сего года за № 3348, имею честь уведомить Ваше императорское высочество, что государь император, во внимание к засвидетельствованию командира отдельного Сибирского корпуса генерала от инфантерии Гасфорта, о чистосердечном раскаянии унтер-офицера Сибирского линейного № 7-го батальона Достоевского и перемене им образа мыслей высочайше повелеть соизволил произвести его в прапорщики, с оставлением на службе в том же батальоне и с продолжением за ним секретного надзора впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности» (*ЦГВИА*, ф. 312, 3.1022). Приказ о производстве Достоевского в прапорщики отдан 1 октября 1856 г. (*ЛН*, т. 22—24, стр. 723).

108. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 227)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 92—95. Полностью: *Д, Письма*, т. V, стр. 181—186.

[1] Это письмо Врангеля неизвестно.

[2] Святая (т. е. пасхальная) неделя в 1856 г. приходилась на 15—21 апреля.

[3] Имеется в виду Е. И. Гернгросс.

[4] В «Воспоминаниях» Врангель пишет: «До моего отъезда я побывал у него (М. М. Достоевского, — *Ред.*); узнав, что я направляюсь в Семипалатинск, где уже находился в это время сосланный туда Ф‹едор› М‹ихайлович›, он поручил мне передать брату письмо, немного белья, книги и 50 рублей денег. Также взял я письмо к Ф‹едору› М‹ихайловичу› от Аполлона Майкова» (*Врангель*, стр. 11).

[5] См. письмо 105. См. также письмо М. М. Достоевского от 18 апреля 1856 г.: *Д, Письма*, т. I, стр. 527—530.

[6] Письма к М. М. Достоевскому от весны (после 13 апреля) или лета 1856 г. неизвестны.

[7] См. письмо 106 (с просьбой не о 100, а о 200 руб.).

[8] Еще год назад Достоевский хотел служить на Кавказе (см. письмо 89 и примеч. 36 к нему).

[9] Речь идет о стихотворении ‹«На коронацию и заключение мира»› (см. о нем примеч. 15 к письму 105).

[10] Оптимистический пафос задуманного «политического памфлета» о России (см. письмо 103, примеч. 19) не был созвучен унизительным условиям Парижского договора (см. также наст. изд., т. XVIII, стр. 239).

[11] Подробнее об этих замыслах Достоевского и об отражении их в «Ряде статей о русской литературе» см. в комментарии к наст. изд., т. XVIII, стр. 237—239, 270.

[12] Расхождения с кругом «Современника» начались у Достоевского еще в 1846 г. (см. письмо 68, примеч. 3; см. также статью В. А. Туниманова «Достоевский и Некрасов» — *Достоевский и его время*, стр. 33—35). Что касается «Москвитянина», то Достоевский не мог забыть резкого отзыва С. П. Шевырева о «Бедных людях» и особенно о «Двойнике», помещенного здесь в 1846 г. (см. наст. изд., т. I, стр. 474, 490—491).

[13] В январской и мартовской книжках «Русского вестника» Катков опубликовал статью «Пушкин. Сочинения Пушкина, издание П. В. Анненкова. СПб., 1855. 6 томов» (впоследствии она вошла в кн.: М. Н. Катков о Пушкине. М., 1900, стр. 17—93). Позднее в статье «Г-н —бов и вопрос об искусстве» Достоевский вернулся к разбору этой статьи (см. об этом: наст. изд., т. XVIII, стр. 280—282; см. также т. XIX, стр. 233—234).

[14] Вероятно, речь идет о «комическом романе», о котором Достоевский уже писал А. Н. Майкову (см. письмо 104).

[15] См. письмо 106.

[16] В воспоминаниях А. В. Скандина «Достоевский в Семипалатинске» приводится свидетельство местной жительницы Мамонтовой: «Достоевский в Семипалатинске бывал во многих домах, в том числе и у судьи Пешехонова, жившего открыто и широко. На вечерах у него бывала всегда масса гостей, для которых угощение было на славу. Танцы и карты процветали. В этом доме танцевал и Достоевский, особенно он был в ударе перед отъездом из Семипалатинска...» (*ИВ*, 1903, т. 1, стр. 212).

[17] Это письмо к М. Д. Исаевой неизвестно.

[18] Переписка Достоевского с М. Д. Исаевой 1856 г. не сохранилась.

109. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 232)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 95—97. Полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 186—189.

[1] Письмо Врангеля, на которое отвечает Достоевский, неизвестно.

[2] Имя «Эрнст», вероятно, названо здесь ошибочно вместо правильного имени Э. И. Тотлебена (Эдуард). Достоевский благодарит Тотлебена за хлопоты по производству его в прапорщики (см. письмо 107, примеч. 7).

[3] Достоевский рассчитывал на дружескую поддержку А. И. Тотлебена, товарища по Инженерному училищу (см. письма 105, 107).

[4] Имеется в виду П. М. Спиридонов. Г. Х. Гасфорт сообщил военному министру: «Исправляющий должность военного губернатора Семипалатинской области полковник Спиридонов представил ко мне, от 19 мая сего года, стихи, сочиненные унтер-офицером Сибирского линейного № 7 батальона Федором Достоевским» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 718).

[5] Об участии Г. Х. Гасфорта в хлопотах о производстве Достоевского в прапорщики см. примеч. 7 к письму 107.

[6] Речь идет о Е. И. Гернгросс (см. письмо 105, примеч. 25).
[7] Имеется в виду М. Д. Исаева.
[8] О дальнейшей судьбе П. А. Исаева см. примеч. 9 к письму 110.
[9] М. М. Достоевский написал М. Д. Исаевой в середине апреля. К моменту написания настоящего письма писатель, вероятно, уже получил сообщение об этом (см. письмо 106, примеч. 12).
[10] В это время Врангель, тяготившийся службой в Семипалатинске, искал нового места; в воспоминаниях он перечисляет ряд предложений, о которых он, по-видимому, сообщал в письмах (см.: *Врангель*, стр. 135—136).

110. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 234)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.
Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 97—98. Полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 189—193.

[1] Письмо Врангеля, на которое отвечает Достоевский, неизвестно.
[2] Имеются в виду Э. И. и А. И. Тотлебены.
[3] Речь идет об увлечении М. Д. Исаевой Н. Б. Вергуновым.
[4] Это письмо Достоевского М. Д. Исаевой и Н. Б. Вергунову неизвестно.
[5] Достоевский сравнивает создавшееся положение со сходной ситуацией из романа А.-Р. Лесажа «Похождения Жиль Блаза из Сантильяны» (1715). В III и IV главах 7-й книги романа рассказывается о том, как герой, попавший на службу к архиепископу Гренадскому и ставший его фаворитом, в один миг лишается и службы и расположения своего патрона и изгоняется из Гренады. Причиной перемены в судьбе Жиль Блаза было то, что, верный обещанию говорить правду о проповедях архиепископа, он вынужден был отметить, что последняя проповедь прелата, написанная после апоплексического удара, оказалась слабее предыдущих. Еще раз Достоевский сослался на этот эпизод в письме Д. Д. Кишенскому от 5 сентября 1873 г. и затем использовал его во второй главе повести «Кроткая» (см. наст. изд., т. XXIV, стр. 31).
[6] Имеется в виду маркиз Н. де Траверсе.
[7] Речь идет о Е. И. Гернгросс.
[8] Письма Достоевского к Я. А. Слуцкому об устройстве П. Исаева в Сибирский корпус и ответное письмо Слуцкого неизвестны.
[9] Летом 1857 г. П. А. Исаев был определен казеннокоштным воспитанником в Сибирский кадетский корпус (см. об этом в письмах 128, 129).
[10] Возможно, что этот эпизод из биографии писателя нашел художественное преломление в истории взаимоотношений Ивана Петровича и Наташи в романе «Униженные и оскорбленные» (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 516—517; см. также: наст. изд., т. III, стр. 522).
[11] См. письмо 108.
[12] Возможность переезда Достоевского в европейскую Россию стала обсуждаться только в 1858 г. одновременно с вопросом о выходе его в отставку (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 4).
[13] Имеются в виду две поездки, предпринятые Достоевским с целью повидать М. Д. Исаеву (см. о них: *Врангель*, стр. 65, 84—88).

111. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 238)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.
Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 97. Полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 193—195.

[1] Письма Достоевского к Я. А. Слуцкому и И. В. Ждан-Пушкину и их ответные письма неизвестны.

[2] Сохранилось написанное рукой неустановленного лица отношение без обращения: «По просьбе коллежской секретарши Марии Дмитриевны Исаевой (ныне г-жа Достоевская) по случаю смерти мужа ее, назначено единовременное пособие 285 р. 71 коп. серебром, как это видно из присланной Департаментом общих дел Министерства внутренних дел ведомости о единовременных пособиях за майскую треть 1856 года. Г-н начальник Семипалатинской области, имея в виду, что г-жа Достоевская проживает в г. Семипалатинске, просил в сентябре 1858 года за № 2499-м Томского гражданского губернатора сделать распоряжение о скорейшей выдаче назначенного г-же Достоевской пособия» (*ЦГАЛИ*, ф. 212, I.115). Далее следует ответ 1860 г. на это прошение, из которого видно, что деньги посланы были по ошибке в г. Кузнецк Саратовской губернии, затем в конце 1859 г. пересланы в г. Кузнецк Томской губернии. Здесь же приписка рукой Ф. М. Достоевского: «Просить о переводе из Кузнецкого уездного казначейства Томской губернии в Главное Казначейство в СПб.».

[3] См. письмо к Врангелю от 14 июля 1856 г. (№ 110).

[4] См. письмо к Врангелю от 23 мая 1856 г. (№ 109, примеч. 10).

[5] Гаврилов — очевидно, сослуживец Достоевского.

112. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 240)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 100—103. Полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 195—199.

Ответ на письмо Врангеля от 9 октября 1856 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 262—265).

[1] В своем письме Врангель писал о Е. И. Гернгросс: «Много я перестрадал за нее, много испортил крови и благодарю бога, что судьба нас разъединила, а между тем грустно вспомнить, что ее уже нет ‹...› Уезжая, она подарила мне свой портрет ‹...› она должна уже быть в Барнауле» (стр. 262).

[2] О поездке в Барнаул, а вернее к М. Д. Исаевой в Кузнецк, см. в письме 114.

[3] Письмо Врангеля начиналось следующими словами: «Поздравляю Вас, мой добрый Федор Михайлович. Вы третьего дни произведены в офицеры и всем этим и что еще будет обязаны Тотлебену и Ольденбургскому» (стр. 262).

[4] Об участии Э. И. Тотлебена в хлопотах о производстве Достоевского см. примеч. 7 к письму 107.

[5] О хлопотах Врангеля см. в письме 103.

[6] Ответ на слова Врангеля: «Я получил все Ваши письма и не отвечал, во-первых, потому, что решительно не мог ничего сделать, о чем Вы просите; да, кроме того, я сам был в таком грустном положении, что хотя совесть часто мучила, что не пишу Вам, но все-таки этого не делал» (стр. 262).

[7] Врангель был назначен секретарем (для иностранной переписки) начальника экспедиции, возглавляемой М. А. Перелешиным и отправлявшейся в кругосветное плавание к берегам Восточного Китая, Японии и к устью Амура (см.: *Врангель*, стр. 195—196; см. также письмо 154, примеч. 1).

[8] Экспедиция была отложена до осени 1857 г. (см.: *Врангель*, стр. 196).

[9] «Отцом» Достоевский неоднократно называл командира батальона Белихова.

[10] Эта стадия «романа» Достоевского с М. Д. Исаевой нашла отражение в ряде записей так называемой «Сибирской тетради» (см. об этом в заметке Т. И. Орнатской — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 222—225).

[11] См. письмо 110, примеч. 8.

[12] Речь идет о Н. Б. Вергунове (см. письмо 110).

[13] Подать в отставку с целью возвращения в европейскую часть России Достоевский смог лишь в январе 1858 г., а удовлетворено его прошение было только в марте 1859 г. (см. письмо 134, примеч. 10).

[14] Возможно, речь по-прежнему идет о «комическом романе» (см. письмо 104).

[15] Врангель писал в связи с предстоящим кругосветным плаванием: «...кроме дипломатической переписки получил поручения своего предшественника Гончарова» (стр. 262). И. А. Гончаров исполнял обязанности секретаря при адмирале Е. В. Путятине во время экспедиции на фрегате «Паллада» — с сентября 1852 по июль 1854 г.

[16] Соединенным обществом (прежнее его название — Американское общество, более позднее — Благородное танцевальное собрание) именовался один из петербургских светских клубов. «Это было собрание без всякой цели, с охотою лишь потанцевать, поиграть в карты и отужинать <...> Здесь пели и играли такие знаменитости как Рубини, Виардо-Гарсиа, Альбони, Клира-Вене, Лист и др. В этом же клубе отпраздновал первую горячую пору своих завоеваний и господства преферанс...» (*Михневич*, стр. 230—231). Возможно также, что Достоевский слышал о кружке литераторов, постоянно собиравшемся для чтения рукописей и на дружеские обеды. А. В. Дружинин писал об этом 26 декабря 1856 г. И. С. Тургеневу в Спасское: «Круг наш сходится чаще чем когда-либо, то есть почти всякий день. Центральные персоны — Боткин, Толстой, Анненков, сверх того Ермил, Гончаров, Жемчужников, Толстой Алексей» (см.: Тургенев и круг «Современника». М.—Л., 1930, стр. 201—202). *Ермил* — А. Ф. Писемский. Кроме названных лиц в кружок входил А. А. Фет.

[17] По-видимому, Достоевский здесь неудачно выразился: речь идет только о том, что Врангель никак не мог встретиться с М. М. Достоевским. «Вашего брата, — писал он, — я с июля не видал, знаю, что он здоров, ибо был раза два у меня не заставая дома» (стр. 262).

[18] См. письмо 113.

[19] Врангель писал: «Вы еще получите от Гернгросса мой чемодан, возьмите его себе со всем, что в нем есть, а именно: рубашки, подштанники, столовое белье, простыни, носки, фуляр и платье — оно Вам пригодится. <...> я уверен, Вы поймете, что я даю это Вам как брат и друг от доброго сердца. <...> Взяли ли Вы самовар, посуду и кастрюли у Степанова...» (стр. 263).

[20] Врангель в своем письме передавал поклон «ветрогону Демчинскому» (стр. 264).

[21] Кого Достоевский имел в виду под прозвищем «Обух», неизвестно.

113. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 245)

Печатается по подлиннику: ***ЦГАЛИ***, ф. 312, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 569—572.

[1] Это письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[2] В бумагах Достоевского сохранился типографски отпечатанный «Высочайший приказ о производстве унтер-офицера Достоевского за отличие по службе в прапорщики с оставлением в том же батальоне. 1856, октября 1» (*ГБЛ*, ф. 93, I.4.5).

[3] Губернатор Семипалатинской области П. М. Спиридонов.

[4] М. М. Достоевский писал брату 18 апреля 1856 г. после его сообщения о предполагаемой женитьбе: «Не скрою от тебя, друг мой, что твое желание сильно меня испугало <...> Я боюсь за тот путь, на который ты вступаешь, путь самых мелких прозаических забот, грошевых треволнений, одним словом, за эту мелкую монету жизни, на которую ты разменяешь свои червонцы. Выдержишь ли ты всё это? Не упадешь ли ты духом? <...>

Друг мой, об одном прошу тебя — не женись до тех пор, пока не устроятся твои обстоятельства» (*Д, Письма*, т. I, стр. 529).

[5] О несохранившемся письме М. М. Достоевского к М. Д. Исаевой можно судить по его письму к брату от 18 апреля 1856 г.: «Марье Дмитриевне я писал уже третьего дня. Я почти слово в слово списал с твоей программы» (там же). М. М. Достоевский имеет здесь в виду «программу» в письме брата от 24 марта 1856 г. (письмо 106).

[6] Речь идет о предложениях А. Р. Гернгросса (см. письмо 103).

[7] «Детская сказка», написанная в 1849 г. в Петропавловской крепости, была напечатана братом писателя в августовском номере «Отечественных записок» за 1857 г. под заглавием «Маленький герой (Из неизвестных мемуаров)» с подписью-анаграммой «М-ий» (см.: наст. изд., т. II, стр. 268—295, 505—508).

[8] О замысле статьи об искусстве Достоевский писал Врангелю 13 апреля 1856 г. (см. письмо 108); о ней см.: наст. изд., т. XVII, стр. 237, 270.

[9] О работе над большим «комическим романом» Достоевский писал А. Н. Майкову в январе 1856 г. (см. письмо 104 и примеч. к нему 12).

[10] М. М. Достоевский еще 18 апреля 1856 г. сообщал брату: «Я начал теперь выделывать кроме папирос сигары и употребил на это в конце прошлого года кучу денег» (*Д, Письма*, т. I, стр. 528). О табачной фабрике его см. письмо 89, примеч. 32).

[11] Достоевский в Семипалатинске нанимал квартиру в доме Пальшиных, где «он снимал две комнаты с обедом» (А. В. Скандин. Достоевский в Семипалатинске. — *ИВ*, 1903, № 1, стр. 207).

[12] Ссылаясь на воспоминания семипалатинских знакомых Достоевского, А. В. Скандин пишет, что «припадки падучей болезни у Достоевского бывали часто и почти всегда по ночам, но продолжались недолго» (А. В. Скандин. Достоевский в Семипалатинске. — *ИВ*, 1903, № 1, стр. 208).

114. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВУ (стр. 248)

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 262, № 5.

Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 467—469.

Ответ на письмо Ч. Ч. Валиханова от 5 декабря 1856 г. (*Валиханов*, стр. 46).

[1] А. Н. Цуриков привез Достоевскому письмо от Ч. Валиханова из Омска от 5 декабря 1856 г.

[2] О своей горячей симпатии и интересе к Валиханову Достоевский писал также в 1859 г. (см. письмо 166). Впечатление, произведенное им, сохранилось в памяти Достоевского надолго. В 1875 г., набрасывая в черновиках «Подростка» характеристику Версилова, он отметил: «... страшное простодушие, Валиханов, обаяние» (наст. изд., т. XVI, стр. 43).

[3] О поездке в Барнаул в ноябре 1856 г. Достоевский подробно сообщал Врангелю в письме от 21 декабря (см. письмо 115). В свою очередь Валиханов сообщал Достоевскому 5 декабря: «После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для меня ужасно скучен. Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело» (стр. 46).

[4] Речь идет о М. Д. Исаевой, для встречи с которой Достоевский ездил в Кузнецк.

[5] О Змиеве (Змеиногорске) см. письмо 97, примеч. 3. Локтевский сереброплавильный завод и рудник в Алтайском горном округе находился в 304 верстах от Барнаула и в 70 верстах от Змеиногорска на крупном изгибе реки Алея, известном под именем Локтя (см.: Географическо-статистический словарь Российской империи. Сост. П. Семенов. СПб., 1867, т. 3, стр. 84).

[6] П. П. Семенов (позднее Тян-Шанский), с которым Достоевский познакомился в кругу петрашевцев, находился в это время в Семипалатинской области как глава экспедиции, снаряженной Географическим обществом в Среднюю Азию. О встречах с Достоевским в Семипалатинске и Барнауле он оставил воспоминания (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 217—221).

[7] Ч. Валиханов писал Достоевскому: «Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как Вы думаете об этом. Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше».

[8] По свидетельству друга Валиханова по Сибирскому кадетскому корпусу, последний с юношеских лет мечтал об изучении киргизской степи: «...нас обоих интересовал один и тот же предмет — Киргизская степь и Средняя Азия»; и далее: «Группа кадет стояла у задних ворот корпусного двора, выходивших на Иртыш. Отсюда открывается вид на степь, которая расстилается на противуположном левом берегу Иртыша ‹...› Чокан стоял в группе и развивал свою мечту, как, может быть, он проникнет в эту степь до ее южных пределов» (Г. Н. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове. — Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии, СПб., 1904, т. 29, стр. XVI—XVII).

[9] С «Записками» Джона Теннера (Нью-Йорк, 1830; французский перевод: Париж, 1835) Достоевский был знаком, как свидетельствует публикуемое письмо, по статье Пушкина «Джон Теннер», в которой они обильно цитируются в собственном переводе поэта с французского издания (*С*, 1836, № 3; включена в первое посмертное издание сочинений Пушкина. СПб., 1838—1840). В «Записках» рассказывается о быте североамериканских индейцев, среди которых Джон Теннер, похищенный еще ребенком, провел тридцать лет. Советуя Валиханову писать «вроде Джона Теннера», Достоевский несомненно опирался на высокую оценку, данную Пушкиным «Запискам». В числе достоинств «Записок», представляющих «самый полный и, вероятно, последний документ бытия народа, коего скоро не останется и следов» (*Пушкин*, т. XII, стр. 104), Пушкин отметил их достоверность и правдивость, а также «простодушие» и «смиренную простоту повествования».

[10] Валиханов познакомился с П. П. Семеновым в Омске. Последнего очень заинтересовал молодой одаренный офицер-казах, увлеченный изучением своего родного края. Он советовал Валиханову поступить в Петербурге на восточный факультет университета и посвятить себя науке. Семенов был в Семипалатинске в октябре 1856 г. (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 220).

[11] О ком именно идет речь, не ясно. Валиханов писал Достоевскому: «Кстати, о сиротах. В последний вечер я занят был любовью по Вашему совету с С. Расспросите ее, кажется, мы провели вечер приятно».

[12] Дуров к этому времени был переведен в Омск и служил вместе с Валихановым. Г. Н. Потанин в воспоминаниях о Валиханове говорит о дружбе его с Дуровым и о большой роли последнего в развитии политических взглядов Валиханова (Г. Н. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове. — Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии, СПб., 1904, т. 29, стр. XIX—XXV). Валиханов сообщал Достоевскому: «С. Д.‹уров› что-то нездоров. Здесь ему, кажется, не так хорошо с чиновническими крючками».

[13] См. примеч. 11.

115. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 250)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 103—107. Полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 202—206.

[1] Имеется в виду письмо к А. Е. Врангелю от 9 ноября 1856 г. (№ 112).
[2] О роли Э. И. Тотлебена в облегчении участи Достоевского и разрешении ему печататься подробнее см. письмо 107, примеч. 7.
[3] О дружеских отношениях Достоевского с П. П. Семеновым см. примеч. 6 к письму 114.
[4] Этот портрет воспроизведен в кн.: *Врангель.*
[5] О г. Змиеве см. письмо 97, примеч. 3.
[6] Речь идет скорее всего об отсутствии денег для женитьбы и первоначального обзаведения. Об этом же «обстоятельстве» говорится в письме 116.
[7] Свадьба Достоевского и М. Д. Исаевой состоялась 6 февраля 1857 г.
[8] Речь идет об увлечении Исаевой Н. Б. Вергуновым (см. письмо 110).
[9] Это письмо к А. А. Куманину неизвестно. Но деньги он прислал. (См. письмо 122).
[10] Речь идет о рассказе «Маленький герой» (см. письмо 113, примеч. 7).
[11] Речь идет о М. М. Достоевском.
[12] Об этих хлопотах за Вергунова см. в письме Достоевского к А. Е. Врангелю от 14 июля 1856 г. (№ 110).

116. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 254)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 572—576.

[1] Письмо М. М. Достоевского от 15 октября 1856 г. неизвестно.
[2] Отец М. Д. Исаевой Д. С. Констант был в Астрахани директором карантинного дома. О его скромном материальном положении Достоевский сообщал в письмах к М. М. Достоевскому (см. письмо 103) и В. М. Карениной (см. письмо 117).
[3] О хлопотах Достоевского по поводу помещения П. Исаева в Сибирский кадетский корпус см. письмо 110 и примеч. 9 к нему.
[4] Свадьба Достоевского состоялась 6 февраля 1857 г.
[5] Достоевский имеет в виду реакцию брата на первое свое сообщение о предполагаемой женитьбе. М. М. Достоевский писал 18 апреля 1856 г.: «Тебе 35 лет, но этого-то я и боюсь, мой бесценный. В эти годы уже нет той энергии. Тело просит покоя и удобств» (*Д, Письма*, т. I, стр. 529).
[6] О предпринимаемых в Петербурге хлопотах по поводу разрешения Достоевскому печататься см.: *Врангель*, стр. 78—79.
[7] *...«в хлопочках»* — держать в хлопочках (устар.) — пестовать, нянчиться.
[8] Неточно процитированная фраза, неоднократно повторяемая Жеронтом (у Достоевского ошибочно Оронт) в «Плутнях Скапена» Мольера (д. II, явл. 11) («Mais que diable allait-il à cette Galère?») ‹«Но какого черта ему понадобилось на этой галере?»›. Фраза заимствована Мольером из комедии Сирано де Бержерака «Одурачепный педант» (1654).
[9] Темляк — тесьма с кистью на шпаге, серебряный темляк — знак офицерского чина.
[10] См. письмо 117.
[11] Письмо Достоевского к А. А. Куманину неизвестно. О получении от него денег и письма Достоевский сообщал В. М. Карениной 23 февраля 1857 г. (см. письмо 121).

117. В. М. КАРЕНИНОЙ (стр. 260)

Публикуется по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.20.
Впервые опубликовано: «Русский современник», 1924, № 1, стр. 172—176.

[1] О получении письма от второй своей сестры В. М. Ивановой Достоевский писал М. М. Достоевскому еще 30 июля 1854 г. (см. письмо 92). Упоминание о том, что он сам написал «сестрам», т. е. в том числе, вероятно, и ей, содержится в письме М. М. Достоевскому от 13—18 января 1856 г. (см. письмо 103 и примеч. к нему 18). Письмо Достоевского к В. М. Ивановой не сохранилось.

[2] У Д. С. Константа кроме старшей Марии Дмитриевны было еще три дочери — Варвара, Софья и Лидия; о сыновьях сведений не имеется.

[3] См. письмо 110 и примеч. 9 к нему.

[4] Об этом же «одном обстоятельстве» Достоевский писал к Врангелю 21 декабря 1856 г. (см. письмо 115).

[5] Сохранился листок с записями Достоевского о предполагаемых расходах в связи с женитьбой на М. Д. Исаевой (см. примеч. 4 к письму 120).

[6] Достоевский имеет в виду Н. Н. Ковригина (см. об этом в письме 115).

[7] «Святая» — пасхальная неделя. Во время «великого поста» венчание не производится.

[8] См. письмо 116, примеч. 11.

118. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (СУСАННЕ) (стр. 264)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.51.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 577—578.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Имеется в виду военный губернатор Семипалатинской области П. М. Спиридонов.

[3] Торжественный въезд в Москву Александра II для коронации происходил 17 августа 1856 г., коронация состоялась 26 августа в Успенском соборе Кремля. В последующие дни до 8 сентября происходили беспрерывные празднества: балы, маскарады, народные гуляния, фейерверк. Описание празднеств см.: С. С. Татищев. Император Александр II. СПб., 1911, стр. 199—203.

[4] Предыдущее письмо Достоевского к адресату неизвестно.

[5] О гостеприимном хуторе П. М. Пешехонова Достоевский вспоминал также в письме к М. Д. Исаевой от 4 июня 1855 г. См. письмо 97.

[6] Достоевский, вероятно, передает привет какой-то своей прежней семипалатинской знакомой.

[7] См. письмо 119.

119. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (МАРИИ ИВАНОВНЕ) (стр. 265)

Публикуется по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.53.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 576—577.

[1] Письмо, вероятно, было послано в одном конверте с предыдущим письмом (118).

[2] Это письмо не сохранилось.

[3] Речь идет о письме 118.

120. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 266)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.
Впервые опубликовано (с сокращениями): *Биография*, отд. II, стр. 107—109. Полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 211—213.

[1] Это письмо Врангеля неизвестно.

[2] О предстоящей женитьбе на М. Д. Исаевой Достоевский извещал Врангеля 21 декабря 1856 г. (см. письмо 115).

[3] Свадьба состоялась 6 февраля.

[4] Перечень вещей, понадобившихся к свадьбе, содержится в памятном листке 1857 г.:

Для себя Ultimatum		*Для нее*	
Белье и сапоги	15	На шубку и Пашу и проч.	— 100
Мундир и панталоны	30	Платье	— 30
Кив‹ер›, портуп‹еи›, ранец	15	На уборы	— 7
Платки. Помочи	10	Под‹одеяльники› просты‹ни› и проч.	— 10
Житье	20		
	90		167

На дом		*Долги*	
Кресла и стулья	20	Полякову	75
Два столика	6	Грин‹енко?›	25
Два дивана	20		
Шкаф	10	Итого	
Комод	8	90	
Занавес	5	167	
Шандалы	10	94	
Чайник и проч.	15	100	
	95	140	
		591 или 600	
Езда	80		
Останов‹ка› в ‹?›	60		
	140		

Приход	
600 — Ковр‹игин›	Около 115 или 120
60 — жалованье	Если — 40
20 — Белихов	Квартира — 8
25 — жалов‹анья› ‹майского›	Стол — 15
10 — свечи — дровян‹ые расходы›	Чай и сахар — 10
	Слуги и денщик — 6
	Таб‹ак›, папиросы — 10
715	50

(*ГБЛ*, ф. 93, I.3.28).

[5] Речь идет о несохранившемся письме к А. А. Куманину (см. о нем в письме 116).

[6] См. письмо 122.

[7] «Не сходитесь» здесь означает «не встречаетесь». Врангелю не удалось встретиться с М. М. Достоевским (см. также письмо 112, примеч. 17).

[8] Все «горные» (т. е. знать Змеиногорска), по-видимому по традиции, отправились в Ирбит на прославленную ежегодную ярмарку, продолжавшуюся с 1 февраля по 1 марта. Здесь был своеобразный торговый центр: европейские товары, направлявшиеся на Восток, соседствовали с азиатскими товарами, идущими в Европу.

121. В. М. КАРЕПИНОЙ (стр. 268)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.40.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 213—214 с неверной датой 22 февраля.

[1] Сохранился текст «Обыска брачного, Одигитриевской церкви в Кузнецке о вступлении в брак Федора Достоевского и М. Д. Исаевой от 6 февраля 1857 г.» («Сибирская летопись», 1916, № 11—12, стр. 567—569; перепечатано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 84—85). Копия с него хранится в *ЦГАЛИ*. В метрической книге Одигитриевской церкви г. Кузнецка Томской губернии записано: «Повенчаны: служащий в Сибирском линейном баталионе № 7 прапорщик Феодор Михайлов Достоевский, православного вероисповедания, первым браком, 34 лет. Невеста его: вдова Мария Дмитриевна, жена умершего заседателя по корчемной части, коллежского секретаря Александра Исаева, православного вероисповедания, вторым браком. Подлинную метрическую запись подписали: священник Евгений Тюменцев, диакон Петр Лашков, дьячок Петр Углянский и понамарь Иван Слободский» (*РС*, 1892, № 3, стр. 696; перепечатано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 85). Разрешение на вступление в брак Достоевского с М. Д. Исаевой 1 февраля 1857 г. выдал подполковник Белихов (см. текст разрешения — там же, стр. 83—84).

[2] В письме к М. М. Достоевскому от 9 марта 1857 г. Достоевский более подробно описывает случившийся с ним в Барнауле эпилептический припадок, приводит мнение врачей о необходимости серьезного лечения (см. письмо 123).

[3] Письмо М. Д. Достоевской к Карениной неизвестно.

[4] Письма В. М. Карениной к Достоевскому неизвестны.

[5] Письма Достоевского к Куманиным после свадьбы неизвестны.

[6] Имеется в виду просьба к А. А. Куманину выслать 600 руб. на женитьбу (см. об этом в письмах 116, 117).

[7] Речь идет о Н. Н. Ковригине (см. письма 115 и 116).

122. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 269)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано (начало письма): *Биография*, отд. II, стр. 109—110. Полностью: *Д, Письма*, т. I, стр. 215—219.

[1] Речь идет о М. М. Хоментовском.

[2] Это письмо Врангеля неизвестно.

[3] Из переписки родителей Достоевского вырисовывается тяжелый характер М. А. Достоевского, отражавшийся нередко и на отношениях его с сыновьями (см.: *Гроссман, Биография*, стр. 18—25; *Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских*, стр. 73—113).

[4] Позднее в своих воспоминаниях о Достоевском Врангель прокомментировал эти слова: «...я последовал его совету. Могу сказать, что это мое долгое кругосветное плавание было лучшей порой моей многообразной, тревожной жизни и хорошей для меня школой. Я изучил свет и людей и дополнил свою житейскую опытность, вынесенную из Сибири» (*Врангель*, стр. 196).

[5] Речь идет об А. Р. Гернгроссе.

[6] Об этом портрете Врангеля см. в письме 115 и примеч. 4 к нему.

[7] Имеется в виду маркиз Н. де Траверсе.

[8] Имеется в виду П. П. Семенов, живший в Барнауле в 1856—1857 гг. (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 217—221; см. также: В. Ф. Гришаев. К пребыванию Ф. М. Достоевского на Алтае. — *Материалы и исследования*, т. VI).

[9] Об отношениях Врангеля и Е. И. Гернгросс см. в письмах его к До-

стоевскому от 9 октября 1856 г., 29 сентября и 25 октября 1859 г. и комментариях к ним (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 262—270).

[10] На ком собирался жениться Врангель, неизвестно. Женился же он лишь осенью 1860 г. (см.: *Врангель*, стр. 203).

[11] Имеется в виду рассказ «Маленький герой» (см. письмо 113, примеч. 7).

[12] Возможно, речь идет о замысле большого романа или о будущем «Селе Степанчикове».

[13] Это намерение не было выполнено (см. о нем также в письме 126).

[14] До 1858 г. Томским гражданским губернатором был В. А. Бекман, а с 1858 г. — генерал А. Д. Озерский.

[15] Речь идет о письме к М. М. Достоевскому от 9 марта 1857 г. (№ 123).

123. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 274)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 578—581.

[1] Это письмо к А. А. Куманину неизвестно.

[2] Речь идет о письме к В. М. Карепиной от 23 февраля (см. письмо 121).

[3] Достоевский пишет брату о Н. Н. Ковригине. См. письма 115 и 116.

[4] В письме к Врангелю (письмо 122) Достоевский сообщал, что одолжил деньги также у М. М. Хоментовского.

[5] После свадьбы Достоевские наняли в Семипалатинске квартиру на Крепостной улице в доме почтальона Ляпухина. По воспоминаниям З. А. Сытиной, квартира состояла из четырех комнат, меблированных «просто, но очень удобно» (*ИВ*, 1885, № 1, стр. 125—126).

[6] В «брачном обыске» Достоевского сказано, что «поручителем по невесте» был исправник И. М. Катанаев, в доме которого М. Д. Исаева была своим человеком (Г. Герасимов. Материалы к пребыванию Ф. М. Достоевского в Семипалатинске. — «Сибирская летопись», 1916, № 11—12, стр. 567), и крестьянин М. Д. Дмитриев; «поручители по женихе» — чиновник П. Сапожников и учитель Н. Б. Вергунов; священником был Е. Тюменцев (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 84).

[7] Достоевский останавливался в Барнауле у П. П. Семенова, но не на две недели, как вспоминает мемуарист (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 220), а на четыре дня.

[8] Судя по отметкам Достоевского в «Записных тетрадях», в дальнейшем припадки у него часто совпадали с новолуниями и с полнолуниями (см. записи припадков: наст. изд., т. XXVII, стр. 102—112).

[9] М. М. Хоментовский.

[10] Письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[11] М. М. Достоевский выслал по просьбе брата (см. письмо 116) подарки для М. Д. Исаевой.

[12] Достоевский спрашивал брата о «Детской сказке» в письме от 9 ноября 1856 г. (см. письмо 113 и примеч. к нему 7).

[13] О последних годах жизни Я. П. Буткова почти ничего не известно. Напечатав в 1849 г. в «Отечественных записках» повесть «Странная история», он на много лет замолчал и только в год смерти опубликовал повесть «Степная идиллия» (ч. 1—2, СПб., 1856). Умер писатель всеми забытый, в страшной бедности 28 ноября 1856 г. (см.: И. С. Чистова. Достоевский и Бутков. — *РЛ*, 1971, № 7, стр. 98—111).

[14] Письма Достоевского к В. М. и А. П. Ивановым за 1854—1857 гг. неизвестны.

[15] Письма М. Д. Достоевской к родным мужа неизвестны.

124. В. М. КАРЕПИНОЙ (стр. 277)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.40.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 581—583.

[1] См. письмо 123, примеч. 15.

[2] Письмо М. М. Достоевского неизвестно (см. о нем в письме 123).

[3] М. М. Достоевский писал брату 18 апреля 1856 г.: «Я начал теперь выделывать кроме папирос сигары и употребил на это в конце прошлого года кучу денег. Я рискнул, и если они не пойдут у меня, то я не знаю, что мне и делать будет. Деньги употреблены, множество векселей подписано, сроки им уже подходят, а я еще и не начинаю продавать сигары. Ты сам знаешь, что они должны хорошо вылежаться. Но зато, если пойдут, то будет отлично. Вообще этот год для меня критический» (*Д, Письма*, т. I, стр. 528).

[4] См. об этом в письме к М. М. Достоевскому от 22 декабря 1856 г. (116).

[5] О желании написать письмо В. М. Ивановой Достоевский также писал брату (см. письмо 123).

125. Д. С. КОНСТАНТУ (стр. 279)

Публикуется по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 14—15.
Впервые опубликовано: «Северный вестник», 1891, № 10, стр. 7—8.

[1] До первого замужества Мария Дмитриевна жила в Астрахани, где ее отец служил директором карантинного дома. П. П. Семенов-Тян-Шанский вспоминал о М. Д. Исаевой, что она «была астраханская уроженка, окончившая свой курс учения с успехом в Астраханской женской гимназии, вследствие чего она оказалась самой образованной и интеллигентной из дам семипалатинского общества» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 218).

[2] Об А. И. Исаеве см. письмо 103.

[3] Далее следует приписка М. Д. Исаевой к сестре В. Д. Констант: «Чтоб не потерять случай, а тем более, что мы так давно не писали одна другой, я принялась нацарапать тебе, Варя, несколько строк. Я думаю, вы уже надавали мне несколько эпитетов за мое молчание, но, право, и мне пришлось ожидать от вас весточки не малое число недель. Муж мой посылает вам всем поклон и просит полюбить его так же братски, как когда-то любила ты искренно доброго Ал‹ександра› Ив‹ановича›. Хотелось бы многое написать и так о чем поболтать, да подходит время отправки писем. Скажу тебе, Варя, откровенно — если б я не была так счастлива и за себя и за судьбу Паши, то, право, нужно было поссориться с тобою, как с недоброю сестрою, но в счастье мы всё прощаем. Я не только любима и балуема своим умным, добрым, влюбленным в меня мужем, — даже уважаема и его родными. Письма их так милы и приветливы, что, право, остальное стало для меня трын-травою. Столько я получила подарков, и все один другого лучше, что теперь будь покойна, придется мало тебя беспокоить своими поручениями.

Поцелуй за меня Соню, Лиду и поклонись всем, кто захочет меня вспомнить. Если ты не поленишься и будешь писать мне, то я всегда с удовольствием буду отвечать тебе. Паша кланяется тебе и Лиде, он очень любим и умно балуем Ф‹едором› Михайл‹овичем›».

126. Е. И. ЯКУШКИНУ (стр. 280)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.48.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 220—222.

[1] Муж сестры Достоевского А. П. Иванов, преподаватель Константиновского межевого института в Москве, был связан с Е. И. Якушкиным как служащим при канцелярии, состоящей в Межевом ведомстве. Письмо А. П. Иванова к Достоевскому, в котором он «передал» сказанное Якушкиным, неизвестно. Данное письмо Достоевского дошло до адресата вместе с письмом 132 (см. стр. 292).

[2] Среди сохранившихся писем Плещеева к Достоевскому нет письма с сообщением, что он рекомендовал Достоевского Каткову. Переписка Достоевского с Плещеевым, судя по содержанию данного письма, началась в конце 1856 г. В письме от 20 января 1857 г. он сообщал Достоевскому о своем сотрудничестве в «Русском вестнике» и предлагал: «Присылайте мне, друг мой, всё, что Вы напишете. Будьте уверены, что напечатают с радостью. Я берусь за это» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 437—438). Плещеев в 1857 г. опубликовал в «Русском вестнике» рассказ «Наследство» (№ 2), «Житейские сцены» (№ 10) и ряд стихов. Достоевский, очевидно благодаря Плещееву, вскоре завязывает сношения с М. Н. Катковым, собираясь напечатать в «Русском вестнике» будущее «Село Степанчиково».

[3] О возникновении замысла романа из трех книг, объединенных «приключениями одного лица» в различные эпохи его жизни, Достоевский писал А. Н. Майкову в январе 1856 г. (см. письмо 104 и примеч. к нему 11, 12). Осуществлен он не был. Достоевский, очевидно, остановился на стадии создания общего плана и первоначальных набросков отдельных эпизодов (см. письмо 134 и наст. изд., т. III, стр. 490—491). Возможно, что первая, наиболее законченная книга, составляющая «совершенно отдельную и конченную повесть», это будущее «Село Степанчиково и его обитатели» (см. наст. изд., т. III, стр. 498).

127. И. В. ЖДАН-ПУШКИНУ (стр. 281)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, Р. I, оп. 6, № 80.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 260—261.

[1] Дочь тобольского прокурора М. Д. Францева, сопровождавшая Н. Д. Фонвизину при ее посещениях Достоевского и Дурова в Тобольском остроге и присутствовавшая при прощании Фонвизиной с ними перед отъездом в Омск, близко знала инспектора классов Сибирского кадетского корпуса И. В. Ждан-Пушкина. Она передала жандарму, сопровождавшему петрашевцев, письмо к Ждан-Пушкину с просьбой оказать арестованным возможную помощь (см.: Воспоминания Францевой. — *ИВ*, 1888, № 6, стр. 485). Ждан-Пушкин, судя по письму к Н. Д. Фонвизиной священника А. И. Сулоцкого, законоучителя в том же Сибирском кадетском корпусе, от 1 февраля 1850 г., живо отозвался на просьбу М. Д. Францевой, всячески стараясь облегчить их пребывание в Омской крепости. Так, А. И. Сулоцкий пишет: «...добрый Ив‹ан› Викентьевич, вследствие письма Марии Дмитриевны, тогда уже адресовался к разным лицам с расспросами о возможности, о способах облегчить участь г. г. Дурова и Достоевского» (*ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 623). В доме Ждан-Пушкина Достоевский неоднократно бывал.

[2] Достоевский был произведен в прапорщики приказом от 1 октября 1856 г. (см. письмо 107, примеч. 7).

[3] Высочайшим указом правительствующему Сенату от 17 апреля 1857 г. было предписано лишенным прав состояния 19 декабря 1849 г. и вновь дослужившимся до офицерских чинов: Д. Ахшарумову, Ф. Достоев-

скому, К. Дебу. И. Дебу, А. Плещееву, В. Головинскому, С. Дурову, Ф. Толлю и И. Ястржембскому «даровать прежние права по происхождению <...>, но всем без права на прежнее имущество» (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 86).

[4] Достоевский женился 6 февраля 1857 г. (см. об этом письма 121—123).

[5] Письмо это не сохранилось.

[6] О несохранившемся письме к Я. А. Слуцкому с просьбой об устройстве П. Исаева в Сибирский кадетский корпус Достоевский упоминает в письме к А. Е. Врангелю от 14 июля 1856 г. (№ 110).

[7] Достоевский брал отпуск в феврале 1857 г. для поездки в Кузнецк, где состоялась его свадьба, затем в мае—июне он снова был в отпуске «для поправки здоровья» и провел его под Семипалатинском (Рапорт Достоевского полковнику Белихову см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 3).

[8] У почтальона Ляпухина Достоевский нанимал квартиру (*ИВ*, 1885, № 1, стр. 125—126).

128. В. Д. КОНСТАНТ (стр. 283)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 16—17.
Впервые опубликовано: «Северный вестник», 1891, № 10, стр. 9—10.

[1] Письма В. Д. Констант к Достоевскому неизвестны.

[2] Это письмо М. Д. Достоевской к В. Д. Констант неизвестно.

[3] Речь идет о Н. И. Голеновском.

[4] См. письмо к И. В. Ждан-Пушкину от 29 июля 1857 г. (№ 127).

[5] После поражения России в Крымской войне было признано необходимым переустройство военных учебных заведений. Правительственные указы о преобразовании системы их, об изменениях в правилах приема в кадетские корпуса см. в кн.: М. С. Л а л а е в. Исторический очерк военно-учебных заведений. 1700—1880. СПб., 1880, стр. 97—106.

[6] Ответ И. В. Ждан-Пушкина на письмо Достоевского от 29 июля 1857 г. (№ 127) неизвестен.

[7] Письма к А. А. де Граве и Я. А. Слуцкому неизвестны.

[8] Письма Достоевского к кадетам старших курсов Сибирского кадетского корпуса неизвестны.

[9] Речь идет о почтальоне Ляпухине (см. письмо 127).

129. Д. С. КОНСТАНТУ (стр. 285)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 20—21.
Впервые опубликовано: «Северный вестник», 1891, № 10, стр. 8—9.

[1] Письмо Д. С. Константа к Достоевскому неизвестно.

[2] Генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорт.

[3] Имеется в виду инспектор классов Сибирского кадетского корпуса И. В. Ждан-Пушкин (о знакомстве с ним Достоевского см. письма 127, 128).

[4] Известно о двух отпусках Достоевского за этот год (см. письмо 127, примеч. 7).

[5] См. письмо 127. примеч. 8.

[6] Достоевский писал к А. А. де Граве, Я. А. Слуцкому и И. В. Ждан-Пушкину (см. письмо 127).

[7] См. примеч. 3 к письму 127.

130. В. М. КАРЕПИНОЙ (стр. 286)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.40.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 583—584.

[1] Известны лишь письма Достоевского к М. М. Достоевскому от 9 марта и В. М. Карепиной от 15 марта 1857 г. (см. письма 123, 124). Письма М. Д. Достоевской к родным мужа неизвестны.

[2] Письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[3] Достоевский подал в отставку по болезни (с указанием предполагаемого местожительства в Москве) в январе 1858 г. (письмо 135).

[4] Письмо к А. П. Иванову неизвестно.

[5] См. письмо к Е. И. Якушкину от 1 июня 1857 г. (№ 126).

[6] А. А. Куманин прислал Достоевскому по его просьбе деньги на свадьбу (см. об этом в письмах 121, 122, 123).

[7] В конце 1856 г. А. М. Достоевский приезжал из Елизаветграда в Петербург хлопотать о переводе по службе. Перевод в Симферополь осуществился лишь в 1858 г. Летом же 1857 г. А. М. Достоевский жил в 70 верстах от Елизаветграда, где наблюдал за постройкой церкви (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 233, 264—266).

131. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 287)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 584—588.

[1] Письмо М. М. Достоевского неизвестно. Сведений о его заграничной поездке в 1857 г. не имеется.

[2] Хлопоты об отставке с разрешением проживать в Москве Достоевский начал лишь через год, см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 5.

[3] Неосуществленный замысел Достоевского «Писем из провинции», возможно, был подсказан жанром печатавшихся в конце 1840-х—начале 1850-х гг. в «Современнике» без подписи статей А. В. Дружинина «Письма иногороднего подписчика в редакцию „Современника“». Цикл статей Дружинина был написан от лица просвещенного помещика, живущего в своей деревне и внимательно читающего столичные журналы. Достоевский в повести «Село Степанчиково и его обитатели», однако, говорит о «пустословии» его писем (см. наст. изд., т. III, стр. 70).

[4] Во второй половине 1850-х гг. успех журнала «Русский вестник» стремительно возрастал. Число его подписчиков увеличивалось. Н. А. Мельгунов писал А. И. Герцену 28 февраля 1857 г.: «Успех „Русского вестника“ невероятный, небывалый» (*ЛН*, т. 62, стр. 364). Достоевский во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» писал о времени появления в журнале «Губернских очерков» Щедрина (1850): «Говорят, в „Русском вестнике“ прибавилось вдруг столько подписчиков, что и сосчитать нельзя было, несмотря на то, что почтенный журнал уж и тогда начинал толковать о Кавуре, об английских лордах и фермерстве» (наст. изд., т. XVIII, стр. 60) — и даже в пору острой полемики с редакцией журнала считал, что «Русский вестник» «стоит читать» (там же, т. XIX, стр. 105).

[5] А. Н. Плещеев напечатал в «Русском вестнике» в 1857 г. повесть «Наследство» (№ 2), «Житейские сцены: Отец и дочь» (№ 10). О намерении Достоевского через Плещеева начать переговоры о напечатании в «Русском вестнике» повести см. письмо 126 и примеч. к нему 2.

[6] О замысле неосуществленного романа Достоевского см. письмо 126, примеч. 3.

[7] Речь идет о повести «Село Степанчиково и его обитатели».

[8] Речь идет, видимо, о романе «Униженные и оскорбленные» (см. наст. изд., т. III, стр. 521).

[9] Работа над повестью «Село Степанчиково», которую Достоевский, как видно из письма, предполагал опубликовать в «Русском вестнике», сильно затянулась. Она была завершена лишь в начале 1859 г. (см. наст. изд., т. III, стр. 498—499).

[10] Достоевский пишет об Н. Н. Ковригине (см. письмо 115).

[11] Достоевский имеет в виду следующие строки из романа Д. Дефо «Робинзон Крузо»: «...все свое золото я бы охотно отдал за три-четыре пары английских башмаков и чулок» (Д. Дефо. Жизнь и приключения Робинзона Крузо. М., 1982, стр. 203).

[12] А. Н. Плещеев сообщал Достоевскому из Оренбурга в январе 1857 г.: «Я уволен от военной службы с дозволением жить где хочу, кроме столиц. Обстоятельства заставляют меня пробыть некоторое время здесь. Я вступаю в гражданскую службу в пограничную комиссию ‹...› На будущий год надеюсь мне позволят возвратиться в Москву. Я писал лично к государю письмо, и он приказал сообщить мне, что возвращение мое в столицу будет зависеть от дальнейшей моей службы и поведения моего в губерниях» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 438).

[13] Речь идет о Е. А. Рудневой. Свадьба ее с Плещеевым состоялась осенью 1857 г.

[14] 30 мая 1858 г. Плещеев писал Достоевскому: «Относительно денег, дорогой мой Федор Михайлович, скажу Вам опять: я решительно не знаю, как повернутся дела мои; но если будет хотя малейшая возможность, то верьте, что я не заставлю напомнить себе о присылке» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 441). Получив в дальнейшем от Плещеева 1000 руб., Достоевский выплачивал их частями вплоть до 1880 г. (см. письмо Достоевского от 21 декабря 1880 г.).

[15] А. Н. Плещеев также стремился перебраться в Москву. В письме от 24 июля 1857 г. Е. А. Рудневой он писал: «Оставаться здесь в этом крае (в Оренбурге, — *Ред.*) я решительно не желал бы. Я пробыл бы здесь, может быть, по необходимости год — но не больше. Когда мне будет дозволено возвратиться в столицы, я поселился бы в Москве»; в письме от 18 августа 1857 г. Плещеев откровенно жаловался: «Оренбург мне противен окончательно. Сильно хотелось бы перебраться в другое место, освежиться в другом обществе...» (*ИРЛИ*, Р. III, оп. 2, № 1521). Письма Достоевского к Плещееву 1857 г. неизвестны. Письмо Плещеева к нему от 20 января 1857 г. см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 437—439.

[16] После смерти совершившего растрату и застрелившегося командира батальона Белихова командовать Сибирским линейным № 7 батальоном стал майор Скоробогатов (*Врангель*, стр. 216).

[17] Речь идет о И. В. Ждан-Пушкине. См. письмо к нему 127.

132. Е. И. ЯКУШКИНУ (стр. 292)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.48.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 226—227.

[1] Письмо Е. И. Якушкина к Достоевскому неизвестно.

[2] См. письмо к Е. И. Якушкину от 1 июня 1857 г. (№ 126).

[3] Письмо подполковника Межевого корпуса Ф. X. Мейна к Достоевскому неизвестно.

[4] Письмо Достоевского к А. П. Иванову неизвестно.

[5] Муж сестры Достоевского А. П. Иванов был преподавателем Константиновского межевого института в Москве. См. также письмо 126, примеч. 1.

[6] См. письмо 131, примеч. 16.

[7] Это письмо к А. П. Иванову, по-видимому от 23 ноября 1857 г., также неизвестно.

[8] Речь идет о «Селе Степанчикове» (см. письмо 131, примеч. 9).

[9] О завязавшихся через Плещеева связях с «Русским вестником» Достоевский уже писал Якушкину ранее (см. письмо 126).

133. В. Д. КОНСТАНТ (стр. 293)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 22—23.
Впервые опубликовано: «Северный вестник», 1891, № 10, стр. 10—11.
Датируется около 30 ноября 1857 г. на основании пометы рукой неустановленного лица: «30 ноябр‹я› 1857 г.», возможно, являющейся датой получения письма.

[1] Это письмо М. Д. Достоевской к В. Д. Констант неизвестно.
[2] Письмо В. Д. Констант к Достоевскому неизвестно.
[3] Письмо И. В. Ждан-Пушкина к Достоевскому неизвестно.
[4] Известно лишь письмо к И. В. Ждан-Пушкину от 29 июля 1857 г. (№ 127).

134. М. Н. КАТКОВУ (стр. 295)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 120, 3.10.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 262—265.

[1] Письмо А. Н. Плещеева к Достоевскому от августа 1857 г. неизвестно.
[2] Достоевский пишет Каткову о работе над романом в трех книгах, желая заинтересовать его и добиться аванса. Об этом сам Достоевский сообщал брату: «...предлагаю ему мой большой роман (который я теперь, на время, совсем решил оставить)» (см. письмо 135). В апреле 1857 г. Достоевскому были возвращены права потомственного дворянина и тем самым дано разрешение печататься. С этого момента планы писателя приобрели более конкретный характер. К 1858 г. из ряда предварительных замыслов окончательно выделились два, получившие свое воплощение в повестях «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон» (см. наст. изд., т. II, III).
[3] Достоевский воспользовался словами Пушкина из «Моцарта и Сальери» (сцена II).
[4] О тяжелом материальном положении, вынуждавшем Достоевского в 1840-е гг. работать спешно «к сроку» и о взаимоотношениях с А. А. Краевским, к которому он испытывал острое чувство неприязни как к журналисту-дельцу, свидетельствует переписка писателя того времени, и в частности письмо к М. М. Достоевскому от 7 октября 1846 г. (№ 64): «...система всегдашнего долга, которую так распространяет Краевский, есть система моего рабства и зависимости литературной». См. также статью: В. В. Виноградова. Достоевский и А. А. Краевский. — *Достоевский и его время*, стр. 17—22.
[5] Достоевский сообщал брату в ноябре 1845 г., что «Роман в девяти письмах» был написан «в одну ночь ‹...› Утром отнес к Некрасову и получил за него 125 руб. ассиг.» (см. стр. 116; а также наст. изд., т. I, стр. 500).
[6] Письмо М. М. Достоевского неизвестно.
[7] Журнал Г. А. Кушелева-Безбородко «Русское слово» начал выходить с 1859 г. (объявление об издании см.: *СПбВед*, 1858, 25 октября, № 233).
[8] Речь идет о повести «Дядюшкин сон», замысел которой восходит к «комическому роману», начатому Достоевским еще в 1855 г. (см. письмо 104, примеч. 12; наст. изд., т. II, стр. 510; *Туниманов*, стр. 7—26).
[9] Своей «самой задушевной работой» Достоевский называет повесть «Село Степанчиково», которую он предлагал Каткову в «Русский вестник».
[10] Достоевский имеет в виду свои первоначальные хлопоты об отставке (прошение командиру Сибирского корпуса см.: *ЛН*, т. 22—24, стр. 730). Среди официальных бумаг сохранился «Реверс» к просьбе об увольнении и свидетельство лекаря Сибирского линейного № 7 батальона Ермакова о состоянии здоровья Достоевского от 16 января 1858 г. (см. Офиц. письма и делов. бумаги, №№ 4, 5). Командир Сибирского корпуса Г. Х. Гасфорт отправил в марте 1858 г. рапорт об увольнении Достоев-

ского в отставку в военное министерство (*ЛН*, т. 22—24, стр. 726), к рапорту было приложено письмо Достоевского к Александру II (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 5). Приказ об отставке вышел только 18 марта 1859 г. Жительство ни в Москве, ни в Петербурге ему разрешено не было на основании общих правил об «облегчении участи лиц из политических преступников» (см.: *ЛН*, т. 22—24, стр. 731—732).

135. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 299)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 588—592.

[1] Эти письма М. М. Достоевского неизвестны.
[2] О переговорах М. М. Достоевского с «Русским словом» см. письмо 134.
[3] Вероятно, название фирмы сигар.
[4] Имеется в виду издатель «Русского слова» Г. А. Кушелев-Безбородко.
[5] Журнал «Русское слово» начал выходить под редакцией самого Кушелева-Безбородко и приглашенных им в соредакторы Я. П. Полонского и Ап. Григорьева (см.: В. П. Соколов. Боевые журналы бурной эпохи. 1. Начало «Русского слова». — «Русский библиофил», 1914, № 1, стр. 79—83; Г. Р. Прохоров. Начало «Русского слова» и Г. Е. Благосветлов. — *Звенья*, кн. I, стр 298—299.
[6] «Русское слово», основанное как «литературно-ученый» журнал, переживало в это время свой организационный период. О переговорах брата с представителем редакции «Русского слова» Достоевский сообщал М. Н. Каткову (см. письмо 134).
[7] Создававшееся по новому плану произведение — повесть «Село Степанчиково». Эпизод из большого романа для «Русского слова» — повесть «Дядюшкин сон». Существует предположение, что замыслы обеих повестей на раннем этапе соприкасались, но данное письмо как будто противоречит этому (см. наст. изд., т. III, стр. 498). Степень законченности второй повести была писателем преувеличена. Работа над ней затянулась и была закончена в январе 1859 г. К «свежим» Достоевский, по-видимому, относил характеры дядюшки и Москалевой.
[8] Письмо к М. Н. Каткову от 11 января 1858 г. (№ 134).
[9] М. М. Достоевский, вероятно, уже в это время обдумывал возможность издания собственного будущего журнала, для которого ему была нужна повесть брата (см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 30—31; наст. изд., т. XVIII, стр. 203, а также письмо № 143 и примеч. 4 к нему).
[10] Об отставке Достоевского см. примеч. 10 к письму 134.
[11] Письмо к Александру II было написано в начале марта (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 5).
[12] См. письмо 131, примеч. 14.
[13] Плещеев женился на Е. А. Рудневой осенью 1857 г.

136. Е. И. ЯКУШКИНУ (стр. 302)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.48.
Впервые опубликовано: «Сборник Общества любителей российской словесности». М., 1891, стр. 83—84, без указания адресата.

[1] Письмо Е. И. Якушкина неизвестно.
[2] Речь идет о замысле «большого романа», от которого Достоевский вскоре совсем отказался (см. также письмо 126).
[3] См. письмо М. Н. Каткову от 11 января 1858 г. (№ 134).
[4] Это письмо М. М. Достоевского неизвестно.
[5] Речь идет о будущей повести «Село Степанчиково и его обитатели» (см. наст. изд., т. III, стр. 5—168 и примеч., стр. 496—516).
[6] Об отставке Достоевского см. примеч. 10 к письму 134.

137. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 303)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13 и *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 110—112.

[1] Письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[2] Возможно, Достоевский имеет в виду прошение на имя Александра II, датируемое началом марта 1858 г. (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 5) и несохранившееся большое письмо к М. Н. Каткову, с просьбой о высылке денег.

[3] Хотя переговоры старшего брата писателя о публикации «Детской сказки», напечатанной в августовской книге «Отечественных записок» за 1857 г. под названием «Маленький герой» (см. письмо 113, примеч. 7), велись не без ведома Достоевского, в выходе ее в свет он не был уверен (см. об этом в письмах 113, 115, 123). Исправления в текст он внес лишь при позднейших переизданиях (см. наст. изд., т. II, стр. 506).

[4] В письме А. А. Краевскому от 31 марта 1849 г. фигурирует цифра долга в 800 руб., но там же Достоевский пишет о частичном погашении этого долга в счет работы (см. письмо 83). О взаимоотношениях Достоевского и Краевского в 1840-е гг. см.: наст. изд., т. I, стр. 483, 507; т. II, стр. 475—476; т. XVIII, стр. 347—348.

[5] Расписка приложена в конце письма.

[6] А. Н. Плещеев обещал Достоевскому тысячу рублей, рассчитывая на получение наследства после смерти одного из своих родственников (см. письмо 131 и примеч. к нему 14).

[7] См. письмо 135.

138. Д. С. КОНСТАНТУ (стр. 307)

Публикуется по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 25—26.
Впервые опубликовано: «Северный вестник», 1891, № 10, стр. 11—12.
Дата на письме проставлена М. Д. Достоевской. На письме приписка рукой М. Д. Достоевской: «Пользуюсь и я случаем, милый, добрый папенька, написать Вам несколько строк и поздравить Вас с наступающим праздником. Желаю Вам от души здоровья и всего лучшего. Ф‹едор› М‹ихайлович› занял на листе так много места и так подробно описал все наши предположения, что мне остается только поцеловать и пожелать Вам душевного спокойствия. Прощайте, да хранит Вас господь. Остаюсь любящая и уважающая Вас дочь М. Достоевская».

[1] Об уходе Достоевского в отставку и его намерении переехать в Москву см. письмо 134, примеч. 10.

[2] Письма П. А. Исаева из Омска неизвестны.

139. М. Н. КАТКОВУ (стр. 308)

Публикуется по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, 120.3.10.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 265—266.

[1] Письмо Каткова неизвестно. Содержание его Достоевский изложил в письме к брату от 31 мая 1858 г. (№ 141). Из него следует, что деньги от Каткова, за обещанную повесть для «Русского вестника», были получены в конце апреля.

[2] Официальное свидетельство о времени возникновения у Достоевского падучей болезни см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 5, примеч. 1. См. также примеч. 27 к письму 89.

[3] См.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 5, примеч. 2.

[4] Высочайшим указом правительствующему Сенату от 17 апреля

1857 г. Достоевскому были возвращены права потомственного дворянина (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 86, а также примеч. 3 к письму 127).

[5] Речь идет о неосуществленном замысле большого романа, о котором как о главном своем произведении Достоевский неоднократно упоминает в письмах 1856—1858 гг. См. письмо 104, а также письмо 126, примеч. 3.

[6] Речь идет о повести «Село Степанчиково».

[7] Первоначально Достоевский собирался завершить и опубликовать в три года «все три книги» задуманного им романа (см. письмо к М. Н. Каткову от 11 января 1858 г. № 134).

[8] Расписка в получении от Каткова 500 руб. не сохранилась.

140. И. В. ЖДАН-ПУШКИНУ (стр. 309)

Публикуется по подлиннику: *ИРЛИ*, **Р. I, оп. 6, № 80.**
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. IV, стр. 267—268.

[1] Предыдущее письмо Достоевского и ответ И. В. Ждан-Пушкина неизвестны. По-видимому, Достоевский выяснял возможность увольнения П. Исаева из Сибирского кадетского корпуса. В связи с этим и возникли в переписке вопросы о преимуществе домашнего воспитания детей перед «общественным».

[2] Достоевский имеет в виду реформы Петра I в деле образования, предписывающие получение лицами дворянского сословия обязательного минимума знаний в основных науках. Свою точку зрения на реформы писатель изложил в статье «Книжность и грамотность» (наст. изд., т. XIX, стр. 18—19; об отношении Достоевского в 1840-е—начале 1860-х гг. к деятельности Петра см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 297—298; У. А. Гуральник. Достоевский, славянофилы и «почвенничество». — *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 436—439).

[3] В годы царствования Николая I, когда шло увеличение числа кадетских корпусов, было утверждено «Общее положение» и «Устав» военных учебных заведений. После 1855 г. началась усиленная подготовка реформы образования; новый устав, утвержденный в 1864 г., отводил бо́льшее внимание гимназическому обучению.

[4] Достоевский вспоминает о годах своего пребывания в Инженерном училище, дух которого верно передан в воспоминаниях дежурного офицера училища А. И. Савельева (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 96—104). Суждение писателя о казенном воспитании, высказанное в письме, предваряет рассказ героя «Записок из подполья» о пребывании в школе: «Чин почитали за ум; в шестнадцать лет уже толковали о теплых местечках» (наст. изд., т. V, стр. 139). См. также письма Достоевского 1840-х гг. из Инженерного училища.

[5] Имеется в виду почтальон Ляпухин (см. о нем письма 123, 127).

[6] См. письмо к А. М. Павловскому от мая 1858 г. (Офиц. письма и делов. бумаги, № 6).

141. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 310)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 112—115.

[1] Судя по письму к брату от 19 июля (№ 142), Достоевский отвечал на письмо от 5 мая, которое неизвестно.

[2] В результате чего М. М. Достоевский потерял три тысячи руб., неизвестно.

[3] См. письма к М. Н. Каткову от 11 января и 8 мая 1858 г. (№ 134, 139).

[4] Имеется в виду «Село Степанчиково и его обитатели».

[5] В «Русское слово» Достоевский писал повесть «Дядюшкин сон».

[6] Речь идет о «большом» романе, общие контуры которого Достоев-

ский обрисовал еще в письме к Якушкину от 1 июня 1857 г. (см. письмо 126). О дальнейшей судьбе этого замысла см. письмо 153, примеч. 12.

[7] Сведения о пушкинской манере работы над стихом Достоевский мог получить из присланной ему Е. А. Якушкиным (см. письмо 95) книги П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (А. С. Пушкин. Сочинения. СПб., 1855, т. 1). Анненков писал об автографах Пушкина: «С первого раза останавливают тут внимание сильные помарки в стихах, даже таких, которые в окончательном своем виде походят на живую импровизацию поэта!» (стр. 47). К то́му приложены семь снимков из тетради с черновыми набросками «Полтавы» с многочисленной правкой Пушкина (см. Приложение III).

[8] Над «Мертвыми душами» Гоголь начал работать в 1835 г. Первый том был опубликован в 1842 г.

[9] Об отношении Достоевского к Шекспиру см.: Л. П. Гроссман. Гении Европы. — *Библиотека*, стр. 89—94; Ю. Д. Левин. Достоевский и Шекспир. — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 108—134.

[10] Антикрепостнический роман А. Ф. Писемского «Тысяча душ» был напечатан в «Отечественных записках» (1858, № 1—6). Плещеев писал о нем Достоевскому: «Читаете ли Вы „1000 душ" Писемского в „Отеч‹ественных› зап‹исках›"? По-моему, это такая вещь, перед которой вся нынешняя пишущая братия бледнеет. Сколько правды, и знания русской действительности! Здесь характеры есть» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 441). Роман имел широкий отклик в печати (*РБ*, 1859, № 2, отд. III, стр. 1—46; *ОЗ*, 1859, т. CXXII, № 1, отд. II, стр. 1—21; *РСл*, 1859, № 1, отд. II, стр. 49—66; Московское обозрение, 1859, № 2, отд. II, стр. 42—107, 262—268). Об отношении Достоевского к Писемскому см. также письмо 104.

[11] Петербургский фабрикант и серебряных дел мастер И. П. Сазиков (см. о нем: *РВед*, 1868, 6 февраля, № 30) выполнял ювелирные работы по рисункам различных авторов. Так, в 1846—1848 гг. им были выполнены серебряные вещи по случаю свадьбы одного из великих князей. Вещи «оказались лучше тех, какие были выставлены в английском магазине, и удостоились высочайшего одобрения». Это получило широкий отклик в газетах (см.: *РС*, 1887, № 6, стр. 732—733). Достоевский сравнивает работу Сазикова, дело которого «состояло только в точном выполнении готовых рисунков» (там же, стр. 733), с работами знаменитого скульптора, медальера, золотых дел мастера XVI в. Челлини, чтобы противопоставить работу мастера, новатора работе копировщика, подражателя (таков же смысл противопоставления Гоголя Писемскому).

[12] См. письмо к Александру II с просьбой об отставке и переезде в Москву (Офиц. письма и делов. бумаги, № 5), а также письмо 134, примеч. 10.

[13] См. письма 131, примеч. 14, и 137.

[14] В начале 1858 г. Плещеев получил разрешение на «временное жительство» в столицах (см.: *ИВ*, 1897, № 5, стр. 402—422). Об этом он сообщил Достоевскому в письме от 10 апреля (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 439).

[15] Имеется в виду книга А. П. Милюкова «Очерк истории русской поэзии» (Второе дополненное издание. СПб., 1858). В рукописном отделе *ГБЛ* хранится вырванный из этой книги шмуцтитул с дарственной надписью автора Достоевскому (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 29). С кем была передана книга Милюкова Достоевскому, неизвестно.

142. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 313)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.13.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 115—117.

[1] См. письмо к Достоевскому от 31 мая 1858 г. (141). Письмо М. М. Достоевского от 5 мая 1858 г. неизвестно.

[2] О хлопотах Достоевского, связанных с отставкой, см. письмо 134, примеч. 10.

[3] 30 мая 1858 г. Плещеев, обещая Достоевскому, «если будет хотя малейшая возможность», выслать в долг деньги (см. письмо 131, примеч. 14), добавлял: «Я бы был вполне счастлив, если б мог способствовать Вашему выезду...» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 441).

[4] См. предыдущее письмо, примеч. 14.

[5] Имеются в виду повести «Село Степанчиково» и «Дядюшкин сон». Сохранилось письмо к Достоевскому редактора «Русского слова» Г. А. Кушелева-Безбородко от 5 июля 1858 г., последний напоминал писателю о его обещании сотрудничать в журнале (см. примеч. 10 к письму 143).

[6] Об этом неосуществленном замысле см. письмо 141, примеч. 6.

[7] Критика 1840-х гг. упрекала Достоевского в растянутости (см. наст. изд., т. I, стр. 490 и письмо 58, примеч. 3), отсюда настойчивое стремление впоследствии к более сжатой и энергичной манере письма. И в 70-е гг. в набросках к роману «Подросток» он многократно отмечает: «Короче писать. (Подражать Пушкину)»; «Как можно короче»; «Совершенным быстрым рассказом по-пушкински» (см. наст. изд., т. XVI, стр. 172, 237, 260).

[8] В окончательном тексте повести «Село Степанчиково» 18 глав.

[9] Начальные главы «Села Степанчикова» были отосланы Каткову только в апреле 1859 г. (см. письмо 147).

[10] М. М. Достоевский 19 июня 1858 г. подал в Петербургский цензурный комитет прошение о разрешении издавать «политический и литературный журнал» «Время» (см.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 562—566; *Нечаева, «Время»*, стр. 30—33).

143. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 315)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 592—594.

[1] О высылке 500 руб. А. Н. Плещеев писал Достоевскому 4 августа 1858 г. (*ЛА*, т. 6, стр. 256).

[2] Письмо М. М. Достоевского с сообщением о предложении редакции журнала «Современник» не сохранилось. О характере его можно судить по строкам из письма Плещеева к Достоевскому от 4 августа: «Я был у Некрасова <...> Они (Некрасов и Панаев, — *Ред.*) с большим участием расспрашивали меня о Вас и говорили, что, если Вы желаете, они тотчас же пошлют Вам денег; и не станут Вас тревожить, пока Вы не будете иметь возможность написать для них что-либо» (*ЛА*, т. 6, стр. 256—257).

[3] О взаимоотношениях Достоевского с кругом некрасовского «Современника» в 1840-е гг. см. примеч. 3 к письму 68.

[4] Достоевский, очевидно, откликается на сообщенную ему программу еженедельного журнала, представленную М. М. Достоевским в июне 1858 г. в цензурный комитет (см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 32; наст. изд., т. XVIII, стр. 203—204).

[5] М. М. Достоевский предполагал издавать «политический и литературный журнал» (программу его см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 203—204).

[6] Два года спустя в «литературной» части «Объявления о подписке на журнал „Время“ на 1861 год» Достоевский, говоря о характере, «будущей деятельности» журнала, заявил об особом внимании к разделу критики, о внимании ко всем сколько-нибудь важным литературным явлениям, о своем отрицательном отношении к литературным авторитетам и «спекулятивному духу» некоторой части русской журналистики. Он писал: «Мы давно уже заметили, что в нашей журналистике, в последние годы, развилась какая-то особенная добровольная зависимость, подначальность литературным авторитетам <...> Мы решились основать журнал, вполне независимый от литературных авторитетов, — несмотря на наше уваже-

ние к ним — с полным и самым смелым обличением всех литературных странностей нашего времени» (наст. изд. т. XVIII, стр. 38—39).

[7] Статьи Достоевского этого периода неизвестны, некоторые наброски из них вошли, вероятно, в «Ряд статей о русской литературе» (см. наст. изд., т. XVIII и XIX).

[8] Это письмо к А. Н. Плещееву неизвестно.

[9] Письмо к Г. А. Кушелеву-Безбородко неизвестно.

[10] Имеется в виду письмо Г. А. Кушелева-Безбородко от 5 июля 1858 г. в связи с обещанной Достоевским в 1857 г. повестью для «Русского слова»: «Пишу к Вам не с тем, чтобы напоминать о Вашем обещании и торопить Вас, а единственно из желания сказать, что участие Ваше в предпринимаемом мною периодическом издании весьма приятно мне. Надеюсь, что при содействии наших достойнейших писателей, к числу которых принадлежите Вы, я успею сделать что-нибудь на пользу развития родной и всеми нами любимой словесности» (*ГБЛ*, ф. 93, II.5.160).

[11] Достоевский пишет о повести «Дядюшкин сон».

144. Е. И. ЯКУШКИНУ (стр. 317)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 56, № 393.
Впервые опубликовано: *РС*, 1883, № 9, стр. 647—648.

[1] Прошение Достоевского об отставке на имя Александра II (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 5), реверс о разрешении проживать после отставки в Москве (там же, № 4), свидетельство о состоянии здоровья и рапорт командира Сибирского корпуса Г. Х. Гасфорта были получены военным министерством 2 апреля 1858 г. 9 апреля III отделение на запрос военного министерства, «не встречается ли со стороны III отделения канцелярии препятствия к испрашиваемому увольнению ‹...› с дозволением иметь по отставке жительство в Москве», ответило, что «канцелярия препятствий не встречает, с тем, чтобы он (Достоевский, — *Ред.*) с увольнением в отставку, подвергнут был в местах его жительства секретному надзору, что же касается намерения сего офицера проживать по отставке в Москве, то ‹...›, по общепринятому порядку всем политическим преступникам, получающим всемилостивейшее прощение, предоставляется право жительства во всех местах империи, кроме столиц» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 726—731). Судя по документам, дело об отставке затем «остановилось в производстве». Решался вопрос относительно «порядка увольнения»; 20 июня был сделан запрос в аудиториатский департамент военного министерства, о возможности отставки «без испрошения на сие высочайшего разрешения всеподданнейшим докладом». Разрешение по этому вопросу получено было 1 декабря 1858 г. (там же, стр. 732). 15 декабря командиру Сибирского отдельного корпуса было сообщено об отставке Достоевского и о запрещении жительства в столицах. Для отмены этого запрещения, сообщалось в рапорте, «надлежит испрашивать высочайшее разрешение». За неимением его делался запрос, «где именно прапорщик Достоевский пожелает иметь жительство в отставке, кроме губерний С.-Петербургской и Московской» (там же, стр. 733).

[2] Цитата из трагедии Шекспира «Гамлет».

[3] См. письмо 139, примеч. 1.

[4] О переговорах М. М. Достоевского с Кушелевым-Безбородко см. также в письме к М. Н. Каткову от 11 января 1858 г. (№ 134).

[5] Повесть «Дядюшкин сон» была получена редакцией «Русского слова» не позднее января 1859 г.: в письме от 10 февраля А. Н. Плещеев сообщал Достоевскому свой отзыв о повести («романе»), с которой смог познакомиться в рукописи или корректуре еще до выхода ее в мартовском номере журнала (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 442, 480).

[6] Письмо М. Н. Каткова неизвестно. Достоевский подробно пересказывает его в письме к брату (см. письмо 141).

[7] Якушкин хлопотал за Достоевского перед Катковым (см. письмо 136).

145. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 319)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 594—596.

[1] Письмо к М. М. Достоевскому, в котором сообщалось о предполагаемом ближайшем сроке окончания повести «Дядюшкин сон», неизвестно.

[2] Раздражение Достоевского вызвано сильно затянувшейся работой над повестью «Дядюшкин сон», что было связано со сложным процессом перестройки художественных, эстетических принципов писателя, возвращавшегося в литературу (см.: *Туниманов*, стр. 12—13).

[3] Достоевский просил брата похлопотать у Г. А. Кушелева-Безбородко о 1000 руб. в счет гонорара за будущий роман, так как деньги за «Дядюшкин сон» были получены еще в конце 1857 г. (см. об этом в письме 135).

[4] Об отставке Достоевского см. письмо 144, примеч. 1.

[5] Достоевский просил брата о присылке белья и платья в письме от 3 ноября 1857 г. (№ 131).

146. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 321)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.35.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 596—597.

[1] Письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[2] Достоевский собирался отвечать на письмо А. Н. Плещеева от 10 февраля 1859 г. (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 442—443). Письмо Достоевского неизвестно.

[3] М. М. Достоевский ходатайствовал перед издателем «Русского слова» о посылке денег брату в счет гонорара за какое-нибудь будущее произведение (см. письмо 145, примеч. 3). Плещеев писал Достоевскому 10 февраля 1859 г.: «Кушелев, как сказал мне М<ихаил> М<ихайлович>, тот час же обещал выслать Вам 1000 сереб<ром> — без слова. Это делает ему честь» (стр. 443).

[4] «Дядюшкин сон» был опубликован в мартовской книге «Русского слова» за 1859 г. (отд. I, стр. 27—172; см. наст. изд., т. II, стр. 296—397, примеч., стр. 509—519).

[5] Достоевский называет «статьей» повесть «Дядюшкин сон».

[6] О цензурных затруднениях при публикации повести «Дядюшкин сон» сведений не имеется.

[7] Плещеев, который читал «Дядюшкин сон» еще до выхода его в свет, в письме от 10 февраля 1859 г. дал в основном критическую оценку повести, отметив, что она «отзывается спешностью», «местами шаржирована», находил что-то «сочиненное не натуральное» в Зиночке и иногда чересчур карикатурное в центральном герое, но в то же время считал превосходными лица Марии Александровны, Мозглякова и изображение провинциальных дам (см. стр. 442).

[8] Достоевский писал для «Русского вестника» «Село Степанчиково».

[9] Это письмо Достоевского к Каткову неизвестно.

[10] Плещеев сообщал Достоевскому в приведенном выше (примеч. 7) письме: «Собираюсь на днях ехать в Москву, где и пробуду до открытия правильного пароходства; так как я получил на это разрешение» (см. стр. 442). Письмо Достоевского Плещееву неизвестно.

147. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 322)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 117—118.

[1] Речь идет о «Селе Степанчикове и его обитателях».
[2] См. письмо 145, примеч. 3.
[3] Это письмо Г. А. Кушелева-Безбородко к Достоевскому неизвестно.
[4] Письмо М. М. Достоевского от 6 марта 1859 г. неизвестно.
[5] Цензурное разрешение третья книга «Русского слова», в которой был опубликован «Дядюшкин сон», получила 13 марта 1859 г.
[6] Достоевскому было объявлено в декабре 1858 г. о запрещении въезда «в губернии С.-Петербургскую и Московскую, <...> равно и постоянного жительства в обеих столицах». Вследствие этого он «пожелал иметь таковое <...> в губернском городе Твери» (см.: *ЛН*, т. 22—24, стр. 734, 736).
[7] Письмо Достоевского М. Н. Каткову, отосланное 11 апреля, и предшествующее письмо к нему, в котором, вероятно, высказывалось пожелание о гонораре 100 руб. с листа, неизвестны.
[8] Достоевский имеет в виду героев «Села Степанчикова» Фому Опискина и полковника Ростанева.
[9] Повесть «Село Степанчиково и его обитатели» не была опубликована в «Русском вестнике». Сношения с Катковым прервались после того, как он не ответил Достоевскому на просьбу о повышении гонорара. «Село Степанчиково» было возвращено М. М. Достоевскому, который по поручению брата вел переговоры с разными редакциями, в том числе со «Светочем» (см. № 159) и «Современником» (см. об этом письма 152, 153, 154, 156, 157). Опубликована повесть была в последних книжках «Отечественных записок» за 1859 г. (см. наст. изд., т. III, стр. 505).
[10] Весной 1859 г. Достоевский многократно просил брата передавать ему мнения литературных кругов о повести «Дядюшкин сон» (см. также письма 146, 148). Ответные письма М. М. Достоевского этого периода неизвестны. По всей вероятности, с подобной же просьбой Достоевский обращался к Плещееву, прочитавшему повесть еще в корректуре и написавшему о своем впечатлении (см. письмо 146, примеч. 7). Кроме того, Плещеев в письме от 10 апреля 1859 г. сообщал: «О Вашей повести я писал Вам свой отзыв самый искренний. Посторонних отзывов не слышал. Нынче, впрочем, Некрасов мне говорил, что он слышал, что повесть очень хороша» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 443). Печатные отклики на повесть были малочисленны (см. наст. изд., т. II, стр. 514—515; а также: И. Д. Якубович. Неизвестный отзыв о повести «Дядюшкин сон». — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 190—191).
[11] См. примеч. 10 к письму 146.
[12] Решение Инспекторского департамента военного министерства см.: *ЛН*, т. 22—24, стр. 732.
[13] 8 сентября 1859 г. отмечалось совершеннолетие сына Александра II, великого князя Николая.
[14] В связи с совершеннолетием Александра II в 1834 г. получили облегчение своей участи некоторые декабристы.
[15] Речь идет о П. А. Исаеве.

148. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 324)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 118—122.

[1] Письмо М. М. Достоевского от 8 апреля 1859 г. неизвестно.
[2] М. М. Достоевский писал 19 августа 1859 г.: «Весной я был так близок к смерти» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 510).

[3] Выехать из Семипалатинска Достоевским удалось только 2 июля 1859 г. (см. письмо 150).

[4] Это письмо Достоевского неизвестно.

[5] Достоевский пробыл в Омске в июле 1859 г. три или четыре дня (см. письмо 164, а также: В. Вайнерман. Омское окружение Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VI).

[6] См. письмо 147.

[7] Письмо Г. А. Кушелева-Безбородко неизвестно.

[8] Об откликах на повесть «Дядюшкин сон» см. примеч. 10 к письму 147.

[9] Письмо Достоевского к Г. А. Кушелеву-Безбородко неизвестно.

[10] О замысле «большого» романа, упоминаемого во многих письмах Достоевского семипалатинского периода, см. письма 141, примеч. 6, и 153.

[11] Роман Гончарова «Обломов» напечатан в «Отечественных записках» в 1859 г. (№№ 1—4). Отношение Достоевского к этому роману менялось, и оценки нередко были, на первый взгляд, как бы взаимоисключающими. Анализ их см.: И. А. Битюгова. Роман И. А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 191—198, а также наст. изд., т. XXVII, стр. 146, 415.

[12] По-видимому, Катков предлагал Тургеневу напечатать «Дворянское гнездо» в «Русском вестнике», но роман появился в «Современнике» (1859, № 1). Гонорар за него был повышен до 200 руб. с листа (см.: *Тургенев, Письма*, т. III, стр. 243, 576; *Некрасов*, т. X, стр. 392). Художественные достоинства «Дворянского гнезда» Достоевский оценивал неизменно чрезвычайно высоко. В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. он отнес роман Тургенева к числу произведений русской литературы, авторы которых преклонились «перед правдой народной» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 44). Эта мысль получила подробную конкретизацию (в духе почвеннических идей автора) в черновом автографе упомянутой главы. По мнению Достоевского, Тургенев первым из русских писателей воплотил «пророческий сон всех поэтов наших и всех страдающих мыслию русских людей», «сон-слияние оторвавшегося общества русского с душою и силой народной». «Дворянское гнездо» «из всех поэм всей русской литературы» он считал «самым высшим оправданием правды и красоты народной». Именно поэтому, писал Достоевский, роман Тургенева «есть произведение вечное и принадлежит всемирной литературе» (там же, с. 189—190). Подробнее о восприятии Достоевским «Дворянского гнезда» см.: Н. Ф. Буданова. «Спор» Достоевского с тургеневским Потугиным о прекрасном. — *Материалы и исследования*, т. VI; А. И. Батюто. Достоевский и Тургенев в 1860—1870-е годы. — *РЛ*, 1979, № 1, стр. 41—64.

[13] Достоевский в письме от 14 марта 1859 г. (№ 146) просил брата переговорить с Г. А. Кушелевым-Безбородко об отдельном издании романа «Бедные люди».

[14] В дальнейшем у Достоевского появится замысел большого романа со «страстным элементом» (см. письмо 159 и примеч. к нему 10).

[15] Достоевский имеет в виду противопоставленные в повести «Село Степанчиково» характеры Ростанева и Фомы Опискина (см.: наст. изд., т. III; *Туниманов*, стр. 26—66).

[16] Надежды, которые Достоевский возлагал на успех повести «Село Степанчиково и его обитатели», не оправдались. Прежде всего встретились непредвиденные трудности при ее напечатании. «Русский вестник» и «Современник» отказались от публикации повести (см. письмо 147, примеч. 9), в критике же на нее на первых порах не было никаких откликов. Оценена по достоинству она была лишь позднее (см. наст. изд., т. III, стр. 505—507).

[17] Роман «Неточка Незванова» при первой публикации был разделен на три части. Говоря о первых шести главах, Достоевский, возможно, имел в виду первые две части романа: «Детство» и «Новая жизнь», опубликованные в «Отечественных записках» в январе и феврале 1849 г., что составляет 5 глав. Третья часть романа «Тайна» была напечатана уже

после ареста писателя в майской книжке журнала. Работу над ней Достоевский, вероятно, не считал вполне законченной. В 1859 г., в последующих планах издания своего собрания сочинений, писатель вновь предполагал включить 2 части романа «Неточка Незванова» (см. письмо 159). Отзывы на первую публикацию романа см.: наст. изд., т. II, стр. 501—502.

[18] Издание это было осуществлено в 1860 г. Благодаря содействию Плещеева, Н. А. Основский предложил напечатать сочинения Достоевского в долг в своей типографии (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 449). В издании Основского план, разработанный Достоевским в этом письме, почти полностью сохранен. В первый том кроме названных вошли также рассказы «Чужая жена и муж под кроватью» и «Честный вор». Роман «Неточка Незванова» был значительно переработан (см. наст. изд., т. II, стр. 496). О проектах издания см. письмо 159, а также наст. изд., т. XXVII, стр. 93.

[19] Известно письмо Плещеева от 10 апреля 1859 г. (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 443—445).

149. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 327)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.34. (начало письма, стр. 1—4 пагинации Достоевского, неизвестно).

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 598—599.

М. М. Достоевский ответил 28 июля 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 509).

Письмо датируется по содержанию концом июня 1859 г. Достоевский в этом письме сообщает брату, что будет писать ему следующий раз во вторник накануне выезда из Семипалатинска, который назначен на среду, ошибочно помечая ее 31 июня вместо 30 июня (среда в 1859 г. приходилась на 30 июня), следовательно, данное письмо отослано за несколько дней до «вторника», т. е. до 29 июня.

[1] Как видно из следующего письма к брату (№ 150), Достоевский выехал из Семипалатинска 2 июля 1859 г.

[2] Речь идет о гонораре в 1000 руб., присланном Достоевскому редактором «Русского слова» Г. А. Кушелевым-Безбородко в конце марта 1859 г. (см. письмо 147).

[3] Еще в апреле 1859 г., отправляя Каткову «три четверти» повести «Село Степанчиково», Достоевский обратился к нему с просьбой прислать 200 руб. серебром на дорогу, с тем, что будет ждать их до 15 июня, тогда же, и в другом не дошедшем до нас письме, он просил о 100 рублях с листа за свою повесть (см. сообщение об этом в письме к М. М. Достоевскому от 11 апреля 1859 г. (№ 147)). Ответа от Каткова Достоевский не получил (см. также письмо 151).

[4] М. М. Достоевский выслал в Казань требуемые деньги 28 июля (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 509).

[5] К этому письму Достоевским было приложено окончание повести «Село Степанчиково», а письмо для передачи в «Русский вестник» переслано М. М. Достоевскому 1 июля (см. письмо 150, примеч. 1).

[6] В газете «Le Nord», издававшейся в Брюсселе, в разделе новостей из России помещена информация о выходе нового произведения Достоевского «Дядюшкин сон», с изложением содержания повести. Этот первый и единственный отклик на публикацию повести «Дядюшкин сон», конечно, был интересен Достоевскому (см.: И. Д. Якубович. Неизвестный отзыв о повести «Дядюшкин сон». — *Материалы и исследования*, т. V, стр. 182). Номер газеты (Le Nord, 1859, 29 avril, № 119) был прислан писателю А. П. Милюковым (см. письмо 151).

[7] Цитата из «Энеиды» Вергилия (песнь III). Выражение употреблялось в смысле: «в заключение», «в конце концов».

150. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 329)

Публикуется по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14.
Впервые опубликовано: «Русский современник», 1924, № 1, стр. 177—178.

[1] Достоевский в предыдущем письме (№ 149) обещал написать М. М. Достоевскому накануне отъезда из Семипалатинска в Тверь и прислать ему также в дополнение к отправленному ранее окончанию повести «Село Степанчиково» сопроводительное письмо в редакцию «Русского вестника». Письмо, которое Достоевский называет «письмами», видимо потому, что оно обращено одновременно к нескольким лицам (ниже он пишет об одном письме), неизвестно.

[2] Достоевский ожидал от М. Н. Каткова ответа на просьбу о высылке ему 200 руб. на дорогу до 15 июня (см. письмо 149, примеч. 3). Сохранилось письмо сотрудника «Русского вестника» от ‹13—15› июня (см. письма 150 и 152), объясняющего причину задержки высылки денег:

«Милостивый государь
Федор Михайлович.

По поручению редакции „Русского вестника“ имею честь уведомить Вас, что 3/4 Вашего романа „Село Степанчиково“ в редакции получены в минуту отъезда Михаила Никифоровича за границу, куда он отправился для поправления расстроенного здоровья. Из-за границы уже он прислал распоряжение о высылке Вам требуемых денег 200 руб. Но редакция не решается исполнить его приказание до получения от Вас верного адреса настоящего Вашего пребывания, так как в Семипалатинске Вы пробудете только до 15-го июня.

С этою целью я имею честь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою о сообщении адресса, по которому можно было бы выслать Вам деньги, а также, если можно, и о доставлении конца Вашего романа.

С истинным уважением и совершенною преданностию имею честь быть Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга

Д. Боруцкий» (*ГБЛ*, ф. 93, II.8.20).

[3] В дальнейшем, в статьях 1861 г., Достоевский не раз говорил об «олимпийском высокомерии» редактора «Русского вестника» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 105, 117—118).

[4] Плещеев сообщал Достоевскому 10 апреля 1859 г.: «Некрасов ‹...› опять предложил написать Вам — не пришлете ли им чего; обещаясь заплатить 125 руб. за лист» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 443—444).

[5] За что именно остался должен Достоевский Некрасову в 1849 г., точно неизвестно (см. письмо № 75 и примеч. 1 к нему).

[6] Цензором «Села Степанчикова» был И. А. Гончаров. О прохождении повести в цензуре см. письмо 169, примеч. 6.

151. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 330)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.36.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 599—602.
Ответ на письма М. М. Достоевского от 19 и 20 августа (*Д, Материалы и исследования*, стр. 509—511).

[1] Достоевский приехал в Тверь числа 18—19 августа и отправил телеграмму («депешу») М. М. Достоевскому, на которую тот ответил письмом от 19 августа (стр. 509—511). Первое письмо Достоевского из Твери неизвестно.

[2] Имеется в виду письмо от 20 августа (стр. 511).

[3] М. М. Достоевский советовал в письме от 20 августа: «Нанимай квартиру с мебелью и, пожалуйста, ничем не обзаводись. Чашки и той не покупай». Эти советы связаны с уверенностью, что Достоевский вскоре полу-

чит разрешение на жительство в Москве или Петербурге, о чем он собирался сразу же подать просьбу на высочайшее имя. В письме от 19 августа М. М. Достоевский предостерегал, однако: «...не подавай никаких просьб до нашего свидания» (стр. 510).

[4] М. М. Достоевский из-за болезни откладывал поездку в Тверь для встречи с братом. Он писал 19 августа 1859 г.: «Теперь, когда биение сердца от получения твоей депеши уже угомонилось, мне приходит в голову и то, что минута, которую я столько ждал и берег, как лучшую минуту своей будущности, будет отравлена, если я поеду теперь. Я приеду полубольной, а может быть, от дороги и совсем больной. К тому же, если я поеду теперь, то, ради той же причины, пробуду у тебя не более двух дней, ибо надо лечиться. Через неделю же я бы отправился к тебе недели на три; съездил бы в это время и в Москву по твоему делу» (стр. 510). Как видно из последующих писем, М. М. Достоевский выехал в Тверь 27 августа 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 512).

[5] Письмо А. П. Милюкова к Достоевскому неизвестно. О статье в газете «Le Nord» см. письмо 149, примеч. 6.

[6] Письмо к Достоевскому редакции «Русского вестника» от июня 1859 г. см. примеч. 2 к письму 150.

[7] Письмо А. Н. Плещеева неизвестно.

[8] Здесь и выше речь идет об отправленном через М. М. Достоевского и не дошедшем до нас письме Достоевского в редакцию «Русского вестника» от 1 июля (см. о нем письмо 150).

[9] Афронт (франц. affront) — оскорбление.

[10] См. примеч. 4.

[11] Н. М. Достоевский тоже собирался повидать брата в Твери, но, как писал М. М. Достоевский, он должен был отказаться от этого, «чтобы не потерять работу» на постройке дома А. А. Краевского, где он состоял в качестве помощника архитектора (стр. 511).

[12] В «Современнике» Достоевскому предлагали по 125 руб. за лист (см. письмо 150 и примеч. 4 к нему), а в «Русском вестнике» он должен был получить менее 100 руб. за лист, так как 100 руб. было одним из условий, о которых он писал Каткову (см. об этом в письме 148).

152. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 333)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.36.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 250—251.

Ответ на письмо М. М. Достоевского от 23 августа 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 512—513).

[1] См. письмо 151.

[2] 23 августа М. М. Достоевский уведомил брата о получении им из «Русского вестника» двух писем. В письме на его имя редакция сообщала, что условия Достоевского для нее неприемлемы и что повесть «Село Степанчиково» направляется в Петербургскую контору журнала, где ее можно получить, внеся 500 руб. серебром, выплаченные в счет аванса (стр. 512). Второе письмо, адресованное самому Достоевскому, Михаил Михайлович переслал ему. Это письмо неизвестно.

[3] М. М. Достоевский извещал, что попытается в ближайший день, еще до отъезда в Тверь, увидеться с Некрасовым и начать с ним переговоры о публикации «Села Степанчикова» в «Современнике» (стр. 512).

[4] Сестра Достоевского А. М. Голеновская дала М. М. Достоевскому 100 руб. для покупки шубы Федору Михайловичу. Михаил Михайлович писал брату: «Стало быть, на месяц ты обеспечен» (стр. 512). К моменту ареста Ф. М. Достоевского Александре не было еще и 14 лет.

[5] О продаже тарантаса и о шляпке для М. Д. Достоевской см. письмо 151.

[6] М. М. Достоевский сообщал брату в письмах от 19 и 20 августа о своем нездоровье и об отсрочке ввиду этого поездки в Тверь и Москву для выяснения отношений с редакцией «Русского вестника» (*Д, Материалы и исследования*. стр. 510—512).

[7] Михаил Михайлович, сообщая брату время своего приезда в Тверь, просил встретить его (стр. 513).

153. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 335)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. III, стр. 113—114.

Ответ на письмо М. М. Достоевского от 16 сентября 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 513—514).

М. М. Достоевский ответил 21 сентября (там же, стр. 514—516).

[1] Письмо М. М. Достоевского написано по возвращении в Петербург после поездки в Тверь и Москву (см. письмо 165, примеч. 4).

[2] Достоевский просил тверского губернатора П. Т. Баранова переслать его письмо главному начальнику III отделения князю В. А. Долгорукову, чтобы через него ходатайствовать перед царем о разрешении жить в Петербурге. Однако письмо к В. А. Долгорукову он направил позднее, уже подав прошение Александру II (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 8 и примеч. к нему 3).

[3] Достоевский собирался написать Э. И. Тотлебену письмо с просьбой содействовать его возвращению в Петербург (см. об этом также в письме 154). М. М. Достоевский извещал его, что Тотлебен в Риге, но А. Е. Врангель «берется переслать к нему письмо» (стр. 514).

[4] А. Е. Врангель, вернувшись осенью 1859 г. в Петербург из кругосветного плавания, посетил М. М. Достоевского, о чем последний сообщал брату: «Сам он (Врангель, — *Ред.*) бог знает где был в это время. Ходил кругом света, был и в Африке, и в Америке, через Маньчжурию прошел к Амуру ‹...› Он хочет писать тебе. Напиши ему ‹...› Он ждет отца из-за границы, и как дождется — хочет съездить к тебе» (стр. 514).

[5] См. письмо 154.

[6] См. письмо 157.

[7] Об А. Н. Майкове М. М. Достоевский писал 16 сентября: «Вчера был у меня Майков. Он надеялся тебя увидеть». И далее: «Майков тоже хочет ехать (в Тверь, — *Ред.*). Прими его братски. Он, кажется, очень любит тебя» (стр. 514). В ответном письме от 21 сентября М. М. Достоевский сообщал: «В четверг на этой неделе отправляется в Тверь Майков» (стр. 515).

[8] Письма Достоевского к сестрам этого периода неизвестны.

[9] После возвращения рукописи «Села Степанчикова» редакцией «Русского вестника» М. М. Достоевский начал переговоры с Некрасовым о напечатании повести в «Современнике». Как видно из письма Михаила Михайловича от 21 сентября, письмо Достоевского (неизвестное) и повесть он оставил у Некрасова в первое свое посещение 16 сентября (стр. 515).

[10] Коля — Н. М. Достоевский. Здесь Федор Михайлович имеет в виду строчки из письма Михаила Михайловича от 16 сентября: «Спрашивал про тебя у Коли, но он всё врет. Такой стал враль, что и слушать нечего». «Котами» М. М. Достоевский называл своих детей (стр. 513, 514).

[11] Речь идет о письме к князю В. А. Долгорукову (см. примеч. 2).

[12] В письме М. М. Достоевского от 21 сентября 1859 г. говорится о замыслах двух романов Достоевского: «...ты теперь колеблешься между двумя романами, и я боюсь, что много времени погибнет в этом колебании. Зачем ты мне рассказывал сюжет? Майков раз как-то давно-давно сказал мне, что тебе стоит только рассказать сюжет, чтоб не написать его.

Милейший мой, я, может быть, ошибаюсь, но твои два больших романа будут нечто вроде „Lehrjahre“ und „Wanderungen“» ‹«Годы учения»

и «Странствия» (*нем.*)› (стр. 515). «Большой роман», который «жаль» оставлять, — это, скорее, старый замысел (см. письмо 126, 136). Пересказывал же Достоевский брату, судя по более позднему письму к Михаилу Михайловичу, роман «с страстным элементом» (см. письмо 159, примеч. 10). Оба замысла Михаил Михайлович сравнивал с романами Гете «Годы учения» (1795—1796) и «Годы странствия Вильгельма Мейстера» (1829).

154. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 336)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 122—124.

Врангель ответил 29 сентября 1859 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 267—288).

[1] Врангель только что возвратился из кругосветного плавания (в 1859 г. в «Морском сборнике» (№ 1) появился его очерк «С мыса Доброй Надежды»). См. также письмо 153, примеч. 4.

[2] М. М. Достоевский сообщал о Врангеле в письме от 16 сентября 1859 г.: «На днях, а может быть, и через несколько месяцев едет опять на Амур» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 514). Поездка эта не состоялась. В письме от 25 октября 1859 г. Врангель так рассказывал об этом Достоевскому: «...на прошлой неделе чуть было не услали с поручениями в Пекин и Японию — искали по городу, а я был в деревне» (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 269).

[3] О «Казаковом саде» вблизи Семипалатинска см. письмо 97, примеч. 7.

[4] Кто из семипалатинских знакомых Врангеля и Достоевского скрывается под прозвищем «Боб», неизвестно. В частности об этом человеке М. М. Достоевский писал брату 16 сентября 1859 г.: «Врангель просил сообщить тебе, что Икс (Е. И. Гернгросс, — *Ред.*) и Боб теперь в Петербурге и оба (или обе) интригуют против вас» (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 514).

[5] Речь идет о Е. И. Гернгросс (см. письмо 112 и примеч. 1 к нему).

[6] Неточная цитата из стихотворения А. В. Кольцова «Русская песня» («Ах, зачем меня...», 1838). У Кольцова:

Не расти траве
После осени,
Не цвести цветам
Зимой по снегу!

[7] См. письмо к В. А. Долгорукову от 3 ноября 1859 г. (Офиц. письма и делов. бумаги, № 8).

[8] См. также письмо 153, примеч. 2.

[9] О возвратившихся из ссылки петрашевцах см. примеч. 3 к письму 157.

[10] Речь идет об Э. И. Тотлебене, способствовавшем возвращению Достоевского в Петербург (см. письмо 157).

[11] В ответ на это Врангель писал: «Тотлебен здесь, очень болен, но все-таки пришлите письмо ему на мое имя, всё, что возможно, будет сделано, я даже уверен в полном успехе» (стр. 267).

[12] Очевидно, именно об этих книгах Врангель так писал Достоевскому еще в 1856 г.: «...умоляю, спасите мои книги и возьмите их у Степанова ‹...› а мне пока вышлите „Фауну русскую“ и всё, что относится до Сибири и путешествий ‹...› Пришлите мне список книг, я напишу, что желал бы иметь и что передать Вам в потомственное владение» (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 263).

[13] Речь может идти о следующих сочинениях Ю. И. Симашко: Русская фауна, или Описание и изображение животных, водящихся в России (СПб., 1856—1861); Царство животных, класс млекопитающих (СПб., 1857).

[14] Это поручение было дано М. М. Достоевскому перед его отъездом из Твери (см. письмо 153, примеч. 1).

[15] М. М. Достоевский в письме от 21 сентября объяснил, что задержался с ответом, ожидая решения Некрасова: «Я не писал тебе, милый друг мой, оттого, что не о чем было писать» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 514).

155. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 339)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 126—129.

М. М. Достоевский ответил 2 октября 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 516—518).

[1] Это письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[2] Письмо Достоевского от конца сентября к брату неизвестно. Судя по письму Михаила Михайловича от 2 октября, являющемуся ответом как на письмо «с упреками», так и на данное письмо, Достоевский очень беспокоился об ответе Некрасова по поводу возможности напечатания «Села Степанчикова» в «Современнике», упрекал брата, что тот мало заботится о его делах, и он поэтому «не может работать», «едва спит» (стр. 517).

[3] М. М. Достоевский отвечал на эту фразу: «В нынешнем письме ты пишешь — „Уж не чванится ли Некрасов?“ Ну может же такое предположение прийти в голову. Не чванится он, а просто у него денег нет. Вот он и не едет. Сверх того, он знает, что он мне, прихвастнув, сказал, что деньги хоть все вперед я могу получить. Теперь сообрази: если я пристану к нему к горлу, то он, может быть, скрепя сердце и с сожалением отдаст мне твой роман, а еще вдобавок, чтоб спасти самолюбие, обругает его» (стр. 517—518).

[4] И. И. Панаев, один из редакторов «Современника», вел в журнале под псевдонимом «Новый поэт» отдел фельетона «Петербургская жизнь». Плещеев писал о Панаеве Достоевскому в Семипалатинск 10 апреля 1859 г.: «Панаев пуст, и его тоже никто не ставит в грош, но он сам это знает; и уже не прикидывается авторитетом. Он по крайней мере тем хорош, что забавен своими анекдотами» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 444).

[5] Достоевский, еще будучи в Сибири, знал, что Чернышевский и Добролюбов — ведущие сотрудники «Современника» (см. письмо к нему Плещеева от 10 апреля 1859 г. — там же, стр. 444).

[6] О замысле романа см. письмо 153, примеч. 12.

[7] В письме от 9 мая 1859 г. (№ 148) Достоевский уже сообщал брату план издания прежних своих сочинений, но в двух томах; он был осуществлен в издании 1860 г. (см. письмо 148 и примеч. к нему 18).

[8] Рассказ «Честный вор», входивший в цикл «Рассказы бывалого человека (Из записок неизвестного)», действительно, в отдельном издании 1860 г. претерпел значительные изменения: из двух очерков «Отставной» и «Честный вор» был сделан один (см. наст. изд., т. II, стр. 482, и варианты, стр. 422—427). «Ревнивый муж» также был объединен с рассказом «Чужая жена» в один — под заглавием «Чужая жена и муж под кроватью» (см. там же, стр. 479 и варианты, стр. 417).

[9] «Двойник» не вошел в издание 1860 г., а был переделан для издания 1865 г. (см. наст. изд., т. I, стр. 484—486).

[10] Достоевский имеет в виду отдельное издание романа «Бедные люди», вышедшее в 1847 г. (см. наст. изд., т. I, стр. 466).

[11] М. М. Достоевский отвечал брату: «Всё, что ты мне пишешь об издании своих сочинений, прекрасно, и я даже тебе сказал, что на все твои предположения я согласен. Сочинения твои я буду отыскивать и присылать тебе. Но вот что: мне кажется, что ты теперь долго ничего не напишешь. Всё время будет происходить в хлопотах по изданию» (стр. 518).

[12] А. Н. Майков собирался навестить Достоевского в Твери (см. письмо 153, примеч. 7), но не поехал.

[13] Речь идет о письме А. Е. Врангеля от 29 сентября 1859 г. (см.: *Материалы и исследования*, т. III, стр. 267—268).

[14] М. М. Достоевский обрадовался этим светским знакомствам: «Я очень рад, что ты кое с кем познакомился, особенно рад, что познакомился в доме Баранова. Толль им только обязан тем, что живет теперь в Петербурге» (стр. 518).

[15] Описывая губернский город в романе «Бесы», Достоевский отталкивался от впечатлений своей жизни в Твери в конце 1859 г. (см.: Е. Емельянов. Достоевский в Твери. — В кн.: Писатели в Тверской губернии. Калинин, 1941, стр. 76). Ряд действующих лиц романа связан также с тверским обществом. Так, П. Т. Баранов и его жена являются прототипами четы Лембке (см.: М. С. Альтман. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975, стр. 77—79).

[16] Л. Ф. Достоевская писала: «Жена тверского губернатора Баранова, урожденная Васильчикова, была двоюродной сестрой графа Соллогуба, писателя, имевшего литературный салон в Петербурге. Мой отец, часто посещавший в молодости этот салон, был <...> представлен Васильчиковой. Она не могла забыть его, и по прибытии Достоевского в Тверь поспешила возобновить отношения <...> и побуждала мужа взять на себя хлопоты о Достоевском» (*Достоевская, Л. Ф.*, стр. 31).

156. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 341)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 114—115.

Приписка к письму является ответом на письмо М. М. Достоевского от 1 октября 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 516). На отдельном листе с адресом помета Ф. М. Достоевского: «Пол<учено> 2 ок<тября>».

М. М. Достоевский ответил 3 октября 1859 г. (там же, стр. 518—519).

[1] См. письма 153, примеч. 9, и 155, примеч. 2, 3, а также примеч. 5 к данному письму.

[2] «Тебе вдруг понадобились деньги, — с некоторым раздражением отвечал в письме от 3 октября М. М. Достоевский. — Я думаю, что догадываюсь на что. Что делать, мой друг, придется подождать. Мне самому до зарезу нужны деньги, да что же делать?» (стр. 519).

[3] М. М. Достоевского обидела фраза из письма брата. Он возражал ему в письме от 3 октября: «Нынче опять получил от тебя одну бомбу, милейший мой <...> „Немного побольше старания с твоей стороны, и я спасен“, — так или почти так пишешь ты. Позволь мне несколько переиначить твою фразу. Немного более старания... и пр<очее>... и все погибло» (стр. 518—519).

[4] Имеется в виду письмо М. М. Достоевского от 1 октября, в котором сообщалось: «...есть новость, и для тебя приятная. Нынче получил письмо от Плещеева. Он в Москве уже с неделю. Переселился туда совсем на житье и теперь хлопочет об устройстве своем» (стр. 516).

[5] М. М. Достоевский, отвечая 3 октября, снова писал, что необходимо подождать, пока Некрасов сам не возобновит разговор о публикации «Села Степанчикова» в «Современнике», так как у него сейчас «нет денег», а при усиленных требованиях он «или отдаст <...> назад роман, объявив, что он негоден, или станет торговаться», и тогда роман придется забрать (стр. 519).

[6] См. письма 157 и 158.

157. Э. И. ТОТЛЕБЕНУ (стр. 342)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. ф. 93, оп. 3. № 478.
Впервые опубликовано: *РВ*, 1889, № 12, стр. 322—327.
Э. И. Тотлебен ответил 29 октября 1859 г., см. ниже, примеч. 4.

[1] Достоевский впервые обратился к Э. И. Тотлебену с просьбой содействовать облегчению его участи в марте 1856 г. (см. письмо 107).

[2] О хлопотах Достоевского об отставке см.: письмо 134, примеч. 10.

[3] Из петрашевцев к этому времени имели разрешение на жительство в столицах лишь Ф. Г. Толль, Д. Д. Ахшарумов, К. И. Тимковский и А. Н. Плещеев.

[4] Э. И. Тотлебен отвечал Достоевскому: «По получении Вашего письма я, к сожалению. был лишен возможности немедленно исполнить Вашу просьбу. Князь Долгоруков с государем находился в Варшаве.

Вчера я имел случай говорить с князем Долгоруким и с г. Ал. Е. Тимашевым, оба изъявили полное свое согласие на постоянное Ваше проживание в С.-Петербурге и просили, чтобы Вы обратились к ним письменно. Пишите, пожалуйста, непременно как князю так и г. Тимашеву — по получении Ваших писем вскоре Вам последует разрешение.

Радушный поклон от многоуважающего Вас, всегда готового к услугам

Э. Тотлебен.

Гатчина
29 октября
1859 г.

Пишите, что получили от меня предварительное уведомление» (*ГБЛ*, ф. 93, II.9.64).

158. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 344)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 124—126.
Ответ на письмо Врангеля от 29 сентября 1859 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 267—268).
Врангель ответил 25 октября (там же, стр. 268—270).

[1] Речь идет о письме 157.

[2] В ответном письме Врангель сообщал: «...Тотлебен говорил об Вас с Долгоруковым, показывал ему Ваше письмо и получил от него обещание сделать всё...» (стр. 268—269).

[3] О своих дальнейших планах и отношениях с Е. И. Гернгросс А. Е. Врангель сообщал Достоевскому 29 сентября: «Пока я не еду, а, кажется, остаюсь зиму здесь, следовательно, будет времени поболтать и вспомнить прошедшее, грустное и приятное. Мы с Х. сошлись, холодная дружба, по крайней мере с моей стороны, хотя она, кажется, и не прочь начать прошедшее — может быть, и ошибаюсь» (стр. 267).

[4] Достоевский откликается на следующее признание Врангеля: «Сошелся я с одною прекрасною женщиною, ангелом. но муж ее ревнует, мучит ее и меня, и даже нам не позволено душа в душу болтать на балах» (стр. 268).

[5] В этих словах содержится отклик на следующую «исповедь» Врангеля в письме от 29 сентября: «... я остался прежним, то грустным, унылым, молчаливым, то смешливым и веселым, как двухлетний шалун. Во мне столько зависимости от пустяка, от серого неба, от жужжащей мухи, от случайно брошенного слова — так я нервен. Я чувствую себя больным, озлобленным и старым, или же пресыщенным, что еще хуже» (стр. 268; в подлиннике — по-французски).

[6] См. об этом примеч. 4 к письму 122.

[7] А. Е. Врангель ожидал возвращения из Парижа сестер и отца, барона. генерал-лейтенанта Е. П. Врангеля, от которого зависело разрешение вопроса о его материальном обеспечении (стр. 267—268).

[8] О своем сближении с П. П. Семеновым Достоевский писал Ч. Ч. Валиханову 14 декабря 1856 г. (см. письмо 114, примеч. 6).

[9] Речь идет о М. М. Достоевском.

159. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 345)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.36.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 602—608.

Ответ на письма М. М. Достоевского от 6 октября 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 520—521) и от 7 октября (письмо не сохранилось).

М. М. Достоевский ответил 11 октября 1859 г. (см. там же, стр. 522—523).

[1] М. М. Достоевский в письме от 6 октября приводит копию письма Н. А. Некрасова к нему с новыми условиями публикации «Села Степанчикова» в «Современнике». Некрасов был готов заплатить за повесть тысячу рублей и напечатать еще для автора за свой счет от 300 до 500 экземпляров, которые тот «может продавать в свою пользу». Повесть он предлагал разбить на две, а не на три книги, с тем, что опубликованы они будут в 1859 и в 1860 гг. (стр. 520—521).

[2] М. М. Достоевский писал брату: «Причина одна: торгаши» (стр. 520).

[3] Кому именно давал Некрасов читать «Село Степанчиково», не установлено. По свидетельству П. М. Ковалевского, сам Некрасов отнесся к повести Достоевского критически: «Достоевский вышел весь. Ему не написать ничего больше, — произнес Некрасов приговор» (*Григорович*, стр. 422).

[4] Историю разлада Достоевского с редакцией «Русского вестника», в конце концов отказавшейся напечатать «Село Степанчиково» на условиях, предложенных автором, см. в письмах 150—153; ср. наст. изд., т. III, стр. 499—500. О том, что Некрасов «справлялся» в «Русском вестнике» о причинах разрыва договора с Достоевским, сведений не имеется.

[5] Цитата из басни И. А. Крылова «Лисица и виноград» (1808).

[6] М. М. Достоевский успокаивал брата в ответном письме: «О моих деньгах (то есть о своем долге), ради бога, не думай и не принимай их в соображение при решении» (стр. 521).

[7] С Д. Д. Минаевым Достоевского познакомил в 1859 г. А. П. Милюков. Он писал Достоевскому в Тверь 28 сентября 1859 г.: «Позвольте Вам представить подателя этого письма — Дмитрия Дмитриевича Минаева. Уполномоченный издателем нового литературного журнала „Светоч", он весьма желает познакомиться с Вами и просит Вашего участия в новом издании» (*ЛН*, т. 83, стр. 110). Издателем организуемого в это время «учено-литературного» журнала «Светоч» был Д. И. Калиновский. «Светоч» выходил с 1860 по 1862 г. Оба брата Достоевские были близки к журналу, но участвовал в нем только Михаил Михайлович. С 1861 г. ряд участников «Светоча» перешел в журнал братьев Достоевских «Время» (см.: *Фридлендер, У истоков почвенничества*, стр. 401—404).

[8] Это письмо М. М. Достоевского неизвестно.

[9] С. С. Дудышкин, ведавший в «Отечественных записках» Краевского отделом критики, был в то же время фактическим редактором журнала; ему-то, вероятно, по совету А. Н. Майкова, М. М. Достоевский и хотел передать «Село Степанчиково».

[10] М. М. Достоевский советовал брату: «Тебе непременно к новому году нужно написать что-нибудь эффектное. Всего лучше тот роман, который ты мне рассказывал <...> Прежде всего надо о себе напомнить публике чем-нибудь страстным и грациозным» (см. письмо от 6 октября

1859 г., стр. 521). Этот замысел романа «со страстным элементом» Достоевский предполагал соединить с романом «Исповедь» (см. ниже). Что именно было уничтожено Достоевским, неизвестно.

[11] Это первое в дошедших до нас письмах упоминание о «Записках из Мертвого дома». Следовательно, предыдущее письмо Достоевского, посланное между 2-м и 9-м октября, неизвестно.

[12] Замысел «Записок из Мертвого дома» был подготовлен записями воспоминаний о каторге, начатыми в Семипалатинске (см. письмо 104 и примеч. 5 к нему) и сделанными в «Сибирской тетради» заметками, которые Достоевский, по-видимому, читал брату (см. наст. изд., т. IV, стр. 235—248, 275—288).

[13] К этому времени А. Н. Плещеев, живущий уже в Москве, печатался очень активно в «Русском вестнике», «Московском вестнике», «Современнике» и «Библиотеке для чтения» (см.: Л. С. Пустильник. А. Н. Плещеев. М., 1982, стр. 81). В январе 1857 г. он писал Достоевскому: «Присылайте мне, друг мой, всё, что Вы напишете. Будьте уверены, что напечатают с радостью <...> Вы слишком известны, чтобы Вашего романа не напечатали» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 437—438).

[14] Намерение Достоевского столь быстро, в два месяца, написать «Записки из Мертвого дома» не было исполнено. Он приступил к работе над ними уже будучи в Петербурге, в 1860 г., а печатались они с сентября 1860 г. по декабрь 1862 г. (см. наст. изд., т. IV, стр. 276—277).

[15] Достоевский пишет о книге А. П. Милюкова «Очерк истории русской поэзии» (СПб., 1858), которая была ему прислана автором в подарок (см. письмо 141, примеч. 15).

[16] Речь идет об Э. И. Тотлебене.

[17] Издание было осуществлено в 1860 г. — см. письмо 148, примеч. 17, 18.

[18] См. письмо 155, примеч. 9.

[19] Эти письма Достоевского к А. М. Голеновской, В. М. Карениной и В. М. Ивановой, неизвестны.

[20] А. А. Куманин.

[21] Замысел романа с подобным сюжетом в письмах Достоевского ранее не фигурировал. Вероятно, он поделился им с братом при их свидании в Твери. Сюжет, связанный с сибирскими впечатлениями писателя, возможно, был отложен в связи с новым замыслом «Записок из Мертвого дома», однако в тексте «Записок» подобного сюжета нет.

[22] Название задуманного в 1859 г. романа; оно было повторено в объявлениях редакции журнала «Время» (1862, № 12; 1863, № 1). Замысел в полном объеме не был осуществлен (см. наст. изд., т. III, стр. 493; т. V, стр. 374—375).

[23] См. письмо к Александру II 10—18 октября 1859 г. — Офиц. письма и делов. бумаги, № 7.

160. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 352)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 128—131.

Ответ на письмо М. М. Достоевского от 9 октября 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 521—522). М. М. Достоевский ответил 16 октября 1859 г. (там же, стр. 523).

[1] См. письмо 159.

[2] После возвращения рукописи повести «Село Степанчиково и его обитатели» из редакции «Современника» М. М. Достоевский начал переговоры о публикации ее в «Отечественных записках». Он сообщал брату 9 октября 1859 г.: «Кр‹аевский› пожелал видеться со мною. Нынче я у него был. Он очень рад и просит доставить роман. Я объявил ему, что продаю его en bloc ‹целиком› за 1700 р. с‹еребром›. То есть за 1500 р.,

прибавил он густым басом. Я выразил слово *нет*. У Кр‹аевского› он может быть напечатан в этом году» (стр. 522).

[3] В конце сентября—начале октября 1859 г. Достоевского посещает в Твери Д. Д. Минаев для приглашения сотрудничать в журнале «Светоч». А. П. Милюков, рекомендуя писателю Минаева, писал 28 сентября 1859 г.: «Зная Вашу готовность помочь всякому доброму предприятию, я надеюсь, что Вы не откажете в своем содействии, а издатель, владея значительными средствами, конечно предложит Вам вознаграждение, никак не меньшее против других журналов» (*ЛН*, т. 83, стр. 160). М. М. Достоевский спрашивал брата в письме от 9 октября: «Если Калиновский или „Светоч“, что одно и то же, будет давать 2500 р. — продавать ли?» (стр. 522).

[4] См. письмо 159, примеч. 12.

[5] Достоевский в это время размышлял над романом «Исповедь», который бы «соединился» с замыслом романа со «страстным элементом». От раздумий этих, возможно, тянутся нити как к «Униженным и оскорбленным», так и к «Запискам из подполья» (см. письмо 159, примеч. 22); ср.: наст. изд., т. V, стр. 374—375.

[6] Письмо Достоевского к А. Н. Плещееву и ответное неизвестны.

[7] М. М. Достоевский сообщал в письме от 9 октября: «Нынче же был у меня Некрасов, но не застал меня дома. Хотел на днях зайти. Он просто вздумал поторговаться. Я так думаю» (стр. 522).

[8] Речь идет о проекте издания сочинений в двух книгах, предложенном в письме от 9 октября 1859 г. и являющемся вариацией плана, составленного 9 мая 1859 г. (см. письмо 148 и примеч. 18 к нему).

161. П. А. ДАВЫДОВУ (стр. 354)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 81, лл. 30—31.
Впервые опубликовано: *Сб. Достоевский, I*, стр. 384—386.
Давыдов ответил 1 декабря 1859 г.: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29689.

[1] Как следует из содержания ответного письма, речь идет об обещании Достоевского оказать П. А. Давыдову содействие в отыскании места в Петербурге или Москве.

[2] Имеется в виду М. А. Сытников, помощник почтмейстера в Семипалатинске (см. письмо 164, примеч. 21).

[3] Это письмо А. И. Гейбовича неизвестно. Аягуз (ныне Сергиополь) — город Семипалатинской области, куда переехал из Семипалатинска Гейбович.

[4] См. письмо от 23 октября 1859 г. (№ 164).

[5] Елена Ивановна — знакомая М. Д. Достоевской по Семипалатинску.

[6] Настасья Петровна — вероятно, жена Давыдова.

162. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 356)

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 212, I.36.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. II, стр. 609—612.
Ответ на письма М. М. Достоевского от 15 и 16 октября 1859 г. (первое неизвестно; второе см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 523).

[1] Во втором письме (датируемом 16 октября, так как четверг, когда М. М. Достоевский был у Краевского, приходился на 16) М. М. Достоевский писал брату о переговорах по поводу публикации «Села Степанчикова»: «Был нынче у Краевского ‹...› Застал там Дудышкина. Много он о тебе расспрашивал. Узнал, что он читает твой роман, но еще не докончил, и потому ответа от Краевского еще нельзя было получить. Я думаю,

на днях что-нибудь узнаю. Краев‹ский› ко мне очень внимателен, — это признак хороший. Боюсь, что будут торговаться» (стр. 523).

[2] См. примеч. 7 к письму 160.

[3] О предложенном Достоевскому сотрудничестве в «Светоче» см. письма 159, примеч. 7, и 160, примеч. 3.

[4] Имеется в виду прошение Достоевского о переезде в Петербург, см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 7.

[5] М. М. Достоевский сообщал брату: «Получил на днях пакет с бумагами для Марии Дмитриевны и письмо к тебе от Ждана-Пушкина. Оно пришло ко мне почему-то по городской почте. Ни того ни другого к тебе не посылаю. Не хочется. Все надеюсь скоро с тобой увидеться» (стр. 523). Письмо Ждан-Пушкина не сохранилось.

163. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 359)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 131—132.

Ответ на письмо от 17 октября 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 524).

М. М. Достоевский ответил 21 октября 1859 г. (там же, стр. 525—527).

[1] Достоевский ожидал посылку со своими сочинениями, которые он хотел подготовить для нового издания. М. М. Достоевский писал ему: «Нынче послал я тебе по почте, бесценный друг мой, твои сочинения, а именно:

1) 3 части „Неточки Незвановой“.
2) „Белые ночи“.
3) „Честный вор и отставка“.
4) „Елка и свадьба“.
5) „Чужая жена“.
6) „Слабое сердце“.

Для этого я вчера по дождю прошлялся целое утро на толкучем. Едва нашел и принужден был купить целый 48-ой год „О‹течественных› з‹аписок›“ ‹...› Кажется, недостает только „Детской сказки“ или „Маленького героя“. Поправляй теперь, сколько душе угодно» (стр. 524).

[2] См. предыдущее письмо (162).

[3] Речь идет о публикации повести «Село Степанчиково» в «Отечественных записках». М. М. Достоевский сообщал брату: «Роман твой всё еще у Краевского. Когда я был у него в четверг, он обещал мне на днях дать знать. Коля (Н. М. Достоевский, — *Ред.*) говорит, что он ‹Некрасов› совершенно без денег по случаю постройки дома» (стр. 524).

[4] Речь идет о предполагаемом издании сочинений Достоевского.

[5] Достоевский имеет в виду разговор о литературе из 3-й главы II части повести «Село Степанчиково и его обитатели», где полковник Ростанев рассуждает об «Отечественных записках»: «Ну да, „Отечественные записки“, и превосходное название ‹...› так сказать, всё отечество сидит да записывает... Благороднейшая цель! преполезный журнал! и какой толстый! Пойди-ка, издай такой дилижанс! А науки такие, что глаза изо лба чуть не выскочат ... ‹...› И знаешь, обо всем толкование: что, например, значит метла, лопата, чумичка, ухват? По-моему, метла так метла и есть; ухват так и есть ухват! Нет, брат, подожди! Ухват-то выходит, по-ученому, не ухват, а эмблема или мифология ‹...› Вот оно как! До всего дошли!» (наст. изд., т. III, стр. 135—136 и примеч., стр. 514—515).

[6] Достоевский получил посланные братом 50 руб., о чем писал уже ранее (см. письмо 162).

[7] Здесь подразумевается прошение о разрешении жительства в Петербурге, направленное Александру II (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 7).

[8] М. М. Достоевский сообщал брату 21 октября 1859 г.: «Нынче был у меня Врангель. Он получил письмо твое в самый день отъезда в деревню, и потому не мог отвечать тебе. Послезавтра он тебе напишет. Письмо к Эдуарду Иван‹овичу› тогда же передано по адресу» (стр. 527).

[9] См. письмо 157 и примеч. 4 к нему.

164. А. И. ГЕЙБОВИЧУ (стр. 360)

Печатается по тексту первой публикации: *ИВ*, 1885, № 1, стр. 128—137. Подлинник неизвестен.

Гейбович ответил 25 марта 1860 г. («Простор», 1971, № 11, стр. 108—110).

[1] Это письмо Гейбовича к Достоевскому неизвестно.

[2] Судя по отзывам Достоевского в письмах (см. письма 89, 128), с комендантом Омской крепости генерал-майором де Граве и его женой у писателя были дружеские отношения (см. также: В. С. Вайнерман. Омское окружение Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. VI).

[3] Г. Н. Потанин вспоминает, что Валиханов, вернувшийся из Кашгарской экспедиции в апреле 1859 г., сразу же «был вызван в Петербург» (см.: *Валиханов*, стр. 639).

[4] Гейбович в ответном письме сообщал Достоевскому о судьбе Николаева: «С почтальоном Николаевым, сопровождавшим Вас в Тверь, которого я ожидал с нетерпением, также последовал несчастный случай, с месяц назад выехавший с почтой на какой-то форпост между Коряковым и г. Омском ночью в буран и, отъехав верст 5 от оного, обрушился под яр р‹еки› Иртыша. Причем Николаев и ямщик убились до смерти».

[5] Столб, обозначающий географическую границу Европы и Азии, находился на большом Сибирском тракте на вершине Березовой горы Уральского хребта в 38 км от г. Екатеринбурга (ныне г. Свердловск). На мраморном памятнике надписи: на западной стороне — «Европа», на восточной — «Азия», кроме того, на пьедестале памятная надпись о посещении вершины горы Александром II и великими князьями (см.: Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1902, стр. 21—22).

[6] См. письмо 149.

[7] Нижний Новгород — ныне г. Горький.

[8] Троице-Сергиева лавра — крупнейший русский монастырь. Расположен в 71 км к северу от Москвы (ныне в г. Загорске). Монастырь основан в 1335 г. Сергием Радонежским. В 1850-е гг. XIX в. представлял собой целый город, в него входило 11 церквей, духовная академия. За длительную историю лавры в ее ризницу поступило в виде вкладов значительное число высокохудожественных произведений иконописи, ювелирного искусства, шитья, древних дорогих облачений и т. д. (см.: Загорский историко-художественный музей-заповедник. М., 1975). О посещении Достоевским в юности Троице-Сергиевской лавры см.: *Биография*, стр. 27.

[9] 8 сентября 1859 г. ожидался манифест по случаю совершеннолетия наследника (см. письмо № 147 и примеч. 13 к нему).

[10] Это был петрашевец В. А. Головинский. Ему в 1857 г. были возвращены все права, он жил в Тверской губернии и находился на гражданской службе (см.: *Д, Письма*, т. I, стр. 549).

[11] К Я. И. Ростовцеву Достоевский, вероятно, хотел обратиться как к бывшему члену следственной комиссии по делу петрашевцев. К этому времени Ростовцев помог в облегчении участи своему родственнику Дурову, способствовав переводу его на статскую службу в Омск.

[12] См.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 7, 8 и примеч. к ним.

[13] В конце 1857 г. Александром II были даны рескрипты, предусматривавшие учреждение по губерниям дворянских комитетов для составления проекта уничтожения крепостной зависимости крестьян. Обновленная

правительственная программа крестьянской реформы определилась к концу 1858 г. Было признано, что крестьянам будет юридически предоставлена личная свобода и определенные земельные «наделы» за выкупные платежи. Начиная с 1857 г. с исключительной энергией герценовский «Колокол» боролся с правительственной программой освобождения крестьян, объявляя необходимым освобождение их с землей. «Колокол» писал о бесплодности надежд на царя, выступал с резкой критикой правительства. К этому времени усилилось либеральное движение и среди некоторой части помещичьего дворянства. В Тверской губернии в 1859 г. либерально-дворянская оппозиция выступила с протестом против запрещения обсуждения крестьянского вопроса, был составлен адрес дворян Тверской губернии Александру II. Руководителями тверской оппозиции были А. М. Унковский, Александр и Алексей Бакунины, среди подписавших адрес Александру II был бывший петрашевец А. И. Европеус (см.: *Дело петрашевцев*, т. III, стр. 253).

[14] О Прасковье Михайловне (ниже Достоевский называет ее Прасковьей Максимовной), жене А. И. Гейбовича, дочь ее З. А. Сытина в письме к Достоевскому от 24 сентября 1875 г. сообщала: «...я с матерью после смерти отца уехала в Омск, но недолго мы прожили вместе, маменька умерла в 1871 году. Перед смертью просила меня разыскать Ваш адрес и передать Вам ее последнее прости и пожелать Вам счастья и всё то, что может пожелать самый искренний и добрый друг» (*Материалы и исследования*, т. II, стр. 300).

[15] Зинаида Артемьевна — дочь Гейбовича. Лизавета Никитишна — возможно, племянница или приемная дочь Гейбовича. З. А. Сытина (Гейбович) в своих воспоминаниях называет ее сестрой (*ИВ*, 1885, № 1, стр. 124).

[16] О посещении П. П. Семеновым Семипалатинска см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 214—221, а также письмо 114, примеч. 6.

[17] См. письмо 161, примеч. 3.

[18] Письма Достоевского к дочерям Гейбовича неизвестны.

[19] Гейбович в ответном письме сообщал, что бывший денщик Достоевского Василий все еще служит у него, «ведет себя исправно и хорошо». Письмо Василия к Достоевскому неизвестно.

[20] Судя по воспоминаниям З. А. Сытиной, Достоевский очень тепло относился к разжалованному в солдаты поляку Нововейскому, помогал ему деньгами (см.: *ИВ*, 1881, № 1, стр. 126—127).

[21] Семипалатинский помощник почтмейстера М. А. Сытников в ноябре 1859 г. умер, о чем Гейбович известил Достоевского в письме от 25 марта 1860 г.

165. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 368)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.14.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 132—133.

Ответ на письма М. М. Достоевского от 25 и 26 октября 1858 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 527—528).

М. М. Достоевский ответил 1 ноября 1859 г. (там же, стр. 528—529).

[1] С. Д. Яновский приехал в Тверь 28 октября 1859 г., в тот же вечер он посетил Достоевского (см. письмо С. Д. Яновского к Майкову от 17 февраля 1881 г. — *НВр*, 1881, 24 февраля, № 1793).

[2] М. М. Достоевский выслал 125 р. из 500 р., полученных от Краевского в счет гонорара за «Село Степанчиково», о чем просил его Федор Михайлович в не дошедшем до нас письме от 24 или 25 октября 1859 г. (см. об этом в письме М. М. Достоевского от 26 октября, стр. 527).

[3] Речь идет о разделении «Села Степанчикова» на две части при печатании в «Отечественных записках». Достоевский хотел, чтобы в одном номере журнала были помещены первые 12 глав. С ним согласился Н. А. Некрасов, который при обсуждении вопроса о публикации «Села Степанчикова» в «Современнике» писал М. М. Достоевскому: «...роман

невозможно разбить на три книги без того, чтоб он значительно не потерял, <...> он будет разделен на две (первая половина до 13 главы)» (*Некрасов*, т. X, стр. 407—408). А. А. Краевский просил сделать первую часть публикации более короткой для более равномерного распределения материала в двух книжках журнала (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 527), но в конце концов согласился с Достоевским (см.: *ОЗ*, 1859, № 11, отд. I, стр. 65—206; № 12, отд. I, стр. 343—410).

[4] Вероятно, писатель внес дополнения в первую главу повести в промежуток между двумя посещениями его М. М. Достоевским в Твери. А. И. Гейбовичу писатель сообщил: «Прожил он (брат, — *Ред.*) у меня дней пять, поехал в Москву и потом на обратном пути жил еще два дня» (см. письмо 164). М. М. Достоевский не мог сделать сокращений, так как повесть к его приезду уже набиралась в типографии (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 528). Переиздавая «Село Степанчиково» в 1860 г., Достоевский не внес в эту главу существенных изменений (см. наст. изд., т. III, стр. 451—456).

[5] Имеется в виду прошение о разрешении постоянного жительства в Петербурге, посланное Александру II (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 7).

[6] Письмо Врангеля от 25 октября 1859 г. см.: *Материалы и исследования*, т. III, стр. 268—270.

166. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 370)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 133—134.

Ответ на письмо Врангеля от 25 октября 1859 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 268—270).

[1] В письме от 25 октября Врангель сообщал Достоевскому, что Э. И. Тотлебен уже говорил о нем с В. А. Долгоруковым и «...получил от него обещание сделать всё. Теперь хорошо было бы, — писал он далее, — если б и Вл. Адлерберг отдал Ваше письмо государю. Я просил Баранова узнать, что сделали с ним (т. е. с письмом), но граф не скоро увидит Адлерберга, который теперь со двором в Гатчине. <...> все говорят, что надо ожидать успешного исхода делу...» (стр. 268—269).

[2] См.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 7, примеч. 1.

[3] В письме от 25 октября Врангель писал: «Я могу увлекаться, страстно и пламенно на два дни не более. В этом отношении сердце мое превратилось в какой-то физический закон: чем более напряжения, тем скорее сила ослабевает. Вот Вам и молодость! 26 лет, нет надежд и упований!» (стр. 269).

[4] Врангель сообщал Достоевскому: «Между прочим, милый Полонский очень желает с Вами познакомиться — это золотая душа; он теперь болен и недавно выдержал болезненную операцию» (там же).

[5] Ответ на слова Врангеля: «К удовольствию моему, слышу, что Тверь Вам теперь не так скучна; говорят мне, что у Баранова там служит мой друг и товарищ Федор Львов, познакомьтесь с ним, — он чинов<ник> особ<ых> поручений, как и Дмитр<ий> Волховской» (там же).

[6] Врангель писал Достоевскому: «Вам, как другу, надо бы рассказать второе мое приключение с Z, pendant <подобие (*франц.*)> к X. <...> (Е. И. Гернгросс, — *Ред.*), драме, разыгранной в Баден-Бадене публично, наделавшей много шуму в Питере и на водах, но это долго, да и грустно, а потому откладываю до первого свидания» (там же).

[7] Об отношении Достоевского к Ч. Валиханову см. письмо 114 и примеч. к нему.

167. Э. И. ТОТЛЕБЕНУ (стр. 371)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 478.

Впервые опубликовано: *РВ*, 1889, № 12, стр. 329—331 (с неправильной датой).

Ответ на письмо Э. И. Тотлебена от 29 октября 1859 г. (см. примеч. 4 к письму 157).

[1] Тотлебен откликнулся на просьбу Достоевского содействовать скорейшему получению разрешения на жительство его в Петербурге и ходатайствовал об этом за него лично перед В. А. Долгоруковым (см. письмо 157 и примеч. к нему).

[2] См.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 7, примеч. 1.

[3] См. письмо 166.

[4] См.: Офиц. письма и делов. бумаги, №№ 8 и 9.

[5] Письмо графа П. Т. Баранова к В. А. Долгорукову от 6 ноября 1859 г. сохранилось в Деле III отделения при письме Достоевского к Долгорукову (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 8, примеч. 3).

168. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 373)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 135—136.

Врангель ответил 9 ноября 1859 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 271).

[1] Текст этого письма Э. И. Тотлебена см. в примеч. 4 к письму 157.

[2] См. письмо 167 и Офиц. письма и делов. бумаги, №№ 8, 9.

[3] См. письмо к Э. И. Тотлебену от 2 ноября 1859 г. (№ 167). Передавая письмо Тотлебену, Врангель писал ему: «...поездка в деревню лишила меня удовольствия лично вручить Вашему превосходительству письмо друга и товарища моего Ф. М. Достоевского. Мой дядя, генерал Мандерштерн, исполнив это поручение за меня, передал мне и Ваш ответ, своевременно сообщенный мною в Тверь. Ныне ради болезни снова не могу иметь честь пожать Вашу руку за всё, что Вы так благородно, великодушно готовы были сделать для человека, не имеющего ни связей, ни опоры ‹...› Прилагая при сем письмо на имя Вашего превосходительства, я прошу дозволить мне по выздоровлению лично явиться к Вам, чтобы сообщить некоторые подробности, касающиеся Ф. М. Достоевского, в судьбе которого Вы приняли такое горячее участие» (*Материалы и исследования*, т. III, с. 272).

[4] См.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 8 и примеч. к нему.

169. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ (стр. 374)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 175, № 10304.

Впервые опубликовано: «Нива», 1898, № 4, стр. 726—729.

Ответ на письмо М. М. Достоевского от 9 ноября 1859 г. (*Д, Материалы и исследования*, стр. 529—530).

М. М. Достоевский ответил 16 ноября 1859 г. (там же, стр. 531).

[1] М. М. Достоевский писал брату: «Ах, как хочется тебя видеть и, главное, пожить вместе с тобою. Всё это время я так и тянулся к тебе. Особенно грустно мне было вчера, в мои именины. Без зова сошлись все знакомые — если б ты был вместе с нами» (стр. 530).

[2] В середине октября 1859 г. Достоевский обратился к Александру II с просьбой о разрешении проживать в столице (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 7). Ее обещал передать императору двоюродный брат тверского губернатора П. Т. Баранова граф В. А. Адлерберг. 29 октября

Э. И. Тотлебен сообщил Достоевскому об устном согласии начальника III отд. В. А. Долгорукова и управляющего III отд. А. Е. Тимашева на постоянное проживание писателя в Петербурге (см. письмо 157, примеч. 4). 3 ноября Достоевский направляет им официальные письма (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, №№ 8, 9), по которым и состоялось решение. Извещение о нем, вероятно, задержалось в связи с тем, что прошение писателя на имя Александра II было передано ему только около 27 ноября (см. там же, № 7, примеч. 1 и № 8, примеч. 3). «Из всех путей ты выбрал самый труднейший, — упрекал М. М. Достоевский брата. — Вероятно, твое письмо к государю еще до сих пор ему не передано» (стр. 530).

[3] Н. М. Щепкин и К. Т. Солдатенков имели репутацию бескорыстных книгоиздателей-просветителей. Ими были изданы в 1856—1859 гг. собрания стихотворений Некрасова, Огарева, Кольцова, Полежаева, сочинения Грановского и Белинского. Достоевский почти дословно цитирует отзыв Плещеева о Щепкине из письма к нему от 27 октября 1859 г. (см.: *ЛА*, т. 6, стр. 262).

[4] М. М. Достоевский жаловался брату в письме от 9 ноября: «Этот месяц, как это, впрочем, и всегда бывает, торговля шла прескверно, то есть вовсе не было никакой торговли; оттого я теперь без денег» (стр. 530).

[5] На просьбу прислать отдельный экземпляр «Села Степанчикова», еще до выхода книжки, М. М. Достоевский отвечал 16 ноября: «Касательно экземпляра Краевский сказал, что не знает, может быть, уже разобраны формы, но обещал», а в следующем письме от 23 ноября сообщал: «Нынче ‹...› послал я тебе один экземпляр твоего романа» (стр. 531).

[6] Информируя брата о том, как было принято «Село Степанчиково», 23 ноября 1859 г. М. М. Достоевский писал ему: «„О‹течественные› з‹аписки›" вышли в прошлую субботу. Тебя еще никто не читал. Многие ждут второй части, чтоб прочесть, и хорошо делают. Цензуровал тебя Гончаров и выкинул, говорят, из первой части одно только слово. Какое, не знаю. Гончаров сказал Яновскому, что надеется, что ты им останешься доволен. Роман хвалил с оговорками. Какими, не знаю» (стр. 532).

170. В. М. КАРЕПИНОЙ (стр. 377)

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*, ОФ. 4808.
Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 286—287.

[1] Это письмо — единственное свидетельство о поездке Ф. М. Достоевского в ноябре 1859 г. в Москву, предпринятой, по-видимому, без официального разрешения.

[2] О второй поездке Достоевского в Москву вместе с женой сведений нет.

[3] М. М. Достоевский писал 9 ноября брату: «Одно время мы были совершенно уверены, что ты к нам сейчас приедешь, и дня два каждое утро ждали тебя» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 529).

[4] Достоевский передает поклоны А. П. Иванову, А. А. и А. Ф. Куманиным и О. Я. Антиповой. Машенька — дочь В. М. Карениной.

[5] У В. М. Ивановой к этому времени было шестеро детей: Софья, Мария, Александр, Юлия, Нина, Екатерина.

171. А. Е. ВРАНГЕЛЮ (стр. 378)

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 93, I.6.5.
Впервые опубликовано: *Биография*, отд. II, стр. 136—138.
Ответ на письмо А. Е. Врангеля от 9 ноября 1859 г. (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 271).

[1] Врангель писал в «Воспоминаниях» по поводу одной из многочисленных просьб Достоевского: «Он как-то совершенно упускал, что я сам,

маленький сибирский чиновник, молокосос, не мог двинуть разом его дела, да и многие мои родственники, занимавшие хотя высокие посты, всё же ничего поделать для ускорения этого дела, конечно, не могли <...>. Этого Достоевский, изнемогавший от неопределенности своего тяжкого положения, как натура крайне нервная, возбужденная, не понимал...» (*Врангель*, с. 192).

[2] С Г. А. Кушелевым-Безбородко М. М. Достоевский и А. Н. Майков вели переговоры по поводу издания собрания сочинений Достоевского (см. об этом в письмах 159, 163). «Счеты по журналу» — это расчеты за повесть «Дядюшкин сон», напечатанную в журнале Кушелева «Русское слово» (1859, № 3).

[3] См.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 10.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПИСЬМА И ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

1. НАЧАЛЬНИКУ ОФИЦЕРСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА КАПИТАНУ ГАРТОНГУ (стр. 380)

Печатается по тексту первой публикации: *Д, Письма*, т. IV, стр. 327.

Автограф находился в архиве Главного инженерного училища; в настоящее время местонахождение его не установлено.

Как указал в первой публикации А. С. Долинин, на рапорте была подпись Гартонга, направляющая рапорт дальше по начальству — к полковнику барону Розену, надпись Розена, направляющая его к начальнику училища Шарнгорсту, и резолюция последнего: «Следует представить докторское свидетельство и прошение» (*Д, Письма*, т. IV, стр. 469).

2. НАЧАЛЬНИКУ ОФИЦЕРСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА КАПИТАНУ ГАРТОНГУ (стр. 381)

Печатается по тексту первой публикации: *Д, Письма*, т. IV, стр. 327—328.

Автограф находился в архиве Главного инженерного училища, в настоящее время местонахождение его не установлено.

На рапорте, по свидетельству А. С. Долинина, те же пометы капитана Гартонга и полковника барона Розена, что и на предыдущем — см.: *Д, Письма*, т. IV, стр. 469. Приказ об отпуске Достоевского с 21 июля на 28 дней был отдан 18 июня 1843 г. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*. стр. 37).

3. КОМАНДИРУ СИБИРСКОГО ЛИНЕЙНОГО № 7 БАТАЛЬОНА ПОДПОЛКОВНИКУ БЕЛИХОВУ (стр. 381)

Печатается по подлиннику: Семипалатинский обл. литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. МВ Инв. № 297/1.

Впервые опубликовано: «Семипалатинские обл. ведомости», 1898, № 8.

[1] Форпост Озерный находился в шестнадцати верстах от Семипалатинска (см.: П. Косенко. Сердце остается одно. Достоевский в Казахстане. Алма-Ата, 1969, стр. 126).

[2] О почтальоне Ляпухине и отправке с ним П. А. Исаева в Омск см. письмо 128.

[3] Белихов в тот же день 27 июля направил рапорт военному губернатору: «Согласно рапорта сего имею честь покорнейше просить его превосходительство, исполняющего должность военного губернатора Семипалатинской области, господина генерал-майора и кавалера Панова не оставить сделать свое распоряжение о выдаче бланковой подорожной для отправления в Сибирский кадетский корпус сына г-жи Исаевой (ныне Достоевской) Павла Исаева из г. Семипалатинска до такового же Омска на две лошади и также не оставить меня своим предписанием о выдаче ему просимых денег.

Командир Сибирского линейного батальона № 7-го подполковник Белихов. Июля 27 дня 1857 года. Г. Семипалатинск» (Семипалатинский обл. литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. МВ Инв. № 297/2).

4. РЕВЕРС (стр. 382)

Печатается по подлиннику: *ЦГВИА*, ф. 395, оп. 291, № 45, л. 49.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 22—24, стр. 730.

[1] *Реверс* (англ. reverse) — письменное обязательство, ручательство, которое представляли военнослужащие при прошениях об увольнении в отставку, в том, что они не будут просить о денежной помощи от казны.

[2] Реверс, данный Достоевским в январе 1858 г., при подаче прошения об отставке командиру Сибирского линейного батальона, был приложен затем к официальному письму Александру II (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 5).

5. АЛЕКСАНДРУ II (стр. 383)

Печатается по подлиннику: *ЦГВИА*, ф. 395, оп. 291, № 45, лл. 45—47.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 22—24, стр. 728—729.

Прошение находится в делах Военного министерства. Написано на официальном бланке с напечатанным обращением к императору, писарской рукой, подпись, проходящая через каждый лист документа, — автограф Достоевского.

Датируется началом марта 1858 г. 18 января Достоевский сообщал брату, что «на днях» подал в отставку «по болезни» (письмо 135), имея в виду свое прошение, обращенное к местному сибирскому начальству. Далее, в том же письме, Достоевский прибавил: «Если не позволят жить в Москве (что я прошу в просьбе об отставке), то я напишу письмо к государю». Командир отдельного Сибирского корпуса Г. Х. Гасфорт представил прошение об отставке на высочайшее имя. К рапорту Гасфорта, датированному 8 марта 1858 г. (см.: *ЛН*, т. 22—24, стр. 727), приложено прошение писателя на имя Александра II.

[1] К прошению приложено:

«Свидетельство

Вследствие предписания командиру Сибирского линейного батальона № 7 господина майора и кавалера Денисова от 16 числа декабря 1857 года за № 3029, свидетельствовал я совместно с штабс-капитаном сего батальона Бахиревым прапорщика того же батальона Федора Михайлова Достоевского, при чем оказалось: лет ему от роду 35, телосложение посредственное, в 1850 году в первый раз подвергся припадку падучей болезни (Epilepsia), которая обнаруживалась: вскрикиванием, потерею сознания, судорогами конечностей и лица, пеною перед ртом, хрипучим дыханием, с малым, скорым сокращенным пульсом. Припадок продолжался 15 минут. Затем следовала общая слабость и возврат сознания. В 1853 году этот припадок повторился и с тех пор является в конце каждого месяца.

В настоящее время г-н Достоевский чувствует общую слабость сил в организме при истощенном телосложении и частовременно страдает нервною болью лица вследствие органического страдания головного мозга.

Хотя г-н Достоевский пользовался от падучей болезни почти постоянно в течение четырех лет, но облегчения не получил, а потому службы его величества продолжать не может. В удостоверение чего подписом моим и приложением <*нрзб.*> моей печати свидетельствую.

1857 года декабря 21 дня, г. Семипалатинск.

Прикомандированный к Сибирскому линейному № 7 батальону лекарь Ермаков.

При освидетельствовании находился Сиб<ирского> лин<ейного> № 7 б-на шт<абс>-кап<итан> Бахирев» (*ЛН*, т. 22—24, стр. 729).

[2] В ответ на это прошение высочайший приказ об увольнении Достоевского в отставку по болезни с награждением следующим чином подпоручика был издан после дополнительных запросов только 18 марта 1859 г. (см.: *ИВ*, 1903, № 1, стр. 124). Жительство ему было разрешено в Твери, без права выезда в С.-Петербургскую и Московскую губернии с установлением над ним секретного надзора (см.: *ЛН*, т. 22—24, стр. 726—736). 8 апреля 1859 г. штаб-офицер корпуса жандармов Тверской губернии сообщил тверскому военному губернатору П. Т. Баранову о приезде Достоевского в Тверь (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 90—91). 7 мая дано предписание тверского губернатора в городскую полицию Твери об установлении над Достоевским секретного надзора (там же, стр. 91).

6. ДИРЕКТОРУ СИБИРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА А. М. ПАВЛОВСКОМУ (стр. 385)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 2, № 1, лл. 28—29.

Впервые опубликовано: «Северный вестник», 1891, № 11, стр. 5.

Датируется второй половиной мая 1858 г. на основании письма Достоевского к И. В. Ждан-Пушкину от 17 мая 1858 г., в котором он сообщал: «В следующую субботу пошлю доверенного человека с письмом к директору корпуса» (см. письмо 140). Прошение об увольнении П. А. Исаева из Сибирского кадетского корпуса было написано писателем в ожидании отставки и разрешения выехать в Россию и помечено лишь годом, без указания дня и месяца.

Отставка была дана Достоевскому 18 марта 1859 г. Исаев оставался в корпусе до июля 1859 г., когда по пути в Тверь Достоевский заехал за ним в Омск (см. письмо от конца июня 1859 г. № 149).

7. АЛЕКСАНДРУ II (стр. 386)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, лл. 63—64. Здесь же копия рукой Достоевского — лл. 65—66.

Впервые опубликовано: *Биография*, отд. III, стр. 21—23.

Датируется временем между 10—18 октября 1859 г. на основании упоминаний о составлении прошения в письме М. М. Достоевского от 11 октября (см.: *Д, Материалы и исследования*, стр. 523) и сообщении Ф. М. Достоевского брату 18 октября: «Письмо мое к государю пойдет завтра» (письмо 162).

[1] Из письма к А. И. Гейбовичу от 23 октября (№ 164) видно, что прошение императору должен был передать двоюродный брат тверского губернатора П. Т. Баранова министр двора граф В. Ф. Адлерберг. Оно было передано Александру II уже после того, как вопрос о жительстве Достоевского в Петербурге был решен начальником III отделения В. А. Долго-

руковым (см. Офиц. письма и делов. бумаги, № 8). На письме Достоевского к Александру II имеется помета «27 ноября», вероятно, дата поступления прошения в III отделение, и запись рукой В. А. Долгорукова: «Высочайше повелено относительно Исаева снестись с кем следует. 27 ноября 1859 г.», и несколько ниже — вторая: «Что касается до самого Достоевского, то просьба его уже решена по письму, которое он ко мне писал» (л. 63).

8. НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ В. А. ДОЛГОРУКОВУ (стр. 387)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, лл. 49—50.

Впервые опубликовано: *Д, Письма* т. I, стр. 282—284 (с ошибкой в дате).

[1] Об устном предварительном согласии начальника III отделения князя В. А. Долгорукова и управляющего III отделением А. Е. Тимашева на постоянное проживание Достоевского в Петербурге и о необходимости обратиться ему к ним письменно Э. И. Тотлебен, ходатайствовавший за писателя, сообщил Достоевскому 29 октября. Полагая, что по поступлении этих писем «вскоре <...> последует разрешение», Э. И. Тотлебен добавляет: «Пишите, что получили от меня предварительное уведомление» (см. письмо 157, примеч. 4).

[2] См. Офиц. письма и делов. бумаги, № 7, примеч. 1.

[3] Обращение Достоевского к В. А. Долгорукову было поддержано тверским генерал-губернатором П. Т. Барановым. Извещая в ноябре 1859 г. В. А. Долгорукова о «всеподданнейшей просьбе» Достоевского, направленной императору, П. Т. Баранов писал: «Входя со своей стороны в положение г-на Достоевского, который по роду своей болезни действительно здесь не может найти ни того медицинского пособия для себя, ни тех средств для воспитания своего сына, как в Петербурге, и имея в виду, что в течение всего времени пребывания своего в г. Твери г-н Достоевский вел себя отлично хорошо, я имею честь покорнейше просить сильного содействия Вашего сиятельства к удовлетворению означенного ходатайства г-на Достоевского» (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 9). В ответ на это отношение В. А. Долгоруков уведомляет П. Т. Баранова 23 ноября 1859 г., что он «входил» по делу о разрешении Достоевскому жить в Петербурге «с всеподданнейшим докладом, вследствие коего государь император на означенную просьбу всемилостивейше соизволил с тем, однако, чтобы учрежденный за Достоевским секретный надзор продолжаем был и в С.-Петербурге». Прошение же Достоевского «на высочайшее имя», по свидетельству Долгорукова, к этому моменту во «вверенное» ему «управление» еще не поступало (там же, стр. 99). Оно поступило 27 ноября 1859 г. (см.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 7, примеч. 1).

9. УПРАВЛЯЮЩЕМУ III ОТДЕЛЕНИЕМ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ А. Е. ТИМАШЕВУ (стр. 389)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, лл. 51—52.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 284—285.

[1] См.: Офиц. письма и делов. бумаги, № 8, примеч. 1.

[2] См.: Офиц. письма п делов. бумаги, № 7, примеч. 1.

10. НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ В. А. ДОЛГОРУКОВУ (стр. 390)

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, лл. 54—55.

Впервые опубликовано: *Д, Письма*, т. I, стр. 289—290 (с ошибочной датой).

[1] В связи с задержкой ответа на прошение разрешить ему постоянное жительство в Петербурге (см. письмо 169, примеч. 2), Достоевский «в ожидании окончательного решения» просил о временном приезде в Петербург (см. письмо к Врангелю 171).

[2] В Петербурге жили Михаил и Николай Достоевские и младшая сестра писателя Александра.

СПИСОК НЕСОХРАНИВШИХСЯ И НЕНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ 1835—1859 ГОДОВ

1835

1—2. М. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

Весна 1835. Москва

Два совместных письма братьев Достоевских к М. Ф. Достоевской упоминаются в письме к ней от 9 мая 1835 г. Ф. М. Достоевского, подписанном также Михаилом и Андреем Достоевскими: «Вот уже в третий раз мы уведомляем Вас письменно о том, что мы <...> благополучны» (см. стр. 32).

1837

3. А. Ф. КУМАНИНОЙ

3 июля 1837. Петербург

Письмо, написанное совместно с братом Михаилом.

Упоминается в письме к М. А. Достоевскому от 3 июля 1837 г., рукою М. М. Достоевского, подписанном обоими братьями: «Вместе с Вашим письмом мы пишем и к тетеньке. Кажется, довольно вежливо» (см. стр. 37).

4. А. Ф. КУМАНИНОЙ

27 сентября 1837. Петербург

Письмо, написанное совместно с братом Михаилом.

Упоминается в письме к М. А. Достоевскому от 8 октября 1837 г., рукою М. М. Достоевского, подписанном также Ф. М. Достоевским: «После же конца экзамена Коронад Филиппович и мы сейчас же отправили письмо к Вам и к тетеньке, в котором описали всё подробно» (см. стр. 41).

5. А. А. И А. Ф. КУМАНИНЫМ

Октябрь—ноябрь 1837. Петербург

Переписка с Куманиными за этот период, письма к которым, вероятно, большей частью писались М. М. Достоевским и подписывались обоими братьями, упоминается в письме к М. А. Достоевскому от 3 декабря 1837 г., также рукою М. М. и с подписью Ф. М. Достоевского: «Вы пишете, любезнейший папенька, что мы переписываемся с Куманиными. Так. Но ежели бы Вы знали, что я пишу к ним всё то же, насчет денег, что и к Вам» (см. стр. 44).

1838

6. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

Конец марта—начало апреля 1838. Петербург

Упоминается в письме к М. А. Достоевскому от 5 июня 1838 г.: «После братнина письма, где я сделал коротенькую приписочку, поздравив Вас с светлыми днями праздника, я долго не мог взяться ни за что постороннее» (см. стр. 48). Пасха, с которой поздравлял Достоевский отца, приходилась на 3 апреля 1838 г.

7—9. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Между 22 апреля и 9 августа 1838. Петербург

3 письма. Упоминаются в письме к М. М. Достоевскому от 9 августа 1838 г.: «...я тебе со времени отъезда твоего переслал 3 письма: 1-е вскоре после твоего отъезда: на 2-е не отвечал, потому что не было ни копейки денег (я не брал у Меркуровых). Это продолжалось до 20 июля, когда я получил от папеньки 40 р.; и наконец, недавно 3-е» (стр. 49). Начальная граница переписки братьев Достоевских определяется 22 апреля 1838 г., днем отъезда М. М. из Петербурга в Ревель (см.: *Достоевский и его время*, стр. 281).

В том же письме от 9 августа Достоевский сообщает о письме, посланном брату в период безденежья в одном конверте с письмом к нему Меркуровых: «Тут я получил на мое имя письмо к ним от тебя. У меня ничего не было, и я решился просить их вложить мое письмо в ихнее. Ты же, как видно, не получил ни которого» (см. стр. 50). Идет ли речь о еще одном письме к М. М. Достоевскому или об одном из трех, перечисленных выше, неясно.

10—11. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ И М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Начало октября 1838. Петербург

2 письма. М. М. Достоевский писал отцу, по всей вероятности, в первой половине октября 1838 г. вскоре после получения письма от Ф. М. Достоевского, высказывающего свои опасения перед предстоящими экзаменами: «О брате Феде не беспокойтесь. Он мне писал то же самое, но это только одни его догадки. Это больше зависит от экзамена, нежели от чертежей. Притом же, ежели б его и оставили еще на год в третьем классе, то это еще совсем не беда, а может, было бы и к лучшему. Положим, что он пробудет лишний год кондуктором, но зато он может тогда выйти из училища первым и получить прямо поручика, а это не шутка» (*ЛН*, т. 86, стр. 362). Об окончании экзаменов и несправедливом решении оставить его на второй год Достоевский сообщал отцу 30 октября 1838 г. (см. письмо 21).

1838—1839

12—17. М. А. ДОСТОЕВСКОМУ И М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Ноябрь 1838—февраль 1839. Петербург

5 писем отцу и одно брату упоминаются в письме к М. А. Достоевскому от 23 марта 1839 г.: «Сейчас после получения Вашего письма с посылкою 25 р. ассигнац‹иями› я ответил и благодарил Вас за помощь. Через неделю я послал письмо, и в тот же день и Ваше и братнино письмо пропали. Долго не получая известий, я в отчаянье о судьбе Вашей, дорогой наш папенька, в отчаянье о судьбе семейства нашего, я написал Вам пред рождеством еще письмо. И это имело ту же участь. 3-е я послал

на масленице. Четвертое в начале великого поста» (стр. 56). С просьбой о присылке денег Достоевский обратился к отцу 30 октября 1838 г. (см. стр. 53, письмо 21). Отец выслал деньги, и в первом письме, вероятно, от начала—середины ноября 1838 г. Достоевский благодарит его. Через неделю, т. е. во второй половине ноября, были отправлены письма М. А. Достоевскому и М. М. Достоевскому. Третье письмо отцу послано накануне 25 декабря 1838 г. (перед рождеством). Четвертое письмо (Достоевский его называет «третьим», по-видимому, не считая первого благодарственного отклика) датируется масленицей, которая в 1839 г. приходилась на неделю с 30 января по 5 февраля. Пятое написано в начале великого поста, вскоре после 6 февраля. Возможно также, что между 31 октября 1838 г. (см. стр. 53, письмо 22) и 23 марта 1839 г. были и другие письма к М. М. Достоевскому кроме упомянутого выше пропавшего ноябрьского «братнина письма»; одно из них могло быть написано Достоевским в ответ на письмо старшего брата с известием о намерении экзаменоваться в полевые офицеры (см. письмо 23, примеч. 4, 5).

18. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Между 31 октября 1838—первой половиной июня 1839. Петербург

В письме к В. М. Достоевской от 1 сентября 1839 г. М. М. Достоевский, сославшись на письмо к нему Ф. М. Достоевского от 16 августа 1839 г., заключает: «Ах, Варенька, ты не поверишь, какую нужду терпит он теперь. Два месяца не писал он ко мне ни слова, не имея денег на почту...» (*ЛН*, т. 86, стр. 363), следовательно, одно или ряд писем М. М. Достоевскому от конца 1838 г., после письма к нему от 31 октября 1838 г. и до первой половины июня 1839 г. включительно, исчезли.

1839

19. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Вторая половина июня 1839. Петербург

Упоминается в письме М. М. Достоевского к А. А. и А. Ф. Куманиным от 30 июня 1839 г.: «На этой неделе получил я от брата Феодора письмо, в котором он извещает меня о несчастии, постигшем семейство наше. Видно, провидению угодно было вновь поставить на пробу твердость нашего духа и заставить нас до дна испить чашу горести. Мы теперь круглые сироты, без матери и без отца. ‹...› Боже мой! Боже мой, какою ужасною смертью умер папенька!..» (См. выше, стр. 409—410).

1840

20. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Начало 1840. Петербург

Упоминается в письме М. М. Достоевского к В. М. Карениной (Достоевской) от 23 марта 1850 г.: «В прошлом письме моем я писал тебе о моем намерении выйти в местные инженеры. Этому, видно, не быть. Порядочный нагоняй от брата выгнал эту блажь из головы моей, и я опять завален книгами, занимаюсь и днем и ночью. Что-то будет, но в августе я еду в Петербург и надеюсь выдержать этот страшный, огромный экзамен» (*ЛН*, т. 86, стр. 364). Имеется в виду, очевидно, «нагоняй» письменный, так как братья после отъезда М. М. Достоевского в Ревель до 19 апреля 1840 г. не виделись (см.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 234—235).

1837—1840

21. И. Н. ШИДЛОВСКОМУ

1837—1840. Петербург

А. Е. Ризенкампф в своих воспоминаниях писал: «Михаил Михайлович все свои опыты сообщал молодому поэту Шидловскому, состоявшему с Федором Михайловичем в постоянной переписке» (*ЛН*, т. 86, стр. 327).

1841

22. П. А. КАРЕПИНУ

17 февраля 1841. Петербург

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 27 февраля 1841 г.: «Писал я к опекуну и в понедельник отослал письмо (в день отъезда твоего)» (см. стр. 77 и 415).

1843

23. А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Январь—начало февраля 1843. Петербург

Упоминается в письме к А. М. Достоевскому от этой даты: «Писал ты мне, люб‹езный› брат, что не можешь достать денег ранее масленицы. Но вот что я придумал: с этим письмом я шлю тебе другое, в котором прошу у тебя взаймы 50 руб. Ты его и покажи сейчас генералу...» (см. стр. 81).

24. П. А. КАРЕПИНУ

Ноябрь—декабрь 1843. Петербург

Упоминается в письме к П. А. Карепину от конца декабря 1843 г. Требуя присылки денег, Достоевский писал: «Теперешнее требование мое объясняется нуждами, изложенными в прошлом письме моем» (см. стр. 82).

1844

25. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Вторая половина августа или начало сентября 1844. Петербург

Упоминается в письме к П. А. Карепину от 7 сентября 1844 г.: «В прошлом письме моем к брату Михайле писал я ему, чтобы он поручился за меня всей семье нашей в том, что после получения теперь *некоторой суммы* я ничем не преступлю уговора, который благоугодно будет Вам предложить мне от лица всех наших...» (см. стр. 94).

26. П. А. КАРЕПИНУ

Первая половина октября 1844. Петербург

Упоминается в письме к П. А. Карепину от 20-х чисел октября 1844 г.: «В последнем письме моем я объявил Вам, что пишу в последний раз, до лучшей перемены в моих обстоятельствах ‹...› представив Вам весь ужас моего положения» (см. стр. 101).

27. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Ноябрь 1844. Петербург

Значительный отрывок из этого письма Ф. М. Достоевского процитировал М. М. Достоевский в письме к П. А. Карепину от 23 ноября 1844 г. (см. письмо 50).

1846

28. В. М. ИВАНОВОЙ

Январь—февраль 1846. Петербург

В ответном письме от января—марта 1846 г. В. М. Иванова писала: «Милый братец Феденька! Как много я перед тобой виновата, любезный брат, что не сейчас же ответила на твое письмо, впрочем, причиною тому была не лень, а то, что я не знала, как адресовать письмо свое, и решилась дожидаться Андрюшиного письма, чтоб вместе с своим к нему письмом отослать и твое. Не знаю как и благодарить тебя, милый брат, за твое письмо, которым ты подарил меня, оно обрадовало меня до слез» (*ИРЛИ*, ф. 56, № 398). Письмо Достоевского, по всей вероятности, носило поздравительный характер. Свадьба средней сестры его Веры Михайловны состоялась 7 января 1846 г. (см. письмо В. М. Карениной М. М. Достоевскому: *ИРЛИ*, № 30397).

29. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Между 17 сентября и 7 октября 1846. Петербург

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 7 октября 1846 г.: «Прошлый раз писал я тебе, что собираюсь за границу. <...> Я еду не гулять: а лечиться» (стр. 127). Так как в предшествующем известном нам письме к брату от 17 сентября нет упоминания о поездке за границу, то следует предположить, что письмо с таким сообщением было отправлено несколько позднее. Намерение свое Достоевскому в эту пору осуществить не удалось.

1847

30. С. Д. ЯНОВСКОМУ

Лето 1847. Парголово

С. Д. Яновский в воспоминаниях писал: «Изо всех записок, мною полученных от Федора Михайловича, в особенности интересна была одна, в которой он из Парголова уведомлял меня, проживавшего в Павловске, о том, что теперь ему не до кондрашки, так как он сильно занят сбором денег по подписке в пользу одного несчастного пропойцы, который, не имея на что выпить, а потом напиться, и, наконец, опохмелиться, ходит по дачам и предлагает себя *посечься* за деньги. Рассказ Федора Михайловича был верх совершенства в художественном отношении; в нем было столько гуманности, столько участия к бедному пропойце, что невольно слеза прошибала, но было не мало и того юмора и той преследующей зло беспощадности, которые были в таланте Федора Михайловича. В роковом auto da fe записка эта погибла...» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 159). Под «auto da fe» Яновский подразумевает сожжение писем Достоевского после его ареста.

31. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Между апрелем и 9 сентября 1847. Петербург

В письме от 9 сентября 1847 г. Достоевский сообщал брату: «Ты не дурно сделаешь, если приедешь как можно скорее <...> есть надежда, что работа, об которой я тебе писал прошлый раз, будет у тебя, если ты будешь в городе» (стр. 144). Известия о намечающейся для М. М. Достоевского работе в последнем сохранившемся апрельском письме, которое предшествует письму от 9 сентября 1847 г., — нет. Следовательно, за этот период были отправлены несколько писем к М. М. Достоевскому, нам неизвестных; см. также письмо М. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому от 16 августа 1847 г. («Искусство». М., 1927, кн. 1, стр. 107—108).

32. С. Д. ЯНОВСКОМУ

Начало сентября 1847. Петербург

Отвечая на это письмо, С. Д. Яновский писал Достоевскому из Москвы 10 сентября 1847 г.: «Благодарю Вас, любезнейший Федор Михайлович, за память и в доказательство искренности этого чувства, несмотря на ужасный недосуг <...> — я с удовольствием первые свободные минуты посвящаю на беседу с Вами» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 367—369).

1846—1849

33. А. А. КРАЕВСКОМУ

Март—первая половина апреля 1849. Петербург

С. Д. Яновский, рассказывая о «последнем» обеде (незадолго до «катастрофы с арестами») писал: «Когда же мы пристали к Федору Михайловичу, чтоб он нам объяснил, почему мы не обедаем и тогда, как Яков Петрович обретается среди нас, то Федор Михайлович рассказал нам, в чем дело, а мы, узнав причину, приказали подавать обед. Дело же заключалось в том, что в конторе „Отечественных записок“, по случаю запоздания выходом номера журнала, в котором был помещен рассказ Федора Михайловича, денег Буткову, явившемуся с запиской от автора, не дали» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. I, стр. 162).

1853

34. Н. Д. ФОНВИЗИНОЙ

1853 г. Омск

Из сохранившегося чернового письма Н. Д. Фонвизиной от 8 ноября 1853 г. видно, что Достоевский переписывался с нею в годы, проведенные в Омске. Это письмо ее — ответ на последнее из писем Достоевского (см. письмо 90, примеч. 1).

35. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Зима 1853. Омск

Упоминается в сообщении Е. И. Якушкина (сына декабриста, побывавшего во время командировки в Сибирь зимой 1853 г. в Омске и добившегося там свидания с Достоевским) своему сыну В. Е. Якушкину. «Помню, — писал Е. И. Якушкин 14 декабря 1887 г., — что на меня страшно грустное впечатление произвел вид вошедшего в комнату Достоевского

в арестантском платье, в оковах, с исхудалым лицом, носившим следы сильной болезни. Есть известные положения, в которых люди сходятся тотчас же. Через несколько минут мы говорили, как старые знакомые. Говорили о том, что делается в России, о текущей литературе. Он расспрашивал о некоторых вновь появившихся писателях, говорил о своем тяжелом положении в арестантских ротах. Тут же написал он письмо к брату, которое я и доставил по возвращении моем в Петербург» (В. Любимова-Дороватовская. Достоевский в Сибири. — «Огонек», 1946, ноябрь, № 46—47, стр. 27).

1854

36. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Конец января 1854

В письме от 30 января—22 февраля 1854 г., пересланном, вероятно, неофициальным путем, Достоевский сообщал брату: «Я писал тебе письмо через наш штаб. До тебя оно должно было дойти наверное, я ждал от тебя ответа и не получил. Да неужели же тебе запретили?» (стр. 166). В «деле» штаба это первое письмо, отправленное Достоевским брату, вероятно, сразу же по отбытии им каторжного срока (23 января 1854 г. — см.: *ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 5), не зафиксировано (см. стр. 173).

37. В. М. ИВАНОВОЙ И А. Ф. КУМАНИНОЙ

Конец января—февраль 1854

Упоминаются в письме от 30 января—22 февраля 1854 г. к М. М. Достоевскому: «К тетке я пишу через сестрицу Верочку по случаю» (см. стр. 173).

38. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Первая половина марта 1854. Семипалатинск

16 марта 1854 г. — рапорт начальника штаба отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Яковлева управляющему III отделением генерал-лейтенанту Дубельту о письме Достоевского брату Михаилу (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 10).

39. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Конец мая—начало июня 1854. Семипалатинск

2 июня 1854 г. — рапорт о письме Достоевского брату Михаилу, пересылаемом тем же официальным порядком (там же, л. 13). См. упоминание о нем в письме к М. М. Достоевскому от 30 июля 1854 г. (стр. 179).

40—41. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ И В. М. КАРЕПИНОЙ

Март—начало августа 1854. Семипалатинск

27 марта 1854 г. Достоевский сообщал брату: «Я писал тебе, недели три назад, письмо, которое ты, может быть, уже получил. В нем есть письмо к сестре Вареньке» (см. стр. 178). Позднее в письме от 12 августа 1854 г. М. М. Достоевский извещал А. М. Достоевского: «Брат Федор с января месяца служит *рядовым* в 7-м линейном батальоне, в Семипалатинске. Нам дозволено с ним переписываться, и мы довольно часто ме-

няемся письмами. <...> Он писал к сестре Вареньке, но я не знаю, отвечала ли она, хотя я, переслав его письмо к ней, и просил ее об этом» (*ЛН*, т. 86, стр. 374—375).

42—43. РОДСТВЕННИКАМ

Август 1854. Семипалатинск

21 августа 1854 г. — рапорт о пересылке двух писем Достоевского к родственникам через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение (*ЦГАОР*, ф III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 19).

44. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Октябрь 1854, до 23-го. Семипалатинск

23 октября 1854 г. — рапорт о пересылке письма Достоевского через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение с просьбой о передаче его «по принадлежности, если не встретится к сему особенных препятствий» (там же, л. 22).

45. РОДСТВЕННИКАМ

Первая половина ноября 1854. Семипалатинск

15 ноября 1854 г. — рапорт о пересылке письма Достоевского к родственникам через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение (там же, л. 24).

46. РОДСТВЕННИКУ

Ноябрь 1854. Семипалатинск

27 ноября 1854 г. — рапорт о пересылке письма Достоевского к родственнику через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение (там же, л. 25).

47—48. РОДСТВЕННИКАМ

Декабрь 1854, до 18-го. Семипалатинск

18 декабря 1854 г. — рапорт о пересылке двух писем Достоевского к родственникам через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение (там же, л. 26).

49. Е. М. НЕВОРОТОВОЙ

1854 г., начиная с марта. Семипалатинск

В статье Н. Феоктистова «Пропавшие письма Ф. М. Достоевского» приводится начальная фраза одного из писем Достоевского к молодой девушке, лотошнице, с которой он познакомился вскоре после отбытия каторжного срока и перевода его солдатом в Семипалатинск: «Она передала мне всю пачку. На первом, сверху лежащем письме я успел прочесть: „Милая Лизанька. Вчера я хотел увидеть Вас...“ В одном из углов стояла дата — 1854 г. Числа и месяца я не запомнил. Очевидно, заметив мой нескромно опущенный взгляд, Елизавета Михайловна быстро выхватила у меня из рук письма. — Довольно! Почерк посмотрел, а читать нельзя... Я убедился в одном: да, это были письма Ф. М. Достоевского. До этого я тщательно изучал имеющуюся в Семипалатинском областном музее небольшую рукопись Достоевского и теперь, сравнив с нею письма, убедился в их подлинности. Количество писем в пачке определить было трудно, но, судя по объему, в ней было не меньше 40—45 листов разного

формата» (см.: Сибирские огни, 1928, № 2, март—апрель, стр. 121). Письма эти, по свидетельству Н. Феоктистова, хранились корреспонденткой Достоевского до глубокой старости и были утрачены в период гражданской войны. Их читательницей, возможно единственной, оказалась племянница Неворотовой Н. Г. Никитина. В ответ на запрос Феоктистова она сообщила: «Письма были длинные, написанные одинаковым, но нервным почерком Достоевского. Были в них пояснения и ответы на письма Елизаветы Михайловны Неворотовой, которая, как сирота <...>, воспитывавшая большую семью сестер и братьев, считала этот крест непосильным, но, заглушая в себе свои интересы к жизни и возможному счастью, она считала жертву необходимой. <...> Достоевский <...> подкреплял ее в борьбе и неясности жизни и утешал ее тем, что задача ее велика» (там же, стр. 123—124).

1855

50. К. И. ИВАНОВУ

15 апреля 1855. Семипалатинск

Упоминается в письме к Е. И. Якушкину от 15 апреля 1855 г.: «Прилагаю при сем письмо к К. И. Иванову. Перешлите, пожалуйста, в Петербург, в дом Лисицына, у Спаса Преображения. Но, вероятно, адресс Вы сами знаете» (см. стр. 184).

51. В. М. КАРЕНИНОЙ

Март 1855, до 19-го. Семипалатинск

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 14 мая 1855 г.: «Я писал сестре Вареньке...» (стр. 185). По-видимому, именно это письмо было отправлено через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение 19 марта 1855 г. (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, I экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 29).

52. РОДСТВЕННИКУ

Май 1855, до 21-го. Семипалатинск

21 мая 1855 г. — рапорт о пересылке письма Достоевского к родственнику через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение (там же, л. 31).

53. М. Д. ИСАЕВОЙ

Вторая половина мая 1855. Семипалатинск

Неотправленное письмо к М. Д. Исаевой. Упоминается в письме к ней Достоевского от 4 июня 1855 г.: «Представьте себе: это уже второе письмо, что я пишу к Вам. Еще к прошедшей почте был у меня приготовлен ответ на Ваше доброе, задушевное письмо, дорогая Марья Дмитриевна. Но оно не пошло» (см. стр. 186).

54. РОДСТВЕННИЦЕ

Конец мая—начало июня 1855. Семипалатинск

4 июня 1855 г. — рапорт о пересылке письма Достоевского к родственнице через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1949, № 214, ч. 13, л. 32).

54а. РОДСТВЕННИКУ

Первая половина июня 1855. Семипалатинск

14 июня 1855 г. — рапорт о пересылке письма Достоевского родственнику тем же официальным порядком (там же, л. 33).

55—56. М. Д. ИСАЕВОЙ

14 августа 1855. Семипалатинск

Два письма Достоевского к Исаевой упоминаются в письме его к А. Е. Врангелю от 14 августа 1855 г.: «Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался <...> Несчастная Марья Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях <...> пошлите теперь с письмом, которое я прилагаю от себя к ней, ту сумму, о которой мы говорили» (стр. 190—191). И далее Достоевский пишет: «Не зная, застанет ли Вас это письмо в Барнауле и не пролежит ли до Вашего приезда, пишу к Марье Дмитриевне с этой же почтой другое письмо, которое посылаю завтра, *на ура*!» (стр. 192).

57. М. Д. ИСАЕВОЙ

Между 14 и 23 августа 1855. Семипалатинск

В письме к А. Е. Врангелю от 23 августа Достоевский, обрисовав тяжелое положение М. Д. Исаевой после смерти мужа, сообщает: «Я и ее уведомил, что вместо 50 посылаются 25» (см. стр. 195).

58. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Август 1855. Семипалатинск

29 августа 1855 г. — рапорт о пересылке письма Достоевского к «брату его» (вероятно, М. М. Достоевскому) через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1949, № 214, ч. 13, л. 34).

59—60. НЕУСТАНОВЛЕННЫМ ЛИЦАМ

Конец ноября—начало декабря 1855. Семипалатинск

5 декабря 1855 г. — рапорт о пересылке двух писем Достоевского через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение с просьбой о передаче их «по принадлежности, если не встретится к сему особенных препятствий» (там же, л. 36).

61. М. Д. ИСАЕВОЙ

Сентябрь—первая половина декабря 1855. Семипалатинск

Упоминается в письме священника Евгения Тюменцева, венчавшего Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаеву, к А. Голубеву от 30 мая 1884 г.: «Узнавши о смерти первого мужа Марии Дмитриевны, Ф<едор> М<ихайлович> писал ей оттуда, прося ее согласия на замужество с ним; согласие получено; в конце января 1857 года приезжает в Кузнецк и 6-го февраля 1857 года устраивает бракосочетание» (см. публикацию П. В. Бекедина: *Материалы и исследования*, т. VII). Датируется периодом между первыми сообщениями Достоевского в письмах к А. Е. Врангелю от 14 и 23 августа 1855 г. о смерти А. И. Исаева и необходимости оказать помощь его вдове и письмом к М. М. Достоевскому от 17 декабря 1855 г., в котором содержалось известие о возможной «перемене <...> участи» в случае осуществления «надежд», т. е. о предстоящей женитьбе на М. Д. Исаевой.

62. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Конец декабря 1855. Семипалатинск

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 13—18 января 1856 г.: «Пользуясь случаем писать тебе, друг мой. С прошлого года, когда я писал тебе с М. М. Х‹launch›ментовским›, я не мог найти, до сих пор, ни одной другой оказии. Теперь она представляется» (см. стр. 199).

1856

63—65. В. М. КАРЕПИНОЙ, В. М. ИВАНОВОЙ, А. А. КУМАНИНУ

Между 13—18 января 1856. Семипалатинск

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 13—18 января 1856 г.: «Я написал письма сестрам, дяде (у которого ничего не прошу), Иванову (см. *Список*, № 66, — *Ред.*), Майкову (см. письмо 104, — *Ред.*) и князю Одоевскому (см. *Список*, № 67, — *Ред.*)» (см. стр. 205).

66. К. И. ИВАНОВУ

Между 13—18 января 1856. Семипалатинск

Выше названо (см. *Список*, № 63—65), по всей вероятности, отправленное в Петербург (см. *Список*, № 50) письмо К. И. Иванову, в доме которого в Омске Достоевский вместе с Дуровым провел около месяца по выходе с каторги.

67. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Между 13—18 января 1856. Семипалатинск

В процитированном выше (см. *Список*, № 63—65) письме брату Достоевский, упомянув письмо В. Ф. Одоевскому, разъяснял: «Я прошу князя содействовать, когда я буду хлопотать о позволении печатать» (см. стр. 205).

68. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Конец февраля 1856. Семипалатинск

1 марта — рапорт о пересылке письма Достоевского через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение с просьбой о передаче его «по принадлежности, если не встретится к сему особенных препятствий» (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 39).

69. М. Д. ИСАЕВОЙ

18 марта 1856. Семипалатинск

В ответ на письмо М. Д. Исаевой о предполагаемом ее замужестве ввиду бедственного положения после смерти первого мужа Достоевский, по собственному признанию в письме к А. Е. Врангелю от 23 марта 1856 г., «написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное ‹...› Тут были и угрозы и ласки и униженные просьбы, не знаю что» (стр. 212). И далее: «Знаете, что я ей отвечал и чего прошу у нее? Вот что: что так как раньше окончания траура, раньше сентября то есть, она не может выйти замуж, то чтоб подождала и не давала *тому* решительного слова. Если же до сентября мое дело не уладится, то тогда, *пожалуй*, пусть объявит согласие» (стр. 218). Письмо Исаевой пришло, по словам Достоевского, незадолго до его письма к Врангелю, в «воскресенье», т. е. 18 марта 1856 г. В тот же день «вечером» он написал ответное письмо (см. стр. 211).

70. М. Д. ИСАЕВОЙ

Февраль—март 1856. Семипалатинск

Упоминается в письме к А. Е. Врангелю от 13 апреля 1856 г.: «На масленице я был кое-где на блинах, на вечерах, даже танцевал ‹...› Обо всем этом, о том, что я даже пускался танцевать, и о некоторых здешних *дамах* я написал Марье Дмитриевне» (см. стр. 230).

71. М. Д. ИСАЕВОЙ

Вторая половина марта 1856. Семипалатинск

В письме Достоевского к А. Е. Врангелю от 13 апреля 1856 г. вторично сообщается о письме к М. Д. Исаевой от 18 марта 1856 г. и упоминается еще одно письмо к ней, вероятно, посланное через неделю: «Получив это письмо, я написал письмо отчаянное, ужасное, которым растерзал ее, и еще другое в следующую почту» (см. стр. 231).

72. М. Д. ИСАЕВОЙ и Н. Б. ВЕРГУНОВУ

Апрель—первая половина июля 1856. Семипалатинск

Упоминается в письме к А. Е. Врангелю от 14 июля 1856 г.: «...сгубит она себя. Не знает она себя, а я ее знаю! По ее же вызову я решился написать *ему* всё, весь взгляд на вещи ‹...› Я написал письмо длинное ему и ей вместе. Я представил всё, что может произойти от неравного брака» (см. стр. 236).

73. И. В. ЖДАН-ПУШКИНУ

Первая половина июля 1856. Семипалатинск

Упоминается в письме к А. Е. Врангелю от 21 июля 1856 г.: «Я Вам писал, что просил Слуцкого похлопотать за Пашу и Ждан-Пушкина тоже просил и что от обоих получил ответы» (см. стр. 238; см. также в более позднем письме к Ждан-Пушкину от 29 июля 1857 г. — стр. 282).

74. Я. А. СЛУЦКОМУ

Первая половина июля—начало ноября 1856. Семипалатинск

В письмах к А. Е. Врангелю 1856 г. Достоевский упоминает одно или два своих обращения к полковнику Я. А. Слуцкому. 14 июля: «О Паше просил Слуцкого и других хлопотать в Омске, да еще о пособии» (см. стр. 237) и 9 ноября снова: «За сына она (М. Д. Исаева, — *Ред.*) хлопочет в корпус (я просил Слуцкого о нем, письменно, и он обещался сделать всё, что может)...» (см. стр. 243).

74а. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Начало сентября 1856. Семипалатинск

11 сентября 1856 г. — рапорт о пересылке письма Достоевского через штаб отдельного Сибирского корпуса и III отделение (*ЦГАОР*, ф. III отд. 109, 1 экс. 1849, № 214, ч. 13, л. 40).

75. А. А. ДЕ ГРАВЕ

Конец ноября—начало декабря 1856. Семипалатинск

Упоминается в письме Ч. Валиханова к Достоевскому от 5 декабря 1856 г. из Омска: «Анне Андреевне я отдал Ваше письмо: она, кажется, очень довольна» (см.: *Валиханов*, т. IV, стр. 46). По предположению В. Вай-

нермана, Достоевский откликался в этом письме на открытие в Омске по инициативе декабриста И. Д. Якушкина при поддержке А. А. де Граве первого женского училища (см.: *Материалы и исследования*, т. VI).

76. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ (СУСАННЕ)

Ноябрь—первая половина декабря 1856. Семипалатинск

Упоминается в письме к ней же от 22 декабря 1856 г.: «Да, конечно, если б Вы когда-нибудь приехали в Семипалатинск, то конечно не узнали бы его. Он даже обстроился лучше. Но правда Ваша: прошедшее всегда милее настоящего. Вы сами с грустью сознаетесь в том, говоря, что я Вам напомнил прошедшее письмом моим» (см. стр. 264).

77. А. А. КУМАНИНУ

Конец декабря 1856. Семипалатинск

Упоминается в письме к А. Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г.: «...с будущей почтой пишу в Москву к дяде <...> и прошу у него 600 руб. серебром» (см. стр. 253; см. также стр. 259, 263).

1857

78. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Первая половина января 1857. Семипалатинск

В ответном письме из Оренбурга от 20 января 1857 г. Плещеев писал: «Письмо это слишком вознаградило меня за Ваше долгое молчание <...> как-то больно и горько было мне думать, что те, кого я искренно и глубоко любил и люблю, могли обо мне забыть или перемениться ко мне. Теперь я спокоен на этот счет. Еще раз крепкое Вам спасибо за Вашу дружбу, за Ваше доверие. Дай-то бог, чтоб это письмо мое застало Вас женатым <...> Вы не поверите — как мне хотелось в ту минуту, когда я читал Ваше письмо, быть богатым! <...> нет большего счастья, как прийти на выручку в критических обстоятельствах человеку, которого любишь <...> Позавидовал я Вам, Федор Михайлович! Вы нашли то, к чему так напрасно и горячо рвалось мое сердце <...> Любящее, преданное существо, счастье домашней жизни <...> Пожмите от меня руку той, которой Вы обязаны счастьем <...> Присылайте мне, друг мой, всё, что Вы напишете. Будьте уверены, что напечатают с радостью. Я берусь за это <...> Только имени не подписывайте, а выставьте буквы или псевдоним» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 437—438).

79. А. А. и А. Ф. КУМАНИНЫМ

Около 23 февраля 1857. Семипалатинск

Упоминается в письме к В. М. Карепиной от 23 февраля 1857 г.: <...> дядюшке и тетушке я пишу с этой же почтой» (см. стр. 269).

80. А. П. ИВАНОВУ

1 июня 1857. Семипалатинск

В письме к Е. И. Якушкину от 23 ноября 1857 г. Достоевский упоминает письмо к А. П. Иванову от 1 июня 1857 г. как письмо, вернувшееся обратно и вновь отправленное (см. стр. 292 и *Список*, № 85).

81—83. Я. А. СЛУЦКОМУ, А. А. ДЕ ГРАВЕ, КАДЕТАМ

Конец июля 1857. Семипалатинск

В. Д. Констант Достоевский писал 31 августа 1857 г.: «О Паше писал я Ждан-Пушкину (от которого получил теплый, добродушный ответ и который встретил его как родного и поместил у себя), потом полковнику Слуцкому, человеку семейному и значительному в Омске, и жене генерал-майора *де Граве*, моей доброй знакомой, женщине благородной и умной. Я просил всех принять в Паше участие: все дали обещание. Были тоже посланы письма кадетам в старших классах, чтоб они приняли Пашу лучше» (стр. 284). Отправляя Пашу в Омск с сопровождающим Ляпухиным 29 июля 1857 г., Достоевский вручил последнему письмо о своем пасынке И. В. Ждан-Пушкину (письмо 127). Тогда же, вероятно, или несколько ранее были посланы и другие перечисленные здесь письма (скорей всего, речь идет именно о новых письмах в связи с отъездом Паши в Омск, а не о прежних, датируемых летом или осенью 1856 г.).

84. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Сентябрь 1857. Семипалатинск

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 3 ноября 1857 г.: «Между прочим, мне пришла неожиданная помощь, которая будет иметь влияние и на будущее. Эта помощь — Плещеев. Я с ним уже давно в переписке. ‹...› Месяца 2 назад он уведомляет меня, что получает наследство ‹...› пишет ко мне, что если мне надо денег, то он даст мне *сколько угодно* ‹...› Я отвечал, что возьму 1000 руб. сереб‹ром›» (см. стр. 290).

85. А. П. ИВАНОВУ

23 ноября 1857. Семипалатинск

Упоминается в письме к Е. И. Якушкину от 23 ноября 1857 г.: «И вот наконец пишу теперь к Вам, опять через Александра Павловича. В письме к нему я приложил все прежние письма и даже письмо Федора Крестьяновича. И потому Вы получите 2 письма: одно от 1-го июня, другое — это» (см. стр. 292).

1854—1857

86. Н. С. КРЫЖАНОВСКОЙ

1854—1857. Семипалатинск

В письме Н. С. Крыжановской к Достоевскому от 4 августа—10 сентября 1861 г. упоминается письмо к ней Достоевского, свидетельствующее о переписке между ними после отъезда писателя из Омска: «В ‹1›857 году имела счастье получить Ваше письмо из Семип‹алатинска› и вскоре благодарила Вас за Ваше драгоценнейшее внимание и надеялась, по Вашему обещанию, узнать подробно об окончании дел Ваших, но не имела уже от Вас никакого известия. Ожидала Вас, надеялась видеть и проститься с Вами, когда будете проезжать чрез Омск в Россию. Но, к сожалению, я не знала, когда Вы возвращались в Россию. Не могу Вам и выразить своей досады и горя, что я так долго ждала и не видела Вас. ‹...› Как я рада-то, рада сердечно, что желание Ваше исполнилось, что Вы на своем месте, в качестве писателя исполняете тот долг, для которого Вы призваны, для которого Вам даны способности и силы. ‹...› Ваши дорогие письма храню как завет, полные участия и сожаления к судьбе моей, Ваши религиозные слова „бог не оставит“ сбылись ‹...› По высочайшему

повелению я удостоилась ежегодного пособия по 114 рублей сереб‹ром› ‹...› Ольга при мне, которую Вы знали и удостоили своим приветом, и ей уже 16-ть лет» (*Достоевский и его время*, стр. 251—252).

1858

87. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

3 мая 1858. Семипалатинск

В ответном письме из Оренбурга от 30 мая 1858 г. Плещеев писал: «Добрый и уважаемый Федор Михайлович. Из последнего письма Вашего ‹*сноска Плещеева*: от 3-го мая и которое я получил только сейчас; следовательно, оно шло 27 дней! Ведь это ужас что такое!› я вижу, что Вы получили только одно мое, а другое еще не дошло до Вас, а там-то именно я и отвечал Вам на кое-какие подозрения, явившиеся у Вас ‹...› Непременно постараюсь увидеть всех — о ком Вы пишете. У брата Вашего тоже буду ‹...› Душевно рад, что Вы получили наконец письмо от Каткова ‹...› с тем, что Вы говорите о таланте Некрасова, я не совсем согласен... В нем есть и любовь, есть сочувствие ко всему, что угнетено и страждет... Особливо последние его пьесы проникнуты более кротким примирительным чувством ‹...› Относительно денег ‹...› если будет хотя малейшая возможность, то верьте, что я не заставлю напомнить себе о присылке ‹...› Мне самому бы хотелось о многом с Вами поговорить — да когда это будет, господь знает» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 440—441).

88. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

28 июня 1858. Семипалатинск

В ответном письме от 4 августа 1858 г. из Петербурга Плещеев сообщал: «Письмо Ваше от 28 июня (*в тексте ошибочно*: июля, — *Ред.*) получил я довольно поздно, ровно через месяц ‹...› Неужели к сентябрю-то Вы не получите отставки... грустно, право. А главное, то скверно, что Вы всё больны ‹...› На днях хочу навести о Вашем деле справку в 3-м отделении ‹...› Дела мои по наследству всё еще не кончились. Обещают, однако же, в конце августа выслать деньги. Я просил Михаила Михайловича написать Вам, что употреблю все усилия, чтобы не заставить Вас долго ждать присылкой денег ‹...› Иванова, женатого на Вашей сестре, не мог отыскать в Москве ‹...› Катков с ним не знаком, хоть Вы мне писали, что знаком» (*ЛА*, № 6, стр. 256).

89. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

13 сентября 1858. Семипалатинск

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 13 сентября 1858 г.: «Плещеев мне писал ‹...›, что, может быть, вышлет не всё, что я просил (1000 р.), а половину (500 р.), а другую половину после ‹...› Прилагаю письмо к Плещееву» (см. стр. 315—316).

90. А. Г. КУШЕЛЕВУ-БЕЗБОРОДКО

13 сентября 1858. Семипалатинск

13 сентября 1858 г. Достоевский писал брату: «Друг мой, прилагаю еще письмо к графу Кушелеву. Он сам писал мне назад тому месяц учтивое письмо, и хотя оговаривался, что не желает торопить меня, но ведь понятно, что ему нужна статья ‹...› Я отвечаю в его тоне» (см. стр. 316—317).

91. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Октябрь 1858. Семипалатинск

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 13 декабря 1858 г.: «Уведомлял я тебя в октябре, что 8-го ноября непременно вышлю тебе повесть. Но вот уже декабрь, а моя повесть не кончена» (см. стр. 319). Речь идет о «Дядюшкином сне».

1859

92. М. Н. КАТКОВУ

Январь 1859. Семипалатинск

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 14 марта 1859 г.: «Отослав повесть Кушелеву, я тотчас же сам уведомил об этом Каткова ‹...› думая кончить обе вещи к сроку...» (см. стр. 322).

93. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Январь—начало февраля 1859. Семипалатинск

10 февраля 1859 г. Плещеев писал Достоевскому из Петербурга: «Я получил Ваше письмо, заключающее в себе отзыв о моих стихах, и приношу Вам мою сердечную благодарность ‹...› Читал я Ваш роман («Дядюшкин сон», — *Ред.*). Вы требуете от меня откровенного отзыва. Если он что-нибудь значит для Вас, извольте ‹...› Мой искренний сердечный привет жене Вашей. Благодарите ее за хороший отзыв о стихах» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 442—443).

94. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

14 марта 1859. Семипалатинск

В письме к М. М. Достоевскому от 14 марта 1859 г. Достоевский, сообщив, что ему необходимо еще срочно «ответить Плещееву», обращался к брату с просьбой: «Если Плещеев в Москве, отошли ему мое письмо немедля» (стр. 321, 322).

95. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

После 18 марта 1859. Семипалатинск

9 мая 1859 г. Достоевский сообщал брату: «Я писал уже тебе, что отставка моя вышла в Петербурге, в высочайшем приказе, 18 марта, но она только что здесь получена...» (см. стр. 324).

96—97. М. Н. КАТКОВУ

Март 1859 и 11 апреля 1859. Семипалатинск

В письме к М. М. Достоевскому от 11 апреля 1859 г. упоминаются два письма Достоевского к М. Н. Каткову в связи с первоначально предназначавшимся для «Русского вестника» «Селом Степанчиковым...»: «Я пишу Каткову, чтоб выслал еще 200 руб. и что буду ждать от него до 15 июня. А там уж нельзя ждать, выеду. Писал ему тоже о 100 рублях с листа. Каков-то будет ответ? Он на меня сердится и не отвечал на мое последнее письмо» (см. стр. 323; см. также наст. изд., т. XXVIII, кн. 2, письмо 267, стр. 140).

98. Г. А. КУШЕЛЕВУ-БЕЗБОРОДКО

Апрель—начало мая 1859. Семипалатинск

В письме к М. М. Достоевскому от 9 мая 1859 г. говорится: «С прошлою почтой я писал Кушелеву. Надо было уведомить о получении денег. ‹...› Насчет же *участия* в его журнале ‹...› я написал ему, что желал бы прежде всего видеть его и переговорить с ним лично» (см. стр. 325).

99. В РЕДАКЦИЮ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

1 июля 1859. Семипалатинск

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 1 июля 1859 г.: «...вот тебе обещанное письмо с приложением писем, кому следует. ‹...› Прочти все эти письма внимательно. Я прикидываюсь, что не знаю имен теперешних редакторов. Я думаю, бесценный друг мой, что ты меня не осудишь за эту выходку. Но ведь со мной поступили совершенно по-мужицки» (см. стр. 329).

100. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

18—19 августа 1859. Тверь

В письме М. М. Достоевского от 19 августа мы читаем: «Нынче в половине пятого после обеда получил я от тебя депешу, бесценный друг мой, и совсем было собрался ехать к тебе завтра же, но по зрелом соображении отложил поездку на неделю» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 509—510).

101. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Между 19 и 24 августа 1859. Тверь

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 24 августа: «...получил ли ты, голубчик мой, мое письмо, которое я послал тебе в ответ на твое первое?» (см. стр. 330).

102. А. П. МИЛЮКОВУ

Конец августа—первая половина декабря 1859. Тверь

В письме к М. М. Достоевскому от 24 августа 1859 г. говорится о получении «вчера» письма от А. П. Милюкова со статьей, отправленных из Петербурга в Семипалатинск 5 июня 1859 г. и пересланных оттуда в Тверь, и необходимости ответить ему: «Прошу тебя, милый мой, напиши мне, как зовут Милюкова по имени и отчеству; я забыл. Мне очень хочется ему как можно скорее ответить» (см. стр. 331). О переписке с Достоевским в период его пребывания в Твери свидетельствует и А. П. Милюков в своих мемуарах: «В Твери Достоевский прожил несколько месяцев. Он готовился возобновить свою литературную деятельность, прерванную каторгой, и много читал. Мы посылали ему журналы и книги. Между прочим, по просьбе его, я отправил к нему „Псалтырь“ на славянском языке, „Коран“ во французском переводе Казимирского и „Les romans de Voltaire“ ‹романы Вольтера (*франц.*)›» (*Милюков*, стр. 208).

103—103а. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Начало сентября 1859. Тверь

М. М. Достоевский из Москвы сообщал в письме от 7 сентября 1859 г.: «2 письма [твои], что ты переслал ко мне, я вчера получил. Благодарю. Напишу к тебе, когда буду выезжать отсюда. До свидания» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 513).

104. Н. А. НЕКРАСОВУ

Первая половина сентября 1859. Тверь

21 сентября 1859 г. М. М. Достоевский писал из Петербурга: «Я забыл написать тебе, что письмо твое к нему (Некрасову, — *Ред.*) и роман я оставил у него еще в первое мое посещение». Речь идет о предполагавшейся публикации «Села Степанчикова» в «Современнике» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 515). Первый визит М. М. Достоевского к Некрасову состоялся 16 сентября 1859 г. (см. там же, стр. 513).

105. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Конец сентября 1859. Тверь

Упоминается в письме к М. М. Достоевскому от 1 октября 1859 г.: «Дорогой мой Миша, письмо твое я получил вчера уже после того, как отправил тебе мое, с упреками. Дело в том, мой друг, что я совершенно было упал духом, не получая от тебя ничего» (см. стр. 339). Причина беспокойства Достоевского — как встретит редакция «Современника» «Село Степанчиково». Отвечая одновременно на оба письма Достоевского от 1 октября и от конца сентября, до нас не дошедшее, М. М. Достоевский писал 2 октября из Петербурга: «Ты не получаешь от меня писем и начинаешь предполагать самые нелепые причины. И заболел-то я, и ленюсь-то я (пусть Федя напишет — экой ведь обидчик), и Некрасов-то стал торговаться и вести со мною какие-то нелепые переговоры. Не проще ли было предположить, что я сам жду какого-нибудь результата, то есть что Некрасов не едет, — оттого не пишу тебе. Нет — вот самую-то простую причину вечно и обойдешь ты. Точно так же как и в нынешнем письме, но об этом после» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 517).

106. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Между 2 и 9 октября 1859. Тверь

В письме от 9 октября 1859 г. Достоевский спрашивает брата: «...не знаю, обратил ли ты, дорогой мой, внимание на последнее письмо мое, в котором я говорил тебе, что хочу написать „Записки из Мертвого дома" (о каторге), — и тогда же просил тебя закинуть об этом словечко Некрасову и Краевскому?» (см. стр. 348).

107—109. В. М. КАРЕНИНОЙ, В. М. ИВАНОВОЙ, А. М. ГОЛЕНОВСКОЙ

Сентябрь 1859, до 19. Тверь

Упоминаются в письме к М. М. Достоевскому от 19 сентября 1859 г.: «К сестрам написал». 9 октября 1859 г. Достоевский сообщал ему же: «Сестрам писал, напишу еще» (см. стр. 336, 352). Достоевский обычно писал в Москву двум старшим сестрам — В. М. Карениной и В. М. Ивановой, но на этот раз он, возможно, написал и в Петербург младшей сестре — А. М. Голеновской, приславшей ему деньги на подарок (см. письмо 152, примеч. 4).

110—111. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Первая половина октября 1859. Тверь

Отвечая на два письма Достоевского, Плещеев из Москвы писал 14 октября 1859 г.: «Добрый мой Федор Михайлович. Мне невыразимо досадно, что Вы не получили моего ответа на Ваше первое письмо; ответа, отправленного на другой же день ‹...› Вы спрашиваете меня, как я писал — через 3-е отделение Собств‹енной› Канц‹елярии› или прямо? Я писал прямо...» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 445).

112. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

15 или 16 октября 1859. Тверь

Упоминается в ответном письме М. М. Достоевского от 17 октября 1859 г. из Петербурга: «Нынче получил я письмо от тебя. Ты пишешь о деньгах. Вероятно, ты уже получил 50 р., которые я послал тебе еще в четверг» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 524).

113. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Между 14 и 19 октября 1859. Тверь

Получив от Достоевского еще одно письмо (см. выше, № 110—111), Плещеев из Москвы писал 19 октября 1859 г.: «Исполняю Ваше требование, мой добрый Федор Михайлович, и сообщаю дальнейшие подробности о моих письмах к государю ‹...› С Вашим романом творятся действительно курьезные вещи. Мое мнение — отдавать его туда, где больше платят. Если роман хорош, он прочтется и в новом журнале. ‹...› Отчего Вы думаете, что он мне не понравится? И что Вы разумеете под словами: *мало любви...*» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 447).

114. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

23, 24 или 25 октября 1859. Тверь

В двух письмах из Петербурга от 26 октября (второе помечено: «вечер») М. М. Достоевский сообщал: «Роман печатается; на днях пришлют мне корректуры. Поправки все твои будут сделаны». И в другом письме: «Все исправления, следуя твоим указаниям, будут сделаны» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 527—528).

115. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

Конец октября 1859, до 26 включительно. Тверь

В ответном письме из Москвы от 27 октября 1859 г. Плещеев писал: «Благодарю Вас за последнее письмецо Ваше, в котором Вы изложили мне подробно содержание Вашего романа. Буду нетерпеливо ждать его появления. ‹...› Вы говорите, что будете с братом издавать газету. ‹...› О долге не тревожьтесь ‹...› Относительно издания Ваших повестей — поговорю, если хотите, со Щепкиным. .» (*ЛА*, № 6, стр. 261—262).

116. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Около 9 ноября 1859. Тверь

В письме от 9 ноября 1859 г. из Петербурга М. М. Достоевский сообщал: «Несколько дней уже я не писал к тебе, милый брат. Разные были тому причины...» М. М. Достоевский излагает далее дошедшие до него «слухи» о скором приезде брата в Петербург и заключает: «Вот мы тебя все и ждали, пока не пришло письмо твое» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 529).

117. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

14 или 15 ноября 1859. Тверь

Упоминается в ответном письме М. М. Достоевского из Петербурга от 16 ноября: «Милейший друг мой, твои два письма я получил, и хотя уже поздно (12 часов ночи), но мне хочется хоть немного написать тебе» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 531). Одно письмо сохранилось — см. письмо к М. М. Достоевскому от 12 ноября 1859 г. (169). Второе, нам неизвестное, было, по всей вероятности, отправлено 14 или 15 ноября.

118. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

19—22 ноября 1859. Тверь

В ответном письме от 23 ноября 1859 г. из Петербурга М. М. Достоевский писал: «Это ты очень хорошо сделал, что написал второй раз к князю Д‹олгорукову›. Я не сомневаюсь, что ответ ты получишь скоро. Что же касается до письма твоего государю, то всего вероятнее, что оно еще не передано. Иначе ты давно получил бы уж ответ в том или другом смысле. Если получишь позволение приехать на время в Петерб‹ург›, то не медли, пожалуйста. Так сильно хочется всем нам обнять тебя. ‹...› Что это за мрачное настроение, в котором ты, голубчик, находишься? Ты даже написал мне такое слово, которое я и повторить не решаюсь. Полно, голубчик мой, вооружись терпением. Знаю, милый, что тебя мучит, знаю. Ради бога, будь бодрее» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 532).

119. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

10 декабря 1859. Тверь

13 декабря 1859 г. А. Н. Плещеев писал из Москвы: «Любезный мой Федор Михайлович. Письмо твое из Твери, от 10-го — я получил только 13-го (?); почему так поздно — не знаю. Стало быть — не вини меня, если ответ ты уже получишь в Петербурге. Я тотчас же послал за Нилом (Основским, — *Ред.*) — и он сказал мне следующее...» Далее идет изложение условий продажи Основскому «сочинений» Достоевского. Затем: «Восторга твоего относительно драмы Писемского («Горькая судьбина», — *Ред.*) не разделяю и ставлю „Грозу“ неизмеримо выше ‹...› Жду нетерпеливо разбора твоего „Грозы“...» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 448—449).

120—121. М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

14 и 15 декабря 1859. Тверь

Отвечая на два письма, М. М. Достоевский писал 16 декабря 1859 г. из Петербурга: «Утром мне принесли твое *второе* письмо от 15-го, а вечером *первое* от 14-го. Не могу объяснить себе этого факта.

Итак, ты захворал, голубчик мой. У тебя готовилось воспаление в кишках; я раза три вынес эту болезнь. Лечили тем же, что и тебя ‹...› Дай бог тебе поскорей выздороветь, единственный друг мой. Мы все и твои знакомые ждем тебя с крайним нетерпением» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 533).

122. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

18 или 19 декабря 1859. Тверь

В ответном письме от 20 декабря из Москвы А. Н. Плещеев сообщал: «Письмо твое получил нынче вечером; гости помешали мне отвечать тебе тотчас же по получении письма ‹...› Нил у меня сидел нынче вечером ‹...› Я сказал, что у тебя листов 50 «Отеч‹ественных› записок»; но может быть и соврал. Затерялось письмо твое, где ты объяснил всё подробно (вероятно, письмо от 10 декабря — см.: *Список*, № 119, — *Ред.*)» (*Д, Материалы и исследования*, стр. 450).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

---

[1] Цифры соответствуют номерам писем.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ПРЕБЫВАНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО С 1832 ПО 1859 Г.[1]

1832.	Москва — январь—первая половина апреля.
1832.	Даровое — вторая половина апреля—осень.
1832—1837.	Москва — осень 1832—май 1837.
1837—1838.	Петербург — май 1837—10 июня 1838.
1838.	Петергоф — 11 июня—15 августа.
1838—1839.	Петербург — 16 августа 1838—21 июня 1839.
1839.	Петергоф — 22 июня—7 августа.
1839—1840.	Петербург — 8 августа 1839—июль 1840.
1840.	Петергоф — июль—август.
1840—1841.	Петербург — август 1840—июль 1841.
1841.	Петергоф — июль—август.
1841—1842.	Петербург — 18 августа 1841—20 июня.
1842.	Колтуши — 21 июня—начало августа 1842.
1842—1843.	Петербург — август 1842—20 июня 1843.
1843.	Ревель — 21 июня—июль.
1843—1845.	Петербург — август 1843—июнь 1845.
1845.	Ревель — июнь—начало сентября.
1845—1846.	Петербург — сентябрь 1845—23 мая 1846.
1846.	Ревель — 24 мая—конец августа.
1846—1847.	Петербург — сентябрь 1846—май 1847.
1847.	Парголово — июнь—август.
1847—1848.	Петербург — сентябрь 1847—май 1848.
1848.	Парголово — июнь—август.
1848—1849.	Петербург — сентябрь—24 декабря 1849.
1849—1850.	Дорога в Тобольск — 25 декабря 1849—9 января 1850.
1850.	Тобольск — 10 января—20 января.
1850—1854.	Омск — 23 января 1850—конец февраля 1854.
1854—1855.	Семипалатинск — 2 марта 1854—июль 1855.
1855.	Змеиногорск — июль, пятидневная поездка.
1855—1856.	Семипалатинск, июль 1855—июль 1856.
1856.	Пос. Озерный — июль—август.
1856.	Барнаул — 25—30 ноября.
1856—1857.	Семипалатинск — декабрь 1856—27 января 1857.
1857.	Кузнецк — 27 января—19 февраля.
1857—1859.	Семипалатинск — 20 февраля 1857—1 июля 1859.
1859.	Дорога в Тверь — 2 июля—18 августа.
1859.	Тверь — 19 августа—16 декабря.

[1] Даты указываются по старому стилю.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (Москва).
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Печатные источники

Анненков — П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.
Бальзак — О. Бальзак. Собрание сочинений в 15-ти томах. Гослитиздат, М., 1951—1953.
БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Бельчиков — Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. Изд. «Наука», М., 1971.
Библиография — Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965. Изд. «Книга», М., 1968.
Библиотека — Л. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С прилож. каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. 1).
Валиханов — Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. Изд. «Наука» Казахск.ССР, Алма-Ата, 1968, т. IV.
Волоцкой — М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевского. 1506—1933. Изд. «Север», М., 1933.
Вольф, Хроника — А. И. Вольф. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877—1884, чч. I—III.
Врангель — А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг. СПб., 1912.
Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР, М., 1954—1956.
Гозенпуд — А. Гозенпуд. Достоевский и музыка. Изд. «Музыка», Л., 1971.
Григорович — Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1961.
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пг., 1922.
Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. Гос. изд. иностр. и нац. словарей. М., 1955.

Дело петрашевцев — Дело петрашевцев. Тт. I—III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937—1951.

Д, Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Изд. АН СССР, Л., 1935.

Достоевская, А. Г. Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», М., 1971.

Достоевская, Л. Ф. — Достоевский в изображении его дочери Л. Ф. Достоевской. ГИЗ. М.—Л., 1922.

Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. Изд. «Художественная литература», М., 1964.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1971.

Достоевский — художник и мыслитель — Достоевский — художник и мыслитель. Сб. статей. Изд. «Художественная литература», М., 1972.

Д, Переписка с женой — Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. Изд. «Наука», Л., 1976.

Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ — «Academia»—Гослитиздат, М.—Л., 1928—1959.

Звенья — Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв. Тт. I—IX. Изд. «Academia»—Госкультпросветиздат, М.—Л., 1932—1951.

И — «Иллюстрация» (газета).

ИВ — «Исторический вестник» (журнал).

Из архива Достоевского — Из архива Достоевского. Письма русских писателей. Под ред. Н. К. Пиксанова. Коммент. Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова. ГИЗ, М.—Пг., 1923.

Кирпотин — В. Я. Кирпотин. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821—1859). Гослитиздат, М., 1960.

Кирпотин, Достоевский и Белинский — В. Я. Кирпотин. Достоевский и Белинский. Изд. «Художественная литература», М., 1976.

Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы — В. Я. Кирпотин. Достоевский в шестидесятые годы. Изд. «Художественная литература», М., 1966.

Комарович — В. Комарович. Юность Достоевского. — «Былое», 1924, № 23, стр. 3—43.

ЛА — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения, тт. 1—6. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938—1961.

ЛГ — «Литературная газета».

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—92. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1931—1984. Издание продолжается.

М — «Москвитянин» (журнал).

Материалы и исследования — Достоевский. Материалы и исследования. Тт. I—VI. Под ред. Г. М. Фридлендера. Изд. «Наука», Л., 1974—1983.

Мартьянов — П. К. Мартьянов. Дела и люди века. Из старой записной книжки, статьи, заметки. СПб., 1896, т. 3.

Милюков — А. П. Милюков. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890.

Михневич — Вл. Михневич. Петербург весь на ладони. СПб., 1874.

НВр — «Новое время» (газета).

Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.

Некрасов, ПСС — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. «Наука», Л., 1981 — (издание продолжается).

Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. Изд. «Наука», М., 1972.

Нечаева, В семье и усадьбе Достоевских — В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских. (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., Соцэкгиз, 1939.

Нечаева, Ранний Достоевский — В. С. Нечаева. Ранний Достоевский. Изд. «Наука», М., 1976.
ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).
Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центр. гос. архив литературы и искусства СССР—Институт русской литературы АН СССР).
Панаева — А. Я. Панаева. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», М., 1972.
Петрашевцы в воспоминаниях — Петрашевцы в воспоминаниях современников. Госиздат, М., 1926.
Письма Михаила Достоевского к отцу — К. А. Кумпан, А. М. Конечный. Письма Михаила Достоевского к отцу. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. «Наука», Л., 1981, стр. 69—87.
Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937—1959.
РА — «Русский архив» (журнал).
РБ — «Русская беседа» (журнал).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РВед — «Русские ведомости» (газета).
РИ — «Русский инвалид» (газета).
РиП — «Репертуар и пантеон» (журнал).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РС — «Русская старина» (журнал).
РСл — «Русское слово» (журнал).
С — «Современник» (журнал).
Сб. Достоевский, I — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник I. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Пб., 1922.
Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Л.—М., 1924.
СП — «Северная пчела» (газета).
СПбВед — «Санктпетербургские ведомости» (газета).
Список — Список несохранившихся и ненайденных писем 1835—1859 годов.
Творчество Достоевского, 1921 — Творчество Ф. М. Достоевского. 1821—1881—1921. Сборник статей и материалов. Всеукргиз, Одесса, 1921.
Творчество Достоевского — Творчество Ф. М. Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1959.
Туниманов — В. А. Туниманов. Творчество Достоевского 1854—1862. «Наука», М.—Л., 1979.
Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР— «Наука», М.—Л., 1961—1968.
Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1960—1968.
Тургенев, Сочинения. Изд. 2 — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения в двенадцати томах. Изд. 2-е, испр. и доп. «Наука», М., 1978—1985.
ФВ — «Финский вестник» (журнал).
Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.
Фридлендер, У истоков «почвенничества» — Г. М. Фридлендер. У истоков «почвенничества». (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч»). — «Известия АН СССР». Серия литературы и языка, 1971, № 5, стр. 411—416.
Фридлендер, Эстетика Достоевского — Г. М. Фридлендер. Эстетика Достоевского. — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель. Изд. «Художественная литература», М., 1972, стр. 97—164.
Шестидесятые годы — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том XXVIII, книга 1

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *И. А. Корзинина*, *Г. И. Суворова* и *К. С. Фридлянд*

Сдано в набор 7.12.84. Подписано к печати 17.04.85. Формат 60×90 1/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 34.50 + 0.12 вкл. Усл. кр.-отт. 35.62. Уч.-изд. л. 39.82. Тираж 55 000. Изд. № 8866. Тип. зак. 2162. Цена 4 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.